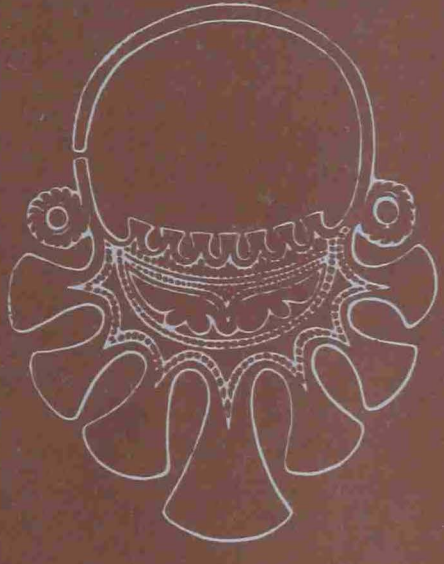
ISSN 0038—5034

Российская Археология



1992

3

Российская академия наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. А. Плетнева (главный редактор),

А. А. Аскаров, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. В. Виноградов, В. И. Гуляев (зам. главного редактора),
А. П. Деревянко, О. М. Джапаридзе, Г. А. Кошеленко,
В. П. Любин, Т. И. Макарова, В. М. Массон,
Н. Я. Мерперт, Э. С. Мугуревич, Р. М. Мунчаев,
В. С. Ольховский (отв. секретарь), Т. М. Потемкина,
Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, П. П. Толочко, В. Л. Янин

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

В связи с громадными изменениями, произошедшими в нашей стране, а также последовавшими за этим изменениями в АН СССР и переименованием ее в Российскую академию наук, наш академический журнал отныне будет называться «Российская археология».

Это ни в коей мере не означает кардинальных изменений ни в общей направленности журнала, ни, тем более, в национальном составе редколлегии и авторов. Журнал по-прежнему будет принимать и печатать статьи ученых всего мира и прежде всего, конечно, археологов государств, ранее входивших в СССР, поскольку научные интересы наших авторов и читателей выходят далеко за географические рамки России. Многие российские археологи в течение всей своей жизни занимались археологией как сопредельных, так и далеких от нас стран: от Украины и Молдовы до Средней Азии, Закавказья, Сирии и Мезоамерики. Будем надеяться, что и в последующие годы они продолжат свои исследования. В то же время открытия и находки, новые концепции и методологические изыскания ученых всех стран и государств Европы, Азии и Америки столь же важны и интересны для всех нас, как и исследования российских ученых.

Мы хотим, чтобы «Российская археология» была журналом, достойно отражающим важнейшие направления и достижения современной археологии.

Главный редактор С. А. Плетнева

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

1992 3

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан
в январе 1957 г.

Выходит
4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Гурина Н. Н. Наскальные изображения Кольского полуострова 5
Тощев Г. Н. Белозерский могильник Будуржель в Подунавье 19
Вивденко С. В. Об особенностях технологии бактрийской скульптуры эпохи Кушан 31
Завойкин А. А. Классификация фрагментов самосских амфор из Фанагории . . 40
Вагнер Г. К. К вопросу о декоре Георгиевского собора 1230—1234 г. 57
Фрумкина М. А. К вопросу о сейсмозащите древних сооружений 60

Памяти В. П. Алексеева

Амирханов Х. А. Валерий Павлович Алексеев (1929—1991) 67

Дискуссии

Медведская И. Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток 86
Мансфельд Г. Опыт периодизации скифских древностей 108

Публикации

Пясецкий В. К. Мустьерский культурный слой палеолитического местонахождения Жорнов и некоторые вопросы стратиграфии палеолита 113
Герасименко Н. П., Колесник А. В. Археологическое и стратиграфическое изучение стоянки Белокузьминовка (Донбасс) в 1986 г. 127
Неприна В. И., Супрунепко А. Б., Гавриленко И. Н. Жилище на мезолитической стоянке Посулья Вязовок 4 а 136
Каверзнева Е. Д. Шагарский могильник конца III — начала II тысячелетия до н. э. в Центральной Мещере 147
Санжаров С. Н. Каменные сверленые топоры-молотки Донбасса 160
Власкин М. В., Ильюков Л. С. Каменные песты и ступы катакомбной культуры Нижнего Дона 178
Ольховский В. С., Ложкин М. Н. К истории монументального искусства древнего населения Предкавказья 195
Рыжов С. Г. Бронзовая статуэтка Исиды из Херсонеса 206

© Отделение истории РАН, Институт археологии РАН,
Издательство «Наука»,
«Российская археология», 1992 г.

Заметки

Беляева Е. В., Левковская Г. М., Харитонов В. М. Новые данные о мустьерских обитателях Губского ущелья (Прикубанье) 214
Артемьев А. Р., Гайдуков П. Г. Лук XIII в. из Новгорода 218

История науки

Бердинских В. А. Археология и кладоискательство в Вятском крае XIX века (по материалам Вятского статистического комитета) 221
Жервэ Н. Н. Деятельность новгородских краеведов-археологов по изучению и охране памятников древности во второй половине XIX в. 225

Критика и библиография

Буров Г. М. *Стоколос В. С.* Древние поселения Мезенской долины. М., 1986; Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988 236
Артемьев А. Р. *Казакявичус В. К.* Оружие балтских племен II—VIII веков на территории Литвы. Вильнюс, 1988 246
Трунаева Т. Н. Asko Parpola. The Coming of the Aryans to Iran and India and the Cultural and Ethnic Identity of the Dasas//Studia Orientalia. V. 64. Helsinki, 1988 249
Вишняцкий Л. Б., Зуев В. Ю., Колпаков Е. М., Платонова Н. И., Тункина И. В. *Bruce G. Trigger.* A history of archaeological thought. Cambridge, 1989. XIII. 251
Носов Е. Н. *Kolchin B. A.* Wooden Artefacts from Medieval Novgorod. Translated from the Russian. Pt. I. Text. Pt II. Illustrations/Ed. supervision Chernetsov A. V.//British Archaeological Reports. International Series. 495 (I) and 495 (II). Oxford, 1989 262

Хроника

Борзунов В. А., Корякова Л. Н., Федорова Н. В. Семинары по проблемам археологии раннего железного века и средневековья Зауралья и Западной Сибири (Екатеринбург, 1989, 1990) 265
Могильников В. А. Вторые Смирновские чтения (Йошкар-Ола, 1991) 268
Матюшин Г. Н. Научная конференция «Взаимодействие общества и природы: факты и концепции» (Москва, 1990) 272
Тихонов И. Л., Платонова Н. И. Научный семинар «Проблемы истории и историографии археологической науки» 276
Цетлин Ю. Б. Совещание «Керамика как исторический источник (подходы и методы изучения)» (Самара, 1991) 279
Алексеев Л. В. Юбилейная сессия в Гродненском музее (1990) 281
Лопатин Н. В., Милютина Н. Н. Конференция «Славянская археология — 1990 (к VI Международному конгрессу славянской археологии)» (Псков, 1991) 283
Праслов Н. Д. Памяти Павла Иосифовича Борисковского (1911—1991) 288
Смагулов Е. А. Памяти Сержана Мусатаевича Ахинжанова (1939—1991) 297

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

1992 3

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

Editor–in–Chief
S. A. Pletneva

Founded in 1957
Published quarterly

CONTENTS

Gurina N. N. The Petrogliphs of Kolsky peninsula 5
Toshchev G. N. The Cemetery of Belozersk type Budurzhel in Danube region . 19
Vivdenko S. V. About the Technological Peculiarities of Kushan Bactria Sculpture 31
Zavoykin A. A. A Classification of Samian Amphorae Fragments from Phanagoria 40
Vagner G. K. About the decorum of Georgievsky Cathedral 1230—1234 . . 57
Frumkina M. A. About the Antiseismic Element of Ancient Constructions . . 60

In Memory of V. P. Alexeev

Amirkhanov Kh. A. Valery Pavlovich Alexeev (1929—1991) 67

Discussions

Medvedskaya I. N. The Periodisation of the Scythian Archaic Period and the Ancient Orient 86
Mansfeld G. On the Periodisation of the Scythian Antiquities 108

Publications

Pyasetsky V. K. The Mousterian Culture Level of the Palaeolithic Site of Zhornov and Some Questions of Palaeolithic Stratigraphy 113
Gerasimenko N. P., Kolesnik A. V. Archaeological and Stratigraphical Study of Belokuzminovka Camp (Donbass) 127
Neprina V. I., Suprunenko A. B., Gavrilenko I. N. The Dwelling on Mesolithic Camp Vyazovok 4a in Sula Basin 136
Kaverzneva E. D. Shagarsky Cemetery 147
Sanzharov S. N. Stone Boring Axes — Hammers from Donbass 160
Vlaskin M. V., Ilyukov L. S. Stone Stampers and Mortars of Catacomb Culture in the Lower Don 178
Olkhovsky V. S., Lozhkin M. N. On the Monumental Art of Ancient Population of Pre-Caucasus 195
Ryzhov S. G. A Bronze Figurine of Isis from Khersones 206

Notes

Belyaeva E. V., Levkovskaya G. M., Kharitonov V. M. New data about Mousterian inhabitants of Gubskoe gorge 214
Artemiev A. R., Gaidukov P. G. The Bow of XIII Century from Novgorod 218

History of Science

Berdinskikh V. A. Archaeology and Robbery-Diggings in Vyatka Area in the 19th Century (According to the Materials of the Statistics Commitee) 221
Zherve N. N. The Activity of Novgorodian Students of Local Lore and Archaeologists Aimed at Study and Protection of Antiquities in Late 19th Century 225

Book Reviews and Bibliography

Burov G. M. *Stokolos V. S.* The Ancient Settlements of the Mezen Vallay. Moscow, 1986. The Cultures of the Early Metals Period in the Northern Urals. Moscow, 1988 236
Artemyev A. R. *Kazakyavichus V. K.* Balt Tribes Weapons in Lithuania territory in the 2nd — 8th Centuries A. D. Vilnius, 1988 246
Trunaeva T. N. Asko Parpola. The Coming of the Aryans to Iran and India and the Cultural and Ethnic Identity of the Dasas//Studia Orientalia. Helsinki, 1988 249
Vishnyatsky L. B., Zuev V. Yu., Kolpakov E. M., Platonova N. I., Tunkina I. V. *Trigger B. G.* A History of achaeological Thought. Cambridge, 1989 251
Nosov E. N. *Kolchin B. A.* Wooden Artefacts from Medieval Novgorod. Translated from the Russian. Part 1. Text. Part 2. Illustrations. (Ed. supervision Chernetsov A. V.). BAR. International Series. 495 (I) and 495 (II). Oxford, 1989 262

Chronicle

Borzunov V. A., Koryakova L. N., Fedorova N. V. Seminar on the Problems of Archaeology of the Early Iran Age and the Middle Ages of the East Urals and the Western Siberia (Ekaterinburg, 1989, 1990) 265
Mogilnikov V. A. The 2nd Smirnov Readings (Yoshkar-Ola, 1991) 268
Matyushin G. N. Scientific Conference „Interaction of Society and Nature: Facts and Conceptions" (Moscow, 1990) 272
Tikhonov I. L., Platonova N. I. Scientific Seminar „The Problems of History and Historiography of Archaeological Science" 276
Tsetlin Yu. B. Conference „Ceramics as Historical Source" (Points of View and Methods of Study) (Samara, 1991) 279
Alexeev L. V. The Jubilee Session in the Grodno Museum (1990) 281
Lopatin N. V., Milyutina N. N. The Conference „Slavic Archaeology — 1990 (for the Sixth International Congress of Slavic Archaeology)" (Pskov, 1991) 283
Praslov N. D. In Memory of Pavel I. Boriskovsky (1911—1991) 288
Smagulov E. A. In Memory of Sergian M. Akhinzhanov (1939—1991) 297

Н. Н. ГУРИНА

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Одним из самых северных образцов монументального охотничьего изобразительного искусства СССР являются наскальные рисунки Кольского полуострова. Они расположены в среднем течении р. Поной, на правом ее берегу, севернее Полярного круга, на месте старого саамского поселка Чалмн-Варрэ (бывшая д. Ивановская). В древности это был остров, в настоящее время он соединяется с материком заболоченной низменностью. Мыс представляет собой сплошное нагромождение хаотически разбросанных каменных глыб с острыми, неоглаженными краями (очевидно, результат тектонических явлений), резко возвышаясь над окружающим пространством. Пейзаж здесь необычен для Кольского полуострова: с вершины горы открывается вид на огромное пространство заливного луга, по которому протекает р. Поной. Противоположный (левый) коренной берег отодвинут на значительное расстояние (рис. 1, *1*). Мыс (древний остров) Чалмн-Варрэ, по мнению геологов, является участком крупного выхода щелочных гранитов, изолированно расположенных среди болот в пределах Верхнепонойской депрессии [1, с. 117—135; 2, с. 14—36].

Рисунки нанесены на шести изолированных камнях, расположенных цепочкой, залегающих на двух различных высотных уровнях. Камни I, II (первая группа) лежат в пойме Поноя и в настоящее время освобождаются из-под воды не ранее июля. В конце августа они снова покрываются водой. Камни III—VI (вторая группа) лежат на краю древнего коренного берега, на первой надпойменной террасе и не заливаются паводками.

Размер камней варьирует от 0,88 до 7 м^2, а количество рисунков — от 2 до 61. На пяти камнях рисунки выбиты на горизонтальной поверхности, и только на камне III — на вертикальной.

Все камни гранитные, но разной структуры. Камни I, II, IV и V — мелкозернистые, плотные, камни III и VI — очень крупнозернистые. Камень I покрыт пустынным загаром. Четкость изображений зависит от структуры камня. На мелкозернистых камнях рисунки отчетливы, с ровными краями, на крупнозернистых они улавливаются с трудом. Крупные зерна гранита делают края рисунка нечеткими, они сливаются с фоном.

Рисунки выбиты с помощью точечной ретуши, мельчайшими ударами острым кварцевым отщепом (пикетажем). Глубина изображений не превышает 0,5 см. На поверхности рисунка сохранились следы от ударов инструментов — округлые ямки диаметром 2—4 мм.

Изображения Чалмн-Варрэ силуэтные, контурные отсутствуют. В абсолютном большинстве они располагаются свободно, не налегая друг на друга, кроме камня V, густо заполненного изображениями, иногда перекрывающими друг друга, что затрудняет их дешифровку. Обилие изображений объясняется длительным использованием камня в обрядовых церемониях, что подтверждают и различия в стиле рисунков.

Ниже приводятся общие сведения о наскальных рисунках Чалмн-Варрэ (таблица).

© Н. Н. Гурина, 1992 г.

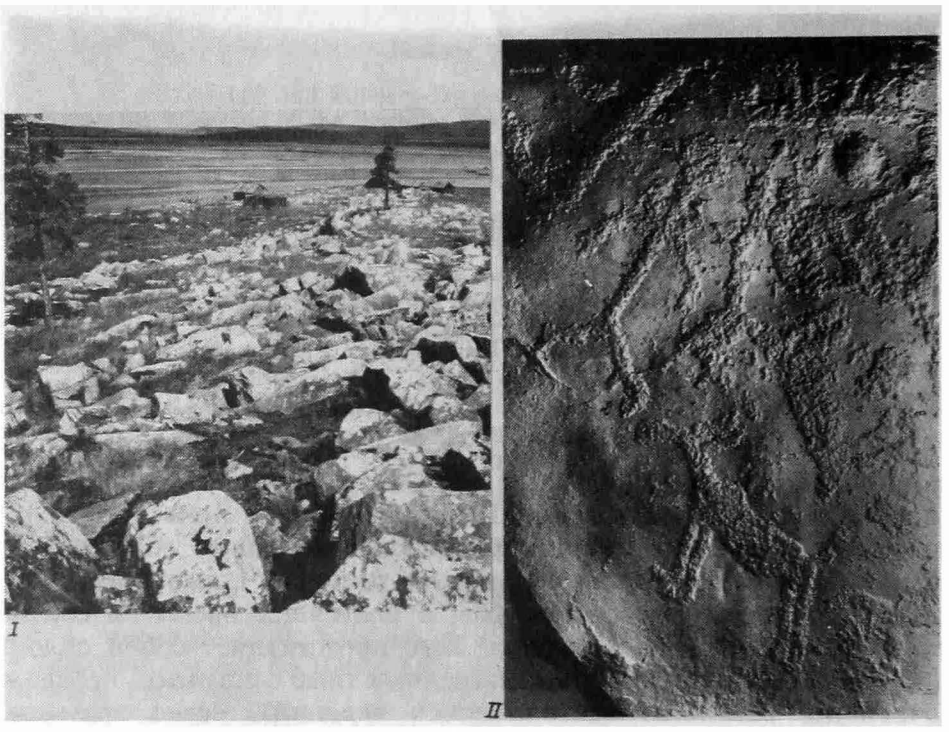


Рис. 1. *I* — характер поверхности мыса Чалмн-Варрэ и вид на р. Поной; *II* — фрагмент рисунка на камне V

Объектами для художника служили звери, люди, фантастические антропоморфные существа, в единичных случаях змеи, солнце, есть изображения, не поддающиеся расшифровке.

Все животные показаны в профиль, все люди — анфас, полностью повернутыми к зрителю. Размеры фигур довольно стабильны. Длина оленя чаще всего варьирует в пределах 22—25, высота — 12—17 см. Исключение составляют несколько оленей на камне V. Особенно выделяются оленята, их длина не превышает 11 см. Размеры фигурок людей колеблются сильнее, однако самых крупных (55, 45, 37 см) — всего четыре, самых маленьких (11, 5 и 11 см) — две.

Стилистически рисунки можно разделить на две отчетливые группы, внутри которых в свою очередь прослеживаются варианты. Первая, более ранняя группа представлена изображениями на камнях I и II, лежащих в пойме; вторая, более поздняя состоит из рисунков на камнях III—VI, расположенных на коренном берегу. В первом случае животные (за исключением двух, очевидно, выбитых позже основной массы) показаны со сдвоенными ногами (одной передней и одной задней). Во второй группе они всегда четырехногие. Неодинаково показаны и

№ Камня	Размер камня, м^2	Изображаемые объекты				Непрочитанные и неоконченные изображения	Всего рисунков
		олени	люди и антропоморфные существа	змея	солнце		
I	7	17	2	—	—	2	21
II	2,88	1	1	—	—	3	5
III	2	9	—	—	—	—	9
IV	0,88	2	—	—	—	—	2
V	4	33	12	1	1	14	61
VI	4,84	18	1	—	—	4	23
	Всего каждого изображения	80	15	1	1	23	121

Рис. 2. Камни, I, V. Общий вид: *1* — камень I; *2* — камень V

люди. На камне I они объемны, поза их динамична, на камнях V и VI люди выбиты иногда линейным способом, отчего рисунки становятся примитивными, нежизненными. У некоторых фигур головы кольцеобразны, позы пассивны: руки, как правило, отведены в стороны или безжизненно опущены (рис. 2).

Внутри второй группы различия ярче всего выступают в изображении оленей: подавляющее их большинство передано в традициях реалистического охотничьего искусства. В то же время кое-какие изображения (их — 7) скорее походят на знаки — символы оленей. Очевидно, они порождены эволюцией художественной традиции, что обусловлено в свою очередь эволюцией мировоззрения. Подобная стилизация на других камнях отсутствует. Однако рисунки камня I, многочисленность которых позволяет произвести сопоставления, значительно отличаются друг от друга. Вероятно, они выполнены различными художниками, обладающими разной степенью дарования. Так, на камне I наряду с изображением оленя (рис. 3, *5*), которое с полным правом можно назвать великолепным образцом первобытного искусства, имеется рисунок (рис. 3, *9*), очень далекий от правдивого образа. На этом же камне можно увидеть рисунки оленей, выполненные в одном стиле (рис. 3, *1, 2, 4, 10*) — с непропорционально вытянутым тонким корпусом,

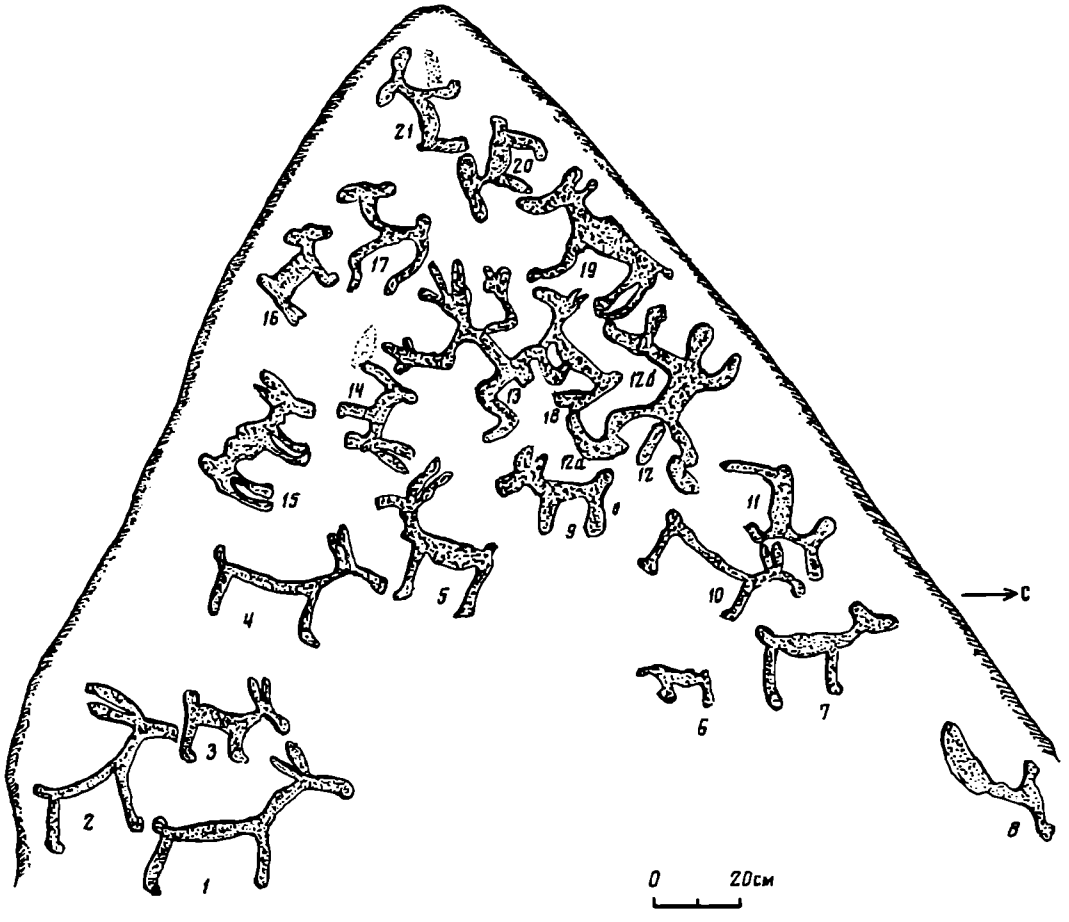


Рис. 3. Общее расположение рисунков на камне I

узкой, тупо срезанной мордой, тонкими длинными ушами. Ноги их заканчиваются ступнями, у одной фигуры передние ноги слегка подогнуты. По-видимому, эти рисунки были сделаны одновременно или почти одновременно, скорее всего одним художником.

Очевидно, в смысловом отношении фигуры оленей не связаны друг с другом, не объединены в единую композицию. Иначе обстоит дело с двумя антропоморфными фигурами (рис. 4). Различаясь в деталях, они сходны в общих чертах и подчинены единой идее. Сближают их прежде всего очень динамичные позы, свидетельствующие о единстве действий. Они все в движении, в пляске. Об этом говорят согнутые в коленях ноги и поднятые вверх руки. Первая фигура (рис. 3, *12*) более массивная, без головного убора, кисти рук четко не выделены, внизу подвязан хвост. Вторая мужская фигура (рис. 3. *13*), менее объемна, голова ее украшена трехрогим убором, руки трехпалые. Эти две фигуры составляют, очевидно, единую композицию (возможно, разделенную на две тождественные части). Правая рука фигуры с рогами приближена к задней ноге небольшого оленя (рис. 3, *14*), который обращен ногами в противоположную сторону по отношению ко всем остальным оленям. Возможно, он «пойман» человеком. То же можно сказать и о втором олене (рис. 3, *18*): левая нога человека перекрывает переднюю ногу оленя, а ступня упирается в его живот. Вторая человеческая фигура (рис. 3, *12*), атрибутом которой является подвязанный хвост, левой ногой посредством какого-то короткого предмета также соединена с задней ногой того же оленя, а правая рука в области локтя соединена с задними ногами второго оленя (рис. 3, *19*). Таким образом, создана композиция из двух людей и двух (или трех) оленей. Необычность наряда людей и их позы позволяют отождествлять

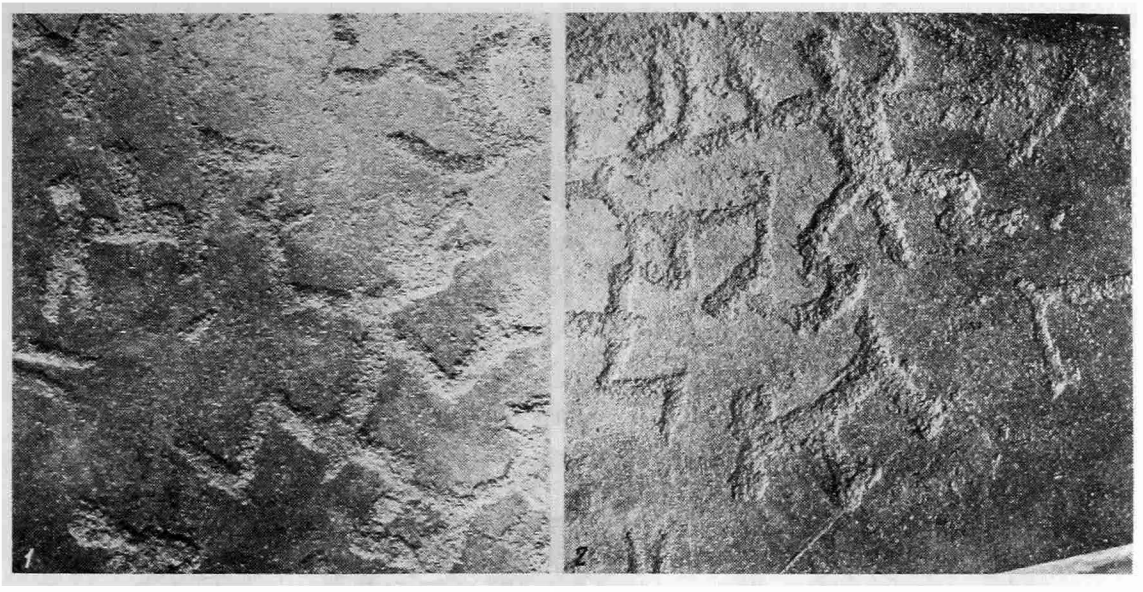


Рис. 4. Изображение «шаманов» на камне I: *1* — в трехрогом головном уборе; *2* — с подвязанным хвостом

их с шаманами, стремящимися с помощью ритуальных действий овладеть животными.

Камень II имеет два отчетливо опознаваемых изображения — животного и человека, остальные три, возможно, не окончены и не поддаются точной расшифровке (рис. *5*, *5*). Фигура животного (рис. *5*, *5*) непропорциональна. Корпус, хотя и довольно массивный, с подчеркнуто выпуклым животом, неправдоподобно удлинен, голова узкая, также черезмерно удлинена, морда утолщена на конце. Не ясно, хотел ли художник передать силуэт лося или это его неудачное произведение. Ноги животного показаны сдвоенными, обращены ступнями в разные стороны (передние ступни — вперед, задние — назад). Уши животного откинуты назад, вверху, почти соприкасаясь с ними, помещен трехлопастный предмет. Не исключено, что это — более поздняя попытка подрисовать рога или передать орудие охоты. В целом изображение отчетливое.

Фигура мужчины, помещенная на краю камня, выполнена совершенно в другом стиле: сильно схематизирована, дана в линейной манере, без отчетливо выполненной головы. Положение на краю камня, линейный способ изображения и отличия в технике нанесения рисунка заставляют предполагать позднее его происхождение и отсутствие связи с изображением животного.

Поскольку структура камня III крупнозернистая, изображения на нем улавливаются с трудом. Во всех случаях проступают силуэты животных, но четко рассмотреть детали удается лишь у трех фигур оленей. Очевидно, различная манера передачи натуры здесь была обусловлена структурой камня, затрудняющей работу художника. Особенно выразителен, очевидно, молодой олень. Задние ноги его естественно выгнуты во внешнюю сторону, передние — прямые. Морда слегка утолщена, спина округлая, уши откинуты назад, маленький хвостик приподнят (рис. *5*, *3*). С рисунками камней I и II его сближает объемность (полнота фигуры), а с изображением камней IV—VI — наличие четырех ног. Больше всего он похож на оленя на камне VI (рис. *5*, *4*).

На небольшом камне IV выбиты всего 2 фигуры оленей. Обе — с четырьмя ногами. Изображения выбиты одновременно и имеют смысловую связь, включаются в единую композицию. Об этом свидетельствуют их поза и соотношение друг с другом: голова одного оленя почти соприкасается с хвостом второго (очевидно, показано начало спаривания) (рис. *5*, *1*, *2*).

Наиболее густо насыщен разнообразными изображениями камень V (рис. 2, *6*). Отчетливо улавливаются различия в стиле изображения животных. Фигуры,

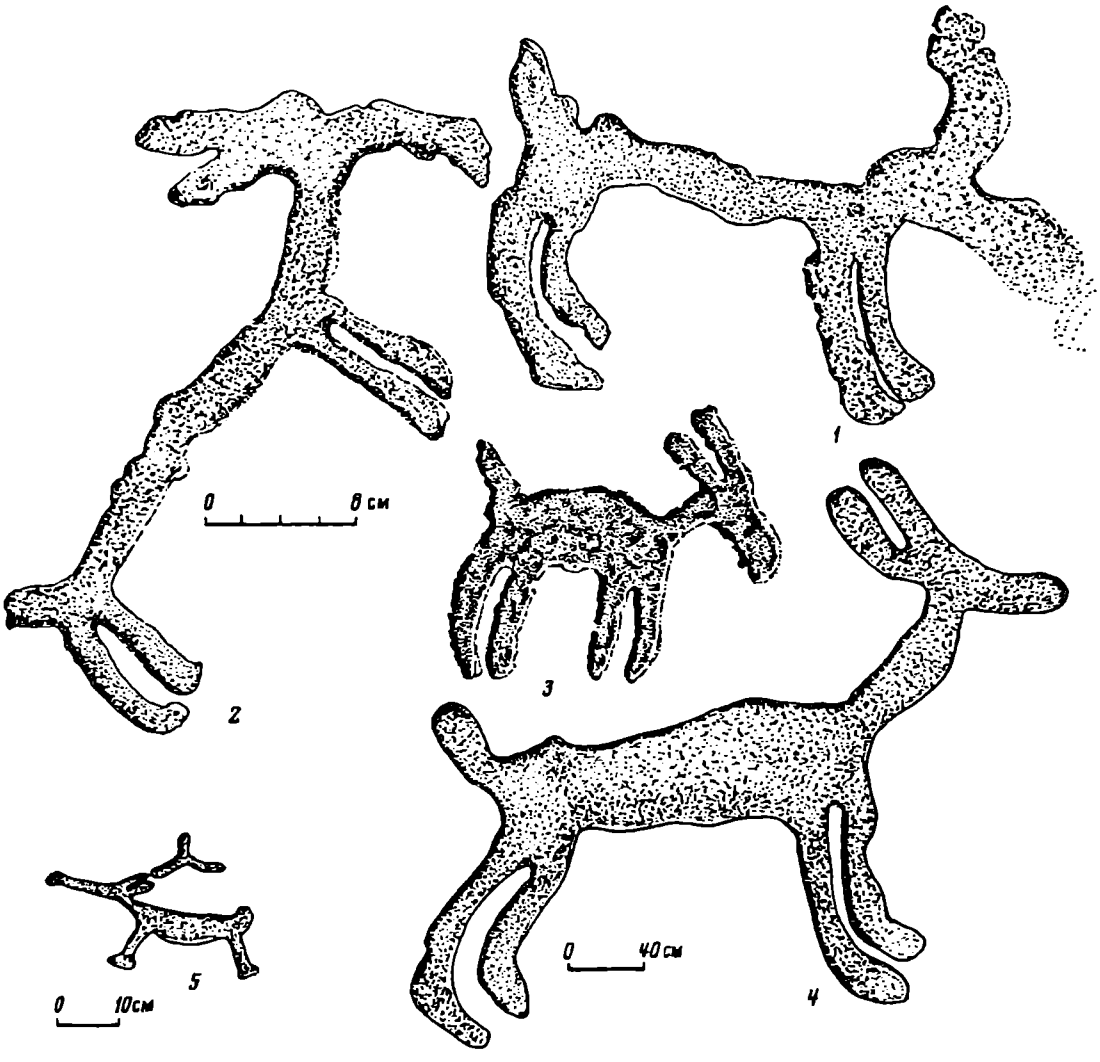


Рис. 5. Изображения оленей на различных камнях: *1, 2* — композиция на камне IV; *3, 4* — камень VI; *5* — камень II

помещенные в южной и западной частях камня, отличаются большим реализмом. Животные относительно пропорционально сложены, корпус близок натуре, живот округлый. В ряде случаев фигуры имеют смысловую связь, в других, возможно, они соединены механически, из-за отсутствия свободного пространства. Тесное расположение фигур, очевидно, вызванное длительным использованием камня, затрудняет в ряде случаев установление смысловой связи между ними. Однако в целом фигуры полностью не перекрывают друг друга, соприкасаются или налегают одна на другую лишь частично. С известной долей условности фигуры можно объединить в отдельные группы. Однако в целом ряде случаев смысловая связь бесспорна. Отличается этот камень от прочих разнообразием изображенных объектов: олень, человек, человекообразные существа, змея, солнце. Ряд фигур прочесть не удалось из-за затертости поверхности камня.

В восточной и центральной части камня V выявляются сильно схематизированные изображения оленей, передача их в абстрактной, почти знаковой форме.

В целом же в изображении оленей в Чалмн-Варрэ можно выделить не менее семи стилей. Размеры людей варьируют от 19 до 45 см, в то время как размеры взрослых оленей относительно стабильны (20—25 см). Особенно выразительна фигура взрослого оленя-производителя (рис. 1, *II*). Задние ноги его отчетливо разделены, живот округлый, на спине показана холка, голова посажена на умеренно длинную шею, уши разъединены, хвостик поднят. Немало на этом камне и других выразительных изображений оленя (рис. 6, *3, 8, 18, 34, 49*).

Рис. 6. Расположение рисунков на камне V

Изображения людей и человекообразных существ также различны. Из 12 фигур наибольшее сходство имеют 2 (рис. 6, *43, 45*), расположенные рядом и связанные между собой. В целом на камнях Чалмн-Варрэ можно усмотреть не менее пяти стилей человеческих изображений, четыре из которых представлены на камне V.

Наиболее сходны фигуры стиля 2 — с кольцеобразными головами, раскинутыми в стороны руками и согнутыми, разведенными в сторону ногами. Они сухощавы, по манере изображения близки к линейным (выполнены линией одинаковой

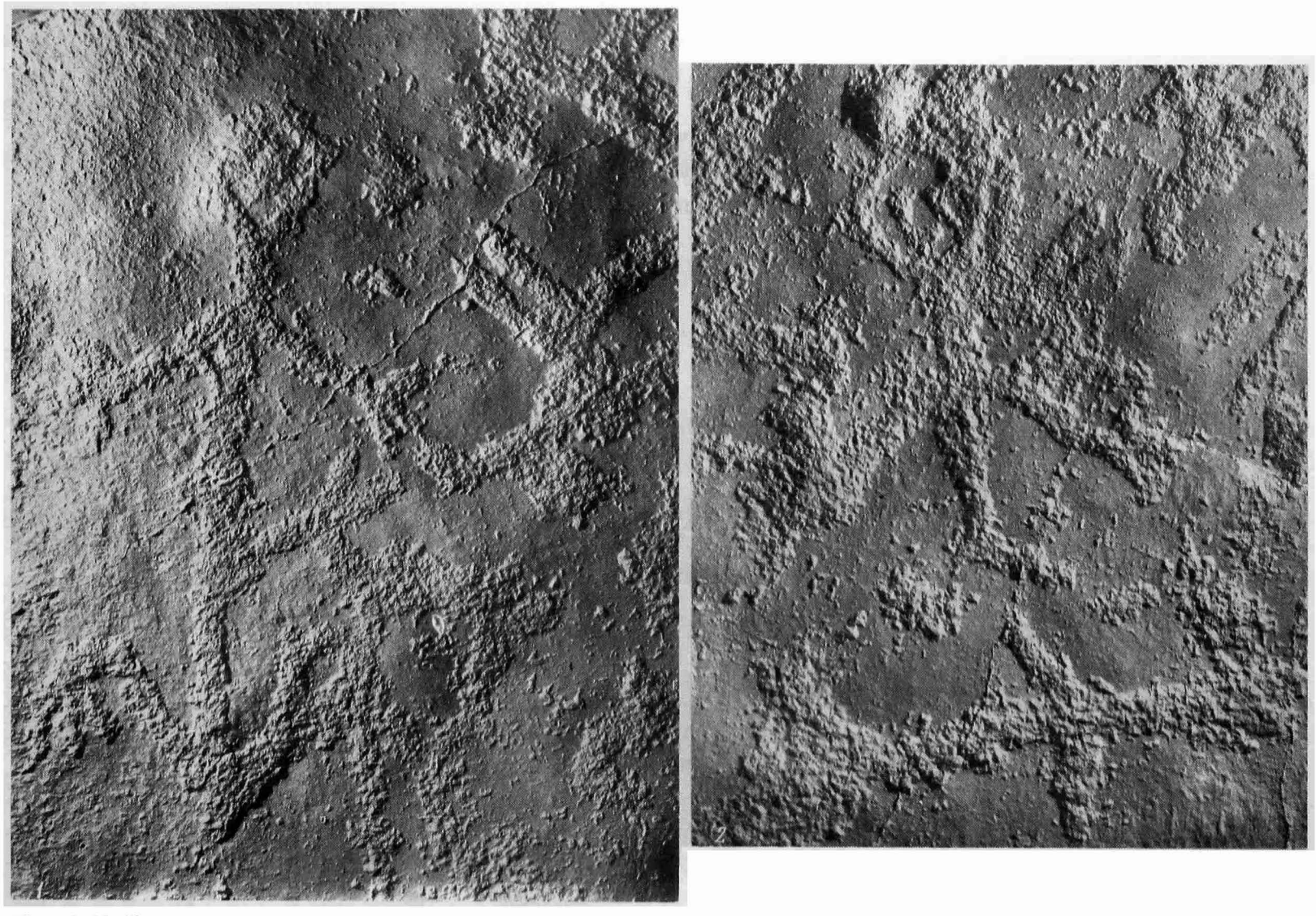


Рис. 7. Изображения фантастических существ на камне V

толщины). Фигуры, относящиеся к стилю 3, имеют сплошь выбитые округлые или близкие к этой форме головы, широко раскинутые, отведенные в сторону руки, иногда согнутые ноги. Наблюдаются вариации: у фигуры 44 (рис. 6) показаны женские груди, у фигуры 2 (рис. 6) — подобие воротника. В стиле 4 выделяются фигуры явно женские, с подчеркнуто увеличенными животами, в их ногах помещены маленькие оленята. К стилю 5 отнесены человекообразные фигуры с подромбическими кольцеобразными головами и своеобразным оформлением корпуса.

Помимо одиночных изображений (оленя, человека, змеи) встречаются явно сюжетные изображения и фигуры, иногда соприкасающиеся друг с другом, но, возможно, не всегда слагающие единую композицию.

К наиболее бесспорным сюжетам относится сцена рождения олененка (рис. 6, *9, 10*): крупный олень с согнутыми и раскинутыми передними и задними ногами, резко увеличенным животом, под которым перпендикулярно ему находится маленький олень, а рядом с его головой — двойной круг (солнце), указывающий на время отела — весну.

Очевидно, не случайно по соседству с этой сценой дано изображение (рис. 6, *4, 5*) женщины также с маленьким оленем между ног. У женской фигуры круглая, в виде широкого кольца голова, раскинутые руки, сильно увеличенный живот, широко раскинутые ноги, между которыми и помещена фигура очень маленького олененка. Правая рука женщины касается задних ног взрослого оленя.

По-видимому, можно усмотреть и связь между фигурами *36, 37, 40* рис. 6. Центральной здесь является женская фигура, также с подчеркнуто увеличенным животом, широко раскинутыми ногами, между которыми, частично на левой ноге, находится небольшой олень. При этом голова женщины покоится на шее крупного оленя. Не исключено, что эта композиция имеет продолжение. Посредством непонятной фигуры (рис. 6, *57*) женская фигура (рис. 6, *37*) соединяется с тремя женскими изображениями (рис. 6, *43—45*), несомненно, объединенными в одну композицию. Две фигуры, одна из которых (рис. 6, *44*) имеет выпуклые женские груди, соприкасаются ногами (одна — правой, другая — левой) друг с другом. Третья фигура (рис. 6, *45*) соединена с головой второй (рис. 6, *43*) фигуры как бы продолжением неопределенной фигуры (рис. 6, *57*). Очевидно, фигуры *43* и *45* рис. 6 выполнены одним художником. Достаточно отчетливо проступает связь фигур *41, 41а, 42* рис. 6. Центральное место и здесь занимает оригинальная человекообразная фигура с кольцеобразной головой в виде ромба с черточкой внутри (носом?), раскинутыми трехпалыми руками, с прямым, слегка расширенным на конце корпусом, который вплотную примыкает к якореобразной фигуре. Слева от этого изображения находится маленький олень, мордочка которого лежит на туловище нижней фигуры. Верхняя (человекообразная) фигура левой рукой как бы держит его за уши. Якореобразная фигура, вероятно, символизирует птицу, у нее можно увидеть «крылья», которые заканчиваются тремя отростками-когтями (рис. 7, *1*).

Последний сюжет включает, очевидно, четыре фигуры (рис. 6, *47, 49, 49а, 50*), три из которых антропоморфные и одна зооморфная — олень. О единстве композиции помимо близкого расположения фигур и их соприкосновения свидетельствует наличие за пределами этой группы фигур иного стиля — сильно схематизированных оленей. Центральное место в композиции занимает человекообразная фигура с кольцеобразной подромбической головой, раскинутыми трехпалыми руками, укороченным корпусом и одной неоконченной ногой. Самое замечательное в этой фигуре — попытка передать человеческое лицо. Четко показаны один глаз и, вероятно, нос, переходящий непосредственно в рот. Правая рука фигуры пальцем (или посредством короткой линии, этот участок фрагментирован) касается головы человеческой фигуры, на левую ногу которой налегает голова оленя (рис. 6, *49*). Передние ноги оленя помещены между ног второй человеческой фигуры (рис. 6, *49а*).

Возможно, имеет смысловую связь и группа оленей, помещенных в северо-восточном углу камня, сильно стилизованных, с крючковатыми мордами, с головами, направленными в противоположные стороны, и соединенных задней частью корпуса (рис. 6, *28, 29*).

Камень VI имеет одно человеческое изображение, обрисованное недостаточно отчетливо вследствие сильной крупнозернистости камня. Композиция фиксируется лишь в одном случае, но фрагментарность не позволяет восстановить ее полностью. В целом создается впечатление, что на камне изображены олени, которые разбрелись по тундре и постепенно передвигаются на северо-запад. В конце стада — фигурка человека.

Наиболее сложными вопросами являются датировка и раскрытие сущности наскальных изображений. На часть первого вопроса ответ может быть достаточно определенным. Топография камней I, II (в пойме) и иной (реалистический) стиль изображений, а также сопоставление с другими наскальными рисунками позволяют считать их относительно ранними по сравнению со второй группой и датировать, вероятно, концом неолита. Топография и стилистические особенности второй группы (камни III—VI) заставляют относить их к более позднему времени — очевидно, к эпохе бронзы — раннего железа, при этом логично считать самыми поздними фигуры стилизованных оленей на камне V. Вторая группа характеризуется усложнением структуры изображений и появлением довольно сложных композиций.

В непосредственной близости от камней стоянок не найдено; они могли быть уничтожены поселком или не существовали здесь вовсе. Под камнями обнаружены лишь охра и кварцевые отщепы, очевидно, служившие инструментами для выбивания рисунков. Расположение мыса с наскальной живописью, сложенного из огромных каменных блоков, которые возвышаются над всем окружающим пространством, несомненно, внушало человеку особое чувство, будило фантазию, рождало поклонение: саамы считали крупные, особой формы камни, божеством — «сейдами». По-видимому, Чалмн-Варрэ являлось святилищем, где совершались религиозные обряды; на это указывают красная охра, найденная под камнями, и четыре небольших чашеобразных углубления с заглаженной до блеска поверхностью на камне V, служившие, вероятно, своего рода жертвенниками. Мы проделали опыт: окрасили изображения камня I охрой. Получилась эффектная картина: на фоне серого камня, находившегося в то время на уровне синей воды, изображения ярко горели на солнце, производя сильное впечатление.

По всей вероятности, наскальные рисунки отражают магические воззрения древних охотников — стремление обеспечить успех охоты на оленя и его размножение. Пляшущие человеческие фигуры на камне I, наделенные особыми атрибутами, очевидно, следует воспринимать как «шаманов». Не случайно их ноги выбиты поверх оленей: они «задержали» их в качестве добычи. Идея размножения оленей воплощена и на камне IV, но особенно ярко выступает она в сцене рождения олененка на камне V. Показательно, что во всех сюжетах, где фигурируют олени и люди, человек изображен крупнее оленя и занимает центральное место.

Рисунки на камне V свидетельствуют, очевидно, об усложнении мировоззрения охотников более позднего периода, что отражено в ряде сюжетных композиций. В этом аспекте привлекают к себе внимание женские изображения, в ногах которых помещены маленькие фигуры оленей; при этом голова одного из женских изображений покоится на шее взрослого оленя. Напомним, что у этих фигур увеличены животы, как и у важенки, родившей оленя. Вероятно, в этих сценах отражены тотемические верования — связь и общее происхождение человека и оленя.

Экстремальные природные условия Заполярья породили сильную зависимость человека от оленя, в особенности в центральных таежных районах, удаленных от моря. Олень был для человека всем: его мясо являлось прекрасным питанием,

шкуры, наиболее теплые из всех шкур животных, давали обувь, одежду, покрытие для жилища, а кости использовались как поделочный материал для орудий.

Чтобы понять, насколько люди, живущие в тундре, чувствовали свою зависимость и неразрывную связь с оленем, следует обратиться к саамским сказкам [3, с. 161; 4, с. 269; 5, с. 316]. В саамском фольклоре: сказках, легендах, преданиях (количество которых велико) отражена близость человека и животного. Очень часто в них человек превращается в животное и, наоборот, животное принимает человеческий облик. Особый интерес представляют те сказки, которые повествуют о родственных отношениях людей и животных, когда дети рождаются в результате союза человека с собакой, волком, росомахой, тюленем, нерпой, вороном. Абсолютное большинство их рассказывает о браках между диким оленем Мяндашем и «человеческой» женщиной, о женщинах, выходящих замуж за животных. Ни в одном случае не фигурирует мужчина, женившийся на животном женского пола. Существенно, что браки с такими представителями животного мира, как ворон, тюлень, оказываются несчастливыми (ворон выклевывает у жены глаз, а тюлень отгрызает ей руку) в отличие от брака с оленем. В такой счастливой семье родится много детей-оленят. Мать выкармливает их своим молоком. Сказки на эту тему имеют много вариантов, насыщены интересными подробностями. Олень охотится в тундре, обеспечивая семью пищей. Вернувшись домой (в вежу), он оборачивается красивым человеком, а утром снова уходит оленем в тундру. Одного не может вынести олень — запаха намоченной детьми шкуры (служившей пеленкой). Ее необходимо выбросить подальше от дома. Если жена почему-либо не сделает этого, олень убегает навсегда в тундру: вслед за ним убегают и его дети, даже самые маленькие — пыжики, которые сидят на коленях у матери и питаются грудным молоком. Ее мольбы, чтобы дети вернулись,— напрасны.

Сила чувства к своей жене у оленя так велика, что порою он жертвует собой. Если его бывшая жена вторично выходит замуж за человека и терпит нужду, олень учит ее (во сне), как его, оленя, убить, как сделать охоту удачной. Иногда в сказках женщина сама убегает вслед за семьей в тундру и превращается в оленя.

Саамы искренне верили в реальность таких событий еще в 30-х годах XX в., называя сказки «ловтами», т. е. былью. Этнограф В. В. Чарнолуский, записавший некоторые из этих сказок, замечает: «Каждый раз, когда Татьяна (саамка-сказительница) пела о маленьком ребеночке, обернувшемся олененком и убежавшем от матери, она проливала слезы. Она глубоко верила в реальность сказанного и со всей искренностью убеждала слушателя: ...был он Мяндаш и эти люди все были и эта Мяндаш-каб (его — жена «человеческая» женщина — *Н. Г.*) была. Она нам вроде матери приходится — Мадерахке. Это так же верно, как вот я против тебя сижу» [3, с 82, 83].

Бесспорно, что наши наскальные изображения и саамские легенды разделены огромным отрезком времени, однако и от этих легенд веет седой древностью. Если так стойко продержались они до нашего времени, то должны были иметь глубокие корни. Мы не хотим сказать, что женские фигуры с оленятами на петроглифах являются прямой иллюстрацией к саамским преданиям, но и не видеть в них корней этих легенд было бы неверно. Представление о близости и родстве с животными, от которых практически зависело все благосостояние жителя тундры, в древности должно было ощущаться еще сильнее.

По всей вероятности, в «святилище» Чалмн-Варрэ отражены магически-тотемические воззрения древних охотников. Целью создания рисунков и совершаемых обрядов являлось воплощение желаемого в действительность — увеличение численности оленей и овладение ими.

Очевидно, в антропоморфных изображениях с подромбическими головами и выраженным лицом следует видеть высшие существа, возможно, предков — покровителей рода, также способствующих увеличению числа людей и оленей.

Наскальные рисунки Чалмн-Варрэ очень самобытны, в особенности более

Рис. 8. Методические приемы фиксации рисунков в Чалмн-Варрэ: *1* — матрица с рисунка на камне I; *2* — подлинный рисунок на камне I; *3* — процесс снятия матрицы с камня I; *4* — способ калькирования

поздняя, вторая группа. Они не находят прямых аналогий среди петроглифов близких и более далеких территорий, хотя в общем включаются в круг монументального охотничьего искусства. В рисунках Чалмн-Варрэ проявляются региональные черты верований и искусства в общем, закономерном их развитии. Отдельные черты сближают вторую группу рисунков с финскими писаницами (изображения людей с кольцеобразными головами, попытка передать человеческое лицо) [6, с. 30—52]. Первая же, более ранняя группа имеет некоторые общие черты с наскальными изображениями Онежского озера [7, с. 442]: техника нанесения рисунка, силуэтное изображение животных со сдвоенными ногами, отсутствие сложных сюжетов, известная близость стиля. Однако в кольских петроглифах отсутствуют образы птиц, лодки, солярные и лунарные знаки (капканы). В целом развитие шло от реалистической (натуралистической) к схематической, абстрактной форме.

Несмотря на значительные различия, выражающиеся в усложнении тематики рисунков и особенностей стиля, между двумя группами изображений Чалмн-Варрэ, все же в них следует видеть единую линию развития — отражение общих традиций, подвергшихся, как и всякое историческое явление, развитию и трансформации. Вероятнее всего, это искусство отражает мировоззрение предков современных саамов.

Стремясь к предельно точной передаче рисунков, в процессе исследования (1973—1977 гг.) мы создали особую методику их фиксации, в частности применяемую к углубленным изображениям, расположенным на горизонтальной

поверхности.[1] Основные приемы этой методики сводились к следующему. Скала с рисунками (углубления очищены от лишайника), чисто вымытая жесткой, но не металлической щеткой, тщательно покрывалась машинным маслом (так, чтобы оно не скапливалось в углублениях), затем на скалу наносился слой раствора, состоящего из 80—85% тиоколовой мастики АМ-05 и 20—15% прилагаемого к ней отвердителя — пасты № 30 или Б-1 (т. е. примерно 100 частей мастики и 17—22 части отвердителя). Толщина наносимого слоя равнялась 10—15 мм. Покрытые раствором рисунки оставлялись на 20—24 ч (при температуре примерно +18°) для просушки до полного отвердения пасты, после чего она аккуратно снималась начиная с края (рис. 8, *3*). В результате получались негативы, полностью соответствующие рисункам. Отчетливо фиксировалась в них и структура камня — следы инструментов, которыми наносились рисунки. Такой способ позволяет не только зафиксировать предельно точно отдельные рисунки, но и снять с небольших камней полотна полностью.

Из полученных таким образом чрезвычайно прочных матриц можно выполнить полотна в другом материале (например, в гипсе). Матрицы прочны, не боятся транспортировки и удобны для работы (за исключением неприятного издаваемого ими запаха, который, к сожалению, необычайно устойчив).

Рамки статьи позволяют лишь в краткой форме изложить весьма интересный материал самобытной наскальной живописи Кольского полуострова, лишь упомянуть некоторые аспекты его осмысления. Так, например, здесь почти не затронут вопрос о соотношении наших рисунков и наскальной живописи всего Северного региона, что весьма существенно для уяснения как художественных традиций северных народов, так и их культуры в целом. Надеемся, что подготовленная нами монография «Наскальные изображения Кольского полуострова (общие и особенные черты)» когда-нибудь увидит свет и будет способна дать ответ на ряд вопросов, которые могут возникнуть у читателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гурина Н. Н.* Наскальные рисунки Кольского полуострова (общие и специфические черты)//Звери в камне. Новосибирск, 1980.
2. *Gurina N. N.* Imitative art of ancient tribes the Hola Pentinsula. Fenno-Ugri et slavi. 1978. Helsinki, 1980.
3. *Чарнолуский В. В.* Легенда об олене-человеке. М, 1965.
4. *Чарнолуский В. В.* В краю летучего камня. М, 1972.
5. *Пация Е. Я.* Саамские сказки. Мурманск: Кн. изд-во, 1980.
6. *Saarvas Pekka, Taavitsainen F-P.* Kalliomaalauksia Lemiltä ja Ristiinasta. Suomen Muinaismuistovhdistvs, 1976,
7. *Савватеев Ю. А.* Залавруга. Ч. I. Петроглифы. Л, 1970.

Институт истории
материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

[1] Метод был предложен и осуществлен В. И. Ласурашвили. Пользуюсь случаем выразить ему свою признательность.

GURINA N. N.

THE PETROGLIPHS OF KOLSKY PENINSULA

Summary

The petrogliphs of Chalmn-Varrae are situated on Kolsky peninsula (the right bank of Ponoy river) to north from the Polar circle. More than 120 figures are located on six isolated rocks. Rock, I, II — lieing in flood-lands — are more early (the anymals with double legs). Rock III—IV — lieing on basic bank — are more late (the anymals with four legs). More late group is very schematic, the people are depicted in different style, different objects and complex compositions are precented. As a whole deers (79) and anthropomorphic figures (17) are prevailed. The petrogliphs obviously reflect the magic and totemic views of their creators: images of «shamans» (rock I), the scene of deer coupling (rock IV), the birth of deer (rock V). The links of women images with deers ones (the birth of deer by woman) point out the totemic viwes and in is reflected in Saamic folklore. Some pictures show on more complex forms of beliefs, in particular on the cult of ancestors. The pictures in Chalmn-Varrae belong to Saamic ascestors. More early group of pictures is dated to the end of Neolithic stage, the late group-to the early Metal stage. In spite of originality the images join to the petrogliphs of Northern hunters.

Г. Н. ТОЩЕВ

БЕЛОЗЕРСКИЙ МОГИЛЬНИК БУДУРЖЕЛЬ В ПОДУНАВЬЕ

В 1979 — 1981 гг. Измаильской экспедицией ИА АН УССР исследовались археологические памятники у сел Плавни и Новосельское Ренийского р-на Одесской обл., в междуречье озер Кагул и Ялпуг. Один из курганных могильников находился на пойменной террасе к северо-западу от второго села, вблизи местности Будуржель (рис. 1). Созданные в позднеямный период насыпи содержали разновременные захоронения [1].

В южной части могильника прослеживались три слегка выделяющиеся в рельефе пятна. Они образовывали треугольник с вершинами на западе, юге и севере, расстояние между которыми достигало 82—88 м (рис. 2). При раскопках пятен обнаружено 47 погребений, из которых 44 датируются белозерским периодом.

Западное пятно высотой 0,2 м имело диаметр 16—18 м. Здесь выявлено два захоронения. Первое из них (костяк вытянут на спине, головой на юго-запад) может быть отнесено к эпохе средневековья. Захоронение 2 совершено в прямоугольной яме размером 3,6 × 2 м и глубиной 2,6 м[1]. Засыпка представляла смесь чернозема с материковой глиной. В ней на глубине 1,1 м найден бронзовый кинжальчик (рис. 3, *1*). От потревоженного в древности костяка сохранились кости ног и таз. Очевидно, погребенный лежал на правом боку головой на юго-запад. На дне ямы — коричневый тлен и мел. На одном из лежащих в беспорядке ребер имелся налет бронзы.

Южное пятно. Пятно желтоватого цвета, диаметр его около 15 м. В его границах и за пределами выявлено 18 белозерских погребений (рис. 4).

При вскрытии поверхности на различных глубинах в пределах пятна к югу от могил обнаружены отдельные фрагменты и скопления обломков сосудов (пункты 1—4). Некоторые из них реконструированы (рис. 5, *3—6*).

Северное пятно. Здесь обнаружено 25 погребений (рис. 6, 7). В насыпи, преимущественно в пределах пятна, выявлены отдельные обломки и скопления керамики (пункты 1—5). В последних находились фрагменты различных сосудов (рис. 5, *14*, *17—19*). Глубина их залегания не превышала 0,6—0,7 м.

Исследованный могильник состоит как бы из трех частей. Могилы в двух из них вытянуты приблизительно по линии запад — восток. В западной части могильника всего одно погребение. В южной части найдено 18 однокультурных погребений (в погр. 7, 8 костяки лежали вытянуто на спине, головой на запад). В пределах пятна находилось 6 могил (погр. 1, 2, 4—6, 13), южнее обнаружены скопления керамики и отдельные обломки. К западу от пятна отмечено 6 погребений, к востоку — 4, а к югу 1. В целом же захоронения вытянуты ломаной линией на различном расстоянии друг от друга.

В северной части вскрыто 24 захоронения, содержащих 26 костяков и один кенотаф. Преимущественно в северной части пятна сосредоточено 13 могил, южнее которых находилась 1 (погр. 14). Между ней и основной группой найдено много керамики. В северной части могильника прослеживается расположение могил скоплениями и рядами. Первое скопление отмечено в пределах пятна

[1] Глубины ям и находок даны от уровня современной поверхности.

© Г. Н. Тощев, 1992 г.

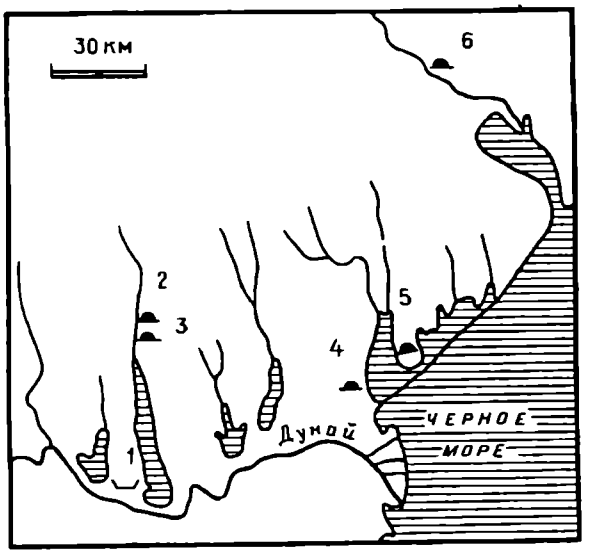


Рис. 1. Карта упомянутых в статье белозерских памятников в Дунай-Днестровском междуречье: *1* — Будуржель; *2* — Казаклия; *3* — Тараклия; *4* — Струмок; *5* — Кочковатое; *6* — Глиное

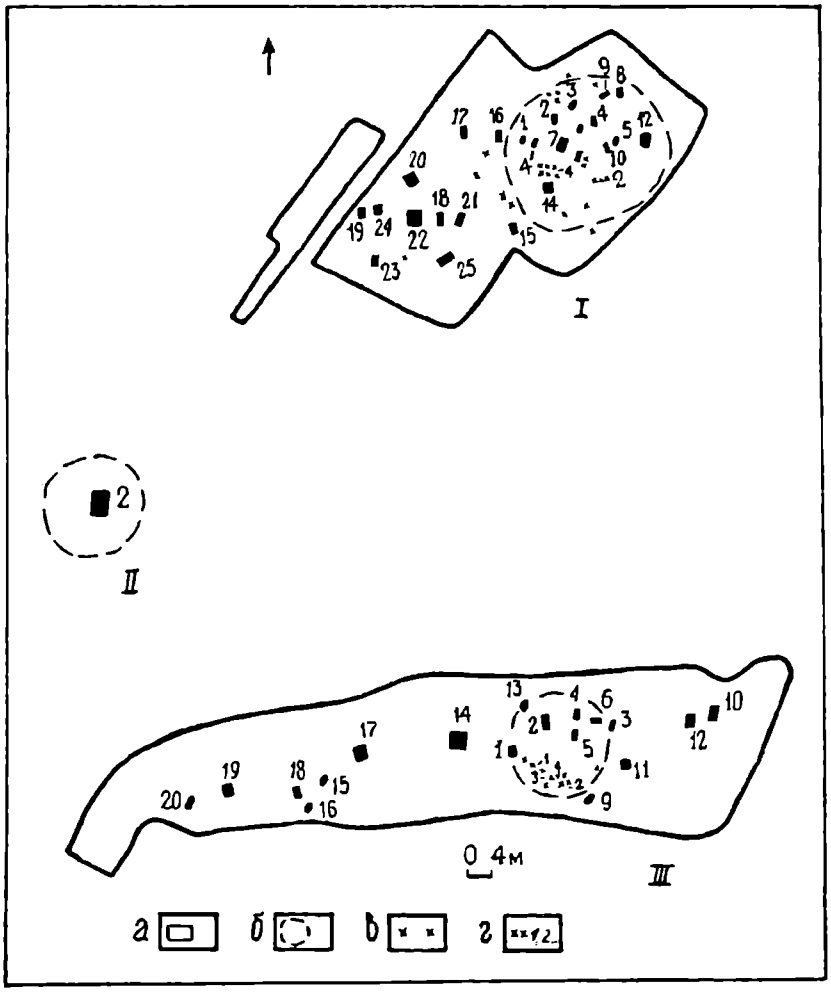


Рис. 2. Общий план могильника Будуржель *а* — вскрытая площадь; *б* — видимые на поверхности пятна; *в* — отдельные фрагменты керамики; *г* — пункты скопления керамики; *I* — северная часть могильника; *II* — западная часть; *III* — южная часть

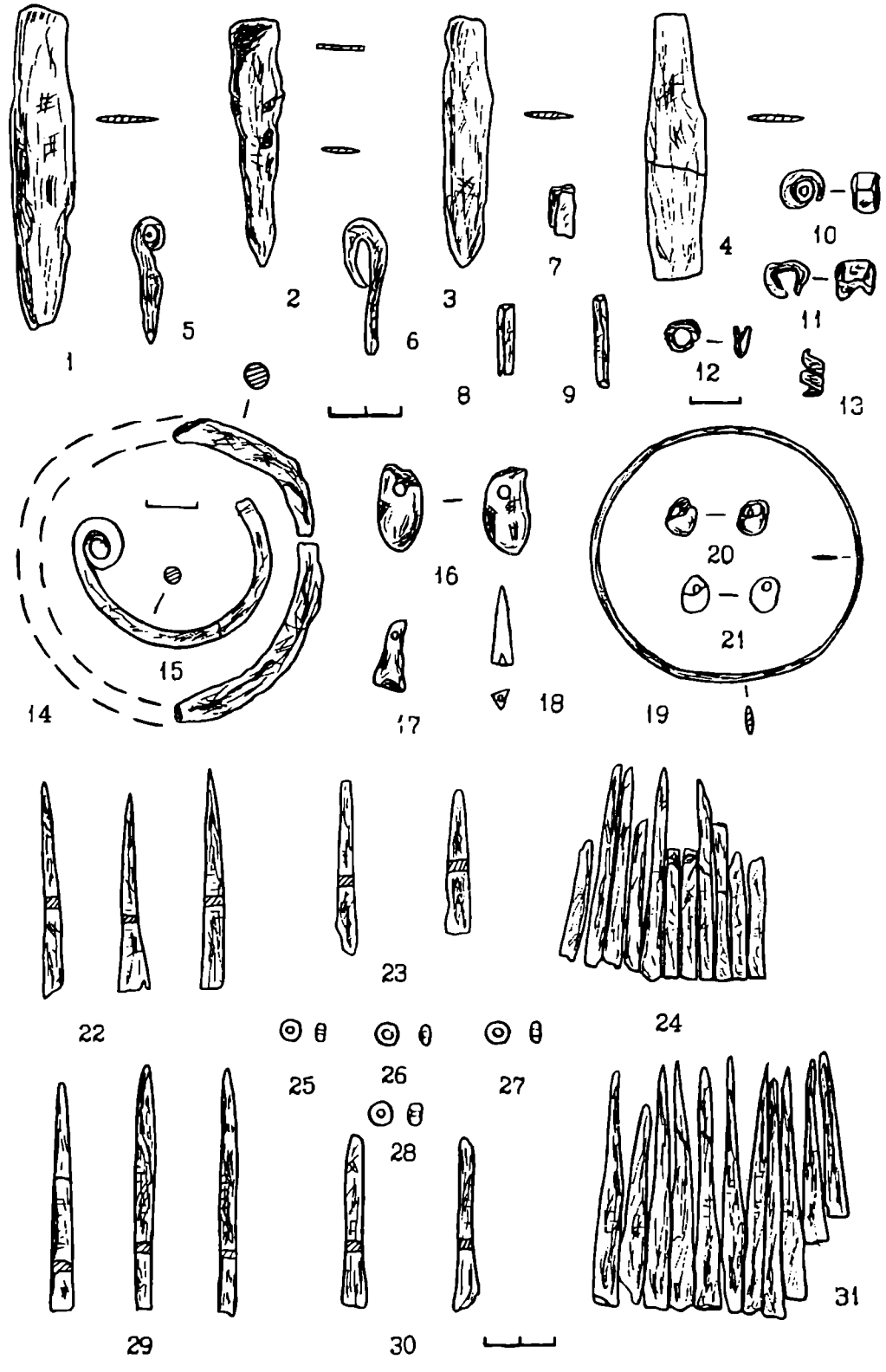


Рис. 3. Инвентарь погребений: *1* — западная часть, погр. 2; южная часть: *2* — погр. 18; *3* — погр. 14; *7, 13—14, 20, 25* — погр. 15; *18, 22* — погр. 4; *29* — погр. 17; северная часть: *4* — погр. 22; *5, 9, 27* — погр. 10; *6, 28* — погр. 23, *8* — погр. 8; *11, 16* — погр. 13; *10, 12, 17, 21* — погр. 3; *15* — погр. 5; *19, 31* — погр. 20; *23* — погр. 9; *24* — погр. 11; *26* — погр. 1; *30* — погр. 6 (*1—13, 15,19* — бронза; *14* — серебро; *16—18, 22—24, 29—31* — кость; *20—21* — ракушки; *25—28* — стеклопаста)

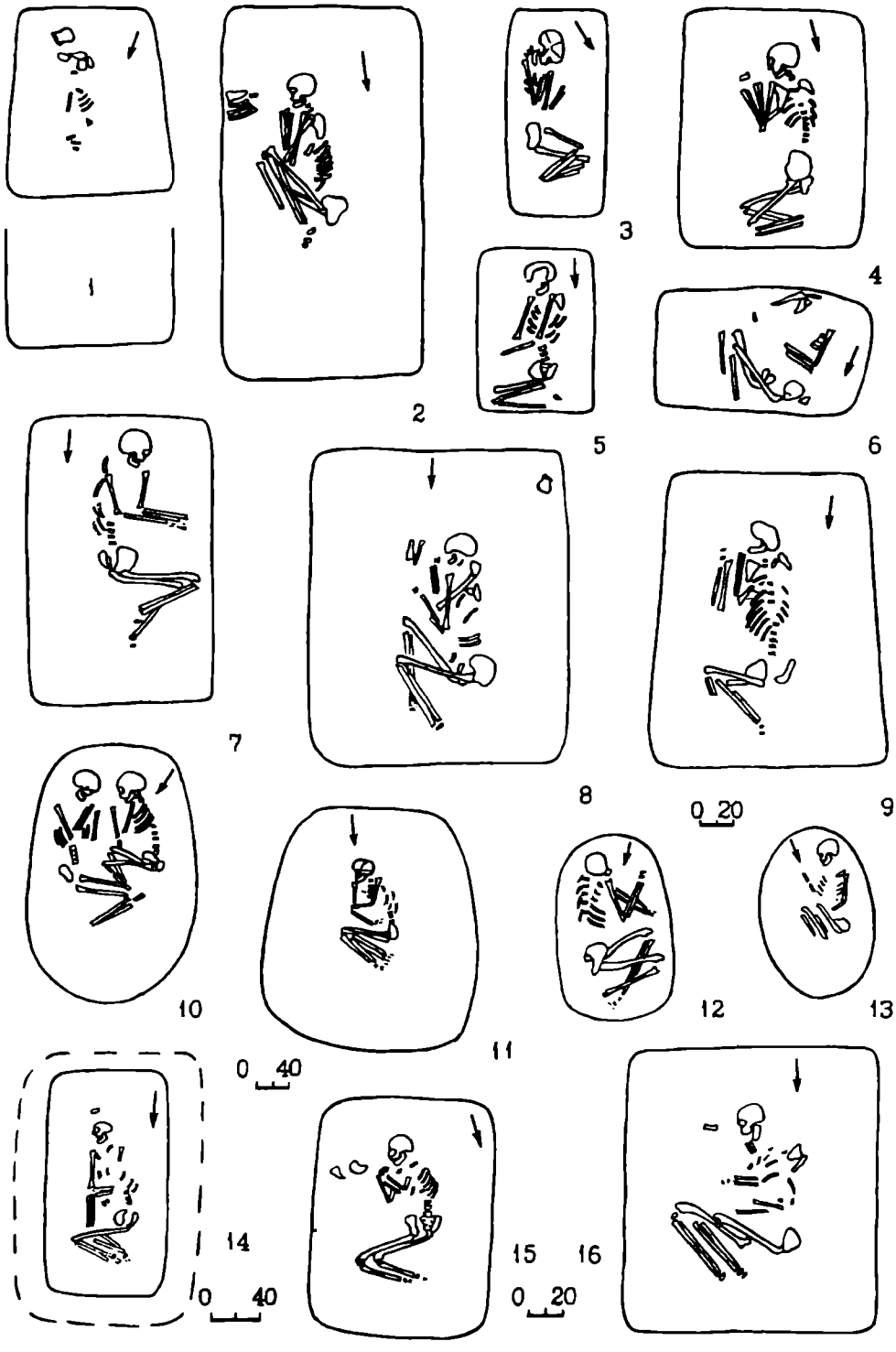


Рис. 4. Погребения южной части могильника: *1—6* — погр. 1—6; *7* — погр. 10; *8* — погр. 11; *9* — погр. 12; *10* — погр. 13; *11* — погр. 14; *12* — погр. 15; *13* — погр. 20; *14* — погр. 18; *15* — погр. 17 ; *16* — погр. 19

вокруг погр. 7 (погр. 2, 6, 11, 13, 14). По своим размерам оно превосходит остальные, в нем обнаружено подзахоронение (жертвоприношение?). Однако, с другой стороны, погр. 7 входит в один ряд с могилами 5, 6, 12, 13, 16, 17.

Второе скопление отмечено к западу от пятна. В нем как бы центральным выступает захоронение 22, находясь в середине треугольника из могил 20, 23, 25, к тому же оно составляет ряд с погр. 19, 24, 18, 21, 25.

Можно полагать, что первыми сооружены захоронения в пределах пятен.

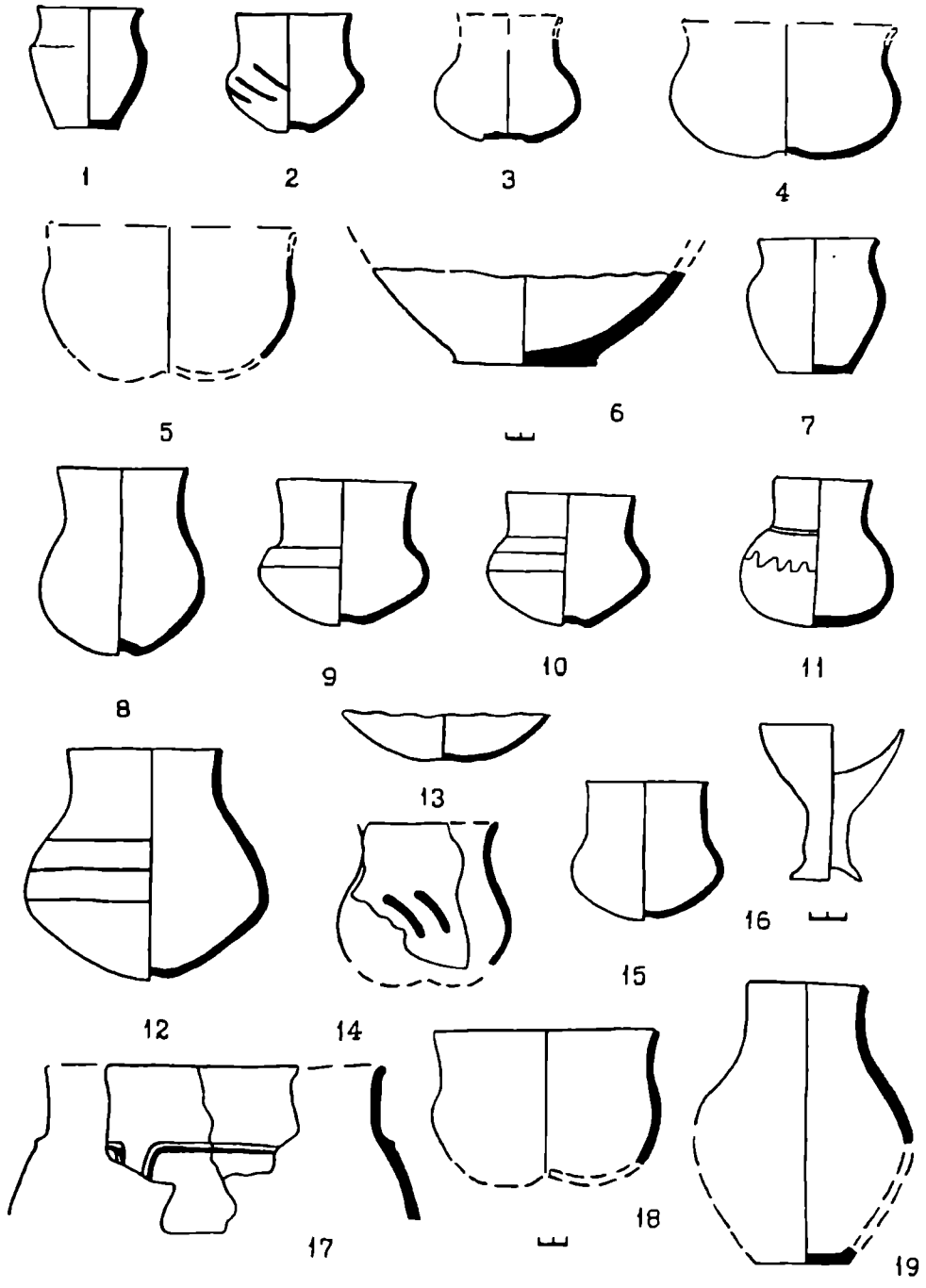


Рис. 5. Керамика из погребений и тризны: *1—6* — южная часть: *1* — погр. 1, *2* — погр. 11, *3* — пункт 2, *4* — пункт 1, *5* — пункт 3, *6* — пункт 4; *7—19* — северная часть: *7* — погр. 3, *8* — погр. 2, *9* — погр. 4, *10* — погр. 5, *11* — погр. 9, *12* — погр. 22, *13* — погр. 15, *14* — пункт 1, *15* — погр. 23, *16* — погр. 10, *17* — пункт 1, *18* — пункт 4, *19* — пункт 5

Хронологический разрыв был весьма незначителен, что привело к перемещению грунта и образованию прослеживаемого в рельефе возвышения, выраженного еще 800—1000 лет назад, когда были совершены погр. 7, 8 (южная часть). О «первичности» захоронений в пределах пятен свидетельствуют и находки керамики, оставленной, вероятно, при совершении массовых тризн. Захоронения вне пятен могли быть совершены несколько позже. Изложенное дает основание рассматривать могильник Будуржель как грунтовый.

Контуры могил вследствие особенностей грунта определялись на глубине 0,7—1 м. Погребальные ямы не прослежены в трех случаях — погр. 9, 16 (южная часть) и погр. 1 (северная). Глубины ям от 1 до 3,1 м. По форме они разделяются

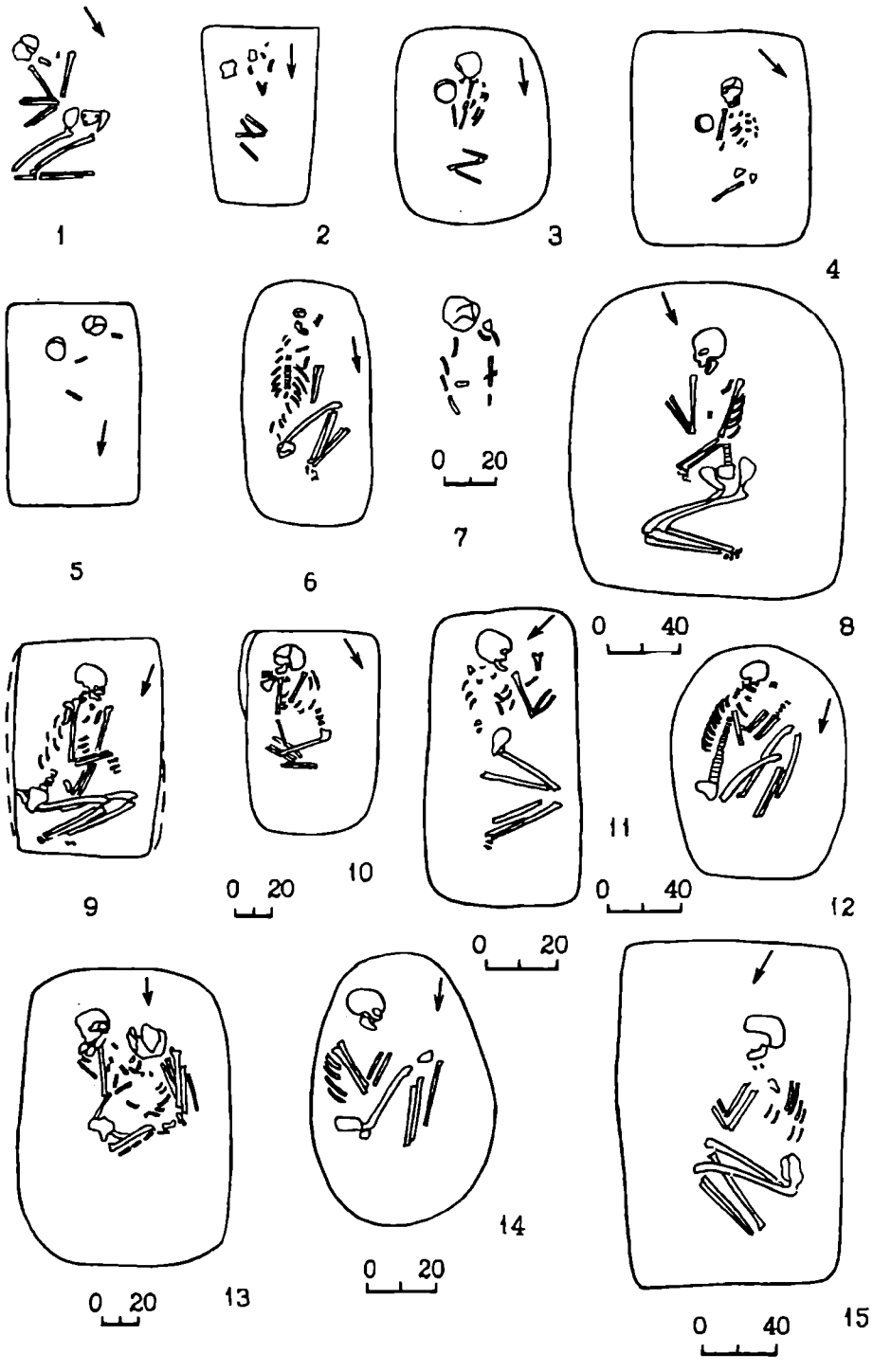


Рис. 6. Погребения северной части могильника: *1—6* — погр. 1—6; *7—8* — погр. 7; *9* — погр. 8; *10* — погр. 9; *11* — погр. 10; *12* — погр. 11; *13* — погр. 12; *14* — погр. 13; *15* — погр. 14

на прямоугольные со слегка округленными углами, овальные, в плане близкие к квадрату или к трапеции. Количественно преобладают первые. Стенки ям вертикальные, лишь в погр. 18 южной части они расположены наклонно ко дну. Ямы подквадратной формы имели более крупные размеры.

В положении костяков отмечено три позиции — скорченно, на правом или левом боку, на спине. Зафиксированы также как бы промежуточные позы — на боку с разворотом или на спине, животе с разворотом на бок.

В 40 могилах выявлено по одному костяку. В парном захоронении 13 южной

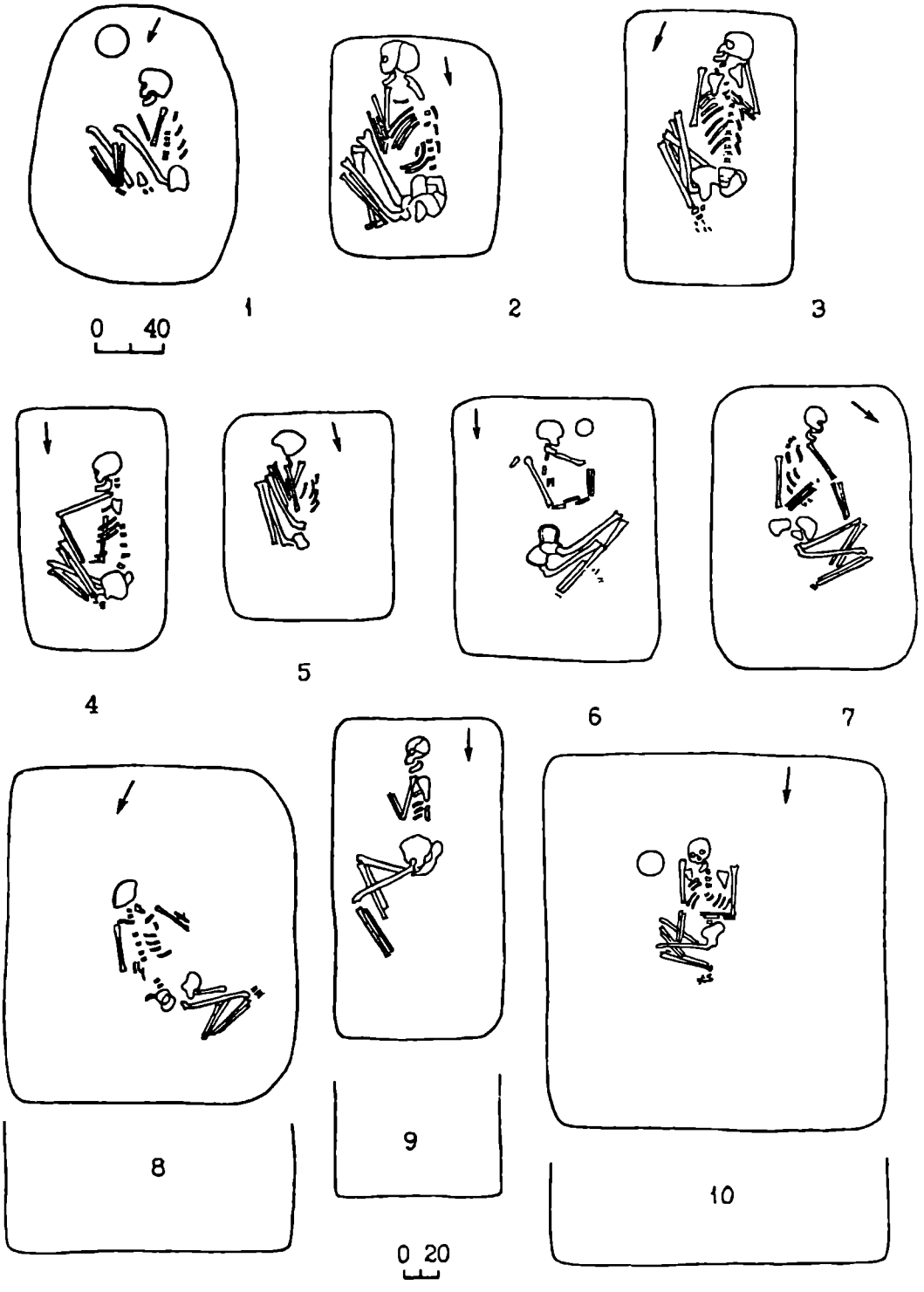


Рис. 7. Погребения северной части: *1* — погр. 15; *2—5* — погр. 16—19; *6* — погр. 23; *7* — погр. 25; *8* — погр. 20; *9* — погр. 21; *10* — погр. 22

части один костяк лежал на правом боку, а второй — скорченно на спине. Захоронения с двумя костяками найдены и в северной части (погр. 7, 12). В первом из них верхняя часть костяка была небрежно сброшена в яму, а во втором один из погребенных был расчленен (перезахоронение?).

Единообразия в положении рук погребенных не наблюдалось. Угол скорченности ног различный, у лежащих на спине или на животе с разворотом они уложены как на правую, так и на левую сторону. Взаимосвязи между положением костяков и позой рук не прослеживается.

Все погребенные ориентированы к югу или к югу с отклонением. Исключение составляет погр. 16 южной части, в котором умерший ориентирован головой на северо-восток. В погр. 6 южной части костяк уложен поперек ямы, головой на юг. Сходная ситуация отмечена и в погр. 20 северной части. По-видимому, ориентировка костяков на юг играла важную роль в обряде захоронения белозерского населения. Количество же исключений в известных могильниках весьма незначительно [2, с. 132].

В ряде могил обнаружены кости животных — в шести погребениях южной части (погр. 2, 5, 11, 17—19) и двух северной (погр. 12, 22). Кости мелких животных располагались рядом с черепом погребенных. В заполнении погр. 5 выявлен целый скелет животного (овца?).

Меловая подсыпка отмечена в двух захоронениях южной части — погр. 14, 17 и в двух северной — погр. 22, 23. Кусочки древесного угля найдены в двух могилах северной части — погр. 10, 22.

Находки инвентаря характерны для северных погребений (17), тогда как в южной части всего в 7. Встречен он в захоронениях различных конструкций с разным положением костяков, представлен керамикой, изделиями из бронзы, железа, кости, стеклянными бусами, бусами из янтаря и ракушек.

Данные антропологического анализа, проведенные научным сотрудником ИА АН УССР С. П. Сегедой, свидетельствуют, что в могилах погребены как взрослые (мужчины и женщины), так и дети (таблица). Исходя из них, отметим, что заупокойная пища преобладает в мужских погребениях. Большие наборы инвентаря, включающие бусы, свойственны женским и детским захоронениям. Керамика чаще встречена в детских. Возможно, при накоплении данных состав инвентаря послужит указателем на пол погребенного. Так, например, женскими можно рассматривать захоронения 9, 13, 22 северной части.

В керамике из погребений определяется девять кубков и два горшка; два кубка, три чаши, два кухонных сосуда из тризны. В скоплениях (пунктах) найдены обломки как кухонной, так и столовой посуды. В пункте 1 северной части могильника находились обломки сосуда с налепным валиком и чаши, в пункте 2 — фрагменты венчиков нескольких кухонных сосудов и одного кубка.

Обнаруженные в могилах кубки различны по форме и размерам. Характеризуя эту группу посуды, А. И. Мелюкова отмечала, что при общем сходстве каждый из них имеет свои особенности [3, с. 49]. Это наблюдение применимо и к материалам Будуржеля. Так, близкую серию образуют широкогорлые кубки из погр. 11 южной части (рис. 5, *2*) и погр. 4, 5, 23 северной (рис. 5, *9, 10, 15*), но каждый из них имеет свои индивидуальные черты.

Кубки орнаментированы косыми (рис. 5, *2, 14*) или горизонтальными (рис. 5, *9, 10*) каннелюрами. Орнамент из зигзагообразных линий, расположенных ниже горизонтальной (рис. 5, *11*), в слегка измененном виде известен на кубках из Широчанского могильника [3, с. 50]. С кубком из этого же могильника сопоставим и самый крупный сосуд из погр. 22.

Чаши выявлены среди обломков тризны (рис. 5, *4, 5, 18*). Не исключено, что и в погр. 15 северной части находилась чаша (рис. 5, *13*), на что указывают остатки сосуда. На одной из чаш имеется конический выступ. Близкие по форме чаши известны, например, в Кочковатском могильнике [4, с. 12, рис. 2, *11, 13*].

Кухонная керамика представлена небольшими горшками высотой до 10—12 см с грубой поверхностью (рис. 5, *1, 7*), горшком более крупных размеров из тризны (рис. 5, *19*) и корчагой, орнаментированной налепным валиком с опущенными концами (рис. 5, *17*). Как горшки, так и корчага сопоставимы с находками Чернянского могильника [5, с. 147, рис. 6].

Среди изделий из бронзы имеются два кинжальчика с параллельными лезвиями и один с листовидным клинком (рис. 3, *1, 2, 4*), посоховидные булавки, пронизи, височные подвески и ручные браслеты. Оба кинжальчика после очистки имеют длину по 9 см. Подобные им известны в степных белозерских памятниках [2,

Таблица

Распределение инвентаря в погребениях могильника

Место в могиле, № погр.	Пол	Керамика, Бронзовые изделия, оружие, украшения			Железные изделия (нож)	Серебряные изделия (браслет)	Стекло, ракушка речная, янтарь, бусы			Костяные изделия, оружие, гребни, подвески		
					Запад							
2	—	—	x	—	—	—	—	—	—	—	—	—
					Юг							
1	Реб.	x	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	x	—
5	М	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6	Ж	Фр.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10	Ж	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
11	М	x	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12	М	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
13	Реб.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14	М	—	—	—	x	—	—	—	—	—	—	—
15	Ж	—	—	x	—	x	x	x	—	—	—	—
16	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
17	М	—	—	—	—	—	—	—	—	x	x	—
18	М	—	x	—	—	—	—	—	—	—	—	—
19	М	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20	Реб.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
					Север							
1	—	—	—	—	—	—	x	—	—	—	—	—
2	Реб.	x	—	—	—	—	x	—	—	—	—	—
3	Реб.	x	—	x	—	—	—	—	—	—	—	—
4	—	x	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5	Реб.	x	—	x	—	—	—	—	—	—	—	—
6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	x	—
7	Ж?	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
8	М	—	—	x	—	x	x	—	—	—	—	—
9	—	x	—	—	—	—	x	—	x	—	x	—
10	Ж	x	—	x	—	—	x	—	—	—	—	—
11	—	—	—	—	—	—	x	—	—	—	x	—
12	1М	—	—	—	—	—	x	—	—	раковина		
	2Ж	—	—	—	—	—	x	—	—	астрагалы		
13	—	Фр.	—	x	—	—	x	—	—	—	—	x
14	М	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
15	—	x	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
16	М	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
17	М	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
18	Ж	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
19	Ж	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20	Ж?	—	—	x	—	x	x	—	—	—	x	—
21	М	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
22	—	x	x	—	—	—	—	—	—	—	—	—
23	—	x	—	x	—	—	x	—	—	—	—	—
24	—	Фр.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
25	—	—	—	—	—	x	—	—	—	—	—	—

с. 140], центром их ареала, как указывал Е. Н. Черных, является Поднепровье [6, с. 116—118]. Кинжальчик с остролистным клинком и широко расклепанным черенком индивидуален.

Посоховидные булавки со спирально закрученным (рис. 3, *5*) или крючковидным концом (рис. 3, *6*) распространены в различных культурах — Ноа, белогрудовской, белозерской, чернолесской и др. [5, с. 148, рис. 7; 6, с. 126].

Бронзовые спиральные пронизи (рис. 3, *10,11*), пронизи из свернутых бронзовых листов и витой бронзовой полоски (рис. 3, *7—9, 13*) известны в погребениях Чернянского могильника [5, с. 151, 148, рис. 7].

Подвеска из округлой в сечении проволоки с отогнутым и закрученным в спираль концом по форме и размерам близка находке из Днепровского Правобережья [7, с. 158, рис. 104, *2*], а кольцевидные наручные браслеты выявлены в погребениях Широчанского могильника, известны по находкам из кладов [6, с. 131].

Изделия из железа в памятниках этого времени редки, будуржельский кинжальчик (рис. 3, *3*) сопоставим с находкой из кочковатовского могильника [4, с. 12, рис. 2, *34*].

Кольца-браслеты из серебра встречены в четырех погребениях, все они плохой сохранности. Обломки изделия из погр. 15 (рис. 3, *14*) позволяют установить, что они изготовлялись из круглой в сечении проволоки толщиной 0,5—0,6 см и имели диаметр 5—6 см.

В ряде захоронений обнаружены изделия из кости. Они представлены двумя подвесками из клыков животных с отверстиями (погр. 3, 13), обломком наконечника стрелы из погреб. 17 и серией поделок из погр. 4, 6, 9, 11, 17, 20 (рис. 3, *16—18, 22—24, 29—31*). В погребениях такие поделки лежали обычно перед лицевой частью или у кистей рук, наборами по 11 (погр. 11, 20). Трассологический анализ, проведенный Г. И. Кизь-Сапожниковой, показал, что эти изделия отшлифованы полностью на абразиве, по всей поверхности имеются глубокие бороздки-порезы. Верхняя часть залощена, что четче прослеживается у острий, и залощенность отчасти сгладила поперечные борозды. Следы утилизации отмечены в виде наклонных мелких бороздок, расположенных под углом 30—50° к длинной оси главным образом на верхней трети изделия. Можно полагать, что эти поделки являлись своеобразными гребнями-чесалами. В погр. 17 они разбросаны по всему дну и здесь же был найден обломок наконечника стрелы, сопоставимой с находками из срубных и белозерских памятников [8, с. 81, рис. 1, *1, 2, 5, 6*].

Стеклянные бусы выявлены в 11 захоронениях — погр. 15 южной части, погр. 1—3, 8, 10—13, 20, 23 северной. Бусы округло-упрощенной формы, преобладает бирюзовая окраска. Подобные им известны среди материалов белозерских могильников (Широчанский, Чернянский, Кочковатое, Степное, Караклия, Суворово) и на поселении Большие Копани I Херсонской области [2, с. 143; 5, с. 153]. А. С. Островерхов отмечает, что масса этих бус сварена на золе каких-то континентальных растений, а окраска получена за счет соединения оловянистой бронзы. Такие бусы характерны только для белозерского периода степного Причерноморья [9, с. 98]. По химико-технологическим особенностям они не имеют аналогий как в предшествующих, так и поздних периодах. Не исключено, как полагают В. А. Галибин и А. С. Островерхов, их местное происхождение, они могли изготовляться в металлургических центрах. В погр. 9 южной части могильника обнаружена бочонковидная бусина из янтаря; в двух захоронениях найдены подвески из ракушек.

Определению культурно-хронологической позиции могильника Будуржель способствует сопоставление с такими памятниками, как Широчанский, Чернянский и др. могильники в Поднепровье [2, 5], в материалах которых находят аналогии находки из Будуржеля. Так, для различных в плане погребений больших могильников в общем характерна планировка рядами. В Будуржеле, как и в Чернянке, скопления керамики (тризна) сконцентрированы южнее могил, нахо-

дящихся в центре ряда. Сопоставимо также положение костяков — на правом или на левом боку; общими для всех костяков являются размещение рук и ориентировка. Есть сходство, как уже отмечалось, и в наборе инвентаря, в состав которого входят керамика в основном кубки), бусы из стекла, изделия из бронзы. Имеющиеся отличия незначительны. Они проявляются в наличии ям со столбовой конструкцией и деревянным перекрытием только в Широчанском могильнике, положении костяков (только в Широчанском и Будуржеле отмечена поза на спине, на спине с разворотом), различиях в наборах инвентаря. Так, только в Будуржеле известны серебряные браслеты и костяные гребни-чесала.

Будуржельский памятник единственный крупный в Северо-Западном Причерноморье могильник грунтового типа, тогда как остальные представлены одиночными грунтовыми захоронениями [4, с. 8, рис. 1]. Среди курганных памятников также известны как могильники, так и одиночные захоронения. Сходная ситуация отмечена и по мере удаления на восток [2, с. 121, рис. 34; 5, с. 155, рис. 9].

Грунтовые и курганные памятники рассматриваются как одновременные, а отличия по данному признаку объясняются следствием социальной дифференциации [2, с. 130]. Не исключено, однако, что этот признак отражает две линии в этнокультурном развитии белозерского населения [10, с. 31].

Из всех известных в настоящее время белозерских памятников исследованный нами является наиболее юго-западным, он расположен на стыке различных этномассивов. В какой же мере географическое расположение отразило особенности в обряде захоронения, инвентаре? По этим признакам Будуржельский памятник полностью сопоставим с известными восточнее. Возражая А. М. Лескову, объясняющему грунтовый обряд захоронения срубными традициями, А. И. Мелюкова придерживается мнения о западном влиянии, указывая на отсутствие подобного обряда у срубных племен [3, с. 38, 39].

В Северо-Западном Причерноморье обряд захоронения в грунтовых могильниках был распространен у носителей культуры многоваликовой керамики, его появление связано с влиянием культуры Монтеору [11, с. 42]. Он отсутствует у сабатиновских племен и вновь отмечается на белозерском этапе. Если учесть преобладание южной ориентировки в погребальных памятниках населения Карпато-Подунавья, мнение А. И. Мелюковой о западных элементах в обряде захоронения белозерской культуры представляется более обоснованным.

Как результат контактов с раннегальштатским населением возможно объяснить появление в белозерских памятниках кубков с каннелюрами, мелкими шишечками и налепами [3, с. 48—59], которые имеются и в могильнике Будуржель. Как импортное изделие можно рассматривать сосудик из погр. 10 северной части могильника (рис. 5, *16*). Подобные формы широко распространены среди культур балкано-дунайского региона в энеолите и бронзовом веке. Ближайшие аналогии этой находке имеются в хронологически близкой культуре погребальных урн [12, табл. XVI, 13, 14] и несколько более поздней культуре Бассарабь [13, с. 115, рис. 6, 13].

В отношении датировки могильника Будуржель можно отметить следующее. Памятники белозерской культуры в настоящее время в целом относятся к XII—X вв. до н. э. [2, с. 149] или к середине XII—X вв. до н. э. [14, с. 43, рис. 4]. К рубежу XII—XI вв. до н. э. относит нижнюю границу белозерско-тудоровских древностей в Северо-Западном Причерноморье В. П. Ванчугов [4, с. 15]. Отсутствие узкодатировочного материала в исследованном могильнике, широкие аналогии находкам дают основания датировать памятник в целом XII—XI вв. до н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андрух С. И., Добролюбский А. О., Тощев Г. Н.* Курганы у села Плавни в низовьях Дуная. Киев, 1985. Депонирована в ИНИОН АН СССР 13.06.85, № 21110.
2. *Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1986.
3. *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979.

4. *Ванчугов В. П., Черняков И. Т.* Северо-Западное Причерноморье на рубеже эпох бронзы и железа//Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1984.
5. *Кубышев А. И., Черняков И. Т.* Грунтовый могильник белозерской культуры у села Чернянка (Херсонская область)//СА. 1986. № 3.
6. *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М.: Наука, 1976.
7. *Тереножкин А. И.* Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев: Наук. думка, 1961.
8. *Клочко В. И.* К вопросу о происхождении скифских наконечников стрел//Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев: Наук. думка, 1984.
9. *Островерхов А. С.* Стекло и фаянс как источник для изучения прогресса археологических культур Северного Причерноморья в эпоху бронзы и раннего железа//Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тез. докл. Всесоюз. симпозиума, посвященного 60-летию образования СССР. Ереван, 1982.
10. *Тощев Г. Н.* Памятники белозерского периода у с. Струмок Одесской области//Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1984.
11. *Тощев Г. Н.* Бескурганные погребения культуры многоваликовой керамики Северо-Западного Причерноморья//Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982.
12. *Patek E.* Die Urnenfelderkultur in Transdanubien. Budapest, 1968.
13. *Vulpe A.* Zur mitteren Hallstattzeit in Rumanien (Die Basarabi-Kultur). Dacia, 1965.
14. *Смирнова Г. И.* Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР//СА. 1985. № 4.

Запорожский государственный университет

G. N. TOSHCHEV

THE CEMETERY OF BELOZERSK TYPE BUDURZHEL IN DANUBE REGION

Summary

In 1980—1981 Ismail expedition of the Ukrain Institute of Archaeology investigated the subsoil cemetry with 43 burials of Belozersk type. The cemetery is situated near Novoselskoye village (Reniysk district, Odessa region). The burials are arranged in two lines from west to east, forming two groups (northern and southern) one burial is to the west from groups. The burial pits are oval and rectangular forms. The deads lied in the contracted position on their sides, the hads pointing south with deviation. The main cathegory of artefacts are pottery vessels, bronze, silver and glass ornaments, bronze and iron little dagger. The pieces of pottery were found near the burials. The material of the cemetery has an analogy to the subsoil and kurgan barrow cemeteries of Belozersk culture and point out the links with Danube region archaeological cultures.

С. В. ВИВДЕНКО

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ТЕХНОЛОГИИ БАКТРИЙСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ ЭПОХИ КУШАН

Материальной основой пластического искусства Бактрии послужили общеизвестные материалы — глина и гипс. Как правило, определенные художественные идеи требуют определенного материала. Учитывая, что основным принципом художественной культуры Бактрии был синтез искусств — архитектуры, пластики, живописи, правомерно предположить, что скульптура могла выполнять роль монументального произведения, украшавшего дворцы кушанских правителей и буддийские святилища, только обладая определенными технологическими характеристиками, прочностью, долговечностью. С подобной точки зрения скульптура представляла для нас симбиоз художественных и технологических проблем. И если произведения бактрийской пластики в художественном аспекте как феномен античного искусства исследованы достаточно полно и всесторонне [1, с. 69—80; 2, с. 153—215; 3, с. 90—97], то к технико-технологическим характеристикам их можно добавить некоторую информацию. Настоящая статья посвящена скульптуре бактрийских памятников кушанского времени Халчаян и Дальверзин. Вопросы, связанные с техникой лепки подобной скульптуры, уже обсуждались в литературе [2, с. 153, 154; 3, с. 83—94], изучению же технологии использовавшегося минерального сырья внимание практически не уделялось.

Исследуемые художественные комплексы обладали своими стилистическими и, как следствие, технологическими особенностями, в то же время имея общую тенденцию — тесное переплетение династийной и культовой тематики. Скульптурные композиции памятников Дальверзина изображали сцены почитания Будды представителями правящей династии, в Халчаяне божества покровительствовали новым владыкам — представителям Кушанского рода.

Халчаянская скульптура, более ранняя по времени — рубеж новой эры, испытывала на себе более сильное влияние эллинистической культуры, изобилуя яркими, динамичными образами: характерные черты халчаянского стиля — эмоциональность, психологизм.

С течением времени происходит смена моральных ценностей буддийской религии: в Будде, в приобщении к Нему, в растворении в Нем, как прежде в нирване, видят высшее блаженство, высшую цель своего существования почитатели Его учения. Идеи вечности, отвлеченности от всего земного приобретают основополагающее значение и в жизни, и в искусстве. В скульптуре буддийских святилищ Дальверзина (I—III вв. н.э.), продолжающей ту же династическую тематику, уже господствует другое стилевое направление — идеализация образа. На смену психологическому портрету приходят «трансцендентность и иератизм», наиболее полно передающие идею незыблемости и бесконечности самого Будды, идею нерушимого господства династии Великих Кушан.

Создавалась бактрийская скульптура из гипса, когда целое произведение или его части отливались в специальных формах, и из глины, путем последовательного наращивания слоев, но чаще в смешанной технике лепки — из внутренней глиняной основы, покрываемой гипсовым слоем. Выбор материала определялся

© С. В. Вивденко, 1992 г.

не только его широким локальным распространением, но и конструктивными соображениями: легкая, пористая глиняная скульптура, выполненная в технике высокого рельефа, успешно справлялась с ролью пристенной скульптуры. Применение в этих же условиях более твердых и тяжелых материалов было бы сопряжено с большими технологическими сложностями. Когда глина применялась как пластичный материал для скульптурной модели, мастер практически не заботился о ее составе, стремясь просто использовать специальную природную глину, зеленоватую или светло-серую как наиболее эластичную и податливую или серо-желтую, более сухую и грубую [4, с. 13]. В бактрийской пластике не было случайного применения сырья, существовала четко отработанная технология, отличающаяся сложностью и дифференцированностью состава.

Проникнуть в тонкости технологии бактрийской скульптуры помогли методы физико-химического анализа (спектральный-эмиссионный, химический, ИК-спектроскопия) и петрографический анализ.

К специфическим чертам халчаянской технологии нужно отнести следующие: необычайно высокое качество глинистого компонента, очень низкое содержание карбоната и особый характер специально вводимой обломочной примеси. Глинистый материал Халчаяна представлен агрегатом тонкочешуйчатых частиц с высоким светопреломлением, с оптически ориентированным строением; в дальверзинской скульптуре распространен глинистый материал с низким и средним светопреломлением, преимущественным неориентированным строением частиц. Античные мастера уже знали, что степень пластичности глиняных масс зависит от срока их выдерживания, вылеживания. Именно в результате вылеживания глина подвергается медленному распаду под влиянием воды и температуры, физической переориентации и укладке частиц [5, с. 12—14]. Из строгого, оптически ориентированного строения глиняных частиц следует, что халчаянские мастера подвергали глину длительному вылеживанию, что значительно повышало ее качество. Глины халчаянских мастерских по высокому содержанию железа (7,45 против 4,49% для Дальверзина) можно отнести к пластичным, жирным глинам. Но ожелезненные глины имеют склонность к усадке, для снижения которой к ним добавляется отощитель.

Очень низкое содержание в халчаянском сырье карбоната, в основном кальцита, неравномерно распределенного в сырье в количестве 5—10%, позволяет принимать его за естественную примесь исходного лёссового материала; для карбонатной составляющей дальверзинской скульптуры этот показатель значительно выше 25—30, иногда 35%, с равномерным распределением в толще скульптурного материала, что свидетельствует о преднамеренном введении карбоната в сырье.

Добавляемый обломочный наполнитель составляет в тесте халчаянской скульптуры только 15% (для дальверзинской доходит до 40%) и представлен хорошо отсортированным материалом с зернами размером 0,05—1,00 и 0,01—0,05 мм; в скульптуре Дальверзина помимо зерен подобной микроразмерности достаточно часто встречаются обломки песчаной и гравийной размерности. Отличается и минералогический состав обломочного материала; в Халчаяне большая доля его (помимо кварца и полевых шпатов) представлена гипсом, который располагается в тесте равномерно, имея одинаковое направление с расположением пор.

Столь значительное различие в составах сырья находит свое отражение в результатах химического анализа, который определил более высокое содержание глинозема в халчаянской скульптуре — 15,20% (против 12,12% для скульптуры Дальверзина), что хорошо согласуется с более высоким содержанием глинистого компонента. Кроме того, тесто халчаянской скульптуры содержит значительно меньше оксида кальция — 6,3% (против 10,02%), что связано с очень низким содержанием карбонатов, о чем было сказано выше.

Таким образом, с полным основанием можно констатировать наличие развитой школы халчаянских мастеров, тщательно и целенаправленно осуществлявших выбор и подготовку скульптурного материала. Только подобный хорошо подготовленный пластичный материал мог стать фундаментом для воплощения столь

характерных образов халчаянской скульптуры. По тем же технологическим законам была вылеплена голова, найденная в буддийском святилище на Дальверзине (Дт-25). Сохранился только фрагмент головы с прической из волнообразно расположенных волос, покрытых черной краской. Здесь наблюдался тот же принцип подбора и подготовки материала: очень высокое содержание глинистого компонента — 65% (против обычных для дальверзинской скульптуры 45%), ориентированное строение глинистых частиц, небольшое количество карбоната — 15—17%, небольшая примесь отощающего обломочного материала (до 20%), наличие в его составе гипса.

Все это свидетельствует о том, что дальверзинские скульптуры были хорошо знакомы с технологическими секретами халчаянской мастерской, но новые идейные замыслы требовали новых средств и методов воплощения, буддийские каноны оказывали все более решающее влияние на бактрийскую пластику, «отравляя» ее символикой и обобщенностью.

По-прежнему сохраняется традиция исполнения скульптуры из глины, но все чаще скульпторы обращаются к гипсу, гипс уже не добавляется в материал, как это делалось в Халчаяне, а все шире используется для основательной поверхностной обработки глины; из него создаются налепные украшения и другие аксессуары буддийской скульптуры. В халчаянской скульптуре гипсовые обмазки выполняли только роль тонкой грунтовой промазки, наносимой под минеральные красители.

Для скульптуры Дальверзина (Дт-25), выполненной без гипсовой обмазки, наблюдается в основном прежний подход к выбору глиняного сырья: для облагораживания в тесто стараются добавлять глину с ориентированным строением частиц, т. е. глину выдержанную, пластичную. Но в ваянии глиняной скульптуры появляются и свои особенности. Заметна дифференциация между сортностью глиняного сырья и размером скульптуры. Глина, из которой вылеплены небольшая женская фигурка, голова бодисатвы, покрытая красной краской, спиралевидный завиток волос с головы Будды, фрагмент головы с волнообразно уложенными черными волосами (т. е. скульптура небольших размеров или отдельные детали крупной скульптуры), отличается низким содержанием карбоната, что предполагает специальный выбор слабозаизвесткованного сырья для подобных фигур и деталей.

Для глиняной скульптуры больших размеров существовали свои технологические закономерности, сырье отличалось высоким содержанием карбоната (до 35%). Мастера не только не стремились использовать малозаизвесткованные глины, но и специально вводили в них карбонатные, известковые компоненты (кальцит и доломит) как отощающую примесь. Не удивительно, что древние мастера столь активно обращаются к карбонату, который является одним из наиболее распространенных отощителей, к тому времени уже десятки веков применявшихся в производстве глиняной посуды. Вот примерный состав отощающей обломочной примеси, содержание которой в скульптурном материале Дт-25 достигало 30—40%: кварц 30—40%, полевые шпаты 25—30, карбонат добавленный 5—10, слюда 2—3, породы 25—30%.

Обязательной примесью в тесте глиняной скульптуры являлась органика, она представлена несколькими видами органических веществ: углистыми частицами, остатками растительного вещества, органогенным шламом из обломков ракушечника и органическим изотропным веществом, вероятно клеем. Интересен тот факт, что органическое связующее, представленное клееподобным веществом, обнаружено преимущественно в поверхностных слоях скульптуры, пластичность и прочность материалов которых была наиболее важна. О наличии подобного органического связующего свидетельствуют также результаты химического анализа, указывающие на повышенное содержание оксидов углерода, фосфора и серы (для органики вообще), и данные ИК-спектроскопии. На графике спектра глиняного сырья обнаружены полосы поглощения в области 2950, 2870, 1740, 1640 $см^{-1}$, что позволяет предположительно отнести клееподобное органическое

вещество к полисахаридам типа камеди, крахмала; однозначный вывод о характере связующего возможен лишь с применением метода хроматографии.

Растительные вещества, вводимые в тесто в виде коротких обрывков волокон, призваны были не только армировать скульптуру, но и, разлагаясь со временем, обеспечить высокую пористость. Пористость являлась эффективным средством снятия напряжений и деформаций при появлении набухания или усадки, возникавших с колебаниями влажности и температуры. Обилие пор делало конструкцию легкой, что для монументальной скульптуры, крепившейся непосредственно на стене, играло немаловажную роль.

Из всех исследованных внешних скульптурных слоев отсутствие органического связующего в глиняной дальверзинской скульптуре наблюдалось только у небольшой женской скульптуры, технология которой очень близка к халчаянской (низкое содержание карбоната, добавки высокосортной глины, хорошая сортировка обломочной примеси). Ни в одном из изученных халчаянских образцов органики подобного типа обнаружено не было. Вероятно, применение органического связующего полисахаридного типа — специфическая черта дальверзинской скульптурной школы.

К другим особенностям дальверзинской пластики нужно отнести строгую дифференциацию состава теста по слоям. Отличие внешних слоев от внутренних существует и в халчаянской скульптуре. Увеличение глинистого компонента, повышение содержания карбоната, преобладание более тонкого обломочного материала во внешних слоях, субпараллельное расположение пор во внутренних — вот общие тенденции в технологии глиняной скульптуры Халчаяна и Дальверзина. Но в дальверзинской скульптуре выделяется строгая специфичность состава каждого последующего слоя.

Как менялось скульптурное тесто при движении к поверхности, интересно проследить на строении скульптурного фрагмента, представленного нижней половиной мужской фигуры, облаченной в одежды с ниспадающими складками. Каждый слой толщиной приблизительно в 1 см имел свое особое строение. Первый внутренний слой представлен скульптурной массой, на 50% состоящей из бурой глины неориентированного строения с добавками более высокосортной глины. Карбонат составлял 20% теста, равномерно распределен в массе в виде тонкоперетертого кальцита и доломита. Обломочная примесь составляет 25—30%, преобладает песчаная размерность зерен, единично встречается даже гравий. Состав обломочной примеси: кварц 30%, полевые шпаты 30, породы 25—30, карбонат введенный 5—10, биотит (слюда черного цвета) 2—3%, органика представлена углистыми частицами и остатками ракушечника. Тесто пористое (7—10%), поры расположены неравномерно. Основное назначение слоя — заполнить внутреннее пространство скульптуры цементирующей массой.

Второй внутренний слой отличается не столько по количественному составу (глина 55%, карбонат 20, обломочная примесь 20—25%), как качественно. При том же содержании карбоната и почти одинаковом соотношении компонентов обломочной примеси разнятся минералогические составы материала. Глина светло-бурого цвета, без добавок глины оптически ориентированного строения; различается состав полевых шпатов; в породах обломочной примеси присутствуют пегматит, глауконит, не обнаруженные в первом слое. Органические компоненты представлены помимо органогенного шлама обрывками растительных волокон, отсутствовавших в первом слое, нет углистых частиц. Видимо, для этого слоя прочность становится более важной функцией, вводится армирующий материал.

Самый верхний слой имел значительную разницу с внутренними и по качественным, и по количественным характеристикам; он состоял из 30—40% глинистого вещества, 30 — карбоната и 30% обломочной примеси. Отощающий материал лучше отсортирован (зерна величиной 0,01—0,05 мм), отсутствуют обломки песчаной и гравийной размерности. Расположение отощающего материала в тесте не беспорядочное, как раньше, а строго линейное, состав его характеризуется присутствием большого количества слюды, которая представлена не

только черным биотитом, но в большей степени светлым серицито-мусковитом, карбонат представлен только кальцитом. В органических добавках помимо органогенного шлама и обрывков растительных волокон присутствует органическое связующее, о котором шла речь выше. Очень велико количество пор (30%), поры идут в одном направлении. Подобный состав обеспечил высокую прочность и пористость верхнего скульптурного слоя.

Оригинальный состав имел третий, промежуточный слой, не содержащий клееподобного органического вещества, но включающий в состав обломочного материала гипс, который не был встречен ни в одном из перечисленных слоев. Случаи использования гипсовой крошки в качестве активного наполнителя, увеличивающего связность цементирующего слоя, известны в древнем мире [6, с. 85]. На этих знаниях было основано широкое применение гипсового обломочного материала в халчаянской скульптуре; обращались к нему изредка и дальверзинские мастера, предпочитавшие, однако, карбонатные добавки.

Подобная разница в составах внешних и внутренних слоев находит отражение в данных спектрального-эмиссионного анализа, несущего информацию о составе химических элементов, особенно примесных. Анализ показал, что все внутренние слои дальверзинской скульптуры содержали устойчивую примесь висмута, присутствие последнего можно объяснить вхождением в состав рудных (обломочных) минералов сопутствующего сульфида висмута, содержание которого увеличивается во внутренних слоях с соответствующим увеличением общего содержания обломочного материала. Во всех исследованных внешних слоях висмут отсутствовал.

Основное различие между династической и культовой скульптурой буддийского святилища Дт-25 состоит в преимущественном обращении к гипсовому материалу, когда речь идет о культовых образах. Явление это связывают с тем, что гипс был наиболее удобным материалом для формовки многочисленных украшений и деталей — символов и атрибутов, пришедших в буддийскую пластику из раннего учения буддизма, хинаяны, и отливки целых фигур с установлением господства буддийского канона.

Для вариантов династийной скульптуры, воплощенных в глиняном материале (фрагменты мужской и женской фигур), остаются в силе технологические принципы халчаянской школы: строгий подбор основного глинистого материала, глина с частично ориентированным строением (подвергалась вылеживанию) и добавлением большого количества тонкоперетертого слюдистого материала и глины другого сорта, более обохренной, но менее заизвесткованной, т. е. более пластичной.

Что касается культовых образов, нужно отметить избирательность технологии скульптуры Будды: облагороженный глинистый материал, состоящий из смеси глины двух сортов, хорошая сортировка обломочной примеси, — даже внутренние слои имеют зерна примеси только мелкопесчаной размерности 0,10—0,25 мм, обильно представлена органика, верхние слои содержат совсем необычный кластический материал, не встречавшийся ни в одной другой скульптуре, — обломки стекла.

Культовая скульптура святилища на Дт-25, выполненная в смешанной технике с гипсовой обмазкой (фигура бодхисатвы), имеет свои технологические особенности: низкое качество глиняного сырья, представленного одним сортом глины, большой разброс величины зерен обломочного материала, свидетельствующий о плохой сортировке, отсутствие органического клееподобного связующего, необходимость в котором, видимо, была меньше, с применением поверхностной гипсовой обмазки.

Интересные результаты дало исследование гипсового материала кушанской скульптуры. При подходе к подготовке гипсового сырья античные мастера руководствовались общими законами: основной материал очищался и модифицировался добавками. Гипсовый материал дальверзинской скульптуры представлен основной гипсовой массой, состоящей из микрозернисто-чешуйчатого вторичного гипса (75%), в котором расположены более крупные зерна гипса другого строения,

спутанно-волокнистого или пластинчато-волокнистого (15—20%), и инородными добавками: кварцем, полевыми шпатами, породами, глинистым веществом.

Гипс с отличной от основной массы структурой представлял не специально введенный гипсовый наполнитель, а был результатом недожега исходного гипсового сырья. Случаи включения в гипсовое тесто гипсовой породы (недожега) известны для штукатурок средневековых памятников [6, с. 84].

Важным моментом в технологии гипсового сырья является применение органических добавок. Органика представлена углистыми частицами, остатками растительных волокон и примазками органического вещества. Подобный состав гипсовой смеси обусловлен причинами технического характера: гипс в виде теста без заполнителя обнаруживает повышенную склонность к усадке как при твердении, так и под влиянием влажностных изменений (гипсовые изделия при высыхании дают усадку в размере 0,1, а в результате колебания влажности — до 2% [7, с. 61, 62]. Таким образом, обломочная примесь добавлялась в первую очередь для того, чтобы предотвратить усадку и растрескивание гипсового изделия.

Второй причиной является быстрое схватывание гипса (начало схватывания — через 4 мин после затворения водой, конец — через 20 мин [7, с. 55]). Для того чтобы мастер мог детально обработать гипсовую поверхность, необходимо увеличить этот промежуток времени; с этой целью в гипс добавляются замедлители схватывания. Обломочная примесь (песок, глина) и перетертые растительные волокна несколько замедляют схватывание, но более эффективно делают это добавки органических веществ: казеина, гуммиарабика, шереша, желатина и прочих органических связующих [6, с. 73, 74; 8, с. 33]. Введение этих добавок тем более необходимо, что присутствие в тесте недожженной первоначальной породы ведет к ускорению твердения [6, с. 74], скорректировать которое помогут вышеназванные заместители.

При совместном введении ускорителей и замедлителей, как это имело место в изучаемом нами гипсовом материале, где присутствовали оба вида добавок, на первом этапе твердения проявляется влияние замедлителя. В течение этого, так называемого индукционного периода гипсовое тесто обладает пластичностью (чем должен был воспользоваться мастер), но не набирает прочности. В дальнейшем наступает быстрое твердение с такой же скоростью, как и в присутствии ускорителей [7, с. 57, 58].

Как влияют добавки на прочность гипсовых обмазок и изделий? Прибавка к гипсу замедлителей твердения способствует образованию более твердых отливок [8, с. 28], особенно это относится к замедлителям органического характера типа камедей, шереша, желатина. Напротив, органические растительные остатки (обрывки волокон) сильно понижают прочность гипсового изделия [7, с. 61].

В технологии гипсовых обмазок наблюдалась та же тенденция, что и в глиняной скульптуре: технология изготовления малых пластических форм отличалась от технологии обработки больших фигур, что вполне обоснованно, так как крупные гипсовые детали заметнее проявляют усадку и деформацию, чем маленькие. Гипсовая обмазка миниатюрной скульптуры, от которой сохранилась верхняя часть торса, отличается от гипсового материала, который наносился поверх глиняного основания скульптуры бодисатвы. Первая на 80% состояла из основной ткани вторичного гипса (т. е. гипса, прошедшего обжиг), содержащей 17—20% гипсового недожега и только единично встречающиеся зерна обломочной примеси. Мастером использовался практически чистый гипс высокого качества, без каких-либо добавок, обмазка изящна, вполне соответствует характеру и размерам скульптуры.

Напротив, в верхнем слое бодисатвы гипс составлял лишь 50—60%, включения недожженного гипсового материала 20—25%. а доля добавляемой примеси 25%. Сортировка обломочного материала плохая, размер зерен разный. Весьма разнообразен и его состав: реликты бурой глины и охристого вещества с добавками кальцита, различные кварцевые и слюдистые породы. Органика отсутствовала — мастер, видимо, не ставил цели снизить скорость твердения гипса, так как в

данном случае отсутствовала необходимость детальной обработки, обильной же обломочной примеси было достаточно для придания нужной скорости схватывания. Иной и вид покрытия — толстый слой с грубоватой шероховатой фактурой.

Обращаясь к исходному гипсовому материалу, самой гипсовой породе, можно предположить, что ганч (природная смесь гипса с глиной, песком 25% и карбонатом 4% [6, с. 72]) применялся лишь для грубоватых обмазок; для тонких обмазок и формовки украшений выбиралась чистая гипсовая порода.

Как и в глиняной скульптуре, здесь наблюдается дифференцированный подход к созданию определенных культовых образов. Гипсовая обмазка глиняной головы Будды готовилась с большой тщательностью: обломочная примесь составляет всего 5—10%, размерность обломков однородная, песчаная, присутствует органическое вещество — замедлитель.

С особой тщательностью готовилось сырье и для формовки деталей. Налепные гипсовые детали, имитирующие украшения бодисатвы, имели совершенно другой состав, нежели гипсовая смесь, применявшаяся для обмазки лица и складок одежды этой же скульптуры: гипс для формовки украшений содержал лишь единичные пылевидные зерна обломочной примеси и органическое вещество, которого не обнаружено в обмазке бодисатвы. Органика вводилась для улучшения техники формовки (расширение гипса в формах уменьшается при введении замедлителей схватывания [7, с. 62]).

Особняком в дальверзинской скульптуре стоит скульптурный комплекс из загородного буддийского святилища на Дт-1. Технология глиняного сырья этого комплекса ближе традициям халчаянской скульптурной мастерской: низкое содержание карбоната (15—20%) и обломочной примеси (15—20%), наличие в среде обломочного материала зерен гипса, однако присутствуют и черты, специфичные для дальверзинской скульптуры, — низкосортный глинистый материал. По составу материал скульптуры с Дт-1 схож с природным среднеазиатским лёссом, но в отличие от халчаянского не подвергался тщательной предварительной обработке (вылеживанию). Результаты химического анализа подтверждают различие в составах скульптуры: на Дт-1 занижено содержание кремнезема, оксидов серы и фосфора, повышено содержание глинозема, что свидетельствует о пониженном содержании примесей в глиняном сырье.

Гипс, применявшийся для обмазки глиняной скульптуры, найденной на Дт-1, также заметно отличался от материала скульптуры Дт-25 бо́льшим содержанием обломочного, преимущественно песчаного материала (35% даже в мелких деталях) и отсутствием органической примеси. Можно утверждать, что технология сырья этого скульптурного комплекса была на более низком качественном уровне.

Нельзя не обратить внимания на различное расположение скульптуры Халчаяна и Дальверзина в пространстве: оба комплекса представлены монументальной скульптурой, связанной со стеной, но для халчаянской скульптуры связь эта осуществляется тектонически: фигуры как бы вырастают из плоскости стены, переходя из барельефа в горельеф и выше — в круглую скульптуру. Для дальверзинской, выполненной то в горельефе, то в форме почти круглой скульптуры (покоившейся на постаментах или в нишах) с деформированной задней поверхностью, которой она крепилась к стене, связь эта менее органична. Расположение, безусловно, диктовало свои технические требования к скульптуре: если халчаянская непременно должна была обладать легкостью и прочностью, дальверзинской надлежало быть прочной и по возможности более статичной. Отсюда — разнообразие отощающего материала, обилие или отсутствие органики, точное функциональное назначение каждого скульптурного слоя.

О том, что не могло быть индифферентного подхода к выбору сырья, свидетельствует тот факт, что даже материал постамента для скульптуры был своеобразен, отличаясь по химическому составу от материала самой скульптуры (пониженное содержание кремнезема, повышенное — глинозема, очень высокое содержание магнезиальной составляющей, низкая ожелезненность, низкое содержание оксидов углерода, фосфора и серы). Глина была малопластичной, с низким

содержанием органики. Материал постаментов не находит подобия ни в строительных растворах, ни в кирпичах, более близок он по составу к материалу крупных форм станковой керамики.

В заключение представим несколько выводов, которые позволило сделать исследование особенностей технологии скульптурного сырья.

1. Технология лепки глиняной скульптуры, которая служит мастеру моделью будущего произведения, отличается от ваяния бактрийской глиняной скульптуры, имевшей сложную отработанную технологию сырья; для гипсовой литой скульптуры подобного отличия нет — принцип един: сначала в форму заливается более высококачественный гипс, затем грубая его смесь, — как для моделей, так и для законченных бактрийских скульптурных вариантов. [4, с. 37—44; 9, с. 14, 15].

2. Существовали местные скульптурные мастерские с характерными чертами технологии, находившими отражение в текстуре: выразительной — в Халчаяне, строго дифференцированной в зависимости от образа — в Дальверзине. Подобные явления наблюдались для античных греческих терракот мастерских Танагры, Вингеды, Пергамена (II в. до н.э.), стилистически близких, но разнящихся технологически.

3. Халчаянская школа бактрийской пластики отмечена искусным проведением операций по подготовке сырья (исходного лёссового материала).

4. Дальверзинские скульптурные мастерские знакомы с традициями раннекушанского пластического искусства, но имеют свою специфику. Технология высокого уровня, своеобразна, освоено введение новых наполнителей, применяется функциональная многослойность, но начинают проступать отдельные регрессивные элементы — использование низкокачественного сырья, а именно, невыдержанного глинистого материала.

5. Социальные процессы — от восхождения на исторической арене новой молодой власти до триумфа Кушанской державы — индуцировали определенные эволюционные явления в пластическом искусстве Северной Бактрии, отражаясь и на его технологии. Те же тенденции наблюдались и в производстве северобактрийской керамики, и в коропластике.

6. Бактрийские скульпторы, видимо, не ошиблись, остановив свой выбор на глиняном (преимущественно) материале. Возможно, именно общность материальной природы скульптуры и архитектуры, зиждившихся на едином сырье, позволяла им добиться наибольшей гармонии и выразительности скульптурных комплексов, максимального эффекта их психологического воздействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пугаченкова Г. А.* Искусство Бактрии эпохи Кушан. М.: Искусство, 1979.
2. *Пугаченкова Г. А.* Халчаян. Ташкент: Фан, 1966.
3. *Пугаченкова Г. А., Тургунов Б. А.* Буддийское святилище в загородной зоне//Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978.
4. *Чайков И. М.* Лепка и формовка скульптуры. М.: Искусство, 1953.
5. *Сайко Э. В.* Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М.: Наука, 1982.
6. *Значко-Яворский И. Л.* Очерки истории вяжущих веществ. М.; Л.: АН СССР, 1963.
7. *Волженский А. В., Буров Ю. С., Колокольчиков В. С.* Минеральные вяжущие вещества. М.: Наука, 1973.
8. *Будников П. П.* Гипс. Л.: АН СССР, 1933.
9. *Федорович Е. Ф., Левушкина С. В.* Гипс в древней скульптуре Дальверзин-тепе//Реставрация и хранение музейных художественных ценностей. Вып. 6(9). М.: Информкультура, 1974.

Институт искусствознания
им. Хамзы, Ташкент

S. V. VIVDENKO

ABOUT THE TECHNOLOGICAL PECULIARITIES OF KUSHAN BACTRIA SCULPTURE

Summary

The article is considered the results of study of Bactrian (Buddhist and dynastical) sculpture. The study of technical and technological peculiarities was proceeded by using the methods of physico-chemical analyses. The special attention was given to the technology of raw materials — clay, plaster. As a result some appropriateness of creation of Bactrian sculpture were exposed: using the special composition of clay and plaster (utilization of antiplastics, organic matter). The difference of technology in Khalchajan and Dalverzin workshops took place. We can see the difference in using of row materials — clay and plaster — depending on image: the material for realization of Budda image was made especially carefully.

А. А. ЗАВОЙКИН

КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАГМЕНТОВ САМОССКИХ АМФОР ИЗ ФАНАГОРИИ

По данным В. Грейс, впервые вопрос о керамической таре Самоса был поставлен в 1910 г. Никитой Д. Хавиарасом, когда он высказал соображение о соответствии изображения сосудов на клеймах неизвестного типа, найденных на этом острове, с амфорами названного центра [1, с. 52, 53]. Спустя полвека И. Б. Зеест «только на основании характера глины» среди архаических амфор выделила группу самосских VI—V вв. до н. э. («наиболее характерны они для комплексов второй половины VI и начала V в. до н. э.») [2, с. 70, табл. 1, *3*].[1] Представления о самосском экспорте товаров в керамической таре в Северное Причерноморье были позднее расширены работами И. Б. Брашинского [4, с. 94 сл.; 5, с. 54 сл.; 6, с. 22 сл.; 7, с. 115 сл.; 8, с. 15; 9, с. 29—33]. Исследователь опубликовал второй целую (утрачена ножка) амфору, датируемую по комплексу второй четвертью V в., из кургана 25 (1966 г.) Елизаветовского некрополя [7, с. 115, рис. 44, *6*] и сосуд из Ольвии, по его мнению, того же времени (из хозяйственной ямы 13 конца VI — первой половины V в. до н. э., раскоп E_9, 1962 г.) [6, с. 22, рис. 2], показав тем самым, что торговые связи Северного Причерноморья и Самоса сохранялись и в первой половине V в. до н. э., точнее — вплоть до 440-х годов, полагая, что в «более позднее время они мало вероятны, а скорее даже исключены» [6, с. 25].

Основанием для идентификации этих амфор явилось применение нумизматического метода: сопоставление типов серебряных монет Самоса и эмблем на клеймах, изображавших амфоры, с формой самой керамической тары [6, с. 23—24; 9, с. 29, 30].[2]

Позднее [9, с. 31, сн. 22] исследователь отмечает, что о керамической таре Самоса второй половины — конца V в. до н. э. можно судить по аналогии, представленной бронзовой амфорой из некрополя Пантикапея. Он также сообщает, что ему известна почти целая амфора (хранится в ОИПК ГЭ, инв. № 1830/318, б. п.), которую он сопоставляет с сосудами конца V — начала IV в. до н. э., опубликованными В. Грейс [1, с. 76, рис. 3, *3* и табл. 15, *9*].

В 1968 г. О. Д. Лордкипанидзе высказал предположение, что так называемые «протофасосские» (по терминологии И. Б. Зеест) амфоры (или их часть) происходят из мастерских Самоса [11, с. 37—40]. Далее эта точка зрения была принята и развита в работах Н. А. Лейпунской [12, с. 50 сл., рис. 3, *1* и *2*; 13, с. 51, табл. 2, *3*], которая датирует данную группу керамики VI — первой половиной V в. до н. э.

В 1971 г. увидела свет статья В. Грейс, специально посвященная исследованию самосской керамической тары [1]. В ней получили освещение вопросы локализации амфор, подробно проанализированы керамические клейма данного центра, на-

[1] В книге, изданной в 1953 г., В. Д. Блаватский приводит образец (без ссылки на источник) самосской амфоры начала VI в. [3, с. 36, табл. 1, 2].

[2] Ранее суждения о безэмблемных клеймах Самоса IV в. с легендой «ΣΑ» вслед за Н. Д. Кивокурцевым были высказаны Б. Н. Граковым [10, с. 94, № 62, 63].

© А. А. Завойкин, 1992 г.

конец, на базе изучения целых форм сосудов и их фрагментов, происходящих из узкодатируемых комплексов, был составлен типологический ряд самосских амфор и прослежено их развитие начиная с VI и по крайней мере до IV в. до н. э. включительно.

(1) Самый ранний сосуд по контексту датируется чуть позже 570 г. (Кипр, Марион, гробница 83.3).[3] (2) К несколько более позднему времени относится фрагмент P 14694, найденный на афинской агоре.[4] (3) В значительно большем числе известны амфоры конца VI — начала V в. до н. э. [1, табл. 15, *3*].[5]

Идентификация тары этого времени основана на анализе сходства форм амфор с сосудами из раскопок некрополя Самоса и найденных в прибрежных водах острова [1, с. 71], а также на сопоставлении с более поздними, определенными нумизматическим методом. Глина самосских амфор, по В. Грейс, обычно красная или красноватая, иногда темно-красная, иногда коричневатая или сероватая на поверхности (реже, в толще черепка); поверхность часто «цвета буйволовой кожи» (buff) или желтая; слюда практически всегда видна на чистой поверхности, меньше — в изломе [1, с. 72, 73, сн. 53].

(4) За типом 3 непосредственно следует амфора, найденная в море близ Тигани (Самос) [1, табл. 15, *4*]; к несколько более позднему времени относится сосуд с Кипра (Марион, гробница 71.6) (5) [18, с. 81, табл. 1, *d*]. (6) Следующий этап развития представлен типом амфоры, реконструируемой по фрагментам из колодца афинской агоры, материалы из которого датируются 460—440 гг. [1, с. 76, рис. 3, *1*; 19, кат. № 167, с. 103, рис. 5 и табл. 39].[6] Несколько более поздним временем датируется горло самосской амфоры из комплекса R 11 : 3 афинской агоры (P 25426) — 450—425 гг. [1, с. 76].

Хотя находки амфор этого времени на самом Самосе неизвестны, подтверждение идентификации находят в типах самосских монет [1, с. 75, 76, табл. 15, *6* (468/467 гг.), *7* (460/459 гг.), *8* (ок. 446 г.)], на которых изображены характерные сосуды с более утонченными туловами, горлами, ручками по сравнению с ранними амфорами.[7]

(7) Изображение на тригемиоболе [1, табл. 15, *8*] В. Грейс сопоставляет с амфорой, найденной на Фасосе, которая происходит из «неопределенного» контекста V в. до н. э. [18, с. 81, табл. I, *k*]. В сравнении с тарой 460—440 гг. она имеет более тяжелый венец, более длинные и менее поднятые ручки, горло расширяется к плечу, тулово стройнее; желобок приходится примерно на середину горла; ножка амфоры также имеет «манжетку» (по терминологии И. Б. Зеест — «рантик» [2, с. 78]) снаружи, напоминающую по несколько вогнутой образующей профилировку более поздней амфоры [1, с. 76, рис. 3, *2*]. (8) Из контекста четвертой четверти V в. до н. э. (афинская агора)

---

[3] Амфора в целом соответствует схематическому рисунку В. Бёлау материалов из раскопок некрополя Тигани на Самосе [1, с. 68, рис. 1, *1* ср.: табл. 15, *1*].

[4] Фрагмент аналогичен амфоре, найденной в 1968 г. в Пифагорейоне [ср.: 1, с. 71, рис. 2, *2*; 14, с. 118, рис. 2; 15, с. 147, табл. 45, № 438 (из Некрополя Камарины)].

[5] Две амфоры были найдены на афинской агоре в колодце Q 12:3, датируемом 520—480 гг. [16, с. 64, рис. 41, с. 65, № 412, 413]: P 24869, P 24870; целая амфора этого типа была найдена в Нимфее [2, с. 70]; того же типа амфоры известны в находках, сделанных на болгарском Черноморском побережье [17, с. 16—18, табл. VI, *64*, *66—68*].

[6] Тулово амфоры дополнено по фотографии сосуда, найденного в море близ Эретрии в 1952 г. У изделия та же слюдянистая глина и следы светлого ангоба, что и у амфор типа 3, желобок под венцом и сужающееся книзу горло, но в отличие от ранних ножка приобретает «своего рода "манжет"» снаружи [1, с. 75].

[7] Амфора типа 6 сопоставляется с монетой 460—459 гг. [1, табл. 15, *7*]; тип 3/4 — 468—467 гг. [1, табл. 15, *6*]; при этом предполагается, что амфоры несколько более ранние, чем монеты [1, с. 76].

происходит амфора (Р 18988), глина которой не имеет слюды, но морфологические признаки ее очень ярки [1, с. 76, 77, рис. 3, *2*]. (9) Примерно тем же временем датируется другой тип амфоры, реконструируемой по фрагментам (Р 27530 и Р 27531, средняя часть восстановлена по контуру амфоры [1, табл. 15, *9*] несколько более позднего времени), происходящим из комплекса S 16 : 1 [1, с. 76, 77, рис. 3, *3*, сн. 64]. (10) Амфора, найденная в море близ Тигани [1, табл. 15, *9*] относится уже к IV в. до н. э.

В распоряжении исследовательницы не было материалов, заполняющих лакуну между последним указанным типом (10) и амфорами с «грибовидным венцом», которые, по мнению В. Грейс, «вводятся» на Самосе афинскими клерухами по крайней мере уже с 365 г. (тип 11?) [1, табл. 15, *13*].[8] Предположительно (по клейму с изображением носа корабля)[9] к амфорам Самоса III в. до н. э. В. Грейс относит сосуд из коллекции Д. Хавиараса [1, с. 81, 82, табл. 15, *15, 17*].

Такова схематика развития керамической тары Самоса на протяжении трех веков, согласно В. Грейс. В соответствии с этим исследованием амфоры, опубликованные И. Б. Брашинским (по мнению Г. Мэттингли) синхронизуются следующим образом. Елизаветовский сосуд одновременен амфоре из Эретрии и амфоре из комплекса, опубликованного К. Боултером, сосуду, в котором было совершено погребение ребенка в некрополе афинского Керамика [18, с. 81, табл. 1, *g*] и датируется временем ок. 450 г. Ольвийская же амфора датируется «археологически» «перед 450 г.» и примыкает к тому же типу.

Особая точка зрения на керамическую тару Самоса была высказана П. Дюпоном [21, с. 34; 22, с. 203—208]. Основываясь на данных геохимических анализов, исследователь полагает, что некоторые амфоры, определяемые В. Грейс как самосские (по крайней мере тип 4), в действительности являются продукцией Милета.

Согласно публикациям, в Северном Причерноморье известны амфоры Самоса VI — середины V в. до н. э., притом удельный их вес, особенно амфор V в. до н. э., в керамических комплексах незначителен, исключая только Ольвию [6, с. 25] и Ягорлыцкое поселение.[10]

Эти положения находятся в противоречии с данными, полученными при изучении керамической тары из Фанагории, где находки фрагментов амфор Самоса в слое V в. до н. э. составляют заметную часть. В круг изученных мною материалов вошли главным образом обломки амфор с раскопа «Южный город», самые ранние напластования которого датируются примерно от 480-х годов, поэтому анализ фрагментов ранних форм занимает в работе меньшее место. Основные задачи настоящей статьи — публикационные. Первая задача — дать по возможности полное представление о разнообразии форм сосудов и их профильных частей, обращая особое внимание на морфологические детали.[11] Вторая — соотнести выделенные группы профильных частей амфор с целыми формами и попытаться установить их (целых форм) топологическую последовательность.[12] Третья — установить хронологиче-

---

[8] Необходимо подчеркнуть, что указанная амфора отлична от сосудов, найденных в кургане Солоха, именуемых «Солоха 1» [см. 2, с. 91, табл. XV—XVI, 32, с. 151, 152].

[9] Насколько можно судить по фотографии, приведенной в работе В. Грейс, данная амфора не имеет морфологических признаков, сближающих ее с тарой Самоса. Клейма же с эмблемой «прора» есть все основания относить к книдскому производству [см. 20, с. 474—478].

[10] Самые ранние находки самосских происходят с поселения Ягорлык, которые датируются В. В. Рубаном концом VII — первой половиной VI в. до н. э.; здесь они составляют наибольший процент в амфарном комплексе [23, с. 286, 287, рис. 1, 2—6, с. 288, рис. 3, 11—14]. Возможно, что датировка несколько занижена [см. 24, с. 34, 39].

[11] К сожалению, по сей день в литературе отсутствуют подробные прорисовки фрагментов этих амфор, что затрудняет их определение.

[12] В указанных выше работах В. Грейс и И. Б. Брашинского для определения последовательности смены форм (помимо стратиграфии) исследовалось соотношение высоты и диаметра сосудов, а мелкие детали не получили систематического анализа.

ский диапазон активных торговых связей Самоса с Фанагорией (в пределах торговли товарами, вывозимыми в керамической таре).

Прежде чем обратиться к рассмотрению материалов из Фанагории, следует несколько строк посвятить проблеме идентификации (локализации) самосских амфор. Видимо, определение амфор, сопоставимых с монетными типами V в. до н. э. (типы 6—10), можно считать надежно установленным. Все прочие типы связываются с ними по характеристикам глины и сходству морфологических черт. Тесное сходство с «монетарными» типами, кажется, делает весьма вероятным самосское определение типов 3 и 4. Амфоры же типов 1 и 2 могут быть связаны с данным центром лишь предположительно. Последнее тем более важно учитывать, что в архаический — раннеклассический периоды морфологические традиции в керамике ионийских центров очень близки.[13] Особое внимание должно быть уделено переходу от пифоидных амфор на поддонах типов 3 и 4 (примерно до 480 г. и сразу после 480 г.), если принимать во внимание их типологическую взаимосвязь, к «монетарным» стройным сосудам с выделенной ножкой, начиная с типа 6 (? от 460 г). Насколько мне известно, переходных форм пока не найдено. По моему мнению, самой ранней амфорой типа 6 (по комплексу и по морфологии) является амфора из Елизаветовского могильника, которую, видимо, следует датировать перед 460 г.[14]

Фрагменты амфор из Фанагории, определенные как самосские, очень разнообразны. Даже в пределах выделенных групп вариабельность весьма заметна. Однако при этом помимо несомненного сходства в глине сравнительно легко улавливается единство традиции и принципов формовки деталей. Глина самосских амфор на протяжении всего времени их выпуска довольно характерна и одинакова: она красно-коричневая или светло-коричневая (желтоватая по поверхности), иногда коричневая; тонкая, мучнистая, слоистая, «бархатистая» на ощупь; содержит мелкие известняковые включения, слюдянистая (степень насыщенности слюдой различна: в некоторых фрагментах очень много блесток, иногда же их, особенно в изломе черепка, практически не видно), немного шамота.

Поскольку в нашем распоряжении нет целых сосудов, рассмотрение материалов будет вестись по разделам: сначала ножки с нижними частями тулова, затем верхние части амфор (группы горл, венцов, ручек).

Группы ножек самосских амфор. Все выделенные группы ножек самосских амфор имеют ряд общих признаков. В морфологии это прежде всего развитие их из поддона (VI — начало V в. до н. э.). В V в. до н. э.— это «псевдоподдон» — дополнительная опоясывающая часть («рантик», «манжетка»), которая во второй половине столетия приобретает известное сходство с синхронными хиосскими. К последней четверти V в. до н. э. черты поддона вырождаются полностью (что особенно заметно у сравнительно небольших амфор, приобретающих «кубаревидные» очертания с неглубокой выемкой). В IV в. до н. э. происходит как бы возрождение старой традиции: опоясывающая часть заметно вытягивается (увеличивается и высота выемки в подошве), но по-прежнему она отделена от тулова небольшим уступом; в целом ножка приобретает форму высокого четко профилированного поддона. Со временем (?) характерный уступ ножки теряется, и внешняя образующая составляет контур ножек с расширенным основанием, с глубокой выемкой в подошве. Общей характерной чертой является также наличие почти во всех группах экземпляров, обмазанных светлым (бледно-оливковым, почти белым) ангобом, который покрывал либо весь сосуд (редко), либо его

[13] Ср., например, форму венцов самосских и так называемых «протофасосских», отнюдь не все из которых относятся к продукции Самоса.

[14] Необходимо, однако, упомянуть стройную амфору из Yildiztepe [25, с. 468—469, рис. 4 (тип 5в)], которую издатель датирует началом V в. до н. э. Такая датировка выпадает из принятой схемы. Поскольку я не имею возможности проверить исходные основания ее (амфора найдена вместе с парой асков), от каких-либо комментариев придется воздержаться.

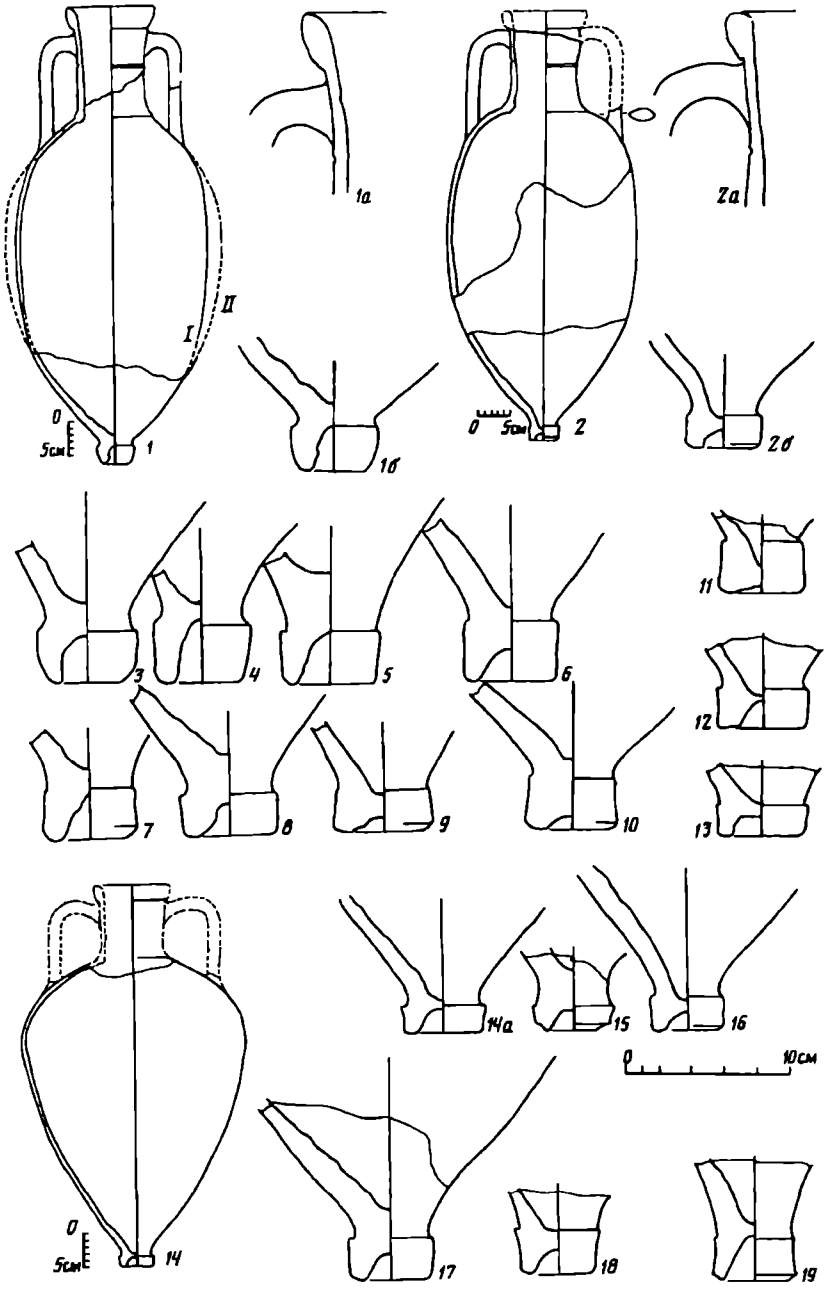


Рис. 1. Амфоры и амфорные ножки. *1* — реконструкция амфоры четвертой четверти V в. до н. э. по фрагментам инв. 163 (*1а*), 170 (*1б*) (комплекс «Б»), 636 (I) и по В. Грейс [1, табл. 15, 9] (II); *2* — реконструкция амфоры третьей четверти V в. до н. э. по инв. 94 (*2а*), 102 (*2б*), 636 (комплекс «В»); *14* — реконструкция амфоры второй четверти V в. до н. э. по инв. 288 (объект 47.15, 1985 г.); *1б*, *3—11* — группа 1 (инв. 163, 160, 164, 165, 265, 267, 268, 269, 1371, 1387); *2б*, *12—18* — группа 2 (инв. 102, 1376, 1377, 288, 102, 187, 285); *19* — группа 3 (инв. 1375)

верхнюю часть (до плеча, иногда только венец и устье); однако много и неангобированных фрагментов.

Описание групп удобнее начать не в хронологическом порядке, а с однозначно идентифицированных и наиболее полно представленных.

Группа 1: ножки больших стройных сосудов середины — второй половины V в. до н. э.[15] Все ножки этой группы массивные, сформованные в виде дополнительной опоясывающей части, с четким перехватом, диаметр основания ножки

[15] Типа: ольвийской 1962 г.; из Yildiztepe [25, с. 468, рис. 14]; с Фасоса [18, табл. 1, к]; с афинской агоры [1, с. 76, рис. 3, *3*].

больший, чем у других групп, глина обычно коричневая. Внутри группы по формальным признакам выделяются несколько вариантов.

Вариант А: ножка округлая с глубокой сфероидной выемкой (типа ольвийской и опубликованной Е. Дожером (?)) (рис. 1, *3*).

Вариант Б: ножка цилиндрическая, внешняя образующая обычно слабо вогнута (типа «фасосского» сосуда). По форме выемки в подошве разделяется на подварианты: 1 — с глубокой сфероидной, как у варианта А (рис. 1, *4, 5*); 2 — выемка округлая, менее глубокая, чем у 1 (рис. 1, *6*); 3 — выемка почти конусовидная (рис. 1, *7, 8*).

Вариант В: ножка слабо расширенная книзу, с мелкой выемкой (типа амфоры, реконструируемой В. Грейс [1, с. 76, рис. 3, *3*] (рис. 1, *9—11*).

Ножки варианта А и Б1 имеют значительное сходство (инв. 164 сочетает в себе черты того и другого). Оба подразделения зафиксированы в одном комплексе (фанагорийский «Б» — 1985 г., кв. LX, шт. 11, объект 434: развал амфор во дворе (?) сырцового дома, перекрытый рухнувшими стенами), который надежно датируется последней четвертью V в. до н. э. как по составу аморфных типов из развала, так и по времени гибели дома, определенному на основании чернолаковой и расписной посуды.[16] Условия раскопок не позволили вскрыть комплекс целиком, поэтому собрать целые амфоры не удалось, однако форма сосудов реконструируется довольно легко (возможно только незначительное искажение высоты амфоры) (рис. 1, *1*). Подразделения Б.2 и Б.3 (последние, насколько можно судить по фотографии, приведенной Г. Мэттингли [18], особенно близки ножке амфоры с Фасоса) сходны с предыдущими и, видимо, датируются примерно тем же временем (не ранее третьей — последняя четверть V в. до н. э.). В пользу этого свидетельствует и стройность «фасосской» и «фанагорийских» амфор. Видимо, не выпадают из этого хронологического отрезка амфоры с ножкой подразделения 1.В. Они сопоставимы с ножкой сосуда последней четверти V в. до н. э., реконструируемого В. Грейс [1, с. 76, рис. 3, *3*].

Группа 2: ножки сравнительно невысоких амфор с широким и яйцевидным туловом [ср. 1, с. 76, рис. 3, *1*]. При некоторой вариабильности в размерах и формах эта группа ножек обладает рядом общих отличительных признаков: 1) они принадлежали амфорам несколько меньших размеров, чем с ножками 1-й группы; тулово их менее вытянутое, у некоторых обозначена (хотя и не очень четко) плечевая часть; черепок тоньше; 2) глина изделий (исключая только инв. № 284) более тонкая, мучнистая, красноватая, бледного тона, иногда желтоватого оттенка по поверхности; 3) в деталях довольно разнообразны, имеют отдаленное сходство с так называемыми «протофасосскими»; 4) выполнены в виде дополнительной опоясывающей части: цилиндрической, обычно с несколько вогнутой внешней образующей («манжетка»), но ближе поддону, чем группа 1; выемка в подошве округлая или трапециевидная в разрезе; 5) очевидно, что часть сосудов ближе пифоидным, другая — стройные; несомненна морфологическая близость варианту 1.Б; 6) особенно характерная черта, связывающая их с 3-й группой и некоторыми фрагментами, не составляющими серий, завернутый внутрь в виде чуть выступающего валика верхний край основания ножки; от группы 3 эти ножки отличны только несколько большим диаметром, большей выделенностью основания и тем, что нижняя часть тулова заметно более округлена.

Вариант А: подварианты: 1 — небольшие ножки, напоминающие «протофасосские», но опоясывающая часть выделена в самостоятельную деталь, а не является пояском поддона, нижняя часть тулова более округлая (рис. 1, *14, 14а*); 2 — имеет большее сходство с ножками «протофасосских», но глина позволяет отличать его вполне определенно; от подварианта А.1 отличен только наличием невысокого ствола и усложнением подошвы вогнутой, образующей вторую грань основания (рис. 1, *15*).

[16] Синхронно комплексу В 15:1 [26, с, 298—351, табл. 73—103]; о составе комплекса см. [27, с. 54, 55].

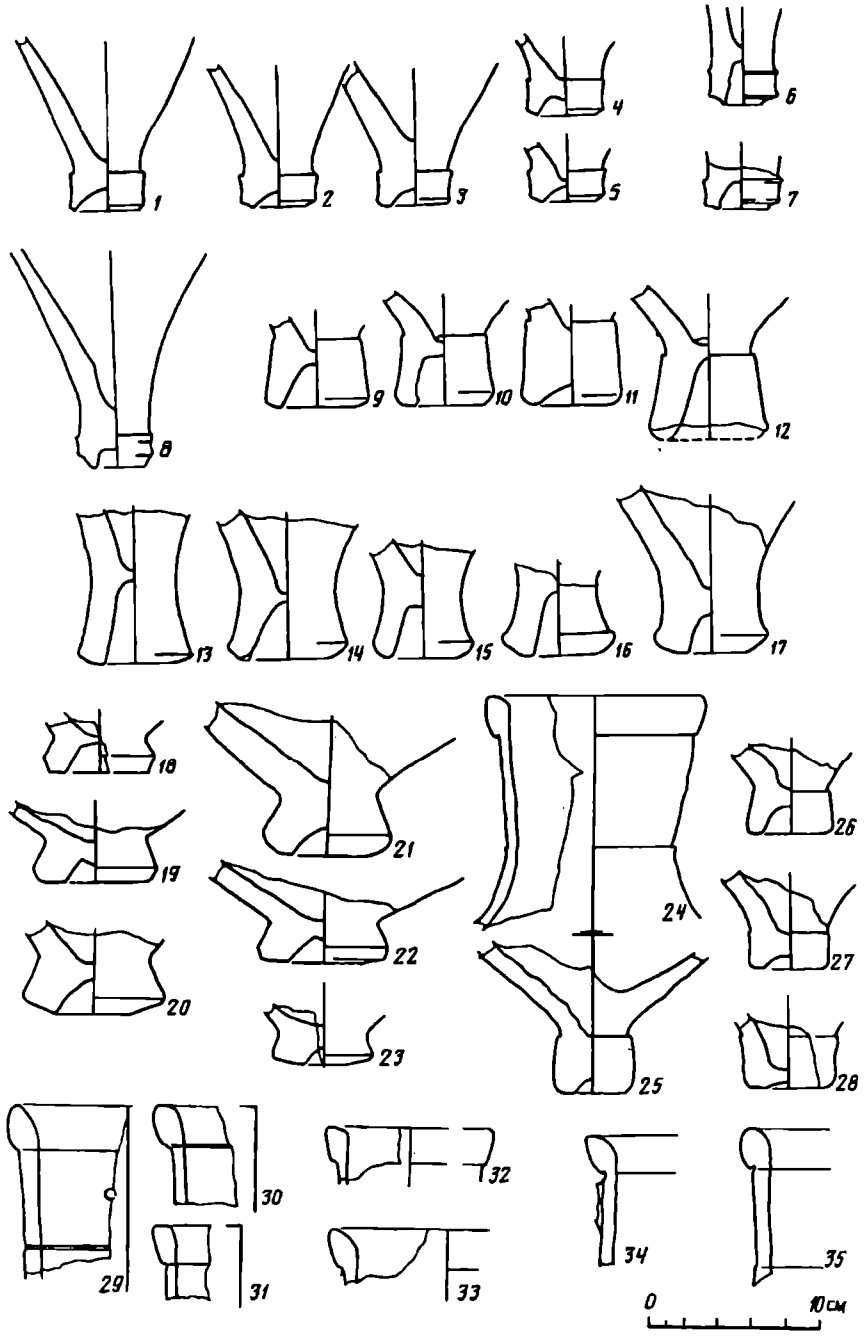


Рис. 2. Группы ножек и венцов амфор. *1—8* — группа 3 (инв. 1378, 294, 296, 1379, 1293, 1780, 1781, 1342); *9—12* — группа 4 (инв. 272, 271, 1385, 275); *13—17* — группа 5 (инв. 277, 276, 1386, 278); *18—23* — группа 6 (инв. 1395, 303, 300, 299, 298, 301); *26, 27* — группа 2 (инв. 282, 287); *25, 28* — дополнительная группа (инв. 1388а, 1392); группы венцов: *30—33* — группа I.2 (инв. 205, 261, 1795, 1796); *24, 29, 34, 35* — группа I. Доп. (инв. 1388б, 201, 202, 1408)

Вариант Б: подварианты: 1 — ножки примерно тех же размеров (чуть меньше), но без «протофасосских» черт; перехват обозначен четче, тулово стройнее, чем у варианта 2.А (рис. 1, *16*; 2, *26*); 2 — отличается заметно большей высотой основания, нижняя часть тулова стройнее, чем у 2.А, видимо, высота сосуда в целом бóльшая, а диаметр тулова меньше (рис. 1, *17, 18*); 3 — выделяется более резким расширением тулова и отсутствием даже короткого ствола (наметившегося у подвариантов 2.Б. 1—2) (рис. 2, *27*).

Вариант 2.Б по большинству признаков очень близок варианту 1.Б (особенно подвариантам 1.Б.1 и 2), отличие ограничивается почти только меньшими размерами первого.

Вариант 2.А происходит из хорошо стратифицированного контекста (1985 г., объект 47.15) и может быть уверенно датирован второй четвертью V в. Подварианты 2.Б.1 и 2 являют собой точную аналогию фрагмента кат. № 167*б* из комплекса 460—440 гг. [19, с. 103, рис. *5*] и, видимо, одновременны ему. Особенно тесное сходство прослеживается с подвариантом 2.Б.1 (тонкое дно, характерный выпукло-вогнутый контур внутренней придонной части). Подвариант 2.Б.2 имеет бо́льшую высоту ножки и равномерно сужающуюся придонную часть, более высокое и массивное основание (ближе варианту «Б» группы 1). Ножка инв. № 187 этого подварианта происходит из керамического сброса (1986, кв. LXIV, объект 448.2), датируемого третьей четвертью V в. до ч. э. Тем же временем (по комплексу «В», 1984 г., объект 456: развал фрагментов амфор на горелой прослойке, перекрытой стерильным слоем «раскисшего» сырца) датируется ножка инв. № 102 подварианта 2.Б.1. Подвариант 2.Б.3 не может быть пока датирован с достаточной точностью (по слою: середина — третья четверть V в. до н. э.).

Таким образом, вариант «А», самый ранний, можно датировать второй четвертью V в. до н. э., а вариант «Б» — третьей четвертью того же столетия. Если предполагать, что подварианты («Б») отражают типологическую связь форм, то среди них устанавливается следующая последовательность: (3?), 1, 2.

Группа 3: ножки амфор резко отличных от всех других групп сильно суженным книзу туловом; сами ножки небольшого диаметра, невысокие, стройные, напоминающие (но не тождественные им) «протофасосские» поздней разновидности; в строении их наблюдается сходство с вариантом 2.А; глина тонкая.

Вариант А: подварианты: 1 — высота опоясывающей части основания наибольшая, формовка особенно четкая (рис. 1, *19*); 2 — отличен от первого только несколько меньшими размерами (рис. 2, *1*).

Вариант Б: основной (см. общее описание группы) (рис. 2, *2, 3*).

Вариант В: основание выполнено как у основного варианта, но ножки заметно ниже, дно тонкое, отсутствует ствол, т. е. расширение придонной части начинается от основания (рис. 2, *4, 5*).

Вариант Г: заметно отличается от первых трех вариантов: ножки этих сосудов стройнее (перехват расположен существенно выше основания), основание едва выступает за пределы ствола, загиб его верхнего края едва заметен и более походит на поясок, чем на дополнительную усиливающую часть. Определенно можно сказать, что ножки этого варианта принадлежали маленьким амфорам, имеющим общее сходство с очертаниями «протофасосских» (рис. 2, *6—8*).

К сожалению, контексты, из которых происходят фрагменты группы 3, не позволяют с достаточной определенностью отнести их к тому или иному узкому промежутку времени. Совершенно ясно, что наши материалы должны быть датированы временем после 480 г.[17] и не позже 425 г. Вполне ли синхронны амфоры с такими ножками группе 2, неясно. С одной стороны, варианты 3.А — В в морфологии обнаруживают сходство с вариантом 2.А; с другой — их различия довольно заметны, и касаются они не деталей, а, видимо, отличий в форме тулова. Следует отметить, что амфоры с ножками 3-й группы, с сужающимся книзу туловом, вообще как будто выпадают из общей схемы развития самосских амфор. Определенно можно сказать, что амфоры с ножками группы 3 (во всяком случае, вариантов Б — Г) по объему меньше других (т. е. являются фракционными). Наиболее вероятное время бытования этих сосудов (по слою) — вторая-третья четверти V в. до н. э.

Группа 4: объединяет довольно разнообразные фрагменты, которые, по моему мнению, следуют амфорам с ножками 1-й группы и принадлежат уже IV в. до н. э. (быть может, до 365 г. (?)). Насколько можно судить по фотографии, приведенной в статье В. Грейс [1, с. 94, табл. 15, *9*], совершенно аналогична

[17] Исходя из контекста «Южного города», что, разумеется, не исключает вероятность бытования подобных «типов» и в предшествующее время [ср. 12, с. 50 сл.; 13, с. 51 сл.].

ножка амфоры, найденной в море близ Тигани, которая датируется IV в. до н. э. Прямой прототип этой группы — варианты 1.Б и В. Ножка трансформируется в высокий поддон в результате удлинения основания. Кроме того, основание расширяется книзу, как у варианта 1.В; от тулова оно отделяется небольшим уступом, как у более ранних.

Вариант А: подварианты: 1—3 — отличаются один от другого только размерами и формой выемки (рис. 2, *9, 10, 12*).

Вариант Б: особенно тесно связан с вариантом 1.В, основание, как и у 4.А, расширяется книзу, но выемка мелкая (рис. 2, *11*).

Имеющиеся стратиграфические данные не противоречат датировке, предложенной на основании типологического сопоставления, но не могут уточнить или безусловно подтвердить ее.

Группа 5: представляет собой, по-видимому, дальнейшую ступень эволюции, следующую сразу за группой 4. Главная черта, их разделяющая,— потеря характерного уступа, отделяющего основание от тулова; однако в остальных чертах форма остается неизменной (ср. с вариантом 4.А). Таким образом, ножка становится простым высоким поддоном. *Варианты* А (рис. 2, *13—15*) и Б (рис. 2, *16, 17*) различаются только тем, что у варианта Б выемка сужается (Б.1) и становится менее глубокой (Б.2), что придает ножке сходство с ножками других амфор с расширенным основанием. Однако по-прежнему у изделий, кроме характерной глины, сохраняется светлый ангоб на некоторых экземплярах.

Как и для предыдущей группы, я не могут предложить датировку достаточной точности для ножек 5-й группы. Морфологические показатели дают возможность предполагать время несколько более позднее, чем 4-й группы, или их синхронность.

Группа 6: группа низких, широких кольцевых поддонов, частью аналогичных ножкам амфор второй половины VI — 80-х годов V в. до н. э. (типа 3 и 4).

Вариант А: широкий низкий поддон, расширяющийся книзу, подошва горизонтальная или чуть поднятая. Подварианты: 1 — «классический» поддон типа ножки нимфейской амфоры [2, табл. I, *3*] с четкой боковой гранью основания (аналогично ранним разновидностям «протофасосских»); выемка трапециевидная в разрезе (рис. 2, *18*); 2 — низкий поддон (выше и массивнее 6.А.1); выемка трапециевидная (вершина трапеции вогнутая), боковой срез основания менее четкий, чем у предыдущего (рис. 2, *19*); 3 — низкий поддон (чуть выше, чем 6.А.2) со слабо округленной трапециевидной выемкой (верхнее основание трапеции уже, чем у 6.А.1, ближе к конусу), форма выемки усложнена небольшим округлым выступом, боковая грань нечеткая (рис. 2, *22*).

Вариант Б: единичные характерной глины, сравнительно высокие, с сильно поднятой подошвой, основание широкое, без бокового среза. Подварианты: 1 — ножка большая, очень массивная, подошва округлена, выемка коническая с округлением вершины (рис. 2, *21*); 2 — ножка большая, массивная с резким прямым подъемом подошвы, выемка округлая (рис. 2, *20*); 3 — ножка меньшего диаметра, расширение основания менее значительно, чем у предыдущих (рис. 2, *23*).

По формальному признаку группа объединяет ножки амфор, различающиеся между собой весьма заметно. Есть все основания сопоставлять ножки 6.А.1—3 с амфорами второй половины (А.1) — конца VI в. до н. э. (А.2 и 3) — 480-х годов. Не исключено, что эта дата должна быть несколько повышена (для подвариантов А.2 и 3). Судить же о времени распространения амфор с ножками варианта «Б» — явно более поздних — сложно. В любом случае, видимо, нужно полагать, что вопреки сложившемуся представлению самосские пифоидные амфоры на поддонах и с низким расширенным основанием бытовали в V в. до н. э. параллельно со стройными сосудами.

Дополнительная группа: в нее объединены ножки амфор близких по ряду признаков группам 1 и 2, но которые ввиду индивидуальных черт не могут быть отнесены ни к одному их подразделению. 1. Ножка (рис. 2, *25*), сплошь покрытая светлым ангобом, близка варианту 1.В, но более округленная («боч-

Таблица 1

Подразделение	Время (до н. э.)	Аналогии и комплексы (основание)
6.А.1	Вторая половина VI — начало V в. до н. э.	[2, табл. I, *3*; 28, № 41, 44; 29, № 424]
6.А.2, 3	Конец VI — около 480 г.	[1, табл. 15, *3*; 16, № 412, 413; 28, № 42]
2.А	Вторая четверть V в.	Объект 47.15 (Фан — 1985 г.)
2.Б	Середина — третья четверть V в.	Комплексы: «Г» (448.2), «В» (356); [1, рис. 3, *1*; 19, № 167]
3.В, Г 3.А, Б	Вторая-третья четверть V в.	Нет (по слою)
6.Б	Со второй четверти V в.	То же
1.А, Б	(Вторая), третья-четвертая четверти V в.	([7, с. 115, рис. 44, *6*]); [6, с. 22, рис. 2; 18, табл. I, *k*]; комплекс «Б» (434)
1.В	Четвертая четверть V в.	[1, с. 76, рис. 3, *3*]
Доп.1	Четвертая четверть V в.	Нет (по слою)
4.А, Б	Конец V — первая половина IV в.	[1, табл. 15, *9*]
5.А, Б	IV в.	Нет (по морфологии)

ковидная»), выемка уже и глубже; по контексту датируется четвертой четвертью V в. до н. э. 2. Очень низкие ножки (рис. 2, *28*) с низкой широкой выемкой, немного суженные книзу, по размерам и строению близки 2.Б.3.

После описания групп ножек самосских амфор необходимо определить их относительную и, по возможности, абсолютную хронологию. В соответствии с имеющимися стратиграфическими данными, типологическими характеристиками и аналогиями последовательность смены форм представляется мне следующим образом (табл. 1).

Группы венцов-горл самосских амфор. Следующая наша задача — описать подразделения верхних частей амфор Самоса и связать их с группами ножек, установив тем самым основные черты керамической тары данного центра в целом. Задача эта оказалась сложной ввиду того, что не все подразделения представлены целыми сосудами. Поэтому я учитывал встречаемость ножек и венцов в одних узко датируемых комплексах, где соответствие устанавливается практически бесспорно (например, в комплексе «Б»). Наконец, я вынужден был использовать сопоставление по строительным горизонтам и слоям. Разумеется, такие сопоставления не бесспорны.

Некоторые подразделения венцов выделяются очень четко. Вместе с тем некоторое число, обладая значительной вариабильностью, нередко не имеет жестких границ, не образует строгих серий. Отдельные обладают сугубо индивидуальными чертами. Не вполне ясны бывают различия отдельных подразделений и венцов «протофасосских» (в таких случаях единственный критерий — характер глины). В порядке описания групп я придерживался того же принципа, что и при описании ножек: сначала лучше представленные и определенно связуемые с целыми (с ножками), далее — более гипотетично.

I. Группы массивных геометрических в сечении венцов на стройных высоких горлах с высокими ручками

Группа 1: группа венцов (горл) стройных амфор с яйцевидным туловом, типа сосудов фанагорийского комплекса «Б» и реконструированного В. Грейс [1, с. 76, рис. 3, *3*] и амфоры, найденной в море у берегов Самоса [1, табл. 15, *9*]. Этой

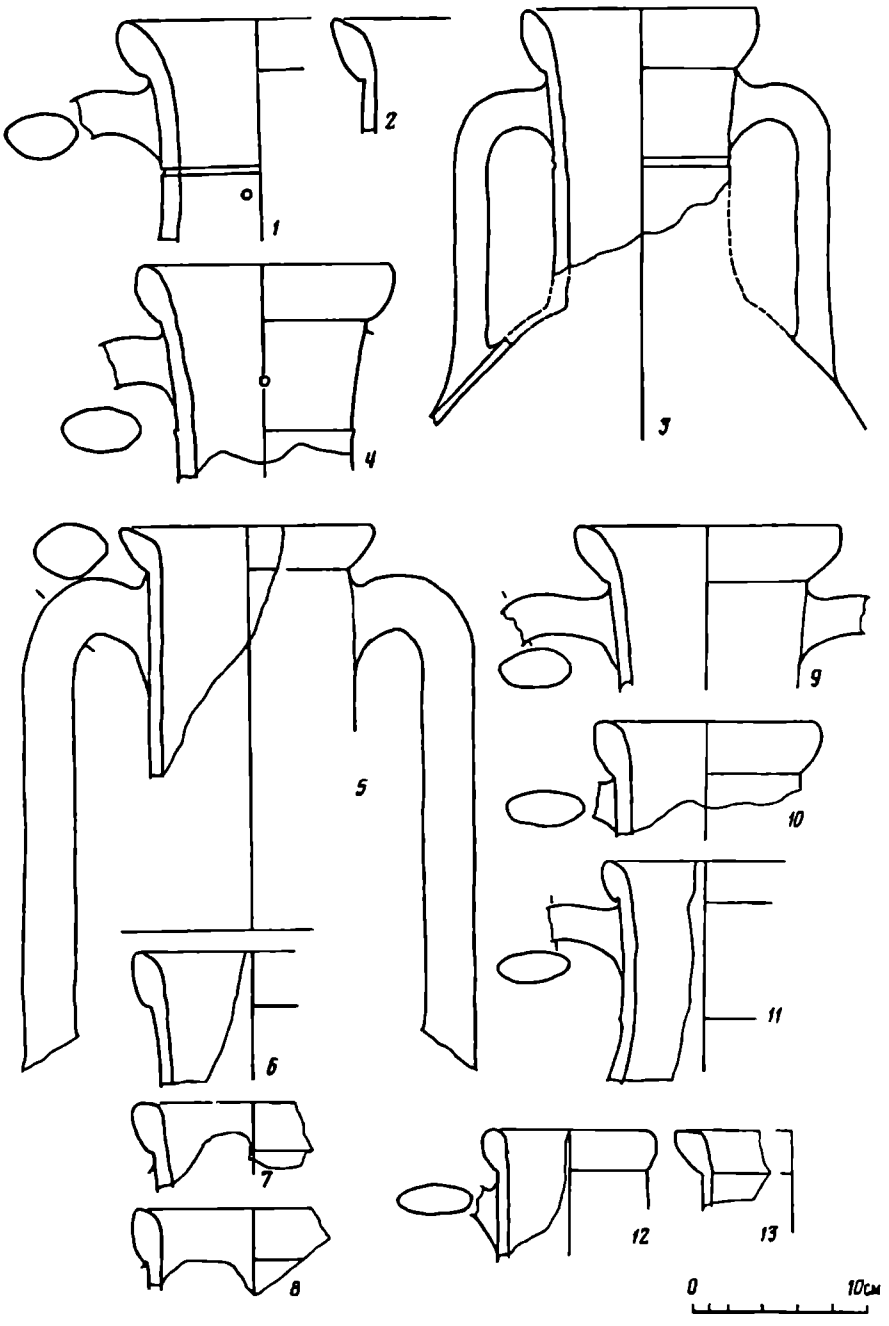


Рис. 3. Группы венцов амфор. *2, 3, 6* — I.1 (инв. 171, 1397, 1785); *7* — I.2 (инв. 1788); *8* — I.1—2 (инв. 1789); *1, 4* — I.3 (инв. 190, 182); *5, 13* — I.4 (инв. 1778, 1641); *9—12* — I.Доп. (инв. 192, 197, 193, 254)

группе соответствуют ножки: 1.А, Б (по комплексу «Б»), 1.В [1, с. 76, рис. 3, *3*], 4.А, Б [1, табл. 15, *9*]. Горла этих амфор имеют характерный желобок и уступ в средней части горла, до которого они воронкообразно сужаются, ниже — плавно расширяются. Ручки соответственно длинные, немассивные, в сечении овально-уплощенные (нередко ромбовидные), изгиб их плавный, поставлены они вертикально, сравнительно близко к горлу, у нижнего прилепа часты пальцевые вдавления. Венец очень высокий, массивный, отогнутый. Самая примечательная черта венцов этой группы — четкая их геометричность: в сечении они ромбические, верхний край сужен и заострен. Венец всегда четко отделен от горловины небольшим уступом («подрезан») (рис. 1, *1*; 3, *2, 3, 6*).

Группа 2: группа венцов, близких первой группе (граница между ними иногда нечеткая — см. рис. 3, *8*). Отлична она немного более приземистыми пропорциями,

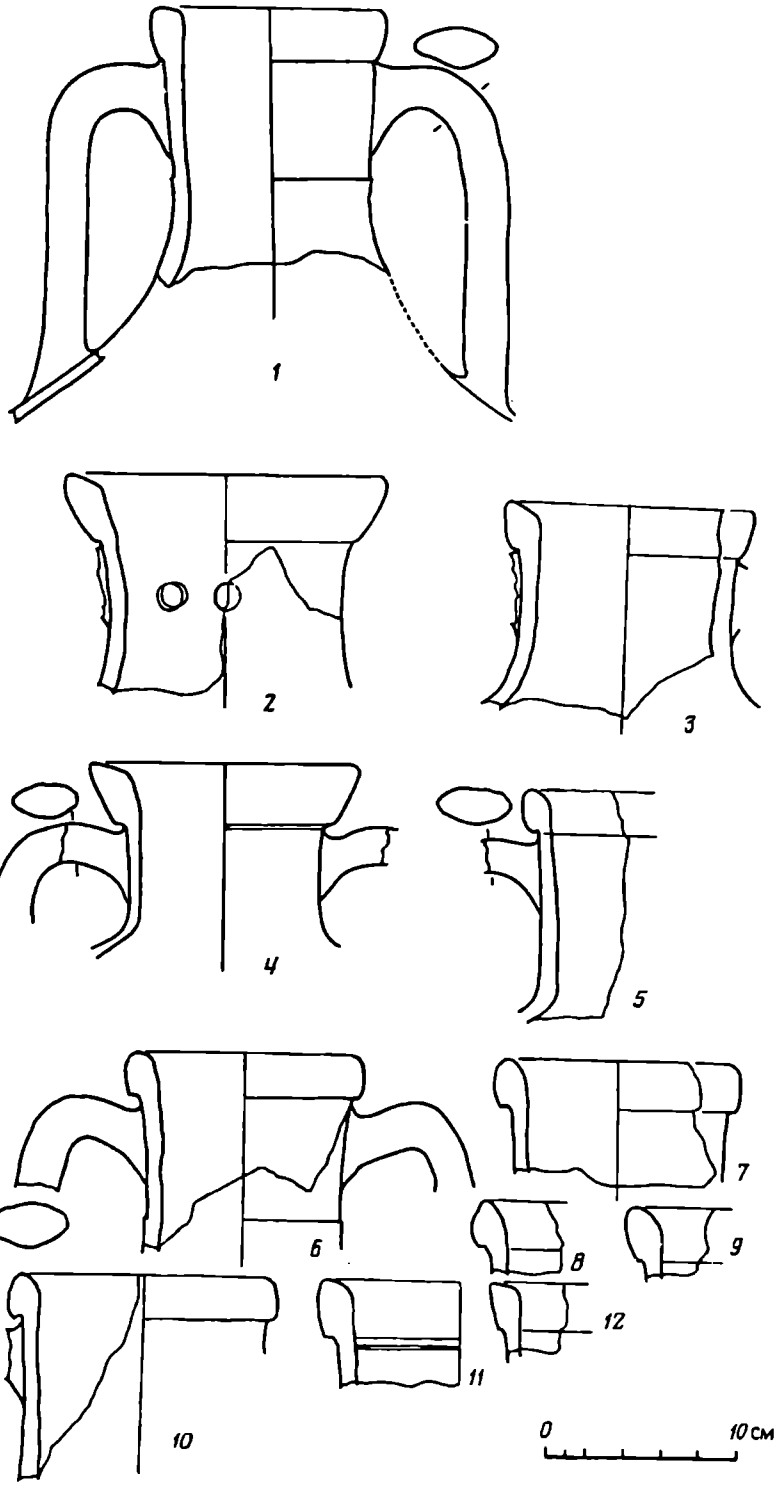


Рис. 4. Группы венцов амфор. *1* — I.2 (инв. 94); *2—4* — II.1, 3, 2 (инв. 196, 198, 1411); *5—10* — III.1 (инв. 191, 195, 215, 241, 1414, 1413); *11—12* — IV(Доп.) (инв. 221, 1415)

большей массивностью ручек. На имеющихся экземплярах желобка на горле практически нет, но уступ имеется (или невысокий рельефный поясок). Главное же различие в том, что венец, как правило, существенно ниже, край его тупой (в сечении почти подпрямоугольный). *Варианты* А (рис. 3, *7*; 4, *1*), Б (рис. 2, *30*), В (рис. 2, *31, 32*) отличаются один от другого только размерами.

Соответствие венцов I.2.А группы и ножек группы 2.Б устанавливается по фанагорийскому комплексу «В». Как будто такое соответствие подтверждается

амфорой типа «б» [1, с. 76, рис. 3, *1*]. Венцы вариантов 2.Б и В, видимо, принадлежали амфорам меньших размеров, быть может, с ножками вариантов 3.Г и В. Совместные находки тех и других в слое разрушения второй-третьей четверти V в. до н. э. под полами сырцового дома 475 (четвертой четверти V в. до н. э.) косвенно свидетельствуют в пользу такого предположения.

Таким образом, вероятная дата группы — вторая-третья четверть V в. до н. э.

Группа 3: очень характерная группа венцов, имеющих аналог в целом сосуде с о-ва Фасос [18, табл. I, *k*]. По этой же амфоре устанавливается соответствие группе ножек (по фото) 1.Б (кажется, особо близко 1.Б.3). Группа включает массивные валикообразные (вытянутые), сильно отогнутые венчики, внешняя образующая которых округлая, внутренняя — уплощенная. Черепок толстый. Уступ на горле менее декоративный, чем у 1-й (иногда слабый рельеф, как у 2-й, иногда — неглубокий узкий желобок). На четырех фрагментах горл имеются вдавленные колечки (на единственном почти целом горле — с двух сторон). Ручки в сечении овальные, более массивные, нежели у двух первых групп, контур их плавный, без угловатых изломов (рис. 3, *1, 4*).

Группа 4: группа подтреугольных в сечении венцов. Необходимо отметить, что разделить венцы амфор последней четверти V в. и начала IV в. до н. э. весьма сложно. В моем распоряжении оказался единственный крупный фрагмент горла амфоры, датируемой по слою первой половиной IV в. до н. э., заметно отличный от прочих. Горло этого сосуда выше и массивнее, венец отогнутый, подтреугольного сечения. Ручки очень массивные и высокие (рис. 3, *5, 13*).

Таким образом, 1-я группа может быть датирована последней четвертью V в. до н. э. Группы 2 и 3 синхронизуются комплексом «В», третьей четверти V в. до н. э. Но поскольку этот комплекс закрытый только «сверху», а типология венцов и ножек наряду с комплексом афинской агоры N 7 : 3 [19] дает основание предполагать, что группа 3 моложе, можно совершенно условно, с небольшой долей уверенности, датировать 2-ю примерно 460—440 гг., а 3-ю — 440—420 гг. до н. э.[18]

Первый раздел необходимо дополнить группой, включающей фрагменты, не образующие серий, но безусловно близкие первым трем.

Дополнительная группа: 1. Горло амфоры, отличающееся особенно тонкой глиной и высоким качеством выделки, вся поверхность покрыта плотным светлым ангобом. По форме ближе изделиям 1-й группы, но по отгибу венца напоминает 3-ю (рис. 3, *9*). 2. Верхняя часть горла, напоминающая горло сосуда, опубликованного В. Грейс [1, табл. 15, *5*, с. 76, рис. 3, *2*] с ножкой типа группы 4.А (рис. 3, *10, 12*). 3. Фрагмент горла, аналогичного 1-й группе, но меньшего размера; глина тоньше, чем обычно у последних, красноватая; возможно, принадлежало фракционному сосуду (рис. 3, *11*). 4. Фрагмент горла, принадлежащего той же амфоре, что и ножка 1 дополнительной группы, близкой варианту 1.В, из контекста 4-й четверти V в. (рис. 2, *24*). 5. Фрагмент горла амфоры со специфическим валикообразным венцом, четким уступом в середине горла, зеленоватой глины (рис. 2, *35*). 6. Фрагмент горла с венцом, отличающимся слабой отогнутостью и сравнительно небольшими размерами, с вдавленным кружочком, как на горлах 3-й группы, на средней части горла прочерченный поясок (рис. 2, *29*).

II. Группы венцов (горл) пифоидных амфор с венцами группы I.1

Фрагменты этих амфор немногочисленны, даже единичны. Основная их черта помимо незначительной высоты горла — отсутствие желобка-уступа в средней его части.

Группа 1: представлена единственным почти целым горлом (рис. 4, *2*). Оно

[18] Первые — в комплексе с хиосскими раннепухлогорлыми позднейшего варианта [19, кат. № 150]; вторые — с позднепухлогорлыми.

короткое, очень широкое, немного суженное в средней части и слабо расширенное к венцу и книзу, плавно переходящее, очевидно, в очень пологие и широкие плечи. Венец исключительно мощный, немного отогнутый, геометричный, как у группы I.1. С двух сторон парные «смазанные» кольцевые оттиски большого диаметра. Подобными пропорциями и размерами обладает горло единственной из известных мне амфор — амфоры, найденной в море близ Тигани [1, табл. 15, *4*]. Вирджиния Грейс датирует этот сосуд, исходя из типологических соображений, после 480 г. до н. э. Данное же горло происходит из вполне определенного контекста: с пола сырцового дома 424, который сооружается в третьей четверти V в. до н. э. и гибнет в последней четверти этого столетия. Если даже публикуемое горло не вполне точно соответствует горлу указанной амфоры (по фотографии, к сожалению, невозможно составить точное представление о конфигурации венца), то все же следует признать, что амфоры с пифоидным туловом производились на Самосе и в середине — второй половине V в. до н. э. В пользу такой датировки фрагмента свидетельствует и форма самого венца. Таким образом, параллельно (по крайней мере во второй-третьей четвертях V в. до н. э.) со стройными амфорами существовали и пифоидные с широким горлом. Трудно сказать, чем обусловлено такое положение: различием ли традиций разных мастерских или же различием содержимого товара.

Группа 2: группа очень массивных геометризированных (ромбических в сечении) венцов на коротком горле, с довольно резким переходом в пологе округлое плечо. Ручки короткие, немассивные. Черепок тонкий. Венец отогнутый, сильно выступающий (сильнее, чем у ранних пифоидных типов). Видимо, сосуды с венцами этой группы синхронны амфорам с венцами I.1 (рис. 4, *4*).

Группа 3: венцы геометричны (ромбовидные в сечении) на коротком горле; черепок массивный. Отличны от первых двух меньшими размерами, более плавным переходом в плечо, венец меньше выступает из общего контура горловины (рис. 4, *3*).

По вопросу о соответствии ножек данным группам венцов можно отметить следующее. Видимо, ножки этих амфор представляли собой массивные поддоны, вероятно, отличные от «классических» группы 6.А.1, 2. Возможно, им соответствуют ножки подразделения 6.А.3 (?) и 6.Б.1—3. Скорее всего перерыва в выпуске ранних пифоидных амформ и амфор второй половины V в. до н. э. не было. Однако зафиксированных со стратиграфической определенностью форм этого промежутка времени неизвестно (часть их, возможно, соотносима с венцами III раздела).

III. Группы валикообразных венцов, вытянутых по вертикали, с нависающим краем

Группа 1: все варианты венцов этой группы очень близки, различия их порой кажутся незначительными. *Варианты* А и Б различаются только наличием у первого характерного уступа в середине горла (рис. 4, *6*) и отсутствием его у второго (рис. 4, *7, 9*);[19] В — очень близки предыдущим, отличие ограничивается только некоторым заострением края (рис. 4, *8, 10*).

К сожалению, в моем распоряжении не оказалось фрагментов амфор III раздела, происходящих из узкодатируемых комплексов. Практически все венцы данного типа происходят из слоя первой половины (в основной массе второй четверти) V в. до н. э. Если нижняя хронологическая граница группы III.1 на данных материалах остается невыясненной, то определенно можно указать, что амфоры с подобными венцами не встречаются позднее второй четверти V в. до н. э. Такие венчики могут быть сопоставлены с амфорами «классического» типа [1, табл. 15, *3*; 2, табл. 1, *3*].

[19] Возможно, что как у наиболее ранних амфор, уступ располагался ниже, на несохранившейся части [ср. 30, с. 53, рис. 16, табл. 20].

Таблица 2

Ножки	Венцы	Аналогии и комплексы (основание)
6.А.1	Типа III.I	[2, табл. 1, *3*]
6.А.2	III.1.А—В	[1, табл. 15, 3; 16, № 412, 413]
6.А.3 6.Б.1—3	II.1—3	Нет (по морфологии и слою)
3.А—Г	I.2.Б, В	Те же
2.А	I.2.А—В	»
2.Б.1	I.2.А	Фанагорийский комплекс «В» [19, № 167; 1, с. 76, рис. 3, *1*]
2.Б.2	Типа I.2.А, Б	[1, с. 76, рис. 3, *1*]
2.Б.3	Близкок I.2.Б, В	Нет
Доп. 1	I.Доп.4	Фрагменты одной амфоры
1.А, Б	I.1	Фанагорийский комплекс «Б» [27]
1.Б	I.3	Амфора с Фасоса [18, табл. I, *k*]
1.В	I.1	[1, с. 76, рис. 3, *3*]
4.А, Б	Типа I.1—I.4(?)	[1, табл. 15, *9*]
4.А?	I.Доп.2	[1, табл. 15, *5*, с. 76, рис. 3, *2*]
5.А, Б	Типа I.4(?)	Нет

IV. Дополнительный раздел: единичные фрагменты с индивидуальными чертами

1. Венец (рис. 4, *11*), сходный с III.1.Б, но выше, с желобком под краем, имеющий геометричную форму, как у I.1. 2. Венец (рис. 4, *12*), имеющий отогнутый острый край. 3. Венцы (рис. 2, *34*) небольшие, тонкой красноватой глины, отогнутые.

Подводя итоги, мы можем с большей или меньшей степенью уверенности установить следующее соответствие групп профильных частей самосских амфор конца VI—IV в. до н. э. (табл. 2).

Приходится только сожалеть, что отсутствие или мелкомасштабность прорисовок не позволяет сопоставить с полученными выкладками остальные целые амфоры. Однако кажется целесообразным такое сопоставление все-таки провести в пределах возможного.

1. Амфора, вторично использованная для погребения ребенка на афинском Керамике [18, табл. I, *g*], имеет характерный уступ в центре горла, венец I.1-й группы, ножку, видимо, 1.А.

2. Амфора с Фасоса [18, табл. I, *k*]: венец I.3, ножка — 1.Б.

3. Амфора из некрополя Yildiztepe [25, с. 468, рис. 14] венец — I.1—2, ножка — 1.А.

4. Амфора из Ольвии [6, с. 22, рис. 2; 9, с. 222, табл. XII, *5* (прорисовка схематична)]: венец — I: 1-й или 2-й группы, ножка — 1.А (?).

5. Амфора из Елизаветовского могильника [7, с. 115, рис. 6; 9, с. 176, табл. III]: венец типа III.1.А (?) или 1.2, ножка утрачена (возможно, прототип ножек 1-й группы).

Подробное рассмотрение фрагментов керамической тары, происходящих из Фанагории, показывает, что торговые отношения между Самосом и боспорским полисом были более долгими и интенсивными, чем представлялось прежде. Они охватывают промежуток времени практически с момента становления города и продолжаются по крайней мере до середины IV в. до н. э. Самосское государство

(торговцы) регулярно ввозило в Понт основное свое богатство — оливковое масло (возможно, и оливки), невзирая на внутриполитические неурядицы и войны. При этом любопытно, что наряду с другими общинами, вошедшими в состав I Афинского морского союза (Хиос, Лесбос...), торговые связи Самоса с Северным Причерноморьем не пресекаются после греко-персидских войн, в то время как теряются (судя по свидетельству керамической тары) прочные прежде контакты с ионийскими городами Малой Азии (Клазоменами (?) — так называемые амфоры «с широкими полосами»; эолийским центром (или центрами), выпускавшим сосуды с так называемыми «стаканообразными ножками» и др.). Сохраняются они и после середины V в. до н. э., когда в Северное Причерноморье начинается массовый ввоз продуктов из Фасоса, Менды и других близлежащих областей Северо-Западной Эгеиды [31, с. 37, 38]. Амфоры из Самоса продолжают поступать сюда даже в ходе Пелопоннесской войны и, видимо, позже, вплоть до IV в. до н. э. (возможно, до 360-х годов, когда жители Самоса были выселены афинянами и замещены клерухами).

Таким образом, исследование керамической тары из Фанагории проливает свет на отношения двух греческих центров. И хотя амфоры не могут служить источником, характеризующим все разнообразие и объемы торговли, они все же, по-видимому, отражают ее наиболее масштабную часть, что создает общий фон для изучения отношений не только экономических.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Grace V. R.* Samian Amphoras//Hesperia. 1971. V. 40. № 1.
2. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора//МИА. 1960. № 83.
3. *Блаватский В. Д.* История античной расписной керамики. М.: Изд-во МГУ, 1953.
4. *Брашинский И. Б.* Раскопки в районе теменоса Ольвии в 1960—1962 гг.//КСИА. 1965. Вып. 103.
5. *Брашинский И. Б.* Новые данные к изучению экономических связей Ольвии в VI—V вв. до н. э.//Archeologia, 1968. XIX.
6. *Брашинский И. Б.* Новые данные о торговле Ольвии с Самосом//КСИА. 1967. Вып. 109.
7. *Брашинский И. Б., Демченко А. И.* Исследования Елизаветовского могильника в 1966 г.//КСИА. 1969. Вып. 116.
8. *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л.: Наука, 1980.
9. *Брашинский И. Б.* Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л.: Наука, 1984.
10. *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре//МИА. 1954. № 36.
11. *Lordkipanidze O. D.* Colchis in the Early Antique Period and her Relations with the Greeck World//Archeologia. 1968. XIX.
12. *Лейпуньска Н. О.* Класифікація амфор архаічного часу з Ольвии//Археологія. 1973. Вып. 8.
13. *Лейпунская Н. А.* Керамическая тара из Ольвии (из опыта изучения амфор VI—IV вв. до н. э.). Киев: Наукова думка, 1981.
14. *Grace V. R.* Exeptional Amphoras Stamps//Studies in Classical Art and Archaeology, 1979.
15. *Pelagatti P. and the others.* Archeologia nella Sicilia Sud-Orientale Syracuse, 1973.
16. *Roberts S. R.* The Stoa Gutter Well. A Late Archaic Deposit in the Athenian Agora//Hesperia. 1986. V. 55. № 1.
17. *Лазаров М.* Антични амфори (VI—I в. пр. н. е.) от Българского Черономорие//Известия на народние музей Варна, 1973. IX (XXIV).
18. *Mattingly H. B.* Coins and Amphoras-Chios, Samos, Thasos in the Fifth Century B. C.//JHS. 1981. № 101.
19. *Boulter C.* Pottery of the Mid-Fifth Century from a Well in Athenian Agora//Hesperia. 1953. V. 22. № 2.
20. *Börker Chr.* Die Herkunft der Schiffsbug-Stempel//BCH. 1986. Suppl. XIII.
21. *Dupont P.* Cassification et détermination de provenance des ceramiques Greeques orientales archaiques d'Istros. Raport preliminaire//Dacia. 1983. XXVII. № 1—2.
22. *Dupont P.* Amphores commerciales archaiques de la orecè L'Est//La parola del Passato. 1982. № 204—207.
23. *Рубан В. В.* Керамика Ягорлыцкого поселения из собрания Херсонесского музея//СА. 1983. № 1.
24. *Копейкина Л. В.* Расписная керамика архаического времени из античных поселений Нижнего Побужья и Поднепровья как источник для изучения торговых и культурных связей//Археологический сборник. 1986. Вып. 27.
25. *Dugèr E.* Premiers remarques sur Les amphores de Clazomènes//BCH. 1986. Suppl. XIII.

26. *Corbett P. E.* Attic Pottery of the Late Fifth Century from Athenian Agora//Hesperia. 1949. V. 18. № 4.
27. *Завойкин А. А.* Комплекс амфор из Фанагории, 1985 года//Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН СССР. М., 1986.
28. *Онайко Н. А.* Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М.: Наука, 1980.
29. *Dimitriu S.* Cartierul de Locuinte din zona de vest a cetăţii in epoca archaică//Histria. 1966. V. II.
30. *Naumann R., Tuchett K.* Die Ausgrabung in Südwesten des Tempels von Didyma//IstMitt. 1963—1964. Bd. 13/14.
31. *Абрамов А. П.* Амфоры VI—V вв. до н. э. из Патрея (раскопки 1985—86 гг.)//Древности Кубани. Краснодар, 1987.

Институт археологии РАН,
Москва

A. A. ZAVOYKIN

A CLASSIFICATION OF SAM'AN AMPHORAE FRAGMENTS FROM PHANAGORIA

Summary

A number of Samian amphorae and a lot of their fragments are known in the Northern Pontic area. Basing on this pottery the scholars date the regular trade contacts of this region with Samos to the 6th — early 5th cent. B. C. Studying the political history of Samos, I. B. Brashinsky supposed that the existence of such contacts in the late 5th cent. is doubtful. After a wide-scale excavations of the «Southern Town» of Phanagoria a new detailed classification of fragments of Samian amphorae dated to the 5th — early 4th cent. B. C. was worked out, and also a new view on the chronology of trade contacts was suggested. A high percentage of Samian amphorae's sherds of the 5th cent. B. C.; and especially of the half of the century is a peculiarity of the site. Maybe in some cases this pottery is not well-known for archaeologists. An analysis of morphology of the amphorae details is presented in the article, as well as their illustrated descriptions. This would help in identifying Samian sherds in different sites and assemblages and using them for chronological studies, which may support further investigations of the trade contacts of Samos and different centres of the Northern Pontic area.

Г. К. ВАГНЕР

К ВОПРОСУ О ДЕКОРЕ ГЕОРГИЕВСКОГО СОБОРА 1230—1234 ГГ.

В 1964 г. мной была опубликована первая за все время реконструкция первоначального вида Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском [1, рис. 38—40]. Напомню, что построенный в 1230—1234 гг. храм в XV в. (вероятно, около 1445 г.) обрушился и в 1471 г. был восстановлен мастером Василием Ермолиным, но восстановлен так, что архитектурные формы оказались сильно упрощенными, а белокаменная декоративная резьба — совершенно перепутанной. Ни один ученый не брался за распутывание образовавшегося «ребуса». Вероятно, и я, тогда еще лаборант Института археологии АН СССР, не осмелился бы к нему прикоснуться, если бы не инициатива проф. Н. Н. Воронина. Познакомив меня с этим загадочным памятником, он сказал: «Займитесь им. А для начала возьмите композицию «Семь спящих отроков эфесских». И я занялся. Итогом 5-летней работы стала книга, в которой и была опубликована упомянутая реконструкция.

Мне никогда не приходило в голову считать свою реконструкцию безупречной. Поэтому я с интересом принимал (и принимаю) все замечания, с которыми либо соглашаюсь, либо не соглашаюсь в зависимости от их обоснованности. Так обстояло дело с замечаниями А. В. Столетова, С. Г. Щербова и В. Г. Пуцко. В последнее время появилась публикация Т. А. Чуковой, которую я тоже не могу оставить без ответа.

Т. А. Чукова [2, с. 177—182] правильно подметила, что четыре больших рельефа святителей, размещенные мной в нижнем ярусе алтарной преграды, скорее всего должны относиться к композиции «Божественной литургии», обычно размещаемой (в росписях) в нижнем регистре центральной апсиды. Это послужило для Т. А. Чуковой основанием вернуться к старой концепции С. Г. Щербова, по которой резной камень покрывал собою не только фасады храма, но помимо алтарной преграды был на столбах и стенах [2, с. 178].

С этим было бы трудно спорить, если бы автором были предложены определенные композиции и конкретные места их расположения в интерьере храма. Т. А. Чукова попыталась это сделать, но приведенные ею данные, увы,— бездоказательны.

Прежде всего безуспешна ее попытка реконструировать композицию «Божественной литургии» в апсиде Георгиевского собора. Два больших рельефа ангелов с рипидами, помещенные мной на угловых лопатках западного притвора [1, рис. 38], никак не могли примыкать к рельефам с фигурами святителей, так как имеют выпуклую рамку по краям плиты, что хорошо видно на опубликованных мной фотографиях [1, табл. X*а*, XI*б*]. Кроме того, плиты с рельефами ангелов имеют с торцовой стороны орнамент, совпадающий с таким же орнаментом на угловых пилястрах западного притвора. Иначе говоря, первоначальное расположение этих рельефов на пилястрах западного притвора несомненно. Кстати сказать, здесь же размещал их и С. Г. Щербов.

Допустим, однако, что композиция «Божественной литургии» в апсиде Георгиевского собора была. Но что же было в апсиде кроме нее? Не могла же остальная часть стены апсиды быть пустой? Тогда тут должны были бы быть композиции «Святительский чин», «Евхаристия» с такими же крупными фигурами. Но ни одного такого рельефа среди резного камня Георгиевского собора нет. Исчезнуть они не могли.

Т. А. Чукова полагает, что в интерьере Георгиевского собора могли находиться: композиция «Вознесение», полоса рельефов святых в круглых рамках, рельефы Пантократора в окружении архангелов. Для последних пяти рельефов Т. А. Чукова прямо указывает купол как место их первоначального положения [2, с. 181].

Рассмотрим и эти «уточнения». Композиция «Вознесение» действительно была

© Г. К. Вагнер, 1992 г.

и есть в резном декоре Георгиевского собора. Она достаточно точно реконструирована мной, так как состоит из традиционных элементов: мандорлы с фигурой возносящегося Христа, ангелов, поддерживающих эту мандорлу, фигуры Богоматери среди ангелов (под мандорлой) и двух групп апостолов в одном ряду с Богоматерью [1, рис. 27]. Т. А. Чукова почему-то относит к композиции «Вознесение» большой рельеф Оранты [2, с. 181], совершенно не считаясь с тем, что рельеф Богоматери уже наличествует в композиции «Вознесение», а Оранта изображена не среди апостолов, а среди святых воинов. Это весьма странная композиция, но она бесспорна в силу того, что растительный орнамент на всех блоках камня совпадает [1, рис. 19]. Кроме того, фигура Оранты слишком велика для композиции «Вознесение». Странно, что Т. А. Чукова ни с чем этим не посчиталась. Реконструированная мной композиция «Вознесение» прочно входит в христологический цикл, размещавшийся в центральных закомарах храма. Для перевода ее в интерьер нужны очень серьезные аргументы.

Не могли размещаться в интерьере и рельефы святых в круглых рамках. На таблице XI*а* [1] хорошо видно, что два рельефа в круглых рамках соединяются посредством валика под прямым углом с соседними рельефами, что было возможно только на угловых пилястрах западного притвора. Число рельефов в круглых рамках точно укладывается в плоскость западного притвора.

Остаются рельефы Пантократора и архангелов. Иконографически они действительно подходят для помещения их в своде. Но ведь они настолько малы, что снизу их просто не видно! Я согласен с тем, что для уточнения их первоначального местоположения нужна дополнительная работа.

В заключение позволю себе несколько методических замечаний. Возвращаясь к мнению С. Г. Щербова, Т. А. Чукова пишет, что «рельефы заменили в соборе фрески, отсутствие которых всегда удивляло исследователей» [2, с. 178]. Никого из серьезных исследователей это не удивляло и не могло удивлять, так как было хорошо известно, что за исключением нижней части северной стены, все остальные стены переложены Василием Ермолиным.

Представляется «совершенно невероятным — пишет Т. А. Чукова — изначальное отсутствие резьбы в интерьере собора при наличии многочисленных резных композиций на фасадах» [2, с. 178]. Почему же это «совершенно невероятно», когда точно такой же принцип мы наблюдаем в декоре церкви Покрова на Нерли и в прославленном Дмитриевском соборе Владимира? Правда, там в интерьерах изображены резные львы, но это не аргумент.

Возвращаясь к алтарной преграде, замечу, что она вовсе не должна была быть в виде традиционного темплона с колоннами и интерколумниями, как считает Т. А. Чукова [2, с. 178]. К этому времени уже появились и глухие «стенки» (конечно, с проемами), например, в Каппадокии, причем с изображениями святителей [3, с. 171, рис. на с. 173] Конечно, это было связано с какими-то изменениями в литургии, но Т. А. Чуковой нужно было исследовать этот вопрос, а не отвергать глухую алтарную преграду. Такие изменения в первой половине XIII в. можно предполагать, о чем говорят изображения святителей и преподобных на столбиках царских врат и на самих вратах XIII в. [3, с. 172].

И наконец, для «принципиального изменения представления о месте резного камня в архитектуре памятника» [2, с. 181] нужно было по крайней мере посчитаться с чисто техническими возможностями, что полностью отсутствует в новой концепции Т. А. Чуковой.

Все сказанное отнюдь не отвергает дальнейших исследований архитектуры и резного декора Георгиевского собора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вагнер Г. К.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польский. М.: Наука, 1964.
2. *Чукова Т. А.* К вопросу об убранстве интерьера Георгиевского собора в Юрьеве-Польском//Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Горький, 1990.

3. *Вагнер Г. К.* Древние черты во владимиро-суздальской скульптуре XIII века как элементы нового стиля//Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М.: Наука, 1972.

Институт археологии РАН,
Москва

G. K. VAGNER

ABOUT THE DECORUM OF GEORGIEVSKY CATHEDRAL 1230—1234

Summary

In 1964 the first graphic reconstruction of Georgievsky cathedral of XIII century in Yuriev-Polskoy was published. This catherdral came down in XV century. The difficulty of such such work assumes some more precise definitions. One of them was the work of T. A. Chukina. The author don't take into account the peculiarity of primary architectural forms and iconographical principles of Georgievski cathedral sculptural compositions. That why the „more precise definitions", offered by T. A. Chukina cant be reliable.

М. А. ФРУМКИНА

К ВОПРОСУ О СЕЙСМОЗАЩИТЕ ДРЕВНИХ СООРУЖЕНИЙ

Проблемы антисейсмического строительства всегда имели большое значение для районов Средней Азии, особенно Таджикистана. Сейсмичность этой территории колеблется от 7 до 9 баллов по шкале Рихтера, поэтому накопленный древними строителями опыт возведения сейсмостойких сооружений актуален и в наши дни. Эту проблему исследовали многие ученые [1—7], но никто из них не изучал непосредственно работу конструкций при землетрясении.

В данной работе рассмотрены некоторые конструктивные приемы, применявшиеся древними зодчими. Особое внимание уделено конструктивным решениям малоизученного мавзолея Ходжа Машад, расположенного в Южном Таджикистане, в 4 км южнее г. Шаартуза у пос. Саят.

Архитектурный комплекс Ходжа Машад представляет собой один из интереснейших памятников архитектуры Средней Азии X—XIII вв. Комплекс включает в себя непосредственно здание так называемого двойного мавзолея (рис. 1), а также большое пространство, огороженное с трех сторон широкими сырцовыми стенами и образующее внутренний двор. При археологических исследованиях комплекса на территории внутреннего двора были раскопаны прямоугольные сооружения с сырцовыми стенами, расположенными вдоль стен двора. Относительно функционального назначения комплекса выдвигались различные гипотезы: это могло быть медресе, а также ханака (пристанище для отшельников).

Первое упоминание о мавзолеях в Саяте (Ходжа Машад) как о памятнике архитектуры встречается в отчетах Вахшского отряда ТАЭ под руководством А. М. Беленицкого, который посетил Шаартузский и Кобадианский районы в 1947 г. В 1948 г. архитектором Кафирниганского отряда ТАЭ Л. С. Бретаницким были проведены предварительные обмеры, позволившие сделать план мавзолеев на уровне земли [8]. Последние раскопки комплекса проводились А. И. Маняхиной в 1979 г. [9].

При датировке мавзолеев возникли разногласия. А. М. Беленицкий считал, что восточный мавзолей относится к X в., а западный — к XI—XII вв. [10], М. М. Дьяконов предполагает одновременное возведение обоих мавзолеев в XII в., основываясь на перевязке кладки верхней части портала с внешней оболочкой купола восточного мавзолея [10]. Кое-где на здании обнажается черновая кладка в местах соединения портала с мавзолеями (рис. 1, *1*), и в этих местах ясно видно, что конструкции стыков пилонов портала с основными сооружениями решены одинаково. Такое могло быть только при одновременном строительстве обоих мавзолеев.

Автор данной работы не ставил перед собой задачу уточнения исторических условий и дат строительства, а хотел остановиться на некоторых архитектурно-конструктивных особенностях данного комплекса, которые, безусловно, заслуживают самого пристального изучения.

Для обеспечения устойчивости жесткого сооружения при сейсмическом воздействии необходимо, чтобы в нем были податливые и пластичные элементы, которые бы разделяли сооружение на отдельные части. Эти элементы ослабляют

© М. А. Фрумкина, 1992 г.

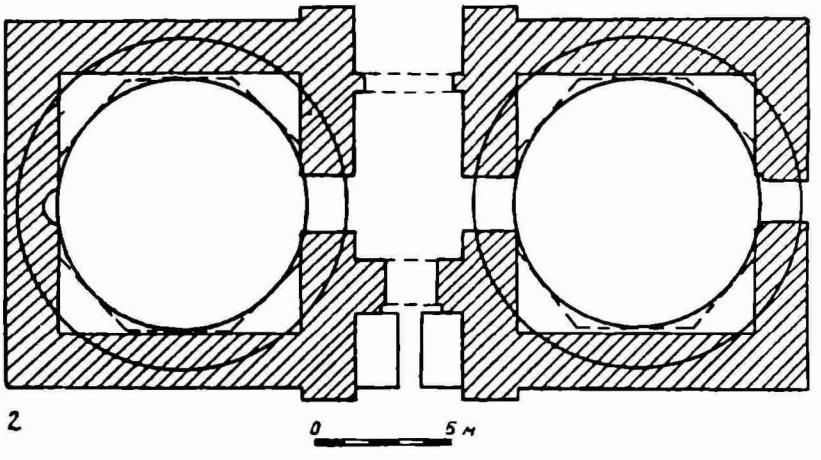


Рис. 1. Мавзолей Ходжа Машад. *1* — общий вид; *2* — план мавзолея

или поглощают ударные нагрузки от землетрясения и не передают их вышележащим конструкциям. Данную функцию выполняют фундаменты на податливом основании и различные антисейсмические пояса, расположенные на разной высоте здания.

Древние зодчие Средней Азии имели большой опыт создания сооружений, устойчивых к сейсмическим воздействиям. Они прибегали для этого к различным конструктивным решениям, но основным было применение податливых и пластичных материалов и конструкций, обладающих повышенной устойчивостью к сейсмическим нагрузкам. С этой целью использовались специальные виды кладок. В качестве вяжущих применялись глиняные и ганчевые растворы, причем для повышения пластичности кладки швы делались достаточно толстыми.

В объемно-планировочном решении комплекса мавзолеев соблюден принцип поперечно-осевой композиции. Как показало время, наименьшим разрушениям при землетрясениях подвергаются здания, квадратные в плане и без выступов. Внутренние стены должны располагаться симметрично относительно главных осей симметрии [5]. Все это имеет место в рассматриваемом комплексе (рис. 1, *2*).

Оба мавзолея сложены из обожженного кирпича (28×28×5 см) на глиняном растворе без штукатурки. В плане они имеют форму квадрата (14,5×14,5 м). Несущая конструкция — восьмерик на четверике, покрытие — купол. Восьмерик имеет паруса, сложенные рядами кирпичей в «елочку», выше покрытие переходит в купол через пояс тромпов. Общая высота сооружения в центрах куполов 13 м. С увеличением высоты купол утончается, образуя снаружи три ступеньки по толщине [11], толщина в верхней части — один кирпич. Среди горизонтальных рядов кирпичей четко выделяются ряды, сложенные наискосок, в «елочку», причем они в большом количестве видны при обнажении черновой кладки в нижней части купола на парусе восточного мавзолея. Такой же одиночный ряд кирпичей в «елочку» располагается в верхней трети купола (рис. 2). За счет уменьшения толщины купола центр тяжести сооружения находится ниже, чем при постоянной толщине оболочки. Это делает сооружение более устойчивым, особенно в условиях частых сейсмических воздействий [3].

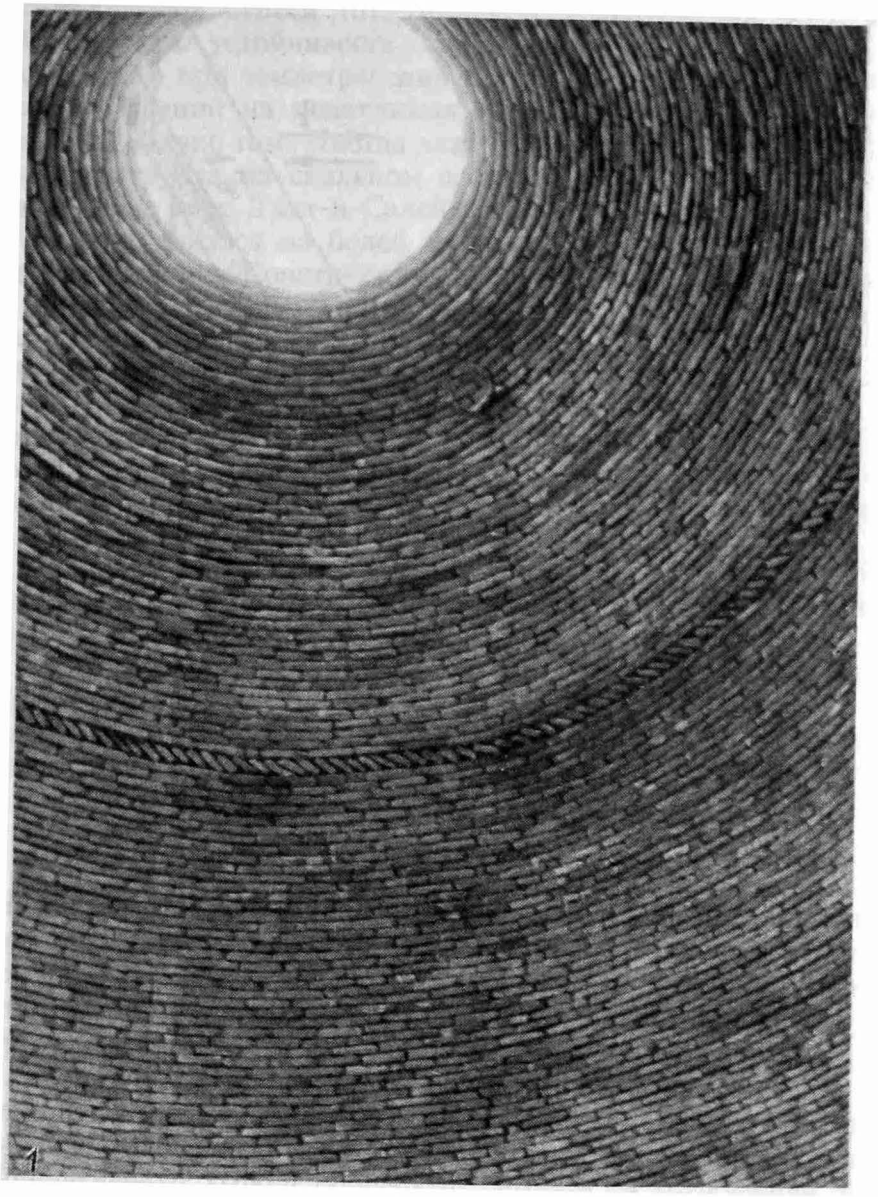
Авторы работ о мавзолее Ходжа Машад не считали ряды кладки в «елочку» чисто декоративным элементом [12, 13]. В данной работе предлагается рассматривать ряды в «елочку» (там, где она является конструктивной) как антисейсмический элемент.

Примеров конструктивного решения купола с использованием этого вида кладки известно довольно много. Таким же образом был возведен купол мавзолея Абу-Саида в Мехне (XI в.) и купол Безымянного мавзолея в Южном Туркменистане (XI в.), где частичное разрушение дает возможность увидеть конструктивный характер кладки. Купола сооружались кольцевыми рядами в «елочку» с радиальным направлением швов [14, 15]. Подобный ряд мы видим в куполе мавзолея Ходжа Машад, но он датируется столетием раньше. Более поздние аналоги можно видеть в некоторых памятниках Южного Хорасана — мавзолее Арслан-Джазиба в Сенгбесте (XI в.), Рабати-Шереф и Саган-Бала (XII в.) [16]. Пояс из обожженных кирпичей в «елочку» имеется в арочных нишах мавзолея Аламбердара, в 15 км севернее г. Керки Чарджоуской обл., возле дороги Керки — Чарждоу [17].

Аналогичные пояса, но из сырцового кирпича 32×16×6 см имеют место в средневековых конструкциях Мунчак-тепе. Их также можно рассматривать как попытки создания элементов сейсмозащиты [4, 18, 19]. Но следует отметить, что податливость сырцового кирпича больше, чем обожженного, следовательно, в конструкциях из обожженного кирпича данные пояса имеют большее значение.

При устройстве подобных поясов здание может воспринимать бóльшие значения «пиковых» перегрузок за счет образования местных пластических деформаций в сечениях конструкций, чем при однотипной горизонтальной кладке по всей высоте сооружения.

Рассмотрим работу антисейсмического пояса мавзолея Ходжа Машад при



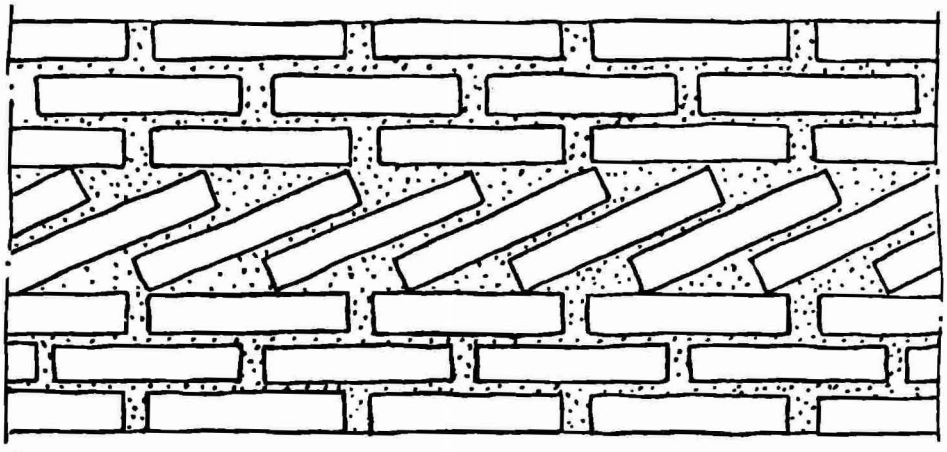


Рис. 2. Антисейсмический пояс купола, сложенный кладкой в «елочку»

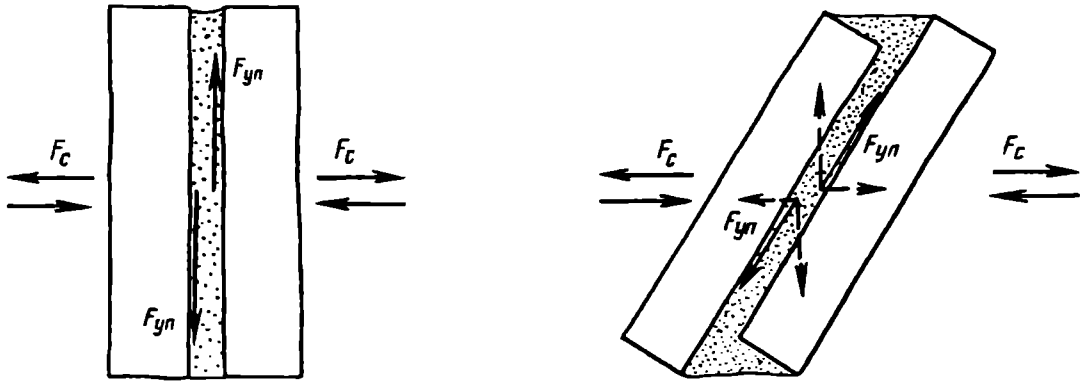


Рис. 3. Влияние сейсмической нагрузки при различном расположении кирпичей

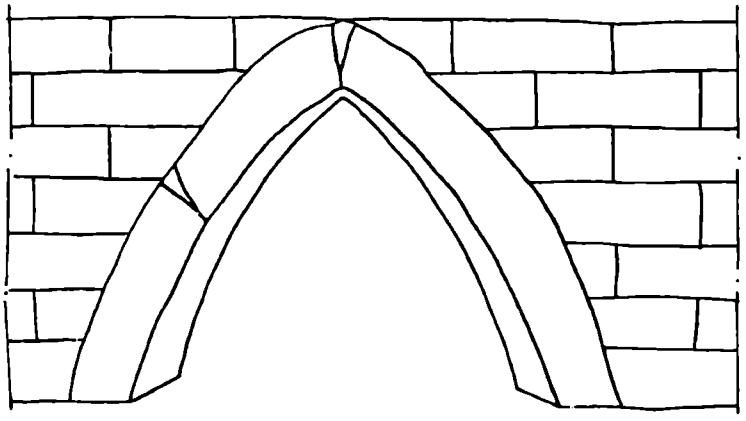


Рис. 4. Сырцовая арка в Старом Мерве

землетрясении. Кроме действующей на элементы здания вертикальной статической нагрузки от собственного веса при землетрясении появляется еще горизонтальная и вертикальная динамические нагрузки. На рис. 3 показано действие сейсмических сил. Между кирпичами есть слой податливого глиняного раствора. Следовательно, даже при минимальном смещении одного кирпича относительного другого из-за наличия сцепления раствора с кирпичом возникает сила упругого взаимодействия, действующая вдоль поверхности кирпича. Как видно из рисунка, при вертикальном расположении кирпичей эта сила Fyn и горизонтальная сила сейсмического воздействия Fc направлены во взаимно перпендикулярных направлениях и, следовательно, никакого действия друг на друга не оказывают. При наклонном расположении кирпичей у силы упругого взаимодействия появляется горизонтальная составляющая. В этом же варианте контакт кирпичей пояса с элементами сооружения, расположенными выше и ниже, происходит через ребро, поэтому при действии горизонтальных нагрузок возможен поворот кирпича вокруг этого ребра и горизонтальный сдвиг элементов конструкции, разделенных подобным поясом, за счет податливости швов. В связи с этим части сооружения могут при землетрясении сдвигаться относительно друг друга из-за податливости раствора поясов и возможности поворота кирпичей относительно опорного ребра, а следовательно, рассмотренные пояса могут гасить колебания. Конечно, возможные смещения очень малы, но тем не менее играют важную роль в сейсмической устойчивости здания.

Необходимо также отметить более высокую сейсмостойкость стрельчатых арок по сравнению с обычными полуциркульными. Эта форма арок имеет широкое распространение в архитектуре Средней Азии. В мавзолее Ходжа Машад такое очертание имеют арки парусов обоих мавзолеев и арка главного портала. У подобных арок, что доказано временем и подтверждено научными расчетами, не вываливается замковая часть, как у полуциркульных, а при возникновении трещин стрельчатая арка начинает работать как шарнирная система (рис. 4).

Археологические исследования показали, что мавзолеи не имеют фундаментов и стоят на увлажненной супеси (отложения р. Кафирниган) [10]. Это также повышает сейсмическую устойчивость сооружения, так как подобное основание допускает деформации при землетрясении в любом направлении. Принцип строительства жестких зданий на податливых основаниях широко распространен в Средней Азии, и не только там. Иногда даже устраивались специальные подушки из весьма рыхлого грунта на скальном основании. В качестве примера можно привести мавзолей на горе Тахт-и-Салейман (Ош, Киргизия) [5].

Хотелось бы остановиться на более древних примерах строительства зданий на податливом основании. Конструкции фундаментов, обнаруженных при раскопках ряда городов Северного Причерноморья, можно рассматривать как антисейсмические. В частности, в Ольвии были раскопаны фундаменты, представляющие собой «слоеный пирог», состоящий из слоев глины и золы. Под стенами оборонительных сооружений эти конструкции были обнаружены с глубиной заложения от 0,25 до 4,5 м. Их податливость позволяет сооружению гасить горизонтальные и вертикальные сейсмические толчки и не передавать их наземной части здания. В то же время они могут служить для более равномерной осадки сооружения.

Так, в крепости в г. Дербенте крепостная стена, стоящая на податливом песчано-глинистом основании, прекрасно сохранилась (в нижней части города). В верхней части города, где стена стоит на скале, наблюдаются различные разрушения (вертикальные трещины, расхождение швов, прогибы и выпучивания кладки) [20].

Вопросы антисейсмики древних сооружений заслуживают глубокого изучения и представляют профессиональный интерес для археологов и архитекторов, в мавзолее же Ходжа Машад антисейсмические сооружения представлены в большом количестве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бачинский Н. М* Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии. М.: Изд-во АН СССР, 1949.
2. *Бачинский Н. М.* К вопросу об антисейсмических мероприятиях среднеазиатских зодчих XV—XVII вв//ПИДО. 1934. № 5.
3. *Булатов М. С.* Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX—XV вв: Автореф. дис. ... докт. архитектуры, Ленинград, 1974.
4. *Воронина В. Л.* Приемы строительной техники доарабского периода в Средней Азии//КСИИМК. 1949. Вып. 28.
5. Проектирование сейсмостойких зданий/Под ред. Полякова С. В. Руководство по проектированию сейсмостойких зданий и сооружений. Т. 3. М.: Изд-во лит. по стр-ву, 1971.
6. *Засыпкин Б. Н.* Заметки по строительной культуре Советского Востока//Строит. пром-сть. 1930. № 1.
7. *Засыпкин Б. Н.* Своды в архитектуре Узбекистана//Архитектурное наследство. 1961. № 13.
8. *Дьяконов М. М.* Археологические работы в нижнем течении р. Кафирниган (Кобадиан) (1950—1951)//МИА. 1953. Т. 2. № 37.
9. *Маняхина А. И.* Археологические работы на мавзолее Ходжа-Машад//Археологические работы в Таджикистане. № 19. 1979. Душанбе: Дониш, 1986.
10. *Немцева М. Б.* Раскопки архитектурного комплекса Ходжа-Машад в Саяде на юге Таджикистана//СА. 1969. № 3.
11. *Беленицкий А. М.* Мавзолей у селения Саят//МИА. 1950. Т. 1. № 15.
12. *Дадабаев Р. М.* Принципы архитектурной декорации Средней Азии X—XIV вв. и их значение для современной архитектуры Таджикистана: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Душанбе, 1978.
13. *Хмельницкий С. Г.* Конструкция и орнамент//Художественный образ и декоративность в искусстве Азии и Африки. М., 1969.
14. *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма//Тр. ЮТАКЭ. 1958. Т. 6.
15. *Хмельницкий С. Г.* От конструкции к орнаменту//Искусство таджикского народа. 1965. № 3.
16. *Пугаченкова Г. А.* Своды в архитектуре Южного Туркменистана//Тр. ЮТАКЭ. 1958. Т. 8.
17. *Прибыткова А. М.* Памятники архитектуры XI в. Туркмении. М., 1955.
18. *Воронина В. Л.* Строительная техника древнего Хорезма//ТХЭ. 1952. Т. 1.

19. *Воронина В. Л.* Древняя строительная техника Средней Азии//Архитектурное наследство. 1953. № 3.
20. *Башкиров А. С.* Антисейсмизм древней архитектуры//Уч. зап. Ярослав. пед. ин-та. 1947. Вып. X(XX).

Институт этнологии и антропологии
РАН, Москва

M. A. FRUMKINA

ABOUT THE ANTISEISMIC ELEMENTS OF ANCIENT CONSTRUCTIONS

Summary

The article is devoted to the defence of Central Asian ancient constructions against seismic function. The author describes in detail the so called double Khodza-Mashad mausoleum in Southern Tadzhikistan which was studied insufficiently. The form and plan of mausoleum are given. The peculiarities of construction is considered. The special attention is paid to the masonry "yolochka" ("spruce") and to the function of this masonry during earthquake. The advantage of lancet archs is demonstrated. Some examples of more ancient constructions from Olvia as antiseismic elements are given.

Памяти В. П. Алексеева

ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ АЛЕКСЕЕВ
(1929—1991)

7 ноября 1991 г. скоропостижно скончался Валерий Павлович Алексеев, академик, директор Института археологии АН СССР. Эта весть потрясла своей неожиданностью всех, кто его знал. До последних дней Валерий Павлович сохранял колоссальную работоспособность, жажду новых начинаний и такую полноту жизни, что трудно примириться с мыслью о его кончине. Масштабность самобытной и удивительно талантливой личности В. П. Алексеева была очевидна и тогда, когда он жил еще среди нас, а сейчас она ощущается так же остро, как и невозвратимость постигшей с его уходом потери. Жизнь Валерия Павловича была примером благородного и самоотверженного служения науке. Она не богата юбилейными датами, но вместила столько научных свершений, что их хватило бы на несколько иных жизней. Творческая деятельность В. П. Алексеева была наполнена радостью открытий, достойных его щедрого таланта и беззаветного труда. Валерий Павлович одаривал окружающих душевной теплотой и творческой энергией. И сам он испытывал со стороны коллег чувства дружбы, доверия, уважения. Он был далек от мыслей о подведении итогов своей жизни, нелегко делать это, думая о Валерие Павловиче, и тем, кто близко знал его и был связан с ним работой.

© Х. А. Амирханов, 1992 г.

Валерий Павлович Алексеев родился 22 августа 1929 г. в Москве. Здесь прошли его школьные годы, пришедшиеся на военную пору, здесь же в 1947 г. он поступил на дальневосточный факультет Московского института востоковедения. В. П. Алексеев окончил институт в 1952 г. по специальности «страноведение по Китаю» и в том же году был зачислен в аспирантуру Института этнографии АН СССР. Валерий Павлович сделал выбор нетипичный для выпускников Института востоковедения. Питомцы этого вуза становились обычно историками, экономистами, лингвистами, политологами и дипломатами. Он же выбрал довольно редкую для того времени специальность — антропологию. В 1955 г. им была защищена кандидатская диссертация на тему «Палеоантропология Южной Сибири». Уже в этой работе проявилась ярко выраженная историческая направленность антропологических изысканий В. П. Алексеева, его особый интерес к проблематике расогенеза и этнической антропологии.

Заметным событием в науке стала защита в 1966 г. докторской диссертации «Краниология народов Восточной Европы и Кавказа в связи с вопросами их происхождения». Вскоре вышли в свет книги В. П. Алексеева «Происхождение народов Восточной Европы» и «Происхождение народов Кавказа». Эти труды как бы завершили собой становление этнической антропологии как особого направления науки и оказали большое влияние на существенное расширение этноисторических исследований в нашей стране. Сам Валерий Павлович не прекращал работы в этом направлении до конца жизни. География его этногенетических исследований была чрезвычайно широка и включала территории Юго-Восточной, Центральной и Северной Азии, Кавказа, Балкан и Восточной Европы. Принципиальные итоги 30-летних научных занятий в этом направлении были подведены в вышедшем в 1989 г. фундаментальном труде «Историческая антропология и этногенез».

Другим направлением антропологии, в которое В. П. Алексеевым был сделан выдающийся вклад, было расоведение и расогенез. Мировую известность получили такие его капитальные труды, как «География человеческих рас», «Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас». В них и ряде других работ по-новому поставлены проблемы происхождения больших рас населения Земли, рассмотрены типология и номенклатура малых рас, разработаны соотношения расовых типов с особенностями географии расселения, хозяйственной деятельности, материальной культуры и языкового группирования. Особое место в этом научном направлении занимает разработанная В. П. Алексеевым целостная теория очагов расообразования. Показательно, что многие принципиальные положения этой теории находят подтверждение в новейших исследованиях из смежных областей науки.

Большое место в научной деятельности Валерия Павловича занимала проблематика антропогенеза. Новым в подходе к решению проблемы происхождения человека являлась, прежде всего, сама постановка вопроса, предлагавшая разработку этой темы в триединстве философского, антропологического и археологического анализа. Внесенные В. П. Алексеевым в теорию антропогенеза коррективы касаются самих основ этой отрасли — систематики, морфологической эволюции и таксономии гоминид.

Признанием выдающегося вклада В. П. Алексеева в науку явилось его избрание членом-корреспондентом Академии наук СССР в 1981 г. и действительным членом Академии в 1987 г. Это был редкий пример того, как представитель гуманитарной сферы науки достиг высших академических званий, не имея еще обычного для патриархов науки почтенного возраста, не занимая никаких административных должностей и не будучи к тому же членом КПСС.

Валерий Павлович работал в Институте этнографии АН СССР с 1952 по 1987 г. и там прошел последовательно все ступени научной карьеры от младшего до главного научного сотрудника. Опубликовав более 500 статей и 20 книг, он тем не менее не стал обладателем высоких государственных наград. Заслугой и наградой Валерия Павловича были его неоспоримый авторитет в среде научной

общественности и его место в науке, которое вряд ли может быть заменено кем-либо другим. В. П. Алексеев обладал присущими в такой мере только ему творческими чертами. Для него были характерны масштабная постановка задач, разработка общетеоретических проблем с использованием данных собственного, чрезвычайно кропотливого анализа источников, устремленность поиска на стыках естественных и гуманитарных наук с максимальной интеграцией их результатов, сосредоточенность на наименее изученных, а потому и особенно сложных направлениях науки, смелость суждений и научная интуиция.

Человек со столь плодотворной научной деятельностью ассоциируется обычно с образом отрешенного от жизни кабинетного ученого. Валерий Павлович был, однако, полной противоположностью этому. Он участвовал в десятках экспедиций в самых разных уголках страны — на Дальнем Востоке, Сибири, Средней Азии, Кавказе, Прибалтике и многих областях России. Его полевые исследования проходили и во многих зарубежных странах — Монголии, Индии, Йемене, Кубе, Вьетнаме, Канаде. Работа в экспедициях осуществлялась всегда в сотрудничестве с археологами, историками культуры и не ограничивалась просто сбором материалов. Валерий Павлович выступал автором программ и проектов многих экспедиционных изысканий и стимулировал комплексный, многодисциплинарный характер исследований.

В экспедиционных поездках Валерий Павлович обретал и много новых друзей, с которыми поддерживались теплые отношения в течение десятков лет.

В отношениях с коллегами и друзьями он был терпелив, чуток, мудр и предан. Но Валерий Павлович умел быть и бескомпромиссным, если случалось ему столкнуться с нечестностью, грубостью, двуличием. В сложных жизненных ситуациях Валерий Павлович делал решительный и безошибочный нравственный выбор.

В последние годы жизни перед В. П. Алексеевым открылись новые перспективы деятельности, связанные с тем, что в 1988 г. он стал директором Института археологии АН СССР. Предложенная им программа научной работы института не оставляла равнодушным никого. Многих она воодушевила, а некоторых и настораживала — программа была составлена со свойственным для Валерия Павловича размахом и масштабной перспективой. Подход В. П. Алексеева к планам работы института был пронизан глубоким пониманием особенностей современных задач археологии. Он нацеливал на модернизацию исследований, выход за пределы традиционной проблематики, комплексный характер изысканий и экологизацию археологического знания. У Валерия Павловича оказался слишком малый срок, да и время наступило не самое благоприятное, чтобы спокойно и планомерно воплощать долгосрочные программы. Но несмотря на все, многое из задумывавшегося им пустило свои корни, потому что эти замыслы соответствовали уровню современного состояния науки.

Научно-организационная работа В. П. Алексеева не ограничивалась Институтом археологии. Он был заместителем академика-секретаря Отделения истории АН СССР, членом редколлегий нескольких академических журналов, руководителем многих научных комиссий и проектов Академии наук СССР.

Много усилий Валерий Павлович уделял воспитанию научных кадров. Он является одним из авторов основного учебника для университетов по истории первобытного общества. Его ученики работают в разных уголках страны, а теперь вернее уже будет сказать, в разных странах, составлявших еще недавно СССР. Их объединяет принадлежность к «алексеевской» школе антропологов, этнографов, историков первобытности.

В. П. Алексеев был известен не только научной общественности страны, но и широким кругам читателей независимо от их специальности и образования. Этому способствовала его работа по популяризации достижений нашей науки о древности. Такие, например, книги, как «В поисках предков», «Происхождение человека», несмотря на их массовые тиражи, расходились с полок книжных магазинов за считанные дни. Научные и научно-популярные книги и статьи

В. П. Алексеева переведены на многие языки мира и изданы в ряде зарубежных стран. Выражением признания научного авторитета В. П. Алексеева являлись, в частности, и получаемые им приглашения выступить с лекциями в ведущих университетах и научных центрах Европы, Азии и Америки.

В обычной, человеческой стороне жизни Валерий Павлович был разнообразен в такой же мере, как и в своих научных занятиях. Обширность его знаний и колоссальная эрудиция распространялись на живопись, музыку, литературу. Общение с ним обогащало людей. Оно было овеяно доброжелательностью, радушием, открытостью его щедрой и богатой натуры.

Валерий Павлович Алексеев ушел из жизни, оставив в науке свой фундаментальный вклад непреходящего значения. Его имя будет занимать достойное место среди имен, олицетворяющих высшие достижения и гордость отечественной науки.

Институт археологии
РАН, Москва

Х. А. Амирханов

Список опубликованных работ академика В. П. Алексеева

1. Материалы по палеоантропологии населения Минусинской котловины времени таштыкской культуры//КСИЭ. Вып. XX. 1954. С. 52—58.
2. Палеоантропология лесных племен Северного Алтая//КСИЭ. XXI. 1954. С. 63—69. 1 вкл.
3. Находки костных останков ребенка мустьерского времени в пещере Староселье близ Бахчисарая//СЭ. 1954. С. 158—160.
4. Черепа из древних погребений на территории Тувы//Уч. зап. Тувинск. НИИЯЛИ. III. 1955. С. 103—108.
5. Краниология нганасанов//КСИЭ. XXIV. 1955. С. 57—65.
6. Палеоантропология Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье): Автореф. дис.... канд. истор. наук. М., 1955. 11 с.
7. Рец.: *Абдушелишвили М. Г.* К палеоантропологии Самтаврского могильника//С. 1955. № 2. С. 169—171.
8. Хакасы, енисейские кыргызы, киргизы//Тр. Киргизской экспедиции. Т. I. М., 1955. С. 103—135.
9. Очерк палеоантропологии Тувинской автономной области//Тр. ИЭ АН СССР. 1956. Т. XXXIII. С. 374—393.
10. Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения (предварительное сообщение)//КСИЭ. XXVIII. 1957. С. 92—97.
11. Вопросы филогении приматов в книге «Ход эволюции»//СА. 1957. № 2. С. 285—289.
12. Рец.: *Герасимов М. М.* Восстановление лица по черепу//СА. 1957. № 1. С. 139—144.
13. Рец.: *Wormington.* Origins...//СЭ. 1957. № 2. С. 198, 199.
14. Рец.: *Woo, Chia.* New discoveries about Sinanthropus; *Woo.* Human funils found in China//СЭ. 1957. № 3. С. 192, 193.
15. Рец.: Ученые записки МГУ. Выпуск 166//М. 1957. № 6. С. 76—78.
16. Палеоантропология Алтая эпохи железа//Сов. антропология. 1958. № 1. С. 45—49. 2 вкл.
17. Sklad antropologiczny ludnosci Pogorza Altajo-Sajanskiego w epoce neolitu o wezesnego brazu//Przeglad antropologiczny. 1958. T. XXXIV. Z. 1. С. 274—290.
18. Рец.: *Ахвледиани.* К антропологии коренного населения Аджарской АССР//СА. 1958. № 3. С. 127, 128.
19. Рец.: *Wormington.* Ancient men in North America//СЭ. 1958. № 3. С. 199, 200.
20. Палеоантропологический материал скифского и сарматского времени с территории Тувы//Уч. зап. Тувинск. НИИЯЛИ. Т. VII. 1959. С. 252—259.
21. Антропология Салтовского могильника (предварительное сообщение)//КСИЭ. XXXI. 1959. С. 86, 87.
22. Рец.: *Brost K. et al.* Prehistoric man in Denmark//СА. 1959. № 2. С. 151—153.
23. Рец.: *Woo.* Driopithecus...//СЭ. 1959. № 1. С. 157.
24. Рец.: *Герасимов М. М.* Опыт воспроизведения документального портрета по скелету из Пенджруда//СЭ. 1959. № 2. С. 167—169.
25. Кочевники Кузнецкой котловины по данным палеоантропологии//КСИЭ. Вып. XXXV. 1960. С. 98—111.
26. Некоторые вопросы развития кисти в процессе антропогенеза (о месте киик-кобинца среди неандертальских форм)//Тр. ИЭ АН СССР. 1960. Т. L. С. 179—209.
27. Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпоху неолита и бронзы//Науч. конф. по истории Сибири и Дальнего Востока. Тезисы. Иркутск, 1960. С. 13—15.
28. К краниологии тофаларов//ВА. 1960. № 5. С. 122—132.
29. Материалы к палеоантропологии Западной Тувы//Тр. Тувинской экспедиции. Т. I. М.; Л., 1960. С. 284—316.

30. Некоторые проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев в свете данных антропологии//О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960. С. 312—333. 1 вкл.
31. Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения//Тр. Киргизской экспедиции. Т. IV. М., 1960. С. 269—364.
32. Le peuplement de la Siberie Meridionale a la lumiere de la paleoanthropologie. VI МКАЭН. М., 1960. 12 с.
33. Paleoanthropology of the forest tribes of the Northern Altai//Eds. *Bunak V. V., Debets G. F., Levin M. G.* Contributions to the physical anthropology of the Soviet Union. Peabody Museum. Mass., 1960. С. 147—152.
34. Черепа из мусульманских погребений в Туве//Уч. зап. Тувинск. НИИЯЛИ. 1960. Т. VIII. С. 220—223.
35. Энеолитический череп из Красноярска (к вопросу о южной примеси в населении Алтае-Саянского нагорья)//КСИЭ. XXXIV. 1960. С. 79—85.
36. Рец.: Польские работы по исторической антропологии//ВА. 1960. № 1. С. 155—166.
37. Рец.: *Hill W. S. O.* Primates. V. III//ВА. 1960. № 3. С. 160, 161.
38. Рец.: *Hill W. S. O.* The anatomy of Callimico of goeldii (Thomas)//ВА. 1960. № 3. С. 161, 162.
39. Рец.: *Pivteau J.* Primates.//ВА. 1960. № 4. С. 162—163.
40. О брахикранном компоненте в составе населения афанасьевской культуры//СЭ. 1961. № 1. С. 116—129.
41. Материалы по палеоантропологии средневековых адыгов//Материалы по археологии Адыгеи. Т. II. Майкоп, 1961. С. 208—220. 4 вкл.
42. Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпоху неолита и бронзы//Вопр. истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 377—385.
43. О смешанном происхождении уральской расы//Вопросы археологии Урала. Вып. 1. Свердловск, 1961. С. 117—120.
44. Краниологические материалы к проблеме происхождения восточных латышей//СЭ. 1961. № 6. С. 29—40.
45. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья в эпоху неолита и бронзы//Тр. ИЭ АН СССР. 1961. Т. LXXI. С. 107—206.
46. Палеоантропология Хакасии эпохи железа//Сб. МАЭ. 1961. Т. XX. С. 238—327.
47. Neolityczny material z Podgorza Altajo-Sajanskiego. Wrocław. 1961. 44 с.
48. Рец.: The evolution of man's capacity for culture//ВА. 1961. № 7. С. 150—154.
49. Новое венгерское издание по этнической антропологии//ВА. 1961. № 8. С. 163—166.
50. Рец.: Beannual review of antrophology. 1959//ВА. 1961. № 8. С. 166, 167.
51. Рец.: Матеріали з антропології України//СЭ. 1961. № 2. С. 143—146.
52. О некоторых положениях теории расового анализа//ВА. 1962. № 9. С. 43—59.
53. Антропологія Салтівського могильника//Матеріали з антропології України. Вип. 2. Київ, 1962. С. 48—87.
54. Основные этапы истории антропологических типов Тувы//СЭ. 1962. № 3. С. 49—58.
55. Палеоантропологический материал из Мари-Луговского могильника//Тр. Марийской археологической экспедиции. Т. II. Йошкар-Ола, 1962. С. 241—258.
56. Некоторые замечания по поводу методов расового анализа в работах Я. В. Чекановского и его школы//СЭ. 1962. № 4. С. 122—137 (совместно с Т. А. Трофимовой и Н. Н. Чебоксаровым).
57. Задачи советской антропологии в свете решений XXII съезда КПСС//СЭ. 1962. № 1. С. 3—7 (совместно с М. Г. Левиным).
58. A study of the paleoanthropology of the Caucasus. М., 1962. 9 p.
59. Рец.: *Hill W. S. O.* Primates. V. IV//ВА. 1962. № 10. С. 165, 166.
60. Рец.: *Попов М.* Антропология ин българския народ//СЭ. 1962. № 1. С. 131, 132.
61. Рец.: *Касимова Р. М.* Антропологическое исследование черепа из Мингечаура//СЭ. 1962. № 2. С. 158—160.
62. Рец.: *Алиман А.* Доисторическая Африка//СЭ. 1962. № 2. С. 165—168 (совместно с Фирсовым)
63. Рец.: Acta Facultatis Rerum Naturalium Universitatis Comenianae, Slovenske pedagogice nakladatel'stvo, Bratislava. 1959, T. III. Fasc. V—VIII; 1960. T. IV. Fasc. IX—X; 1961. T. VI, fasc. III—VI; 1961. T. VI. fasc. I—V//ВА. 1962. № 12. С. 149—155.
64. Рец.: *Витов М. В., Марк К. Ю., Чебоксаров Н. Н.* Этническая антропология Восточной Прибалтики//Demos. 1962. Jahrg. 3. H. 2. S. 145, 146.
65. Заселение территории Южной Сибири человеком в свете данных палеоантропологии//Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963. С. 5—10.
66. Происхождение хакасского народа в свете данных антропологии//Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963. С. 135—164.
67. Томас Генри Гексли и его книга «О положении человека в природе» (1863)//ВА. 1963. №14. С. 40—49.
68. Итоги изучения палеоантропологии Кавказа//ИФЖ. 1963. № 2. С. 139—149.
69. Краниологическая характеристика средневекового населения Осетии//МИА. 1963. № 114.С. 107—121 (совместно с К. Х. Беслекоевой).
70. Краниологический тип финнов и некоторые вопросы происхождения прибалтийско-финских народов//Изв. АН ЭстССР. Сер. обществ. наук. 1963. Т. XII. № 2. С. 136—146.

71. Антропологические данные в проблеме происхождения населения центральных предгорий Кавказского хребта//Тр. ИЭ АН СССР. 1963. Т. 82. С. 28—64.
72. Памяти Максима Григорьевича Левина//СЭ. 1963. № 4. С. 3—9.
73. О рецидивах расизма в антропологии//СЭ. 1963. № 4. С. 16—27.
74. Взгляды Александра Ивановича Герцена на место человека в природе//Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Тр. ИЭ АН СССР. 1963. Т. 85. С. 5—13.
75. Этническая антропология в Казани во второй половине XIX — начале XX века//Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Тр. ИЭ АН СССР. 1963. № 85. С. 225—237.
76. Историческое значение антропологических различий между населением западных и восточных районов Латвийской ССР//Изв. АН ЛатССР. 1963. № 10. С. 19—32.
77. Ergebnisse der Forschungen über die Paläoanthropologie des europäischen Teils der UdSSR//Demos. 1963. Jahr. 4. H. 2. S. 219—222.
78. Forschungen der sowjetischen Anthropologen über die lettisch-litauischen Völker//Demos. 1963. Jahrg. 4. H. 2. S. 223—225.
79. Sowjetische antropologische Forschungen über Volker der Finnischen. Sprachgruppe//Demos. 1963. Jahr. 4. H. 2. S. 225—228.
80. Рец.: Social life of early man///СЭ. 1963. № 1. С. 148—151.
81. Рец.: *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа (МИА. 1962. № 106)//СЭ. 1963. № 4. С. 196—198.
82. Рец.: *Семенов Ю. И.* Возникновение человеческого общества. Красноярск, 1962//СЭ. 1963. № 5. С. 147—149 (совместно с Л. А. Файнбергом).
83. Рец.: *Olivier G.* Antropologie des tamouls du sud de l'Inde. P., 1961.//СЭ. 1963. № 6. С. 173, 174.
84. Рец.: *Райков Б. Е.* Карл Бэр, его жизнь и труды. М.; Л., 1961//ВА. 1963. № 15. С. 149, 150.
85. Рец.: *Pacher H. M.* Antropologische Untersuchungen... Wien, 1961//ВА. 1963. V. 15. С. 152, 153.
86. О значении некоторых морфологических корреляций в процессе антропогенеза (к эволюционной морфологии человека)//Архив анатомии, гистологии и эмбриологии. 1964. Т. XLVI. № 3. С. 72—79.
87. Поль Брока и его дневник/СЭ. 1964. № 2. С. 77—80.
88. Некоторые проблемы происхождения народов Скандинавии и Восточной Прибалтики по данным антропологии//Скандинавский сборник. 1964. Т. VIII. С. 315—324.
89. О скорости эволюции в пределах семейства гоминид. М., 1964. 10 с.
90. Краниологические типы средневекового населения Северного Кавказа//Тр. Моск. о-ва испыт. природы. 1964. Т. XIV. С. 208—218.
91. Факторы расообразования, методы расового анализа, принципы расовых классификаций//СЭ. 1964. № 4. С. 155—169.
92. Антропологические исследования в СССР//СЭ. 1964. № 4. С. 40—67.
93. Некоторые вопросы происхождения народов Дагестана в свете антропологии Северного Кавказа//Уч. зап. Ин-та истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Даг. фил. АН СССР. 1964. Т. XIII. С. 155—173.
94. Антропологический тип населения западных районов распространения андроновской культуры//Проблемы этнической антропологии Средней Азии. Науч. тр. Ташкентск. ун-та. 1964. Вып. 235. С. 20—28.
95. Антропологические типы//Народы зарубежной Европы. Т. I. М., 1964. С. 35—44.
96. Антропологический состав населения древней Индии//Индия в древности. М., 1964. С. 19—30.
97. О двух группах населения Армении в эпоху бронзы и раннего железа//Изв. АН АрмССР. Сер. общ. ств. наук. 1964. № 1. С. 15—22.
98. Антропологические материалы к этногенезу марийского народа//Вопросы истории, археологии и этнографии Марийской АССР. Тр. Марийск. НИИ языка, литературы и истории. 1964. Вып. XIX. С. 231—257.
99. К происхождению кумандинцев//Зап. Горно-Алтайского НИИ истории, языка и литературы. 1964. Вып. 6. С. 53—58.
100. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964. 127 с. (совместно с Г. Ф. Дебецом).
101. Антропология и история//Наука и жизнь. 1964. № 9. С. 27—30.
102. Памяти Максима Григорьевича Левина//Архив анатомии, гистологии и эмбриологии. 1964. Т. XLVI. № 5. С. 122—124 (совместно с В. В. Гинзбургом и И. И. Гохманом).
103. On the rate of evolution within the Hominidae family//VII-th Internat. Congr. Antropolog. and Ethnol. Sci. Moscow, 1964.
104. The chronology of the Orochi//Arctic Anthropology. 1964. V. 2. № 2. P. 126—132.
105. The craniology of the Asiatic Eskimo//Arctic Anthropology. 1964. V. 2 № 2. P. 120—125.
106. Forschungen zur Anthropologie Kaukasiens in der sowjetischen Fachliteratur//Demos. 1964. Jahrg. 5. H. 1. S. 160—165.
107. In memoriam Maksim Grigor'evic Levin//Demos. 1964. Jahrg. 5. H. 1. S. 147—150.
108. Единство и многообразие человечества//Московская правда. 5 августа 1964 г. С. 3.
109. Кто впервые заселил Америку?//Статья опубликована в 16 газетах. 1964.
110. Через барьер эволюции//Комсомольская правда. 1 августа 1964 г. С. 4.
111. Рец.: *Пашкова В. И.* Очерки судебно-медицинской остеологии. М., 1963//ВА. 1964. № 17. С. 152, 153.
112. Рец.: Матеріали з антропології України. Вып. 2//Demos. 1964. Jahrg. 5. H. 1. S. 28, 29.

113. Рец.: Антропологический сборник. Т. III//Demos. 1964. Jahrg. 5. H. 1. S. 19, 20.
114. Рец.: *Grimm H.* Einführung in die Anthropologie. Jena, 1961//СЭ. 1964. № 5.С. 173—175.
115. Рец.: *Olivier G.* Morphologie et types humains. P., 1961//Архив анатомии, гистологии и эмбриологии. 1964. № 10 С. 107.
116. Теория расоведения на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук//СЭ. 1965. № 2. С. 2—16.
117. История краниологии народов Восточной Европы и Кавказа//Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. III. Тр. ИЭ АН СССР. 1965. Т. 91. С. 106—123.
118. Антропологические данные и проблема происхождения шорцев//Уч. зап. Хакасск. НИИ языка, литературы и истории. XI. Абакан, 1965. С. 86—100.
119. К краниологии орочей (материалы к этногенезу)//Зап. Приморск. фил. Геогр. о-ва СССР. 1965. № 1 (XXIV). С. 51—57.
120. Выступление на симпозиуме//ВА. 1965. № 20. С. 19—21.
121. К семидесятилетию Я. Я. Рогинского//СЭ. 1965. № 3. С. 153—155.
122. Симпозиум «Факторы расообразования, методы расового анализа, принципы расовых классификаций» на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук//ВА. 1965. № 20. С. 13, 14.
123. Некоторые итоги изучения краниологии современных народов Кавказа//Материалы сес., посвящ. итогам археол. и этногр. исслед. 1964 г. в СССР. Тез. докл. Баку, 1965. С. 193.
124. Колыбель человечества//Неделя. 1965. № 52 (19—25 декабря). С. 10, 11.
125. Kraniologische Daten und die Entstehung der Völker des Altai und Sajan//Anthropologischer Anzeiger. 1965. Jahrg. 28. № 1. S. 54—61.
126. Серйозний внесок до антропологічної науки//Народка творчість та этнографія. 1965. № 5. С. 89, 90.
127. Рец.: *Schwidetzky I.* Die vorspanische Bevölkerung der Kanarischen Inseln/Antropologische Untersuchungen). Göttingen; Berlin; Frankfurt, 1963//СЭ. 1965. № 1. С. 178—180.
128. Рец.: *Луль Ю.* Антропология эстонцев. Тарту, 1964. Уч. зап. Тартус. ун-та. Вып. 158//СЭ. 1965. № 2. С. 188, 189.
129. Рец.: *Oschinsky L.* The most ancient eskimos, Ottawa, 1964//ВА. 1965. № 20. С. 163, 164.
130. Расизм в современной антропологии//Против расизма. М., 1966. С. 7—26.
131. Краниологические материалы к проблеме происхождения западных латышей//СЭ. 1966. № 2. С. 34—49.
132. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.; Л., 1966. 250 с.
133. Первая записная книжка о «Трансмутации видов» Чарльза Дарвина и проблема происхождения человека//ВА. 1966. № 22. С. 86—96.
134. Гоминиды второй половины среднего и начала верхнего плейстоцена Европы//Ископаемые гоминиды и происхождение человека. Тр. ИЭ АН СССР. Нов. сер. 1966. Т. 92. С. 143—181.
135. Изучение Африки в советской антропологии//Изучение Африки в Советском Союзе. М., 1966. С. 58—85.
136. Памяти Яна Чекановского//ВА. 1966. № 23. С. 171, 172.
137. Антропологические данные к происхождению осетинского народа//Тез. докл. науч. сес., посвящ. проблеме происхождения осетинского народа. Орджоникидзе, 1966. С. 18, 19.
138. Теория расоведения на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (автореферат)//Бюл. Моск. о-ва испыт. природы. Отд. биол. 1966. № 5. С. 153—157.
139. Предисловие к кн.: *Домба М. Г.* По материалам древних погребений Северной Осетии. Орджоникидзе, 1966. С. 5, 6.
140. Kraniologische Daten zur Enstehung der Völker der Ostlichen Baltikums//Antropologischer Anzeiger. 1966. Jahr. 28. № 7. S. 294—301.
141. A study of the paleoanthropology of the Caucasus//Atti VI Congr. Internaz. Sci. Preistoriche e Protostoriche. Sez. V—VIII. Roma. 1966. P. 287—294.
142. Рец.: *Эфроимсон В. П.* Введение в медицинскую генетику. М., 1964.//СЭ. 1966. № 1. С. 175—177.
143. Рец.: *Штерн К.* Основы генетики человека. М., 1965//СЭ. 1966. № 6. С. 129—131.
144. Рец.: *Vlcek E.* A contribution to the anthropology of Khalka-Mongols. Acta facultatis rerum naturalium universitatis Comenianae. T IX. Fasc. VI—VII. Anthropologia, pars IX. Bratislawa, 1965//ВА. 1966. № 23. С. 174, 175.
145. Антропология андроновской культуры//СА. 1967 № 1. С. 22—26.
146. Модусы расообразования и географическое распространение генов расовых признаков//СЭ. 1967. № 1. С. 3—26.
147. Колыбель человечества?//Африка еще не открыта. М., 1967. С. 11—50.
148. Краниология народов Восточной Европы и Кавказа в связи с вопросами их происхождения: Автореф. дис. ... д-ра истор. наук. М., 1967. 60 с.
149. Антропологическое своеобразие коренного населения Аляски и биполярные расы (о связи антропологии с географией)//От Аляски до Огненной земли. История и этнография стран Америки. М., 1967. С. 212—220.
150. Некоторые стороны общественной организации древних племен Чукотки и Аляски (по раскопкам в Иннутаке)//Зап. Чукотск. краевед. музея. 1967. Вып. IV. С. 11—16.
151. К краниологии азиатских эскимосов (материалы к этногенезу)//Зап. Чукотск. краевед. музея. 1967. Вып. IV. С. 22—26.
152. Расы человека в современной науке//ВИ. 1967. № 7. С. 71—86.
153. Золотоордынский форпост на марийской земле//ВА. 1967. № 26. С. 158—166.

154. Изучение антропологического состава населения СССР за 50 лет//СЭ. 1967. № 5. С. 25—43.
155. Антропологические данные к происхождению осетинского народа//Происхождение осетинского народа. Материалы науч. сес., посвящ. этногенезу осетин. Орджоникидзе, 1967. С. 142—173.
156. К краниологии населения равнинных районов Кабардино-Балкарии//Уч. зап. Кабардино-Балкар. НИИ. Нальчик, 1967. Т. XXV. С. 177—191.
157. Антропологический состав средневекового города Маджары и происхождение балкарцев и карачаевцев//Уч. зап. Кабардино-Балкар. НИИ. Нальчик, 1967. Т. XXV. С. 158—171.
158. Некоторые итоги изучения краниологии восточнославянских народов//Akten anthropol. Kongr. Brno (tchechoslowakei), 1965. Brno, 1967. (Anthropos. c. 19/n. s. 11/). S. 9—13.
159 Заключительное слово//Происхождение осетинского народа. Материалы науч. сес., посвящ. этногенезу осетин. Орджоникидзе, 1967. С. 323, 324.
160. Краниологические материалы к этногенезу туркменского народа//Всесоюз. совещ. по этногенезу туркменского народа. Тес. докл. и науч. сообщ. 23—25 февраля 1967 г. Ашхабад, 1967. С. 8, 9.
161. К вопросу о роли переселения народов в формировании новых этнических общностей//Тез. докл. Всесоюз. сес., посвящ. итогам археол. и этногр. исслед. 1966 г. Кишинев, 1967. С. 42—44 (совместно с Ю. В. Бромлеем).
162. Н. Н. Чебоксаров (к 60-летию со дня рождения)//СЭ. 1967. № 3. С. 125, 126 (совместно с Г. Г. Стратановичем).
163. Н. Н. Чебоксаров//Народна творчість та этнографія. 1967. № 4. С. 100.
164. Рец.: *Абдушелишвили М. Г.* К краниологии древнего и современного населения Кавказа//СЭ. 1967. № 2. С. 181—183.
165. Рец.: *Гладкова Т. Д.* Кожные узоры кисти и стопы обезьян и человека. М., 1966//ВА. 1967. № 26. С. 184, 185.
166. Максим Григорьевич Левин (1904—1963)//Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968. С. 3—12.
167. К обоснованию популяционной концепции расы//Проблемы эволюции человека и его рас. М., 1968. С. 228—278.
168. Вступительное слово на симпозиуме «Методы антропологического анализа, факторы формирования расовых признаков и принципы расовой классификации»//Тр. VII Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук. Т. 3. М., 1968. С. 549—562.
169. Выступление на симпозиуме «Методы антропологического анализа, факторы формирования расовых признаков и принципы расовой классификации»//Тр. VII Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук. Т. 3. М., 1968. С. 570—573.
170. Современное состояние краниологических исследований в расоведении//ВА. 1968. № 30. С. 17—37.
171. Геногеография человека//Наука и человечество. 1968. М., 1968. с. 51—65.
172. Сибирь как очаг расообразования//Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968. С. 92—107.
173. Антропологические исследования на Лене//СЭ. 1968. № 5. С. 40—52 (совместно с Ю. Д. Беневоленской, И. И. Гохманом, Г. М. Давыдовой и В. К. Жомовой).
174. История первобытного общества. М., 1968. 206 с. (совместно с А. И. Першицем и А. Л. Монгайтом).
175. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей//СЭ. 1968. № 2. С. 35—45 (совместно с Ю. В. Бромлеем).
176. On the rate of evolution within the Hominidae family//Тр. VII Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук. Т. 3. М., 1968. С. 433—439.
177. Latgalu kraniologija sakara arvinu izcelsanas jautajumu//Archeologija un etnografija. VIII Latviesu kulturvesturiskie sakari ar slavu tautam (pec arheologijas, etneografijas un antropologijas materialiem. Riga, 1968. С. 105—123.
178. Late Bronze and early Iron Age settlements//Alekseev V. P., Arakelyan B., Arutynian A. K., Ayvazian S. M., Barseghian L. A., Martirosian A. A., Mkrtchian K. A., Ohanesian J. A. Contributions to the archaeology of Armenia. Russian translation series of the Peabody Museum of archaeology and ethnology. Harvard University. V. III. № 3. Cambridge, Mass., 1968. P. 199—204.
179. Рец.: Culture and the direction of human evolution/Ed. *Garn S. M.* Detroit: Wayne State Univ., 1964//ВА. 1968 № 28. С. 186, 187.
180. Рец.: *Зиневич Г. П.* Очерки палеоантропологии Украины. Киев, 1967//СЭ. 1968. № 4. С. 165—167.
181. О первичной дифференциации человечества на расы. Первичные очаги расообразования//СЭ. 1969. № 1. С. 12—22.
182. О первичной дифференциации человечества на расы. Вторичные очаги расообразования//СЭ. 1969. № 6. С. 21—29.
183. Антропологические особенности коренного населения Гвианы//Гвиана. Гайана. Французская Гвиана. Суринам. М., 1969. С. 197—212.
184. Генетика и антропология//Наука и жизнь. 1969. № 9. С. 69—75.
185. Основні теоретичні питання расознавства в радянській антропологічній літературі//Матеріали з антропології України. Вип. 3. Київ, 1969. С. 3—10.
186. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М., 1969, 324 с.
187. От животных к человеку (легенды, факты, наука). М., 1969. 191 с. 8 вкл.
188. Европеоидная раса в Южной Сибири и Центральной Азии//Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы межвузовской конф. 11—13 мая 1969 г. Томск. 1969. С. 196—198.

189. Вульф Вениаминович Гинзбург//СЭ. 1969. № 4. С. 188—191 (совместно с Т. А. Трофимовой и И. И. Гохманом).
190. Краниологические материалы к этногенезу башкирского народа//Научная сессия по этногенезу башкир. Уфа, 1969. С. 8, 9.
191. Racialism in modern anthropology//Social Science today. 1969. № 3. P. 68—90.
192. Le racisme et l'anthropologie moderne//Sciences sociales aujour — d'hui. 1969. № 3. P. 79—103.
193. El racismo y la anthropologia contemporanea//Ciencias sociales contemporaneas. 1969. № 3. P. 73—97.
194. African anthropological studies in the USSR//Survey of African studies in the Soviet Union. Moscow, 1969. P. 74—111.
195. L'Afrique dans l'anthropologie sovietique//Les etudes africanes en URSS. Moscow, 1969. P. 104—151.
196. Professor Vulf Veniaminovic Ginzburg//Anthropologie. 1969. V. VII. № 3. P. 90, 91 (совместно с Т. А. Трофимовой и И. И. Гохманом).
197. Популяционная структура человечества и историческая антропология//СА. 1970. № 3. С. 12—25.
198. О двух противоположных тенденциях в расообразовании//ВА. 1970. № 35. С. 31—47.
199. Два очага происхождения человека//Природа. 1970. № 10. С. 37—40.
200. Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из могильника Кокэль//Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. 1962—1965. Т. III. Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. М., 1970. С. 239—297 (совместно с И. И. Гохманом).
201. Выступление по статье Ю. В. Бромлея «Этнос и эндогамия»//СЭ. 1970. № 3. С. 98, 99.
202. Graniological study of finno-ugric peoples//Congressus tertius internationalis finno-ugristarum (thesen). Tallinn, 1970. P. 34.
203. Der anthropologische Bestand des Ostimittelmeergebietes in der Epoche des Eneolithikums und der Bronzezeit//VIII Congr. internat. sci. prehistoriques et protohistoriques. Les rapports et les communications de la delegation des archeologues de l'URSS. Moscow, 1971. C. 1—12.
204. Рец.: *Кабо В. Р.* Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии//СЭ. 1970. № 2. С. 195—197.
205. Рец.: *Корнеев С. Г.* Научные связи Академии наук СССР со странами Азии и Африки. М., 1969//Народы Азии и Африки. 1970. № 3. С. 192.
206. Теоретическое наследство Энгельса и антропологическая наука//СЭ. 1971. №. С. 3—12.
207. Эволюционная идея происхождения человека в русской науке до Дарвина и проникновение в нее дарвинизма//Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. V. Тр. ИЭ АН СССР. 1971. Т. 95. С. 213—233.
208. Генетические аспекты антропологии//Расы и народы. 1971. Т. 1. С. 52—76.
209. Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных краниологии//Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 323—371.
210. Матеріали до краніологічної характеристики українського народу//Матеріали з антропології України. Вип. 5. Київ, 1971. С. 30—54.
211. Человек: биология и социологические проблемы//Природа. 1971. № 8. С. 37—53.
212. Антропологические исследования на Чукотке в 1970 г.//Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г. М., 1971. С. 11—22.
213. Лесные ненцы (соматологические наблюдения)//ВА. 1971. № 39. С. 61—75.
214. Антропологический состав древнего населения Закавказья//Всесоюз. науч. сес., посвящ. итогам полевых археол. и этногр. исслед. в 1970 г. Тез. докл. секционных и пленарных заседаний. Тбилиси, 1971. С. 72.
215. Организация геногеографических исследований//Тез. докл. науч. сес. Отд. медико-биол. наук АМН СССР по эксперим. и мед. генетике. 27—28 декабря 1971 г. М., 1971. С. 46—47.
216. Работы на крайнем Северо-Востоке Азии//АО —1970. М., 1971. С. 223, 224 (совместно с Б. З. Гамбургом и Д. Ф. Сергеевым).
217. Предки тюркских народов//Наука и жизнь. 1971. № 5. С. 33—37.
218. Комментарий к статье «Сосуществовал ли австралопитек с homo sapiens?»//Природа. 1971. № 4. С. 79.
219. La differenciacion primaria de la humanidad en razas. Primeros focos de formacion de la razas. Problemas teoricos de la etnografia (Problemas del mundo contemporaneo. 1971. № 3). Moscu, 1971. P. 130—154.
220. Sur la differenciation raciale primitive de l'humanite. Les foyers primordiaux de la constitution des races. Problems theoriques de l'ethnographie (Problems du monde contemporain. 1971. № 3). Moscou, 1971. P. 114—138.
221. Выдающееся исследование по генетике человека (рецензия на книгу В. П. Эфроимсона «Введение в медицинскую генетику». Изд. 2-е. М., 1968)//Природа. 1971. № 4. С. 115—117.
222. Рец.: Основы цитогенетики человека. М., 1969//ВА. 1971. № 37. С. 163, 164.
223. В поисках предков. Антропология и история. М., 1972. 303 с. 8 вкл.
224. Палеодемография СССР//СА. 1972. № 1. С. 3—21.
225. Антропологические аспекты проблемы происхождения и становления человеческого общества//Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972. С. 72—111.
226. Эволюционные аспекты антропологии древнего населения//Симпозиум «Антропология 70-х годов» (апрель 1972). М., 1972. С. 149—169.
227. Горизонты антропологии//Будущее науки. Вып. 5. М., 1972. С. 285—302.

228. Антропологические совокупности//Человек. Эволюция и внутригрупповая дифференциация. М., 1972. С. 101—113.
229. Антропологические материалы к этногенезу адыгейского народа//Сб. материалов по археологии Адыгеи. Т. III. Майкоп, 1972. С. 117—130.
230. Антропологические исследования на Чукотке в 1971 году//Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г. Вып. II. М., 1972. С. 303—309.
231. Западный очаг расообразования и расселение палеолитических людей на территории СССР//Тез. докл. на сес. и пленумах, посвящ. итогам полевых исследований в 1971 году. М., 1972. С. 8—10.
232. Anthropology facing radical change//Soviet Science Rev. September 1972. P. 264—267.
233. Anthropologie vor dem Umbruch//Ideen exakten Wissens. 1972. № 3. S. 193—198.
234. Results of historico-ethnological and anthropological studies in the eastern Chukchee area//Inter-Nord. 1972. № 12. P. 234—244. (совместно с С. А. Арутюновым и Д. А. Сергеевым).
235. Рец.: *Файнберг Л. А.* Очерки этнической истории зарубежного Севера//СЭ. 1972. № 3. С. 186—188.
236. Проблема происхождения расовых общностей в современной антропологии//Вестн. АН СССР. 1973. № 1. С. 92—99.
237. К происхождению таштыкского населения Южной Сибири//Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 220—232.
238. Антропологические данные и происхождение народов СССР//Расы и народы. М., 1973. Т. 3. С. 43—66.
239. О положении папуасов в расовой систематике//СЭ. 1973. № 2. С. 51—59.
240. Положение тешик-ташской находки в системе гоминид//Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М., 1973. С. 100—114.
241. Очаги расообразования: антропология и история//Природа. 1973. № 5. С. 66—78.
242. Дифференциальная география рас//IX Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук (Чикаго, сентябрь 1973). Докл. сов. делегации. М., 1973. 12 с.
243. К антропологической классификации коренного населения Африки//Основные проблемы африканистики. М., 1973. С. 154—163.
244. Таксономический континуум//ВА. 1973. № 44. С. 23—39.
245. О структуре и древности кавкасионского типа в связи с происхождением народов Центрального Кавказа//Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 98—102.
246. Антропологические аспекты расовой проблемы//Расизм — идеология империализма. М., 1973. С. 25—34.
247. Исторические аспекты антропологических исследований//Тез. докл. на конф. по проблеме «Этногенез белорусов». Минск, 1973. С. 67, 68.
248. Биологическая адаптация человеческих популяций к природным условиям палеолита//Всесоюз. симпоз. «Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене (палеолит и неолит)». Тез. докл. М., 1973. С. 16—18.
249. О состоянии очагов расообразования и историко-этнографических общностей на территории Восточной Европы//История, археология и этнография народов Дальнего Востока. Вып. 17. Владивосток, 1973. С. 146—148.
250. Материалы по краниологии народов Дагестана//Материалы по археологии Дагестана. Т. III. Махачкала, 1973. С. 109—112. 2 вкл.
251. Недостающая цепь вместо недостающего звена//Природа. 1973. № 2. С. 82.
252. Сколько нам лет?//Правда. 10 сентября 1973 г. С. 4.
253. Исторические аспекты антропологической динамики и дифференциации населения Берингоморья//История, археология и этнография народов Дальнего Востока. Вып. 1. Владивосток, 1973. С. 149—151 (совместно с Т. И. Алексеевой).
254. Этногенез славянских народов по данным антропологии//История, культура, этнография и фольклор славянских народов (VII Междунар. Съезд славистов). М., 1973. С. 211—222 (совместно с Т. И. Алексеевой).
255. Антропологические исследования на Чукотке//Зап. Чукотск. краевед. музея. 1973. Вып. VI. С. 3—8.
256. Этногенез славянских народов по данным антропологии//VII Miezdynar. kongr. slawistow w Warszawie, 1973. Streszezenia referatow i komunikatow. Warszawa, 1973. S. 964—965 (совместно с Т. И. Алексеевой) (English summary).
257. К вопросу о роли автохтонного населения в этногенезе южных славян//VII Miezdynar. kongr. slawistow w Warszawie, 1973. Streszezenia referatow i komunikatow. Warszawa, 1973. S. 964, 965 (совместно с Ю. В. Бромлеем) (English summary).
258. К вопросу о роли автохтонного населения в этногенезе южных славян//История, культура, этнография и фольклор славянских народов (VII Междунар. съезд славистов). М., 1973. С. 223—236 (совместно с Ю. В. Бромлеем).
259. Anthropological aspects of investigations into the ethnogenesis of the Finno-Ugric peoples//Studies in the anthropology of the Finno-Ugrian peoples. Helsinki, 1973. P. 15—25.
260. Recent craniological material on Finno-Ugric peoples their racial differentiation and ethnogenesis//Studies in the anthropology of the Finno-Ugrian peoples. Helsinki, 1973. P 183—212.
261. Differential geography of races//IX Internat. Congr. Anthropol. and Ethnol. Sci. Chicago, 1973. P. 8.
262. Gedanken zur Dynamik der Biosphare und der Evolution der Menscheit//Mensch und Umwelet. Jena, 1973. S. 48—53.

263. Biological adaptation of human populations to the natural environment of the paleolithic//Prehistoric man, his industry and the environment in the Pleistocene and Holocene. Proc. All-Union Symp. organized by the Inst. Geogr. USSR Acad. Sci. and Commis. study Quarternary period USSR Acad. Sci. Pt II. Moscjw, 1973. P. 6, 7.
264. Craniological material from New Guinea, Indonesia and the Malayan peninsula//Anthropologie. 1973. V. XI. № 3. P. 201—248. 3 вкл.
265. Рец.: *Калоев Б. А.* Осетины//СЭ. 1973. № 6. С. 171, 172.
266. Рец.: *Eiben O. G.* The physique of woman athlets//ВА. 1973. № 45. С. 201, 202.
267. Опыт картографирования системы Gm//Антропология и геногеография. М., 1974. С. 136—160.
268. Краниологическая характеристика Восточной Финноскандии (по материалам Г. Ф. Дебеца и автора)//Расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974. С. 85—105.
269. Антропологические исследования на Камчатке в 1972 г.//Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги полевых работ института этнографии в 1972 г. Ч. II. М., 1974. С. 114—122.
270. Генетическая адаптивность (условия и механизмы)//Теория и методика географических исследований экологии человека. М., 1974. С. 162—172.
271. Значение трудов Н. И. Вавилова для теоретической антропологии//Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. VI. Тр. ИЭ АН СССР. 1974. Т. 102. С. 165—190.
272. География человеческих рас. М., 1974. 351 с.
273. К происхождению коренного населения Австралии//ВА. 1974. № 46. С. 89—93.
274. Древнейшее европеоидное население Средней Азии и его потомки//Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л., 1974. С. 11—22.
275. Происхождение народов Кавказа (краниологическое исследование). М., 1974. 317 с.
276. О месте австралийцев в расовой систематике//Бюл. Сов. нац. тихоокеанского комитета АН СССР. 1974. № 1 (24). С. 8, 9.
277. Материалы по краниологии Новой Гвинеи, Зондских и Молуккских островов, Малайского полуострова. Ч. 1. Краниологический тип папуасов//Сб. МАЭ АН СССР. Т. XXX. Культура народов Австралии и Океании. Л., 1974. С. 187—236.
278. Антропология в Академии наук за 250 лет//СЭ. 1974. № 4. С. 3—14.
279. О некоторых биологических факторах, важных для формирования социальной организации//СЭ. 1974. № 5. С. 104, 105.
280. История первобытного общества. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М., 1974 (совместно с А. И. Першицем и А. Л. Монгайтом).
281. Предисловие//*Стингл М.* В горы к индейцам Кубы. М., 1974. С. 96—101.
282. Антропологические вопросы в происхождении человека//Тез. докл. науч.-теор. конф. «Атеизм и проблемы происхождения человечества». М., 1974. С. 7—11.
283. Структурный подход к проблеме бессознательного//Природа. 1974. № 8. С. 98—102.
284. Антропологическая характеристика скульптурного портрета из Шестаковского могильника//СА. 1974. № 4. С. 242—244.
285. Близкий к современности краниологический материал по краниологии финно-угорских народов, их расовая дифференциация и этногенез//Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М., 1974. С. 54—69.
286. Антропологические аспекты этногенеза финно-угорских народов//Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М., 1974. С. 5—11.
287. Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии//Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 370—390.
288. К средневековой палеоантропологии Кузнецкой котловины//Изв. Лаб. археол. исслед. 1974. Вып. 5. С. 112—118.
289. Молекулярные аспекты антропологии//Новое в жизни, науке, технике. Сер. Биология. 1974. № 6. 63 с.
290. Переход от присваивающегося хозяйства к производящему и физический тип древних людей//Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. Тез. докл. конф. М., 1974. С. 37—39.
291. Биологическая адаптация человеческих популяций к природным условиям в эпоху палеолита//Первобытный человек и природная среда. М., 1974. С. 29—33.
292. Питекантропу 2 миллиона лет?//Природа. 1974. № 6. С. 100.
293. Wiege der Menscheit//Aus Afrikas Vergangenheit. Leipzig, 1974. S. 7—43.
294. 50 years of studies in anthropological composition of population in the USSR//Soviet ethnology and anthropology today/Ed. Bromley Yu. Mouton; The Hague; Paris. 1974. P. 31—50.
295. About racial differenciation of the human species. Primary centers of race formation//Soviet ethnology and anthropology today/Ed. Bromley Yu. Mouton; The Hague; Paris, 1974. P. 275—289.
296. The modes of race formation and the geographical distribution of the genes responsible for racial characteristics//Races and peoples. Contemporary ethnic and racial problems. Moscow, 1974. P. 63—94.
297. Superpopulationsniveau der Klassifizierung der autochthonen Bevölkerung Afrikas//Bevölkerungsbiologie. Beitrage zur Struktur und Dynamik menschlicher Populationen in anthropologischer Sieht. Stuttgart, 1974. S. 402—413.
298. On the role of autochtonous population in the origin of Southern Slavs//Ethnologia slavica. Universitas Comeniana Bratislavensis, facultas philosophica. V. VI. Bratislava, 1974. P. 23—26 (совместно с Ю. В. Бромлеем).

299. Рец.: Поиски общих закономерностей живого//Природа. 1974. № 4. С. 121, 122.
300. Рец.: Пионер теоретической палеонтологии (Л. К. Габуния. Луи Долло, 1857—1931. М., 1974)//Природа. 1974. № 11. С. 124, 125.
301. Рец.: Early man in America//Новые книги за рубежом. Сер. 13. Биология, медицина, сельское хозяйство. 1974. № 6. С. 31, 32.
302. Возникновение человека и общества//Первобытное общество. М., 1975. С. 5—48.
303. Вектор времени в таксономическом континууме//ВА. 1975. № 49. С. 65—77.
304. К палеоантропологии Горного Алтая в эпоху раннего железа//Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 175—178.
305. Антропогеоценозы — сущность, типология, динамика//Природа. 1975. № 7. С. 18—23.
306. Антропологические исследования на Камчатке//Полевые исследования института этнографии в 1974 г. М., 1975. С. 232—236.
307. Антропологический комментарий к гипотезе циркумполярной культуры//Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 249—262.
308. К физиологическому объяснению феномена грацилизации//ВА. 1975. № 51. С. 29—42.
309. Экология человека (взгляды антропологов)//Географические аспекты экологии человека. М., 1975. С. 11—120.
310. Антропологические данные о локальных различиях тагарской культуры//Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 109—119.
311. Дифференциация территориальных групп эскимосов и относительная хронология их культурной и антропологической дивергенции//Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975. С. 122—128 (совместно с С. А. Арутюновым и Д. А. Сергеевым).
312. Исследования на крайнем севере Северо-Востока Азии//Археология крайнего Востока Сибири. Токио, 1975. С. 443—445 (совместно с Б. З. Гамбургом и Д. А. Сергеевым) (на япон. яз.).
313. Раскопки древнеберингоморских древнеэскимосских могильников на Чукотке//Информ. сообщ. Сов. нац. тихоокеанского комитета АН СССР. Ноябрь — декабрь 1975. М., 1975. С. 8—10 (совместно с С. А. Арутюновым и Д. А. Сергеевым).
314. Biological features of aboriginal population of Chookotka peninsula in connection with their future development//13-th Pacific Sci. Congr. Canada, 1975. Moscow, 1975. 8 p.
315. Западный очаг расообразования и расселение палеолитических людей на территории СССР//СА. 1976. № 1. С. 9—22.
316. О роли социальных факторов в биологической дивергенции человеческих популяций//СА. 1976. № 4. С. 114—131.
317. О положении австралийцев в расовой систематике//Проблемы изучения Австралии и Океании. М., 1976. С. 155—162.
318. К происхождению бинарных оппозиций в связи с возникновением отдельных мотивов первобытного искусства//Первобытное искусство. Новосибирск, 1976. С. 40—46.
319. Раздвигая время//СЭ. 1976. № 6. С. 74—79.
320. Совместные советско-индийские антропологические исследования в Индии в 1974—1975 гг.//СЭ. 1976. № 6. С. 89—98 (совместно с М. Г. Абдушелишвили, С. А. Арутюновым, О. И. Исмагуловым и И. М. Семашко).
321. Некоторые полиэйконические параллели в палеолитическом искусстве древних эскимосов//Из истории социалистического и коммунистического строительства на Дальнем Востоке (1917—1975). Владивосток, 1976. С. 96—108 (совместно с Д. А. Сергеевым и Э. Д. Фрадкиным).
322. Материалы по краниологии науканских эскимосов (к дифференциации арктической расы)//СЭ. 1976. № 1 С. 84—100 (совместно с Т. С. Балуевой).
323. Еще раз о дискретизации науки//Наука и жизнь. 1976. № 5. С. 87.
324. Послесловие//*Абдушелишвили М. Г.* Краниология. Тбилиси, 1976. С. 263—269.
325. Position of the Staroselye find in the Hominid system//J. Human Evolution. 1976. V. 5. P. 413—421.
326. Nykoinen anhropologinen koostumus//Venalainen perinnekulttuuri. Suomalaisen kirjallisuuden seura. 1976. P. 39—41.
327. Выступление по статье Ю. В. Бромлея «Этнос и эндогамия»//Yu. Bromley. Soviet ethnography: main trends. Moscow, 1976. P. 285—287.
328. Некоторые дополнительные соображения о соотношении исторического процесса и биологической дифференциации человечества//СЭ. 1977. № 4. С. 49—64.
329. Этногенетические предания, лингвистические данные, антропологический материал//Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 9—32.
330. Восточный первичный очаг расообразования и расогенетические процессы в Восточной Азии//Ранняя этническая история народов Восточной Азии М., 1977. С. 62—68.
331. Научное наследство Н. И. Вавилова и историческая этнография//Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. VII. Л., 1977. С. 138—144.
332. Краниологические материалы к этногенезу туркменского народа//Проблемы этногенеза туркменского народа. Ашхабад, 1977. С. 63—75.
333. Антропологические аспекты индоиранской проблемы//Междунар. симпоз. по этническим проблемам древней истории Центральной Азии. Тез. докл. сов. ученых. М., 1977. С. 5.
334. Az emberi rásszok fojdrajza. Budapest, 1977. 413 c.
335. Ethnogeny of Slavic peoples: an anthropologist's view//Ethnologia Slavica. V. VIII—IX. Bratislava, 1977. P. 13—23 (совместно с Т. И. Алексеевой).

336. Рец.: *Семашко И. М.* Бхилы. Историко-этнографическое исследование. М., 1975.//НАА. 1977. № 3. С. 239, 240 (совместно с С. А. Арутюновым).
337. Рец.: *Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.* Проблемы этнической истории Берингоморья. М., 1975.//СА. 1977. № 2. С. 256—260.
338. Рец.: *Кармышева Б. Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М., 1976//СЭ. 1977. № 5. С. 171—174 (совместно с В. А. Басиловым).
339. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. М., 1978. 284 с.
340. Ферментные и другие белки крови и дифференциация популяций Северо-Восточной Азии (некоторые итоги генетико-антропологических исследований)//ВА. 1978. № 58. С. 23—41 (совместно с Т. И. Алексеевой, В. А. Спицыным, О. Б. Круковской, С. Б. Боевой и О. В. Ирисовой).
341. Homo neanderthalensis-Homo sapiens//Земля и люди. М., 1978. С. 232—236.
342. Historical aspects of the anthropological differentiation in Bearing sea area//General problems of anthropology. Papers of Soviet researchers. Moscow, 1978. P. 57—67.
343. The time vector in the taxonomic continuum//J. Human Evolution. 1978. V. 7. P. 503—508.
344. On the role of autochtonous population in the ethnogenesis of Southern Slavs//Ed. Bromley Yu. Ethnography and ethnic processes. Moscow, 1978. P. 151—172 (совместно с Ю. В. Бромлеем)
345. Историческая антропология. М., 1979. 216 с.
346. Горизонтальный профиль и развитие носовой области у мезолитического и ранненеолитического населения бассейна Дуная (могильники Власац и Лепенски Вир)//СЭ. 1979. № 2. С. 40—51.
347. Антропологические исследования на Кубе//Расы и народы. 1979. Вып. 9. С. 32—46. 1 вкл.
348. Отбор или направленное мутирование?//Природа. 1979. № 9. С. 121—123.
349. Попытка анализа античной скульптуры из Средней Азии (Халчаян и Дальверзин) для антропологической реконструкции//Всесоюз. науч. совещ. «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Тез. докл. Ташкент, 1979. С. 51, 52.
350. Адаптация и наследственность//Окружающая среда и здоровье человека. М., 1979. С. 69—79.
351. К палеоантропологии эпохи неолита верховьев Лены//СЭ. 1979. № 5. С. 49—63 (совместно с Н. Н. Мамоновой).
352. The genetic structure of Asiatic Eskimos and coastal Chukchis compared to that of American Arctic populations//Arctic Anthropology. 1979. V. 16. № 1. P. 147—164.
353. Horizontal profile of the neanderthal crania from Crapina comparatively considered//Colleqium antropologicum. 1979. V. 3. № 1. P. 7—13.
354. On Eskimo origin//Current anthropology. 1979. V. 20. № 1. P. 158—161.
355. Geografia ras ludzkich. Warszawa, 1979. 427 s.
356. Anthropometry of Siberian peoples//The First Americans: origins, affinities and adaptations. N. Y., 1979. P. 57—90.
357. The differential gegraphy of races//Physiological and morphological adaptation and evolution. The Hague; Paris; New York, 1979. P. 97—109.
358. Рец.: Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий (проблемы исторических контактов). М., 1978//НАА. 1979. № 3. С. 217—220.
359. Рец.: *Великанова М. С.* Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1975//Расы и народы. 1979. Вып. С. 317—319.
360. Социальная психология маргинальных групп (по поводу книги А. В. Гордона о мировоззрении Ф. Фанона)//Расы и народы. 1979. Вып. 9. С. 311—315 (совместно с С. А. Арутюновым).
361. Материалы по краниологии МОХЭ//Палеоантропология Сибири. М., 1980. С. 106—130.
362. К палеоантропологии Кабардино-Балкарии эпохи позднего средневековья//Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Вып. 1. Нальчик, 1980. С. 96—111.
363. Характеристика краниологических материалов из поздних мусульманских захоронений Крыма//Исследование по палеоантропологии и краниологии СССР. Сб. МАЭ. Т. XXXVI. Л., 1980. С. 169—181.
364. О биологических явлениях, важных для реконструкции исходных состояний некоторых социальных институтов//ВА. 1980. № 66. С. 49—60.
365. Новые данные к морфологической характеристике Месопотамии//СЭ. 1980. № 4. С. 70—79.
366 К краниологии калмыков в связи с их происхождением//Вопросы сравнительной этнографии и антропологии калмыков. Элиста, 1980. С. 3—41.
367. К сравнительной характеристике горизонтального профиля ископаемых черепов из Крапины//Бюл. Комис. по изуч. четвертичного периода. 1980. № 50. С. 146—152.
368. Проблема расы в современной антропологии//Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л., 1980. С. 3—25.
369. Антропологические исследования в Западной Индии//Расы и народы. 1980. Вып. 10. С. 26—41 (совместно с М. Г. Абдушелишвили).
370. Предисловие//Палеоантропология Сибири. М., 1980. С. 3—6 (совместно с А. П. Окладниковым).
371. К характеристике горизонтального профиля и уплощенности носовых костей некоторых групп населения Западной и Южной Индии в эпоху неолита и бронзы//Новые данные к антропологии Северной Индии. Результаты советско-индийских исследований 1971 г. М., 1980. С. 218—240 (совместно с М. Г. Абдушелишвили и К. Ч. Малхотра).
372. Некоторые проблемы комплексного изучения этногенеза узбекского народа//Обществ. науки в Узбекистане. 1980. № 11. С. 26—34 (совместно с А. А. Аскаровым и Т. К. Ходжайовым).
373. Історія первісного суспільства. Київ, 1980. 222 с. (совместно с А. И. Першицом и А. Л. Монгайтом).

374. Zu einigen anthropologischen Aspekten der Menschwerdung//Entstehung des Menschen und der menschlichen Gesellschaft. B., 1980. C. 77—80.
375. Die morphologische Spezifiltat kaukasischer Völker nach kraniologischen Daten//Homo. 1980. B. 31. H. 3—4. S. 166—189.
376. In memoriam Viktor Valerianovich Bunak//Anthropologie. 1980. V. XVIII. № 1. P. 97, 98 (совместно с И. И. Гохманом и Г. В. Лебединской).
377. Urguhiskonna ajalugu. Tallinn, 1980. 238 с. (совместно с А. И. Першицом и А. Л. Монгайтом).
378. Рец.: *Кольцов Л. В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977//СА. 1980. № 4. С. 297—300.
379. Антропологические аспекты индоиранской проблемы//Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981. С. 199—206.
380. К палеоантропологии ананьинской культуры//СЭ. 1981. № 4. С. 53—62.
381. Алеуты Командорских островов (соматологические наблюдения)//Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981. С. 6—33.
382. Последовательные шаги эволюции//Газета «За рубежом». № 11. 13—19 марта 1981 г. С. 20, 21.
383. Fossil man on the territory of the USSR and related problems//Les processus de l'humanisation. L'evolution humaine, les faits, les modalites. P., 1981. P. 183—188.
384. Horizontal profile and the develoment of nasal region by mesolithic and early neolithic population of Danube valley (burial ground in Vlasac and Lepenski Vir)//Glasnik antropoloskog drustva Jugoslavije. 1981. Sv. 18. S. 19—31.
385. Recherches anthropoloques sur les peuples de Grand Nord de l'Eurasie selon leurs origines//Boreales. Rev. Centre recherches Inter-Nord. 1981. № 20—21. C. 557—561.
386. Рец.: *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980//СЭ. 1981. № 4. С. 187—189.
387. Рец.: *Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема). М., 1980//СЭ. 1981. № 5. С. 182, 183.
388. Рец.: *Хрисанфова Е. Н.* Эволюционная морфология скелета человека М., 1978//ВА. 1981. № 68. С. 139—141.
389. Рец.: *Фрезер Дж. Дж.* Золотая ветвь. М., 1980//НАА. 1981. № 5. С. 219—221.
390. Опыт антропологической оценки скульптур Халчаяна и Дальверзина//СА. 1982. № 1. С. 44—53.
391. О самом раннем этапе расообразования и этногенеза//Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 32—55.
392. В. В. Бунак — новатор в разработке теоретических основ антропологической науки//СЭ. 1982. № 4. С. 88—92.
393. Творчество А. Л. Чижевского и современная наука//Природа. 1982. № 10. С. 56—60.
394. Характеристика типа телосложения в трех контрастных по расовому составу и происхождению группах населения Махараштры//Новые материалы к антропологии Западной Индии. Результаты советско-индийских исследований. М., 1982. С. 147—156.
395. К краниологии бенгальцев//Новые материалы к антропологии Западной Индии. Результаты советско-индийских исследований. М., 1982. С. 301—312.
396. Историческая антропология: проблемы и перспективы//Вестн. АН СССР. 1982. № 11. С. 60—69.
397. Расы: очевидность и история//Знание — сила. 1982. № 5. С. 17—19.
398. Выступление на обсуждении «Человек, познай себя»//Знание — сила. 1982. № 9. С. 35.
399. Организация антропологических исследований по изучению этногенеза узбекского народа//Обществ. науки в Узбекистане. 1982. № 8. С. 23—30 (совместно с Е. К. Ходжайовым).
400. Материалы к антропологии древнего населения Аляски и Алеутских островов. I. Скелеты из Ипиутакских погребений на мысе Крузенштерна//СЭ. 1982. № 6. С. 105—114 (совместно с Ч. Лофлином).
401. История первобытного общества. Изд. 3-е, переработанное и дополненное. М., 1982. 223 с. (совместно с А. И. Першицом и А. Л. Монгайтом).
402. Алексей Павлович Окладников//СЭ. 1982. № 2. С. 168—172 (совместно с И. С. Гурвичем).
403. Specific physical features of the mesolithic and early neolithic population of Eastern Europe in connection with its settlement//Problems of the European ethnography and folklore. Summaries by the Congress participants. Moscow, 1982. P. 211—213.
404. The morphological specificity of Caucasian peoples according to craniological materials//J. Human Evolution. 1982. V. 11. P. 663—672.
405. Рец.: Общество и природа. М., 1981//Природа. 1982. № 6. С. 119—121.
406. Рец.: *Jayasval V.* Paleohistory of India. Delhi, 1978//СА. 1982. № 2. С. 260—263.
407. Антропология: некоторые итоги и перспективы исследований//Проблемы современной антропологии. Минск, 1983. С. 5—18.
408. Некоторые аспекты изучения хозяйственной деятельности и бытовой культуры древнейшего человечества//Проблемы современной антропологии. Минск, 1983. С. 182—190.
409. О происхождении древнейшего европеоидного населения Минусинской котловины//Вопросы этнографии Хакасии. Абакан, 1983. С. 4—10.
410. Мезолитический череп из пещеры Эль Вад//ВА. 1983. № 71. С. 64—71.
411. Фрагмент плечевой кости человека из Губского Навеса//ВА. 1983. № 71. С. 11—113.
412. Население эпохи бронзы на Среднем Дону//Синюк А. Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж, 1983. С. 183—191.
413. Новая палеоантропологическая находка энеолитического времени под Красноярском//СЭ. 1983. № 4. С. 102—105.

414. О различии синхронного и диахронного сравнения этнографических явлений//Фольклор и историческая этнография. М., 1983. С. 239—259.
415. Возникновение и эволюция гоминид//История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. С. 188—227.
416. Материалы к антропологии древнего населения Аляски и Алеутских островов. II. Черепа из преалеутских погребений на стоянке Чалука (о. Умнак)//СЭ. 1983. № 1. С. 114—127 (совместно с Ч. Лофлином).
417. Некоторые итоги историко-этнологических и популяционно-антропологических исследований на Чукотском полуострове//На стыке Чукотки и Аляски. М., 1983. С. 3—64 (совместно с Т. И. Алексеевой, С. А. Арутюновым и Д. А. Сергеевым).
418. Историко-антропологическая динамика и биологическая адаптация населения СССР (палеолит — современность)//Проблемы комплексного изучения человека. Тез. докл. Всесоюз. конф. 29—31 марта 1983 г. М., 1983. С. 3, 4 (совместно с Т. И. Алексеевой).
419. Палеоантропология Средней Азии в эпоху неолита и бронзы//Археология Средней Азии и Ближнего Востока. II. Сов-Амер. симпоз. Самарканд, 6—12 сентября 1983 г. Тез. докл. Ташкент, 1983. С. 10—12 (совместно с Е. Ходжайовым и Т. Кияткиной).
420. Становление человека: рубиконы триады//Знание — сила. 1983. № 6. С. 12—14.
421. Становление человека: на пути к слову//Знание — сила. 1983. № 8. С. 20—23.
422. Становление человека: у истоков разума//Знание — сила. 1983. № 10. С. 26—28.
423. Обсуждение статьи Т. И. Алексеевой «Экологическая ниша — Земля»//Знание — сила. 1983. № 1. С. 17, 18.
424. Участие в круглом столе: «... И эмоциональный!»//Знание — сила. 1983. № 7. С. 29.
425. Подготовка труда «История научного и культурного развития человечества»//ВИ. 1983. № 6. С. 155, 156.
426. First peopling of America in the light of morphological observations//Studies in ethnography and anthropology. Papers presented by Soviet participants. Pt II. Moscow, 1983. P. 4—13.
427. Physical anthropology of Soviet Asia//Rassengeschichte der Menschheit. 9. Lieferung: Asien II. Sowjet Asien. München; Wien, 1983. 166. S. 19 фототабл. (совместно с И. И. Гохманом).
428. Рец.: *Рогинский Я. Я.* Об истоках возникновения искусства. М., 1982//СЭ. 1983. № 5. С. 160, 161.
429. Краткое изложение палеоантропологии Тувы в связи с историческими вопросами//Антропоэкологические исследования в Туве. М., 1984. С. 6—75.
430. О характере этногенетических процессов на территории Сибири в свете антропологических данных//Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. 1984. № 9. Вып. 2. С. 56—61.
431. Формирование взглядов Чарльза Дарвина на происхождение человека в период подготовки эволюционной теории//СЭ. 1984. № 5. С. 3—15.
432. К краниологической характеристике древнего населения, оставившего Хасанлу (Иран)//ВА. 1984. № 74. С. 24—34.
433. М. Г. Левин — антрополог, этнограф и организатор науки (к 80-летию со дня рождения)//СЭ. 1984. № 6. С. 65—76.
434. Становление человечества. М., 1984. 452 с.
435. Материалы по краниологии Новой Гвинеи, Зондских и Молуккских островов, Малайского полуострова. Ч. II. Краниологический тип индонезийцев//Сб. МАЭ АН СССР. Т. XXXIX. Культура народов Индонезии и Океании. Л., 1984. С. 26—60.
436. Физические особенности мезолитического и ранненеолитического населения Восточной Европы в связи с проблемой древнего заселения этой территории//Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. Л., 1984. С. 28—36.
437. Насущные проблемы дальнейшей разработки антропологической классификации Северной Азии//Гуманитарные исследования в Сибири. Итоги и перспективы. Новосибирск, 1984. С. 106—118.
438. О протоморфных монголоидах во Внутренней Азии и их роли в заселении Америки//Всесоюз. сес. по итогам полевых этногр. и антропол. исслед. 1982—1983 гг. Тез. докл. Ч. I. Черновцы, 1984. С. 11, 12.
439. Кто они были? (Антропологический очерк о заселении Америки)//Наука в СССР. 1984. № 1. С. 84—89; 102, 103.
440. Теоретическая биология: возможности и надежды//Вестн. АН СССР. 1984. № 4. С. 134—137.
441. Антропология азиатской части СССР. М., 1984. 208 с. (совместно с И. И. Гохманом).
442. Некоторые проблемы таксономии и генеалогии азиатских монголоидов (краниометрия). Новосибирск, 1984. 128 с. (совместно с О. Б. Трубниковой).
443. Население верховьев Амударьи по данным палеоантропологии. Ташкент, 1984 (совместно с Т. Ходжайовым и Х. Халиловым).
444. Результаты экспертизы надежности краниометрических показателей антропологических материалов из могильника на Южном Оленьем острове Онежского озера (в связи с их синхронностью и особенностями реставрации)//Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. Л., 1984. С. 155—158 (совместно с И. И. Гохманом).
445. Археологические исследования в Монголии в 1983 г.//Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. 1984. № 14. Вып. 3. С. 37—41 (совместно с А. П. Деревянко, Д. Доржем, В. Е. Ларичевым).

446. Tuvinians: anthropo-ecological study//Colloqium anthropologicum. 1984. V. 8. № 1. P. 3—29 (совместно с Т. И. Алексеевой, В. А. Вацевичем, Н. И. Клевцовой и Т. А. Чикишевой).
447. Обсуждение статьи «Космос нашего мозга»//Знание — сила. 1984. № 1. С. 23.
448. Палеоантропология и история//ВИ. 1985. № 1. С. 30—42.
449. Географические очаги формирования человеческих рас. М., 1985. 236 с.
450. Человек: биология и таксономия. Некоторые теоретические проблемы. М., 1985. 286 с.
451. О расселении монголоидов на Северном Кавказе в эпоху средневековья (в связи с работами Б. Б. Пиотровского)//Культурное наследие Востока. Проблемы, поиски, суждения. Л., 1985. С. 307—312.
452. О некоторых морфологических особенностях аборигенов Америки, важных для реконструкции процесса ее заселения//Исторические судьбы американских индейцев. Проблемы индианистики. М., 1985. С. 24—30.
453. Динамика антропологических особенностей населения Тихоокеанского бассейна//Проблемы Тихоокеанской археологии. Владивосток, 1985. С. 5—41.
454. Некоторые перспективы историко-антропологических исследований в Сибири//Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. С. 53—60.
455. Великие естествоиспытатели. Развитие экологического мышления//Человек и природа. 1985. № 6. С. 3—20.
456. Памяти Сергея Александровича Токарева//СЭ. 1985. № 4. С. 168—172.
457. К морфологической характеристике иллирийского населения Черногории//СЭ. 1985. № 6. С. 49—55 (совместно с П. Влаховичем и Б. Ивановичем).
458. Morphologische Aspekte des Sexualdimerphismus beim palaolitischen Menschen//Menschwerdung — biotischer und gesellschaftlicher Entwicklungsprozess. B., 1985. S. 71—74.
459. Рец.: *Липец Р. С.* Образцы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984//СЭ. 1985. № 6. С. 157, 158.
460. Рец.: Страницы жизни великого биолога (Пальдыш. Посев и всходы. М., 1983)//Наука и жизнь. 1985. № 8. С. 44, 45.
461. Рец.: Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск, 1983//СЭ. 1985. № 2. С. 167—169.
462. Этногенез. М., 1986. 176 с.
463. Завершение процесса антропогенеза и формирования человеческих рас//История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 5—72.
464. Протоморфные монголоиды Внутренней Азии и заселение Америки//Расы и народы. 1986. Т. 15. С. 78—89.
465. Некоторые соображения о динамике коррелятивных отношений у человека и ее эволюционном значении//Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М., 1986. С. 42—52.
466. Об историческом взаимодействии дальневосточных и восточноазиатских монголоидов//Вестн. АН СССР. 1986. № 6. С. 83—93.
467. К характеристике морфологической специфичности кавказских народов по краниологическим данным//Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. Новосибирск, 1986. С. 27—56.
468. История и палеоантропология. Реконструктивные возможности палеоантропологических данных//Историческая наука. Вопросы методологии. М., 1986. С. 205—218.
469. К краниологической характеристике аборигенного населения Кубы//Археология Кубы. Новосибирск, 1986. С. 15—22.
470. Наука жива сомнениями, однако утверждается открытиями//Знание — сила. 1986. № 3. С. 34, 35.
471. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. Кемерово, 1986. 242 С. (совместно с А. И. Мартыновым).
472. Антропологический состав и происхождение населения, оставившего могильник Кокэль//Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. Новосибирск, 1986. С. 87—107 (совместно с И. И. Гохманом).
473. Палеоантропология Средней Азии эпохи неолита и бронзы//Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986. С. 100—131 (совместно с Т. Кияткиной и Т. Ходжайовым).
474. Paleoanthropology and history//Social Sciences. 1986. V. XVII. № 2. P. 102—116.
475. The origin of the human race. Moscow, 1986. 356 p.
476. Рец.: *Соколова З. П.* Социальная организация хантов и манси в XVII—XIX вв. М., 1983; *eadem.* Численный, фамильный и брачный состав хантов и манси в XVIII—XIX вв.— Деп. в ИНИОН. 1979. № 3513//Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. 1986. Вып. 1. С. 58—60.
477. Рец.: *Басилов В. Н.* Избранники духов. М., 1984//ВИ. 1986. № 7. С. 115, 116.
478. Рец.: Все об обезьянах (*Фридман Э. П.* Занимательная приматология. Этюды о природе обезьян. М., 1985)//Знание — сила. 1986. № 8. С. 37.
479. О некоторых заблуждениях, связанных с морфологической характеристикой верхнепалеолитических людей Европы//СЭ. 1987. № 1. С. 44—52.
480. К обоснованию положения черепов из пещеры Джебел Кафзех в системе гоминид//ВА. 1987. № 78. С. 6—13.
481. Антропология СССР: некоторые итоги и перспективы исследований//СЭ. 1987. № 5. С. 17—31.
482. О некоторых аспектах освещения истории этнографической науки//СЭ. 1987. № 5. С. 67—70.

483. Сравнительное культуроведение и космическое культуроведение//Советская культура. 70 лет развития. М., 1987. С. 32—36.
484. Нескончаемая даль этноса//Знание — сила. 1987. № 12. С. 33—37.
485. Предисловие//*Скленарж К.* За пещерным человеком. М., 1987. С. 5—7.
486. Три жизни академика Вавилова//Советская культура. 24 ноября 1987 г. С. 6.
487. Проблемы гетерогенности антропологического состава хунну: статистический подход//V Междунар. конгр. монголоведов (Улан-Батор, сентябрь, 1987). Докл. сов. делегации. III. Археология, культура, этнография, филология. М., 1987. С. 17—22 (совместно с И. И. Гохманом).
488. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век — эпоха раннего железа)//Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 208—241 (совместно с И. И. Гохманом и Д. Тумэн).
489. Средняя Азия и Китай: антропология древнего населения//Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана XV—XIX вв. Ташкент, 1987. С. 7—24 (совместно с Т. К. Ходжайовым).
490. Пребывание канадских археологов в Советском Союзе//СЭ. 1987. № 2. С. 141—143 (совместно с А. П. Деревянко).
491. Rassenbildung (Theorie und Methodologie der Forschung). Moskau, 1987. 142 s.
492. Formacion de las razas (teoria y metodologia de estudio). Moscu, 1987. 175 p.
493. Происхождение человечества. М., 1987. 327 с. (на хинди).
494. Антропогеосфера и охрана памятников//Памятниковедение. Памятниковедение науки и техники: теория, методика, практика. М., 1988. С. 6—33.
495. Актуальность неактуального//ВИ. 1988. № 3. С. 49—54.
496. Зональные явления в расообразовании на территории Америки//Экология американских индейцев и эскимосов. Проблемы индианистики. М., 1988. С. 13—18.
497. Демографическая и этническая ситуация//История первобытного общества. Эпоха классообразования. М., 1988. С. 294—344.
498. Некоторые вопросы изучения антропологии азиатских монголоидов//Вестн. АН СССР. 1988. № 5. С. 83—92.
499. К обоснованию положения черепов из пещеры Джебел Кафзех (Палестина) в системе гоминид//Glasnik antropoloskog drustva Jugoslavije, sveska 25, Beograd, 1988. S. 9—17.
500. Древнее население Внутренней Азии и прилегающих районов эпохи камня и бронзы по данным палеоантропологии//Расы и народы. 1988. Т. 18. С. 65—75.
501. Об иерархии и критериях выделения этнических общностей//Расы и народы. 1988. Т. 18. С. 23—25.
502. История первобытного общества. Тбилиси, 1988. 327 с. (совместно с А. И. Першицом и А. Л. Монгайтом) (на груз. яз.).
503. Палеоантропологический материал из позднесрубных погребений на поселении Мосоловка//*Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П.* Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж, 1988. С. 181—196 (совместно с Е. А. Шепель).
504. Палеоантропологические материалы последних веков до нашей эры и тюркского времени с территории Северо-Западного Алтая//Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск, 1988. С3—21 (совместно с Н. Н. Мамоновой).
505. Комментарий к статье: *Кимаев-Смык Л. А.* Ясли в парадном зале//Химия и жизнь. 1988. № 12. С. 44, 45.
506. От редактора//*Пряхин А. Д.* Археология ... наследие. Воронеж, 1988. С. 3, 4.
507. Сколько стоит история?//Известия. № 361. 25 декабря 1988. С. 4.
508. Комментарии к находке//Правда. 31 августа 1988. С. 6 (совместно с В. Л. Яниным).
509. Историческая антропология и этногенез. М., 1989. 445 с.
510. Возникновение человечества. Прабхат бук хаус, 1989. 366 с.
511. Микроочаги, очаги и области влияния в окультуривании растений, поведенческие предпосылки в доместикации животных//ВДИ. 1989. № 1. С. 111—114.
512. Палеодемография: содержание и результаты//Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. М., 1989. С. 63—90; 284—286.
513. О некоторых аспектах изучения производительных сил в империи Чингисхана//Всемирная история и Восток. М., 1989. С. 78—82.
514. Антропогенез — решенная проблема или череда новых проблем?//Человек в системе наук. М., 1989. С. 111—121.
515. Расселение и численность древнейшего человечества//Древние цивилизации. М., 1989. С. 13—21.
516. Не возникнет ли путаница?//Вестн. АН СССР. 1989. № 7. С. 78, 79.
517. К оценке морфологических особенностей неолитического населения, оставившего могильники Протока и Сопка 2 (вместо предисловия)//*Полосьмак Н. В., Чикишева Т. А., Балуева Т. С.* Неолитические могильники Северной Бараби. Новосибирск, 1989. С. 3—6.
518. Антропология о происхождении славян//Природа. 1989. № 1. С. 60—69 (совместно с Т. И. Алексеевой).
519. Историко-антропологическая динамика и биологическая адаптация населения СССР//Человек в системе наук. М., 1989. С. 202—216 (совместно с Т. И. Алексеевой).
520. Палеоантропологический материал из погребений в Армении и вопросы генезиса населения куро-аракской культуры//СЭ. 1989. № 1. С. 127—134 (совместно с Р. А. Мкртчян).
521. Некоторые вопросы антропологической динамики древнего населения среднего течения Дона//Поселения срубной общности. Воронеж, 1989. С. 192—197 (совместно с Е. А. Шепель).
522. The works of Nikolaj Vavilov and the study of human history//Social Science. 1989. № 2. P. 20—31.

523. L'oeuvre de Vavilov et l'etude de l'historie de l'humanite//Sciences sociales. 1989. № 2. P. 22—34.
524. Jalkisanat//*Porsnev B., Bajanov D., Burtsev J.* Lumimiehen arvoitus. Moscow, 1989. P. 190—192.
525. Рец.: *Миклашевская Н. Н., Соловьева В. С., Горина Е. З.* Ростовые процессы у детей и подростков. М., 1988//ВА. 1989. № 83. С. 121, 122.
526. Заселение Америки человеком и происхождение коренного населения Америки//Коренное население Северной Америки в современном мире. М., 1990. С. 6—27.
527. Об исторической урбоэкологии//Урбоэкология. М., 1990. С. 70—76.
528. Этногенетические аспекты антропологического изучения Южной Азии//Истоки формирования современного населения Южной Азии. М., 1990. С. 153—262.
529. Домашняя лошадь Монголии//Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск, 1990. С. 149—167.
530. Музееведение, музеефикация, культура//Вестн. Музейной комиссии. 1990. Вып. 1. С. 10—19.
531. История первобытного общества. Изд. 3-е. Пекин, 1990. 301 с. (совместно с А. И. Першицом и А. Л. Монгайтом) (на кит. яз.).
532. Историческая антропология Средней Азии (палеолит — эпоха античности). Ташкент, 1990. 277 с. (совместно с А. А. Аскаровым и Т. К. Ходжайовым).
533. История первобытного общества. М., 1990. 351 с. (совместно с А. И. Першицом).
534. Начиная с эпохи палеолита (интервью)//Наука в Сибири. № 32—33. 23—29 августа 1990 г. С. 9.
535. Выступление на круглом столе «Роль православной церкви в истории России»//ВИ. 1990. № 3. С. 86, 102.
536. Судьбы древнего народа (рец. на книгу Н. Ф. Мокшина «Мордовский этнос». Саранск, 1989)//Сов. Мордовия. 22 февраля 1990 г. С. 4.
537. Рец.: *Козинцев А. Г.* Этническая краниоскопия. Расовая изменчивость швов черепа современного человека. Л., 1988//ВА. 1990. № 84. С. 143—145.
538. Древние общества: взаимодействие со средой, культура и история//СА. 1991. № 1. С. 5—19.
539. Экология человека: предмет, границы, структура, функции//Предмет экологии человека. Ч. I. М., 1991. С. 142—192.
540. Объем археологического знания//Мосоловское поселение поздней бронзы в системе памятников степи и лесостепи. Тез. докл. и материалы к конференции. Воронеж, 1991. С. 8—19.
541. Archaeology and physical anthropology in the USSR, their relationship and problems//Perspectives in archaeological research in the USSR. Roma, 1991. P. 7—28.
542. Обсуждение книги С. А. Арутюнова «Народы и культуры»//СЭ. 1991. № 3. С. 152, 153.
543. Несколько соображений о происхождении вейнахских народов по антропологическим данным//Проблемы происхождения нахских народов. Тез. докл. и сообщ. Шатой, 1991. С. 3, 4.
544. Новые споры о старых проблемах//Новое в жизни, науке, технике. Сер. Биология. 1991. Вып. 7. 58 с.

Дискуссии

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

С осени 1990 г. при Институте археологии РАН действует Координационный совет по проблеме «Скифо-сибирский мир: археологический феномен и историческое явление», включающий специалистов по раннему железному веку из Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Алма-Аты, Волгограда, Кемерово, Ростова-на-Дону и Воронежа (руководитель совета — докт. ист. наук М. Г. Мошкова). Цель работы Координационного совета — объединение усилий прежде всего археологов, работающих с конкретным материалом, в выработке единых подходов к анализу, классификации и интерпретации археологических источников. При этом предполагается, что унификация понятийно-терминологического аппарата, применение единых принципов упорядочения материала, создание на основе этого универсальных, достаточно простых и всеобъемлющих типологий и классификаций предметов материальной культуры и элементов погребальных комплексов позволит, наконец, исследователям скифо-сарматских древностей разных регионов говорить «на одном языке», объективно описывать и сравнивать (в том числе — и с использованием ЭВМ) культурные комплексы в синхронии и диахронии. В настоящее время в стадии апробации находятся разработки по конской сбруе, зеркалам и некоторым категориям наступательного оружия. По завершении всестороннего обсуждения (не только «внутри Координационного совета) разработки будут направлены всем заинтересованным сторонам с рекомендацией к использованию.

Решение важнейших вопросов истории скифов во многом зависит от правильного определения относительного и абсолютного возраста обнаруженных памятников скифской культуры. Со времени М. И. Ростовцева и Б. В. Фармаковского хронология этих памятников строилась преимущественно на основании датировок античных вещей и керамики, встречаемых вместе со скифскими изделиями в погребениях и на поселениях. Однако, такая взаимовстречаемость почти не наблюдается в скифской архаике, относящейся в основном к периоду догреческой колонизации и установления тесных взаимоотношений между местным населением и обитателями греческих городов Северного Причерноморья. В результате до сих пор имеется еще много неясного в хронологии раннескифской культуры. До недавнего времени было принято относить наиболее ранние памятники скифского типа ко второй половине — концу VII в. до н. э. В последнее десятилетие, в связи с накоплением нового материала и его изучением, наметилась тенденция к их удревнению. Однако пока не установлены твердые критерии для определения абсолютных дат как для процесса сложения скифской культуры, так и раннескифского периода в целом, а также этапов, выделяющихся внутри него.

Создание относительной хронологии скифской культуры с использованием в качестве реперов предметов материальной культуры, надлежащим образом изученных и классифицированных, вполне реально; переход же к абсолютным датам требует привлечения источников иного рода, прежде всего письменных, «увязки» их с источниками вещественными. Последняя операция далеко не всегда проходит гладко, что, однако, не делает ее менее значимой. В связи с этим Координационный совет по проблеме «Скифо-сибирский мир: археологический феномен и историческое явление» и редколлегия журнала «Российская археология» предлагают специалистам в различных областях знания провести дискуссию по проблеме хронологии раннескифской культуры, высказав, в частности, свое отношение к публикуемой ниже статье И. Н. Медведской.

И. Н. МЕДВЕДСКАЯ

ПЕРИОДИЗАЦИЯ СКИФСКОЙ АРХАИКИ И ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Хронология скифской культуры была изначально поставлена в прямую зависимость от датировок предметов греческой архаики, что было обусловлено совместным сосуществованием в Причерноморье обеих культур. Эта зависимость сдерживала возникшую с накоплением нового материала тенденцию к удревнению раннескифской культуры (РСК). Тем не менее ее изучение привело к удревнению ведущих памятников раннескифского периода и поставило исследователей перед фактом существования скифской архаики в пределах VII в. до н. э. [1, с. 32—55; 2, с. 43—48; 3, с. 17—36; 4, с. 60—81]. Дальнейшее уточнение хронологических границ РСК связано с поиском новых независимых хронологических привязок. В этой связи принципиально важной как для понимания процесса сложения РСК, так и для подходов к способам ее датирования оказалась обобщающая работа Г. Коссака [5, с. 24—86]. Он попытался независимо от даты келермесских курганов датировать новочеркасскую ступень. Параллели новочеркасской бронзе Г. Коссак обнаружил в изделиях эпохи поздней бронзы Центральной Европы IX—VIII вв. до н. э. и на Кавказе в памятниках доурартской эпохи. Датировав в этих пределах новочеркасский этап, Г. Коссак убрал его из VII в. и даже конца VIII в. Он хронологически разделяет новочеркасский и келермесский этапы, помещая между ними жаботинский и предкелермесский, которые называет 1-м этапом РСК. Приветствуя разделение Л. К. Галаниной келермесского могильника на ранний и поздний, он отнес ранние курганы Веселовского ко 2-му этапу, а курганы Шульца к 3-му. Причем 3-й этап он усилил отнесением к нему Репяховатой Могилы 2, именно этот памятник стал для него ведущим. Это разделение принципиально, поскольку не позволяет более переносить дату ритона и зеркала на датировку всего Келермеса. Греческая керамика, найденная в Репяховатой Могиле 2, теперь датируется второй половиной VII в., что позволяет Г. Коссаку датировать этим временем и 3-й этап. Полагая, что верхняя граница 3-го этапа приходится на рубеж VII—VI вв., он тем не менее не смог предложить убедительных доказательств. Именно эту дату попытался обосновать и В. А. Кисель [6, с. 89, 90]. Соответственно 2-й этап переносится в первую половину VII в., которую он делит вместе с 1-м этапом, граница между ними не определена. На основании кавказских параллелей нижняя граница 1-го этапа перенесена в конец VIII в. (Самтавро 106, Тли 68, 85). Таким образом, Г. Коссак попытался изменить систему хронологических привязок: удревнив вне связи с РСК новочеркасскую ступень, он затем «подтянул» к ней раннекелермесский этап, одновременно закрепив датировку 1-го и 3-го этапов соответственно кавказскими и античными параллелями. Г. Коссак впервые использовал общую периодизацию РСК и обосновал выход этой культуры в VIII в. до н. э.

В поисках независимых хронологических привязок Г. Коссак попытался привлечь и археологические материалы Древнего Востока, но это направление оказалось у него наименее разработанным. Необходимость согласования датировок «скифских» древностей Ирана и Турции, отличающихся от хронологии скифской архаики, разработанной отечественными скифологами, назрела давно. Несогласованность письменных и археологических источников была уже давно зафиксирована И. М. Дьяконовым, вынужденным написать, что киммерийцы и скифы, известные по письменным источникам VIII — начала VII в., «принадлежали археологически к доскифским культурам» [7, с. 228]. Привлечение скифологами древневосточного материала носит бессистемный характер, в результате материал, имеющий выход на абсолютные даты, по существу ничего не дал для хронологии РСК. Необходимо ответить на вопрос, на каком этапе РСК кочевники проникли на территорию Древнего Востока и как долго там находились? Для этого необ-

© И. Н. Медведская, 1992 г.

ходимо определить ведущий набор инвентаря каждого из трех этапов РСК и выявить его динамику — что появлялось, что исчезало. Если удастся выявить адекватный набор в ближневосточных комплексах, то датировка его местным археологическим материалом, анализ исторической ситуации и письменных источников, уточняющих время событий, связанных с кочевниками, определят датировку этого этапа. В результате станет возможной хронологическая корректировка периодов РСК. В этом смысл предлагаемой работы.

Определяющими *1-й этап* являются комплексы Рыжановка 2, Жаботин 2, 524 в Приднепровье. По сходству жаботинского инвентаря сюда отнесены Константиновка I5, 375, Тенетинка 183, кург. у с. Головятин и Орловец (Теклино) 346 [8, с. 159—160, прим. 2.3; 9, с. 61—65] [1], Медвин 2 (группа II), из предкавказских комплексов — Красное Знамя 9, хут. Алексеевский, Ставропольский курган 1953 г. [2, с. 44]. Вслед за В. А. Ильинской Г. Коссак включил сюда Самтавро 106, а также Тли 63 и 85 [5, с. 43—48]. Ведущие формы инвентаря 1-го этапа: бронзовые двукольчатые и стремечковидные удила, трехдырчатые псалии с муфтой или без нее, костяные псалии с головкой птицы на одном конце и изображением копыта на другом, бляшки или пронизи для перекрестных ремней с четырехлучевым знаком, стрелы жаботинского типа. К этому этапу А. А. Йессен, В. А. Ильинская, А. И. Тереножкин относили памятники, сочетающие черты новочеркасской ступени и скифского времени (хут. Алексеевский, Каменномостский курган 1921 г., погребение у Лермонтовского разъезда) [11, с. 20—24]. Первый этап, будучи скифским прежде всего по художественному стилю [5, с. 48—84], по материальной культуре, является переходным между новочеркасским периодом и культурой келермесского времени. Хотя Г. Коссак настаивает на разделении 1-м этапом этих ярких культур, по-видимому, нельзя исключить возможность полного или частичного сосуществования новочеркасского комплекса с 1-этапом РСК: об этом свидетельствуют присутствие новочеркасских черт в комплексах 1-го этапа (большие бронзовые кольца с подвижными муфтами, кинжалы кабардино-пятигорского типа, бронзовые трехпетельные псалии с лопастью на конце, двукольчатые удила с привесками, шлемовидные бляхи, бляхи с четырехлучевым знаком и др.), с одной стороны, и черты сходства между новочеркасскими и келермесскими изделиями — с другой. Но эта синхронизация говорит лишь в пользу удревнения начала РСК, а не наоборот. Хронологическая позиция новочеркасской ступени и кавказские параллели памятникам 1-го этапа, приведенные Г. Коссаком, доказывают факт существования РСК уже в конце VIII в. и не ограничивают его начало.

К началу *2-го этапа* исчезает основная часть ведущих типов инвентаря предыдущего этапа: бронзовые двукольчатые удила и трехдырчатые псалии, пронизи с четырехлучевым знаком, наборы, состоящие преимущественно из двулопастных наконечников стрел. Продолжают использоваться бронзовые стремечковидные удила и мечи-акинаки с бабочковидным перекрестием, костяные псалии, некоторые из которых оканчиваются головками грифо-баранов. Появление фантастических существ в скифском искусстве Г. Коссак относит ко 2-му этапу [5, с. 84]. Появилась железная узда: стремечковидные удила и новый тип петельчатых удил, в кавказской зоне известны железные реплики двукольчатых удил и удила с расширенными концами, на которых пробиты отверстия (Нартан, Красное Знамя 6, Келермес ГМ, погр. 18), трехпетельчатые псалии, вероятно, генетически связаны с бронзовыми петельчатыми псалиями предшествующего периода. Характеризующим признаком 2-го этапа служат дисковидные бронзовые зеркала с ручкой на обороте, происхождение которых связано с южносибирским ареалом. Вошли в употребление колчанные наборы, в которых преобладают

[1] Костяной псалий, орнаментированный выемчатыми треугольниками, из поселения Тарасова Гора, относящийся к этому времени, недавно ошибочно включен в находки из Пастырского или Трахтемировского городищ [10, с. 54, рис. 8]. Теклино 346, Дарьевка — комплексы последующих этапов РСК.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ ПО ТРЕМ ЭТАПАМ РСК

РСК гг. до н.э.	Пронизи цилиндрические с четырёхлучевым знаком	Стрелы ромбические жаботинского типа	Псалии бронзовые	
			трёхлепетельчатые с лопастью	трёхдырчатые (1) с муфтами (2) стержневидные
≈ 750 — 1 этап	КЗ: х.Алексеевский ПД: Рыжановка 2	КЗ: Самтавро 27, 106; Тли 129; Красное Знамя 9; х.Алексеевский; Сержень Юрт ПД: Жаботин 524	КЗ: Лермонтовский разъезд ПД: Константиновка 375	КЗ: х.Алексеевский ПД: Жаботин 524 (1,2); Тенетинка 183(1); Емчиха 375, погр. 1(1); Медвин II, 2(2)
≈ 700 — переходная группа	КЗ: Келермес ГМ 27	ЛД: Глинище		
2 этап			стержневидные с зооморфными окончаниями	
			КЗ: Красное Знамя 6; Нартан 12, 13; Галиат; ст.Подгорная ЛД: Роменский уезд	ЛД: Аксютинцы: Старшая Могила (1)
≈ 650 — переходная группа				
3 этап				
≈ 600				

ПРИМЕЧАНИЯ: КЗ — кавказская зона; ПД — правобережье Днепра; ЛД — левобережье Днепра; ГМ — грунтовый могильник, Келермес В — курганы, раскопанные Н.И.Веселовским; Келермес Ш — курганы, раскопанные Д.Г.Шульцем.

трехлопастные и трехгранные наконечники стрел. Клювовидные пронизи каменномостского типа на 2-м этапе фиксируются и в Приднепровье. Впервые появляется «келермесский» тип костяных пронизей в виде грифо-барана, тщательно детализированные, с рогом под глазом. Костяные пронизи, по-видимому, использовались только в Прикубанье и Ставрополье. Бронзовые схематизированные варианты этих пронизей позднее начали использовать в Приднепровье (таблица). Сходными с ними являются костяные наконечники деревянных псалий. Ведущие памятники: Рыжановка 5, Старшая Могила в Аксютинцах, Келермес (курганы Н. И. Веселовского). Вероятно, существовала переходная ступень между 1-м и

Удила двукольчатые		Удила стремечковидные		Псалии костяные
бронзовые	железные	бронзовые	железные	
КЗ: Красное Знамя 9; Лермонтовский разъезд (с привесками) ПД: Рыжановка 2; Жаботин 2; Константиновка 375 (с привесками); Тарасова Гора (поселение)		КЗ: х.Алексеевский; Тли 68 ПД: Жаботин 2, 524; Константиновка 15; Тенетинка 183; Емчиха 373 Медвин II		КЗ: Самтавро 106; Тли 68; ПД: Жаботин 2; Тарасова Гора (поселение)
		ПД: Орловец 346		ПД: Орловец 346
	КЗ: Келермес 2/В; Нартан 20, 18?	КЗ: Келермес 1, 2/В; Красное Знамя 3, 6, 7, 1 (кожн.); Нартан 12, 20; ст.Подгорная ПД: Осиновка 471; Макеевка 453, 460; Берестняги 45 ЛД: Старшая Могила; к.2 Мазараки	КЗ: Келермес 1, 2/В; Красное Знамя 6; Нартан 15; Новозаведённое II, 2; ПД: Журовка 406; Пищальники; Пешки 362 ЛД: Герасимовка 1; Лука; Осняги 1; Аксютинцы 3 (1886)	КЗ: Нартан 14, 15, 16, 18, 23 ЛД: Аксютинцы 2 (1886), 466–470; Старшая Могила; к.2 Мазараки; Стайкин Верх4; Волковцы 2, 9, 12 (1886), 477; Великие Будки 1; Солодка 1, 2; Броварки 503
	КЗ: Келермес 24/III	КЗ: Келермес 24/III ПД: Репяховатая Могила 1		ПД: Журовка 407, 432
		КЗ: Келермес III ПД: Гуляй-Город 38; Репяховатая Могила 2	ПД: Репяховатая Могила 2	ПД: Гуляй-Город 38

2-м этапами. В Келермесе в погр. 27 грунтового могильника вместе найдены: пронизь с четырехлучевым знаком, железные трехдырчатые псалии архаической формы, железные петельчатые псалии и зеркало с петелькой на обороте [12, с. 162, рис. 4]. С таким же зеркалом в Глинище найдены двулопастные наконечники стрел жаботинского типа [13, с. 82, рис. 1, 2]. К переходной ступени или ко 2-му этапу относится кург. 346 в Теклино, в котором найден железный стержневидный псалий неясной формы.

Направленность очередного кочевнического импульса, шедшего из Центральной Азии и значительно изменившего вещевой комплекс 2-го этапа, сказалась

Мечи акинаки	Псалии железные трёхдырчатые	Псалии железные трёхпетельчатые	Удила железные петельчатые
КЗ: Лермонтовский разъезд; Каменномостский (1921); Тли 68, 85; Самтавро 27 ПД: Жаботин 524 (фр-ты)			
ПД: Орловец 346	КЗ: Келермес ГМ 27 ПД: Орловец 346?	ПД: Орловец 346	КЗ: Келермес ГМ 27 ПД: Орловец 346
КЗ: Нартан 16 ПД: Рыжановка 5; Куриловка 77; Медвин (1906); Журовка 406 ЛД: Аксютинцы: Старшая Могила	ПД: Константиновка 8 ЛД: Аксютинцы к. 1905 г.; к. 2 Мазараки; Скоробор 10 (1906)	КЗ: Келермес 1, 2/В; Новозаведённое II, 2; Красное Знамя 1 (кжк.) 3, 6, 7; Нартан 12, 16, 17, 20 ПД: Константиновка 8; Пищальники; Макеевка 453; Журовка 406; Пеньки 362; Бобрица 40 ЛД: Поповка 1, 5, 6; Аксютинцы: Старшая Могила, 3, 6 (1886), 470; Волковцы 7, 11, 12 (1886); Лука; Солодка 1, 2	КЗ: Келермес 1, 2/В; Нартан 18, 23 (14, 18, 20 — кольчатые) ПД: Константиновка 8; Бобрица 35, 40 ЛД: Поповка 1, 5, 6; Аксютинцы: Старшая Могила, к. 2 Мазараки, 466, 469; Стайкин Верх 4; Волковцы 2, 7, 12 (1886); Герасимовка 1; Броварки 503; Солодка 1, 2
		КЗ: Келермес 24/III	КЗ: Келермес 24/III
КЗ: Келермес III ПД: Репяховатая Могила 2; Синявка 100 ЛД: Поповка 3		КЗ: Келермес III ПД: Репяховатая Могила 2; Захарейкова Могила 1 ЛД: Поповка 3	КЗ: Келермес III ПД: Репяховатая Могила 2

на некотором запаздывании его сложения в Правобережье Днепра (таблица) и в Поднестровье [14, с. 25—29].

Согласно Г. Коссаку, *3-й этап* отличается появлением греческого керамического импорта и зеркал с боковой ручкой. Помимо раскопанных П. Н. Шульцем курганов Келермеса ведущими памятниками этого этапа он считает обе Репяховатые Могилы у с. Матусов [5, с. 71—75]. Говоря о нововведениях в материальной культуре каждого этапа, он не отмечает явлений обратного порядка — не указывает вещи, выходившие из употребления. В результате им недостаточно

Зеркала		Пронизи		
с центральной ручкой	с боковой ручкой	клювовидные: схематизированные (1), детализированные (2)	в виде грифо-барана	
			костяные	бронзовые
		КЗ: Каменномостский (1921) (1)		
КЗ: Келермес ГМ 27 ЛД: Глинище				
КЗ: Келермес 2/В; Нартан 16, 18 ПД: Бобрица 35; Медвин (1906); Лазурцы 2 ЛД: Герасимовка 1, 2; Поповка 6; Броварки 503	КЗ: Нартан 20	КЗ: Келермес 2/В (1); Красное Знамя I (кжн.) (1); Нартан 14, 21(1); Новозаведённое II, 2 (1) ЛД: Аксютинцы 466(1); Мачухи 11(1)	КЗ: Келермес 1, 2/В; Красное Знамя 1 (кжн.)	
ПД: Журовка 407; Перепятиха; Репяховатая Могила 1	ПД: Перепятиха	КЗ: Келермес 24/Ш (1, 2)	КЗ: Келермес 24/Ш	ПД: Журовка 407
	ПД: Гуляй-Город 38; Репяховатая Могила 2; Захарейкова Могила 1; Журовка 447; Лазурцы 418/3; Синявка 100 ЛД: Стайкин Верх 8; Волковцы 494 ?	ПД: Гуляй-Город 38 (1); Захарейкова Могила 1 (2); Константиновка 244 (2) КЗ: Келермес Ш (2)		ПД: Гуляй-город 38; Захарейкова Могила 1 ЛД: Поповка 10

охарактеризованы происшедшие изменения между 2-м и 3-м этапами. Материалы тясминской и поросской групп курганов, относительная хронология которых разработана В. А. Ильинской и Г. Т. Ковпаненко, обнаруживают существенные различия между обоими этапами и уточняют хронологическую позицию обеих могил у с. Матусов.

В. А. Ильинская выделила промежуточную группу курганов между жаботинскими и поздними курганами старшей журовской группы (курганы 407, 432, 447). Промежуточная группа соответствует 2-му этапу (Рыжановка 5, Журовка

406, 411, Макеевка 453, 454, 460, Оситняжка 471). В поздней группе уже нет орнаментированной керамики, исчезли круглотелые кубки, что особенно подчеркивалось В. А. Ильинской, низкие черпаки жаботинского типа и глубокие округлые черпаки заменились высокими грушевидными, бытуют миски на высоком поддоне и высокие биконические корчаги [9, с. 57—61]. Именно эта керамика сочетается с античной керамикой (Репяховатая Могила 2, Новоалександровка, Коломак) и с зеркалами с боковой ручкой и относится к 3-му этапу. Курганы Журовка 407, 432 В. А. Ильинская помещала раньше остальных курганов поздней группы [9, с. 58, 59]. К ранним признакам этих курганов помимо отмеченных ею относятся костяные псалии и зеркала герасимовского типа, в них еще нет зеркал с боковой ручкой и античной керамики. Оба журовских кургана вместе с комплексом Репяховатая Могила 1 образуют переходную группу перед началом 3-го этапа [2]. Эта последовательность подтверждается стратиграфией могил у с. Матусов (выкид Могилы 1 был поврежден при сооружении Репяховатой Могилы 2) и общностью инвентаря трех комплексов. Репяховатая Могила 2 демонстрирует смену типов зеркал, а вместе с остальными комплексами, в которых найдены зеркала с боковой ручкой (таблица), обнаруживает исчезновение на 3-м этапе псалий с зооморфными окончаниями [3]. Случай взаимовстречаемости обоих типов зеркал известен в кург. Перепятиха на Киевщине [16, с. 59, рис. 9 *1—3*]. Можно допустить, что краткое сосуществование обоих типов зеркал приходится на время, разделяющее сооружения 1 и 2 Репяховатой Могилы [4].

В Поросье три группы погребений, выделенные Г. Т. Ковпаненко, соответствуют трем этапам РСК [18, с. 126—133]. Ко 2-му этапу относится 34 кургана (в том числе Куриловка 77; Емчиха 373, погр. 1 и 375, погр. 3; Пищальники; Бобрица 35; Медвин, курганы 1901, 1906 гг.; Берестняги, 6, 45). В керамике этих памятников, как и в тясминской группе, в конце 2-го этапа исчезают кубки. Однако в кург. 100 у с. Синявка такой кубок найден вместе с зеркалом с боковой ручкой и редким типом меча с прямым перекрестием [18, с. 52, 107, рис. 41, 42]. Предполагается, что эта форма перекрестия сформировалась сравнительно поздно [19, с. 80]. Г. Т. Ковпаненко сама сближала по времени этот комплекс с Репяховатой Могилой 2 [18, с. 130], так что помещение его в начале 3-го этапа обоснованно. К 3-му этапу Г. Т. Ковпаненко отнесено 14 курганов. Из них кург. 2 у с. Лазурцы, по-видимому, относится ко 2-му этапу прежде всего по набору стрел, в котором преобладают длинновтульчатые трехлопастные с листовидной головкой [18. с. 35, рис. 26]. Именно они сочетаются с архаическими двулопастными наконечниками стрел [20, с. 17, табл. I, сочетание I, 1, 1—5 и II, 1, 1—3; 1—4]. В пользу принадлежности этого кургана ко 2-му этапу свидетельствует и зеркало с центральной ручкой. Таким образом, распределение инвентаря не противоречит смене типов зеркал. Костяные псалии в Поросье не получили распространения и в закрытых комплексах неизвестны.

В Левобережье за яркой культурой Аксютинецкой и Волковецкой курганных групп, соответствующих 2-му этапу (в том числе Старшая Могила; кург. 2 Мазараки; Поповка 3, 13; Волковцы 2), вплотную следует группа курганов переходного времени, в которых обнаружены костяные псалии с зооморфными окончаниями [21, с. 71—75]. Очевидно, что в нее входят разновременные памятники. С одной стороны, комплексы 1 и 2 из урочища Солодка, близкие

---

[2] К переходной группе склонна относить Л. К. Галанина один из шульцевских курганов Келермеса (кург. 24), доследованных в 1980 г. Она же указала мне на находку в нем железных двукольчатых удил [15, с. 43, рис. 6, 26].

[3] В кургане 38 у Гуляй-Города обнаружены такой псалий и зеркало с боковой ручкой. Вероятно, он относится к началу 3-го этапа, во всяком случае, В. А. Ильинская помещала его раньше Журовки 447 [9, с. 58].

[4] В Ленковецком кургане найдено зеркало с центральной ручкой, к которому позднее была приделана несохранившаяся боковая ручка, что в некотором смысле повторяет ситуацию в кург. Перепятиха [17, с. 63, рис. 28, *3*]. На близость керамики обоих курганов указал С. А. Скорый. Курган у с. Ленковцы теперь датируется серединой — началом второй половины VII в. [14, с. 29], что совпадает с датой 3-го этапа по Г. Коссаку.

по инвентарю Старшой Могиле (костяные псалии, копья), В. А. Ильинская поместила за 2-м этапом только по наличию базисных стрел [21, с. 74]. Но и в Старшой Могиле, и в Глинище известны единичные находки таких стрел [20, с. 17, табл. I, с. 19, примеч. 57]. Остальные комплексы относятся или к 3-му этапу (Волковцы 7, Стайкин Верх 6, 8, 12) — в них обнаружены железные трехпетельчатые псалии и стремечковидные удила, конические пастовые бусины-розетки, популярные в РСК, костяных псалий нет [21, с. 141, примеч. 16—18], или уже к среднескифскому времени (Волковцы 1, 478, курганы у хут. Шумейко и др.), когда произошли существенные изменения инвентаря: двудырчатые псалии различных модификаций сменили трехпетельчатые, исчезли стремечковидные удила, появились железные дротики и ременные уздечки с бронзовым набором, новые типы блышек, в частности, ромбовидные и в виде головки лося или других зверей [5]. Именно в посульских курганах начала ССК в нескольких случаях обнаружены костяные псалии: Шумейковский курган, Волковцы 1 (1886), 478, Броварки 505, хотя после 2-го этапа РСК они в этой группе не встречались [21, с. 43, 44, 71, 72, табл. XXXII, *5—15*, XXXIX, *1—25*, с. 45, рис. 23; 23, табл. 29, *18—28*, 30, *1—17*]. Если достоверность этих комплексов безупречна (Шумейковский курган в этой связи вызывает сомнения [21, с. 72]), то этот факт трудно объяснить, тем более что в это время трехдырчатые псалии уже заменились двудырчатыми. Но в рамках РСК, бытуя на первых двух, на 3-м этапе костяные псалии выходят из употребления.

Приведенная последовательность распределения инвентаря в закрытых комплексах Приднепровья отчасти не согласуется с временной последовательностью курганов Нартана и некоторых других предкавказских памятников, предложенной В. Г. Петренко. Если кург. 20 в Нартане самый ранний, как она считает [4, с. 64], то, следовательно, зеркала с боковой ручкой появились в Нартане раньше, чем зеркала с ручкой на обороте; колчанные наборы с трехлопастными наконечниками стрел с заостренными концами лопастей — жальцами — раньше тех, в которых их или нет, или преобладают длинновтульчатые с листовидной головкой (типы II, 1—2, по Мелюковой); костяные псалии с зооморфными окончаниями появляются только на 3-м этапе.

Ранние курганы Нартана группируются в основном в западной части могильника [24, табл. 8]. Расположенные рядом курганы 12—14, 16, 18 определенно образуют культурное и хронологическое единство: только в курганах 12, 13, 16 погребение было совершено по обряду полного или частичного трупосожжения, в кург. 18 погребенный был посыпан угольками, что сближает данное погребение с этой группой. В указанных курганах обнаружены зеркала с центральной ручкой (курганы 16, 18), круглые золотые бляхи с четырехлучевым орнаментом (курганы 12, 14, 16), костяные псалии (курганы 14—16, 18) [6].В курганах 15, 17 наряду с чертами, объединяющими их с этой группой (псалии, колокольчики, как в курганах 13, 16, 18), имеются отличия (золотые бляхи с шестилучевой фигурой, бронзовые булавки с отверстием). Все перечисленные предметы отсутствуют в кург. 20. Уникален состав бронзы, подпружные кольца и бляхи конского убора из этого кургана, отлитые из «чистой» меди [25, с. 123]. Только здесь обнаружено

[5] В. А. Ильинская не отметила хронологического разрыва между концом РСК и началом среднескифского периода. С. В. Полин также не отмечает разрыва, но время перехода от старшей журовской группы к младшей он перенес на рубеж первой и второй четвертей VI в., хотя и отмечает, что в лесостепи и в степной Скифии данные для уточнения времени перехода между ними отсутствуют [3, с. 27, 32]. Учитывая существенное удревнение РСК, А. Ю. Алексеев настаивает на хронологическом разрыве и относит начало ССК к последней трети VI в. [22]. Свидетельствуют ли против длительного разрыва комплексы, сочетающие элементы РСК и ССК (Волковцы 7, 8, Стайкин Верх 12) или это механическое соединение разновременных комплексов, трудно сказать.Вопрос о времени перехода между обоими периодами скифской культуры остается открытым.

[6] Костяной псалий отмечен в кург. 23, соседствующем с кург. 9, в котором найдены золотая бляшка, колокольчик и калачиковидная серьга, как и в кург. 12, что сближает эти курганы с описываемой группой. Псалий из кург. 16 украшен врезными треугольниками в стиле 1-го этапа РСК.

единственное зеркало с боковой ручкой. Вместе с тем пронизь с тремя отверстиями и бронзовое блюдо найдены также в соседнем с кург. 20 кург. 22, а удила и железные псалии — в ряде курганов Нартана [24, с. 40—42, 47, 48].

Хронологическая последовательность раннескифских курганов Предкавказья, построенная В. Г. Петренко на основе дробной видоизменяемости наконечников стрел, соответствует четырем хронологическим группам, в каждой из которых они сочетаются с определенным набором узды. Эти группы можно соотнести с тремя этапами РСК: 1-й этап — I, 1; переходная ступень ко 2-му этапу — I, 2; 2-й этап — II, 1; 3-й этап — II, 2. Но, во-первых, вряд ли удила и псалии могут служить надежным коррелирующим признаком. Бронзовые стремечковидные удила использовались на протяжении всего периода РСК, их железные копии — на 2-м и 3-м этапах, когда они сочетались с железными трехпетельчатыми псалиями; бронзовые стержневидные псалии с тремя петлями, кажется, служат признаком только 2-го этапа. Столь долгое использование бронзовых удил и псалий не позволяет говорить о замене бронзы железом и, следовательно, рассматривать наличие только железной узды в отдельном кургане РСК в качестве позднего признака. Трудно согласиться с выводом автора, что только в конце рассматриваемого периода (II, 2) происходит переход к костяным псалиям [4, с. 69—71], ведь они использовались уже на 1-м этапе РСК. Во-вторых, В. Г. Петренко придает большое значение длинным пронизям с тремя щелевидными отверстиями в качестве раннего признака, менее длинные пронизи известны в новочеркасское время (Уашхит). Сочетание таких пронизей с одно- и двукольчатыми железными удилами и служит главным хронологическим показателем ранней даты кург. 20 в Нартане, помещаемого В. Г. Петренко перед ранним Келермесом. Остается неясным, предшествует ли Нартан 20, согласно В. Г. Петренко, всему раннекелермесскому периоду или только курганам Н. И. Веселовского в пределах 2-го этапа. Отметим, что наличие пережиточных черт в комплексах всего 2-го этапа является его характерным признаком, да и сама пронизь не является строгим хронологическим признаком. Во всяком случае, В. Г. Петренко отнесла кург. 6 у хут. Красное Знамя к более позднему, чем Нартан 20, времени именно потому, что в нем эта пронизь не сопровождалась двукольчатыми и однокольчатыми удилами, хотя в остальном инвентарь обоих курганов почти идентичен [4, с. 69]. Но ведь и двукольчатые удила, если учесть их находку в кург. 24 в Келермесе, доживают до начала 3-го этапа, не говоря уже о петельчатых удилах. Очевидно, что Нартан 20 не может предшествовать кург. 2/В в Келермесе, если в последнем найдены и пронизь, и такие удила. В-третьих, показательно распределение колчанных наборов в курганах Нартана. Считается, что в келермесское время двулопастные ромбические наконечники стрел сменились наконечниками с плавной линией лопастей [3, с. 21, 22; 26, с. 18]. По-видимому, силуэт двулопастных наконечников стрел достаточно субъективный признак [7]. Более четким и существенным хронологическим показателем в пределах 2-го этапа является сочетание различных типов трехлопастных наконечников стрел. В курганах 12 и 16 (в курганах 13, 14, 18 стрелы не обнаружены) отсутствуют наконечники с жальцами, но преобладают длинновтульчатые с листовидной формой пера, которые, как отмечено выше, обычно сочетаются с архаическими двулопастными наконечниками стрел. В курганах 15, 17, 19—21, расположенных рядом с кург. 20, появились наконечники с жальцами. Именно эти наконечники стрел сменили

[7] В кург. 20 Нартана, согласно В. М. Батчаеву, среди двулопастных наконечников стрел преобладают овально-ромбические [24, с. 41, табл. 48]. У В. Г. Петренко, судя по рисункам этих наконечников, они скорее приближаются к жаботинскому типу [4, рис. 1, Д]. Как отметил С. В. Полин, В. Г. Петренко видела и среди келермесских стрел ромбические наконечники [3, с. 21]. К списку проверенных С. В. Полиным колчанных наборов келермесского времени, в которых он не обнаружил жаботинских стрел, добавим и набор из Журовки 406, в котором, по мнению В. А. Ильинской, из 52 наконечников 23 жаботинского типа. Но только один имеет очертания пера жаботинского типа, хотя и смягченного силуэта, все остальные листовидные и мельче жаботинских (Эрмитаж, кол. 4/1903).

наборы с овально-ромбическими и лавролистными двулопастными и длинновтульчатыми трехлопастными наконечниками без жалец [20, с. 19, 21]. Выявленная А. И. Мелюковой последовательность подтверждается тем, что на территорию Древнего Востока в 70-е годы VII в. до н. э. проникли их всех разновидностей трехлопастных наконечников именно длинновтульчатые без жалец и листовидные со скрытой или чуть выступающей втулкой (отдел II, тип 1_3), последний тип, довольно редкий к северу от Кавказа, к югу от него получил широкое распространение [27, с. 53—68]. Проникнув на территорию Древнего Востока, эти типы трехлопастных наконечников законсервировались в своем развитии, тогда как севернее Кавказа, на их родине, произошла описанная смена типов и их дальнейшее развитие [28, с. 30—37, рис. 2]. Таким образом, именно трехлопастные наконечники без жалец дают возможность помещать курганы Нартана с костяными псалиями и зеркалами с ручкой на обороте в начало 2-го этапа, раньше кург. 20. Уникальность зеркала из кург. 20 и особенности его инвентаря заставляют рассматривать появление этого комплекса скорее как исключение, которое не нарушает последовательность в смене инвентаря, выявляемую по другим памятникам.

Распределение инвентаря по трем этапам РСК позволяет заключить, что сочетание костяных псалий, в том числе с головками грифо-барана на одном конце, бронзовых трехпетельчатых стрежневидных псалий, пронизей «келермесского» типа, зеркал с ручкой на обороте характерно только для 2-го этапа[8]. Немногочисленные «скифские» древности, найденные на территории Ирана и Турции, показывают, что на Древнем Востоке РСК представлена своим 2-м этапом. Для костяных псалий 1-й этап исключается по морфологическим признакам: одни имеют имитации трех петель, другие — головку грифо-барана (рис. 1). То же можно сказать и о наконечниках стрел: из 250 наконечников, найденных в разграбленной могиле близ Амасьи в Турции, кроме пяти пулевидных, все остальные двулопастные. Из них четвертая часть с утяжеленной головкой, и хотя имеется несколько ромбических с шипом, остальные плавно-ромбические и листовидные [29, рис. 3—7]. Из Богазкёя происходит 50 наконечников стрел, из них два трехлопастных без жалец, несколько двулопастных ромбических, остальные листовидные или с утяжеленной головкой [30, табл. XXX, XXXI]. В Иране отмечены единичные находки наконечников стрел двулопастных листовидных и трехлопастных без жалец [28, рис. 2; 31, с. 190—193]. Зеркала с ручкой на обороте найдены в Анатолии [5, с. 67, примеч. 97, 98]. Отдельные находки трехпетельчатых железных псалий, клювовидных пронизей и грибовидных столбиков могут датироваться и 3-м этапом. В Иране найдены только столбики, но вместе с костяным псалием (Нуш- и Джан III, 750—650 гг. до н. э. [33, с. 1, рис. 15, *426—428*, *431*]), что исключает 3-й этап. Присутствие в Иране скифов на 3-м этапе не фиксируется, о чем будет сказано ниже, в Малой Азии присутствие кочевников в начале 3-го этапа вероятно: там найдены железные псалии и клювовидные пронизи.

Абсолютную дату кочевнического инвентаря, обнаруженного на территории Древнего Востока, позволяет уточнить местный археологический материал, но в большей степени письменные источники и анализ исторической ситуации. В одном из двух наиболее выразительных кочевнических комплексов в Малой Азии — Имирлере близ Амасьи — яркими признаками 2-го этапа служат: длинный железный меч с сердцевидным перекрестием и брусковидным навершием,

[8] Каждый этап, конечно же, характеризуется большим числом диагностических признаков, но они не включены в табл. I, так как не обнаружены на территории Древнего Востока.

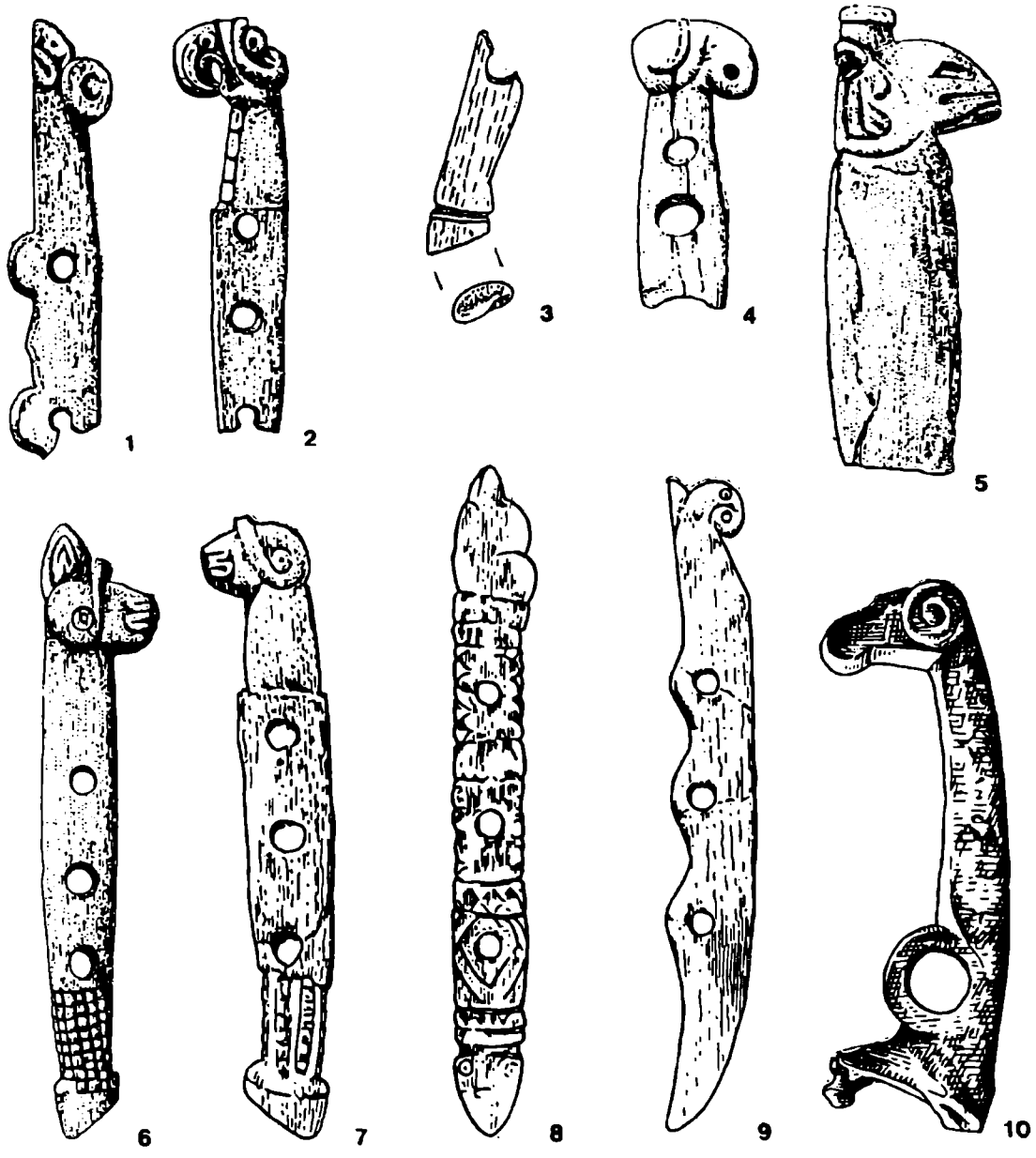


Рис. 1. Псалии: *1*, *2* — Чавуштепе; *3* — Нуш-и Джан; *4*, *5* — Хасанлу IIIB; *6—9* — Капланту (в нескольких километрах от Зивие); *10* — район Зивие. *1—9* — кость (*9* — заготовка для псалия?); *10* — бронза; без масштаба

уплощенный рифленый вток, здесь найден и клевец, один из двух известных в этом регионе (второй найден западнее оз. Ван возле Муша [33, рис. 7, *8*]), бронзовые стремечковидные удила, из семи двулопастных наконечников стрел один — ромбический, остальные листовидные, один из них с утяжеленной головкой (рис. 2) [29, рис. 1, с. 68, 69]. Второй комплекс — Норшун тепе — смешанный: «скифские» вещи представлены пронизями «келермесского» типа [9], стремечко-

[9] Фестончатый орнамент на роге и детальность декора сближают эти пронизи только с келермесскими (кург. 1/В [1, табл. 8]).

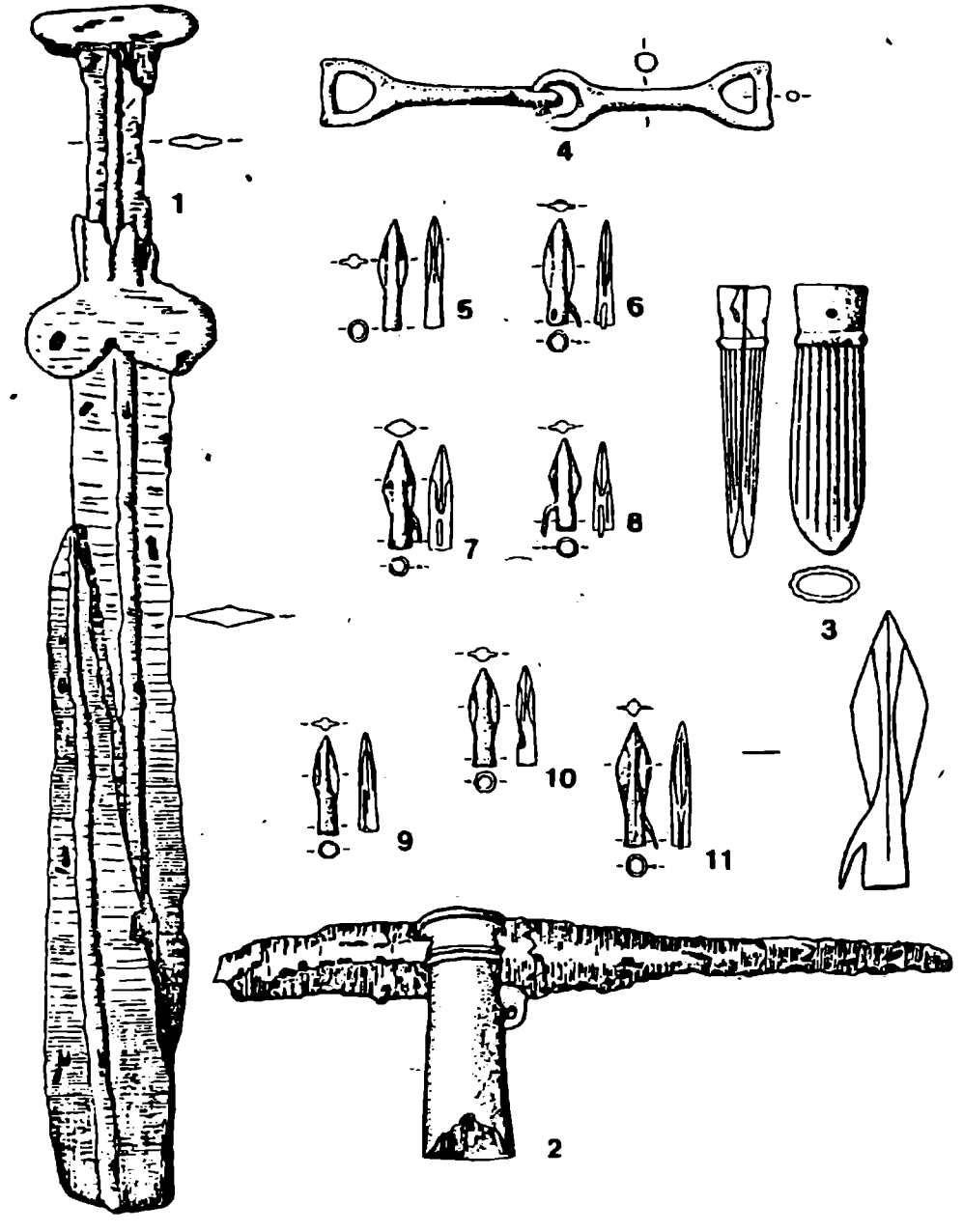


Рис. 2. Имирлер (по Г. Коссаку): *1* — длина 78,8 см; *2* — длина 28,2 см, высота — 9,7 см; *3* — длина 11,3 см, ширина 2,2 см; *4* — длина 18,5 см; *5—11* — 3,9—4,9 см. *1* — железо; *2* — бронза и железо; *3—11* — бронза

видными удилами, бронзовой палочкой-застежкой (закавказский тип?). Остальные вещи урартские: кольчатые удила с витыми стержнями, изогнутые ножи [10], копья, топор[11] (рис. 3) [35, с. 258—260, рис. 4]. В Урарту около середины VIII в. произошла смена конского убора. Вместо древневосточного типа удил с напускными подвижными псалиями и громоздких налобников стали использоваться однокольчатые удила, часто с витыми стержнями и разъемные трехдырчатые

[10] Урартские кривые ножи ни типологически, ни хронологически не связаны со скифскими [34, с. 62]. У урартских ножей длинное прямое лезвие согнуто под углом к короткому черенку, у скифских короткое плавно изогнутое лезвие и длинный черенок. Они относятся к ССК (VI в.), урартские ножи не позднее середины VII в.

[11] Профиль топора из-за фрагментарности и коррозии плохо восстанавливается. Автор видел приблизительную параллель топору из Старшой Могилы в Аксютинцах [35, с. 263, примеч. 61]. Однако вероятнее местные аналогии.

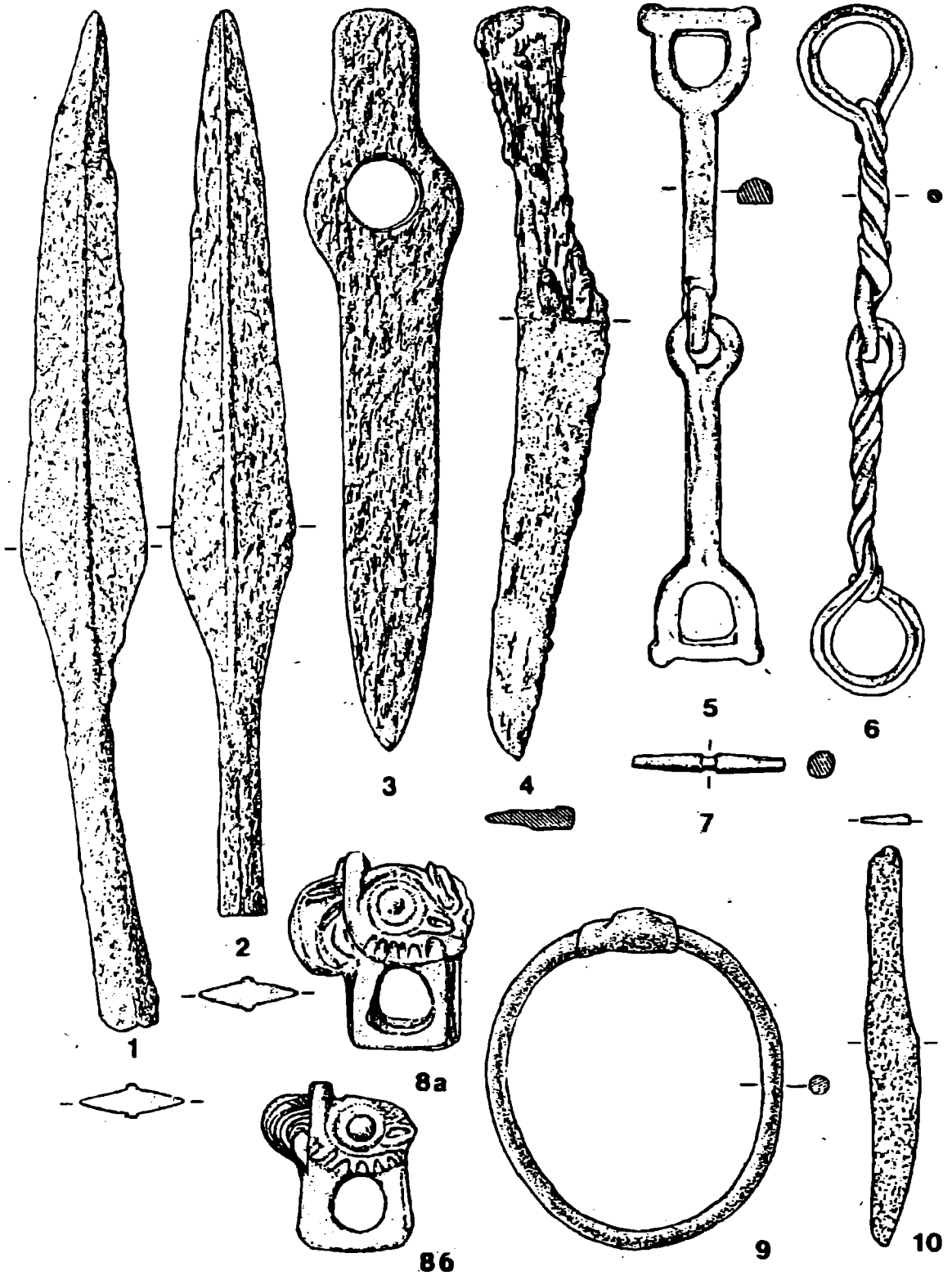


Рис. 3 Норшун тепе (по Г. Хауптману): *1*, *2* — длина 61,5 и 54,5 см, ширина 7,6 и 7,2 см; *3* — длина 22,4 см, высота 4,5 см; *4* — длина 23,3 см, ширина 2,9 см; *5* — длина 20 см, ширина стремечка 3,5 см; *6* — длина 21,8 см, ширина кольца 3,5 см; *7* — длина 4,5 см, ширина 0,6 см; *8,а,б* — высота 2,7 см, ширина 2,2 см; *9* — диаметр 10,2 см, диаметр прута 0,7 см; *10* — длина 16 см, ширина 2,3 см. *1—4*, *10* — железо; *5—9* — бронза

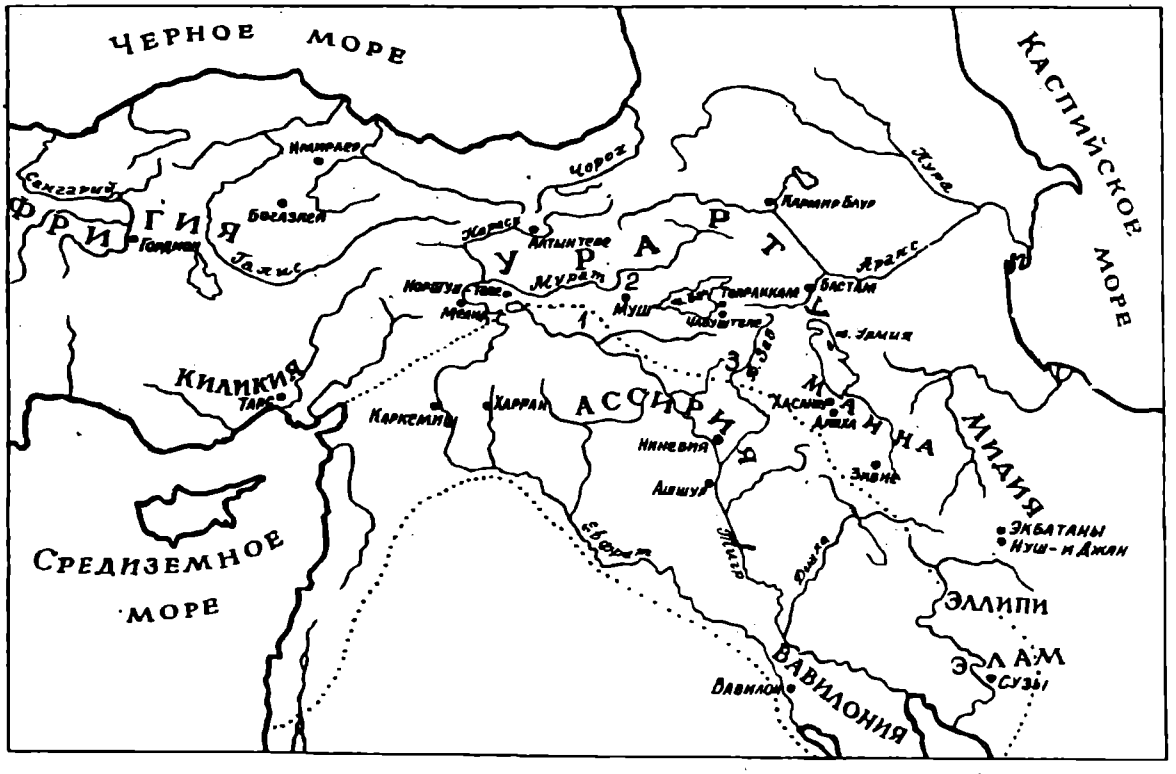


Рис. 4. Древневосточные государства в VII в. до н. э. Пунктиром обозначены границы Ассирийской державы в середине VII в.

псалии, трапециевидные налобники. Удила с крупными кольцами, проникнув в Урарту из зоны распространения гальштатской культуры около середины VIII в., в VII в. продолжали использоваться, кажется, одними урартами [36, с. 2—8, рис. 1—4; 37]. Топор-секира имеет выделенную втулку, смещенную к обуху,— признаки, известные на топорах VIII в. В частности, в Динха тепе III, памятнике, синхронном Хасанлу IV (Иран) [12], в одной из могил инвентарь схож с урартской частью инвентаря Норшун тепе [38, с. 64—67, рис. 36]. Эта могила датируется временем не позднее конца VIII в. Копья из Норшун тепе по пропорциям и форме ромбического пера близки к копьям из урартских крепостей Топраккале, Кармир Блур и Бастам, где найдены также и кривые ножи [39, рис. 72; 40, с. 123—125, рис. 31; 41, с. 270, рис. 105; 42, рис. 1, *1*, 2, *6*, табл. 37, *2*]. Могила из Норшун тепе перекрыта постройкой, которая была разрушена, по-видимому, во время гибели Урарту. На основании стратиграфии погребение датировано первой половиной VII в. [5, с. 63].

Как долго в VII в. использовались урартами вооружение и конский убор, сложившийся еще в VIII в., известный по Норшун тепе и другим урартским памятникам? Ответ на этот вопрос лежит в датировке урартских крепостей Бастам и Кармир Блур и в данных письменных источников. Причем клинописные источники предельно уточняют дату кочевнических древностей Ирана и Турции.

Кармир Блур и Бастам были построены Русой II (685—645 гг. до н. э.) [13]. Обе крепости погибли в огне и больше не перестраивались. Время гибели Кармир Блура около 590/585 г. было установлено по письменным источникам: Урарту упоминалось в хронике вавилонского царя Набопаласара от 609/08 г. и в проклятиях пророка Иеремии в 594 г. Исследователи считали, что гибель Кармир

[12] Обоснование даты Хасанлу IV и Динха III IX—VIII вв. до н. э. вместо X—IX вв., предложенной авторами раскопок, см. в [36; 37].

[13] М. Сальвини относит смерть Русы II к 655/54 г. до н. э. [42, с. 78, примеч. 22].

Блура и в целом Урарту не могла предшествовать этим датам [43 с. 116]. Имена последних урартских царей официальными документами не засвидетельствованы: они встречаются на печатях и в надписях на предметах. Эти лица носили имена урартского царствующего дома, что и позволяло считать их царями. Последним в ассирийских анналах в 644 г. был упомянут урартский царь Сардури III. Между этим годом и предполагаемой датой падения царства между 609 и 590—585 гг. и помещались имена реконструируемых царей [44, с. 29]. Установленная таким образом дата гибели Кармир Блура в значительной степени определила датировку скифских вещей, найденных в крепости, и скифской архаики в целом.

Пересмотр времени гибели Урарту, и следовательно Кармир Блура, начался в связи с исследованиями немецких археологов в Бастаме (Северо-Западный Иран) (рис. 4). Пожар в Бастаме имеет довольно точную дату: в одном из помещений найдено огромное количество обгоревших костей копытных животных, среди которых около 1200 булл с именами только одного урартского царя Русы II и нескольких принцев. Эта находка позволяет предполагать, что город не мог погибнуть позднее года смерти этого царя [45, с. 78]. Причины гибели крепости С. Кроль, У. Зайдль и др. видят в общем крушении Урарту. И если немецкие исследователи первоначально исходили из хронологии советских урартологов, то сейчас они отказываются от нее и относят время гибели Урарту не к началу VI в., а к середине VII в. до н. э. [46, с. 169].

В Бастаме У. Зайдль выделила два типа печатей. Преобладают печати с именем Русы, они имеют характерные признаки царской печати: изображение льва и зонтик над фигурой царя. Эти признаки столь существенны, что иногда в легенде на печати отсутствует сам титул «царь». На печатях же царевичей имена их владельцев и содержание рисунка считались недостаточными и удостоверение данной печати обеспечивалось титулом «принц» [46, с. 161, 162; 47, с. 137—146; 48, с. 145—152]. По мнению У. Зайдль и С. Кроля, печати с династическими именами урартского царствующего дома являлись печатями принцев, которые занимали высокие административные посты. Они действовали в качестве представителя царя. Принцы, чьи печати найдены в Бастаме, очевидно, были современниками Русы II. До тех пор пока имена принцев не засвидетельствованы печатями царского типа или царской титулатурой, они только принцы. Поэтому установление дополнительных урартских царей для второй половины VII в. только на основании этих имен, как предлагали И. М. Дьяконов, Б. Б. Пиотровский, Н. В. Арутюнян, М. Сальвини, по мнению немецких исследователей, пока голько недоказанная гипотеза [45, с. 78]. Если развивать выводы немецких исследователей, то скифские древности из Кармир Блура не могут датироваться второй половиной VII в. до н. э., что и будет показано ниже.

В речи пророка Иеремии в 594 г. противниками Вавилона названы царства скифов, Урарту, Манна и Мидия (Иеремия 51, 27—28). Критическое отношение к возможности использования этой даты урартологами уже высказывалось [46, с. 167, 168]. Существует обширная литература, оспаривающая подлинность этой фразы у Иеремии и предполагающая время ее поздней вставки. Часть исследователей считает проклятие Иеремии, включающее перечисленные страны, литературным топосом, который использовался иудеями уже в VII в., но направленным не в адрес Вавилона, а Ассирии, например, в годы, предшествующие отпадению Иудеи от Ассирии в 628 г. И в этом случае перечень стран у Иеремии с исторической точки зрения — анахронизм [49, с. 75, 76]. С. Завадский полагает, что этот топос мог использоваться в Иудее даже в первой половине VII в., когда все эти страны и народы были реальными врагами Ассирии [50, с. 151, 152]. Можно согласиться со сторонниками радикального непризнания достоверности даты и перечня стран у Иеремии. Но даже оставаясь на стороне тех, кто признает достоверность того и другого, нетрудно убедиться, что свидетельство Иеремии не доказывает существование Урарту и скифов на Древнем Востоке в начале VI в. до н. э. Противоречие, возникающее между свидетельством Иеремии и

проистекающим из других данных очевидным уходом с политической арены Урарту, Манны и скифов задолго до 594 г., кажущееся. Иеремия мог назвать эти царства в 594 г., но в каком смысле? Анализ текста, проведенный И. М. Дьяконовым [51], позволяет предполагать, что перечисленные им царства — это административные области в составе Мидии, сохранившие лишь свои названия.

Что касается Урарту, то Иеремия мог под этим старым названием подразумевать также и Армянское царство. Еще в ахеменидское время «армянские сатрапии продолжали и у вавилонян называться „Урарту", хотя сами персы называли их Армина» [7, с. 354]. Не является свидетельством существования царства Урарту в конце VII в. и вавилонская хроника Набопаласара, описывающая события войны 616—609 гг. Можно утверждать, что в ней под 609/08 г. Урарту упоминается в качестве географического понятия, куда включались и территории, никогда не бывшие в составе Урартского царства [49, с. 78; 52, с. 40—44]. В 608 г. Набопаласар дошел до области страны Урашту. Речь идет о походе в Бит Ханунию (район Муша — Эрзерума). Одной из целей похода могло быть желание Набопаласара отрезать Малую Азию от Мидии [52, с. 43, 44]. Это свидетельство важно с двух сторон: во-первых, вавилонский царь вторгается на территорию Урарту в связи со своими политическими планами, которые не имеют прямого отношения к Урарту, а связаны с Мидией,— значит, Урарту как единое государство уже не существует; во-вторых, речь идет о возможном продвижении Мидии в район западнее оз. Ван. Итак, идет война против Ассирии, которая привела ее к гибели. Против нее воюют Вавилония и Мидия. Урартский царь не выступает в военных действиях, и это в такой критический момент, когда пришли в движение все реальные силы Древнего Востока! Манна, верный союзник Ассирии последние 40 лет, еще в 616 г. выступает на ее стороне, но после этого года уже не упоминается. Вступая в войну, Мидия не могла оставить в своем тылу ассирийского союзника Манну [53, с. 439—454]. Включается в войну союзник Ассирии египетский фараон. Если бы к началу войны Урарту не погибло, оно было бы союзником Ассирии. Дело в том, что в последний период своего царствования Урарту было в некоторой зависимости от Ассирии: в 644/43 гг., вступая на престол, Сардури III называет ассирийского царя своим господином, что на дипломатическом языке означало зависимость. Наверное, он надеялся с помощью Ассирии спасти остатки своего царства. Очевидно, в это время у них были общие враги, которые и привели их поочередно к гибели. Ведь уже Руса II, отец Сардури III, осознает опасность, надвигавшуюся с востока, он начинает сооружать мощный заслон из крепостей, построив помимо Бастама и Кармир Блура еще ряд крепостей между Араксом и Урмией. И все они погибли одновременно [54, с. 175, рис. 45, 46]. Так что же это была за сила? Кто обезвредил потенциальных союзников Ассирии, прежде чем перейти в наступление?

Принято считать, что именно скифы были наиболее активной силой в этом регионе во второй половине VII в. С. Кроль считал, что политическая переориентация Русы II в сторону Ассирии и дополнительное укрепление уже давно завоеванных земель на восточной периферии Урарту были вызваны возникшей на востоке опасностью со стороны скифов [54, с. 175]. Хотя трудно себе представить, каким образом неприступные крепости, расположенные на расстоянии друг от друга, могли препятствовать рейдам скифов, не умевших взять их и не нуждавшихся в этом: завоевание и разрушение крепостей нужно тем, кто ведет тотальное завоевание страны. И несмотря на то что урарты при Русе II, судя по письменным источникам, не только не враждовали, но действовали совместно с кочевниками, все равно скифам приписывается разрушение урартских крепостей, участие скифов в войне против Ассирии и разрушение Ниневии в 612 г. и многие другие шумные акции по всей Передней Азии. Какова реальная база для таких представлений?

Участвовали ли скифы в войне против Ассирии? От решения этого вопроса зависит оценка роли скифов в международной политике того времени. В хронике

Набопаласара, описывающей события войны, скифы не упоминаются. Участниками антиассирийской коалиции названы вавилоняне, мидийцы и некие умман-манда. Гипотеза о тройственной коалиции — Вавилон, Мидия и скифы — против Ассирии была впервые высказана в 20-е годы издателем этой хроники С. Дж. Гэддом, который под этим термином подразумевал скифов. Умман-манда принадлежит к терминологии литературы гаданий и не имеет постоянного значения [55, с. 46—67], но в другом тексте под умман-манда гадатели действительно подразумевали киммерийцев. По существу только это отождествление, сделанное Дж. Леви и принятое С. Дж. Гэддом, лежит в основе гипотезы о тройственной коалиции. Но именно в силу специфики этого термина нельзя автоматически переносить расшифровку термина из одного текста в другой. Против этого постоянно выступает И. М. Дьяконов: анализ хроники Гэдда и сопоставление сведений об участниках антиассирийской коалиции в других источниках позволили ему уже в 1951 г. настаивать на исключении скифов из числа победителей Ассирии [56, с. 31, 35—38]. Позднее последовал его призыв «положить конец спору» о количестве союзников [52, с. 40], что и сделал недавно польский ассириолог С. Завадский. Отсылая читателя к его работе [50], остановимся на двух положениях его исследования, которые являются решающими в вопросе о присутствии скифов в регионе во второй половине VII в. до н. э.

С. Завадскому удалось объяснить события 613 г. Одним из важных аргументов в защиту тройственной коалиции считалось отсутствие в хронике сведений об участии Мидии в военных действиях 613 г. Предполагалось, что вторжение скифов в 614 г. прервало осаду мидянами Ниневии и вынудило их к сопротивлению в 613 г. Однако события, как показал С. Завадский, развивались иначе. В 613 г. в Вавилоне вспыхнуло проассирийское восстание, Набопаласар почти терял власть, а Ассирия еще могла изменить ситуацию в свою пользу. Но будущее обоих государств было предопределено интервенцией Мидии, пришедшей на помощь Вавилону. Восстание было разгромлено, вавилонский царь сохранил свою власть, а судьба Ассирии была решена: на следующий год пала Ниневия, и вскоре царство перестало существовать [50, гл. IV]. Однако в хронике о Мидии не сказано ни слова, а восстание описано как событие местного значения. Дело в том, что хроника Гэдда не является первоначальной версией событий. Это новая редакция текста, сделанная в начале VI в., когда отношения между недавними союзниками ухудшились. В результате пересмотра роли подлинных участников войны значение Мидии в войне и в хронике искажено [50, гл. V] [14].

Эти аспекты исследования С. Завадского позволяют окончательно понять лидирующую роль Мидии в событиях войны против Ассирии. Становится очевидным, что рост мощи Мидии, начавшийся с 60-х годов, и был той угрозой, от которой хотел спасти свое царство Руса II, воздвигая крепостной заслон от Аракса до Урмии. Мощь государства обеспечивалась в первую очередь территориальным захватом. Вступая в войну с Ассирией, Мидия должна была закончить первый этап экспансии, что обеспечило бы ей безопасность на флангах. И в первую очередь Мидия должна была обезопасить свои северные пределы. Ведь еще отец Русы II, Аргишти II, совершил поход до самого Каспия и походы могли повториться. Удар Мидии должен был быть направлен как раз на крепостной заслон по линии Аракс — Урмия: это был единственный подступ к Урарту с востока (южное и западное побережье Урмии занимала Манна). В результате захватнической политики Мидии не позднее 40-х годов погибла, во всяком случае, восточная периферия Урарту, даже если не принимать полностью гипотезу немецких урартологов о тотальной гибели Урарту в середине VII в. Если одной из причин вавилонского похода в 608 г. в Бит Ханунию было отделение Мидии

[14] Филологический анализ позволил обнаружить нарушения текста, вызванные его новой редакцией: с целью принизить роль Мидии вычеркивалось словосочетание «царь Мидии» и вставлялось «царь Умман-манды», нарушились блоки, описывающие стандартные военные ситуации и т. п.

от Малой Азии, то результаты экспансии Мидии на запад за счет Урарту вполне очевидны.

Представив себе геополитическую ситуацию во второй половине VII в., нетрудно убедиться в том, что в период политического возвышения Мидии и ее экспансии у нас нет оснований предполагать политическую активность скифов в этом регионе. Ни археологическими, ни клинописными источниками на территории Ирана и Турции во второй половине VII в. они не засвидетельствованы. Следовательно, находки скифских древностей в урартских крепостях и вне их должны датироваться первой половиной VII в. Но это лишь первая степень точности датировки. В пределах первой половины VII в. возможно уточнение на основании клинописных источников.

В VII в. киммерийцы и скифы упоминаются на территории Древнего Востока начиная с 70-х годов, в царствование ассирийского царя Асархаддона. Источники различают их локализацию и политическую ориентацию. В 70-е годы к северу от Ассирии действуют только киммерийцы. Из анналов Асархаддона известно, что уже в 679 г. «произошла резня киммерийцев в Хубишне» (район Киликии). Но этим же годом датируется сделка о покупке огорода в Ниневии, одним из свидетелей которой выступает начальник киммерийского полка (или начальник полка — киммериец). На этом основании предполагается, что после разгрома в Хубишне часть киммерийцев перешла на службу в Ассирию [7, с. 258]. В середине 70-х годов киммерийцы в союзе с фригийским царем нападают на Мелид (полузависимая от Ассирии страна в верховьях Евфрата), что спровоцировало ассирийский поход туда в 675 г. [15]. После 673 г. киммерийцы в союзе с урартами угрожают ассирийскому владычеству в Шубрии (страна в Сасунских горах). Все названные страны расположены западнее оз. Ван, но киммерийцы в союзе с урартами действовали и к юго-востоку от Вана, в Хубушкии (независимая страна в верховьях Большого Заба). По-видимому, киммерийцы, имея союзнические отношения с Урарту, свободно передвигались по его территории. Действия киммерийцев так или иначе были направлены против интересов Ассирии [16], хотя отношения между Урарту и Ассирией были дружественными и омрачились лишь событиями в Шубрии. Ассирия завоевала ее в 673 г. Одной из причин этого было сокрытие там большого числа беженцев из Ассирии и Урарту. И то, что Асархаддон выдал Русе беглецов, свидетельствует о дружбе между ними. Но вскоре следует его запрос к оракулу бога Шамаша о враждебных действиях Русы в Шубрии [58, № 18; 60, № 68а, примеч. 4]. Однако анналы не сообщают о военных столкновениях между обоими царствами. Взаимная заинтересованность в мирных отношениях была обусловлена интересами Ассирии на западе и в Египте, а Руса был занят укреплением восточных рубежей царства, что никак не было связано с кочевниками, бывшими в союзе с ним.

В 60-е годы действия киммерийцев переместились в более отдаленные от Ассирии и Урарту районы Малой Азии. Видимо, тогда и могло произойти нападение киммерийцев на Фригию. Уже между 668 и 665 гг. давление киммерийцев, например, на Лидию было столь тягостным, что она ищет поддержку

---

[15] Точная дата запросов Асархаддона к оракулу бога Шамаша о возможном захвате Мелида фригийцами неясна, но обычно запросы предшествовали действиям Ассирии, т. е. 675 г. Написаны они на вавилонском диалекте аккадского языка, на котором писали до 672 г. [57, с. 112, 114]. Запрос, в котором союзником Фригии названы киммерийцы, полностью опубликован [58, № 1, с. LVI, LXI, LXII].

[16] Представление об относительно мирных отношениях между Ассирией и киммерийцами в 679—673 гг. [7, с. 258; 59, с. 10] нарушается запросом Асархаддона о фригийско-киммерийском союзе против Мелида. Этот запрос делает маловероятным реконструируемый поход киммерийцев и урартов против Фригии в 676/75 г. [61, с. 39]. Если можно соединить свидетельства античных источников о нашествии киммерийцев на Фригию и урартской надписи из Адыльджеваза, содержащей косвенное свидетельство о походе Русы II против страны мушков — Фригии, и рассматривать их как свидетельство совместного похода, что не бесспорно, то относить его к тому времени, когда действовал фригийско-киммерийский союз против Мелида, нет оснований.

у Ассирии. Краткий конспект действий киммерийцев в Малой Азии во второй трети VII в., основанный на тщательном анализе хроник времени Ашшурбанапала, представлен М. Коганом и Х. Тадмором [62, с. 65—85]. До 644 г., когда киммерийцы взяли столицу Лидии г. Сарды, и погиб ее царь Гигес [62, с. 78, 84, примеч. 25; 63, с. 400—409; 64, с. 232] и Малая Азия была разорена вплоть до Эгейского моря, киммерийцы действовали только в Малой Азии [17]. После 639 г. клинописные источники киммерийцев не упоминают [64, с. 407]. Итак, на территории между верховьями Тигра, Евфрата и Большого Заба киммерийцы находились более или менее постоянно только в 70-е годы. Следовательно, все памятники культуры кочевников из этого региона датируются только 70-ми годами VII в. до н. э.

В 70-е годы одновременно с «западными» киммерийцами в Иране действовала другая их часть. Они выступают только как противники Ассирии. Вместе с маннейцами они были союзниками Мидии в ее борьбе против Ассирии: из 22 запросов Асархаддона в связи с мидийским восстанием киммерийцы упомянуты в семи [58, № 43—45, 48—51]. В результате восстания Мидия стала независимым государством около 673 г. [7, с. 266—272, 274]. Между 672 и 669/68 гг. киммерийцы вместе с мидийцами действовали на юге Ирана в Эллипи, что свидетельствует о широком диапазоне их действий в этом регионе [18].

На территории Ирана действовали и скифы, но только до начала мидийского восстания или, точнее, вне связи с ним. Это вытекает из следующего. Восстанию в Мидии предшествовали запросы Асархаддона относительно трудностей сбора там дани [58, № 64—72]. У ассирийцев не было уверенности, что собранная в Мидии дань достигнет Ассирии, а не будет отбита войсками мидийцев, маннейцев, киммерийцев [58, № 65] и скифов [58, № 66, 67, 71]. Обычно действия киммерийцев и скифов независимы друг от друга [58, с. LXII]. Только в связи с их активностью в Бит-Хамбане и Парсумаше, территориях, подвластных Ассирии и расположенных западнее Мидии, можно говорить об их совместных действиях против интересов Ассирии [58, № 35—40]. Скифы были постоянными союзниками Манны. Асархаддон сообщает об уничтожении им скифа Ишпакая, союзника Манны во время ассирийского похода в Манну в 675 г. Этому походу, важному для Ассирии в связи с неспокойной уже тогда обстановкой в Мидии, предшествовало множество запросов ассирийского царя [7, с. 260; 58, с. LX, примеч. 251]. В одном из запросов в связи с совместными действиями скифов и маннеев в Хубушкии подчеркивается, что скифы живут в стране маннеев. Логично думать, что Ассирия, которая понимала, что решительная схватка с Мидией неизбежна, хотела поссорить или ослабить возможных союзников. Это ей отчасти удалось сделать. После похода в Манну и гибели Ишпакая его сын Партатуа пошел на переговоры и в качестве цены своей дружбы и союза с Ассирией просил руки ассирийской царевны [58, № 20]. Следствием этого вероятного события и можно объяснить тот факт, что скифы блистают своим отсутствием в главном событии этого времени в регионе — в мидийском восстании. Ни в одном запросе относительно военных действий в ходе восстания скифы в отличие от киммерийцев не упомянуты. Поскольку Манна оставалась союзником Мидии еще более 10 лет[19] и, следовательно, была врагом Ассирии, дальнейшее пребывание скифов в Манне мало вероятно. Невозможно считать, что скифы, базируясь в Манне всего несколько лет, могли создать «царство», которое к тому же укрепилось политически в результате победы Мидии [7, с. 280]. Скифы не имели никакого отношения к мидийскому восстанию. Кроме упомянутых сведений о скифах, они нигде и

[17] Только один раз анналы сообщают между 643/42 и 639 гг. о бесплодной атаке киммерийцев на северо-западные границы Ассирии [62, с. 84; 63, с. 407; 64, с. 232, 241].

[18] Запросы в связи с Эллипи [58, № 79, 80] сделаны от имени кронпринца Ашшурбанапала, которым он был объявлен в 672 г., а в 669/68 г. он стал царем. Относить их ко времени мидийского восстания [7, с. 281, примеч. 4] нельзя и потому, что они написаны на новоассирийском диалекте, который стал использоваться после 672 г. [57, с. 112].

[19] Манна стала союзником Ассирии около 660 г. и оставалась им до 616 г.

никогда более клинописными источниками не засвидетельствованы. В 60-е годы и киммерийцы также не упоминаются в этом регионе. Последний ассирийский поход в Манну и Мидию состоялся около 660 г., кочевники в связи с ним не упоминались.

О степени значимости скифов и киммерийцев для ассирийцев свидетельствуют запросы Асархаддона о возможных мятежах против Ассирии: в обширном списке народов среди эламитов, хеттов, арамеев, филистимлян, египтян, нубийцев, маннеев, мидийцев названы только киммерийцы [58, № 139, 142, 144]. Очевидно, что ассирийцы не ставили скифов на один уровень с киммерийцами. История скифов на Древнем Востоке — лишь небольшой эпизод в царствование Асархаддона.

Анализ геополитической ситуации VII в. до н. э., письменные свидетельства современников и археологический материал позволяют прийти к следующему заключению. В восточном регионе Ближнего Востока (Восточная Турция, Иран) памятники кочевников датируются 70-ми годами VII в. Немногочисленность памятников подтверждает непродолжительность их пребывания в регионе. В Малой Азии присутствие кочевников фиксируется и 40-ми годами VII в. Памятники, найденные на территории Урарту и прилегающих землях, определенно принадлежали киммерийцам; в Иране, в приурмийском районе (Манна), очевидно, скифам, в Мидии (Нуш- и Джан тепе), в Восточном Луристане — скорее киммерийцам. Очевидно, что и те и другие пользовались одинаковым оружием и конским снаряжением, соответствующим 2-му этапу РСК. Появление уже в 70-е годы культуры номадов в этом регионе доказывает сложение 2-го этапа РСК к северу от Кавказа не позднее 90—80 гг. VII в. Это одна хронологическая привязка. Вторая постулируется следующим образом. Судя по тому, что находки в Иране и Турции типологически сходны, культура номадов (и киммерийцев, и скифов) была единой [65, с. 132], без заметных отличий. Но, согласно письменным источникам, эту культуру в первую очередь следует называть киммерийской, а скифской — во вторую. Киммерийцы проникают на Древний Восток и действуют в пределах северных границ Урарту в 722—715 гг. еще в царствование Саргона II, что доказывает сам факт существования культуры номадов, ее 1-го этапа, в последней трети VIII в. [20]. Следовательно, сложение его в евразийских степях можно относить по крайней мере к середине VIII в., когда начались контакты номадов с различными автохтонными племенами.

Ассирийцы — современники киммерийцев и скифов на Древнем Востоке, поэтому их датированные свидетельства должны иметь приоритетное значение. Если их информация не совпадает с данными античных источников, этому нужно искать объяснение. В сочетании с археологическим материалом они формируют прочную базу для хронологии киммерийско-скифской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Галанина Л. К.* Раннескифские уздечные наборы//АСГЭ. 1983. Вып. 24.
2. *Петренко В. Г.* Скифская культура на Северном Кавказе//АСГЭ. 1983. Вып. 23.
3. *Полін С. В.* Хронологія раннескіфських пам'яток//Археологія. 1987. № 59.
4. *Петренко В. Г.* К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья//Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990.
5. *Kossack G.* Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils//Skythika. München, 1987.
6. *Кисель В. А.* О серебряном зеркале из Келермеса//Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989.
7. *Дьяконов И. М.* История Мидии. М.; Л., 1956.
8. *Вязмитина М. И.* Ранние памятники скифского звериного стиля//СА. 1963. № 2.
9. *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев: Наук. думка, 1975.

[20] Костяные пластины из Кармир Блура, одна из которых украшена характерными для 1-го этапа РСК врезными треугольниками, были спрятаны вместе со священным царским оружием конца IX—VIII в., перенесенным сюда из Эребуни при постройке Тейшебаини. Эти пластины могли попасть в Эребуни в VIII в. во время первоначального проникновения киммерийцев на Древний Восток [66, с. 16—19, 43—46, рис. 9].

10. *Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А.* Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного правобережья. Киев: Наук. думка, 1989.
11. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
12. *Галанина Л. К.* К проблеме взаимоотношений скифов с меотами//СА. 1985. № 3.
13. *Рабинович Б. З.* О датировке некоторых скифских курганов Среднего Поднепровья//СА. 1936. № 1.
14. *Смирнова Г. И.* Культурно-исторические процессы скифского времени в Прикарпатье в конце II — первой половине I тысячелетия до н. э. по материалам западно-украинской экспедиции//Итоги археологических экспедиций Гос. Эрмитажа. Л., 1989.
15. *Галанина Л. К., Алексеев А. Ю.* Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время//АСГЭ. 1990. Вып. 30.
16. *Скорый С. А.* Курган Переп'ятиха. Киев: Наук. думка, 1990.
17. *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени на Среднем Днепре//КСИИМК. 1953. Вып. 51.
18. *Ковпаненко Г. Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев: Наук. думка, 1981.
19. *Евдокимов Г. Л., Мурзин В. Ю.* Раннескифское погребение с оружием из Херсонской области//Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наук. думка, 1984.
20. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов//САИ. 1964. Вып. Д 1—4.
21. *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного левобережья. Киев: Наук. думка, 1968.
22. *Алексеев А. Ю.* Хронография Скифии VII—III вв. до н. э. (рукопись 1991 г. хранится в Гос. Эрмитаже).
23. *Галанина Л. К.* Скифские древности Поднепровья//САИ. 1977. Вып. Д 1-33.
24. *Батчаев В. М.* Курганы скифского времени у селения Нартан//Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. Нальчик, 1985.
25. *Барцева Т. Б.* Химический состав цветного металла из курганного могильника у селения Нартан//Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. Нальчик, 1985.
26. *Иллінська В. А.* Бронзові наконечники стріл так званного жаботинського типів//Археологія. 1973. № 12.
27. *Есаян С. А., Погребова М. Н.* Скифские памятники Закавказья. М., 1985.
28. *Медведская И. Н.* Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийских степей II — первой половины I тыс. до н. э.//СА. 1980. № 4.
29. *Ünal V.* Zwei Gräber eurasischer Reiternomaden im nördlichen Zentralanatolien//Beiträge zur Allgemeinen und vergleichenden Archäologie. München, 1982. B. 4.
30. *Boehmer R. M.* Die Kleinfunde von Boğazköy. B., 1972.
31. *Cleuziou S.* Les pointes de flèches «scythiques» au Proche et Moyen-Orient. Le Plateau Iranien et l'Asie Centrale des Origines à la Conquête Islamique//Colloques Internationaux du C.N.R.S. № 567. P., 1977.
32. *Curtis J.* Nush-i Jan III. The Small Finds. L., 1984.
33. *Пиотровский Б. Б.* Скифы и Урарту//ВДИ. 1989. № 4.
34. *Погребова М. Н.* Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.
35. *Hauptmann H.* Neue Funde eurasischer Steppennomaden in Kleinasien//Beiträge zur Altertumskunde Kleinasiens. Festschrift für K. Bittel. Mainz am Rhein, 1983.
36. *Medvedskaya I. N.* Who Destroyed Hasanlu IV? Iran. 1988. V. XXVI.
37. *Medvedskaya I. N.* Once more on the Destruction of Hasanlu IV: Problems of Dating//Iranica Antiqua. 1991. V. XXVI.
38. *Muscarella O. W.* The Iron Age at Dinkha Tepe, Iran//Metropolitan Museum J. 1974. V. 9.
39. *Lehmann-Haupt C. F.* Materialien zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens. B., 1907.
40. *Wartke R. B.* Toprakkale. Untersuchungen zu den Metallobjekten im Vorderasiatischen Museum zu Berlin//Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients. B., 1990. B. 22.
41. *Мартиросян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1969.
42. *Kroll S.* Die Kleinfunde//Bastam II, Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1977—1978. B., 1988.
43. *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство. М., 1959.
44. *Дьяконов И. М.* Урартские письма и документы. М.; Л., 1963.
45. *Kroll S.* Grabungsbericht//Bastam II. Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1977—1978. B., 1988.
46. *Kroll S.* Urartus Untergang in anderer Sicht//Istanbuler Mitteilungen. 1984. B. 34.
47. *Seidl U.* Die Siegelbilder//Bastam I. Ausgrabungen in den Urartäischen Anlagen 1972—1975. B., 1979.
48. *Seidl U.* Die Siegelbilder//Bastam II. Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1977—1978. B., 1988.
49. *Kessler K.* Zu dem Beziehungen zwischen Urartu und Mesopotamien//Das Reich Urartu. Hrsg. von V. Haas. Konstanz, 1986 (Xenia. Konstanzer Althistorische Vortrage und Forschungen. Ht 17).
50. *Zawadzki S.* The Fall of Assyria and Median-Babylonian Relations in Light of the Nabopolassar Chronicle. Poznan; Delft, 1988.
51. *Медведская И. Н.* Рец. на кн.: *Zawadzki S.* The Fall of Assyria and Median-Babylonian Relations in Light of the Nabopolassar Chronicle//ВДИ. 1992. № 1.

52. *Дьяконов И. М.* Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э. и северные походы вавилонских царей//ВДИ. 1981. № 2.
53. *Medvedskaya I.* The End of Urartian Presence in the Region of Lake Urmia//Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in Honorem Louis Vanden Berghe. Gent., 1989.
54. *Kroll S.* Keramik Urartäischer Festungen in Iran. AMI. Ergänzungsban band 2. B., 1976.
55. *Komoroczy G.* Umman-manda//Acta Antiqua Scientiarum Hungaricae. 1977. V. 25.
56. *Дьяконов И. М.* Последние годы урартского государства по ассиро-вавилонским источникам//ВДИ. 1951. № 2.
57. *Aro J.* Remarks on the Practice of Extispicy in the time of Esarhaddon and Ashurbanipal//CRRAI. 1966. 14.
58. *Starr I.* Queries to the Sungod//State Archives of Assyria, IV. Helsinki, 1990.
59. *Wiseman D. J.* The Vassal-Treaties of Esarhaddon//Iraq. 1958. V. XX. 1.
60. *Дьяконов И. М.* Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту//ВДИ. 1951. № 3.
61. *Меликишвили Г. А.* Вопросы социально-экономической истории Урарту//ВДИ. 1951. № 4.
62. *Cogan M., Tadmor H.* Gyges and Ashurbanipal. A Study in Literary Transmission//Orientalia. 1977. V. 46. 1.
63. *Spalinger A.* The Date of the Death of Gyges and its Historical Implications//JAOS. 1978. V. 98. 4.
64. *Grayson A. K.* The Chronology of the Reign of Ashurbanipal//ZA. 1980. V. 70.
65. *Diakonoff I. M.* The Cimmerians//Acta Iranica. 1981. V. VII. (Monumentum Georg Morgenstierne I).
66. *Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур III. Ереван, 1955.

Санкт-Петербургский филиал Института
востоковедения РАН

L. N. MEDVEDSKAYA

THE PERIODISATION OF THE SCYTHIAN ARCHAIC PERIOD AND THE ANCIENT ORIENT

Summary

The article is added the chronological proof-reading of three stages of the Early Scythian Culture (ESC) on the foundation of archaeological data and written sources of the Ancient Orient. The table includes all basic sites of Scythian archaic period and it allowed the author to expose the key collections of implements for every stage. This part of the article demonstrates that the Scythian antiquities from Eastern Turkey and Eastern Iran correspond to the implements of the second stage of the ESC. The analysis of geopolitical situation in the VII century B. C., Assyrian written sources synchronous to the Cymmery and the Scythians and archaeological data allow to conclude that the sites of nomads on this territory may be dated only to the 70-years of the VII century B. C. (in Western Turkey the data may include the 40-years of the VII century B. C.). Therefore the second stage of the ESC to the north from Caucasus was formed not later than in 80—90 years. Ancient Oriental materials demonstrate the common culture of the Scythians and the Cymmery but in the first instance it was the Cymmerian. The Cymmery penetrated into the Northern Urartu still in the reign of Sargon the Second. This fact proves the existance of nomadic culture, the first stage of ESC in the last third of the VIII century B. C. Therefore the forming of the first stage of ESC may be believed to the middle of the VIII century B. C. when the contacts between nomadic and various autochthons were began.

Г. МАНСФЕЛЬД

ОПЫТ ПЕРИОДИЗАЦИИ СКИФСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Точная фиксация древностей Больших скифских курганов сопряжена с определенными трудностями, так как в них преобладают предметы выдающейся ценности и их штучное изготовление затрудняет сравнение всех этих предметов между собой [1, с. 65—75; 2, с. 38—51].

Насколько трудна эта работа, становится ясным при знакомстве с исследованиями А. Ю. Алексеева, сумевшего связать Большие курганы между собой и разработать их хронологическую последовательность.

В данных заметках предлагается возможный дальнейший путь в этой работе. Исходным пунктом наших размышлений является констатация того, что в Больших курганах кроме выдающихся ценных изделий имелись предметы повседневного употребления, такие, как, например, простое оружие и конская сбруя. Подобные предметы равным образом содержали и не богатые погребения, причем в столь большом количестве, что это дает возможность исследования на основе статистики, позволяющей восстановить хронологическую последовательность поступательных фаз развития этих вещей.

Соответствующая попытка такой периодизации предложена мною в докладе на симпозиуме в Цхалтубо в 1985 г. [3, с. 35—52]. Результаты этой работы представлены в виде схемы периодизации скифских древностей (рисунок).

Можно проверять в деталях и еще более усовершенствовать выделенные ступени (или фазы), так как таблица дает возможность расширить круг привлекаемых рядовых вещей. Такого рода исследованиями в данном направлении являются разработки по наконечникам стрел А. И. Мелюковой [4] и по зеркалам — Т. М. Кузнецовой [5, с. 35—47].

На основании этих исследований можно установить более точную, чем до сих пор, их хронологию.

1. Для упорядочения периодизации Больших скифских курганов и их размещения по определенным ступеням можно привести лишь отдельные примеры. Курган 1 у станицы Костромской (Веселовский, 1897) относится по сочетанию бронзовых и железных удил [6, с. 81, рис. 20] к ступени IIв. Курган у с. Волковцы, хутора Шумейко (Мазараки, 1899) можно по самым поздним частям конской узды [7, с. 46, рис. 24] датировать ступенью IIс, причем по псалиям из бронзы речь может идти о конце ступени, т. е. можно говорить о переходе к ступени IIIа. Курган у Мелитополя можно по псалиям [8, с. 47, рис. 2; с. 51, рис. 4] датировать ступенью IIIв, но по треугольным петлям для повода — относить комплекс к концу ступени, или, возможно, уже к переходу от ступени IIIв к ступени IVа.

Однозначно к ступени IVа как по составу конского снаряжения, так и по топору [9, с. 92, рис. 36; с. 93, рис. 37; с. 104, рис. 43], относится курган 1 из Завадской могилы близ г. Орджоникидзе (Тереножкин, 1972).

Прекрасным примером, характеризующим ступень IVв, представляется конское снаряжение (особенно псалии) из боковой камеры кургана Гайманова могила (Тереножкин, 1968/69) [8, с. 57, рис. 8] близ С. Балки. Сюда, несомненно,

© Г. Мансфельд, 1992 г.

должен быть отнесен и большой курган Толстая могила Чертомлыка (Забелин, 1862/63), поскольку благодаря исчерпывающей публикации наконечников стрел А. Ю. Алексеевым [1, с. 73—77] успешно устанавливается его более правильная и точная хронология. В колчанах обоих «конюхов» в камерах северо-восточной части кургана наряду с древними образцами наконечников стрел найдены стрелы форм ступени IVа [10, с. 74, табл. 1, *10—12*], так же, как и в колчане в нише главной камеры, где кроме них было два наконечника стрел ступени IVв [10, с. 74, табл. 1, *20*]. Это наблюдение говорит о том, что основное погребение и сооружение кургана относились ко времени более раннему, чем начало ступени IVв.

2. Установление хронологической последовательности погребений в курганах возможно и в тех случаях, когда они явно ограблены. В таком случае в погребениях оказываются зачастую рядовые вещи, к которым грабители относились с презрением и оставляли их в могилах нетронутыми. Оставались иногда и достаточно интересные вещи, лежавшие около захоронений лошадей или около дромосов в их погребальные камеры. Так, оказалось возможным найти в хронологической шкале место, например, для кургана Большая Цимбалка, определив его по конскому снаряжению в могиле лошадей [11, табл. 186, 187] ступенью IVа. Таким же образом [12, с. 54—60] определено ступенью IVв место кургана Ак-Бурун (Льяшенко, 1862).

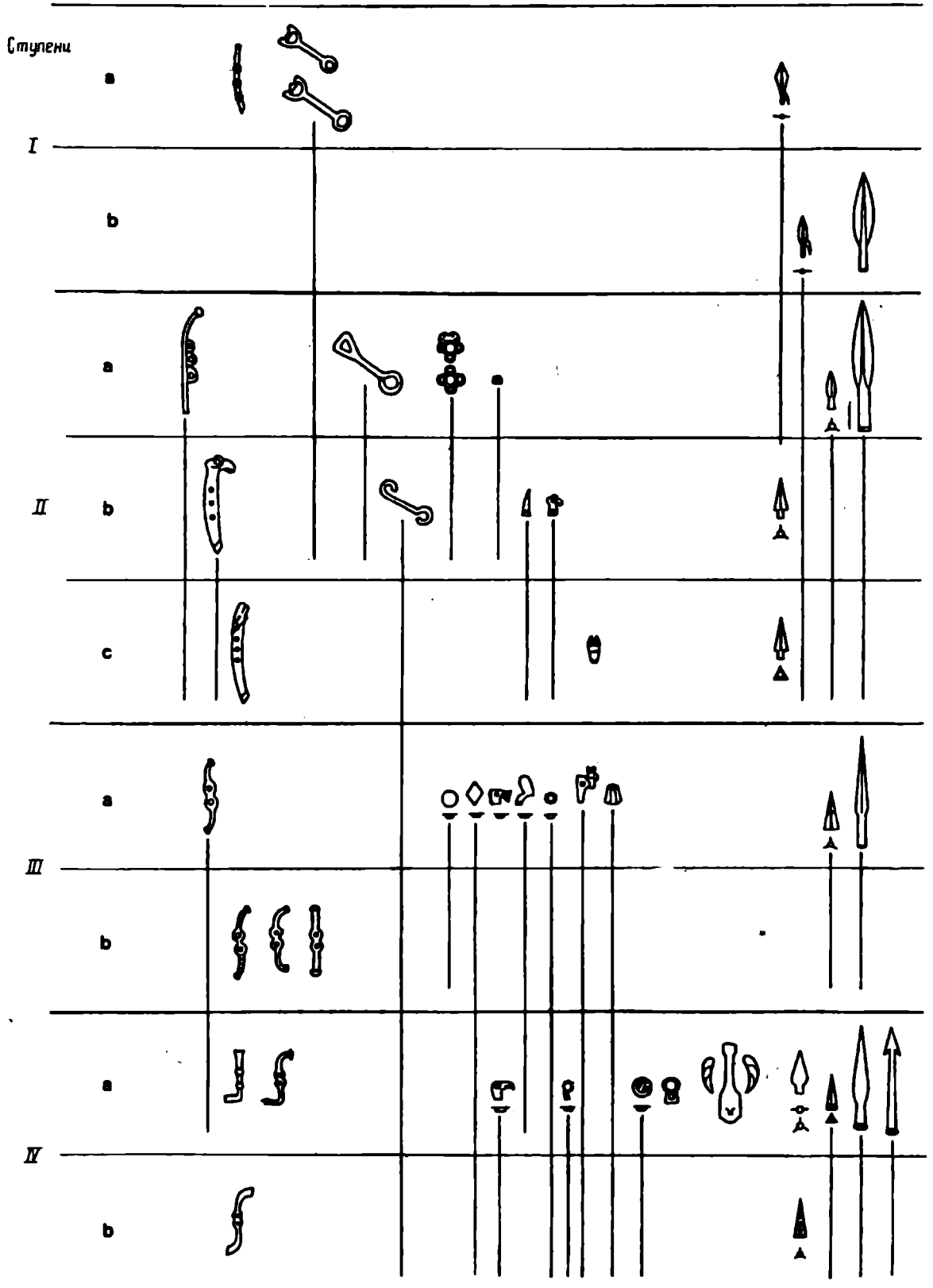
3. Основой для разделения материалов по ступеням может служить хронологическое различие между основным и второстепенными погребениями, расположенными рядом. В большом кургане Луговая могила около Александрополя (Бухтеев, 1851; Терещенко, 1852/53) было трудно определить остатки погребения в центральной могиле. Там из-за двух дромосов можно было предполагать два погребения, не связанных хронологически. Для датировки основного погребения в этом случае может служить узда конского погребения 1, которое по удилам можно отнести к ступени IIIв. [13, табл. VI, *53*]. Все находки из дромосов, входа и камер должны быть при этом отнесены к ступени IVа или даже к ступени IVв, являясь, таким образом, частью инвентаря последующих захоронений.

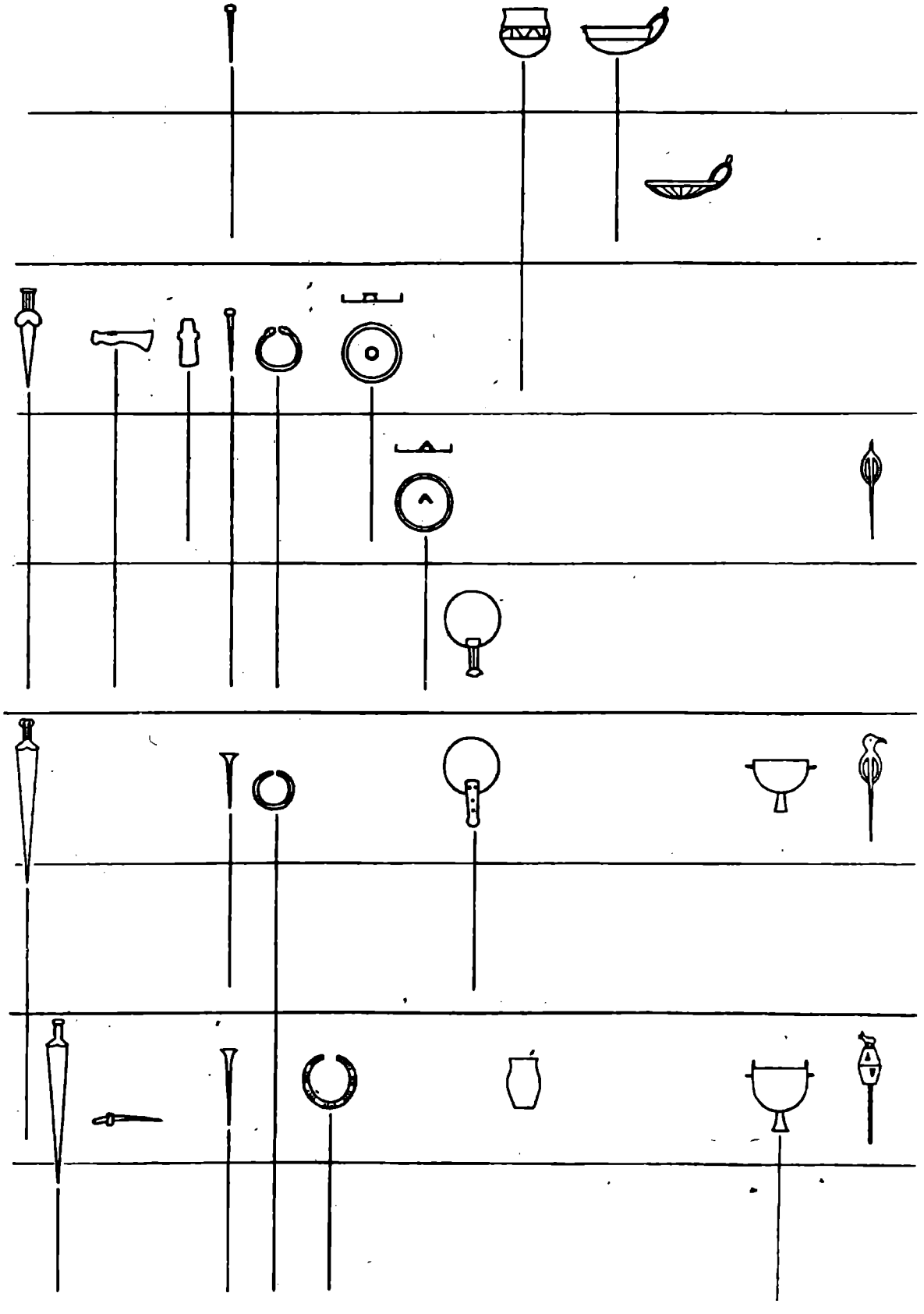
4. На основе предложенной схемы открывается возможность установить соотношение между многими подобными группами курганов. Такое хорошо обоснованное соотношение курганов близ станицы Келермесской (раскопки Шульца и Веселовского) стало возможным благодаря Л. К. Галаниной, опубликовавшей отсюда все остатки конского снаряжения [14, с. 32—55]. На основании комбинации частей конской узды курганы 1 и 2 (из раскопок Шульца) и курганы 1 и 2, раскопанные Веселовским, были отнесены к ступени IIв. Из-за перемешанности инвентаря курганов 3 и 4 (раскопки Шульца) одни вещи отнесены к ступени IIа, другие — к ступени IIс.

В пределах самой ступени IIв курганы 1 и 2 (раскопки Шульца) едва ли старше, чем курганы 1 и 2 (раскопки Веселовского). В пользу последнего говорит состав конского снаряжения в этих курганах. Так, в кургане 1 Веселовского вместе с семью комплектами более древних форм узды (лошади 11—17) находились семь более поздних комплектов (лошади 18—24). Именно поэтому курган 1 Веселовского выглядит немного более древним, чем курган 2, где с четырьмя комплектами более древнего конского снаряжения (лошади 6—7, 9, 13) находилось девять комплектов более поздней узды (лошади 1, 3, 4, 10, 11, 14—16). Различие, впрочем, так незначительно, что одна только конская узда не имеет самостоятельного хронологического значения; в процесс исследования необходимо включать, кроме того, и рядовые предметы.

5. Использование разделения на ступени имеет и другой аспект. Так, предложенный принцип позволяет установить в определенных случаях временной диапазон импортов. При установлении узкодатированных периодов оказывается, что импортные изделия в ряде случаев чаще попадали в могилы. При этом, благодаря своей особо высокой ценности они долго сохранялись и могли через

Схема периодизации скифских дверностей





определенное время попасть в более позднее погребение. Возможно, этот феномен наблюдается и в некоторых скифских погребениях, как, например, в комплексе инвентаря кург. 4, погр. 4 у с. Волковцы (Линниченко, 1898). Погребение это благодаря конскому снаряжению и простеньким женским украшениям [7, табл. 43, 44] относилось к ступени IVa, в то время как золотые украшения и все импорты [7, табл. 41] конца VI в. до н. э. должны относиться к ступени IIc.

Похожее наблюдалось и в кург. 491 у с. Макеевка (Бранденбург, 1901), конское снаряжение и оружие [15, табл. 11, 12] из которого датирует могилу ступенью IVв; набор же импортной керамики был изготовлен, напротив, в начале V в. до н. э. [16, с. 97, рис. 1] и принадлежит поэтому ступени IIIa.

6. При помощи шкалы разделения на ступени стало возможно проследить случайную путаницу в инвентаре и в данном случае пересмотреть и исправить ошибки. Так, можно было бы обосновать бросающееся в глаза в этих последних курганах большое временно́е различие, основанное на путанице.

Эти короткие заметки были задуманы для того, чтобы показать необходимость публикации из неординарных погребений и подкурганных могил не только исключительных, но, по возможности более полно, и рядовых вещей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев А. Ю.* О месте Чертомлыцкого кургана в хронологической системе погребений скифской знати IV—III вв. до н. э. // АС. 1984. Вып. 25.
2. *Алексеев А. Ю.* Хронология Скифии второй половины IV века до н. э. // АС. 1987. Вып. 28.
3. *Mansfeld G.* Zur Periodisierund skythischer Grabfunde // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII—IV вв. до н. э. Симпозиум Мцхет—Цхалтубо—Вани, 1985. Тбилиси, 1988.
4. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д 1-4.
5. *Кузнецова Т. М.* Зеркала из скифских памятников VI—III вв. до н. э. // СА. 1987. 1.
6. *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР // СА. 1953. XVIII.
7. *Ильинская В. А.* Скифы днепровского Левобережья. Киев, 1968.
8. *Ильинская В. А.* Скифская узда IV в. до н. э. // Скифские древности. Киев, 1973.
9. *Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И.* Курганы VI в. до н. э. // Скифы и Кавказ. Киев, 1980.
10. *Алексеев А. Ю.* О наконечниках стрел из Чертомлыцкого кургана // АС, 1983. Вып. 24.
11. *Artamonov M. I.* Treasures from Scythian Tombs. L., 1969.
12. *Каковенко Е. В.* Уздечный набор V в. до н. э. из Восточного Крыма // КСИА. 1970. Вып. 124.
13. *Лазаренко Я.* Александропольский курган // Записки ИРАО. 1895. № 7.
14. *Галанина Л. К.* Раннескифские уздечные наборы // АС. 1983. Вып. 24.
15. *Галанина Л. К.* Скифские древности Приднепровья // САИ. 1977. Вып. Д 1-33.
16. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. // САИ. 1966. Вып. Д 1-27.

Тюбингенский университет,
Германия

G. MANSFELD

ON THE PERIODISATION OF THE SCYTHIAN ANTIQUITIES

Summary

The author proposes a scheme of periodisation of the Scythian antiquity. This report was red by the author on sympozium in Tskhaltubo in 1985. The article gives some examples when the scheme proposed by author, help to distinkt the chronology of the Scythian burial mounds.

Публикации

В. К. ПЯСЕЦКИЙ

МУСТЬЕРСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ЖОРНОВ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СТРАТИГРАФИИ ПАЛЕОЛИТА

На территории бывшего СССР известно уже значительное количество мустьерских местонахождений. Но лишь немногие из них имеют твердую геологическую датировку. К этим последним относится и мустьерский культурный слой местонахождения Жорнов на Ровенщине. Впервые этот слой выявлен в низах паудорфских отложений, что автором было показано ранее [1, 2].

Мустьерский кремень обнаружен в нескольких пунктах местонахождения, что указывает на неоднократное посещение его древними людьми. В пункте 1 раскопано около 10, в пункте 4—200 м² мустьерского слоя. В пункте 4 над мустьерским слоем лежит верхнепалеолитический комплекс с граветтскими элементами, выше раскопана стоянка с инвентарем селетского типа. Между слоем граветтского времени с датой по древесному углю 28100± 500 лет до наших дней (ГИН-4143) и мустьерским слоем вклинивается выделенный, типологически небольшой комплекс находок, происходящий из пункта 2 местонахождения, относимый к развитому ориньяку. Радиоуглеродную дату, полученную по древесному углю из мустьерского слоя (25000± 400 лет, ГИН-4917), нужно считать сильно омоложенной [1].

Паудорфские отложения Жорнова в целом накапливались в относительно благоприятных климатических условиях. Теперь этот вопрос можно уточнить, так как получены предварительные результаты палинологических анализов. По данным палинологов (Г. А. Пашкевич, Институт археологии АН Украины; Л. Г. Базусько, Институт ботаники АН Украины), слои 7, 6 и низы слоя 5 в пункте 4 осаждались в теплых условиях, в лесостепной обстановке. Пыльца деревьев составляет здесь от 18 до 40%. Наряду с пыльцой сосны, которая преобладает, пихты, ели и березы в значительном количестве присутствует пыльца широколиственных пород деревьев: дуба, вяза и липы (в сумме 28—53%). В группе травяно-кустарниковых растений преобладает пыльца маревых, много осоковых и злаков. В группе разнотравья значительный процент составляет пыльца сложноцветных. Присутствует пыльца подорожника, крапивы — тех растений, которые обильно разрастаются в местах обитания человека.

При образовании среднего культурного слоя IIA климат ухудшался. Исчезают широколиственные породы деревьев, появляются кедровая сосна, карликовая береза, ольха, споры гроздовника северного.

Пока не совсем ясна климатическая обстановка времени образования куль-

---

[1] Уголь отбирался летом 1986 г. Не исключено, что он «омоложен» в результате аварии на Чернобыльской АЭС.

© В. К. Пясецкий, 1992 г.

турного слоя I. Слой, 4, заключающий верхний культурный слой, лежит с небольшим эрозионным несогласием на слое 5, поэтому в этот слой (4) могла попасть пыльца из среднего культурного слоя. Но климат в это время все же был более прохладным по сравнению со временем образования мустьерского слоя, так как в слое I нет пыльцы широколиственных деревьев, присутствует пыльца пихты, ели, кедровой сосны, сосны обыкновенной и березы.

Как видим, в Жорнове хорошо выделяются нижний климатический оптимум, менее уверенно — прохладный верхний и разделяющее их похолодание. Этим самым разрез похож на разрез финально-мустьерского местонахождения Точильница на Житомирщине, где обнаружен педокомплекс из двух погребенных почв [2, с. 107, рис. 4], на ряд других разрезов этого времени на Украине, где выявлены две ископаемые почвы; он хорошо сравним с педокомплексом ПКІ Чехословакии, где выявляются два климатических оптимума [3, с. 73, рис. 3]. При этом, по-видимому, нижний климатический оптимум Жорнова можно сравнивать с потеплением арси.

Расщепленный кремень, происходящий из мустьерского слоя, качественный, меловой. Он сильно патинирован — толщина патины достигает 2 мм. Этот факт указывает на определенный временной перерыв между слоями 5 и 6, когда кремень находился на дневной поверхности того времени. В результате этого и под влиянием теплого климата он и был покрыт такой глубокой патиной. Многочисленные геологические разрезы раскопа 1 позволили обрисовать рельеф подошвы слоя 6, к которому в основном приурочен мустьерский культурый слой. Основная площадь стоянки находилась в пределах ровной площадки. Неглубокое понижение вытянуто с северо-запада на юго-восток. Подошва слоя резко погружается в восточном углу раскопа 1. Слой 6, а вместе с ним и культурный слой выклиниваются в восточном направлении (рис. 1, *1*, *2*). Максимальный перепад подошвы слоя 6 составляет 1,3 м.

На стоянке прослежены следы разрушенного кострища (рис. 1, *1*). Концентрация находок незначительна. Наблюдаются слабо выраженные участки с большей концентрацией кремней: участок А вблизи кострища, участок Б, вытянутый с северо-запада на юго-восток, и вытянутый субпараллельно участку Б участок В (рис. 1, *1*). Орудия труда с вторичной обработкой приурочены в основном к участкам А и В. Кремни сильно фрагментированы, леваллуазские острия поломаны все, среди пластин целых — только 5 экз.

Некоторые кремни растрескались под воздействием природных факторов и переместились уже после того, как стоянка была оставлена человеком (рис. 1, *1*). Немало кремней растрескалось, находясь в погребенном состоянии вблизи ледяной жилы, связанной с раннеосташковским этапом криогенеза.

Приведем основные характеристики кремневой индустрии мустьерской стоянки в пункте 4 (табл. 1).

Индекс фасетирования широкий (общий) составляет 62,0, индекс фасетирования узкий — 39,2. Эти индексы значительно выше условных границ (соответственно 45 и 30), разделяющих нефасетированные и фасетированные индустрии.

В целом обращают на себя внимание сравнительно небольшое количество нуклеусов (рис. 2, *1—6*), преобладание отщепов (среди них — вторичных), небольшое количество пластин. Значительная часть чешуек смыта за пределы стоянки. Процент орудий с вторичной обработкой относительно высок, что характерно для стоянок. Наблюдается полный цикл обработки кремня. Высок общий индекс фасетирования ударных площадок. Индекс фасетирования узкий, значительно ниже — тонкофасетированных снятий среди первичных или полупервичных отщепов мало, что закономерно. Расщепление кремня было направлено на получение отщепов, в частности отщепов удлиненной формы. Индекс пластин невысок — 9,6. Он может повыситься до 12,8, если в группу пластин включить не вполне определимые из-за фрагментированности снятия, отнесенные все же к отщепам. Пластины не отличаются выразительностью и стандартом.

Индекс леваллуа определить не представляется возможным из-за сильной

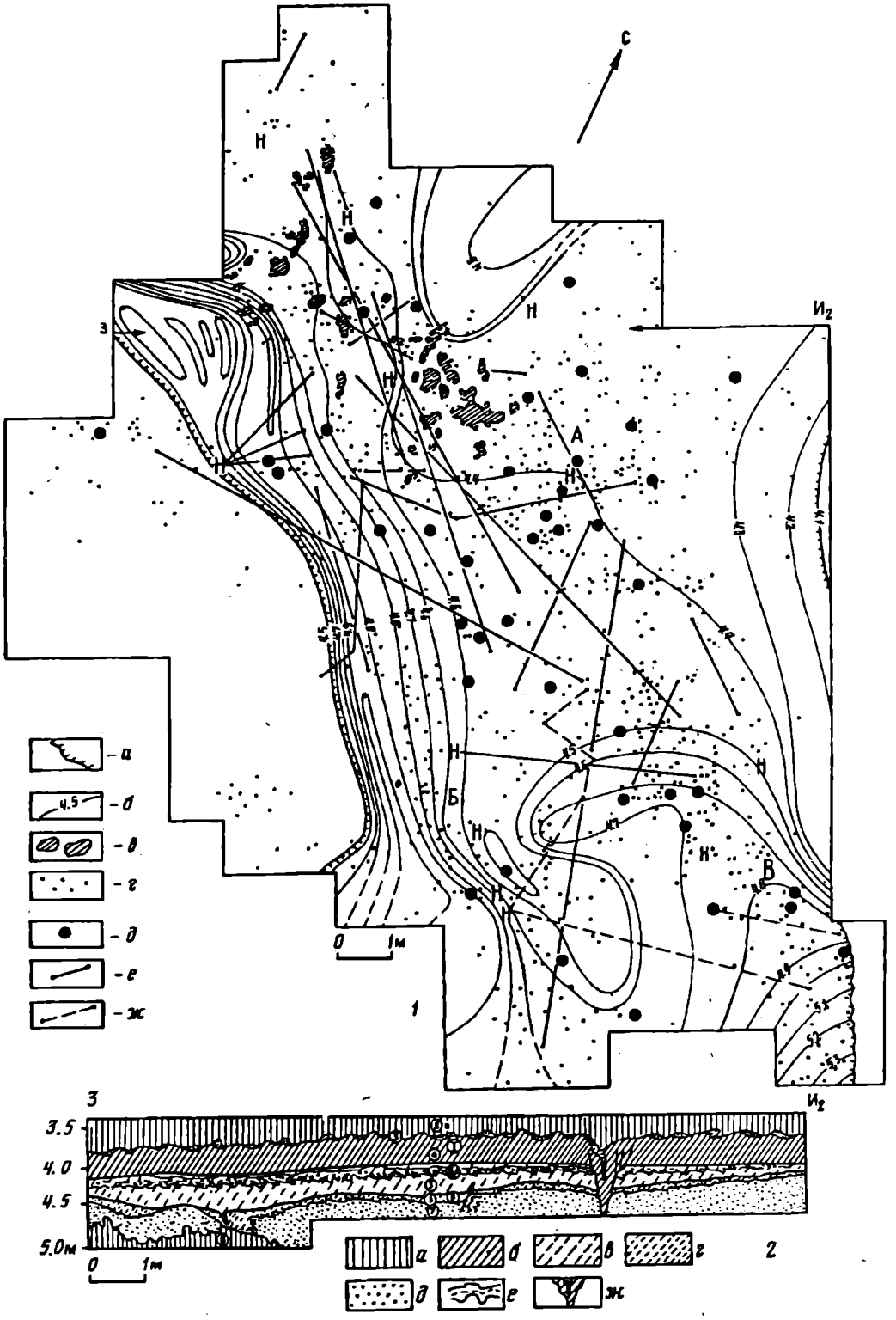


Рис. 1. *1* — план мустьерской стоянки в пункте 4 Жорнова: *а* — граница распространения слоя 6; *б* — глубина залегания подошвы слоя 6 от нулевой точки на современной поверхности; *в* — следы разрушенного кострища; *г* — расщепленные кремни; *д* — кремневые орудия со вторичной обработкой; *е* — связи между поломанными в древности кремнями; *ж* — связи между кремнями, расщепленными под воздействием природных факторов. Н — нуклеусы, А—В — скопления кремневых артефактов. *2* — геологический разрез через стоянку (верхняя часть разреза не показана): *а* — суглинок лёссовидный; *б* — суглинок бурый и сизоватый; *в* — супесь мелкопесчанистая, желтая, неслоистая; *г* — супесь коричневая и серовато-коричневая; переходящая в суглинок; *д* — песок мелкозернистый (в слое 7 местами переходящий в супесь); *е* — прослой с древесным углем; *ж* — псевдоморфоза по ледяной жиле, выполненная суглинком слоя 4 и песком слоя 3 (арабскими цифрами обозначены номера геологического слоя, римскими — культурного слоя)

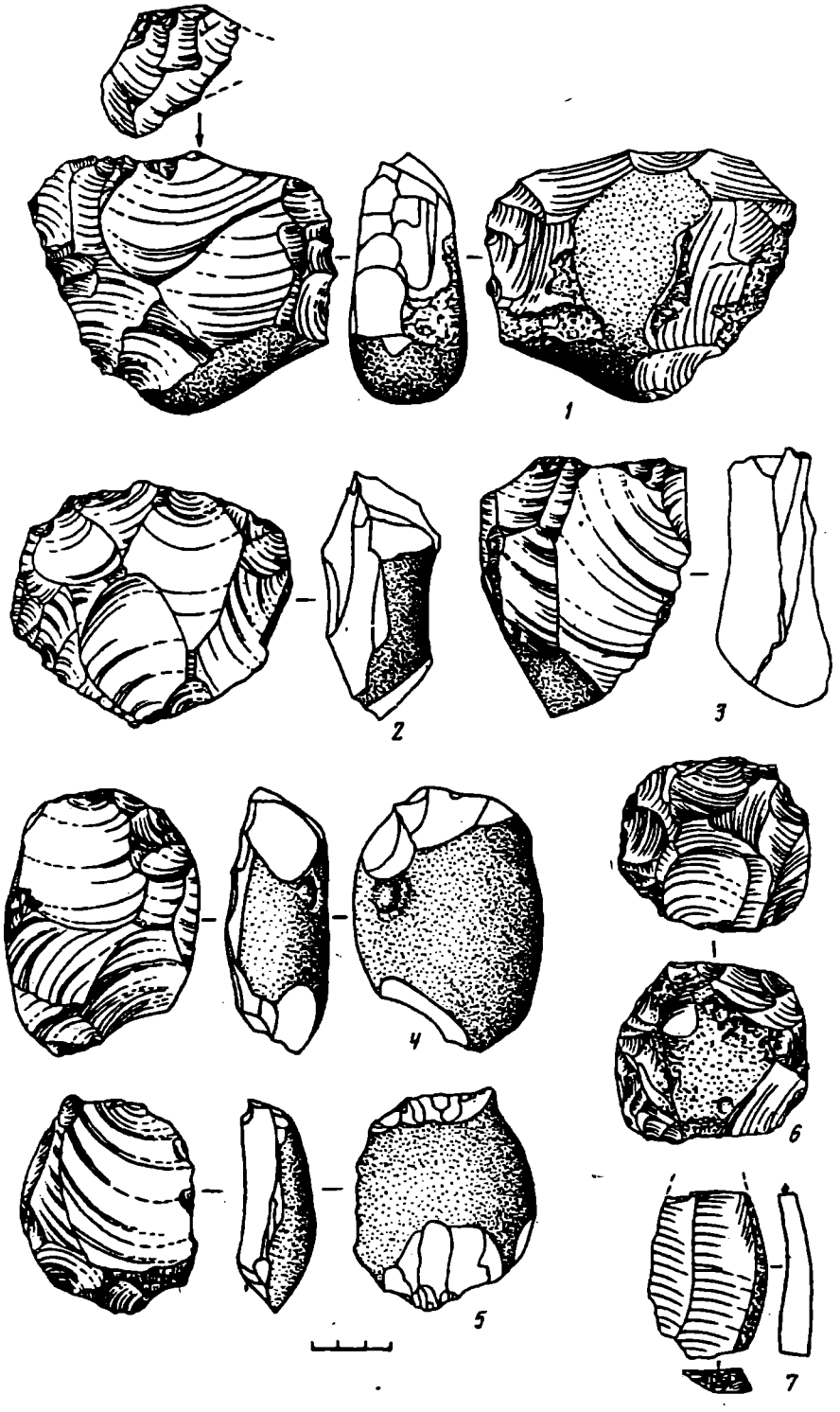


Рис. 2. Нуклеусы (*1—6*) и нож с естественным обушком (*7*). Жорнов, пункт 4

фрагментированности снятий. Но косвенные данные указывают, что индустрия мустьеро-леваллуазская. По нашему мнению, об этом свидетельствует значительное количество среди вторичных отщепов снятий с тонкофасетированными ударными площадками, особенно с площадками выпуклыми, нередко в виде chapeau de gendarme, образующими с вентральной стороной заготовки угол, близкий к 90°. У 12 пластин из 19 ударная площадка тонкофасетированная. Эти пластины следует отнести к леваллуазским, хотя неизвестно, с какого типа нуклеусов они сняты. Характерны и леваллуазские острия (рис. 3, *3—8*).

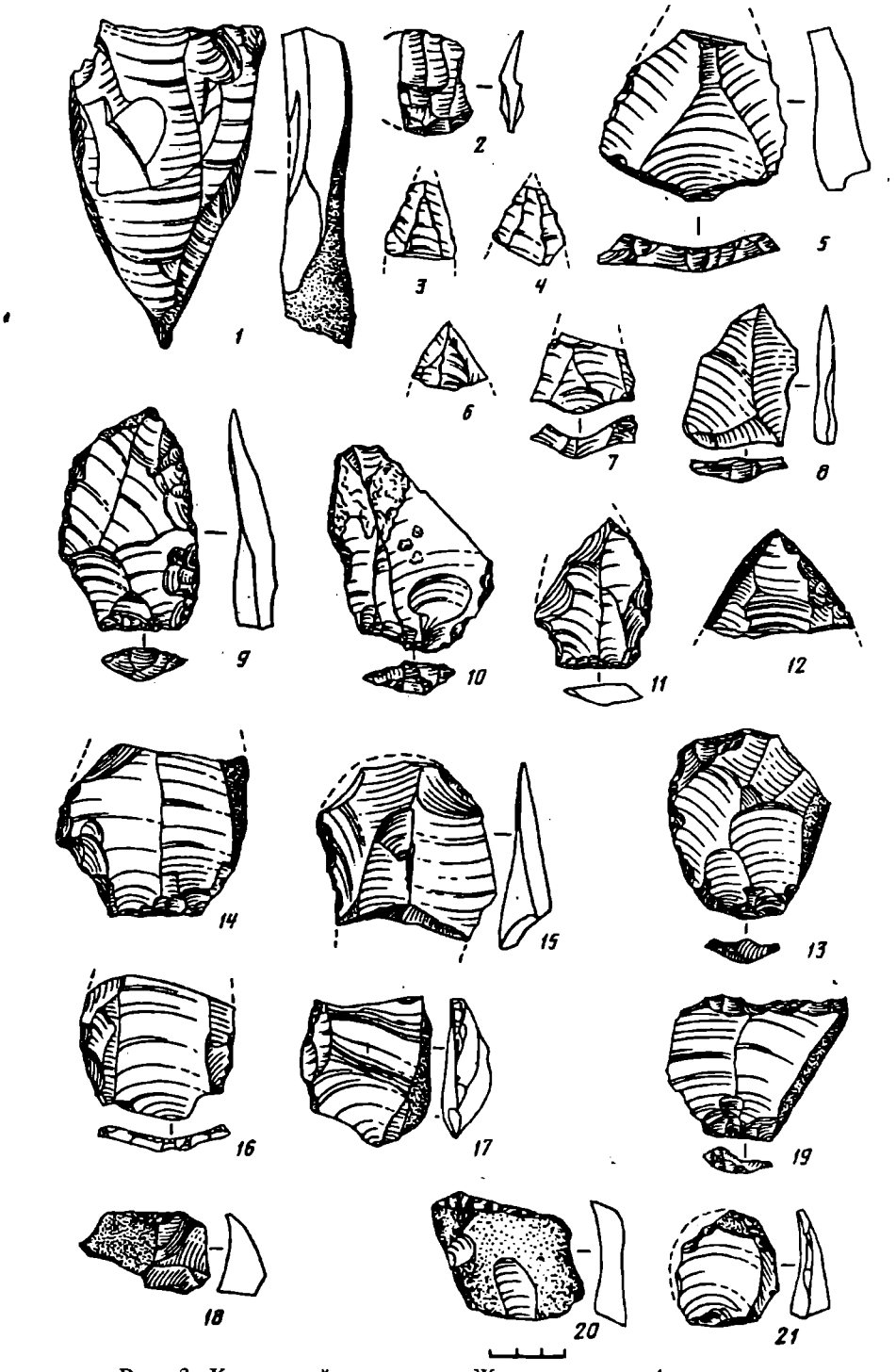


Рис. 3. Кремневый инвентарь. Жорнов, пункт 4

Для определения индексов фасетирования необходимо подсчитать сумму типов ударных площадок (табл. 2).

Особого внимания заслуживают нуклеусы. Известно, что Ф. Борд относил к леваллуазским черепаховидные нуклеусы для отщепов, нуклеусы для острий и в последнее время — нуклеусы с параллельным скалыванием для пластин [4, рис. 104]. Автор придерживается мнения В. Н. Гладилина о том, что техника параллельного скалывания противоречит леваллуазскому принципу, поэтому нуклеусы для снятия многочисленных пластин леваллуазскими считать нельзя [5, с. 9—11 и др.; 6, с. 30—45].

Таблица 1

Кремнёвая индустрия мустьерской стоянки в пункте 4 Жорнова

Категория кремневых находок	Количество	
	экз.	%
Желваки	3	
Обломки	94	12,9
Нуклеусы	11	1,5
а) одноплощадочные	3	
б) двухплощадочные	6	
в) неопределимые	2	
Нуклевидные обломки	4	
Отщепы первичные или полупервичные	187	25,6
а) ударная площадка обломана или неопределима	88	
б) с определимой площадкой	99	
площадка с коркой или одного снятия	66	
двухгранная	15	
многогранная	5	
тонкофасетированная прямая	3	
тонкофасетированная выпуклая	6	
точечная	4	
Отщепы вторичные	241	33,1
а) ударная площадка обломана или неопределима	77	
б) с определимой площадкой	164	
площадка одного снятия	40	
двухгранная	16	
многогранная	20	
тонкофасетированная прямая	26	
тонкофасетированная выпуклая	54	
точечная	8	
Пластины	45	6,2
а) ударная площадка обломана или неопределима	26	
б) с определимой площадкой	19	
площадка с одним снятием	2	
двухгранная	1	
многогранная	2	
фасетированная прямая	4	
фасетированная выпуклая	8	
точечная	2	
Леваллуазские острия	14	1,9
а) ударная площадка обломана	7	
б) с площадкой (все фасетированные выпуклые)	7	
Чешуйки	85	11,6
Мелкие обломки пластин и отщепов (в общую сумму не включены)	168	
Орудия с вторичной обработкой	47	6,4
а) ударная площадка обломана или неопределима	10	
б) с определимой площадкой	37	
одного снятия	10	
двухгранная	8	
многогранная	4	
фасетированная прямая	5	
фасетированная выпуклая	9	
точечная	1	
Всего	731	

Таблица 2

Типы ударных площадок мустьерской индустрии

Тип ударной площадки	Сумма типов по категориям
С коркой или одного снятия	118
Двухгранные	40
Многогранные	31
Фасетированные выпуклые	84
Фасетированные прямые	38
Точечные	15
Всего (без точечных площадок)	311

Рассмотрим с этой точки зрения мустьерские нуклеусы Жорнова. Все они, за исключением одного, односторонние. Часть их можно отнести к леваллуазским. Один из нуклеусов (рис. 2, *1*) предназначался для снятия крупных отщепов. Он имеет одну грубофасетированную ударную площадку, образующую с уплощенной рабочей поверхностью угол, близкий к 90°, специально подправлен с боковых сторон. С этого нуклеуса, по-видимому, снят один крупный леваллуазский отщеп, повторяющий очертания нуклеуса. Второе снятие, как видно на рисунке,— не удавшееся вследствие залома. Это снятие — пример того, что с леваллуазских нуклеусов не всегда можно было получить леваллуазские заготовки. К леваллуазским можно отнести еще два нуклеуса (рис. 2, *3*; 3, *1*). Особо следует обратить внимание на два других нуклеуса (рис. 2, *4*, *5*). Изготовлены они из овальных в продольном сечении и округлых в поперечном желваков. Первоначально желваки были расколоты вдоль длинной оси, затем формировалась выпуклая тонкофасетированная ударная площадка, перпендикулярная к рабочей поверхности. Один из нуклеусов имеет еще одну площадку, но она расположена под острым углом к рабочей поверхности и предназначалась для отделения коротких отщепов подправки основания этого ядрища (рис. 2, *5*). Несмотря на некоторый, казалось бы, примитивизм, эти нуклеусы являются леваллуазскими, так как за один рабочий цикл с них можно было снять один-два отщепа подовальной формы, повторяющие очертания нуклеуса. Эти отщепы часто имеют на одной узкой грани желвачную корку, а сама грань расположена довольно отвесно по отношению к смежным плоскостям отщепа. Часть отщепов ретуширована дополнительно, другая часть — без ретуши. Снятия следует отнести к группе ножей с естественным обушком (рис. 2, *7*; 3, *12*, *13*; 4, *2*, *5*). Ножей, не имеющих ретуши — 9 экз.

Ввиду некоторой оригинальности описанных выше нуклеусов и того обстоятельства, что они предназначались в основном для получения ножей с естественным обушком, мы выделяем их (а также и ножи) в жорновский тип. Можно считать, что их появление обусловлено наличием в данной местности определенного вида заготовок, которые древний человек приспособил для своих целей. Иногда снятия с обушком использовались для изготовления продольных скребел (рис. 3, *14*). В случае, если снятия не совсем удавались (рис. 2, *4*), они использовались для производства поперечных скребел (рис. 3, *19*) и других орудий.

Таким образом, почти половина нуклеусов (5 экз.) в коллекции — леваллуазские. Остальные делятся на одноплощадочные с параллельным скалыванием — 1 экз., двухплощадочные со встречным скалыванием — 4 экз. (рис. 2, *2*, *6*), в том числе сильно сработанный двусторонний нуклеус, имеющий S-видное сечение и напоминающий ядрище типа Джрабер (рис. 3, *2*). Один нуклеус дисковидный, он также сильно сработан.

Исходя из вышеизложенного, индустрию Жорнова можно охарактеризовать как мустьеро-леваллуазскую, где наряду с леваллуазскими приемами расщепления

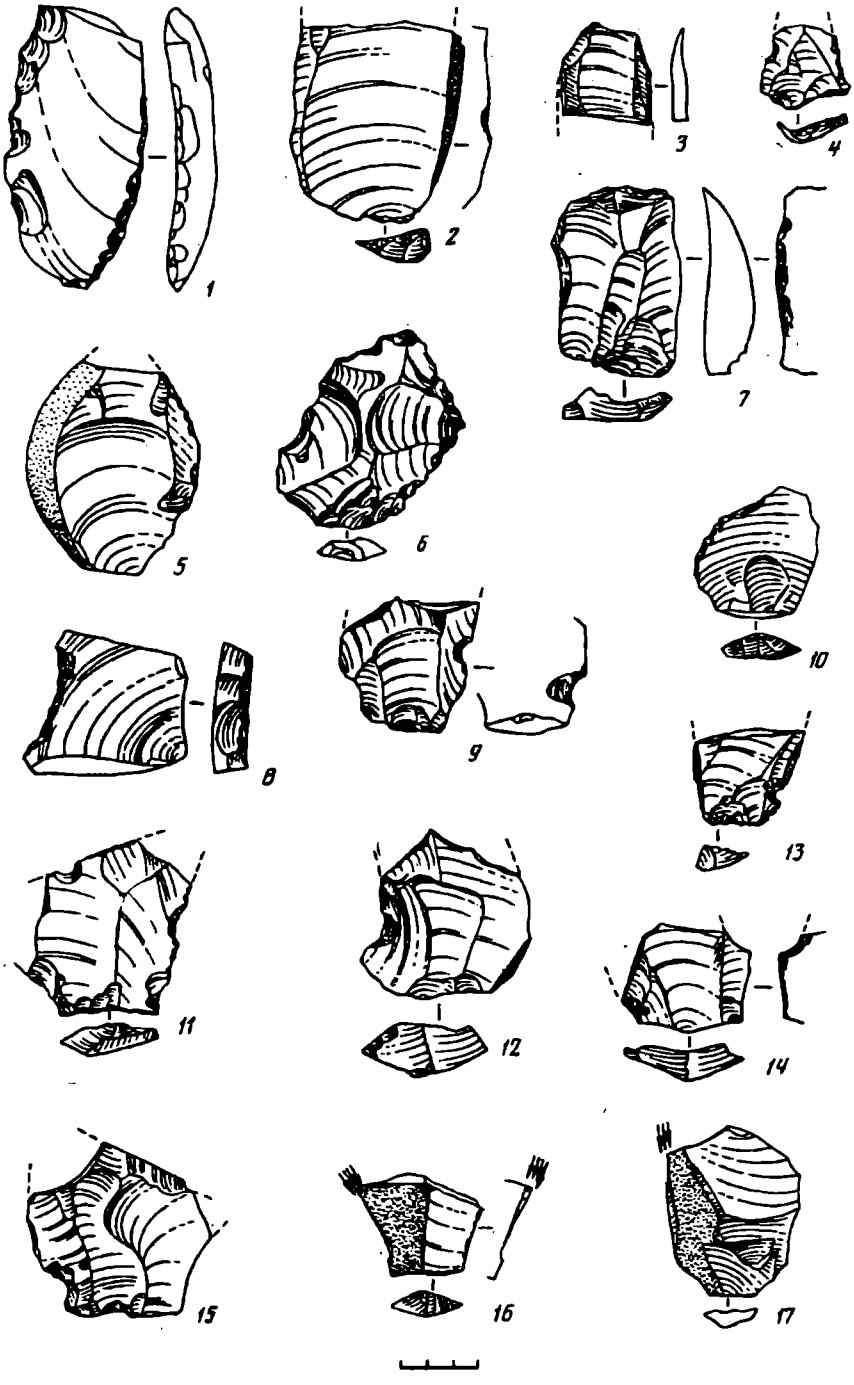


Рис. 4. Кремневый инвентарь. Жорнов, пункт 4

кремня применялись приемы снятия заготовок из одно- и двухплощадочных нуклеусов или даже из более примитивных. Это индустрия фасетированная, непластинчатая.

Орудия труда со вторичной обработкой в Жорнове оформлены на отщепах, реже — на пластинчатых отщепах и лишь в двух случаях — на пластинах. Ножей — 8 экз. Не все они четко выражены типологически, часть из них напоминает ретушированные отщепы, хотя есть хорошие экземпляры (рис. 3, *9—11*, *16*). Большинство изделий изготовлено на леваллуазских снятиях, характерна приостряющая ретушь, иногда покрывающая лишь часть лезвия. Ножей с естественным обушком, о которых упоминалось выше,— 3 экз. Они отличаются от ножей лишь наличием обушка (рис. 3, *12*, *13*; 4, *5*). Один нож имеет небрежно

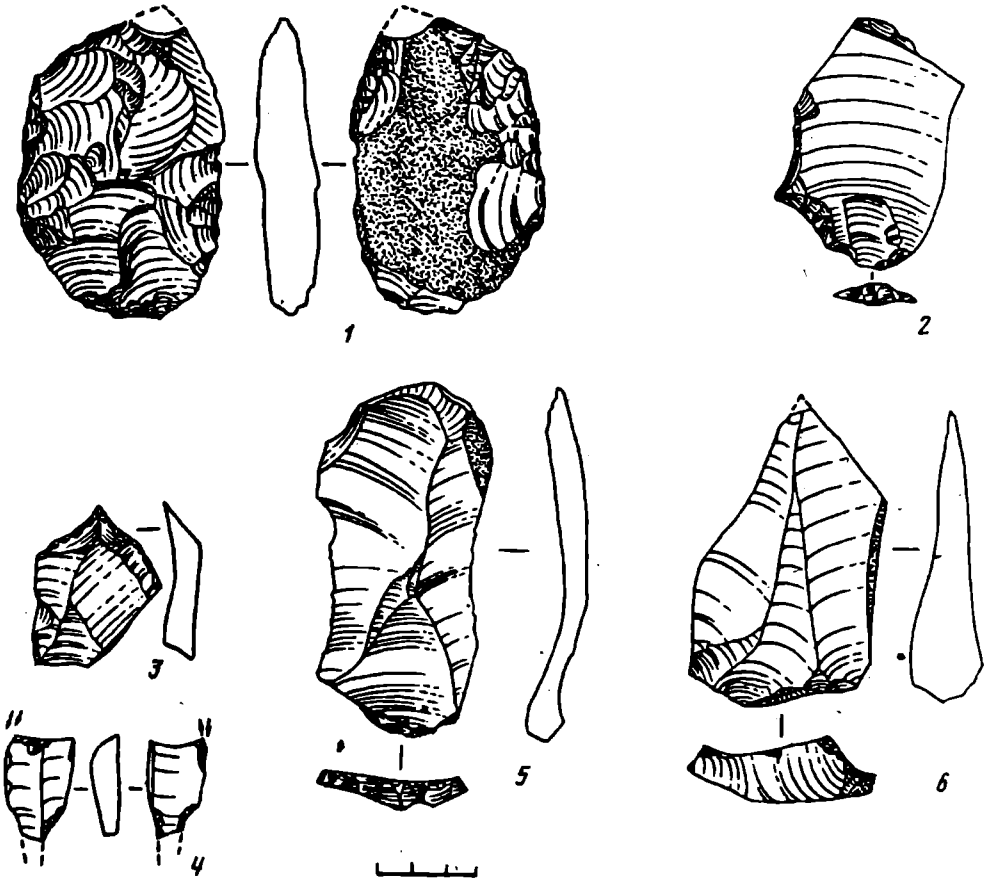


Рис. 5. Орудия труда. Жорнов, пункт 4 (*1—4*); пластина и леваллуазское острие из пункта 1 (*5, 6*)

ретушированный обушок и ретушь по лезвию, но это скорее ретушь утилизации (рис. 4, *1*). Продольных скребел с относительно крутой ретушью — всего 3 экз. (рис. 3, *14*, *15*, *17*). Из-за фрагментированности они не слишком выразительны. Поперечных скребел — тоже 3 экз. (рис. 3, *18—20*). Относительно много ретушированных отщепов — 8 экз. На четырех из них ретушь нанесена с вентральной стороны, она мелкая, нераспространенная, ретушировала только часть отщепа (рис. 4, *7*, *10*). Другие отщепы обработаны подобной же ретушью со стороны спинки (рис. 4, *6*). Наиболее многочисленны выемчатые орудия — 9 экз. Выемки широкие или более узкие, обработаны тщательно или небрежно (рис. 4, *8*, *9*, *11—15*). В коллекции имеется также резчик, рабочий конец которого сформирован уплощающей ретушью. Обращают на себя внимание скребок (рис. 3, *21*), три резца, два из которых — угловые (рис. 4, *16*, *17*). Третий резец уникален для мустьерских комплексов, он боковой, вогнуто-ретушный, имеет черенок-насад (рис. 5, *4*). Имеются также две проколки (рис. 5, *2*, *3*). Кроме того, в комплекс орудий входят две пластины с ретушью (рис. 4, *3*) и ретушированное леваллуазское острие (рис. 4, *4*). Бифас (рис. 5, *1*) является единственным двусторонне обработанным орудием. Одна из его сторон обработана частично лишь потому, что она слишком неровная, а толщина заготовки незначительна. Заметно, что в интервале отсутствуют мустьерские остроконечники.

В пункте 1 местонахождения, который почти полностью уничтожен карьером, найдены несколько отщепов, леваллуазская пластина (рис. 5, *5*) и леваллуазское острие (рис. 5, *6*). В отличие от основной стоянки в пункте 4, где не обнаружено остеологических остатков, здесь найдены плохо сохранившиеся, часто — расщепленные на пластины обломки зубов мамонта.

Финально-мустьерские стоянки, которые, как и Жорнов, датируются паудорфским временем, теперь известны. Во Франции, в окрестностях Страсбурга, в

карьере Ахенхейм, между «молодым» и «древним» лёссом залегает погребенная почва, которую А. А. Величко относит к паудорфу (штильфриду В). В этой почве найдены леваллуазские изделия [7, с. 113, рис. 3]. К сожалению, до сих пор точно не известен возраст низов паудорфа. В самом селении Паудорф по гумусу получена дата (пересчитанная) 33800± 500 лет до наших дней (GRN-3190). Но эту дату А. И. Москвитин считает омоложенной, так как она получена не по древесному углю [8, с. 37]. Сам А. И. Москвитин принимает для подошвы паудорфа дату в 40 тыс. лет [8, с. 252]. Можно считать, что эта дата близка к действительности, так как в Костенках для нижнего гумусированного горизонта получена радиоуглеродная дата 36400 + 1700/ — 1400 лет (Gr-12596) [9, с. 56, рис. 5]. В таком случае кроме Ахенхейма во Франции паудорфским временем могут датироваться и некоторые другие мустьерские стоянки: слой мустье зубчатого в пещере Оленя в Арсисюр-Кюр с датой 34700± 810 лет до н. э., мустье с ашельской традицией в навесе Коттес (37600± 700 лет) [10, с. 11].

По техническим показателям индустрию Жорнова можно сравнить с комплексами находок, происходящих из открытых равнинных стоянок с полным циклом обработки кремня. Это связано в первую очередь с определением индексов фасетированности ударных площадок, потому что, как мы видели, на этот индекс влияет наличие первичных или полупервичных отщепов, которые лишь в редких случаях могут быть тонкофасетированными. Во многих пещерах инвентарь часто является искусственно отсортированным [11, с. 30, 62]. Кроме того, индустрия Жорнова сравнима с теми, где нет или присутствуют в единичных экземплярах двусторонне обработанные орудия. Таких стоянок у нас единицы. В первую очередь это молодовские стоянки на Днестре.

Необходимо заметить, что для лёссовых толщ вряд ли корректным будет применение стратиграфической схемы, в которой фигурируют названия интерстадиалов, выделенных вне лёссовой зоны, в озерно-болотных отложениях, как это делают некоторые исследователи [12, с. 118, рис. 14]. Многие такие интерстадиалы в лёссовых отложениях выделить невозможно. Не бесспорны и имеющиеся определения абсолютного возраста озерно-болотных отложений, а нередко и их геологическая датировка. Приведем пример с интерстадиалом хенгело. Возраст его определен в пределах 37—39 тыс. лет до наших дней [13]. Й. Фогель и В. Загвийн коррелируют этот интерстадиал с паудорфом. А. И. Москвитин считает приведенные даты сильно омоложенными, полагая, что хенгело намного древнее паудорфа [8, с. 173]; поэтому где должны находиться отложения короткого и холодного интерстадиала хенгело в лёссах — неизвестно. То же касается и интерстадиалов моерсхофт и оддераде.

Интерстадиалы аморсфорт и бреруп, вместе взятые, сопоставляются с верхневолжским интерстадиалом [8, с. 171], а этот последний коррелируется с витачевской погребенной почвой в лёссах Украины. Мустьерские слои молодовских стоянок лежат намного выше несомненно витачевской почвы, вскрытой скважиной на стоянке Кормань IV [14, с. 154, рис. 12] и одной из скважин на стоянке Молодова I [15, с. 214, рис. 9]. Отсюда следует, что возраст самых нижних культурных слоев этих стоянок моложе брерупа, хотя сопоставление аморсфорта и брерупа с верхневолжским интерстадиалом и витачевской почвой, по нашему мнению, не бесспорно. Но все же если обратиться к лёссовой стратиграфии, то мустьерские слои молодовских стоянок будут датироваться бугским временем. Некоторые из этих нижних культурных слоев приурочены к более теплым промежуткам времени. В связи с этим следует напомнить, что М. Ф. Веклич в нижней половине бугского горизонта иногда выделяет слабо развитые эмбриональные почвы [16, с. 94, 95].

Паудорфская почва Молодовы I местами расслоена [15, с. 224, рис. 12]. Еще более расслоена она, по нашему мнению, на стоянках Молодова V и Кормань IV. Ископаемая почва, которую на стоянке Молодова V И. К. Иванова относит к интерстадиалу хенгело, является, по нашему мнению, нижним подгоризонтом паудорфа. В этом подгоризонте лежит культурный слой 10а, который можно

отнести к мустье. Таким образом, молодовское мустье датируется бугским временем, но не самым ранним его отрезком. Оно здесь отмечается и в низах паудорфа.

В целом же мустье Жорнова моложе основных мустьерских горизонтов Молодовы. Комплекс находок Жорнова можно сравнивать с достаточно представительными комплексами культурных слоев 12 и 11 стоянки Молодова V и с культурным слоем 4 стоянки Молодова I [17, с. 19—22; 18; с. 35—50]. Так как индустрии этих слоев схожи между собой, то сравнение можно провести лишь по одному из культурных слоев, например по слою 11 стоянки Молодова V. В этом слое есть леваллуазские нуклеусы одно- и двухплощадочные, а также дисковидные. Имеются леваллуазские снятия. Индекс фасетирования ударных площадок общий — 47, индекс тонкого фасетирования — 30. Но противоречивы данные об индексе пластин. Так, если количество пластин по отношению ко всему инвентарю составляет 20%, то индекс пластин должен быть выше, в то время как приводится цифра 18. Эта индустрия, по А. П. Чернышу, относится к фасетированной леваллуазской фации. Орудия труда представлены ножами-скреблами, остроконечниками или ретушированными леваллуазскими остриями, боковыми скреблами с нераспространенной ретушью, есть резцы, скребок. Интересна находка двусторонне обработанного орудия-рубильца.

В технико-типологическом отношении индустрия Жорнова сходна с комплексами находок слоя 11 Молодова V, хотя индексы фасетированности Жорнова выше, в то время как в слое 11 Молодова V выше индексы пластин. Сходен и набор орудий труда. Интересно, что на обеих стоянках найдено только по одному двусторонне обработанному орудию. Сходен комплекс Жорнова и с другими комплексами молодовских стоянок, хотя там как будто отсутствуют поперечные скребла, ножи с обушком (что является специфической, хотя в некоторой степени и случайной, особенностью индустрии Жорнова), меньше выемчатых орудий.

Остается сравнить находки Жорнова с находками стоянки Пронятин, расположенной в среднем течении р. Серет — левого притока р. Днестр. По данным А. С. Сытника [19, с. 36—43], на этой стоянке из шести нуклеусов один леваллуазский. Есть леваллуазские отщепы. Очень близки к Жорнову индексы подправки ударных площадок снятий — 64 и 34. Близок индекс пластин — 8,7. Похожи индустрии и в типологическом отношении. А. С. Сытник находит ближайшие аналогии индустрии Пронятина в комплексах молодовских стоянок. Исходя из геологического разреза стоянки, который приводит этот исследователь, можно сделать вывод о паудорфском возрасте стоянки Пронятин.

Итак, мустье Жорнова имеет аналогии в мустьерских индустриях Молодовы и в еще большей мере — Пронятина. Но финально-мустьерские стоянки Пронятин и Жорнов могут иметь и генетическую связь с молодовскими стоянками. Можно со значительной долей вероятности предположить, что в начальный, теплый отрезок паудорфского времени мустьерцы с долины Днестра продвигаются по его левым притокам, в частности по Серету, на север. От верховьев Серета, которые сближены с верховьями р. Горынь, возможны два пути продвижения. Один из них — по Горыни с последующим проникновением на ее приток, речку Стублу, где находится жорновская стоянка. Более вероятный путь — с верховьев Серета на восток вдоль северного уступа Подольской возвышенности, т. е. вдоль так называемой Кременецкой возвышенности. Следы продвижения фиксируются в пределах Кременецкой возвышенности, где она граничит с Малым Полесьем, в нижнем культурном слое стоянки Куличивка в г. Кременец [20, с. 48—51]. В. П. Савич пишет, что этот культурный слой залегает ниже паудорфской почвы. Автору удалось ознакомиться с геологическим разрезом Куличивки. Представляется, что супесчаные отложения, вмещающие нижний культурный слой, тоже имеют паудорфский возраст. Об этом свидетельствует и радиоуглеродная дата, полученная для этого культурного слоя,— 31 тыс. лет. Эти отложения сравнимы со слоем 5 Жорнова, хотя они на Куличивке имеют бо́льшую мощность в связи с расположением стоянки на склоне возвышенности. В. П. Савич относит

нижний культурный слой уже к верхнему палеолиту, указывая на пережиточные мустьеро-леваллуазские элементы, и в частности на тот факт, что некоторое количество снятий имеет фасетированные ударные площадки.

Леваллуазские снятия найдены, по данным Н. И. Островского, и восточнее Куличивки, на горе Пустельня [21, с. 9], на расстоянии 20—25 км восточнее г. Кременец. Само же месторождение Пустельня находится в 35 км южнее Жорнова.

Несмотря на то что между Жорновым и, по-видимому, Пронятином, с одной стороны, и нижними культурными слоями молодовских стоянок — с другой, существует значительный хронологический разрыв, никакого существенного прогресса в технике расщепления кремня не наблюдается. Скорее, наоборот, эта техника становится более специализированной, на что указывают более высокие индексы фасетирования ударных площадок в Пронятине и Жорнове по сравнению с молодовскими стоянками. В обоих этих финально-мустьерских памятниках индекс пластин не увеличивается, а уменьшается по сравнению с более ранними. Вне геологического контекста индустрия Жорнова выглядела бы в целом довольно архаично. Мустьеро-леваллуазский путь развития (или фация) на нашей территории — явление довольно застойное. Раньше к такому выводу пришел и В. Н. Гладилин [6, с. 44]. Но, по-видимому, эта техника не более застойная, чем любая мустьерская техника в Европе.

Теперь благодаря работам целого ряда исследователей известно, что некоторые из мустьерских местонахождений на Русской равнине довольно ранни . Это Житомирское местонахождение, Хотылево, Сухая Мечетка и др. Несмо ря на некоторое расхождение в датировке, эти местонахождения относятся к тем лым промежуткам добугского, в целом холодного времени. В. Хмелевский пишет, что мустьерские стоянки и стоянки ранней поры позднего палеолита приурочены чаще всего не к лёссам, а к образованиям, которые их разделяют, в том числе и к погребенным почвам [22, с. 347]. На Русской равнине также не известны стоянки этого времени, приуроченные к лёссам, за исключением стоянок Молодовы. Но эти стоянки расположены южнее многих других; на их территории, как теперь известно, были долговременные жилища, а кроме того, в каньоне Днестра существовал, по-видимому, своеобразный микроклимат, который отмечается там и теперь [23, с. 7].

Стратиграфия пещерных отложений Польши разработана Т. Мадейской [24, с. 44—51]. Отложения VI Свиты (по данным исследовательницы) пещер Польши образовались между первым и последним похолоданиями вюрма. Нетрудно увидеть, что это место занимает паудорф. Свита V лежит ниже и представлена лёссом, в котором можно узнать лёсс бугского горизонта. Но эта свита археологически «немая», и только в пещере Цемна (Темная) в основании свиты лежит микокско-пронднцкий культурный слой.

Следует вывод, что в начале бугского, холодного времени имел место отток древнего мустьерского населения не только с открытых пространств Русской равнины, но и из пещерных убежищ Польши. Миграция в западной части равнины шла на юг и, наверное, на юго-запад — в пещерные убежища, находящиеся южнее северной ветви Карпатской дуги.

Так, в пещере Кульна в Моравии, судя по исследованиям К. Валоха, в отложениях, которые уверенно можно сопоставлять с бугскими как по геологическим данным, так и по данным радиоуглеродного анализа (дата слоя 7а — 45660 + 2850/ — 2200 лет до н. э.), залегают мустьерские индустрии. В вышележащем слое 6а, представленном настоящим лёссом, обнаружена микокская индустрия [25, с. 18, 19]. Слой 6 тоже можно отнести к бугскому времени.

И лишь с наступлением теплого паудорфского времени в западной части Русской равнины могло осуществиться обратное движение населения на север и северо-восток, причем населения разного: владеющего еще мустьерской техникой расщепления кремня — леваллуазской и нелеваллуазской и населения из еще более отдаленных южных районов, которое владело сформировавшейся верхне-

палеолитической (ориньякоидной) техникой. Именно в это время мог быть оставлен Крым, причем А. А. Формозов считает, что мустьерцы оставили даже Северное Причерноморье [26, с. 121—123].

Многочисленные данные свидетельствуют о том, что первично верхний палеолит сформировался где-то на юге. Снова возникает давно уже выдвинутый тезис о формировании его на Ближнем Востоке. Во всяком случае, на Балканах, как считает Я. К. Козловский, проанализировавший мустьерские и верхнепалеолитические индустрии этого региона, верхний палеолит не имеет местной генетической подосновы [27, с. 30, 40, 41].

На территории, которая здесь рассматривается, формировались как бы вторичные верхнепалеолитические индустрии с участием уже сложившихся верхнепалеолитических комплексов. Так, на основе мустье двустороннего возникает индустрия верхнего культурного слоя Жорнова, имеющая к тому же не местное происхождение. На мустьеро-леваллуазской основе принципиально сходным образом возникает нижний культурный слой стоянки Куличивка, являющийся, по данным В. П. Савича, уже верхнепалеолитическим. В мустьерском слое Жорнова, который, судя по всему, древнее нижнего слоя Куличивки, только начинают появляться настоящие верхнепалеолитические элементы, вроде уникального резца с черенком-насадом.

Влияние носителей сформировавшейся верхнепалеолитической техники на культурное наследие мустьерцев стало возможным потому, что поздние мустьерцы были, видимо, сапиентными или даже представляли особей типа человека из Староселья [28, с. 61]. Тем более это касается людей, оставивших такие ранние верхнепалеолитические памятники, как Иваничи в Ровенском р-не, ориньякоидный комплекс пункта 2 Жорнова и культурный слой IIA этого местонахождения.

Высказанные соображения в общем не новы. Так, Я. Я. Рогинский, рассматривая проблему происхождения человека современного физического типа, писал и про миграцию на юг людей, которые спасались от холодов приледниковой зоны, и о возможности и полезности культурных контактов различных общин, и о том, что кроманьонцы пришли в Европу с юга [29, с. 101—104]. Все это подтверждают сведения, изложенные выше, в том числе и сведения, полученные на многослойном палеолитическом местонахождении Жорнов, археологические и особенно стратиграфические данные которого остаются пока в значительной мере уникальными.

В заключение следует подчеркнуть, что для археологических целей важны дальнейшая разработка и уточнение именно лёссовой стратиграфии, так как применение стратиграфических схем, где фигурируют горизонты, выделенные за пределами лёссовой зоны, при всей кажущейся их привлекательности не могут пока помочь решению задач археологии палеолита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пясецкий В. К.* Верхний культурный слой палеолитического местонахождения Жорнов//СА. 1991. № 2.
2. *Пясецкий В. К.* Геология мустьерского местонахождения Точильница//Бюл. Комис. по изучению четвертичного периода. 1990. № 59.
3. Výzkumná skupina Kvartérního add. Vývaj přírodního postředí v Kvartéru//Praveke dějiny Čech. Praha, 1978.
4. *Bordes F.* Typologie du Paléolithique ancien et moyen. Mem. 1. Bordeaux, 1961.
5. *Гладилин В. Н.* Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев: Наук. думка, 1976.
6. *Гладилин В. Н.* Что же такое «техника леваллуа»?//Каменный век: памятники, методика, проблемы. Киев: Наук. думка, 1989.
7. *Величко А. А.* Лёссы и палеокриогенные феномены на востоке Франции//VIII конгресс INQUA во Франции. М.: Наука, 1973.
8. *Москвитин А. И.* Стратиграфия плейстоцена Центральной и Западной Европы. М.: Наука, 1979.
9. *Иванова И. К., Любин В. П., Праслов Н. Д.* Геология палеолита Восточной Европы (ископаемый человек и следы его деятельности как элементы стратиграфии)//Бюл. Комис. по изучению четвертичного периода. 1989. № 58.
10. *Долуханов П. М.* Хронология палеолитических культур//Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.: Наука, 1972.
11. *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л.: Наука, 1977.

12. *Иванова И. К.* Палеогеография и палеоэкология среды обитания людей каменного века на Среднем Днестре. Стоянка Молодова V//Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V. Люди каменного века и окружающая среда. М.: Наука, 1987.
13. *Vogel J. C., Zagwijn W. H.* Groningen radiocarbon Dates. B. VI. Radiocarbon. V: 9. Jale Univ. New Hawen. Connecticut, 1967.
14. *Иванова И. К.* Геология и палеогеография стоянки Кормань IV на общем фоне геологической истории каменного века Среднего Приднестровья//Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV. М.: Наука, 1977.
15. *Иванова И. К.* Геология и палеогеография мустьерского поселения Молодова I//Молодова I — уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. М.: Наука, 1972.
16. *Веклич М. Ф. и др.* Палеогеография Киевского Приднепровья. Киев: Наук. думка, 1984.
17. *Черныш А. П.* Эталонная многослойная стоянка Молодова V//Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V. Люди каменного века и окружающая среда. М.: Наука, 1987.
18. *Черныш А. П.* Многослойная палеолитическая стоянка Молодова I//Молодова I — уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. М.: Наука, 1982.
19. *Ситник О. С.* Мустьерска стоянка Пронятин поблизу Тернополя//Археологія. 1985. № 50.
20. *Савич В. П.* Поздний палеолит Волыни//Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (каменный век). Киев: Наук. думка, 1987.
21. *Островский Н. И., Григорьев Г. П.* Липская палеолитическая культура//СА. 1986. № 4.
22. *Хмелевский В.* Влияние перигляциальной среды на расселение человека в верхнем плейстоцене//Лёсс — перигляциал — палеолит на территории Средней и Восточной Европы. М., 1969.
23. *Чайковский М. П.* Дністровський каньйон. Львів: Каменяр, 1981.
24. *Медейска Т.* Литостратиграфические свиты отложений в пещерных археологических стоянках Польской юры//Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.: Наука, 1977.
25. *Валох К.* Раскопки в пещере Кульна в Моравском карсте и их значение для изучения палеолита Чехословакии//Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.: Наука, 1977.
26. *Формозов А. А.* Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите//МИА. 1958. № 71.
27. *Kozlowski J. K.* Badania nad przejściem od środkowego do górnego paleolitu na Balkanach//Przegląd archeologiczny. 1975. T. 23.
28. *Якимов В. П., Харитонов В. М.* К проблеме крымских неандертальцев//Исследования палеолита в Крыму. Киев: Наук. думка, 1979.
29. *Рогинский Я. Я.* Факторы среды и проблема происхождения Homo sapiens//Первобытный человек и природная среда. Ч. 1. М., 1974.

Ровенская геологоразведочная экспедиция
ПГО «Севукргеология»

V. K. PYASETSKY

THE MOUSTERIAN CULTURAL LEVEL OF THE PALAEOLITHIC SITE OF ZHORNOV AND SOME QUESTIONS OF PALAEOLITHIC STRATIGRAPHY

Summary

In the article new materials of the Mousterian level of multilayer Palaeolithic site of Zhornov (Rovno region) are publushed. The layer is dated to the final Mouster, Paudorf period (Stilfield B, PK I). The industry is of Levallois-Mousterian type, faceted, non-bladed. There are Levalloisian cores and negatives, points between them. Knives, racloires, burins, scraper and unique tanged side burines were discovered. The industry of Zhornov is compared to that of Molodovo settlements on the Dniester, and Pronyatin on the Siret in search of their genetic links. A brief review of Mousterian assemblages from Molodovo settlements is presented, basing on a stratigfaphic scheme worked out for dividing loesses. Such «loess» stratigraphic columns are considered to be progressive ones. The author tries to show the secondary character of the Upper Palaeolithic in this region. It emerged in Paudorf under the influence of technique of the Upper Palaeolithic which was just formed somewhere in the South (Near East?) on some industries of Mousterian type.

Н. П. ГЕРАСИМЕНКО, А. В. КОЛЕСНИК

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ И СТРАТИГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СТОЯНКИ БЕЛОКУЗЬМИНОВКА (ДОНБАСС) В 1986 г.

Белокузьминовка известна как стоянка зубчатого мустье [1]. Основанием для такой оценки послужило «обилие зубчато-выемчатых форм» орудий [2, с. 102] в девятитысячной коллекции инвентаря стоянки. В 1971 г. с полевыми чертежами ознакомилась И. К. Иванова, высказавшая мнение о незначительном разрушении стоянки процессами смыва. В 1974 г. памятник осмотрел Н. Д. Праслов [3, с. 5]. Отсутствие развернутого геоморфологического и стратиграфического анализа памятника дало основание подвергнуть сомнению целостность комплекса (комплексов) и предположить естественный характер происхождения зубчатых изделий [4, с. 103]. Данное обстоятельство актуализирует возобновление полевых исследований стоянки с целью детального геологического изучения отложений и условий залегания кремневых орудий.

Эта задача в известной степени была выполнена в полевом сезоне 1986 г. На памятнике вскрыт раскоп 1 площадью 6×3 м и прилегающая к нему траншея, а также произведены две зачистки склонов балки. Раскоп заложен таким образом, что вместе с траншеей он образовал поперечный разрез правого склона балки, ограничивающей местонахождение с юго-запада (рис. 1). Расстояние между раскопами 1986 и 1968—1970 гг.— 35 м. Балка прорезает террасу левого берега р. Беленькой. Относительное превышение террасы над поймой около 10 м.

При изучении геологического строения разрезов стратиграфическое расчленение отложений проводилось по региональной схеме палеогеографической этапности и детальной стратиграфии плейстоцена Украины, утвержденной Межведомственным стратиграфическим комитетом СССР [5, 6], описание горизонта выполнялось с применением палеопедологической методики [7]. В раскопе 1 выделены горизонты нижнего валдая (QIII$_2$, W-I): бугский, витачевский, удайский, при этом бугский и удайский горизонты соответствуют стадиалам, а витачевский горизонт (абсолютный возраст по ТЛ-датированию 50—65 тыс. лет) межстадиалам — брёрупу и амерсфорту. Ниже залегают прилукский горизонт верхнего плейстоцена (QIII$_1$, микулинский, R-W), кайдакский и днепровский горизонты среднего плейстоцена (соответственно QII$_3$, R-1—2 и QII$_2$, R-1).

Геологическое строение разреза раскопа 1 следующее (сверху вниз) (рис. 2):

0,0—0,4 м — чернозем обыкновенный среднесмытый; представлены горизонты Hp/к (0,0—0,2 м) и Phк (0,2—0,4 м). Горизонт Hp/к темно-серый, пылевато-среднесуглинистый, комковато-зернистый, в нижней части с карбонатным псевдомицелием. До глубины 0,2 м встречаются немногочисленные кремни неолитического возраста, найден обломок кости; кремни без патины, залегают в непереотложенном состоянии. Горизонт Phк — темновато-бурый, пылевато-среднесуглинистый, комковатый, сплошь пропитан карбонатами, с большим количеством кротовин, выполненных темно-серым гумусированным материалом. Содержит небольшое количество патинированных отщепов и осколков, видимо, поднятых из нижележащих суглинков землеройными животными.

0,4—1,5 м — бугский лёссовидный суглинок светло-буровато-палевый, средний, пылеватый, с глыбистыми и столбчатыми отдельностями, содержит большое количество карбонатных новообразований. Встречаются кротовины, выполненные материалом чернозема; переход вниз очень постепенный. Содержит весьма многочисленные остатки кремневой индустрии в виде отщепов, орудий, нуклеусов, осколков, мелких чешуек; находки залегают в горизонтальном положении, покрыты глубокой фарфоровидной патиной, некоторые выветрены, со следами

© Н. П. Герасименко, А. В. Колесник, 1992 г.

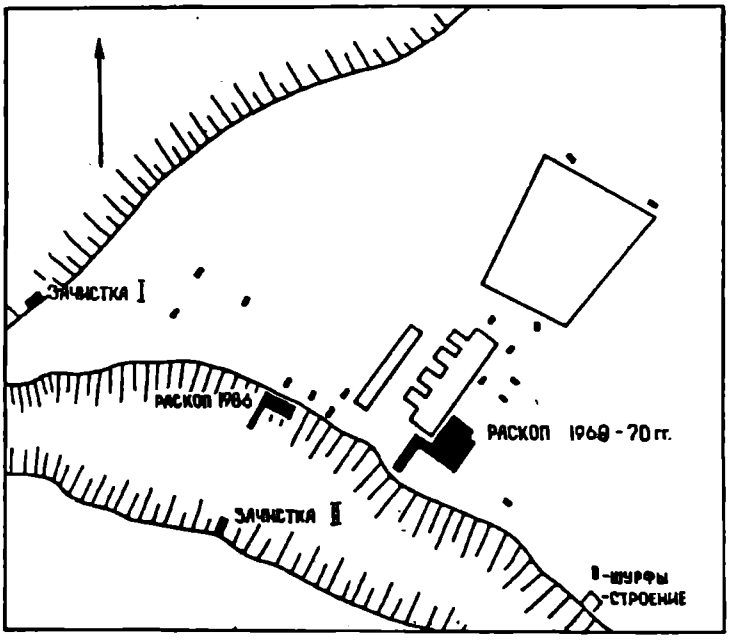


Рис. 1. Белокузьминовка. Ситуационный план

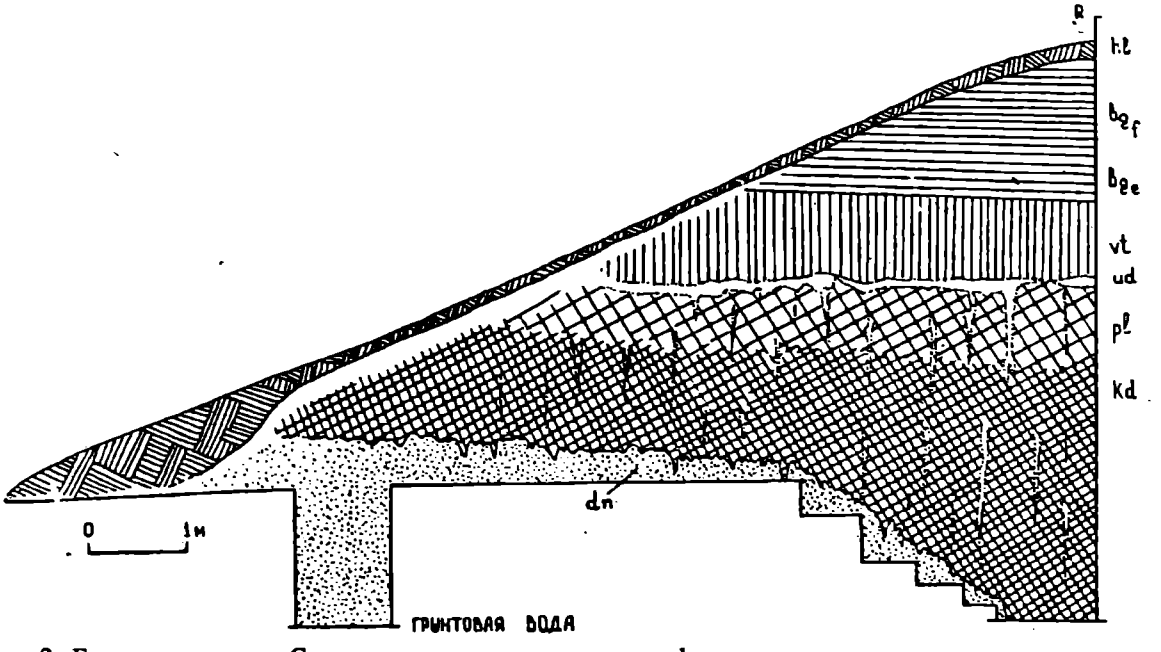


Рис. 2. Белокузьминовка. Северо-западная стенка раскопа 1

температурных расколов; следов сортировки нет. На глубине 0,95 м в отмывке грунта обнаружены несколько мелких кусочков древесного угля, покрытых кальцитовой корочкой.

В верхах бугского суглинка на глубине 0,4—1,0 м встречена наибольшая концентрация кремней. Они залегают выше и ниже этого условного уровня, не образуя резкой границы. В целом на глубине 0,2—1,5 м найден 481 кремень.

В технике расщепления кремней из данного слоя большой удельный вес занимает пластинчатое скалывание. Диагностичны два найденных уплощенных одноплощадочных нуклеуса для пластинчатого скалывания. Тело первого экземпляра имеет треугольную в плане форму, которая обусловила конвергентную направленность краевых негативов (рис. 3, *7*). Второй экземпляр представлен обломком. Картину первичного расщепления дополняет небольшой желвак кремня с двумя сформированными площадками и наметившейся субпараллельной огранкой

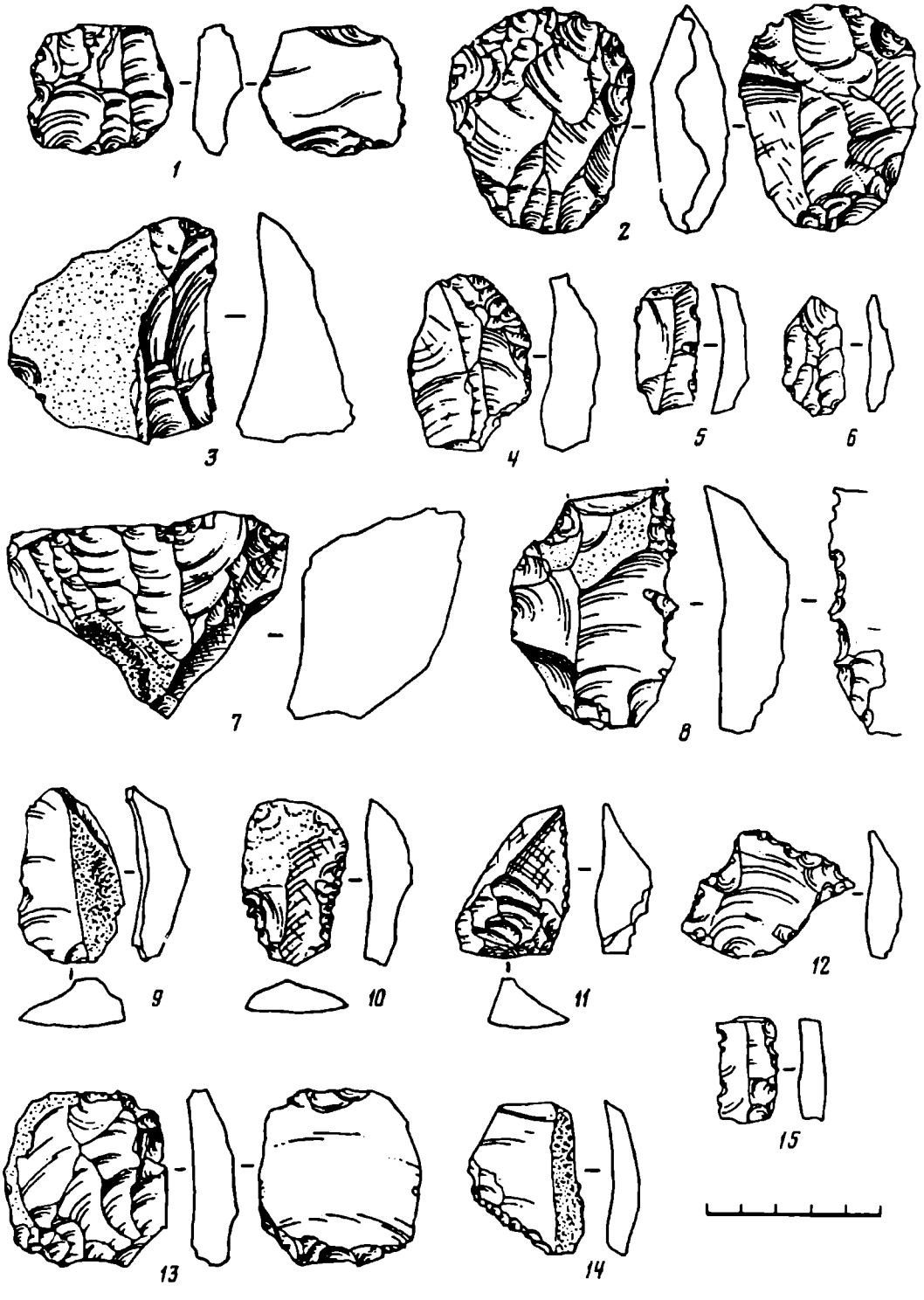


Рис. 3. Белокузьминовка. Каменные орудия

рабочих плоскостей. Соответственно достаточно высока и доля пластин (25 экз.) среди сколов-заготовок (110 экз.) — 22,7%. Этот показатель хорошо согласуется с индексом пластинчатости коллекции 1968—1970 гг.— 23,3% [3, с. 17]. Пластины представлены в основном небольшими обломками. Средняя ширина 1,5—1,8 см, толщина 0,4—0,8 см. Коэффициент массивности всех сколов — 23,5%. Определимые площадки: гладких — 18, корковых — 4, грубофасетированных — 10, тонкофасетированных — 16. Найдены 3 скола подживления площадок нуклеусов и один скол подживления бокового ребра плоского нуклеуса.

Орудия малочисленны. Подовальный в плане бифас сформирован ядрищным способом встречными ударами с двух концов. Дополнительные широкие снятия устранили нижнюю (по рисунку) площадку и придали орудию линзовидный профиль (рис. 3, *2*).

Прием утончения использовался и при обработке скребла (рис. 3, *1*). Сколы утончения тяготеют к наиболее выпуклым участкам спинки заготовки, чем несколько отличаются от способа обработки так называемых «ножей костенковского типа» [8].

Выраженную группу составляют обушковые ножи с обушками-гранями и неретушированными (но сработанными) лезвиями — 7 экз. Форма ножей вариабельна и лишь у немногих приближается к правильным геометрическим очертаниям (рис. 3, *11*).

Имеются три пластинчатых скола с ретушированными участками (рис. 3, *10*).

Два скребла атипичны (рис. 3, *4*).

Коллекция верхнего слоя бугского горизонта содержит также 3 зубчато-выемчатых орудия, долотовидное орудие (рис. 3, *3*, *8*, *12*), 16 отщепов с ретушью, 270 отщепов, сколов отделки и чешуек, 35 первичных и полупервичных отщепов, 28 кусков и обломков кремня, обломок острия (проколки?) и 3 обломка других орудий.

Порой встречающаяся на кремнях мелкозубчатая забитость или сорванность участков легко отличима от искусственной обработки.

1,5—1,9 м — бугский лёссовидный суглинок, близкий к вышележащему, но с появлением серовато-сизых оттенков, несколько плотнее, с пунктацией гидрооксидно-железисто-марганцевыми соединениями. В большом количестве содержит выцветы мелкокристаллического гипса. Переход вниз постепенный.

Обогащенность нижнебугского подгоризонта гипсом связана с боковым его привносом и развитием гидроморфных процессов на древнем склоне. Повышенный гидроморфизм и большая интенсивность делювиального смыва в раннебугскую стадию в сравнении с позднебугской согласуются с полученными ранее материалами о более влажном климате в начале этапа [9].

Количество обработанных кремней существенно уменьшается. Состав и внешний вид их такой же, как и в вышележащем горизонте.

В нижнем слое бугского горизонта на глубине 1,5—1,8 м прослежена незначительная концентрация кремней — всего 80 экз.

Нуклеусы представлены единственным экземпляром массивного грубопризматического ядрища с круговой площадкой и широкими фасетками снятий. Из 34 сколов-заготовок пластин и их обломков 9 (24%). Большинство пластин с правильной огранкой, широкие, массивные (рис. 3, *5*, *6*). 2 экз. напоминают позднепалеолитические образцы. Коэффициент массивности сколов — 21,6%. Из определимых площадок 9 гладких и корковых, 1 грубофасетированная, 6 тонкофасетированных, причем 4 — у правильных пластин.

Из орудий отметим изделие с утонченным корпусом, нож с естественным обушком, пять отщепов с ретушью, небольшое косое скребло, два зубчатых орудия (рис. 3, *9*, *13*, *14*).

Утонченное ядрищным способом орудие имеет на брюшковой стороне две полярные площадки. Одна площадка частично срезана сколами утончения, другая, наоборот, усекает верхушки лицевых фасеток утончения, заходящих со спинки на лезвийную кромку.

К отходам производства относятся 3 крупных массивных отщепа и 33 мелких сколов и чешуек.

1,9—2,7 м — представлен тремя короткопрофильными витачевскими почвами, сформированными при участии склоновых процессов. Почва заключительной стадии почвообразования (1,9—2,15 м) по габитусу близка к лёссам, но отличается от них более темной бурой окраской, появлением на гранях отдельностей коллоидных пленочек, более тяжелым гранулометрическим составом. Материал ком-

ковато-призматический, содержит мелкие выцветы гипсов. Карбонатный горизонт в виде ярко-белых пятен мучнистой пропитки углесолями кальция наиболее ярко выражен в интервале 2,15—2,35 м. По морфологическим признакам почву можно отнести к бурым полупустынным.

Почва поздней стадии оптимума (2,15—2,45 м) серовато-бурой окраски, тяжелосуглинистая, комковато-глыбистой структуры, пропитана карбонатами, содержит выцветы гипсов, проникшие из вышележащей почвы и с боковым привносом, с тонкопотечной нижней границей.

Почва ранних стадий оптимума (2,45—2,7 м) наиболее яркой бурой окраски, тяжелосуглинистая, опесчаненная, плотного сложения, призматической структуры, также включает многочисленные гнездышки мелкокристаллического гипса. Нижняя граница языковатая. Карбонатный иллювий прослеживается под ней в виде сплошного прослоя мучнистых углесолей кальция.

Почва поздней стадии оптимума с признаками оглинивания материала, слабого гумусонакопления, слабого выщелачивания карбонатов и засоления сформирована, вероятно, в условиях континентального, но достаточно теплого климата под открытыми незалесенными ландшафтами. Почва ранних стадий оптимума может быть по сумме признаков сопоставлена с темно-бурыми почвами, выделенными для витачевского этапа в северной части современной степной зоны [10, 11].

В этих почвенных уровнях залегают разрозненные кремневые орудия и отходы производства с явными следами сортировки. Обнаружены в основном средние, по 2—3 см, и крупные кремневые предметы. Патина фарфоровидная и бело-голубая. Кремни менее повреждены, чем лежащие в бугском суглинке, но более окатаны. На многих крупных образцах заметны участки с зеркально заполированной поверхностью. Характерно залегание ряда предметов в вертикальном и наклонном положении, что согласуется с участием делювиальных процессов в формировании почв. На глубине 2,46—2,50 м зафиксирована выдержанная по простиранию линза находок диаметром около 1 м, уходящая в нераскопанную часть отложений.

В почвах витачевского горизонта собрана коллекция из 101 кремня. Материал технически однородный, поэтому мы рассмотрим его суммарно.

Нуклеусы и их заготовки не обнаружены, но техника первичного расщепления достаточно полно характеризуется сколами-заготовками. Основу заготовок составляют массивные укороченные отщепы с разнообразной огранкой спинки. Из 35 отщепов размерами более 2 см параллельную огранку и тонкое сечение имеют 9 образцов. Пластин 6, из них истинных 3, 1 небольшого размера с винтообразной плоскостью брюшка — явный технический брак (рис. 4, *10*). Из площадок 14 гладких, 7 грубофасетированных, 5 тонкофасетированных. В целом техника расщепления представляется как примитивная с добавлением небольшого процента протопризматического скалывания.

Набор орудий небольшой (14 экз.), но очень разнообразный. Для получения орудий использовалась различная ретушь, фрагментация, утончение. Особо эффективен остроконечник (рис. 4, *1*), изготовленный из дистального обломка крупной пластины. Лезвие сформировано характерной ступенчатой ретушью. На основании орудия с лицевой стороны видны попытки нанесения утончающих сколов параллельно и перпендикулярно торцу слома. Скребла представлены ординарным продольным на крупной пластинчатой заготовке (рис. 4, *5*), угловым экземпляром с утонченным корпусом (рис. 4, *2*), а также угловым с выраженным перехватом в нижней части корпуса (рис. 4, *3*), своего рода «черенковым» скреблом. У последнего образца два сходящихся лезвия образованы распространенной моделирующей ретушью, снявшей желвачную корку на отщепе-заготовке. Угол заострения лезвий около 45°. Противоположный лезвию конец притуплен крутой «сминающей» ретушью с лицевой стороны и уплощен с брюшковой.

Небольшой серией представлены обушковые формы: нож с ретушированным обушком (рис. 4, *8*) и два отщепа треугольной в сечении формы со сработанными противоположными обушкам лезвиями. Показателен экземпляр, изображенный на рис. 4, *9*.

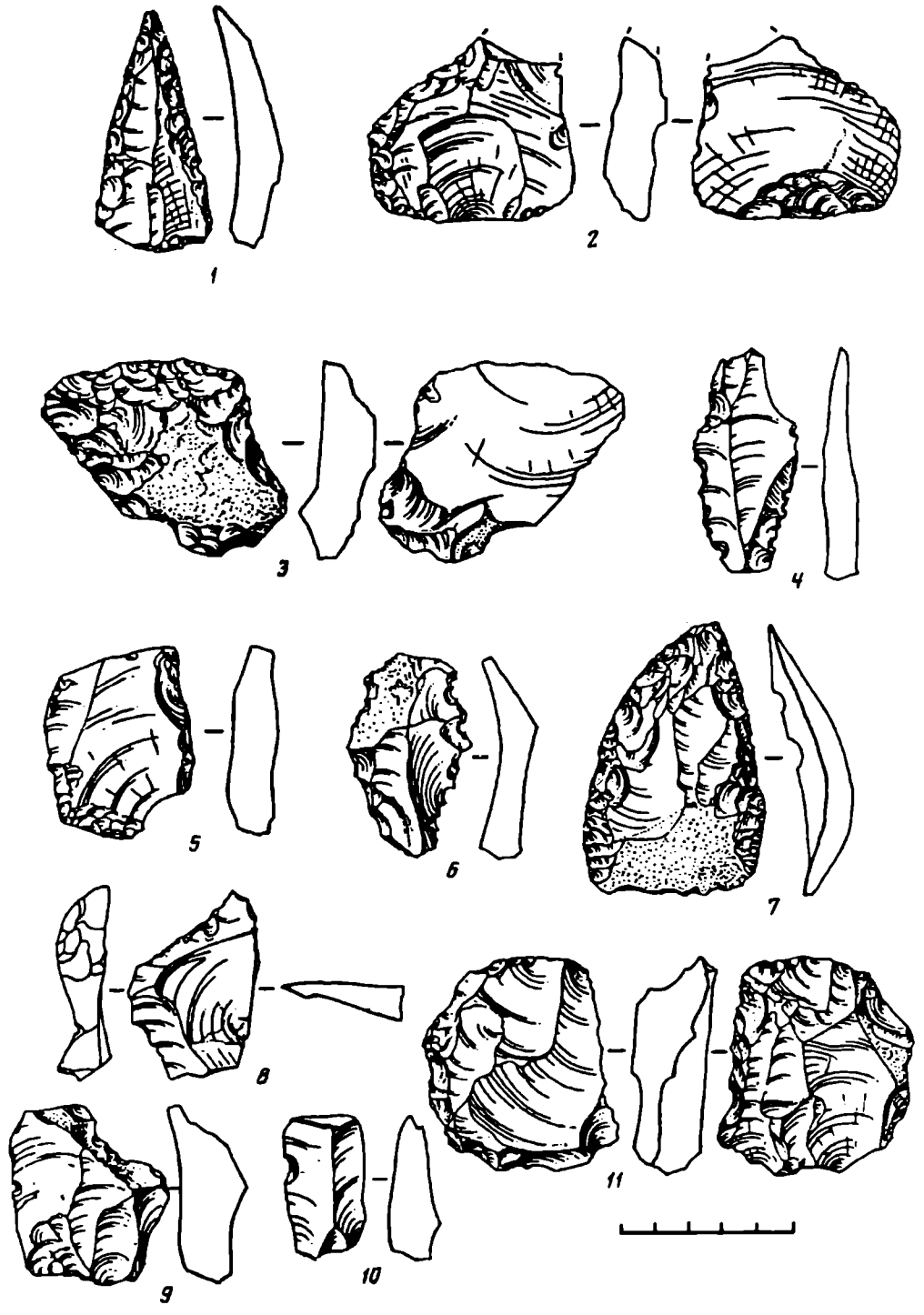


Рис. 4. Белокузьминовка. Каменные орудия

Хорошо выражены зубчато-выемчатые орудия — 5 экз. (рис. 4, *4*, *6*). В качестве заготовок для них использовались отщепы и пластинчатые сколы. Характерный зубчатый рисунок контура этих орудий сформирован серией ретушированных различных по величине лицевых анкошей.

Коллекцию дополняют сколы отделки (10) и подправки площадок (2), мелкие отщепы (18), осколки (13), обломки кремня (8), обломок орудия.

2,7—2,8 м — удайский лёссовидный суглинок, прослеживается пятнами между языками витачевского почвенного материала, буровато-палевый, тяжелый, слабо уплотненный, без четкой структуры, карбонатный, проникает в нижележащую

толщу по узким ветвящимся трещинам (жилам) длиной до 1,3 м. Морфология структур свидетельствует о принадлежности их к тонким, обособленным трещинам и к первично земляным жилам [12]. Морозобойное растрескивание грунтов в удайское время происходило в условиях холодного, резко континентального климата с малоснежными зимами. Суглинок содержит единичные кремни.

2,8—3,5 м — прилукская лугово-каштановая почва. Четкая дифференциация на генетические горизонты отсутствует. Количество гипса меньше, чем в витачевском горизонте. Это может отражать меньшую интенсивность делювиального переотложения материала и меньшую (в сравнении с поздними стадиями витачевского этапа) аридность условий почвообразования. Почвенный материал серый с буроватым оттенком, среднесуглинистый, структура пылевато-комковатая; толща пронизана карбонатными трубочками; переход вниз постепенный. В прилукской почве встречаются единичные кремни, как мелкие, так и крупные. Залегают в горизонтальном положении, не окатаны. Патина частичная бело-голубая, редко более интенсивного белого цвета. Замечено, что более патинированные кремни попадаются в суглинистом заполнении трещин.

Кроме мелких отщепов выделяется остроконечник с равномерно выпуклым пологим (угол заострения 20—30°) левым и крутым (60—80°) правым краями (рис. 4, *7*). Изготовлен из крупного, относительно тонкого отщепа. К моменту использования отщеп был покрыт патиной, сохранившейся в виде более плотного налета на брюшке и на части спинки, в отличие от бело-голубой патины, покрывающей ретушированные участки.

3,5—4,2 м — кайдакская лугово-черноземная почва. Подтверждением стратиграфической самостоятельности этого почвенного горизонта являются тонкие обособленные трещины, начинающиеся непосредственно у его кровли, принадлежащие к другой возрастной генерации, чем структуры удайского криогенеза и выполненные тясминским (московским), лёссовидным материалом. Горизонт Н (3,5—4,0 м) — темно-серый до черного, среднесуглинистый, комковато-зернистый, рыхлый, с явно вторичной карбонатной пропиткой, мелкокристаллическим гипсом. Равномерное распределение гипса по профилю свидетельствует о боковом его привносе. В интервале 4,0—4,2 м (горизонт Нр) гумусовая прокраска бледнеет. Нижняя граница горизонта неровная, осложнена тонкими гумусовыми потеками и отдельными крупными клиньями, внедряющимися в нижележащий лёсс и выполненными почвенным материалом.

В кайдакской почве залегают единичные разрозненные кремни без патины или с небольшим белесым налетом — всего 13 экз. Обращенная кверху сторона патинирована несколько сильнее, чем нижняя. Встречаются в трещинах и в почвенной породе. Кремни залегали от глубины 3,5 м до глубины 4,25 м. Выделяются нуклеус типа джрабер (рис. 4, *11*), нуклевидный кусок, обушковое орудие, отщепы. Четыре наиболее крупных отщепа, до 6 см величиной, имеют укороченные пропорции, гладкие и корковые площадки, нерегулярную огранку спинки. Вместе с тем два тонких пластинчатых отщепа хорошо огранены, у одного из них фасетированная выпуклая площадка. Орудие — обушковый отщеп со следами нерегулярной ретуши. Нуклеус с противолежащим встречным скалыванием напоминает сильно сработанное черепаховидное ядрище, у которого подправка тыльной стороны переросла в самостоятельное скалывание. Левый (по рисунку реверса) край нуклеуса срезан крутой однорядной ретушью. Образовавшаяся зубчатая кромка сильно смята, покрыта мелкими выщерблинами, заходящими на лицевую сторону.

4,2—4,5 м — лёсс днепровский желто-палевый, легкий, бесструктурный, пропитан карбонатами в дисперсной форме, содержит гумусированные кротовины. Археологические находки не выявлены.

Как видим, в разрезе раскопа 1 горизонты залегают в правильной стратиграфической последовательности, свидетельствующей об отсутствии продолжительных перерывов в осадконакоплении. Невыраженность среднеплейстоценового тясминского (московского) горизонта характерна для разрезов восточной части

Украины и объясняется переработкой первично маломощного лёссового горизонта последующим почвообразованием [9, 10]. В целом на изучаемом участке склона в днепровско-бугском отрезке плейстоцена преобладала аккумуляция мелкозема.

Раскопом не вскрыт полный разрез аллювия террасы, что не позволяет без дополнительных исследований точно установить ее возраст. Однако он явно доднепровский, не моложе завадовского (т. е. самого начала среднего плейстоцена).

В последнепровское время в террасу была врезана балка, вскрытая раскопом 1 и прилегающей к нему траншеей (рис. 2). Направление тальвега ее неясно. В фазу затухания эрозии происходило заполнение балки мелкоземом, а затем формирование полнопрофильной кайдакской почвы. Последняя сформировалась на слабо опесчаненном материале, что возможно при дальнейшем замедлении процессов смыва. Делювий балки, вскрытый на небольшой площади, не содержит находок обработанных кремней. Они встречаются непосредственно в материале почвы над аккумулятивным заполнением балки.

Смыв несколько усилился во время образования прилукской и особенно витачевских почв, с чем говорят запесченность, характер новообразований, изменение мощностей и выраженности генетических горизонтов этих почв. Сильная нарушенность прилукских отложений мерзлотной деформацией и малое количество находок затрудняют определение степени переотложенности этих кремней. Не вызывает сомнений переотложенность кремневой индустрии витачевского времени. Своеобразным показателем сортировки этого материала является наличие нескольких мелких и мельчайших чешуек в витачевском делювии, вскрытом ниже по склону зачисткой 1. В бугское время интенсивность делювиального смыва уменьшилась от времени накопления нижней толщи в верхней. Судя по результатам шурфовок 1968—1970 гг., находки в бугском горизонте локализуются на ограниченном выположенном участке мыса, т. е. культурный слой памятника, несмотря на размыв, не претерпевал существенного «растаскивания» и местоположение древнего поселения (поселений) фактически соответствует современному.

Таким образом, данные наблюдения позволяют констатировать существование в районе с. Белокузьминовка на протяжении длительного отрезка времени позднего плейстоцена ряда древних стоянок, разрушенные остатки которых включены в делювиальные склоновые отложения правильной стратиграфической последовательности. Отложения представляют практически всю стратиграфическую колонку Юго-Восточной Украины от кайдакского до бугского времени включительно. Количество стоянок установить невозможно, но местонахождение заселялось по крайней мере трижды — в прилукское, витачевское и бугское время.

Стратиграфическое значение немногочисленных кремней из кайдакского горизонта пока неясно. Кайдакская почва соответствует позднему ашелю по археологической периодизации плейстоцена. В то же время наиболее выразительные изделия из данного горизонта имеют вполне мустьерский облик без признаков архаизма. С этим хорошо согласуется залегание большинства кремней в суглинистом заполнении трещин — т. е. они скорее всего внедрены из вышележащий почвы.

Над кайдакской почвой в прилукском горизонте залегали также многочисленные изделия из кремня, среди которых выделяется эффектный широкий мустьерский остроконечный нож.

Выразительная мустьерская индустрия, содержащая остроконечник, скребла различных типов, обушковые формы, зубчато-выемчатые орудия, происходит из витачевского горизонта. Остроконечник с лицевым утончением корпуса и скребло угловатых очертаний встречают аналогии среди небогатой орудиями Звановской мустьерской мастерской, расположенной в 40 км от Белокузьминовки.

Два условных бугских горизонта содержат технически и типологически однородную индустрию, занимающую морфологически промежуточное положение между мустье и поздним палеолитом. С одной стороны, здесь присутствуют мустьерские обушковые ножи, бифас, зубчатые изделия, скребла, с другой —

изделия, приближающиеся к костенковским ножам позднего палеолита, хорошо развитая пластинчатая техника расщепления камня. Весьма диагностичен коэффициент массивности сколов, приближающийся к показателям, характеризующим позднее мустье. Особого внимания заслуживают орудия с утонченным корпусом — очень близкие к костенковским ножам, но отличающиеся от них шириной, размерами и направленностью сколов утончения на модуляцию преимущественно корпуса, а не только рабочих кромок. Как видно, есть веские основания предполагать финально-мустьерский или переходный археологический возраст индустрии бугского горизонта.

По многим параметрам (обушковые формы, зубчатые, техника первичного расщепления, характер вторичной отделки, включая прием ядрищного утончения) индустрии витачевского и бугского горизонтов вполне сопоставимы. Это обстоятельство может указывать не генетические связи комплексов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Цвейбель Д. С.* Стоянка с зубчатым мустье у с. Белокузьминовка на Донетчине//АНУ — 1968. Киев: Наук. думка, 1971.
2. *Гладилин В. Н.* Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев: Наук. думка, 1976.
3. *Цвейбель Д. С., Колесник А. В.* Техника первичного расщепления кремня на стоянке Белокузьминовка в Донбассе//СА. 1986. № 1.
4. *Праслов Н. Д.* Ранний палеолит Русской равнины и Крыма//Палеолит СССР. М.: Наука, 1984.
5. *Веклич М. Ф., Сиренко Н. А., Адаменко О. М. и др.* Палеогеографические этапы и детальная стратиграфическая схема плейстоцена Украины. Киев: Наук. думка, 1984.
6. Решение 2-го Межведомственного стратиграфического совещания по четвертичной системе Восточно-Европейской платформы. Региональные стратиграфические схемы. Ленинград: ВСЕГЕИ, 1986.
7. *Веклич М. Ф., Матвийшина Ж. Н. и др.* Методика палеопедологических исследований. Киев: Наук. думка, 1979.
8. *Беляева В. Н.* Опыт создания методики описания «ножей костенковского типа»//Проблемы палеолита Центральной и Восточной Европы. Л.: Наука, 1977.
9. *Веклич М. Ф.* Стратиграфия лёссовой формации Украины и соседних стран. Киев: Наук. думка, 1968.
10. *Веклич М. Ф., Сіренко Н. С. та Ін.* Розвиток грунтів України у пізньому кайнозої. Киев: Наук. думка, 1973.
11. *Сиренко Н. А., Турло С. И.* Развитие почв и растительности Украины в плиоцене и плейстоцене. Киев: Наук. думка, 1986.
12. *Гугалинская Л. Н.* Почвообразование и криогенез центра Русской равнины в позднем плейстоцене//Автореф. дис... канд. биол. наук. М., 1979.

Институт географии АН Украины, Киев
Донецкий областной краеведческий музей

N. P. GERASIMENKO, A. V. KOLESNIK

ARCHAEOLOGICAL AND STRATIGRAPHICAL STUDY OF BELOKUSMINOVKA CAMP (DONBASS)

Summary

In 1986 the stratigraphical study of early Palaeolithic Belokusminovka camp was carried out. The camp has several late pleistocene stratums in normal stratigraphic succession. The cultural remains were found to the depth 4,3 m. They were presented by the tools of early, middle and final Mustuer industries. Two the latter are connected genetically.

В. И. НЕПРИНА, А. Б. СУПРУНЕНКО, И. Н. ГАВРИЛЕНКО

ЖИЛИЩЕ НА МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ ПОСУЛЬЯ ВЯЗОВОК 4 а

Стоянка Вязовок 4 а открыта в 1984 г. А. Б. Супруненко и И. Н. Гавриленко. Стоянка расположена в 2 км к югу от с. Вязовок Лубенского р-на Полтавской обл. Шурф, заложенный в центре задернованного возвышения в урочище Данылив островок, обнаружил остатки жилища предположительно мезолитического времени [1, с. 39—41]. Это обстоятельство определило огромный интерес к открытому памятнику, так как в настоящее время объекты мезолитической эпохи в лесостепном Левобережье представлены слабо, тем более с остатками жилых сооружений. Известен узел памятников в районе Смячки в лесной зоне [2, с. 13—32], на Северском Донце [3, с. 88—106] и на днепровских порогах [3, с. 67—87]. В других районах Левобережья мезолитические памятники отмечены сборами на поверхности (урочище Загай на р. Трубеж, Ахтырка на р. Ворскле [4, с. 73—94; 5, с. 74—77; 6; 7, с. 41—54; 8, с. 92—98], некоторые памятники Киевщины [5; 6, с. 99—108, 9, с. 60—66; 10, с. 12—21]).

В 1985 г. В. И. Неприной на стоянке Вязовок 4 а были проведены раскопки на площади 35 м^2, охватившие всю площадь обнаруженного шурфом жилища.

Стоянка находится на возвышении, расположенном между новым и старым руслом р. Слепорода (правый приток р. Сулы), на правом ее берегу (в древности — на левом), в 4 км вверх по ее течению от устья. Возвышение, по всей вероятности, представляет собой останец склона высокой террасы правого берега р. Сулы, отделенной от нее шоссейной дорогой из с. Александровка в г. Лубны.

Работы были начаты с выборки засыпанного шурфа 1984 г., по северной стенке которого четко прослеживается стратиграфия памятника (рис. 1, *2*): *1* — современная почва — черно-серая гумусированная супесь — 0—0,3 м; *2* — подпочва — серовато-белый песок — 0,3—0,4 м; *3* — столбчатый коричневый суглинок — 0,4—0,6 м; *4* — углистый слой верхней части заполнения жилища — 0,6—0,7 м; *5* — заполнение жилищного и очажного углублений — суглинок с углистыми пятнами — 0,7—0,8 м; *6* — дно жилищного углубления второго строительного горизонта — углистый суглинок — 0,8—0,9 м; *7* — углистая прослойка дна очажной ямы и первого строительного горизонта — 0,9—1,05 м; *8* — подстилающий слой — палевый суглинок с железистыми конкрециями — от 1,05 м и глубже.

Культурные остатки встречены в почве, подпочве, нижней части столбчатого суглинка и в жилище. Представляется вероятным образование слоя столбчатого суглинка в результате того, что р. Слепород в древности меняла русло и на какое-то время образовался стоячий водоем, заливший возвышение, на котором находилось жилище; затем, после прокладывания рекой нового русла, возвышение освободилось от воды, но жилище на этом месте больше не было возобновлено, хотя находки в более поздних, перекрывающих жилище слоях встречаются и близки находкам в жилище. Следует также подчеркнуть, что само жилище имеет два довольно ясно различимых в разрезе горизонта, свидетельствующих

© В. И. Неприна, А. Б. Супруненко, И. Н. Гавриленко, 1992 г.

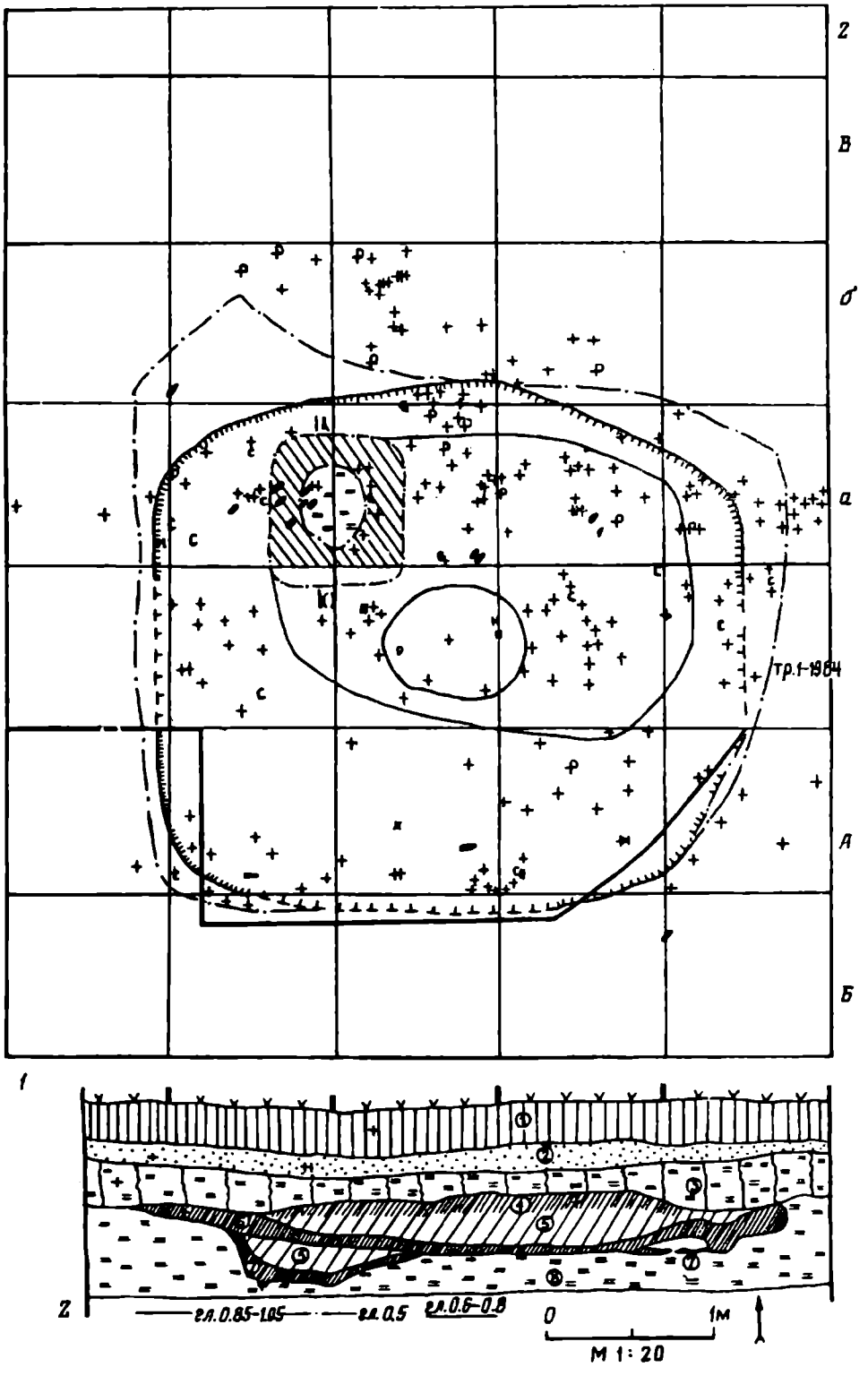


Рис. 1. Вязовок 4 а. *1* — план раскопа; *2* — разрез через жилище по линии кв. а/1—5

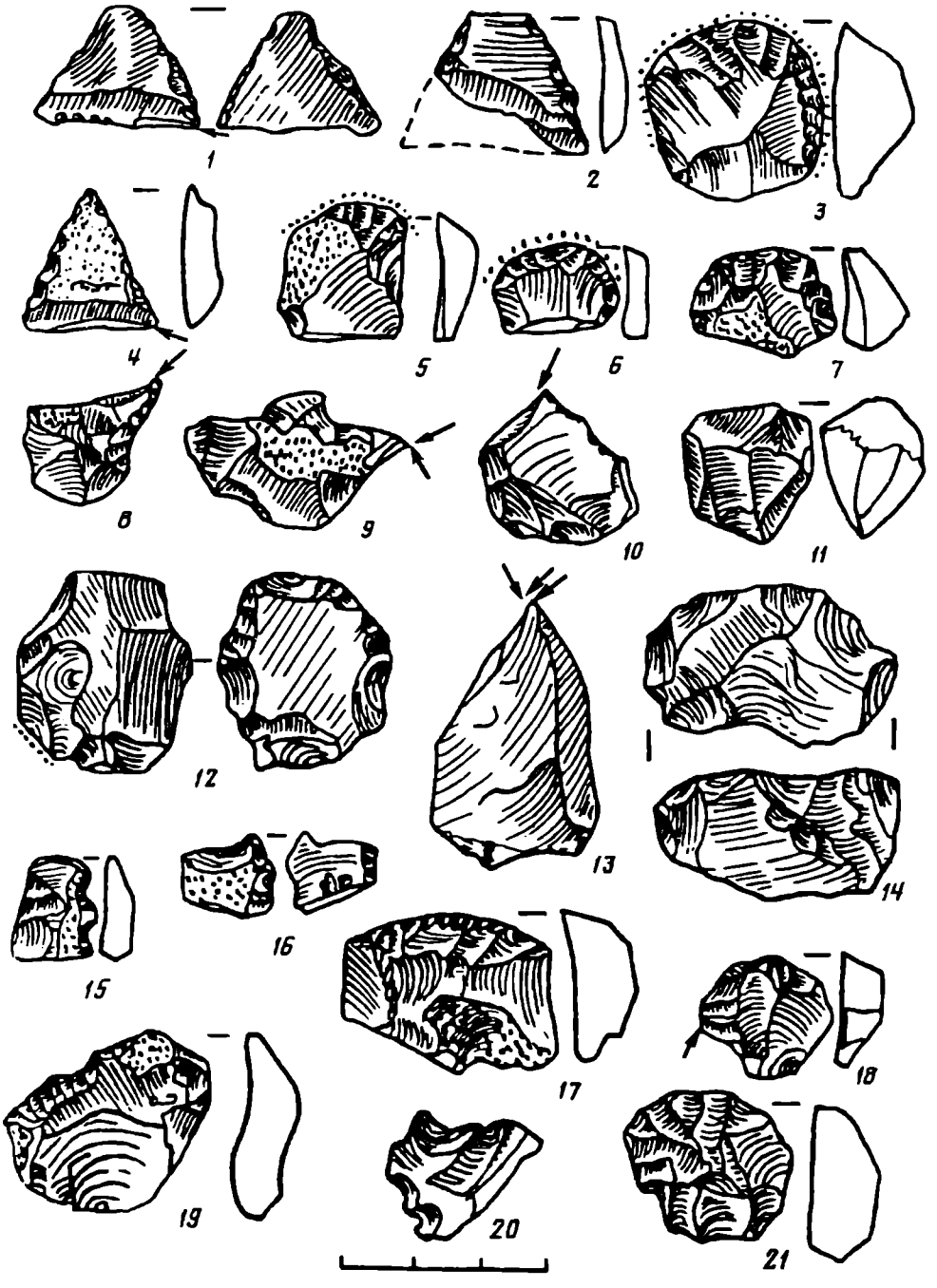


Рис. 2. Вязовок 4 а. Изделия из кремня: *1—12* — дно жилища; *14, 21* — очаг; *13, 15—20* — уровень дна жилища и рядом с жилищем

о том, что жилище было покинуто и затем возобновлено на том же месте с использованием того же очага.

Для вскрытия жилища целиком был заложен раскоп 5×7 м, охвативший шурф со всех сторон (рис. 1, *1*).

В плане жилище имеет вид неправильного овала, ориентированного по линии восток — запад с выступом выхода в сторону старого русла реки. Площадь жилища 12 м^2. Очаг располагался в северо-западной части углубления, почти на выходе, имел размеры 0,8×0,9 м, яма очага — подпрямоугольной формы, глубина от дна жилища 0,25 м. Глубина сохранившейся части жилища до 0,3 м.

Второй очаг раскладывался на полу жилища в его центре; он овальной в плане формы (0,82×0,66 м), толщина углистой линзы — около 0,1—0,15 м.

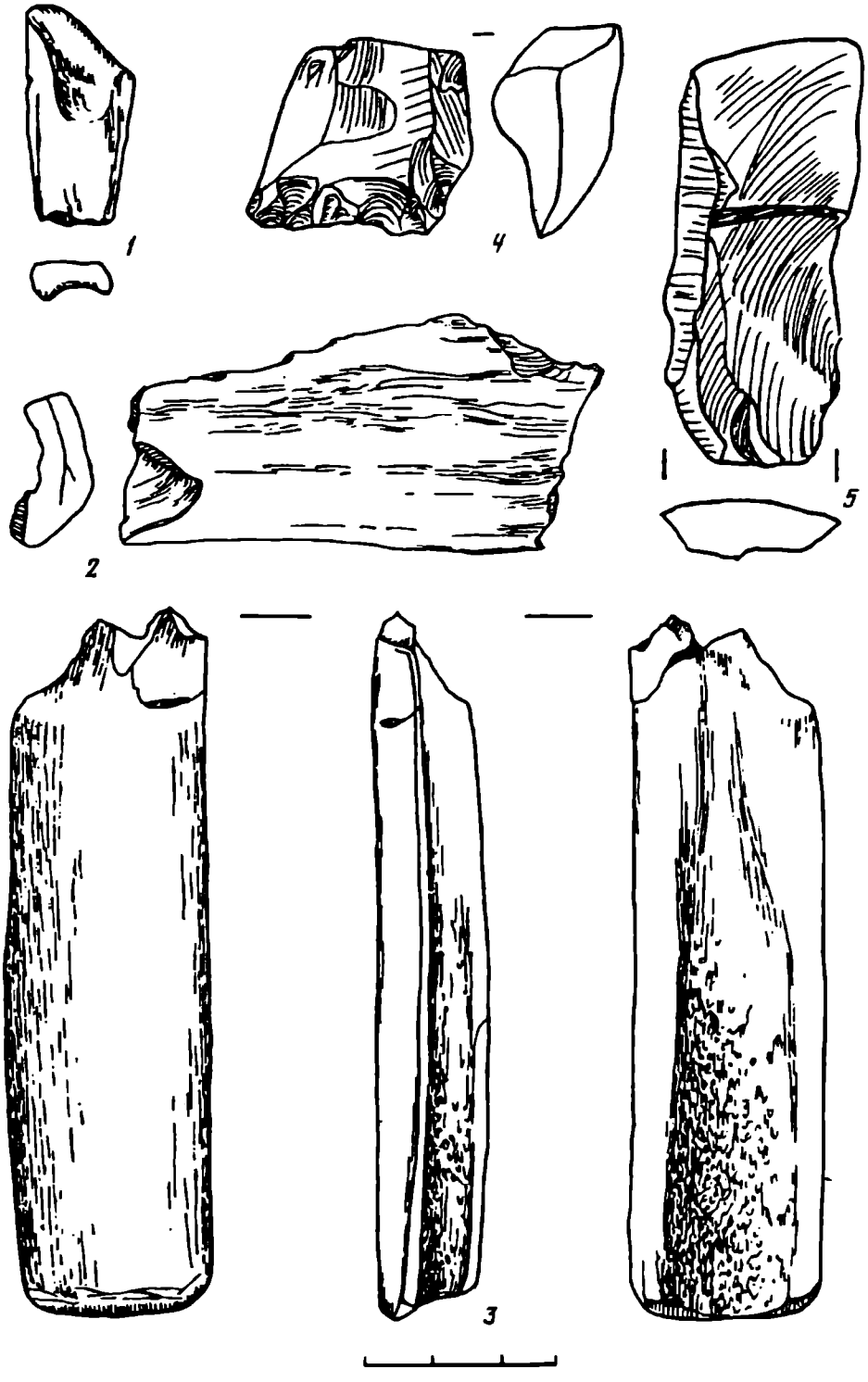


Рис. 3. Вязовок 4 а. Изделия из кости (*1—3*), кремня (*4*) и кварцита (*5*)

Скопления кремневых и костяных изделий, костей животных в жилище располагались около очагов и на площади жилища, выходя и за пределы последнего, но не далее 1 м. В очаге найдены кости челюсти и коленного сочленения ноги крупного животного[1], кремневая трапеция (рис. 2, *1*), два скребка (рис. 2, *21*), 2 нуклеуса (рис. 2, *14*). Вблизи очага было найдено еще два микролита (рис. 2, *2*, *4*), четыре скребка и восемь резцов (рис. 2, *3*, *5—10*). Возле

[1] Кости животных были переданы на определение в Институт зоологии АН Украины Н. Г. Белан.

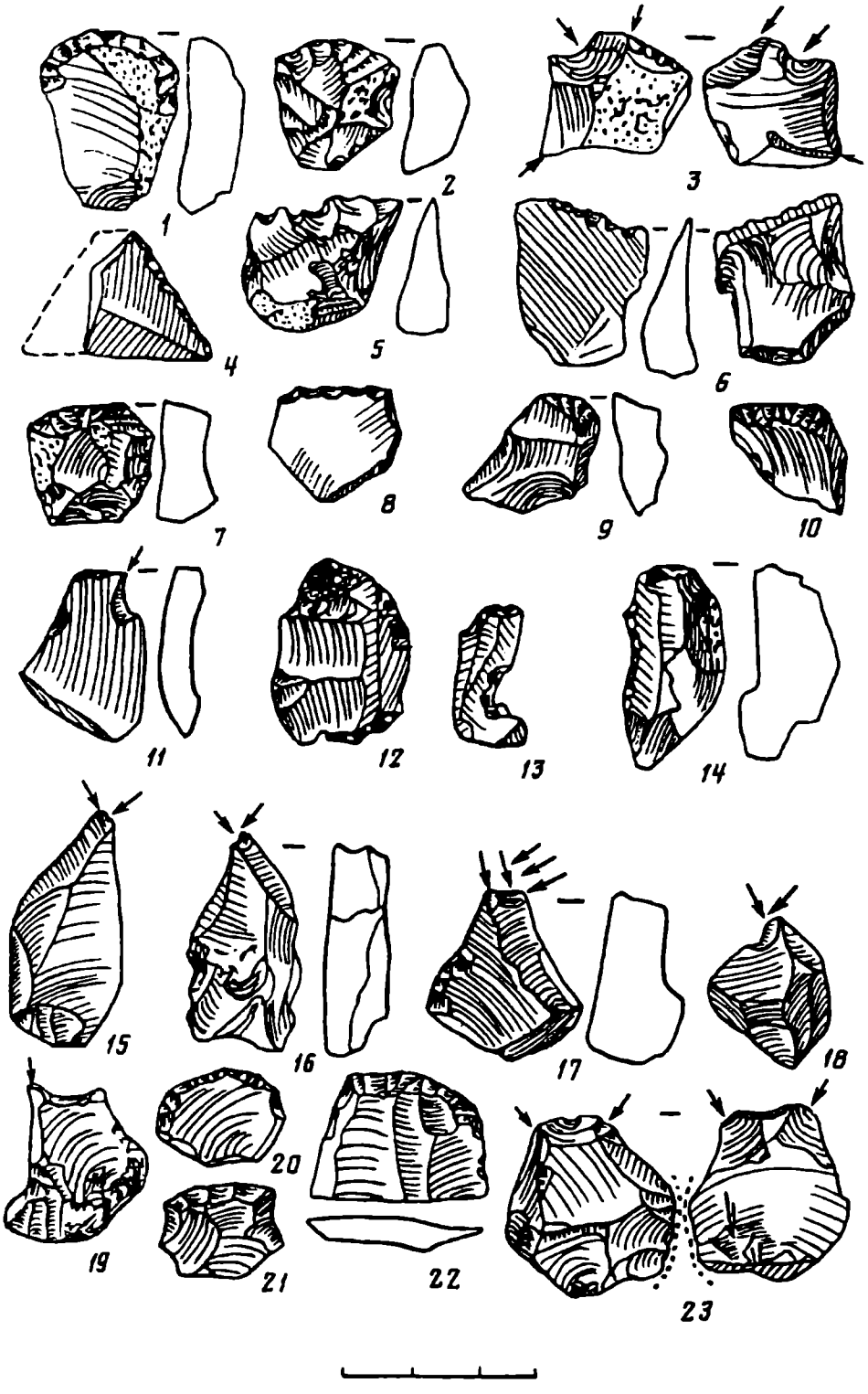


Рис. 4. Вязовок 4 а. Кремневый инвентарь из столбчатого суглинка и верхнего заполнения жилища

юго-восточного края жилища, снаружи, найдено три кремневых отщепа и костяное орудие со сломанным лезвием (рис. 3, *5*). У северного края жилища, вдоль стенки входа и северной стенки, залегали скопления кремневых отщепов и отдельные орудия труда: резцы, нуклеусы, ребристые сколы (рис. 2, *13*, *15—20*).

В столбчатом суглинке, по всей вероятности, залегают культурные остатки размыва верхней части культурного слоя, к которому относилось описанное жилище, поэтому находки в нем следует считать одновременными находкам

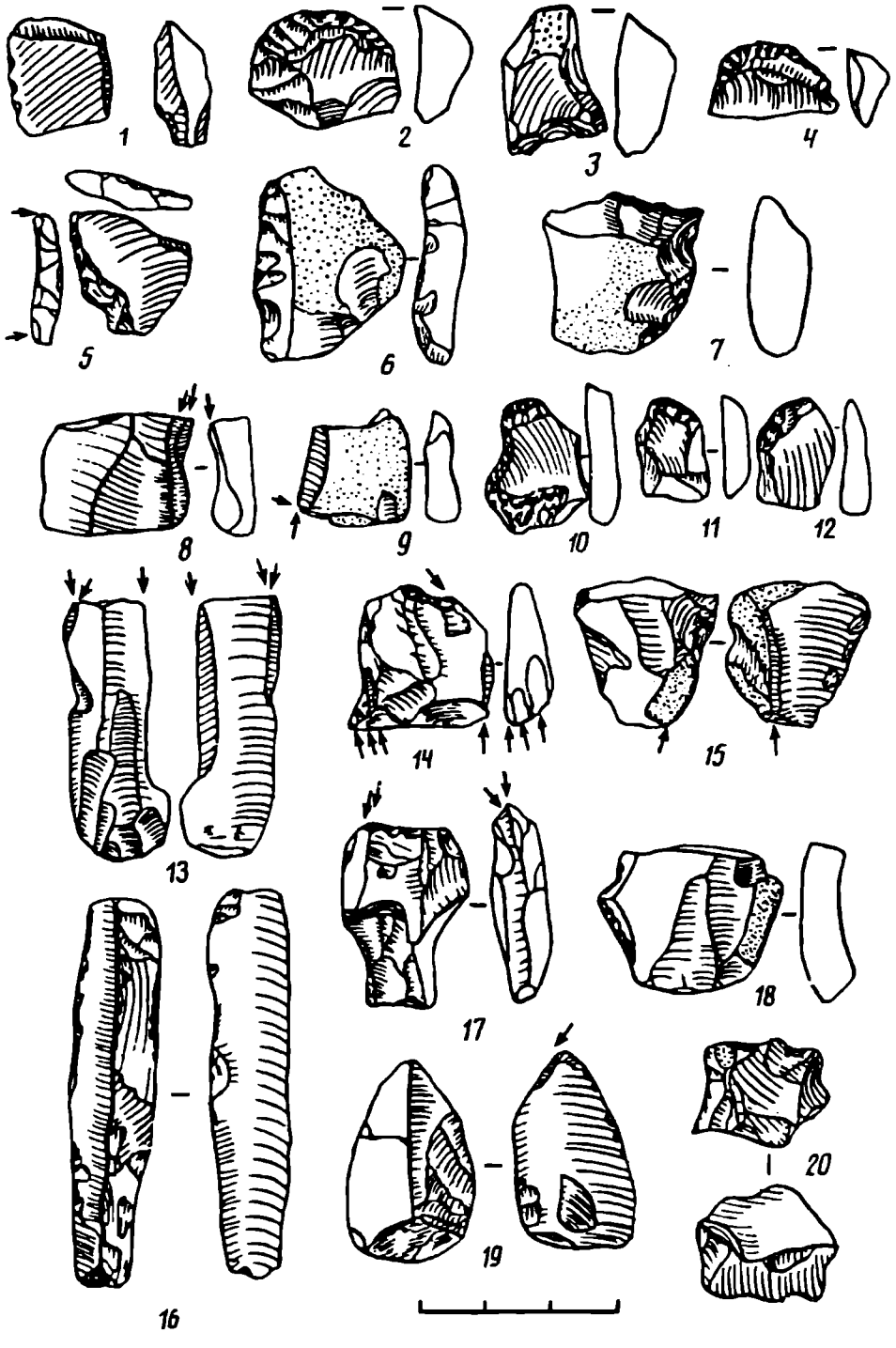


Рис. 5. Вязовок 4 а. Кремневый инвентарь почвенного слоя

из жилища и ближайшего к нему окружения. Кремневый инвентарь этого слоя (рис. 4, *1—23*) составляют: 19 аморфных нуклеусов, 94 мелких и средних размеров отщепов, 9 мелких пластин, 16 скребков, высокое скребло, нуклевидный отбойник, 8 резцов и 2 отщепа с зубчатой ретушью; один, из фрагментов пластин, возможно, следует реконструировать как трапецию или треугольник (рис. 4, *4*). Среди находок — вкладыш из сечения пластинки с подретушевкой (рис. 5, *1*).

В слое почвы и подпочвы, выше столбчатого суглинка, были найдены кремневые, кварцитовые и гранитные изделия, кости животных, обломки керамики. Количественно находки из этих слоев самые многочисленные (рис. 5, 6): 42

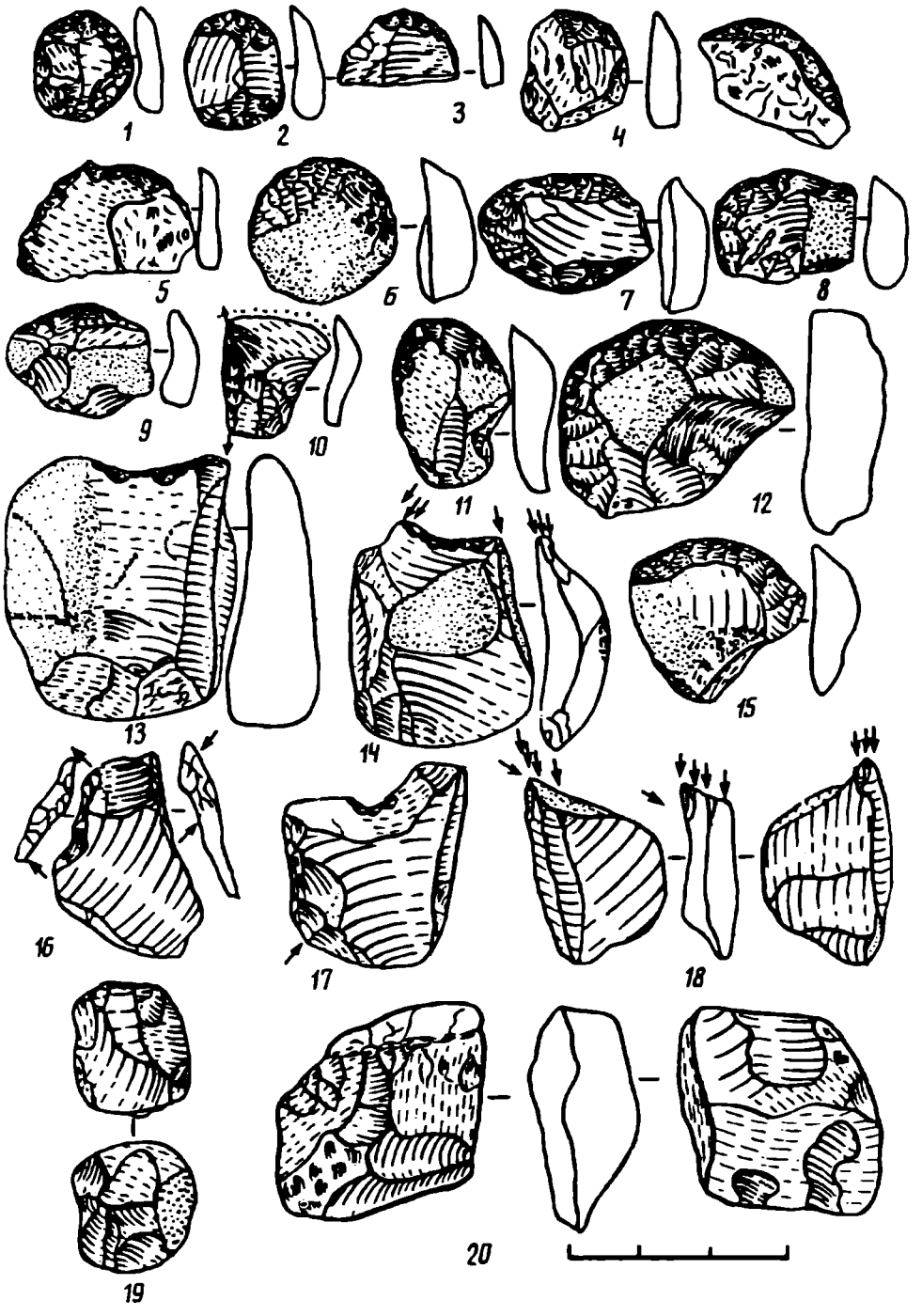


Рис. 6. Вязовок 4 а. Кремневый инвентарь почвенного слоя

нуклеуса (38 аморфных, клиновидный, многоплощадочный и др.), 223 отщепа, 13 пластин, 2 малых транше, 2 маловыразительные пластинки с притупленными краями, 15 резцов, 31 скребок, треугольный наконечник стрелы, 2 ножа (пластинчатый с черешком и пластинчатый остроконечный), 5 скобелей. Орудия составляют около 18,5% всех кремней, резцы — 24% всех орудий, скребки — 50%. В таблицах 1 и 2 представлены техника расщепления кремня и типологический состав кремневых орудий по всем слоям поселения.

Орудия составляют 20,5% всех кремневых изделий и отходов их производства; отщепы — 77,9, пластины — 8,4, нуклеусы — 13,7%. В подсчеты не включены крупная пластина и три крупных отщепа из кремнистого сланца.

Таблица 1

Изделие	Жилище	Столбчатый суглинок	Почва и подпочва	Всего
Нуклеусы				
пирамидальные	—	—	1	1
аморфные	16	19	38	73
клиновидные	2	—	1	3
многоплощадочные	—	—	1	1
овальные	1	—	—	1
призматические	—	—	1	1
Орудия из нуклеусов	4	7	4	15
Отщепы	117	94	223	434
Орудия из отщепов	37	20	48	105
Пластины	12	1	5	18
Ребристые пластины	1	—	3	4
Микропластины	—	9	5	14
Резцовые сколы	2	—	—	2
Орудия из пластин	8	3	11	22
Всего кремней	200	153	341	694

Скребки — наиболее многочисленная категория орудий этой стоянки — обычно изготовлены на отщепах; для оформления лезвий характерна пологая ретушь, придающая лезвиям остроту ножей. Некоторые экземпляры имеют зауженное основание заготовки для вставки орудия в рукоятку (рис. 2, *3*, *5*), некоторые — следы сглаженности на лезвиях от употребления их в качестве резаков (рис. 2, *3*, *5–6*). Преобладают отщеповые концевые скребки с подретушевкой конца отщепа (рис. 2, *7*, *19*; рис. 4, *7—8*; рис. 5, *11—13*; рис. 6, *4*, *7—10*, *12*, *13*, *16*), есть округлые (рис. 2, *21*; рис. 6, *1*) и полукруглые (рис. 2, *7*; рис. 6, *3*, *7*) и один двойной скребок (рис. 6, *2*). Следует напомнить, что для местных памятников неолитической эпохи скребки с пологой ретушью не характерны. Подобные скребки встречаются в ряде памятников гребениковской мезолитической культуры в мезолите Северного Причерноморья [11, табл. XX]. Для серии скребков стоянки Вязовок 4 а характерна ретушь по всему периметру орудий, но рабочие лезвия не округлы, а как бы составлены несколькими лезвиями под углом друг к другу (рис. 4, *2*, *7*). Такого типа орудия затем встречаются в комплексах лисогубовской неолитической культуры [12].

Резцы стоянки иногда имеют древний палеолитический облик (рис. 2, *13*; рис. 4, *15*, *16*; рис. 6, *14*), преобладают же резцы нуклевидные срединные (рис. 4, *17*, *18*) или угловые (рис. 5, *18*, *19*). Ряд орудий на массивных отщепах и пластинах, оформленный плоскими широкими сколами, заставляет вспомнить известные по Кукреку резцы. Но типичных кукрекских вкладышей здесь не найдено, а плоские резцы происходят из почвенного слоя (рис. 4, *3*, *23*).

Микролиты стоянки довольно крупные — это треугольники и трапеции, для последних характерны узкие верхние и широкие нижние основания, ретушь крутая и иногда выемчатая (рис. 2, *1—4*; 4, *4*; 5, *6*). Малые транше — крупные, песочноровского типа (рис. 6, *11*, *17*); все они найдены в слоях почвы и подпочвы. Аналогии микролитам из жилища находятся в местонахождении у Ненасытецкого порога, Сурском V, Ямбурге, Листвянке и Подгорцах [3, с. 75, 80, 85—87, 13, с. 119—121], а также в Моспино на Северском Донце [13, с. 123; 14, с. 12, 13]. В почвенном слое найден сегмент, изготовленный из пластины: дуга сегмента оформлена крутой ретушью, а на основании оформлено острие (рис. 5, *5*). Подобные сегменты есть в памятниках дробышевского этапа мезолитической культуры на Северском Донце [13, с. 181]. Из заполнения жилища происходят два орудия типа сегментов, но изготовленные путем скалывания пластинки с

Таблица 2

Типологический состав кремневых орудий

Изделие	Жилище	Столбчатый суглинок	Почва и подпочва	Всего
Скребки				
пластинчатые концевые	2	1	—	3
отщеповые концевые	16	14	19	49
» округлые	1	1	3	5
» полукруглые	1	—	4	5
» овальные с черешком	—	—	3	3
» концевые-боковые	—	—	2	2
Резаки отщеповые	—	—	2	2
Резцы				
нуклевидные срединные	2	5	2	9
» угловые	1	—	—	1
отщеповые угловые	3	2	4	9
отщеповые угловые с ретушью	2	—	1	3
» срединные	3	1	2	6
» боковые с выемками	—	—	1	1
» между выемками	1	—	—	1
пластинчатые угловые	—	—	4	4
» срединные	—	—	1	1
Микролиты				
треугольник пластинчатый	3	—	—	3
трапеции пластинчатые	2	—	—	2
малое транше	—	—	2	2
вкладыш пластинчатый, с ретушью	—	1	—	1
пластина с притупленным краем	—	—	2	2
сегмент пластинчатый	—	1	—	1
Отщепы с ретушью	8	—	1	9
Пилки отщеповые с зубчатой ретушью	—	2	—	2
Орудия типа пик	1	—	—	1
Пластинки с выемками	1	—	—	1
Пластинки с притупленными концами	—	—	1	1
Скребло высокое узколезвийное	—	1	—	1
Отбойники нуклевидные	—	1	—	1
Наконечник стрелы пластинчатый треугольный	—	—	1	1
Ножи пластинчатые с черешком	—	—	1	1
Нож пластинчатый остроконечный	—	—	1	1
Скобели отщеповые	1	—	4	5
Скобели нуклевидные	1	—	1	2
Долота нуклевидные	—	—	1	1
Всего изделий	49	30	63	142

края площадки нуклеуса. По размерам эти орудия такие же, как и первый сегмент; они оба сильно патинизированны. Аналогии им имеются в стоянке Белолесье в Северном Причерноморье [13, с. 71; 15, с. 42].

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие ножей на стоянке, за исключением одного пластинчатого орудия из почвенного слоя (рис. 5, *17*), напоминающего пластинчатые ножи с выделенными черешками на основании пластин из Игрени 8 и Лисогубовки [12, с. 103; 13, с. 109]. Видимо, в качестве ножей на этой стоянке употреблялись скребки с режущим краем, описанные выше.

Единичны также пластины с выемками, чаще встречаются скобели отщеповые (рис. 2, *20*; рис. 5, *11*; рис. 6, *18*).

Долотовидные орудия — из отщепов, основания которых массивны, располо-

женные на концах отщепов лезвия — забиты, иногда имеют зубчатую ретушь (рис. 4, *5*, *6*; рис. 5, *4*). Такое же орудие, судя по морфологическим особенностям, из кремнистого сланца, более крупное по размерам и более массивное, найдено в жилище (рис. 3, *2*). В одном экземпляре — узколезвийное скребло, более крупные экземпляры которых известны по неолитическим памятникам лесной зоны, относящимся к днепро-донецкой культуре и к неолиту ямочно-гребенчатой керамики (рис. 4, *14*).

На стоянке кроме изделий из кремня обнаружены восемь изделий из кварцита: обломок овальной плиты-зернотерки с затертой поверхностью, плитка с вогнутой и затертой бугристой поверхностью, наковальня-растиральник, скол площадки нуклеуса, три осколка и короткая пластина. Все эти предметы найдены в слое почвы и подпочвы, относятся к неолитическому времени и характерны для лисогубовской культуры бассейна Десны и Сейма [16, с. 107—123].

На уровне суглинка и верхней части заполнения жилища найдены четыре предмета из кремнистого сланца: два массивных отщепа, крупная пластина (рис. 3, *4*) и рубящее долотовидное орудие (рис. 3, *2*).

Кроме кремня, кварцита и кремнистого сланца для изготовления орудий труда на стоянке употреблялись кости животных. Все костяные предметы найдены в заполнении жилища или в непосредственной близости от него. Это — долото со сломанным лезвием (рис. 3, *5*), скребок (рис. 3, *1*) и лощило. Последнее изготовлено из среза крупной трубчатой кости, а рабочая часть представляет собой ребристый край среза, сильно заполированный от работы (рис. 3, *3*). Скребок изготовлен из зауженного к рукоятке фрагмента трубчатой кости, лезвие его скошено и заострено поперечным срезом, а острие залощено от работы и слегка загнуто внутрь вогнутой части заготовки.

Орудия из кости довольно часто встречаются на мезолитических стоянках. Так, в Мирном известны долота из трубчатых костей, но оформление их несколько иное, чем в Вязовоке 4 а. Скребку же аналогий пока не найдено.

Остатки костей животных, по предварительному определению Н. Г. Белан, относятся к диким видам: принадлежат бобру, лошади и, возможно, быкам-бизонам.

Производственный комплекс стоянки, как показало исследование, имеет отщеповый характер. Однако сопоставлять кремневый инвентарь стоянки с материалами такой культуры, как песочноровская на Десне, трудно, поскольку для сравнения можно привлекать лишь некоторые орудия из слоев почвы и подпочвы, а не из жилища, более раннего по времени.

Близкие аналогии подавляющему количеству кремневых орудий стоянки имеются в материалах мезолитических памятников Надпорожья и Северского Донца, обособляемых Д. Я. Телегиным в осокоровско-рогалицкую группу на раннем этапе мезолита и тип Ненасытца и Моспино — на позднем [13, с. 73—82, 119—126]. В связи с интерпретацией материалов Вязовока 4 а напомним мнение А. Ф. Горелика, который считает, что в генезисе мезолитической культуры в Северо-Восточном Причерноморье происходит соприкосновение двух этнокультурных областей — лесной и лесостепной, когда на культуру южного плана налагаются северные влияния. Он отмечает это для памятников Северского Донца [14, с. 4—23]. По-видимому, отражением этого процесса является индустрия рассматриваемой стоянки. Тогда становятся понятными как южные, так и северные черты материальной культуры, отмеченные в этом памятнике.

Хорошая сохранность остатков жилого помещения стоянки Вязовок 4а позволяет реконструировать его как сооружение типа чума с незначительно углубленным полом в подстилающий палевый суглинок (глубина от верхнего края углубления до его дна составляет 0,3 м). В разрезе видно, что оно возобновлялось еще раз на месте первой постройки, а затем было затоплено водами стоячего водоема, отложившего столбчатый суглинок. Более на этом месте жилище возобновлено не было.

Жилища эпохи мезолита известны в Надпорожье и Полесье. На Игрени 8 и в свидерских стоянках Полесья жилища тоже имели вид чума, но их отличает большая глубина (до 1 м или несколько более) [13, с. 108—112]. Необычна форма очажной ямы в жилище Вязовока 4 а. Такой формы очаг известен по Крыму — на мезолитической стоянке в Замиль-кобе, но там четырехугольная яма была выложена из камней, чего нет в стоянке Вязовок 4 а [13, с. 187].

Все приведенные данные говорят в пользу отнесения стоянки Вязовок 4 а к концу ранней поры мезолита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Моргунов Ю. Ю., Неприна В. И., Супруненко А. Б.* Отчет о работе Посульской комплексной экспедиции ИА АН СССР, ИА АН УССР и Полтавского краеведческого музея в 1984 г. // НА ИА АН УССР. 1984/51.
2. *Рудинський М. Я.* ПередІсторичні розшуки у північно-східній Чернігівщині // Короткі звідомлення ВУАК за 1925 р. Київ, 1926.
3. *Телегин Д. Я.* Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР (Карта местонахождений). Киев: Наук. думка, 1985.
4. *Рудинський М. Я.* До питання про культури мезолітичної доби на Україні // Антропологія. 1928. Т. 1.
5. *Телегин Д. Я.* Мезолитические стоянки в окрестностях Киева // КСИИМК. 1956, Вып. 65.
6. *Телегин Д. Я.* Мезолит левобережной Украины и его место в сложении днепро-донецкой неолитической культуры // МИА. 1966. № 126.
7. *Савчук А. П.* Нові мезолітичні стоянки в Київському Подніпров'ї // Археологія. 1974. Вип. 13.
8. *Савчук А. П.* Новые мезолитические памятники в Среднем Поднепровье // СА. 1975. № 4.
9. *Залізняк Л. Л.* Мезолітичні пам'ятки типу Таценки-Кудлаївка // Археологія. 1976, Вип. 20.
10. *Залізняк Л. Л.* Рудоострівська мезолітична культура // Археологія. 1978. Вип. 25.
11. *Станко В. Н.* Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982.
12. *Неприна В. И.* Кремневый комплекс нижнего неолитического слоя Лисогубовского поселения // Орудия каменного века. Киев: Наук. думка, 1978.
13. *Телегін Д. Я.* Мезолітичні пам'ятки України. Київ: Наук. думка, 1982.
14. *Горелик А. Ф.* Мезолит Северо-Восточного Причерноморья (Вопросы культурно-хронологического членения) // Материалы каменного века на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1984.
15. *Станко В. Н.* К проблеме западных связей мезолита степного Причерноморья (по материалам поселения Белолесье) // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1985.
16. *Неприна В. И.* Лисогубовское поселение раннего и развитого неолита в лесной полосе Левобережной Украины // Материал каменного века на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1984.

Институт археологии АН Украины, Киев
Полтавский государственный краеведческий музей

NEPRINA V. I., SUPRUNENKO A. B., GAVRILENKO L. N.

THE DWELLING ON MESOLITHIC CAMP VYAZOVOK 4 a IN SULA BASIN

Summary

In 1984—85 as a result of investigation the dwelling on mesolithic camp Vyazovok 4 a was unearthed. The camp is localized in 2 km to the south from Vyazovok village (Lubni district, Poltava region) on the high right bank Sleporod river (the right tributary of Sula river). 35 square metres were excavated. The dwelling has a form of irregular oval, 3,2×3,6 m, orientated from east to west with the entrance from the side of the ancient course of the river. The hearth is situated in the northwestern part of the dwelling, near the entrance. Near and inside of the hearth was found the accumulation of flints, bone tools and animal bones. The analogous tools are in the mesolithic sites before Dnieper repids and Seversky Donets river basin. The authors date this camp to the late period of early Mezolithic stage.

Е. Д. КАВЕРЗНЕВА

ШАГАРСКИЙ МОГИЛЬНИК КОНЦА III — НАЧАЛА II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э. В ЦЕНТРАЛЬНОЙ МЕЩЕРЕ

Мещерская археологическая экспедиция ГИМ в течение 1984—1986 гг. проводила исследование памятника, открывающего новое археологическое явление в древнейшей истории бассейна Средней Оки. До недавнего времени в этом регионе были известны памятники эпохи позднего неолита и энеолита, относящиеся к поздним этапам рязанской и волосовской культур. Конец их существования доводили до середины II тыс. до н. э. По мнению ряда исследователей, культура этих памятников сменилась поздняковской. Однако в последнее время выделяется новый пласт памятников, хронологически предшествующий поздняковским. Одним из них и является открытый в 1984 г. Шагарский могильник.

Могильник расположен в Спас-Клепиковском р-не Рязанской обл. у д. Барское на низком берегу оз. Шагара, входящего в систему Великих озер Центральной Мещеры, на высоте 1,2—1,5 м над уровнем воды. Шагарский могильник находится на площади многослойного поселения Шагара I, существовавшего в эпоху неолита и бронзы. Культурный слой поселения, имеющий максимальную мощность 1,2—1,5 м, залегает в нескольких литологических горизонтах: под дерном в светлом коричневато-сером песке (горизонт I), темно-сером гумусированном песке с точечными углистыми вкраплениями и включениями керамической крошки (горизонт II) и темно-сером глинистом песке с коричневыми пятнами, интенсивно насыщенном органикой (горизонт III), подстилается светлым материковым песком.

По стратиграфии и обряду все погребения можно разделить на три группы. Погребения первой группы (1, 2, 4, 6—8, рис. 1) находились на глубине 0,35—0,6 м в верхней и средней частях горизонта II. Погребения этой группы характеризуются плохой сохранностью костей, сильно разрушены (табл. 1). Ни разу не удалось проследить контуров могильных ям. В двух случаях можно было установить положение погребенных — скорченное на левом и правом боку. Большинство погребенных ориентировано в южную половину круга — ЮВ, Ю, ЮЗ и З. В четырех захоронениях был зафиксирован погребальный инвентарь: прекрасный, тщательно отделанный двусторонне обработанный кремневый кинжал и обломанное костяное орудие с желобком, янтарные подвески трапециевидной формы, подвески из просверленных зубов кабана (рис. 2, *17, 19, 24—28*). В погребении 1 около рук были отмечены отдельные крупинки охры, в погребении 2 в области распространения костей встречались угольки.

Наибольший интерес в данной группе представляет погребение 8. Погребенный молодой мужчина лежал на правом боку в сильно скорченном положении — так, что локти находились между коленей. Скелет представлен черепом с семью шейными позвонками и костями конечностей. Все эти кости были расположены в анатомическом порядке. За головой лежали две янтарные подвески трапециевидной формы. По определению антрополога С. С. Тур, исследовавшей данное захоронение в поле, отсутствие остальных костей нельзя считать результатом плохой сохранности погребения. Относительный анатомический порядок расположения костей свидетельствует о том, что в момент захоронения они были

© Е. Д. Каверзнева, 1992 г.

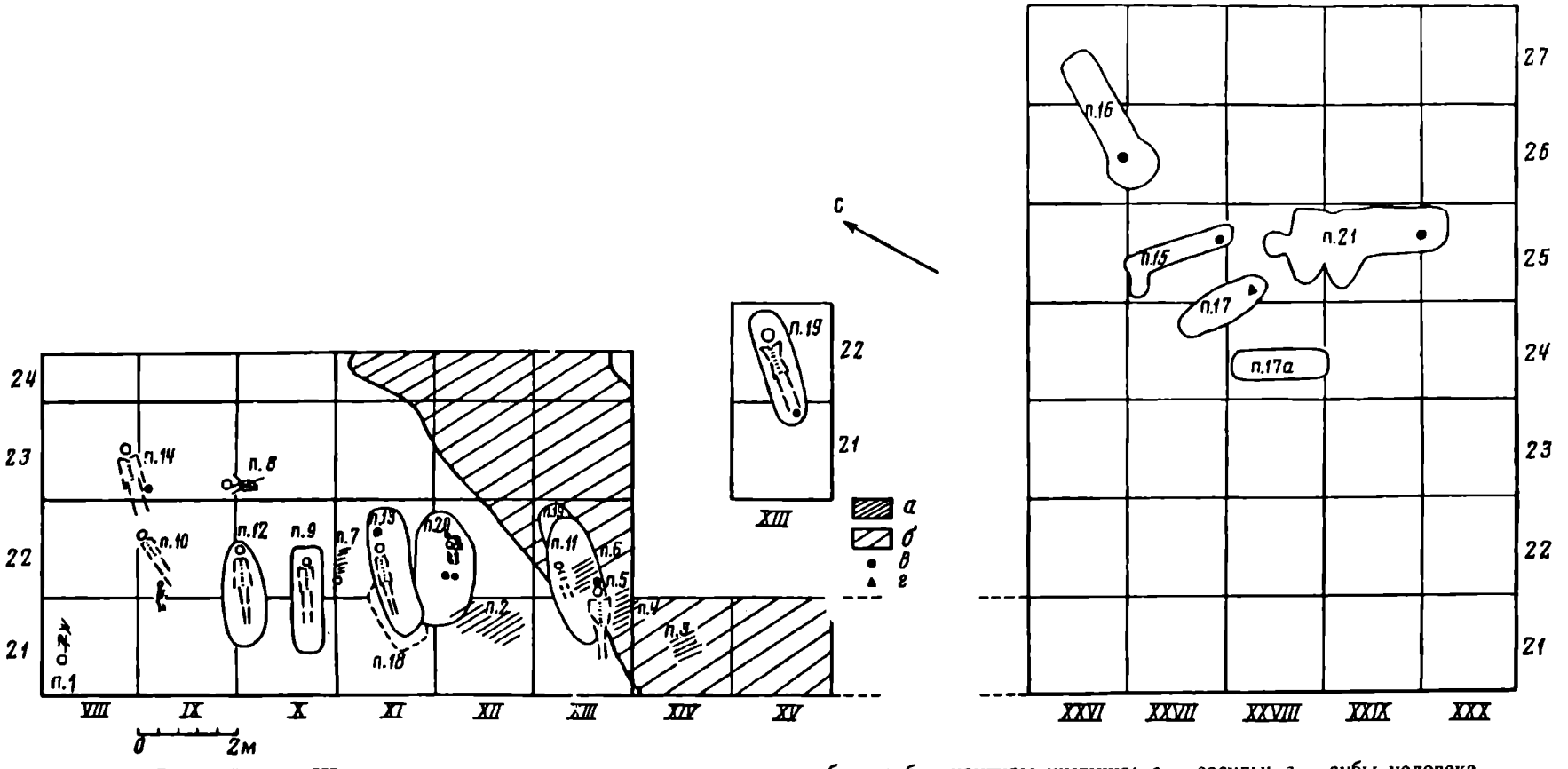


Рис. 1. Сводный план Шагарского могильника. *а* — разрушенные погребения; *б* — контуры жилища; *в* — сосуды; *г* — зубы человека

Таблица 1

Первая группа погребений

№ погр.	Глубина залегания, м	Литологический горизонт	Наличие могильной ямы	Ориентировка	Положение костяка	Погребальный инвентарь	Наличие охры	Наличие угля	Пол и возраст
1	0,4—0,48	Горизонт 2 — темно-серый гумусированный песок	Нет	Юго-восточная	Скорченное на левом боку, руки согнуты в локтях, ноги согнуты в коленях	Кремневый кинжал, костяное обломанное орудие с желобком (нож?) за головой	Отдельные крупинки в области кистей рук	Нет	Не установлены
2	0,35	То же	»	Не установлена	Не установлено в связи с очень плохой сохранностью	Янтарная подвеска, подвеска из зуба хищника	Нет	Отдельные угольки	Ребенок
4	0,44—0,6	»	»	Южная	То же	Три подвески из зубов кабана	»	Нет	Не установлены
6	0,45—0,5	»	»	Не установлена	»	Нет	»	»	»
7	0,5—0,55	»	»	Юго-западная	»	»	»	»	Младенец 6—8 мес.
8	0,4—0,45	»	»	Западная	Сильно скорченное на правом боку	Две янтарные подвески за головой	»	»	Мужчина

скреплены между собой связками и суставами, а мягкие ткани отсутствовали, так как при наличии мягких тканей нельзя было бы отделить голову от туловища, не повредив костей. На костях никаких повреждений не обнаружено. Можно предположить, что данное захоронение было вторичным. Первоначально это было трупоположение на боку с согнутыми руками и ногами. По истечении определенного времени, когда мягкие ткани уже разрушились, а связки и суставы еще сохранялись, голова и конечности были отделены от туловища и перезахоронены. Эти действия могли носить ритуальный характер или были вызваны иными причинами.

Погребения второй группы (5, 9—14, 19, 20, рис. 1), характеризующиеся вытянутым на спине положением костяков, находились на глубине 0,8—1,4 м в нижней части темно-серого гумусированного песка (горизонт II) и прорезали нижележащий темно-серый глинистый песок с коричневыми пятнами (горизонт III). Погребения этой группы, расположенные на самом берегу озера, характеризуются прекрасной сохранностью костей. К этой же группе по сходству погребального инвентаря можно отнести и захоронения 15—17 и 21, находящиеся в удаленной от берега части могильника, где кости не сохраняются (рис. 1). Большинство погребений второй группы были совершены в могильных ямах овальной или подпрямоугольной формы со скругленными углами (табл. 2). Преобладает северо-восточная ориентировка погребенных. Основная часть погребений второй группы расположена в одну линию параллельно друг другу. Три погребения (5, 11 и 19) были сделаны в брошенной населением полуземлянке,

Таблица 2

Вторая группа погребений

№ погр.	Глубина залегания, м	Литологический горизонт	Наличие могильной ямы (ее размеры, м)	Ориентировка	Положение костяка	Погребальный инвентарь	Наличие охры	Наличие угля	Пол и возраст	Соотношние с полуземлянкой	Примечание
3	1,0—1,08		Нет	Не установлена	Не установлено	Долото шлифованное из опоки	Вкрапления охры	Углистое пятно	Не установлены	Верхняя часть заполнения полуземлянки	Прибрежная часть могильника
5	0,6—0,78	Горизонт 2 — темно-серый гумусный песок, нижняя часть	»	Северо-восточная	Вытянуто на спине, правая кисть на тазу	Сосуд и кость кабана, за головой	Нет	Нет	Женский adultus	Над полуземлянкой	То же
9	0,72—0,91	Нижняя часть горизонта 2 прорезала горизонт 3	Могильная яма (2,10×0,6)	»	Вытянуто на спине	Костяной гарпун с одним зубцом, с конической насадкой, рыболовный крючок	»	»	Подросток 15—16 лет	Нет связи	»
10	0,86—1,0	То же	Нет	»	То же	Бронзовое височное кольцо в 1,5 оборота, костяное плоское кольцо	»	»	Подросток 15 лет (мужской?)	»	В ногах погребенного лежала охотничья собака с подогнутыми лапами, ориентированная на северо-восток
11	0,86—0,94		Могильная яма (2,6×1,0)	»	Вытянуто на левом боку	Нет	»	»	Ребенок около 1 года	Верхняя часть заполнения	Прибрежная часть могильника
12	0,91—1,01	»	» (2,13×0,75)	»	Вытянуто на спине	Два кремневых ножа в области ног	»	»	Женск. maturus	Нет связи	Рыбья чешуя в области ног
13	0,96—1,15	»	» (2,40×0,75)	»	То же	За головой сосуд и скопление кремневых орудий	»	»	Женск. adultus	»	Прибрежная часть могильника

						(26 экз.) в области пояса янтарная пуговица; крючки-застежки из утиных костей, бронзовое височное кольцо в 1,5 оборота, подвеска из клыков кабана					
14	0,85—1,0	»	Нет	»	»	У левой голени — сосуд вверх дном	»	»	Мужск. maturus	»	Рыбья чешуя
15	1,25	В материке	Могильная яма (2,5×0,55)	Яма с востока на запад	Не установлено, костяк не сохранился	Сосуд в восточной части ямы	»	»	Не установлены	»	Удаленная от берега часть могильника
16	1,0	»	» (1,95×0,65)	Яма с северо-востока на юго-запад	То же	Сосуд в юго-западной части ямы	»	»	»	»	То же
17	1,0	»	» (1,95×0,65)	Яма на юго-восток	Не установлено, коронки зубов в юго-восточной части ямы	Нет	Охристые пятна	»	»	»	»
17а	1,12	»	» (2,0×0,7)	Яма ССЗ—ЮЮВ	Не установленно, костяк не сохранился	»	Нет	»	»	»	»
19	1,4		» (2,5×0,6)	Северо-восточная	Вытянуто на спине	В ногах перевернутый вверх дном сосуд, в нем грубый кремневый нож-скобель	»	Углистые прослойки	Мужск. maturus	Прорезало полуземлянку	Прибрежная часть могильника
20	1,2	Нижняя часть горизонта 2, горизонт 3	» (2,4×1,3)	»	Не установлено, плохая сохранность	Два сосуда и ребро крупного животного	Вкрапления охры	Вкрапления угля	Детск. 2(?) особи	Нет связи	То же
21	1,10	В материке	» (2,52×0,94)	ССЗ—ЮЮВ	Костяк не сохранился	В южной части ямы сосуд	Нет	Нет	Нет	Нет	Удаленная от берега часть могильника

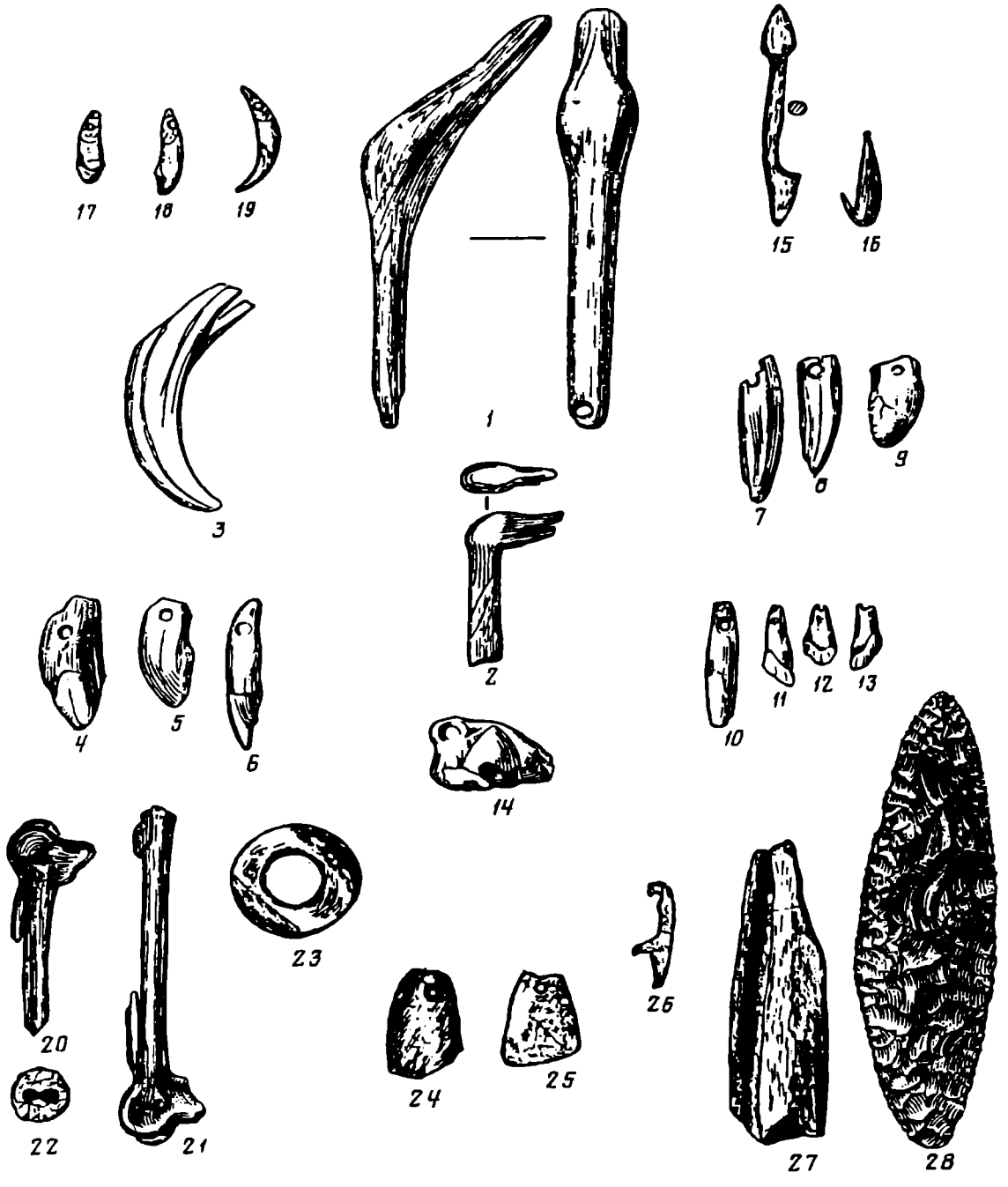


Рис. 2. Погребальный инвентарь. *1—14* — скульптурные изображения птиц и подвески из зубов животных (кость), погр. 18; *15, 16,* — наконечник гарпуна и рыболовный крючок (кость), погр. 9; *17—19* — подвески из зубов поросят, погр. 4; *20—22* — подвески, крючки-застежки (янтарь, кость), погр. 13; *23* — кольцо полированное (кость), погр. 10; *24, 25* — подвески (янтарь), погр. 8; *26* — подвеска (янтарь), погр. 2; *27, 28* — кинжал, нож (кремень, кость), погр. 1

прослеженной в юго-западной части прибрежного раскопа. В настоящее время полуземлянка раскопана не полностью. Сооружение вытянуто с севера на юг, в плане прямоугольное, с покатыми стенками и плоским дном, имеет глубину 0,7—0,8 м, размеры по верху 8,8×4,4, по низу 6,5×2,8 м. По-видимому, это сооружение было жилищем. В нижней части заполнения котлована обнаружены костяные орудия: обломанные наконечники гарпунов, долотца, обломки рукоятей, ножей и целый наконечник гарпуна из рога с тремя зубцами. Керамика, связанная с жилищем, представляет фрагменты лепных сосудов с примесью толченой раковины, органики, песка и включений бурого железняка. Керамика орнаментирована крупными наколами подтреугольной формы, ямчатыми вдавлениями,

крупными нарезками, поставленными под углом друг к другу, овальными ямками с ребристым дном, прочерченными линиями. В заполнении жилища найден развал целого сосуда открытой формы с круглым дном. Эта керамика близка волосовской по времени, но отличается от последней как по примесям, так и по системе орнаментации. Определенные черты сходства керамики из жилища на поселении Шагара I прослеживаются с фрагментами сосудов поселения Имерка 5 в Примокшанье. Сходство видно и в примесях, и в орнаментальных композициях. В. П. Третьяков, говоря о разнокультурности волосовских материалов и находок на памятниках типа Имерка 5, датирует последние волосовским временем — второй половиной III тыс. до н. э. — первой половиной II тыс. до н. э. [1, с. 134]. В этих же пределах можно предварительно датировать и жилище на поселении Шагара I.

Захоронения, сделанные в жилище, были совершены одно над другим, но не одновременно, а через определенный промежуток времени, о чем свидетельствует расположение могильных ям. Большинство погребений второй группы сопровождалось инвентарем, характерной чертой которого является наличие небольших сосудов с округлыми, приостренными или уплощенными днищами, с округлыми или раздутыми боками (рис. 3). Сосуды орнаментированы мелким гребенчатым штампом, пальцевыми защипами, ромбами с ребристым дном; имеются сосуды без орнамента. Характерной чертой сосудов является отогнутый наружу венчик с ребром на внутренней части. Встречаются сосуды без орнамента, почти конической формы и с прямым венчиком. В двух случаях прослежено сочетание сосудов и кремневых орудий труда (погребения 13 и 19). В погребальном инвентаре также обнаружены украшения из кости (подвески из зубов животных и кольцо), костяной однозубый гарпун с конической насадкой, рыболовный крючок, янтарная пуговица с У-образным сверлением и два височных кольца в 1,5 оборота из бронзы (рис. 2, *15, 16, 20—23*). Погребение 10 было совершено с охотничьей собакой (по определению В. П. Данильченко). В ряде захоронений были обнаружены кости животных, рыбья чешуя, отдельные включения угольков и охры.

Наибольший интерес из захоронений второй группы представляет погребение 13. Костяк, принадлежащий молодой женщине, лежал в северо-западной стороне могильной ямы (размеры ямы 2×4×0,75 м). Погребенная находилась в вытянутом положении на спине, руки расположены вдоль тела, ноги вытянуты, головой ориентирована на северо-восток. За черепом в пределах могильной ямы стоял горшок диаметром 13 и высотой 11,5 см, с округлыми боками, со слегка уплощенным дном, с утолщенным в средней части венчиком, отогнутым наружу. На внутренней стороне венчика прослеживается ребро перегиба. Сосуд орнаментирован в верхней части рядами мелких наколов, опускающихся в некоторых местах на среднюю часть треугольниками. Венчик орнаментирован с внутренней стороны и по срезу рядами коротких насечек. На внешней стороне сосуда видны следы расчесов. Рядом с сосудом и под ним обнаружено скопление из 26 кремневых изделий: крупные скребки на широких и плоских отщепах, отщепы с ретушью и со следами сработанности, ножи (рис. 4). На груди погребенной лежали две подполированные утиные кости крыльев. Возможно, они использовались в качестве крючков застежек, но не исключен и такой вариант, что их положили в могилу с ритуальными целями. В области пояса обнаружена круглая, линзовидная в сечении янтарная пуговица с У-образным сверлением. У головы лежало бронзовое височное кольцо в 1,5 оборота, около левой бедренной кости — просверленный клык кабана.

Погребения третьей группы представляют пока что одно коллективное захоронение (погр. 18), совершенное на глубине 1,5 м в материке. В погребении было шесть человек: один мужчина, две женщины и три ребенка. Контуров могильной ямы зафиксировать не удалось. Захоронение представляло собой скопление человеческих костей (мощность его 0,3 м, размеры 0,6×1,7 м, рис. 5). Скопление костей было вытянуто с северо-востока на юго-запад. В настоящее

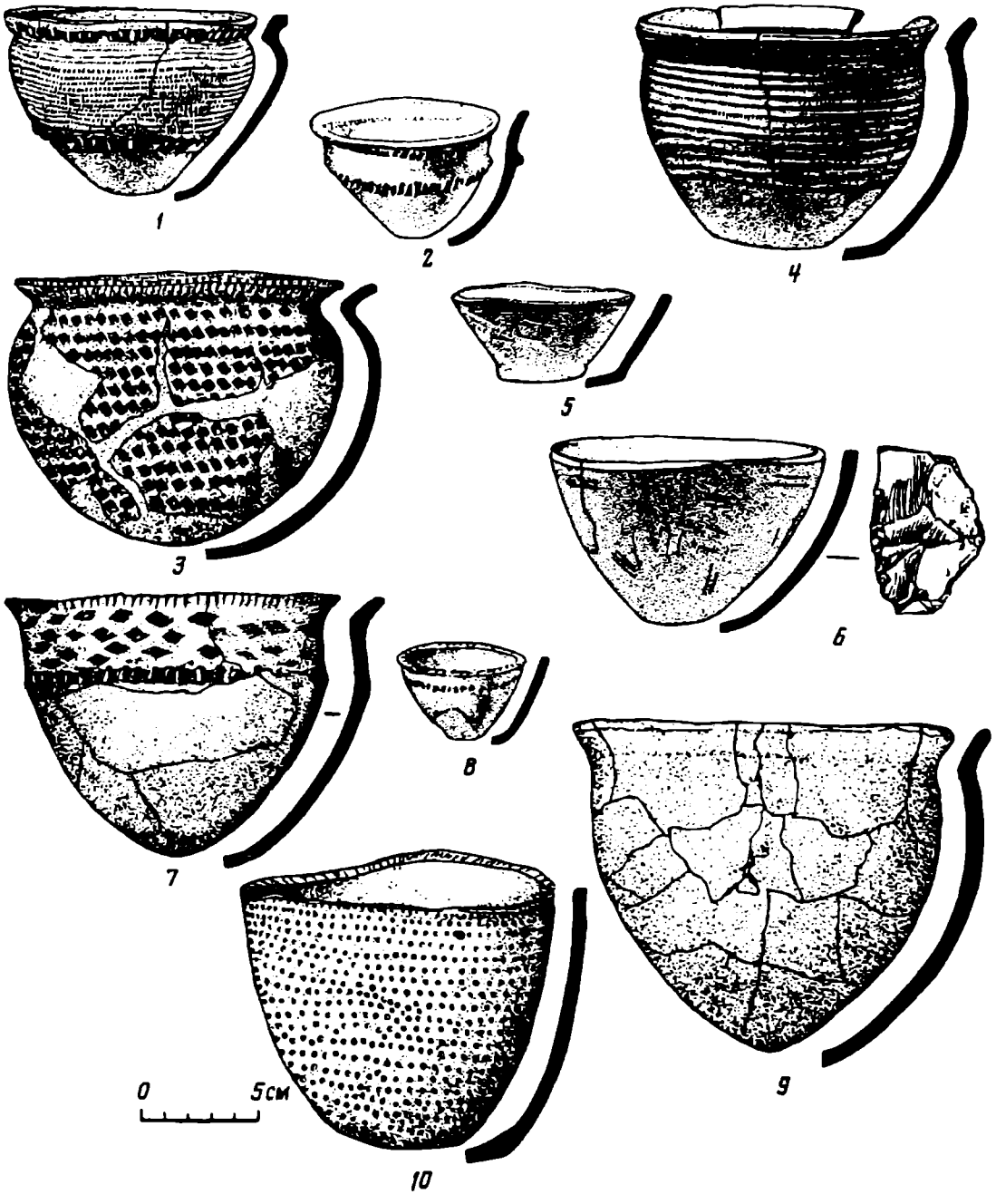


Рис. 3. Сосуды из Шагарского могильника. *1* — погр. 21; *2* — погр. 5; *3* — погр. 4; *4, 5* — погр. 20; *6* — погр. 19; *7* — погр. 15; *8* — культурный слой поселения Шагара I; *9* — погр. 16; *10* — шурф Б. А. Фоломеева 1983 г.

время это погребение находится ниже уреза воды в озере. На дне могилы на глубине 1,5 м лежал мужской костяк с широко разведенными ногами и руками, правая рука слегка согнута в локте. Погребенный ориентирован головой на юго-запад. Череп был отчленен и в пределах погребения не обнаружен. Отсутствовали берцовые кости ног и локтевые кости левой руки. Возможно, они также были отчленены, а не разрушены из-за каких-либо внешних причин, так как сохранность остальных костей хорошая. По положению костяка можно предположить, что он как бы обнимал руками всех остальных погребенных в могиле. Справа от мужчины находились скелеты подростка 9—10 лет и молодой женщины в вытянутом положении на боку, повернутые лицами друг к другу. Их черепа лежали между позвоночником и правой рукой мужчины. На участке между тазовыми костями подростка и женщины горкой находились костяные предметы:

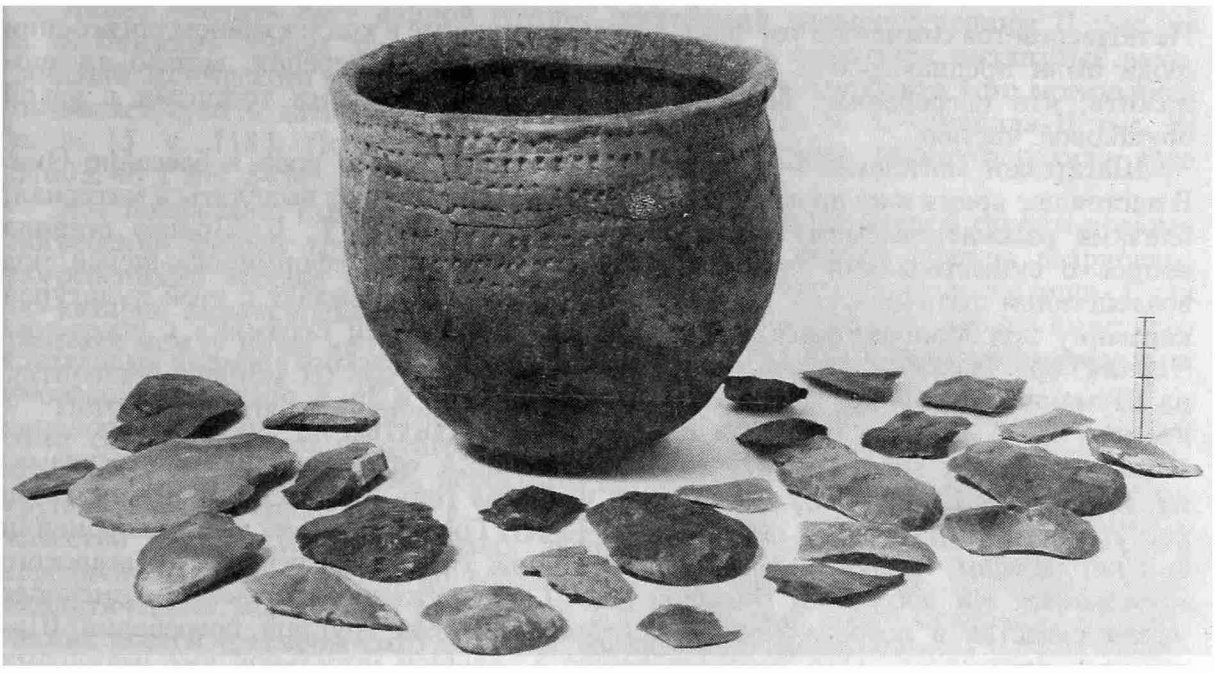


Рис. 4. Сосуд и скопления кремневых орудий из погр. 13

Рис. 5. Коллективное погребение 18

две птичьи головы и 10 подвесок из зубов кабана и лося (рис. 2, *1—14*). Под тазовой костью правого костяка лежала подвеска из зуба кабана со сверлиной. В противоположном положении к вышеописанным погребенным головой на северо-восток находился костяк, принадлежащий молодой женщине. Погребенная лежала в вытянутом положении на спине, позвоночник слегка искривлен, ноги вытянуты, берцовые кости сведены вместе, руки широко раскинуты и немного согнуты в локтях, череп раздавлен. На левой руке погребенной лежал скелет ребенка в возрасте 3 лет в вытянутом положении на боку, ориентированный головой на северо-восток. Ноги ребенка были слегка согнуты в коленях, позиция рук не определяется. На правой руке женщины находился скелет второго ребенка в вытянутом положении на боку, также ориентированный головой на северо-восток. Череп ребенка отсутствовал и в пределах могилы обнаружен не был, руки вытянуты вдоль тела, позиция ног не определяется. По определению Л. Т. Яблонского, на всех черепах коллективного захоронения, кроме черепа трехлетнего ребенка, были обнаружены боевые повреждения в виде множественных надрубов от тяжелого слабозаостренного орудия и сквозные дефекты, причиненные орудием в подквадратной в сечении боевой части размерами 12,5×12,5 и 16,5×16,5 мм.

Не подвергается сомнению тот факт, что захороненные в коллективном погребении люди были преднамеренно убиты. Судя по следам на черепах, можно предположить, что погребенные были убиты каменными боевыми топорами с узкой обушковой частью.

Шагарский могильник — это первый памятник такого рода в бассейне Оки. В настоящее время и на других окских памятниках начинает выделяться материал, близкий рассматриваемому могильнику. Еще в 1969 г. Т. Б. Попова ставила вопрос о существовании предпоздняковской культуры, сформировавшейся под воздействием фатьяновской [2, с. 72]. Т. Б. Попова связывает с этой культурой керамику под Малоокуловскими курганами, близкую ей керамику с поселения Черная Гора. Малоокуловский тип керамики допоздняковского времени выделяется на Шумашской стоянке, Ибердус III, Подборновской и др. К предпоздняковскому времени Т. Б. Попова относила и некоторые вытянутые на спине захоронения в поздняковских могильниках, сопровождавшиеся «фатьяноидными» сосудами, например погребение 47 на могильнике Фефёлов Бор, погребения с вытянутыми костяками на поздняковском могильнике Черная Гора. Сосуды из этих захоронений близки сосудам, зафиксированным во второй группе погребений Шагарского могильника. На поселении Большой Лес II обнаружено захоронение, имеющее черты сходства в погребальном инвентаре со второй группой погребений Шагарского могильника. Оно было совершено в большой могильной яме размерами 3,1×1,4 м и глубиной в материке 0,4 м, ориентированной с юго-востока на северо-запад. В юго-восточной части ямы стоял сосуд открытой формы, орнаментированный рядами коротких отпечатков гребенки, и лежал кремневый наконечник стрелы. В северо-западной части ямы отмечены остатки зубной эмали и бронзовое височное кольцо в 1,5 оборота с расширяющимися концами. Кости скелета не сохранились. Автор раскопок Б. А. Фоломеев предполагает скорченное положение погребенного, судя по расстоянию между сосудом и зубами в 1,6 м [3, с. 191]. Но скорее всего погребенный мог находиться в вытянутом положении: об этом свидетельствуют размеры самой могильной ямы, а также тот факт, что сосуд не обязательно должен стоять в ногах погребенного. Абсолютной аналогией керамике Шагарского могильника являются сосуды из верхнего слоя поселения Одоевские фермы I, расположенного в Спасском р-не Рязанской обл. на р. Ушне [4, с. 6]. Несомненная связь прослеживается между второй группой погребений Шагарского могильника и третьей группой Иванобугорского могильника, раскопанного А. Т. Синюком в Павловском р-не Воронежской обл. на р. Битюг [5, с. 111]. В погребениях этой группы, характеризующихся вытянутым положением костяков, обнаружены остродонные сосуды, раздутые в средней части, с плавно отведенными короткими венчиками с резким перегибом к тулову изнутри, орнаментированные отступающими ямками с уступчатым основанием, решетчатым и мелкогребенчатым штампом. С одним из сосудов такого типа найден костяной однозубый наконечник гарпуна с конической насадкой, близкий по форме гарпуну из Шагарского могильника. Фрагменты сходных сосудов, как указывает А. Т. Синюк, обнаружены в верхних слоях ближайшей к Иванобугорскому могильнику Черкасской стоянки, близки сосуду близ с. Желдановки на левом берегу Дона, а также сосуду с защипным орнаментом из погребения 1 кургана 8 Сасовского могильника в правобережье Среднего Дона. Керамика, близкая, с одной стороны, иванобугорской, а с другой — шагарской, прослеживается и в памятниках Примокшанья. Для нее характерны защипной и ромбический решетчатый орнамент [6, с. 70, 71; 7, с. 15].

Датирующий материал в Шагарском могильнике наиболее полно представлен в погребальном инвентаре, связанном со второй группой захоронений. Сосуды, характерные для этой группы, встречаются в поздняковских могильниках, сопровождают вытянутые на спине захоронения. Т. Б. Попова относит их к предпоздняковскому времени. Эти захоронения можно датировать в пределах первой половины II тыс. до н. э. Наличие в погребальном инвентаре янтарной пуговицы с У-образным сверлением и бронзовых (медных) колец в 1,5 оборота

не может уводить дату данной группы погребений дальше середины II тыс. до н. э. Близость обряда захоронения и погребального инвентаря вытянутых захоронений Шагарского могильника с третьей группой Иванобугорского могильника позволяет сузить датировку до рубежа III—II тыс. до н. э. — начала II тыс. до н. э. [5. с. 118]. По костям погребения 13 получена радиоуглеродная дата 3760± 40 ГИН 5454.

Как показывает стратиграфия могильника, погребения первой группы древнее погребений второй группы. Некоторые погребения первой группы разрушены погребениями второй, что хорошо видно по их расположению в жилище. Судя по янтарю, зафиксированному в обеих группах, значительного хронологического разрыва между ними не было. Погребения первой группы можно предварительно датировать концом III тыс. до н. э.

Погребения третьей группы также древнее погребений второй группы. Об этом свидетельствует стратиграфия могильника. Коллективное погребение, относящееся к третьей группе, перекрыто погребением 13, принадлежащим второй группе. В настоящее время в бассейне Оки и на близлежащих территориях известно несколько коллективных захоронений, датирующихся в пределах с середины III тыс. до н. э. до середины II тыс. до н. э. Так, в Черногорском неолитическом могильнике погребение 1 представляло собой скопление человеческих костей (размеры его 1,5×1,0 м), вытянутое с северо-востока на юго-запад. Среди костей обнаружено восемь подвесок из резцов лося и антропоморфная фигурка из резца кабана [8, с. 90]. К сожалению, положение погребенных не было установлено. Аналогичное погребение — погребение 2 Черногорского неолитического могильника. В погребении 50 этого же могильника прослеживаются черты сходства в погребальном обряде с коллективным захоронением Шагарского могильника. В погребении 50 было зафиксировано 14 костяков с отчлененными черепами, среди костей находились волосовский костяной рыболовный крючок и привеска из резца лося [9, с. 47]. В коллективном погребении 6 на Черной Горе было похоронено не менее 18 взрослых и 11 детей, причем все черепа были разбиты. В области таза одного из погребенных лежали в кучке 22 привески из резцов лося [8, с. 91]. Черты сходства в погребальном обряде коллективного захоронения Шагарского могильника прослеживаются с погребениями 12 и 4 на стоянке Сахтыш II [10, с. 79, 80]. В обоих погребениях фиксируется расчлененность костяков. В погребении 4 на женском черепе, имевшем европеоидный облик, зафиксированы следы удара каменным топором. В погребальном инвентаре найдены янтарные подвески, изделия из кости, подвески из зубов животных и скопление костей медведя. Некоторые черты сходства погребального обряда коллективного захоронения Шагарского могильника прослеживаются и с достаточно удаленным от Рязанской обл. памятником — стоянкой Абора I, раскоп А в Лубанской низменности. Здесь было обнаружено коллективное погребение (4 и 6), где покойники были ориентированы в противоположные стороны; в целом же захоронение вытянуто с северо-востока на юго-запад. В этом погребении прослежено скорченное, вытянутое и сидячее положение костяков. В погребальном инвентаре обнаружены круглые и квадратные янтарные пуговицы, костяная подвеска, сланцевый наконечник стрелы, кремневый нож и резец бобра [11, с. 44].

Коллективное захоронение 18 Шагарского могильника имеет определенные черты сходства с приведенными захоронениями. Сходство отмечается и в погребальном обряде, и в инвентаре. Но, судя по стратиграфии Шагарского могильника, коллективное захоронение не укладывается в первую половину II тыс. до н. э. По всей видимости, его можно датировать более ранним временем — в пределах второй половины III тыс. до н. э. Население, оставившее это коллективное захоронение, видимо, можно связывать с волосовской культурой. Об этом свидетельствуют вытянутое положение на спине некоторых погребенных, объемные изображения птиц, выполненные из кости, отсутствие глиняных сосудов в погребении. Но слабая скорченность других погребенных в этом захоронении,

отсутствие охры, следы ранений на черепах, причиненных каменными топорами, может говорить о контактах волосовцев с населением, связанным с кругом культур боевых топоров. Радиоуглеродные даты, полученные по костям коллективного погребения 18 Шагарского могильника (4870± 8 ГИН 5451) и коллективного погребения 6 Черногорского могильника (4940± 8 ГИН 5235) уточняют указанную выше датировку.

Индивидуальные, вытянутые на спине захоронения, относящиеся ко второй группе Шагарского могильника, по-видимому, связаны с энеолитическим населением, пришедшим в бассейн Оки с Дона через территорию Примокшанья. О культурной принадлежности населения, оставившего первую группу захоронений, пока трудно сказать что-либо определенное. Возможно, она близка культуре, связанной с коллективным захоронением. В пользу предположения о разноэтничности населения, оставившего Шагарский могильник, могут свидетельствовать и данные антропологии (краниологический материал могильника исследован Л. Т. Яблонским). Во второй группе погребений преобладают очень широколицые и очень низколицые брахикраны с низкими орбитами. Все черепа этой группы матуризованные. От них как будто отличаются черепа из коллективного погребения (третья группа). Они грацильные, долихокранные и узколицые, со сравнительно высокими орбитами. Из первой группы захоронений исследован только один череп из погребения 8. Он долихокранный, узколицый, с резко профилированным лицевым скелетом.

На рубеже III—II тыс. до н. э. и в первой половине II тыс. до н. э. в бассейне Средней Оки, в частности в Центральной Мещере, население было неоднородно. С одной стороны, из лесостепных районов Среднего Дона сюда проникает население, связанное с культурой пережиточного энеолита, с другой — население, связанное с кругом культур боевых топоров. Попадая на Оку, они неминуемо должны были встретиться как друг с другом, так и с местными жителями. Видимо, эти встречи не всегда носили мирный характер, о чем свидетельствуют коллективное захоронение 18 Шагарского могильника, где было похоронено 6 преднамеренно убитых людей, в том числе трое детей, а также коллективные захоронения на Черногорском могильнике. В первой половине II тыс. до н. э. в этом регионе сосуществуют, тесно контактируя друг с другом, несколько групп населения, принадлежащего к разным археологическим культурам. Сложный процесс их взаимодействия оказал несомненное влияние на формирование поздняковской культуры. По всей видимости, культура населения, оставившего вторую группу захоронений на Шагарском могильнике, вошла составной частью в поздняковскую культуру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Третьяков В. П.* Имерка 5 — памятник эпохи энеолита в Примокшанье//СА. 1987. № 1.
2. *Попова Т. Б.* Допоздняковские памятники в Окском бассейне//Экспедиции Государственного Исторического музея. Доклады на сессии ученого совета ГИМ 5—7 февраля 1969 г. М., 1969.
3. *Фоломеев Б. А., Глазко М. П., Валуева М. Н.* Опыт реконструкции природного ландшафта территории древнего поселения//Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы. Тр. ГИМ. 1985. Вып. 60.
4. *Климкова И. В.* Отчет об археологических раскопках поселения Одоевские фермы I в 1986 году//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 11790.
5. *Синюк А. Т.* Об энеолитических могильниках лесостепи//СА. 1984. № 3.
6. *Степанов П. Д.* Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне реки Мокши//КСИИМК. 1953. Вып. 59.
7. *Фосс М. Е.* Поселения на дюне Озименки//КСИИМК. 1959. Вып. 75.
8. *Цветкова И. К.* Черногорский неолитический могильник//Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы. Тр. ГИМ. М., 1985. Вып. 60.
9. *Цветкова И. К.* Раскопки на Черной Горе//АО — 1968. М., 1969.
10. *Крайнов Д. А.* Новые исследования стоянки Сахтыш II//КСИА. 1982. Вып. 169.
11. *Лозе И. А.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига: Зинатне, 1979.

Государственный исторический музей,
Москва

KAVERZNEVA E. D.

SHAGARSKY CEMETERY

Summary

Shagarsky cemetery was studied in 1984—1986 by the State Historical Museum expedition. This cemetery is the new archaeological phenomenon in Oka basin. The cemetery is situated in Spas-Klepikovo district, Ryazan region, on the low bank Shagara lake which is included to the Great Lakes system of Central Meshchera. It is located on the territory of multilayer Shagara I settlements of the Neolithic and Bronze periods. The 21 burials were investigated. All burials may be subdivided into 3 groups on the stratigraphy and burial rite. The first group is characterized by the contracted position of skeletons and the absence of burial goods. The second group of burials is the skeletons in stretched position on the back and with some small profiled vessels. The vessels have roundish or plane bottoms and are decorated with rombic, pinched, corded and stab ornaments. The graves of the third group are the collective burials of 6 skeletons with bone wares including two sculptures of waterfowl. The cemetery at whole is dated to the late of the III — the beginning of the II mil. B. C. The analysis of burial goods and burial rite give the ground to suppose the poliethnic structure of the population. The other sites in Oka basin give the similar material.

С. Н. САНЖАРОВ

КАМЕННЫЕ СВЕРЛЕНЫЕ ТОПОРЫ-МОЛОТКИ ДОНБАССА[1]

Данная категория каменных изделий Донбасса является наименее изученной. При раскопках курганных погребений топоры-молотки находят в исключительных случаях. Так, всего лишь 1 экз. был найден Н. Е. Бранденбургом в курганах Донецкого Приазовья [1, с. 189]. А в период крупномасштабных раскопок курганов на Северском Донце В. А. Городцовым только в двух погребениях (с. Черевковка, к. 3, п. 6, и с. Малая Камышеваха, к. 4, п. 2) удалось выявить аналогичные предметы [2, с. 193]. При анализе катакомбных памятников Нижнего Подонья и Донбасса С. Н. Братченко были использованы находки всего шести топоров-молотков [3, с. 53, 99].

С другой стороны, обстоятельному изучению указанной категории изделий значительно мешает рассредоточенность многочисленных материалов среди местных музеев, в школах и даже в частных коллекциях любителей старины. Актуальность изучения серии донбасских предметов подобного рода в значительной мере обусловлена не только их малоизвестностью, но и отсутствием типологических построений, облегчающих сопоставление памятников различных территорий. Даже в совместной обширной работе по каменным сверленым топорам-молоткам европейской части СССР А. Я. Брюсов и М. П. Зимина вынуждены были сослаться на ряд трудностей в анализе изделий южнорусских степей и отказаться от их включения в свое исследование [4, с. 27].

К настоящему времени на территории Донбасса автору удалось собрать информацию о 55 каменных сверленых топорах-молотках и их обломках. В основном в полной мере были использованы фонды Мариупольского, Донецкого и Луганского краеведческих музеев[2], более мелких музеев и отчеты новостроечных экспедиций. Полученные материалы дают подробные сведения о всех типах изделий подобного рода, встречающихся среди памятников рассматриваемого региона. Случайно найденные орудия и их обломки из бассейна Верхнего Донца опубликованы Е. В. Пузаковым и Н. В. Сибилевым и нами рассматриваются в качестве аналогий.

В основу разграничения на типы топоров-молотков с территории Донбасса были положены типологические схемы подобных изделий, предложенные В. А. Городцовым [5, с. 7—25], А. Я. Брюсовым и М. П. Зиминой [4, с. 23—28] и Д. А. Крайновым [6, с. 39, рис. 14]. Основными типологическими признаками взяты их очертания en face, формы обушка и лезвия, которые оказались наиболее подвижными элементами в типологии орудий. Некоторые обломки обушковой части включены в описание типов целых изделий, анализ обломков лезвийной части приводится в конце работы. Небольшое число находок может трактоваться как рабочие орудия, о чем свидетельствуют их значительные размеры и характер

[1] В настоящей работе рассматриваются материалы бассейна Северского Донца и Донецкого Приазовья.

[2] Выражаю искреннюю признательность Е. В. Пузакову (Харьковский музей), Р. Й. Саенко (Мариупольский музей), О. Я. Приваловой и А. В. Колеснику (Донецкий музей), В. Ю. Выборному (Луганский музей) за оказанную помощь в работе по сбору информации о каменных топорах-молотках.

© С. Н. Санжаров, 1992 г.

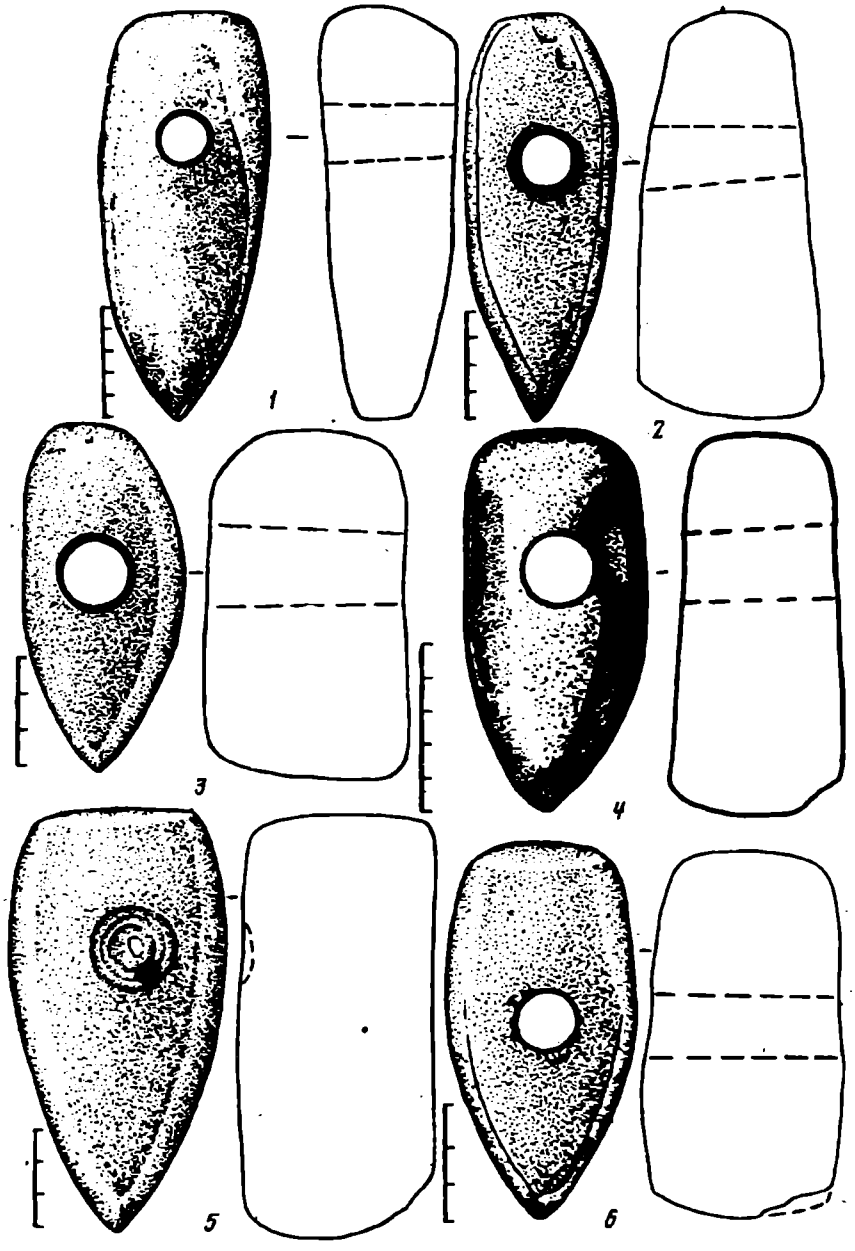


Рис. 1. Клиновидные топоры-молотки. *1—3* — Мариупольский музей; *4* — пос. Тельманово; *5* — с. Погорелое; *6* — с. Белое

сработанности поверхности. Следует отметить, что отдельные экземпляры могли использоваться не только в виде орудий труда, но и как оружие [7, с. 326]. Остальные принадлежат к сериям боевого оружия и парадных скипетров. Основной материал, из которого изготовлены данные предметы, — гранит, сланец, базальт, диабаз, диорит, мелкозернистые породы.

Выделяется шесть ведущих типов, получивших распространение в памятниках различных культур Донбасса: клиновидный, молотковидный, усеченно-ромбический, удлиненно-ромбический, обушково-ромбический и обушковый. Один целый скипетр из с. Красное и обломок изделия с выступающей втулкой из Славяногорского катакомбного поселения ввиду своей специфической формы описаны отдельно вне предложенной типологической классификации.

Тип 1 — клиновидный (рис. 1, *1—6*). Из случайных находок известно 6 экз. Три из них депаспортизированы и хранятся в Мариупольском музее. Один найден у пос. Тельманово и экспонируется в археологическом музее Донецкого университета. Два других обнаружены у с. Погорелое и с. Белое, хранятся в

Луганском музее. Экземпляр из с. Погорелое имеет незавершенную сверлину. Длина изделий 19—10, максимальная ширина 7,5—4,5, толщина около 6—5 см. Проушные отверстия расположены по центру, а у массивных находок — ближе к обушку. Профиль изделия от прямоугольного до трапециевидного, с расширением к обушку или лезвию. Клиновидные топоры-молотки различаются по оформлению обушковой половины. У 3 экз. максимальная ширина изделия совпадает с шириной обушка, а у остальных трех его ширина несколько уже максимальной ширины изделия у проушного отверстия.

Согласно выводу В. А. Городцова, впоследствии поддержанному А. Я. Брюсовым и М. П. Зиминой [4, с. 24], Д. А. Крайновым [6, с. 41], О. Н. Бадером и А. Х. Халиковым [8, с. 60], простота формы клиновидных орудий и сходство с кремневыми топорами свидетельствуют об их древнейшем происхождении. Малоизученность изделий Донбасса привела к тому, что исследователи практически исключили донецкие степи из ареала клиновидных сверленых топоров-молотков [4, с. 24; 6, с. 41], хотя самые массовые находки с территории Верхнего Донца были опубликованы Е. В. Пузаковым уже в 1962 г. [9, с. 270, рис. 2, *7*, с. 271, рис. 3, *1*]. Экземпляры из с. Спеваковка [10, с. 9, табл. XXV, *7*] и хут. Подлужного [11, с. 27, табл. XXVII, *2*] были описаны Н. В. Сибилевым еще в конце 20-х годов. Целая серия клиновидных топоров-молотков была известна на Украине из собрания Б. И. и В. И. Ханенко [12, табл. II, *7*, *11*, *12*, *16*, *18*]. Среди энеолитических памятников Северного Приазовья обломок клиновидного сверленого орудия найден на территории Каменной Могилы [13, с. 73, рис. 24, *7*]. Аналогичные находки происходят из многослойного поселения энеолита — ранней бронзы Дурна Скеля [14, с. 28, табл. 5, *24*]. Топор-молоток, очень близкий к экземпляру из с. Погорелое, обнаружен на Михайловском поселении на Нижнем Днепре [15, с. 131, табл. XXII]. Одно изделие выявлено в Здолбицком могильнике в Ровенской обл. [16, с. 57, рис. 19, *1*]. Широкие параллели орудиям данного типа имеются в катакомбных как ранних, так и поздних комплексах на Нижнем Дону [3, с. 54, рис. 26, *12*], на Среднем Дону [17, с. 184, рис. 6, *9*, *13*] и в Северо-Западном Причерноморье [18, с. 66, рис. 2, *8*, *11*]. Отдельные случайные находки известны на Одесщине [19, с. 189, табл. 3, *ж*; 20, с. 205, табл. 1, *16*], Виннитчине [21, с. 215, табл. 1, *12*], Черкасщине [22, с. 50, табл. 16, *4*]. Довольно много их обнаружено за пределами СССР как в Европе [23, с. 155, рис. 48, *2*, *9*; 24, табл. XXXII; 25, с. 45, табл. XVI, *13*], так и в Азии [26, с. 255, рис. 853].

В более южных районах нахождение орудий данного типа зафиксировано среди дольменных древностей Западного Кавказа на р. Аше [27, с. 270]. Клиновидное изделие из ст. Роговской в Прикубанье В. И. Марковин рассматривает в качестве импорта степных культур [28, с. 193, 195, рис. 1, *3*].

Тип 2 — молотковидный (4 экз.) (рис. 2, *1—4*). В отдельный тип выделены изделия, подобные молоткам. Они имеют подовальную форму с уплощенными торцами и скругленными переходами к ним. Проушные отверстия расположены по центру корпуса. Средние размеры изделий молотковидного типа 9 × 5 × 3,5 см. Две находки происходят из погребений катакомбной культуры — у г. Кировска (к. 1, п. 8) (хранится в археологическом музее Луганского пединститута) и пос. Николаевка (к. 3, п. 5) (хранится в археологическом музее Донецкого университета). Третий экземпляр найден у с. Хомутово и хранится в Мариупольском музее. Обломок молотковидного орудия из с. Веделиха экспонируется в археологическом музее Донецкого университета. Экземпляр из с. Хомутово имеет незавершенную сверлину, а из пос. Николаевка — изогнутое тулово.

В качестве исходных форм упомянутых молотковидных топоров-молотков могут рассматриваться экземпляры из постмариупольских памятников [29, с. 29, рис. 10, *11*], изделия из Нижнего Поволжья [30, рис. 14, *9*] и фондов Одесского археологического музея [20, с. 211, табл. III, *23*]. На Верхнем Донце молотковидное изделие с незавершенным проушным отверстием (факт, свидетельству-

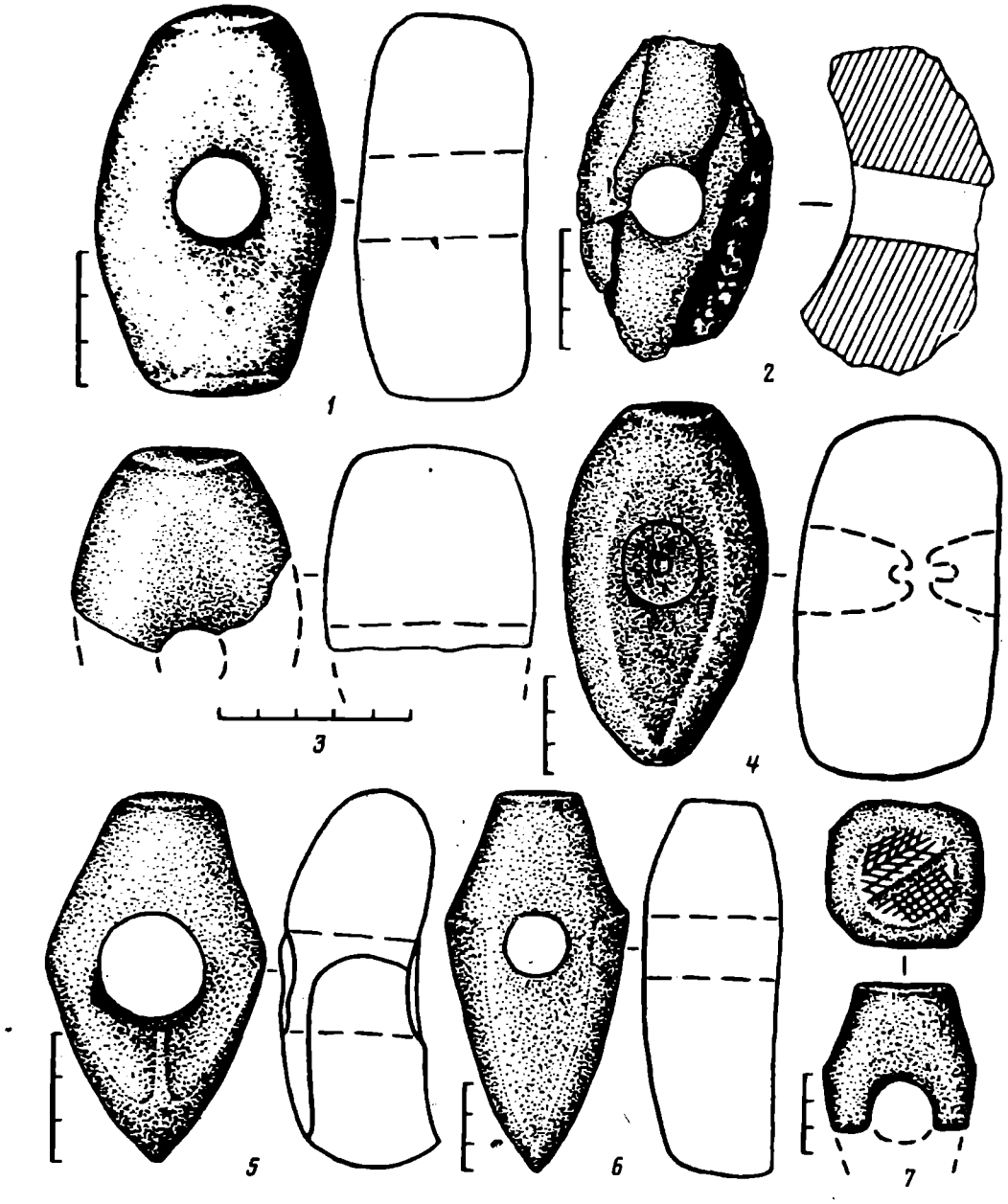


Рис. 2. Молотковидные (*1—4*) и усеченно-ромбические топоры-молотки. *1* — г. Кировск, к. 1, п. 8; *2* — пос. Николаевка, к. 3, п. 5; *3* — с. Веделиха; *4* — с. Хомутово; *5* — с. Малиновка; *6* — Славяносербск; *7* — с. Желобок, к. 3, п. 1

ющий о местных традициях в их производстве) найден Н. В. Сибилевым на многослойной стоянке Петровское-10 [10, с. 9, табл. XXV, *4*]. Отдельные находки каменных молотков известны среди древностей ранних кобанских памятников Кавказа [31, с. 101, 305, рис. 23, *12*]. Обнаружены они и в нижних горизонтах Трои [32, с. 35, рис. *5*, *1*]. В целом подобные орудия на территории южнорусских степей получили весьма ограниченное распространение.

Тип 3 — усеченно-ромбический (рис. 2, *5—7*; 3, *1—6*; 4, *1—6*). Известно 15 экз. В основном все происходят из случайных сборов. Только три изделия найдены в комплексах. Один происходит из раскопок Н. Е. Бранденбургом катакомбы у с. Покровское в Донецком Приазовье в 1889 г. (рис. 3, *1*). Второй (рис. 3, *2*) обнаружен на поселении харьковско-воронежской катакомбной культуры у г. Славяногорска (33). Третий (рис. 2, *7*) найден в катакомбном погребении у с. Желобок на Северском Донце (к. 3, п. 1). Остальные 12 предметов рассредоточены по различным музеям. Два хранятся в Донецком музее (села

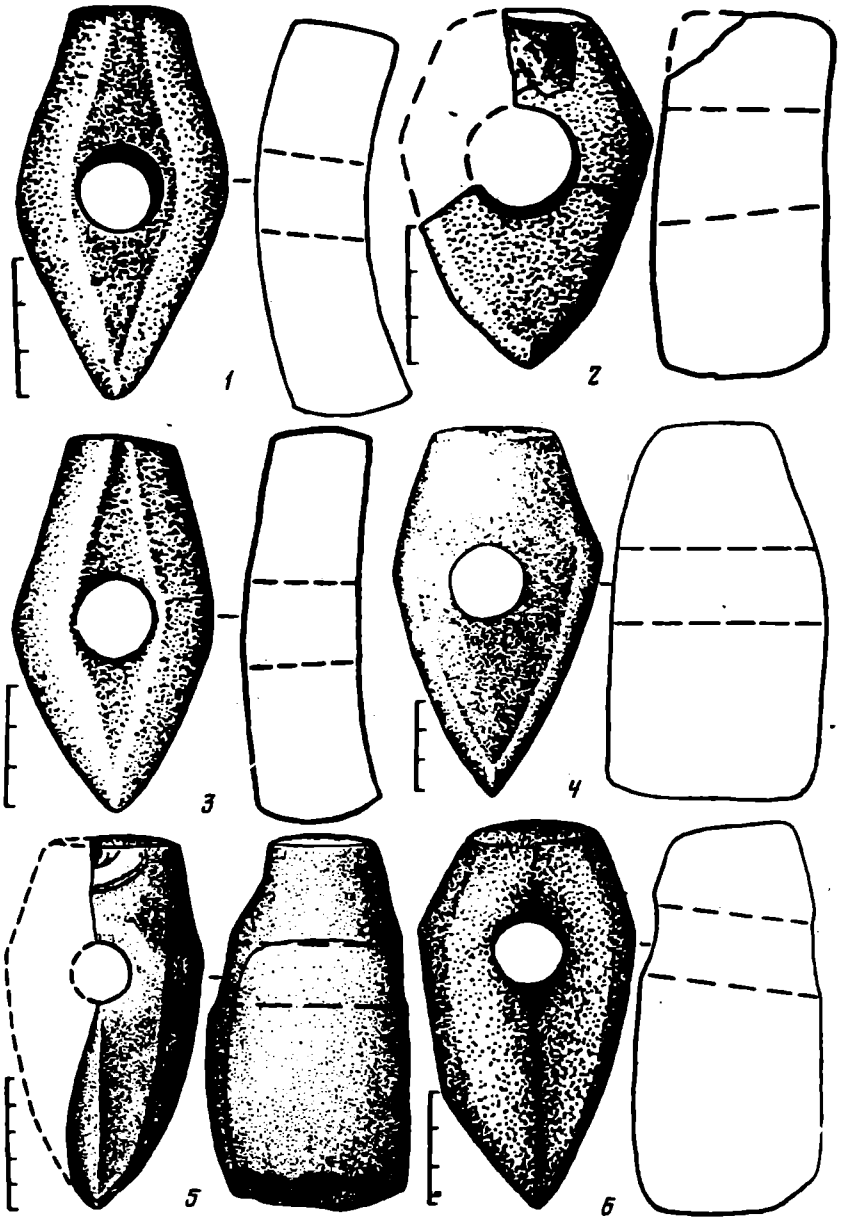


Рис. 3. Усеченно-ромбические топоры-молотки. *1* — с. Покровское, 1889 г.; *2* — Славяногорское поселение; *3* — с. Павлополь; *4* — с. Покровское, Артемовский музей; *5* — г. Славяногорск; *6* — с. Егоровка

Малиновка и Егоровка), один — в археологическом музее Славяногорского историко-архитектурного заповедника (г. Славяногорск), один (г. Славяносербск) — в Луганском музее, один — в Артемовском музее (с. Покровское, Артемовский р-н Донецкой обл)., два — в Новоазовском музее (с. Малые Качары и пос. Новоазовск) и 4 экз.— в Мариупольском музее (три топора-молотка найдены у с. Талаковка, один — около пос. Новоазовск в районе балки Широкой).

Отличительной особенностью изделий данного типа являются подромбическая форма и постепенное ровное сужение тулова от максимальной ширины около проушного отверстия к обушку. При этом обушок не выражен, а обушковая часть тулова имеет в плане форму трапеции. У 5 экз. подобное заужение наблюдается и в профиль. Длина топоров-молотков 8—18, максимальная ширина 5—7, толщина 4—7 см. Сверлина обычно размещена по центру. У массивных экземпляров она несколько сдвинута к обушку. Прослежены вариации в оформлении изделий. Так, преобладает уплощенная форма спинки и брюшка. Две

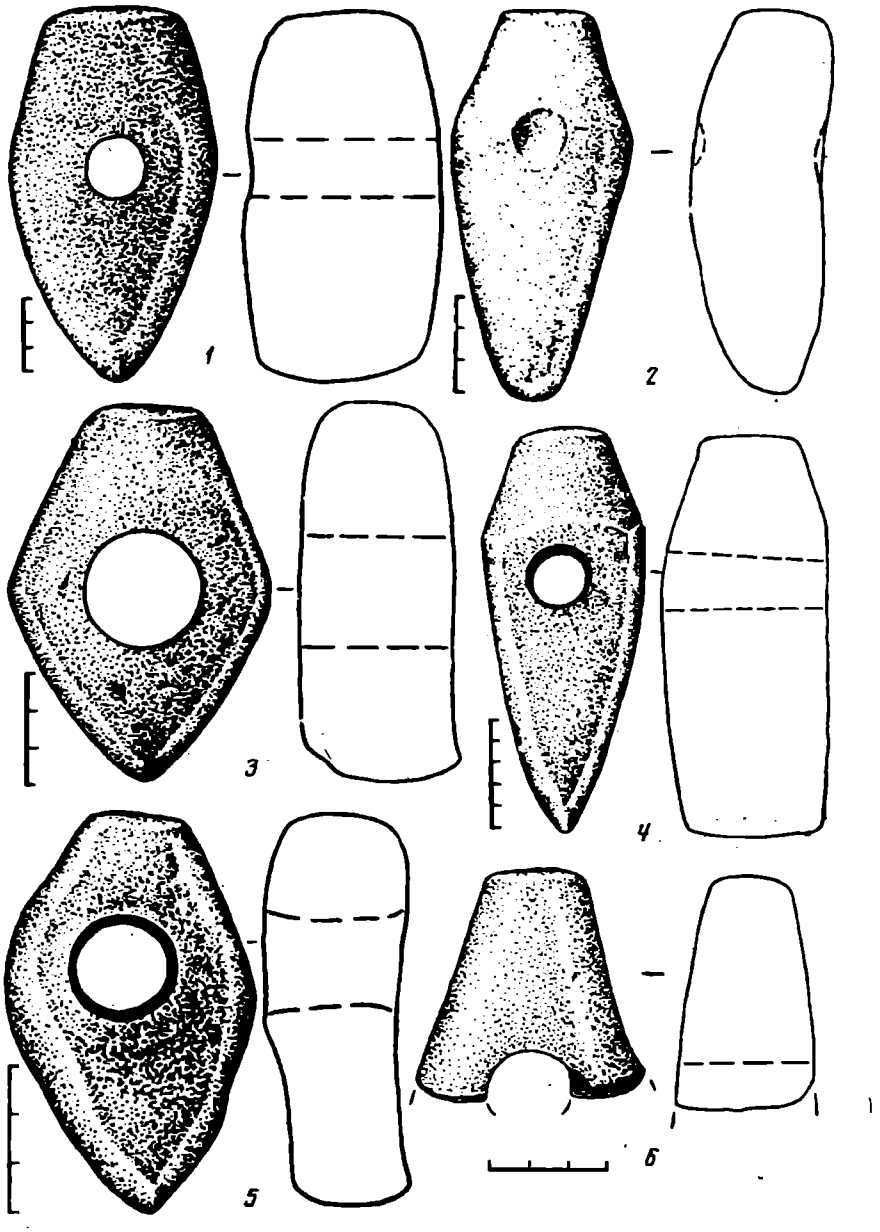


Рис. 4. Усеченно-ромбические топоры-молотки. *1* — с. Малые Качкары; *2* — пос. Новоазовск; *3—5* — с. Талаковка; *6* — пос. Новоазовск; балка Широкая

находки (с. Покровское, 1889 г. и с. Павлополь) идентичны (рис. 3, *1*, *3*). Они имеют скругленные бока, а уплощенной поверхности спинки и брюшка придана форма равностороннего ромба. Находки слабо изогнуты в профиль. Изделия из Славяногорска и Егоровки имеют ограненную лезвийную часть спинки с плавной хордой вдоль центра тулова (рис. 3, *5*, *6*). Короткий экземпляр из Талаковки (рис. 4, *3*), стороны которого en face схожи с равносторонним ромбом, тождествен находкам из катакомбного погребения на Нижнем Дону у хут. Хрящевского и из Ливенцовского поселения (3, с. 54, рис. 26, *8*, с. 114, рис. 62, *11*). Особо следует отметить обломок обушковой части (рис. 2, *7*), найденный в катакомбном погребении у с. Желобок (к. 3, п. 1) Луганской обл.[3] Специфика его — в наличии орнамента из прочерченных линий, расположенного на ударной площадке обушка. При этом площадка разделена на две половины более глубоким желобком. Одна ее часть заштрихована в «елочку», другая — в сетку. Прямых аналогий этому

[3] Благодарю И. А. Писларня и А. М. Смирнова за предоставленную возможность опубликовать данную находку из исследованных ими в 1977 г. курганов.

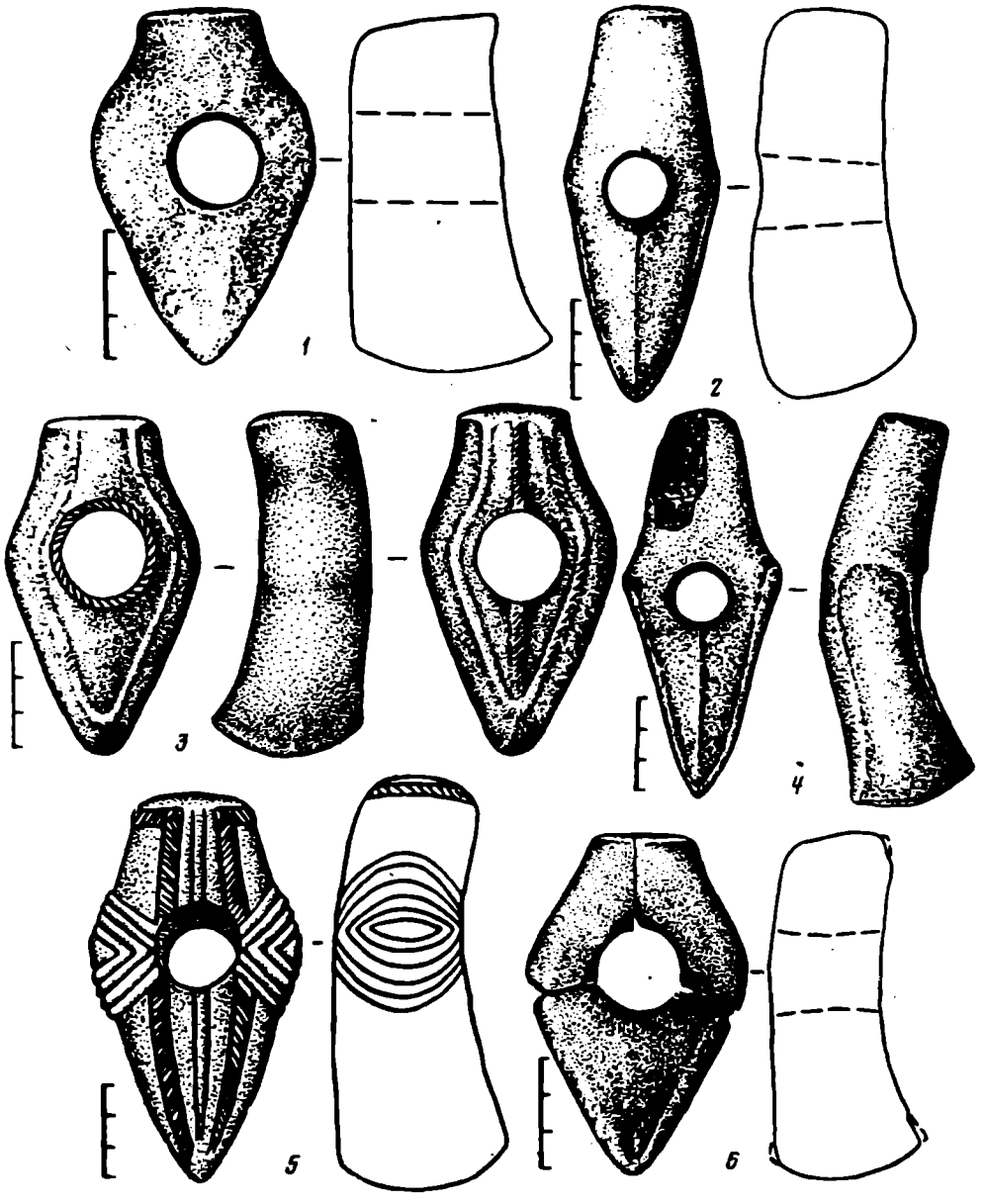


Рис. 5. Удлиненно-ромбические (*2*, *4*) и обушково-ромбические (*1*, *3*, *5*, *6*) топоры-молотки. *1* — с. Донцовка; *2* — заповедник «Хомутовская степь»; *3* — с. Белое; *4* — Луганский музей; *5* — пос. Старобешево; *6* — с. Новониколаевка, к. гр. 2, к. 2, п. 1

экземпляру пока нет. Не исключено, что орнамент на ударной площадке появился при вторичном использовании обломка, так как последний был обнаружен в составе производственного комплекса ремесленника по изготовлению кремневых наконечников стрел и находился совместно с другим инструментом в деревянном футляре. На Донетчине известно несколько обломков обушковой части с орнаментом в виде прочерченных линий, расположенном на боковинах [34, с. 250, табл. 35, *6*].

Экземпляр заготовки усеченно-ромбического топора-молотка с некоторыми признаками изделий 1-го типа (незначительное заужение обушковой части) происходит из поселения эпохи бронзы на р. Битюг, левом притоке Дона [17, с. 179, 184, рис. 6, *11*]. В погребениях ямной культуры усеченно-ромбические орудия встречены в Орёльско-Самарском междуречье [29, с. 91, рис. 13, *2*] и на территории Молдавии [35, с. 133, рис. 8, *6*; 36, с. 88, рис. 2, *1*], где исследователи не совсем верно называют их «ладьевидными» [35, с. 134; 36, с. 89; 37, с. 79]. Подобные формы типичны и для среднеднепровской культуры

[22, с. 37, табл. 3, *4*, *7*, *8*, с. 49, табл. 15, *2*, *3*; 38, с. 368, рис. 99, *9—11*]. При этом наблюдается некоторая близость в оформлении топора-молотка из с. Зеленки [22, с. 49, табл. 15, *3*] к экземплярам из Павлополя и Покровского (Донецкое Приазовье).

Среди катакомбных памятников кроме вышеуказанного экземпляра из хут. Хрящевского изделия 2-го типа широко известны на харьковско-воронежских поселениях Среднего Дона [33, с. 31, рис. *5*, *8*, с. 44, рис. 11, *7*, с. 110, рис. 34, *5*, с. 112, рис. 35, *20*, с. 116, рис. 37, *8*]. Ряд топоров-молотков из поселений Шубное, Марица, Малое Боршевское В. И. Беседин связывает с воронежской культурой [40, с. 69, 70, рис. *5*, *12—14*]. На территории Украины аналогичные формы найдены в позднекатакомбных погребениях [41, с. 64, рис. 1, *6*], а некоторые даже в смешанных ямно-катакомбных комплексах [42, с. 11, рис. 8, *7*]. Отдельные экземпляры получили распространение среди восточнотшинецких древностей [43, с. 206, табл. V, *9*]. Есть они и на Кировском поселении в Крыму [44, с. 32, рис. 25, *8*]. Несколько предметов данной категории выявлено среди комплексов многоваликовой [45, с. 29, рис. 4; 46, с. 21, рис. 6, *16*] и абашевской культур [47, с. 42, рис. 8, *1*]. Проникновение топоров-молотков 3-го типа на Северный Кавказ В. И. Марковин объясняет обменными операциями кавказских и степных племен [28, с. 193, 195, рис. 1, *4*, *7*]. Многочисленны усеченно-ромбические орудия (в том числе и незавершенные) среди случайных находок по всему Северному Причерноморью [9, с. 269, рис. 1, *3*, *6*, с. 270, рис. 2, *1*, *2*, *4*, *8*, с. 271, рис. 3, *9*, *10*; 12, табл. II, *8*, *9*, *13—15*, табл. III, *51*; 19, с. 189, табл. 3, *д*; 20, с. 208, табл. II, *11*, *13*, *14*, с. 211, табл. III, *24*; 48, с. 97, рис. 2, *10*, *11*; 49, с. 207, табл. III, *1*].

Таким образом, ареал памятников 3-го типа на Украине довольно обширен. Они встречаются в различных культурах эпохи бронзы.

Тип 4 — удлиненно-ромбический (рис. *5*, *2*, *4*). На территории Донбасса из случайных находок известно 2 экз. Один хранится в Луганском (место находки неизвестно), другой — в Мариупольском музее, найден в заповеднике «Хомутовская степь». Топоры-молотки этого типа отличаются удлиненной усеченно-ромбической формой с выраженной усеченно-конической обушковой частью, которая постепенно сужается к обушку. Сверлина расположена в центре изделия, тулово слегка изогнуто. Лезвие приближается к дуговидной, оттянутой к брюшку форме, что отчасти напоминает лопастные предметы. Боковины у проушного отверстия приострены. На экземпляре из музея уплощены боковины всей лезвийной части тулова, а спинка отшлифована в виде двух продольных граней, расположенных друг к другу под тупым углом. Длина изделий 12—13, ширина у проушного отверстия 5, толщина 3,5 см. Аналогичные находки сделаны на Днепропетровщине в кургане у с. Кут, содержащем ямные и катакомбные погребения [50, с. 45, рис. 4, *1*], и в катакомбном погребении у с. Новый Мир [51, с. 70, рис. 70, *9*]. В другом катакомбном погребении топор-молоток удлиненно-ромбической формы найден на Ставропольщине близ с. Веселая Роща [52, с. 105, рис. 2, *4*]. Очень близкие формы происходят из материалов поселений на о-ве Перун на Днепре [53, с. 39, рис. 9, *1*, *2*]. Следует отметить изделия, выявленные около с. Гребени на Киевщине [22, с. 52, табл. 18, *2*] и с. Михайловка Николаевской обл. [49, с. 207, табл. III, *2*]. Слегка изогнутый экземпляр обнаружен на поселении эпохи бронзы у с. Надеждино-Куракино Пензенской обл. [54, с. 31, рис. 4, *15*].

Находки 4-го типа выделяются четкостью пропорций и изяществом формы, что должно свидетельствовать об их непосредственно боевом или парадном назначении. Они имеют отдельные общие черты с определенными материалами Северного Кавказа [55, с. 99, рис. 44, *19*], с 3 экз. из Бородинского клада [56, табл. IX, X], от которых отличаются прежде всего формой обушковой части тулова. Изделие из Луганского музея находит полную аналогию среди предметов нижних горизонтов Трои [32, с. 37, рис. 6, *2*]. Очень близкие находки 4-му

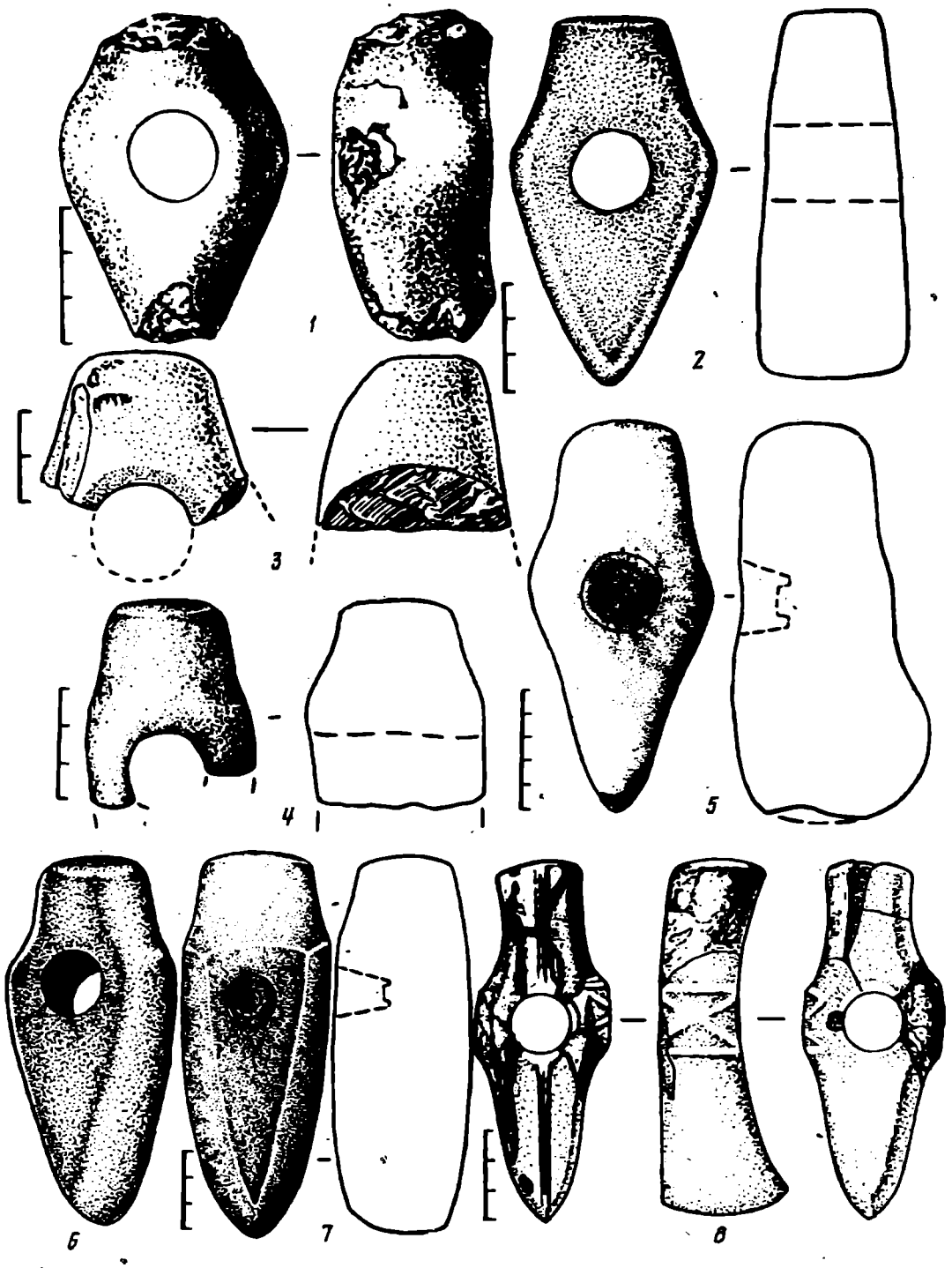


Рис. 6. Обушково-ромбические (*1—3*) и обушковые (*4—8*) топоры-молотки. *1* — с. Майдан, к. 1, п. 5; *2* — с. Васильевка, к. 1, п. 14; *3* — Славяногорское поселение; *4* — пос. Новоазовск, балка Широкая; *5* — Ждановский музей; *6* — с. Черевковка, к. 3, п. 6; *7* — с. Семеновка; *8* — пос. Николаевка, к. 1, п. 4

типу имеются и в Центральной Европе, но здесь их отличает удлинение лезвийной части [23, с. 155, рис. 48, *7*].

Тип 5 — обушково-ромбический (рис. *5*, *1*, *3*, *5*, *6*; 6, *1—3*). Представлен семью предметами. Два хранятся в Луганском музее (с. Белое и с. Донцовка), один происходит из сборов В. А. Харламова в Донецком Приазовье у с. Бешево (совр. пос. Старобешево), остальные найдены в катакомбных комплексах в пределах Донецкой обл. у с. Новониколаевка (к. гр. 2, к. 2, п. 1), с. Майдан (к. 1, п. 5), с. Васильевка (к. 1, п. 14) и на катакомбном Славяногорском

поселении[4]. Их отличают подромбическое, иногда слабоизогнутое тулово и дуговидное, оттянутое к брюшку лезвие. Проушное отверстие расположено в центре. Примечательной особенностью обушково-ромбических топоров-молотков является слабовыраженный короткий обушок, который образован в результате сужения плечиков. Экземпляры из Старобешево и Белое украшены фасетками с косой насечкой, имитирующей шнуровой орнамент. Их средние размеры: длина 9—10, максимальная ширина 6, толщина 3 см.

Изделия обушково-ромбического типа встречаются среди материалов среднеднепровской культуры [22, с. 38, табл. 4, *5*]. Топор-молоток с расширяющимся обушком обнаружен в разрушенном погребении у с. Липовец [к. 266, п. 5] и, по-видимому, отражает сложный процесс взаимосвязей среднеднепровской и многоваликовой культур, в связи с чем исследователями относится или к среднеднепровским [22, с. 31, 35, табл. 1, *7*], или к памятникам культуры многоваликовой керамики [46, с. 20, 21, рис. 6, *17*]. Форма расширяющегося обушка имеется среди трипольских находок [57, с. 103, рис. 68, *8*]. Массивные экземпляры с забитым в процессе работы обушком найдены в ямных погребениях на Херсонщине [58, с. 139, табл. III, *21*] и Харьковщине [59, с. 115, рис. 1, *3*]. На Украине формы 5-го типа чаще всего встречаются в погребениях катакомбной культуры и на харьковско-воронежских поселениях в лесостепи [60, с. 240, рис. 94, *9*; 61, с. 65, рис. 5, *1—3*; 52, с. 17, рис. 2, *13*, *26*, с. 44, рис. 11, *6*; 63, с. 101, рис. 20, *2*; 51, с. 70, рис. 2, *6*]. Есть они и на Кировском поселении в Крыму [44, с. 32, рис. 25, *12*]. Отдельные находки выявлены в Одесской и Винницкой областях [20, с. 205, табл. I, *12*; 21, с. 215, табл. I, *10*]. Некоторые обнаружены на территории верхнего течения Северского Донца [9, с. 269, рис. 1, *4*, *7*; 10, с. 9, табл. XXV, *8*, *9*] и Среднего Дона [64, с. 63, рис. 59].

Ряд топоров-молотков кабардино-пятигорского типа, происходящих из комплексов северкавказской культуры, en face близки по форме к обушково-ромбическим изделиям Донбасса [65, с. 37, рис. 14, *2*, *3*]. Но скошенность обушковой части и наличие огранки, нервюр указывают на самостоятельную линию в их формировании [55, с. 100]. Сложные орнаментальные композиции на экземплярах данного типа изделий, не уступающие известным западным образцам [66, табл. I, *6*], дают основание видеть в них парадное оружие.

Тип 6 — обушковый (12 экз.). Объединяет изделия с четко выраженным цилиндрическим обушком, чем отличается от 5-го типа. Наблюдаются некоторые вариации в оформлении тулова: уплощенные и выпуклые боковины, форма лезвия, наличие нервюр и других украшений. Орудия с прямым корпусом и четким обушком Л. С. Клейн считает ведущим типом боевых топоров для катакомбной культуры [67, с. 169]. На основании длины обушка и характера лезвия представляется возможным выделить три подтипа: среднеобушковый, длиннообушковый и обушково-лопастный.

Подтип А — среднеобушковый (4 экз.) (рис. 6, *4—7*). Имеет средней длины обушок. Подтип включает массивные орудия из твердых пород камня, что говорит об их использовании в качестве ударных инструментов. Один известен из раскопок В. А. Городцова (с. Черевковка, к. 3, п. 6), другой найден у с. Семеновка и экспонируется в Донецком университете. Два остальных хранятся в Мариупольском музее (место находки крупного экземпляра неизвестно, а обломок изделия с цилиндрическим обушком обнаружен в балке Широкой близ Новоазовска). Изделия из Семеновки и Мариупольского музея имеют незавершенные сверлины. Размеры: длина 10—17, ширина 5—7,5, толщина 5—6 см.

Как самую древнюю находку среднеобушкового топора-молотка можно рассматривать экземпляр из энеолитического погребения 4 из кургана 2 Веселовской группы на р. Маныч [68, с. 72, табл. XXI, *2*]. Несколько изделий найдены на поселениях эпохи энеолита — ранней бронзы: Михайловское [15, с. 131, табл. XXII], Дурна Скеля [14, с. 28, табл. 5, *23*, *25*, *26*], Волошское

[4] Материалы происходят из раскопок автора, С. Н. Братченко и Ю. Б. Михлина.

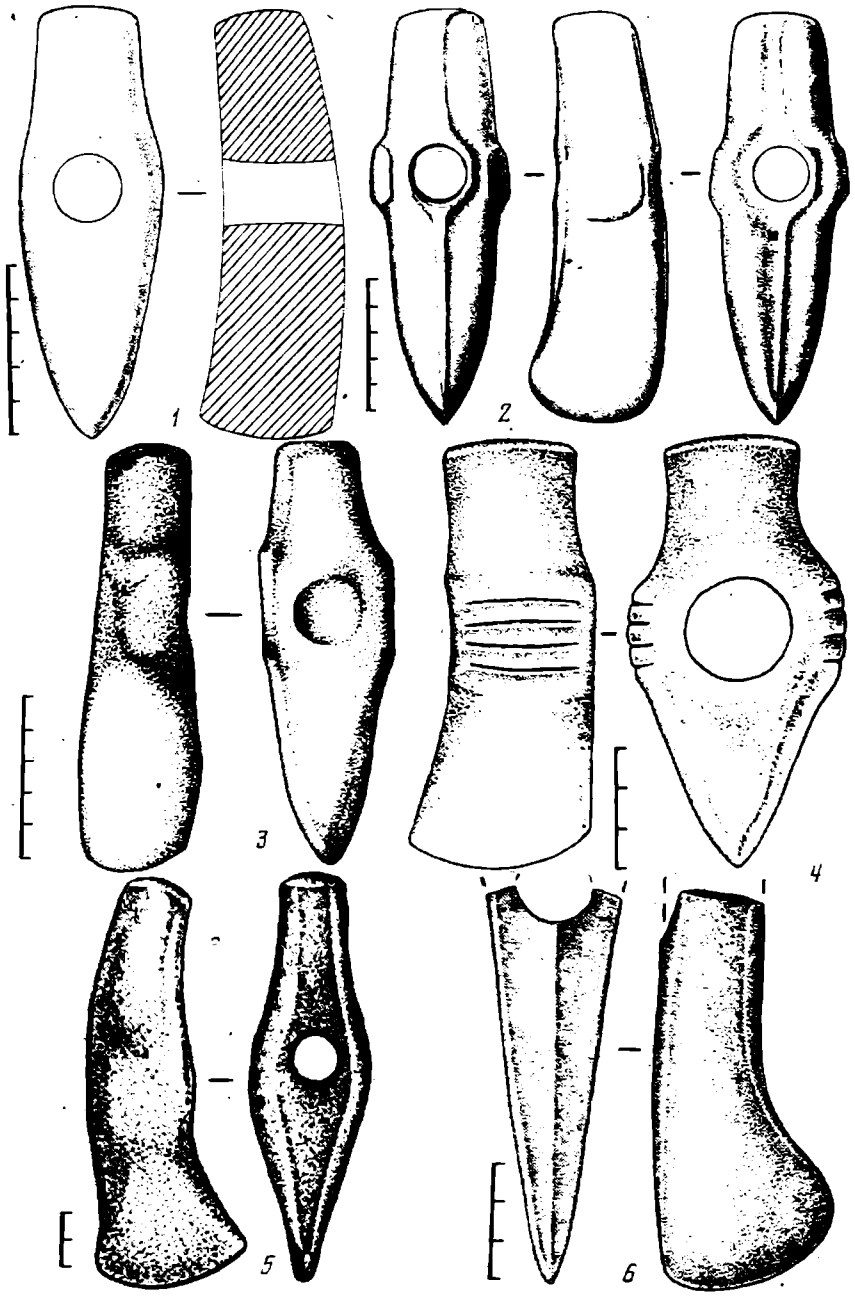


Рис. 7. Обушковые топоры-молотки. *1* — пос. Николаевка, к. 2, п. 2; *2* — пос. Николаевка, к. 3, п. 2; *3* — с. Шевченко, к. гр. 2, к. 2, п. 13; *4* — с. Бурлацкое, к. 3, п. 4; *5* — г. Луганск, 1927 г.; *6* — г. Мариуполь, 1925 г.

[69, с. 21, рис. 3, *8*]. В Поднепровье они встречены в древнеямных погребениях [29, с. 91, рис. 13, *1*; 70, с. 15, рис. 4, *4*]. Но наибольшее количество среднеобушковых форм происходит из погребений катакомбной культуры в Северном Приазовье [71, с. 188, рис. 135, *11*] и Северном Причерноморье [71, с. 39, рис. 5, *7*; 50, с. 56, рис. 15, *4*; 72, с. 45, рис. 6, *35*], на Нижнем [3, с. 54, рис. 26, *7*, *11*] и Среднем Дону [73, с. 74, рис. 29, *11*]. Отдельные находки связаны с памятниками культуры многоваликовой керамики [46, с. 21, рис. 6, *22*]. Часть изделий из Корсуня [22, с. 51, табл. 17, *2*] и Одессы [20, с. 205, табл. I, *15*] относятся к категории случайно выявленных предметов. К ним следует добавить материалы Верхнего Донца [9, с. 269, рис. 1, *2*, с. 270, рис. 2, *3*, с. 271, рис. 3, *3*] и более восточных районов [74, с. 125, рис. 73]. В серию типов топоров-молотков, относимых В. И. Марковиным к сфере степного влияния, входят и рассматриваемые изделия [28, с. 195, рис. 1, *5*, *6*].

Подтип Б — длиннообушковый (*5* экз.) (рис. 6, *8*; 7, *1—4*). В подтип включены орудия стройных очертаний, с удлиненным цилиндрическим обушком и слегка оттянутым к брюшку лезвием. Все происходят из погребений катакомбной культуры на территории Донецкой обл. и хранятся в археологическом музее Донецкого университета. Три изделия найдены в курганах у пос. Николаевка (к. 1, п. 4; к. 2, п. 2; к. 3, п. 2), один — у с. Шевченко (к.гр. 2, к. 2, п. 12) и один — у с. Бурлацкое (к. 3, п. 4). Их средние размеры: длина 12, максимальная ширина 4—5, толщина 3 см. Длиннообушковый подтип выделяется не только изяществом формы, но и наличием орнамента в виде валиков с короткими насечками в «елочку» и нервюр. Некоторые элементы орнамента близки композициям на катакомбной и среднеднепровской керамике [75, с. 51]. Основной отличительной особенностью всех изделий данного подтипа (за исключением находки из Николаевки, к. 2, п. 2) являются несколько выпуклые и уплощенные боковины, что отдаленно напоминает крестовидный тип по классификации А. Я. Брюсова и М. П. Зиминой [4, с. 73, табл. 10]. Один топор-молоток из с. Шевченко имеет незавершенную форму, найден в погребении мастера по изготовлению каменных орудий совместно с производственным комплексом (наковаленка, отбойники, шлифовальные плитки). Этот факт устанавливает местное производство данных форм. Такой же незавершенный длиннообушковый образец был обнаружен в верхнем течении Северского Донца на многослойной стоянке Гончаровка-2 [10, с. 9, табл. XXV, *2*]. Некоторые аналогии имеются в Днепропетровской [76, с. 7, рис. 3, *1*, *2*] и Ростовской [77, с. 23, табл. 11, *10*] областях. Специфика форм указанных топоров-молотков позволяет считать их проявлением местных традиций культур катакомбного круга, что дает основание выделить последние в особую группу, за которой уместно закрепить термин «донбасская». Тщательность отделки изделий донбасской группы указывает на ее использование исключительно в качестве парадного оружия или символов социальной власти.

В качестве аналогии изделиям донбасской группы следует отметить находку длиннообушкового топора-молотка с выпуклыми и уплощенными боковинами из с. Попудня близ Умани, упоминаемую А. Эуропеусом [64, с. 73, рис. 77]. В Западной Европе полные аналогии данной форме не представлены. Однако в работе по типологии северных топоров-молотков Н. Аберг приводит один очень удлиненный экземпляр со свисающим лопастным лезвием, боковины которого снабжены уплощенными выступами, составленными из четырех валиков [78, с. 23, рис. 19]. Такие одинарные валики (по терминологии В. А. Городцова, «поперечные выпуклые линии» [5, с. 18]) имеются на изделиях различной формы не только в Западной Европе [78, с. 24, рис. 20, 21, с. 25, рис. 22, с. 27, рис. 26, с. 32, рис. 39, с. 33, рис. 41, с. 46, рис. 66], но и на орудиях с территории Верхнего Донца [79, с. 26, табл. XV, *6*], однако они несопоставимы с боковыми выступами на изучаемых нами образцах. Типологически ближе к донбасским стоят топоры Южной Болгарии (восьмой тип по типологии Н. Я. Мерперта) [80, с. 164, 165, рис. 1]. Существенные же отличия заключены в профиле этих орудий. Примечательно, что, как и длиннообушковый подтип, отмеченные находки Южной Болгарии использовались в боевых, парадных и ритуальных целях [80, с. 168].

Подтип В — обушково-лопастный (3 экз). (рис. 7, *5*, *6*; 8, *1*). Объединяет изделия с удлиненно-цилиндрическим обушком и ярко выраженной приостренной лопастью, образованной из оттянутого к брюшку дугообразного лезвия. Одно изделие найдено в катакомбном погребении в г. Луганске в 1927 г. Другое происходит из разрушенного кургана у с. Еленовка (хранится в Донецком музее). К данному подтипу относим и обломок лезвийной части изделия из собрания Мариупольского музея (найден в г. Мариуполе в 1925 г.). Средние размеры: длина 17, ширина 14, толщина 3,5 см.

У находок из Луганска и Еленовки спинка лезвийной части слабо прогибается, в связи с этим лезвие слегка оттянуто вверх. Кроме того, топор-молоток из Еленовки на спинке лезвийной части имеет две ограненные продольные полоски,

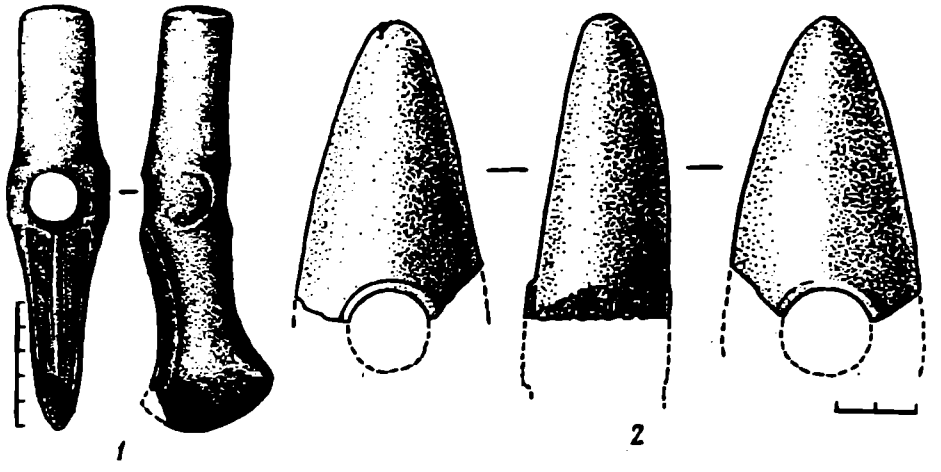


Рис. 8. Обушковый топор-молоток из с. Еленовка (*1*) и обломок изделия из Славяногорского поселения (*2*)

боковины тулова несколько уплощены. Этим данный экземпляр сближается с донбасской группой. Боковины изделия из Луганска скруглены, брюшко имеет слабую огранку. Обломок из Мариупольского музея отличается округленным окончанием лопасти, прямой спинкой и уплощенными боковинами лезвийной части тулова, что позволяет видеть аналогию ему в экземплярах Бородинского клада (топоры-молотки 1-го и 2-го типа) [56, с. 19, табл. XIII, с. 20, табл. XIV], тем более что прямые боковины лезвийной части у обломанного проушного отверстия мариупольского экземпляра не имеют следов скругленности или уплощенности. Следовательно, в месте расположения сверлины были боковые угловые выступы, от которых и шло сужение тулова к обушку. Такие выступы известны не только на бородинских находках, но и на древнейших топорах-молотках из погребений у с. Петрово-Свистуново [57, с. 101, рис. 67, *5*], с. Старо-Михайловка [81, с. 97, рис. 2], хут. Лебеди [82, с. 19, рис. 5], совхоза «Аккермень» [3, с. 46, рис. 74, *5*] и на случайной находке около с. Подстепки [83, с. 43, рис. 1]. Отличием этих древнейших материалов от бородинских (1-го и 2-го типа) можно считать то обстоятельство, что боковины лезвийной части тулова последних уплощены или огранены, а у первых скруглены. Третий топор-молоток из Бородинского клада, хотя и не имеет уплощенных боковин, выделяется хордой и расширенным окончанием обушка, что вряд ли позволяет сопоставлять его с более архаическими предметами [3, с. 144]. Слабая оттяжка лезвия к спинке на находках из Луганска и Еленовки получила дальнейшее развитие и более четкое выражение на четвертом бородинском топоре-молотке [56, с. 22, табл. XVI] и изделии из с. Березовка Саратовской обл. [84, с. 275].

Сказанное позволяет утверждать, что вышеописанные материалы из Луганска и Еленовки представляют собой местный вариант широко распространенных лопастных изделий, а обломок лезвийной части из Мариупольского музея аналогичен 1-му и 2-му типу бородинских находок.

Кроме вышеописанных обломков топоров-молотков из разных мест происходят еще восемь обломков лезвийных частей (рис. 8, *2*; 9, *1—5*), которые затруднительно отнести к какому-либо из выделенных типов. Интересна находка из с. Райгородка Луганской обл., имеющая богатый «елочный» рельефный орнамент. По оформлению боковин она может быть сопоставлена с топором-молотком из с. Новый Мир Днепропетровской обл. [51, с. 70, рис. 2, *11*]. Два обломка изделий, как уже указывалось, найдены В. А. Городцовым у с. Малая Камышеваха [9, с. 271, рис. 3, *5*, *6*]. Следует особо обратить внимание на обломок орудия из катакомбного Славяногорского поселения (рис. 8, *2*). Он имеет конусовидную форму и выступающую небольшую втулку. Изделие с конусовидным лезвием обнаружено в разрушенном кургане в бассейне р. Тясмин у с. Камбурлеевка [85, с. 155, 157, рис. 2, *13*]. Аналогичная конусовидная (клевцовая) форма обушка послужила

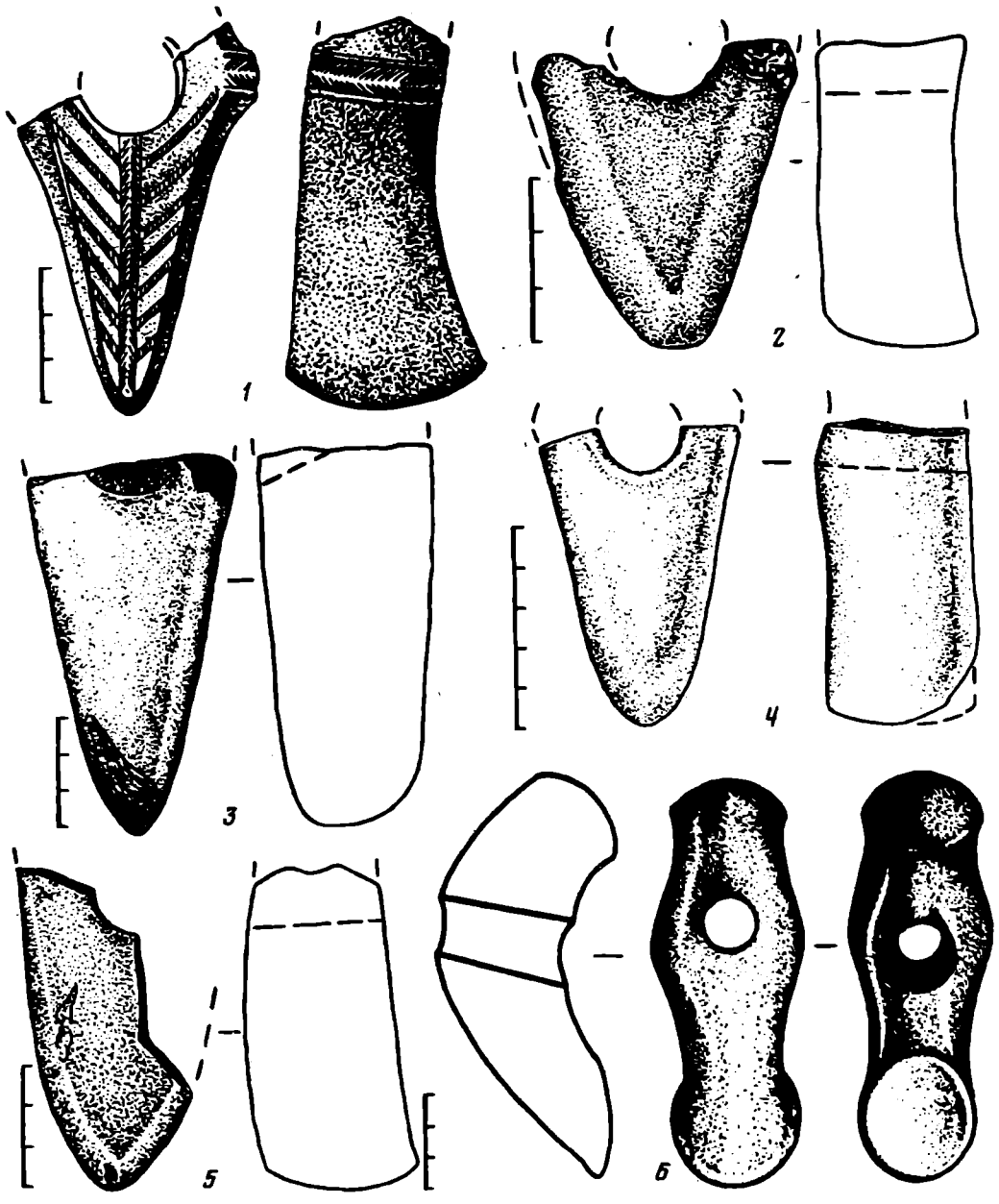


Рис. 9. Обломки топоров-молотков и навершие из с. Красное. *1* — с. Райгородка; *2* — с. Стыла; *3*, *5* — Луганский музей; *4* — с. Васильевка; *6* — с. Красное

В. А. Городцову поводом для выделения среди фатьяновских топоров-молотков лопастно-клевцового типа [5, с. 49]. Он же отмечает изящную форму клевцовых орудий, имеющих конически-приостренный, вытянутый, прямой или поданный назад обух [5, с. 18]. В верхнем течении Северского Донца экземпляр с выступающей втулкой выявлен среди материалов Белгородского поселения [9, с. 269, рис. 11]. Из находок на территории Украины в редких случаях выступающую втулку имеют топоры-молотки среднеднепровской культуры [75, с. 47, 49, рис. 34, *2*]. А. Д. Крайнов отмечает путь распространения изделий с выступающей втулкой из Прибалтики и Белоруссии в Поднепровье, а оттуда на Оку и Среднюю Волгу в район фатьяновской культуры [6, с. 47]. Нахождение отдельных экземпляров в Белгородской и Воронежской областях исследователь связывает с проникновением на данную территорию протофатьяновских племен или контактами с соседними племенами катакомбной культуры [6, с. 47]. Для московско-клязьминской группы фатьяновских памятников (1750—1700 — 1400 гг. до н. э.) Д. А. Крайнов устанавливает синхронизацию с поздней днеп-

ро-деснинской группой среднеднепровской культуры и памятниками развитой катакомбной культуры [6, с. 225—227]. Обнаружение обломка топора-молотка с выступающей втулкой на Славяногорском поселении наглядно иллюстрирует связь харьковско-воронежской катакомбной культуры с культурами шнуровой керамики [86, с. 406].

В заключение рассмотрим еще одну специфическую находку каменного навершия из с. Красное Донецкой обл. (рис. 9, *б*). Изделие изготовлено из нефелина и прекрасно отполировано. Тулово изогнуто, имеет свисающий обушок и свисающее круглое лезвие в горизонтальной плоскости. Проушное отверстие сверлено снизу вверх и расположено в центре ближе к обушку. Размеры: длина 13, ширина 4,5, толщина 4 см. Навершие хранится в археологическом музее Донецкого университета и происходит из сборов Д. С. Цвейбель.

Д. Я. Телегиным данная находка на основании определенной близости роговым навершиям [87, с. 316] отнесена к энеолитическим памятникам новоданиловского типа. Л. С. Клейн рассматривает ее в качестве скифских скипетров в копытообразным ударным концом [88, с. 33]. Некоторые роговые навершия со свисающим обушком и горизонтальным лезвием имели место среди энеолитических памятников Донбасса и других районов [89, с. 25, рис. 4, *11*; 90, с. 39, рис. 52]. Но большего внимания, на наш взгляд, заслуживает поиск сходных форм из камня. Ими могут быть только энеолитические трехчленные булавы из Мариуполя, Пятигорска, Волгограда и Острогожска [91, с. 103, табл. 22]. При этом навершие из Волгоградского музея имеет сформировавшееся круглое горизонтальное лезвие, подобное лезвию находки из с. Красное [92, с. 94, рис. 45, *6*]. В то же время, формы свисающего обушка и центральной части тулова дают сходство с гладкими топорами-молотками кабардино-пятигорского типа [55, с. 99, рис. 44, *15*, *16*]. Имеется серия изделий со свисающим обушком, но подчеркнуто выраженного фаллического характера [23, с. 155, рис. 48, *4*; 32, с. 37, рис. 6, *2*].

Совершенная техника изготовления сложной формы навершия из с. Красное, отдельные параллели среди памятников средней бронзы Северного Кавказа позволяют датировать эту находку эпохой средней бронзы. Подобная датировка изделия из с. Красное подтверждается временем волгоградского навершия, которое В. П. Шиловым отнесено к 1800—1600 гг. до н. э. [93, с. 90]. Более ранние типы трехчленных булав из Мариуполя и Пятигорска В. Н. Даниленко и Н. Н. Шмаглий рассматривали совместно с булавами крестовидной формы и считали их «наиболее архаическими проявлениями майкопской культуры» [94, с. 12].

Проведенный типологический анализ позволяет не только разработать классификацию каменных сверленых топоров-молотков Донбасса, но и установить общность в бытовании основных типов данных изделий на соседних территориях. Находки незавершенных образцов свидетельствуют о производстве непосредственно в Донбассе основных форм топоров-молотков, а обнаружение специфических изделий позволяет рассматривать характер их возникновения и направления распространения. Наряду с использованием широко применяемых форм племена катакомбной культуры Донбасса выработали собственную форму топоров-молотков, выделенную в донбасскую группу. Фиксация подобных изделий в памятниках последующего периода дает возможность с новых позиций подойти к решению вопросов генетического порядка, конкретизировать характер взаимных контактов различных культурных групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 гг. СПб, 1908.
2. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г.//Гр. XII АС. Т. 1. М., 1905.
3. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
4. *Брюсов А. Я., Зимина М. П.* Каменные сверленые боевые топоры на территории Европейской части СССР//САИ. 1966. Вып. В 4-4.
5. *Городцов В. А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России. М., 1916.
6. *Крайнов Д. А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М.: Наука, 1972.

7. *Георгиев Г. И.* Главни периоди в развитието на културата през неолита и медната епоха в България в светлината на най-новите археологически проучвания//Swiatowit. 1960. Т. XXIII.
8. *Бадер О. Н., Халиков А. Х.* Памятники балановской культуры//САИ. 1976. Вып. В 1-25.
9. *Пузаков Е. В.* Каменные сверленые топоры-молотки в верхнем течении р. Северский Донец//СА. 1962. № 1.
10. *Сибилев Н. В.* Древности Изюмщины. Вып. 1. Изюм, 1926.
11. *СІбІльов М. В.* СтаровинностІ Ізюмщини. Вып. IV. Изюм, 1930.
12. *Ханенко Б. И., Ханенко В. И.* Древности Приднепровья. Вып. 1. Киев, 1. 1899.
13. *Даниленко В. М.* Кам'яна могила. Киев: Наук. думка, 1986.
14. *Якубенко Е. А.* Материалы поселения эпохи меди — бронзы Дурна Скеля в собрании ГИМ УССР//Древности Степного Поднепровья (III—II тыс. до н. э.). Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1982.
15. *Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. А.* Михайлівське поселения. Киев: Изд-во АН УССР, 1962.
16. *Свешников И. К.* Памятники культуры шнуровой керамики у села Здолбица (УССР)//КСИА. 1961. Вып. 85.
17. *Корнюшин Г. И.* Археологические памятники в Аннинском районе Воронежской области (материалы к археологической карте)//*Либеров П. Д.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М.: Наука, 1964.
18. *Тощев Г. Н.* О памятниках катакомбной культуры на территории Северо-Западного Причерноморья//Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1981.
19. *Патокова Е. Ф.* Археологічні пам'ятки долини р. Тілігул//МАСП. 1960. Вып. III.
20. *Ярова Е. Х.* Кам'яні знаряддя праці з фондів Одеського державного археологічного музею//МАСП. 1960. Вып. III.
21. *Некрасов П. А.* Знаряддя праці из околиць села Дерев'янка Вінницкої області//МАСП. 1960. Вып III.
22. *Качалова Н. К.* Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга (эпоха бронзы)//САИ. 1974. Вып. В 4-12.
23. *Pic J. L.* Čechy předhistorické. I. Praha, 1899.
24. *Machnik J.* Studia nad kultura ceramiki sznurowej w Malopolsce. Wrocław, Warszawa, Krako'w, 1966.
25. *Machnik J., Jediga B., Miskiewicz J., Hensel W.* Wczesna epoka brazu//Prahistoria ziem polskich. T. III. Wroclaw; Warszawa; Krakow; Gdansk, 1978.
26. *Montelius O.* Die älteren Kulturperioden im Orient und in Europa. II. Stockholm, 1916—1923.
27. *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978.
28. *Марковин В. И.* Степи и Северный Кавказ: об изучении взаимосвязи древних племен//Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976 г.
29. *Ковалёва И. Ф.* Север степного поднепровья в энеолите — бронзовом веке. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1984.
30. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука. 1974.
31. *Батчаев В. М.* К вопросу о датировки Каменномостского могильника (в свете раскопок 1971 г.)//Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
32. *Hoernes M.* Kultur der Urzeit. Berlin; Leipzig, 1917.
33. *Санжаров С. Н., Братченко С. Н.* Отчет об исследованиях Славянской экспедиции в 1981 году//Научный архив ИА АН УССР. Фонд экспедиции 1981—101.
34. *Häusler A.* Die Gräber der älteren Ockergrabkultur zwischen Ural und Dnepr. B. 1974.
35. *Манзура И. В.* Исследование курганов у пос. Светлый//Курганы в зонах новостроек Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1984.
36. *Савва Е. Н.* Катакомбное погребение у г. Тирасполя//Молдавское Поднестровье в первобытную эпоху. Кишинев: Штиинца, 1987.
37. *Яровой Е. В.* Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинев: Штиинца, 1985.
38. *Артеменко И. И.* Среднеднепровская культура//Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев: Наук. думка, 1985.
39. *Пряхин А. Д.* Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982.
40. *Беседин В. И.* Воронежская культура эпохи бронзы//Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1984.
41. *Шмаглій М. М., Черняков І. Т.* Про проникнення катакомбних племен в Північно-Західне Причерномор'я//Археологія. 1971. № 4.
42. *Васильченко С. А.* К вопросу о взаимоотношений ямной и катакомбной культур в Поорелье//Некоторые вопросы археологии Украины. Киев: Изд-во КГУ, 1977.
43. *Березанская С. С.* Средний период бронзового века в Северной Украине. Киев: Наук. думка, 1972.
44. *Лесков А. М.* Кировское поселение//Древности Восточного Крыма. Киев: Наук. думка, 1970.
45. *Березанская С. С.* Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине//СА. 1960. № 4.
46. *Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев.: Наук. думка, 1986.
47. *Пряхин А. Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1977.

48. *Савовський І. П.* Археологічні розвідки в районі с. Балки на Запоріжжі//Археологія. 1977. № 24.
49. *Потакова Э. Ф.* Обследование правобережья Южного Буга//ЗОАО. 1960. Т. 1. (34).
50. *Березовець Д. Т.* Розкопки курганного могильника епохи бронзы та скіфського часу в с. Кут//АП УРСР. 1960. Т. IX.
51. *Андросов А. В.* Курган эпохи бронзы у села Новый Мир//Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1986.
52. *Романовская М. А.* Находки повозок эпохи бронзы в Ставрополье//КСИА. 1982. № 169.
53. *Братченко С. Н.* К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики)//Вильнянские курганы в днепровском Надпорожье. Киев: Наук. думка, 1977.
54. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы//МИА. 1955. № 46.
55. *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.)//МИА. 1960. № 93.
56. *Кривцова-Гракова О. А.* Бессарабский клад//Тр. ГИМ. 1949. Вып. 1.
57. *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев: Наук. думка, 1974.
58. *Іллінська В. А., Коваленко Г. Т., Петровська Э. О.* Розкопки курганів епохи бронзи поблизу с. Первомаївки//АП УРСР. 1960. Т. IX.
59. *Коленченко Н. Г.* Охоронні розкопки кургану Гостра Могила на Харьківщині//Археологія. 1975. № 18.
60. *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Присивашье в V—I тысячелетиях до н. э. Симферополь: Таврия, 1969.
61. *Шарафутдінова І. М.* Орнаментовані сокири-молотки з катакомбних поховань на Інгулі//Археологія. 1980. № 33.
62. *Марина З. П., Ковалева И. Ф., Ромашко В. А.* Курганы эпохи бронзы у с. Колпаковка-Бузовка//Древности степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.). Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1982.
63. *Корпусова В. Н.* Курганы у с. Целинное//Курганы степного Крыма. Киев: Наук. думка, 1984.
64. *Äyräpää A.* Über die Streitaxtkulturen in Russland//ESA. 1933. № 8.
65. *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наук. думка, 1978.
66. *Kalicz N.* Die Fruhbronzezeit in Nordost Ungarn//Archaeologia Hungarica. 1968. № XLV.
67. *Клейн Л. С.* Катакомбная культура или катакомбные культуры?//Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970
68. *Мошкова М. Г., Максименко В. Е.* Работы Багаевской экспедиции в 1971 г.//Археологические памятники Нижнего Подонья. Вып. II. М.: Наука, 1974.
69. *Шапошникова О. Г.* Поселения древнеямной культуры в Нижнем Поднепровье//ЗОАО. 1960. Т. 1. (34).
70. *Ковалева И. Ф., Марина З. П.* Раскопки курганов эпохи бронзы в Нижнем Присамарье//Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1980.
71. *Ковпаненко Г. Т.* Курганы в Чаплинском районе Херсонской области//Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев: Наук. думка, 1967.
72. *Ковалева И. Ф.* Катакомбные погребения Орельско-Самарского междуречья//Древности Степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.). Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1982.
73. *Синюк А. Т.* Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1983.
74. *Tallgren A. M.* Die Kupfer — und Bronzezeit Nord — und Ostrussland. Helsingfors, 1911.
75. *Артеменко И. И.* Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М.: Наука, 1967.
76. *Ковалева И. Ф., Марина З. П., Чернявская Н. В., Никитин С. В.* Курганный могильник эпохи бронзы у с. Хащевое//Курганные древности степного Поднепровья (III—II тыс. до н. э.). Вып. 3. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1979.
77. *Раев Б. А.* Каталог археологических коллекций. Новочеркасск: Ленуприздат, 1979.
78. *Aberg N.* Die Typologie der nodrischen Streitaxte. Mannus — Bibliothek, 17. Wurzburg, 1918.
79. *Сибилев Н. В.* Древности Изюмщины. Вып. II. Изюм, 1926.
80. *Мерперт Н. Я.* Ритуальные модели топоров из Эзеро//Памятники древнейшей истории Евразии. Москва: Наука, 1975.
81. *Минаева Т. М.* Курган эпохи бронзы близ села Старо-Михайловка//Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965.
82. *Гей А. Н.* Погребение литейщика новотиторовской культуры из Нижнего Прикубанья//Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа (материалы работ Северокавказской экспедиции). Вып. 1. М.: Наука, 1986.
83. *Агапов С. А.* Каменный топор из подстепок//Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев: Изд-во КГУ, 1977.
84. *Петрова Н. Ф.* Каменный топор из Саратовского музея//СА. 1977, № 1.
85. *Бокий Н. М.* Археологические работы на Кировоградщине//Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев: Наук. думка, 1971.
86. *Братченко С. Н., Шапошникова О. Г.* Катакомбная культурно-историческая общность//Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев: Наук. думка, 1985.
87. *Телегин Д. Я.* Памятники новоданиловского типа//Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев: Наук. думка, 1985.
88. *Клейн Л. С.* Индия и Скифия: общие истоки идеологии//Скифо-сибирский мир (искусство и идеология). Тезисы докладов конференции. Кемерово, 1984.

89. *Писларий И. А., Кротова А. А., Клочко Т. Н.* Погребение эпохи энеолита в г. Ворошиловграде//Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наук. думка, 1978.
90. *Маркевич В. И.* Позднетрипольские племена Северной Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1981.
91. *Васильев И. Б., Синюк А. Т.* Энеолит восточноевропейской лесостепи. Куйбышев: Изд-во КГУ, 1985.
92. *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975.
93. *Шилов В. П.* К вопросу о связях Поволжья и Кавказа с Трансильванией в начале II тысячелетия до н. э.//Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977.
94. *Даниленко В. М., Шмаглій М. М.* Про один поворотний момент в Історії енеолітичного населения Південної Европи//Археологія. 1972. № 6.

Центрально-Донецкая археологическая
экспедиция, Луганск

S. N. SANZHAROV

STONE BORING AXES-HAMMERS FROM DONBASS

Summary

The author tries to classificate 55 stone axes from Donbass territory. As a result of typology analysis 6 types of hammers were pick out: wedge-shaped, hammer-shaped, truncated-rhombic, elongated rhombic, butt-rhombic-shaped and butt-shaped. The latter is divided into three subtypes on the length of butt. Some specific wares from Krasnoe and Slavjanogorsk were analysed separately. The finds of uncompleted wares demonstrate that some types ot wares were made on Donbass. The autnor pick out the separate group of elongarea-butt axes-hammers of the catacomb culture. Which defined not also the length of butt, but the well-marked plane side. He proposes to name this group „Donbass group of axes-hammers". The author decides that the existance of such wares in posterior period helps to define more exactly the character of culture and genetic links of the Northern coast of the Black Sea zone.

М. В. ВЛАСКИН, Л. С. ИЛЬЮКОВ

КАМЕННЫЕ ПЕСТЫ И СТУПЫ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ НИЖНЕГО ДОНА

Погребальные памятники катакомбного типа являются одним из основных источников по истории пастушеских племен евразийских степей первой половины II тыс. до н. э. [1—7]. Решение кардинальных проблем этноистории этих племен невозможно без реконструкции многочисленных реалий, сохранившихся в степных курганах.

В статье рассматриваются каменные песты и ступы из катакомбных могил манычского типа левобережья Нижнего Дона, ставится вопрос о месте и значении этих изделий в структуре погребального комплекса, в погребальном ритуале.

С. Н. Братченко, проанализировав доступные ему нижнедонские комплексы эпохи средней бронзы, отметил, что каменные песты и ступы встречаются значительно реже в раннекатакомбных памятниках, чем в погребениях манычского типа [5, с. 53, 99]. Несмотря на интенсивное исследование курганов левобережья Нижнего Дона в 1970—1980-е годы, наблюдения С. Н. Братченко остаются в силе. К настоящему времени в этом районе выявлено около 50 погребальных комплексов манычского типа, в которых обнаружены каменные песты и ступы. В данной статье рассматриваются 45 комплексов из 21 курганного могильника Нижнего Подонья (рис. 1) [1].

1—7[2] — Долгий, к. 1, п. 4, 6; к. 2, п. 10, 12; к. 3, п. 7; к. 4, п. 7, 8; к. 5, п. 9 [8]; *8, 9* — Новый, к. 106, п. 10, 14 [9]; *10* — Новосадковский, к. 30, п. 1 [10]; *11* — Романовский II, к. 1, п. 5 [11]; *12* — Комаров I, к. 1, п. 7 [12]; *13* — Комаров II, к. 1, п. 1 [12]; *14* — Балабинский I, к. 37, п. 13 [13, с. 164—186]; *15—18* — Сагванский I [14, с. 126]; *19* — Семикаракорский разрушенный курган 1959 г.[3]; *20* — Сусат, к. 1, п. 2 [15; 16]; *21* — Соленка, к. Д. п. 3 [17, с. 137]; *22* — Соленка, к. 6, п. 2 [18]; *23—26* — Северный II, к. 1, п. 1; к. 4, п. 8; к. 6, п. 8; к. 10, п. 9 [19, с. 117; 20]; *27, 28* — Каракашево, к. 2, п. 8; к. 3, п. 6 [20]; *29* — Веселый, разрушенный курган 1932 г.[4]; *30* — Спорный, к. II, п. 49 [22, с. 106—112]; *31—35* — Колдыри, к. 9, п. 2; к. 17, п. 3; к. 20, п. 10; к. 21, п. 3, 8 [23, с. 108, 109; 24]; *36* — Тузлуки, к. 1, п. 12 [25]; *37* — Верхне-Янченков, к. 11, п. 14 [5, рис. 46]; *38* — Крепинский I, к. 8, п. 4 [26, с. 126; 27]; *39* — Крепинский II, к. 3, п. 7 [28]; *40* — Багаевский курган «Лысый», п. 19 [5, с. 221, табл. XVIII, *1*]; *41* — Ажиновский II, к. 1, п. 1 [29, с. 103, рис. 23, *1*]; *42—45* — Соленовский, к. 1, п. 6, 13, 19; к. 3, п. 8 [5, с. 184—186, рис. 49; 30].

---

[1] Авторы выражают искреннюю благодарность Е. И. Беспалому, Г. С. Бейсову, Н. Н. Головковой, А. А. Горбенко, В. П. Копылову, В. С. Флерову, Н. М. Фомичеву, Э. С. Шарафутдиновой, которые позволили использовать некоторые материалы в этой работе.

[2] Этот список соответствует нумерации комплексов на карте (рис. 1), в табл. 1 и на кумулятивных схемах расположения погребального инвентаря и костей животных.

[3] Из разрушенных погребений вместе с находками манычского типа в РОМК поступили ступа и пест (устное сообщение В. Я. Кияшко, В. М. Косяненко), не учтенные в публикации [5, с. 13].

[4] Гос. Эрмитаж, ОИПК, № 2639/89—94; по отчету М. И. Артамонова, пест происходит из разрушенного кургана в колхозе «Красный Октябрь» [21, л. 13, 99].

© М. В. Власкин, Л. С. Ильюков, 1992 г.

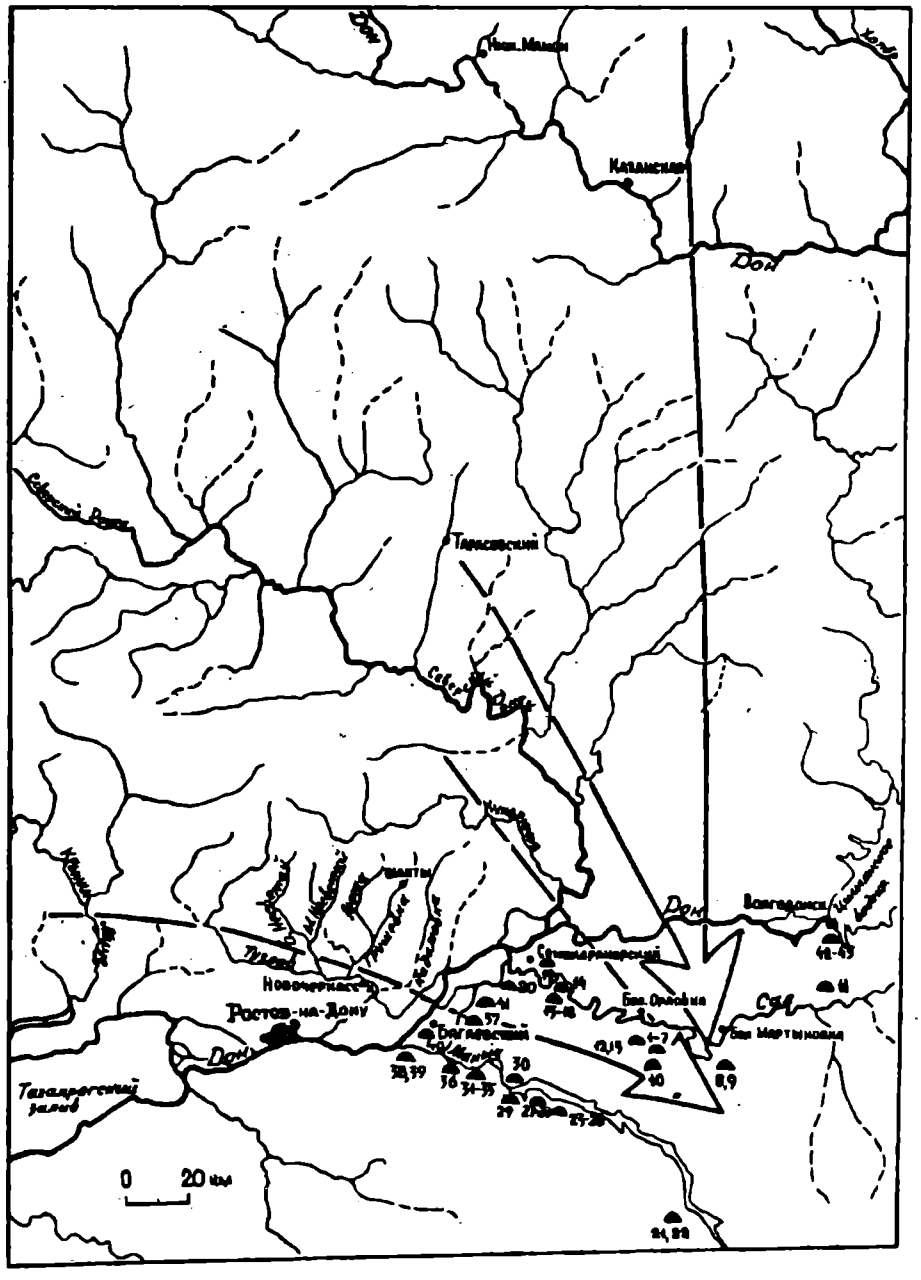


Рис. 1. Район распространения пестов и ступ и предполагаемые места добычи камня. *1—45* — нумерация комплексов (описание — в тексте)

Для ряда комплексов 1—11 имеются определения пола и возраста погребенных людей [5], установлен видовой состав животных [6], проведен петрографический анализ каменных пестов и ступ [7]. Характеристика этих погребальных комплексов содержится в табл. 1.

Остановимся на характеристике погребальных конструкций, обряда и инвентаря, в состав которого входят песты и ступы. В двух случаях (19, 29) нет данных о погребениях, в двух имеются неполные сведения о конструкции могилы (38, 39). Кроме пяти простых ям (5, 42—45), лишенных человеческих останков, остальные погребения — катакомбного типа. Колодцы квадратные или широкие

[5] Определение сделано мл. науч. сотр. археологической лаборатории РГУ Е. Ф. Батиевой (Куркиной).

[6] Определение Е. Ф. Батиевой (Куркиной) и доцента кафедры зоологии РГПИ Ю. Я. Кожевниковой.

[7] Анализ выполнен сотрудником кафедры минералогии и петрографии РГУ И. В. Голиковым-Заволжечским.

Таблица 1

Погребальные комплексы с пестами и ступами среднего течения р. Сал

№ п.п.	М — к к./п.	Ориентировка могилы колодец / камера (м)	Мел, охра, угольки	Умерший скорчен, на правом боку, кисти у ног		Местонахождение костей животных	Местонахождение песта	Местонахождение ступы	Камень	Керамика	Бронза	Кость	Примечания
				пол, возраст	ориентир.								
	Долгий * 1/4	СВ—ЮЗ 2,2×1,9 / 1,7×1,2	м	М 18—20	СЗ	д/кол, центр;							* Колодец общий
1	1/6	СЗ—ЮВ 2,2×1,9 / 2,4×1,9	м о	Запад М** 40–50 / Вост: Ж*** 30–35	ССВ С	овца (2 особи)	д/кол, вход			Р		Проколка	** Череп с травмой *** Деформация черепа.
2	Долгий 2/10	В—З 2,3×2,2 / 2,1×1,8	м о у	М > 20	С	д/кам: КЖ	д/кол, вход	д/кол, вход	Кр	К Р Г	Н Ш		
3	Долгий 2/12	ЮВ—СЗ 3,1–2,6 / 3,8–2,6	м о у	Запад 18–20 / Вост.* 20—25	ССЗ	зап/кол: нижняя челюсть быка	д/кам, у черепа		Б В (2)	К Г миска	Н Ш (2) бусина	А (28) ЛО	* Пробит затылок
4	Долгий 3/7	В–З 2,5×2,2 / 2,4×2,2	м у	Ж 25–30	С	д/кол, у входа: ч/овцы, ноги (2 особи)	д/кол, у входа			К Р	Н бусы, проволока	Трубка	
5	Долгий 4/7	СЗ–ЮВ яма: 2,2×3,1	м у			зап: бедренная овцы		зап		К	А ЛО орудие		

№ п.п.	М — к к./п.	Ориентировка могилы колодец / камера (м)	Мел, охра, уголькй	Умерший скорчен, на правом боку, кисти у ног		Местонахождение костей животных	Местонахождение песта	Местонахождение ступы	Камень	Керамика	Бронза	Кость	*Примечания
				пол, возраст	ориентир.								
6	Долгий 4/8	СВ—ЮЗ 2,3×2,6 2,2×1,8	о	Запад 35—40 Вост.* 20—25	СЗ СЗ	д/кол, вход: ч/быка	д/кол, вход		В (2) Кр (3) КО (2) песок	К Р (2)	Н Ш	Пластины (5)	* На спине
7	Долгий 5/9	В—З 2,5×2,4 3,8×2,0	м о	М* 20—25	С	д/кол, у входа ч/быка	д/кол, вход	д/кам, у входа	Камень	К Г Р фр-т	Н, Ш (2), скобы, пластина	Ребро, трубка	То же
8	Новый 106/10	В—З 1,8×1,7 2,1×1,7	м о	Ж 25—30 ребенок 4—5	ССЗ С		д/кам, у входа		Бусы	К Р (2)	Н Ш бусы, скрепки	А	
9	Новый 106/14	СВ—ЮЗ 3,3×3,0 4,4×3,1	м о у	М 30—35	СЗ	д/кол, вход: ч/быка (2) ч/лошади (2)	д/кам, вход		Кр	К Р	Н (2) Ш тесло	А 66 Грифельные кости (10)	
10	Новосадковский 30/1	В—З 1,6×1,5 1,5×1,1	о	Взрослый*	С		д/кол, вход		Камень	К			* Пакет
11	Романовский II 1/5	В—З 1,9×1,7 1,9×1,4	у	Ж 45—50	С	д/кол, ч/овцы, ч/волка; д/кам: овцы	д/кол; д/кам, у скелета		Кр (2), камень	Р	Ш	Трубка	

Примечания. А — астрагал; Б — булава; В — выпрямитель, Вост — восточный; Г — горшок; д — древесные угли; д/кам — дно камеры; д/кол — дно колодца; Ж — женщина; зап — заполнение, Запад — западный; К — курильница, КЖ — кость животного; КМ — кусок мела, КО — комок охры; Кр — кремень; ЛО — лопатка овцы; М — мужчина; м — мел; Н — нож; о — охра; Р — реповидный сосуд, ч — череп; Ш — шило

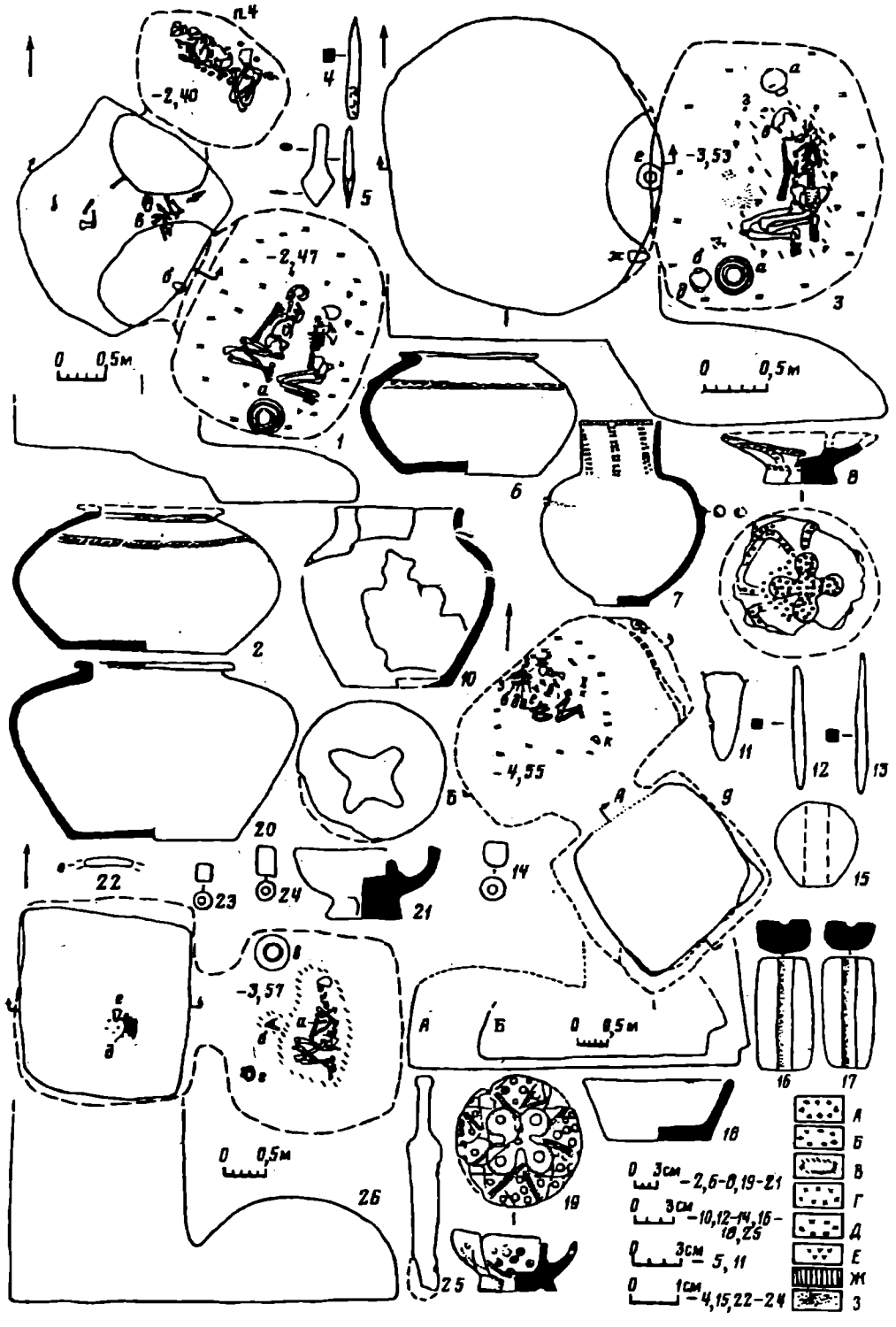


Рис. 2. Погребения междуречья Сала и Маныча. Долгий: *1*, *2* — к. 1, п. 4, б (*а* — сосуд, *б* — пест, *в* — кости животных); *3*, *4—8* — к. 2, п. 10 (*а* — сосуд, *б* — курильница, *в* — нож, *г* — кремень, *д* — кость животного, *е* — ступка, *ж* — пест); *9*, *10—19* — к. 2, п. 12 (*а* — булава, *б* — выпрямители, *в* — шило, *г* — нож, *д* — пест, *е* — бусина, *ж* — астрагалы, *з* — сосуд, *и* — курильница, *к* — лопатка овцы); *20—25*, *26* — к. 3, п. 7 (*а* — бусы, *б* — нож, *в* — сосуд, *г* — курильница, *д* — трубочка, *е* — пест). *А* — черного граница тлена; *Б* — зеленого; *В* — коричневого; *Г* — темно-коричневого; *Д* — граница меловой подсыпки; *Е* — древесные угли; *Ж* — желтый тлен; *З* — охра

прямоугольные; если углы скруглены, форма сооружений приближается к округлой или овальной. В камеру ведет ступенька, в одной могиле ее не было (рис. 2, *26*). Вход загораживался деревянными планками, иногда занавешивался циновкой (3), раскрашенной красными полосами (20). Овальная или сегментовидная камера обычно сопряжена продольной стенкой с колодцем, за исключением погребения (20), в колодце которого стояла деревянная четырехколесная повозка, покрытая циновкой; здесь прямоугольная камера соединена торцовой стороной с колодцем. Необычной деталью можно считать вырубленную вдоль поперечной стенки камеры высокую полку, на которую поставили курильницу (рис. 2, *9*, *19*); к числу редких относится камера, в которой вдоль стен была прорыты узкая канавка (13). Катакомбная камера не выводилась только под южную и юго-западную стенки колодца. Наблюдается зависимость между ориентировкой погребенного и местонахождением камеры. Северная ориентировка погребенных характерна для всего левобережья Дона, восточная и западная чаще встречаются в бассейне р. Маныч, чем на р. Сал. Половина анализируемых погребений — это коллективные захоронения двух, реже трех-четырех человек. К сожалению, не всегда сделано определение пола и возраста умерших. Поза погребенных стандартна: в скорченном виде, ноги повернуты вправо, руки протянуты к ногам. В коллективных захоронениях она изредка меняется, например ребенок, положенный в ногах взрослого, повернутый спиной ко входу, оказался лежащим на левом боку (23), а взрослому человеку, захороненному в центре камеры в стороне от детей, была придана сидячая поза (35). Еще одна особенность коллективных погребений: в нескольких могилах (1, 3, 20) один из взрослых покойников (3, 20 — женщина, 1 — ?), положенный за спиной другого, имел поврежденный череп: трепанацию (20), пробитый затылок (3), травму (1). А в катакомбе с деревянной повозкой (34) за спиной ребенка был положен взрослый человек с деформированным черепом и переломленной нижней челюстью. В особую группу выделяются вторичные захоронения человеческих костей. В одной катакомбе найдено скопление человеческих костей, в другой — несколько зубов и ребер человека (14).

Мел, охра, черный, коричневый и желтый тлен, остатки тростника, древесные угли в тех или иных сочетаниях отмечены почти в каждом погребении.

Большая часть инвентаря сосредоточена в камере: керамика расставлена вдоль стен, бронзовые орудия находятся ближе к погребенному — у изголовья и в ногах. Глиняная посуда зафиксирована почти в каждом погребении. Это реповидные сосуды (рис. 2, *2*, *6*, *20*; 3, *8*, *9*, *25*; 4, *3*, *4*, *22*; 5, *1—4*), три разновидности горшков (рис. 2, *7*, *10*; 3, *23*; 5, *5—17*), амфорка (рис. 5, *18*), миска (рис. 2, *18*), воронки (рис. 5, *19—23*). В некоторых погребениях найдено от двух до пяти горшков. В половине комплексов встречены курильницы (рис. 2, *8*, *21*, *25*; 3, *2*, *18*, *24*; 4, *2*, *21*, *26*; 5, *24*, *26*), две трети которых были специально перевернуты ножками вверх; только в двух катакомбах найдено по две курильницы (13, 27). В одной могиле (37) древесные угли были не только в курильнице, но и на обломке керамики [5, рис. 46, *1*, *8*; 31]. На левобережье Дона жаровни с древесными углями предшествуют курильницам. В катакомбы иногда ставили деревянную посуду, прошитую бронзовыми проволочками (рис. 2, *22*) [5, рис. 46, *10*], клали кожаные изделия с бронзовыми скрепками (36). Больше половины могил содержали комплекты из двух бронзовых инструментов — ножа (рис. 2, *5*, *11*, *25*; 3, *5*, *20*; 4, *5*, *17*, *18*; 6, *1—6*) и шила (рис. 2, *4*, *12*, *13*; 3, *6*, *21*, *22*; 4, *6*, *9*; 6, *7—11*). Как правило, в катакомбу клали один комплект независимо от числа погребенных. Значительно реже встречался другой комплект бронзовых инструментов — желобчатое долото (рис. 6, *14—16*) и тесло (рис. 4, *20*; 6, *12*, *13*). Особое место занимает погребение-кенотаф со специфическим набором каменных инструментов (14) [13, с. 164—169]. Кремневым находкам (рис. 3, *7*, *10*; 4, *16*) обычно сопутствуют песчаниковые выпрямители, состоящие из двух половинок (рис. 2, *16*, *17*; 3, *11*, *12*; 6, *17—19*). Гладкие каменные навершия булав грушевидной (рис. 2, *15*) и шаровидной формы (рис. 6, *20*) обнаружены

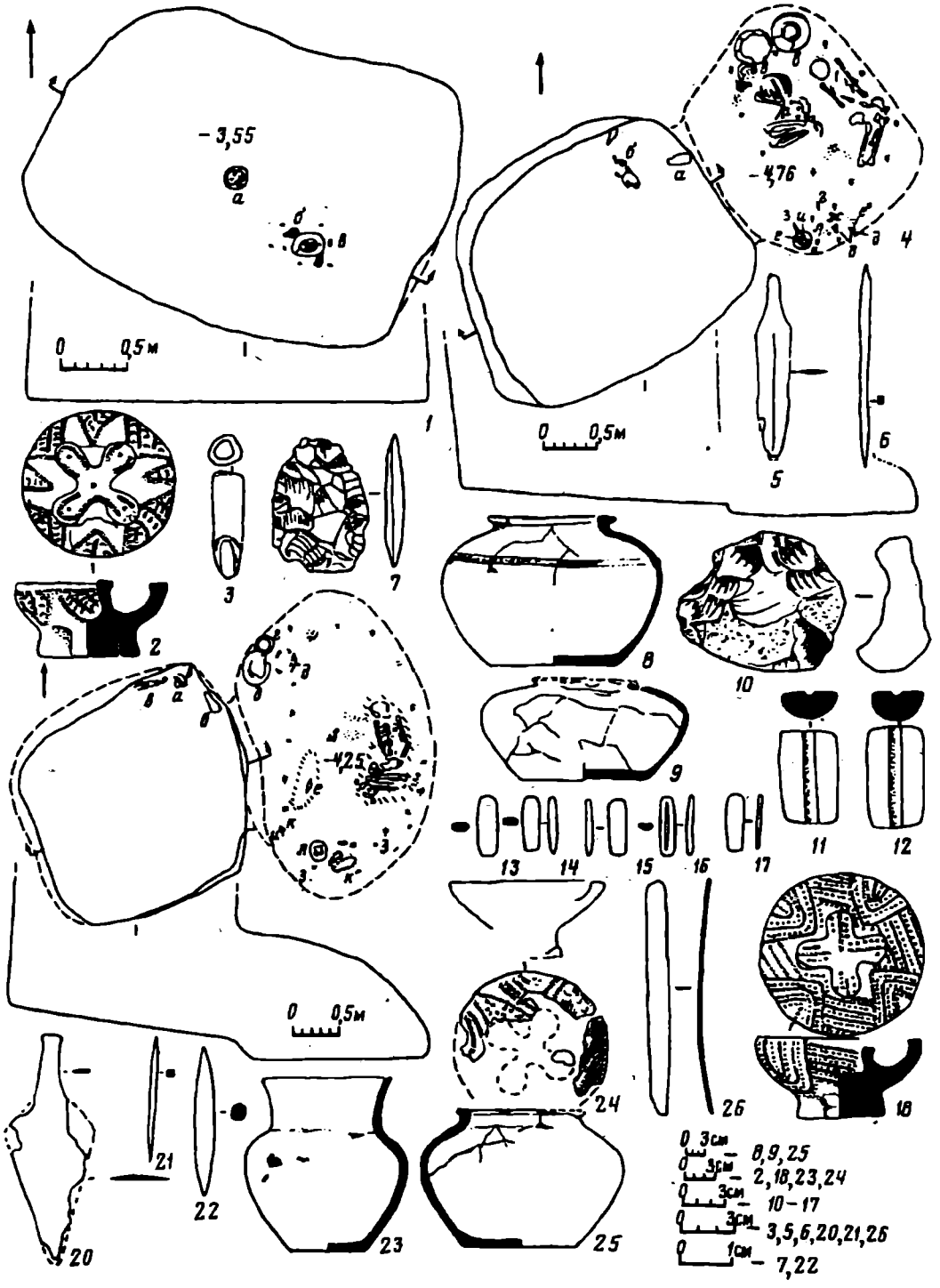


Рис. 3. Погребения междуречья Сала и Маныча. Долгий: *1, 2, 3* — к. 4, п. 7 (*а* — курильница, *б* — ступа, *в* — кость животного); *4, 5—18* — к. 4, п. 18 (*а* — пест, *б* — кости животного, *в* — сосуд, *г* — нож, *д* — костяные пластинки, *е* — кремень, *ж* — выпрямители, *з* — кусочки охры, *к* — курильница, *л* — шило), к. 4, п. 8; *19, 20—26* — к. 5, п. 9 (*а* — фрагмент керамики, *б* — пёст, *в* — кость животного, *г* — ступа, *д* — сосуд, *е* — нож, *ж* — трубочка, *з* — шило, *и* — ребро животного, *к* — песок, *л* — курильница, *м* — деревянный сосуд). Условные обозначения см. рис. 2

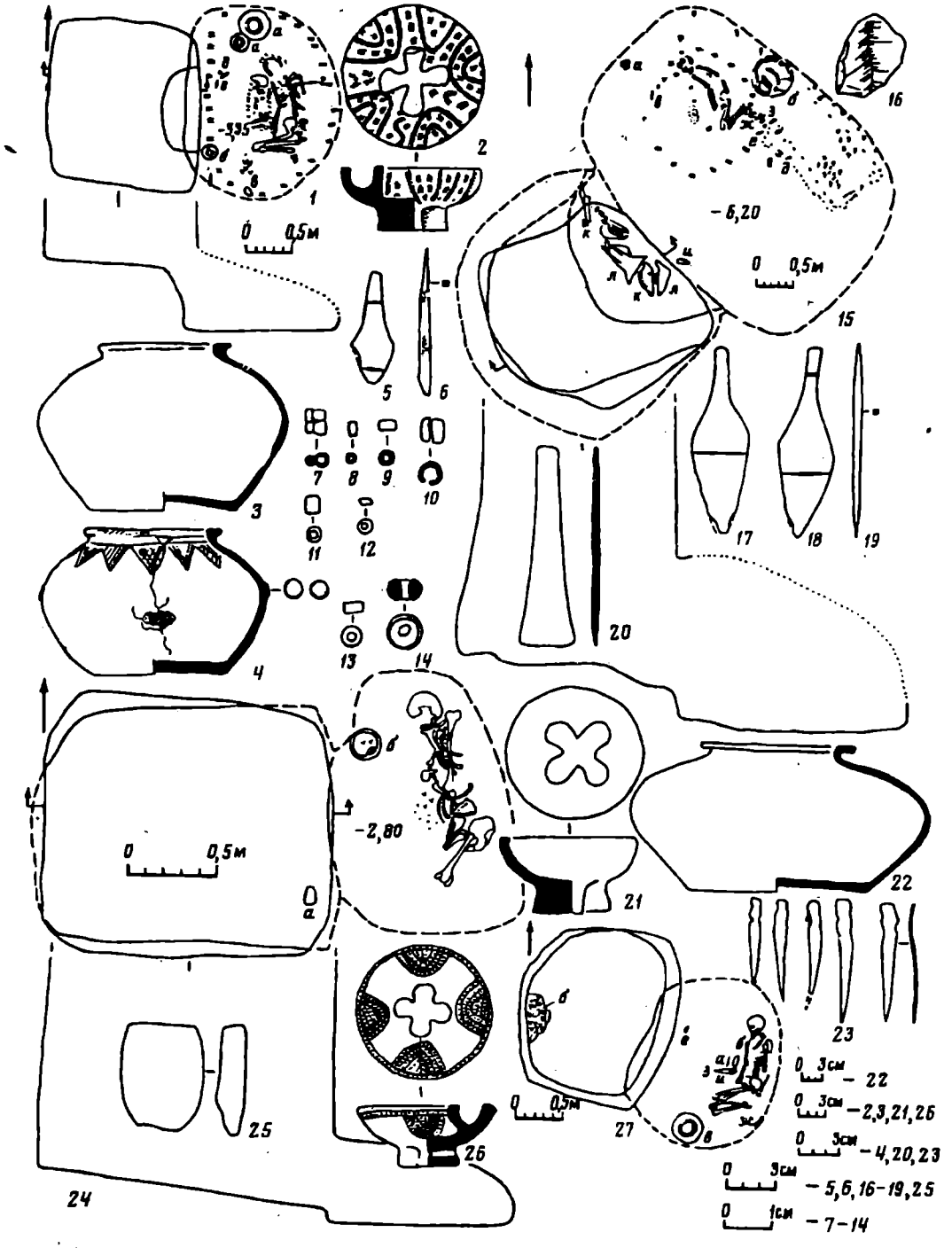


Рис. 4. Погребения бассейна р. Сал. Новый: *1, 2—14* — к. 106, п. 10 (*а* — сосуд, *б* — курильница, *в* — пест, *г* — бусы, *д* — нож, *е* — шило); *15, 16—23* — к. 106, п. 14 (*а* — курильница, *б* — сосуд, *в* — нож, *г* — шило, *д* — кремень, *е* — тесло, *ж* — украшения, *з* — астрагалы, *и* — пест, *к* — кости лошади, *л* — кости быка); *24, 25, 26* (*а* — пест, *б* — курильница) — Новосадковский к. 30, п. 1; *27* — Романовский II к. 1, п. 5 (*а* — шило, *б* — пест, *в* — сосуд, *г* — череп волка, *д* — череп овцы, *е* — камень, *ж* — кость овцы, *з* — костяной предмет, *и* — кремень). Условные обозначения см. рис. 2

в трех погребениях (3, 28, 45). Отметим находку каменного полированного топора в Сагванском I могильнике [14, с. 126]. Небольшие обломки камней и каменных плиток (рис. 4, *24*) встречены в девяти погребениях. Иногда в состав инвентаря входят костяные изделия: кольца, нарезанные из трубчатых костей (рис. 6, *27*), трубочки (рис. 3, *3*), пластинки (рис. 3, *13—17, 26*), «грифельные» кости (рис. 4, *23*), проколки (рис. 6, *21*). Часто в женских и детских погребениях встречаются украшения. Это подвески из бронзы и золота [29, с. 103, рис. 25,

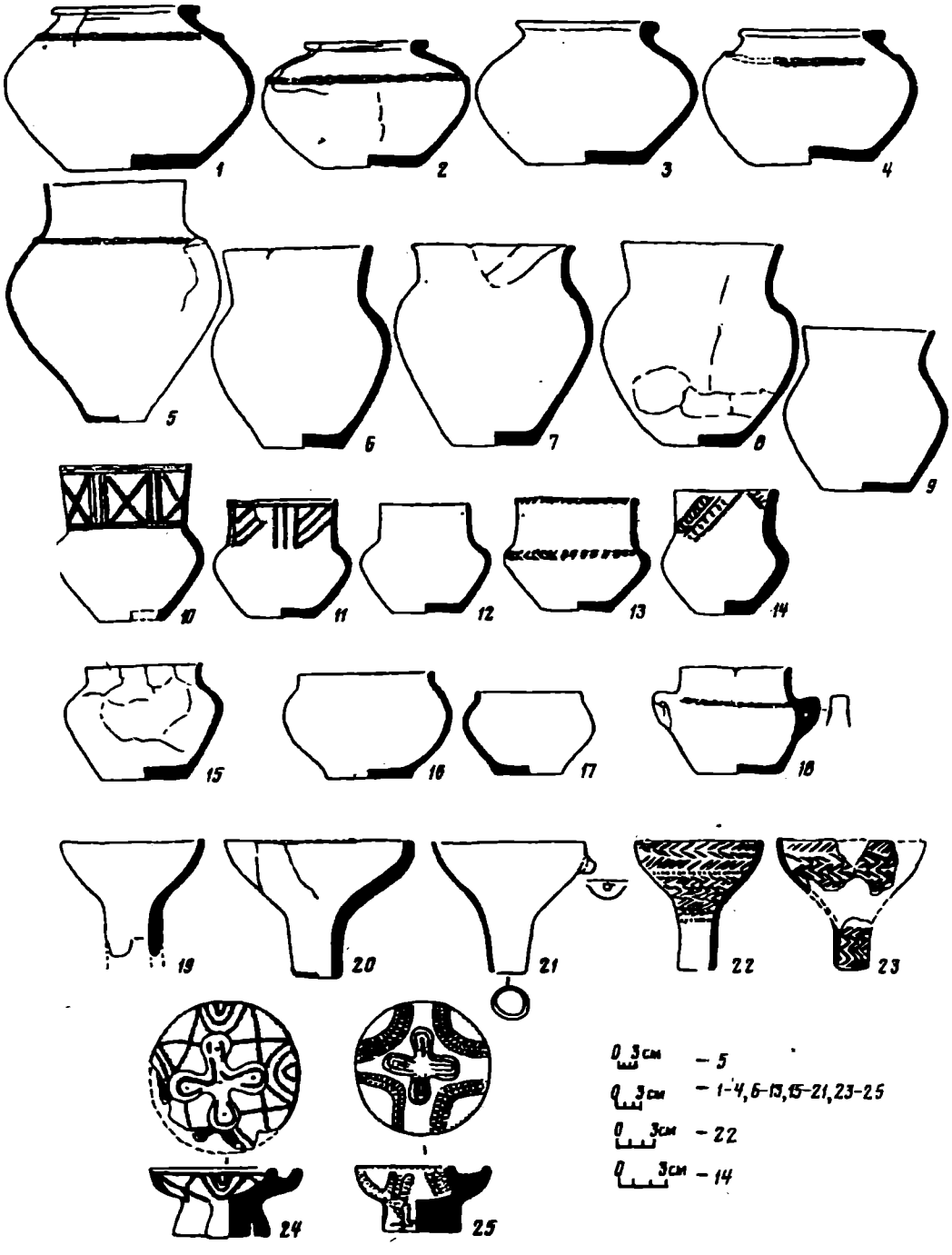


Рис. 5. Керамика, найденная в комплексе с пестами и ступами. Колдыри: *1, 5, 6, 20* — к. 17, п. 3; *2* — к. 20, п. 10; *3, 13, 15, 19* — к. 21, п. 8; *4, 12, 14, 16, 17, 25* — к. 21, п. 3; *7—11, 24* — к. 9, п. 2; Соленовский: *18, 23* — к. 1, п. 6; *21* — к. 3, п. 8; *22* — к. 1, п. 19

3], разнообразные бусы из бронзы, пасты, кости, гешира, сердолика (рис. 2, *14*, *23*, *24*; 4, *7—14*; 6, *22—26*), украшавшие шею или запястья. Для ритуальных целей в двух могилах использовались овечьи лопатки, в девяти погребениях зафиксированы астрагалы (от 1 до 66 штук), в двух — створки речных раковин.

В целом могильные конструкции, погребальный обряд и весь комплекс инвентаря типичен для манычского круга памятников Нижнего Дона периода их расцвета и угасания [5, гл. IV, VII]. Погребальный инвентарь рассмотренной выборки левобережья Дона находит многочисленные аналогии в памятниках сопредельных территорий, особенно на Восточном Маныче, в Калмыкии, на Северном Кавказе [32—36].

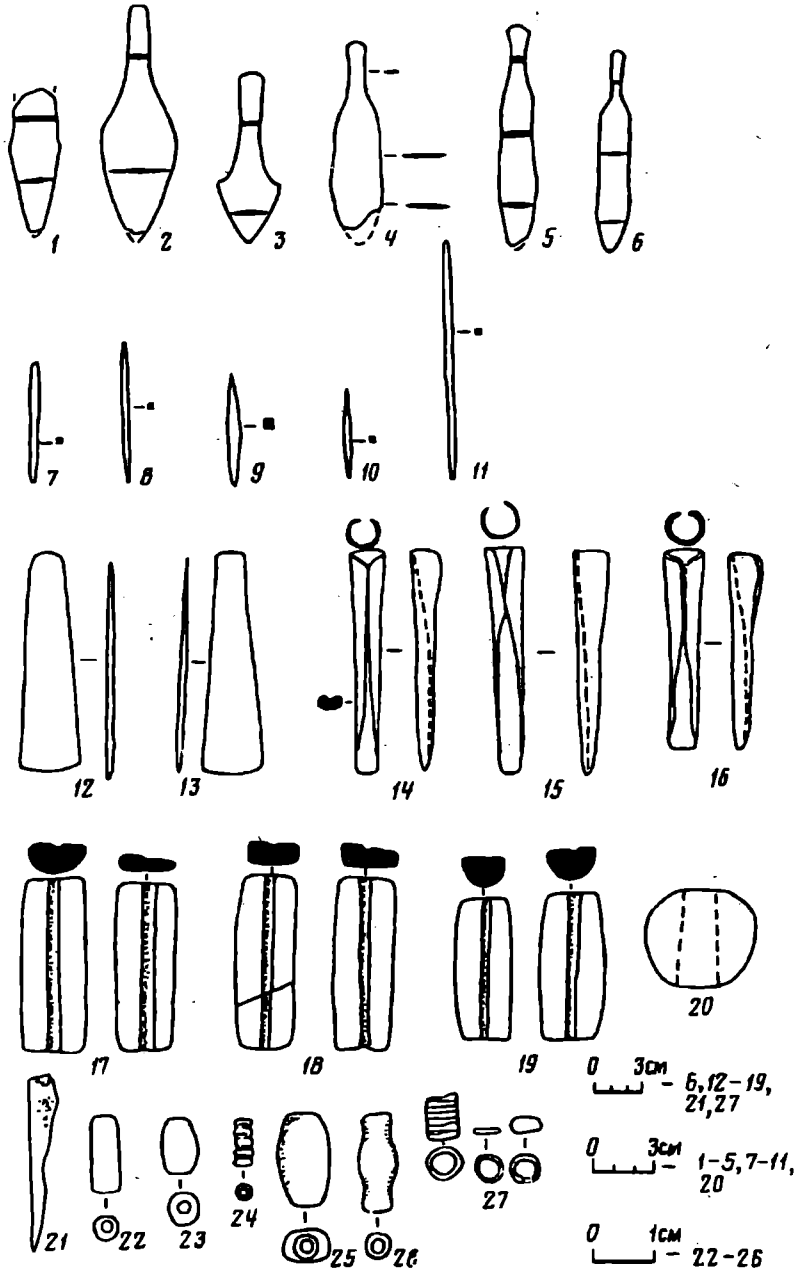


Рис. 6. Орудия и украшения, найденные в комплекте с пестами и ступами. *1, 2, 7* — Соленка, к. 6, п. 2; Колдыри: *3, 4, 8, 9, 12, 15* — к. 17, п. 3; *6, 19, 27* — к. 21, п. 8; *10, 21—26* — к. 21, п. 3; Северный II: *5, 13, 14* — к. 6, п. 8; *16* — к. 1, п. 1; Соленовский: *11, 20* — к. 3, п. 8; *17* — к. 1, п. 19; *18* — к. 1, п. 13

В 60% катакомбных могил находились кости животных, сосредоточенные на дне или в заполнении колодцев. Кости мелкого рогатого скота обнаружены в 11 погребениях, крупного рогатого скота — тоже в 11 погребениях, в четырех могилах найдены и те и другие. Лишь в одном погребении с двумя черепами быков обнаружены остатки черепов и ног двух лошадей (рис. 4, *15*). К числу очень редких относится случай, когда на дне колодца в кострище рядом с овечьим черепом был положен череп волка (рис. 4, *27*). Для нашей выборки характерна вариабельность совместного нахождения костей животных разных видов. Количество особей одного вида домашних животных, найденных в одном погребении, не превышало трех, но чаще там встречались останки двух животных. Последние, как правило, были сгруппированы попарно, в некоторых случаях черепа ориентированы в одном направлении. Заслуживает внимания возраст парных жертв одного вида. В нашем распоряжении имеются данные для трех

комплексов. В одном погребении находились кости двух овец старше 2 лет (4), в другом (1) — кости овец разного возраста: старше и моложе 2 лет, в третьем (9) — кости разновозрастных быков (старше 3 лет и моложе года) и лошадей (старше 5 лет и моложе 2 лет). В трех могильниках бассейна р. Сал кости крупного рогатого скота зафиксированы в могилах с останками мужчин, а кости мелкого рогатого скота — в женских погребениях. Если расширить нашу выборку и использовать, например, все погребения манычского типа из курганов хут. Долгого, то оказывается, что жертвоприношения мелкого рогатого скота в целом характерны для женских и детских захоронений и лишь иногда встречаются в мужских погребениях. Обычно в катакомбном колодце находятся череп и кости ног животного. По-видимому, в могилу опускали шкуру жертвенного животного. Лишь в трех случаях (1, 28, 34) зафиксированы разрозненные останки целых скелетов мелкого рогатого скота — черепа, ребра, позвонки, кости ног. Вероятно, это остатки тризн, по какой-то причине сброшенные в колодец или оставленные на повозке, опущенной на дно могилы (34).

Каменные песты и ступы являются ведущим признаком рассматриваемой выборки. Пестов не было лишь в двух случаях — в простой яме (5) и в катакомбе (36), но там присутствовали ступы, которые встречаются почти в 3 раза реже пестов.

По морфологическим признакам песты подразделяются на две группы: I — тщательно обработанные изделия, имеющие усеченно-коническую рукоять, отделенную уступом от массивного параллелепипедного или усеченно-конического постамента, слегка выпуклый конец которого обязательно сработан (рис. 7, *14—17*). У одного из этих орудий широкая плоскость постамента орнаментирована насечками (рис. 7, *14*). Как один из вариантов можно рассматривать усеченно-конические песты без специально выделенной рукояти; на концах орудий имеются следы сработанности (рис. 7, *18—23*); II — песты в виде удлиненных или укороченных «галек» с залощенной поверхностью, сильнее или слабее уплощенные в сечении, один конец шире противоположного; следы сработанности имеются не только на концах «галек», но и на боковых гранях (рис. 7, *24—38*).

Каменные ступы тоже подразделяются на две группы: I — предметы из округлых или овальных камней с выдолбленным чашевидным округлым или овальным углублением со следами износа (рис. 7, *1—6*); II — трапециевидные, прямоугольные или квадратные тщательно обработанные камни с выбитым углублением, повторяющим контур самого камня; на поверхности углубления имеются следы износа (рис. 7, *9*, *10*, *12*). В двух ступках в центре углубления есть деталь, не характерная для этой категории изделий. В одном случае в центре камня вытерт черный кружок диаметром 3,5 см (рис. 7, *11*), в другом — в центре ступки высверлено цилиндрическое углубление с залощенной до черноты поверхностью [14, с. 126]. Видимо, обе ступки использовались в качестве пяточных камней для каких-то непонятных целей. Одна овальная ступка украшена вертикальным клювовидным выступом (рис. 7, *13*).

Три песта были осмотрены в экспериментально-трасологической лаборатории ЛОИА АН СССР. По определению С. А. Семенова и Г. Ф. Коробковой, пест (молот) из Верхне-Янченкова использовался для дробления руды или расковки металла — об этом свидетельствуют следы руды, обнаруженные при химическом анализе на поверхности сильно сработанного рабочего края [5, с. 99, рис. 46, *11*]. Пест из хут. Долгого (рис. 7, *30*), по мнению Т. А. Шаровской, мог использоваться в качестве ручного молотка для ковки металла. Пест (рис. 7, *18*) из Романовского II могильника, по определению Т. А. Шаровской, использовался для дробления руды или приготовления красок. Под бинокулярным микроскопом следы руды на двух последних пестах не замечены. Интересно, что в этих трех погребениях не оказалось ни кузнечных инструментов, ни каких-либо других специфических предметов, встречающихся в могилах литейщиков катакомбной культуры [37, с. 49—51]. В катакомбной камере «Лысого» кургана найдены две ступки и пест (рис. 7, *2*, *3*, *17*), на рабочих поверхностях которых «заметны пятна порошкообразной красной краски» [5, с. 221, табл. XVIII,

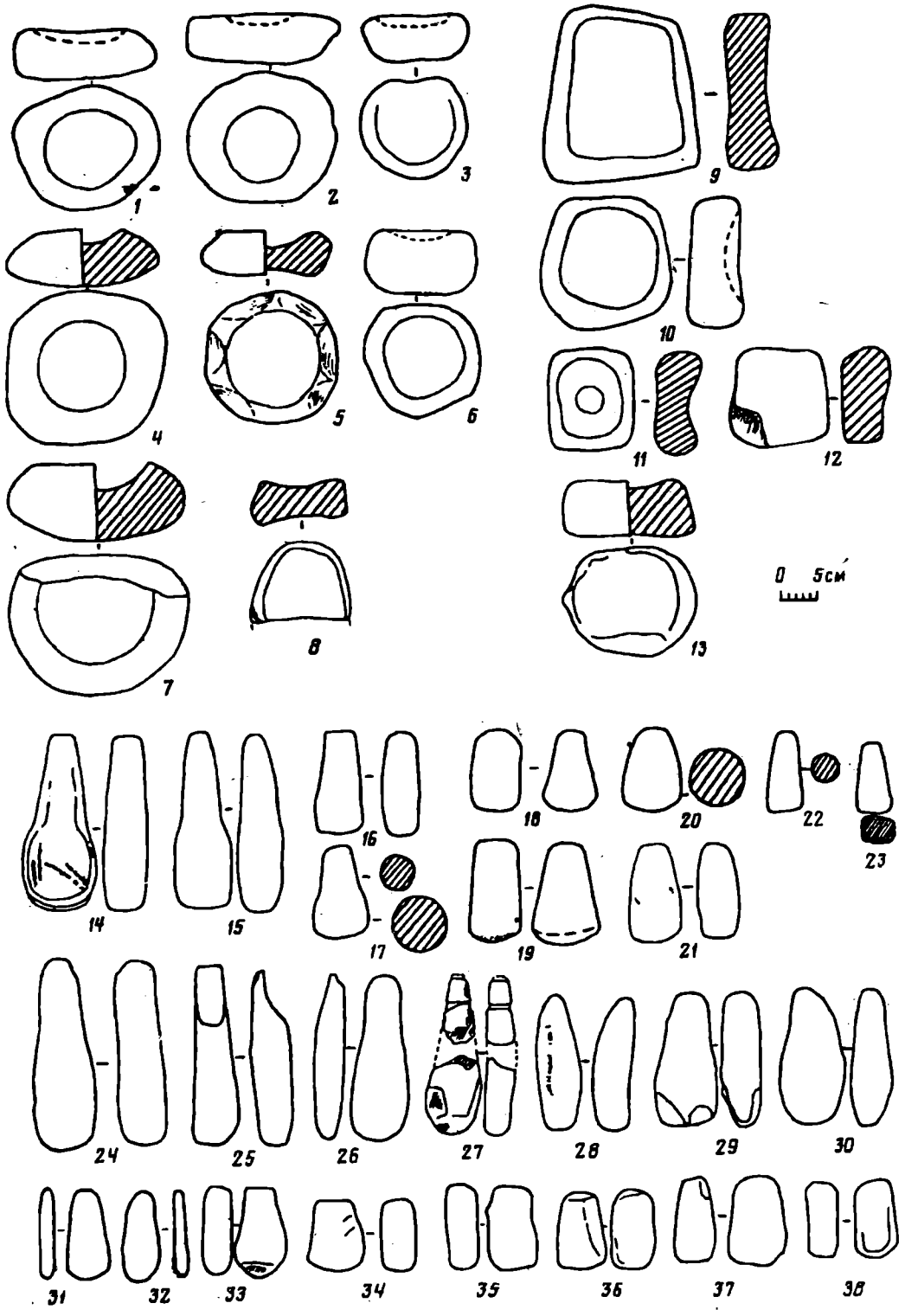


Рис. 7. Песты и ступы левобережья Нижнего Дона. *1, 28* — Сусат, к. 1, п. 2; *2, 3, 17* — Багаевский, к. «Лысый», п. 19; Долгий: *4, 29* — к. 2, п. 10; *5, 14* — к. 5, п. 9; *7* — к. 4, п. 7; *27* — к. 2, п. 12; *30* — к. 4, п. 8; *33* — к. 3, п. 7; *36* — к. 1, п. 6; *6, 20* — Комаров I, к. 1, п. 7; Северный II: *8* — к. 10, п. 9; *13* — к. 6, п. 8; Соленовский: *9, 25* — к. 1, п. 13; *11* — к. 3, п. 8; *16* — к. 1, п. 6; *19* — к. 1, п. 19; Колдыри: *10, 22* — к. 21, п. 8; *21* — к. 9, п. 2; *35* — к. 21, п. 3; *12* — Тузлуки, к. 1, п. 12; *15* — Веселый, разрушенный курган 1932 г.; *18, 31* — Романовский II, к. 1, п. 5; *23, 38* — Комаров II, к. 1, п. 1; *24* — Каракашево, к. 2, п. 8; Новый: *26* — к. 106, п. 14; *34* — к. 106, п. 10; *32* — Балабинский I, к. 37, п. 13; *37* — Новосадковский к. 30, п. 1

Таблица 2

Данные петрографического анализа пестов и ступ бассейна р. Сал

№ по списку погребений	Могильник, курган, погребение	Орудие	Порода камня
		Изверженные породы	
6	Долгий, к. 4, п. 8	Пест	Лампрофир-одинит
11	Романовский II, к. 1, п. 5 (колодец)	»	«Палеоандезит»
4	Долгий, к. 3, п. 7	»	То же
10	Новосадковский, к. 30, п. 1	»	Андезитовый порфирит с кварцем
3	Долгий, к. 2, п. 12	»	То же
		Осадочные породы	
7	» , к. 5, п. 9	»	Пелитоморфный известняк (конкреция)
1	» , к. 1, п. 6	»	Кварцевый песчаник с халцедоновым и гидрослюдистым цементом
9	Новый, к. 106, п. 14	»	То же
2	Долгий, к. 2, п. 10	Ступа	»
11	Романовский II, к. 1, п. 5 (камера)	Пест	»
8	Новый, к. 106, п. 10	»	Карбонатный аркозовый песчаник
7	Долгий, к. 5, п. 9	Ступа	Кварцевый песчаник с гидрослюдистым цементом
2	» , к. 2, п. 10	Пест	Кварцит
5	» , к. 4, п. 7	Ступа	»

1]. Для растирания охры использовались также ступка и пест (рис. 7, *1*, *28*) из погребения у хут. Сусат [15, с. 126]. Следы красной краски имеются на рабочем конце еще одного песта (рис. 7, *37*), который не сопровождался ступкой.

В результате петрографического анализа, проделанного для 14 пестов и ступ из могильников среднего течения р. Сал (табл. 2), были предположительно установлены месторождения камня, использованного для их изготовления. Эти месторождения находятся на правобережье Дона, в районе Донецкого кряжа и Донской гряды (рис. 1). Известняковая конкреция, из которой сделан орнаментированный пест (рис. 7, *14*), происходит из бассейна р. Кундрючей, притока Северского Донца. Ряд орудий (рис. 7, *18*, *27*, *30*, *33*, *37*) выполнен из изверженных пород камня, добытых в бассейне р. Крынки, в верхнем течении Тузлова, Большого Несветая, Малого Несветая, Аюты, Грушевки, Кадамовки. Для изготовления некоторых пестов и ступ (рис. 7, *4*, *5*, *26*, *31*, *36*) использовались песчаники из окрестностей г. Шахты. Два предмета (рис. 7, *7*, *29*) выполнены из кварцитов, месторождение которых локализуется между Нижним Мамоном (Воронежская область) и районными центрами Ростовской обл.— ст. Казанской и раб. пос. Тарасовским.

Заслуживает внимания распределение каменных пестов и ступ в могильном пространстве (рис. 8). В половине комплексов они концентрировались в колодце и у входа в камеру; часть предметов, прислоненных к деревянному или тростниковому перекрытию входного отверстия, после разрушения заслона случайно попадала в камеру.

Наиболее ярко локальные различия проявляются между курганными могильниками с большей частотой погребений, содержащих каменные песты и ступы.

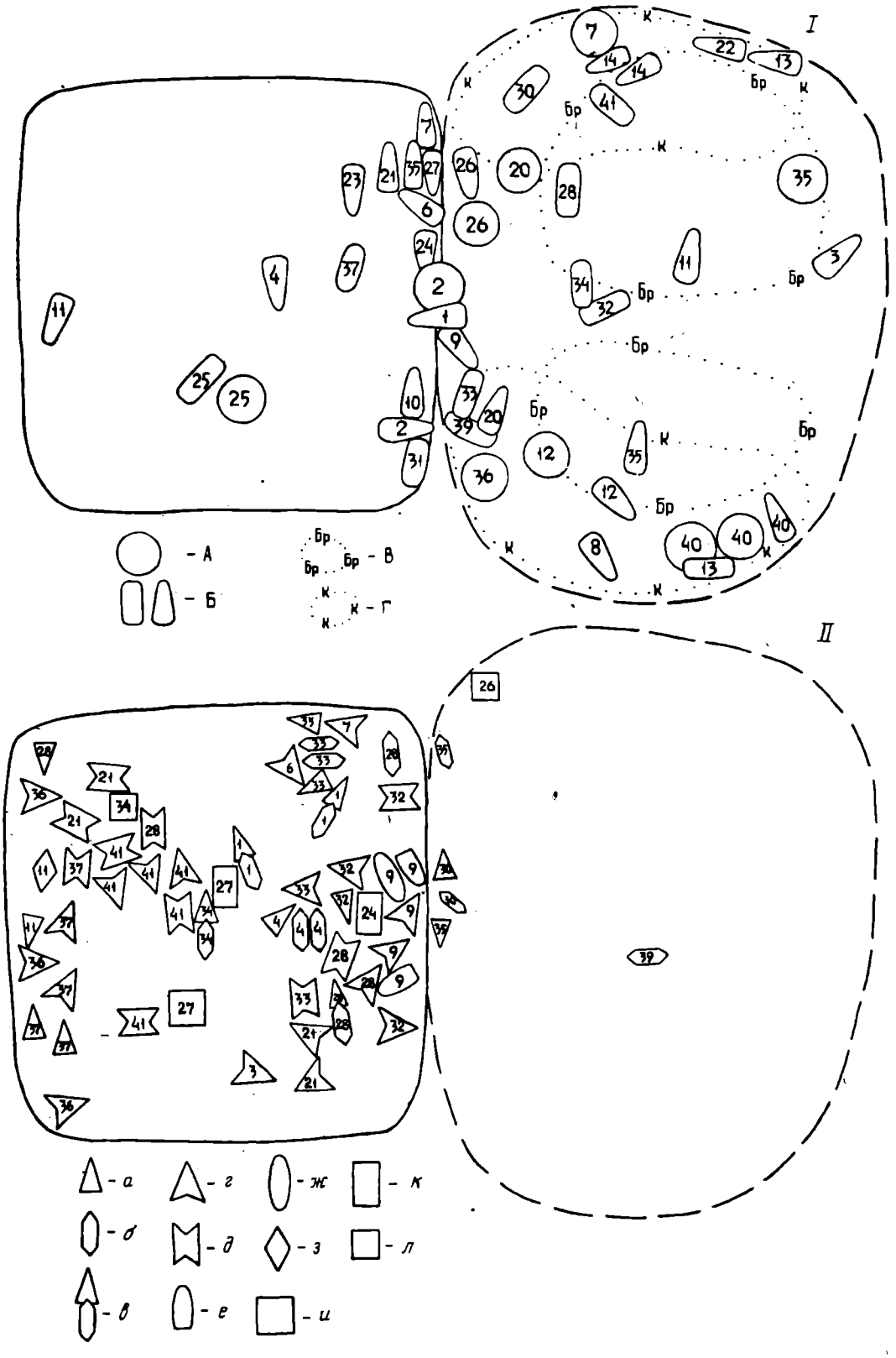


Рис. 8. Кумулятивные таблицы распределения инвентаря и костей животных в пространстве катакомбы, *I* **— инвентарь:** *А* **— ступа,** *Б* **— пест,** *В* **— зона размещения бронзовых орудий;** *Г* **— зона размещения керамики;** *II* **— кости животных:** *а* **— череп овцы;** *б* **— кости ног овцы;** *в* **— остатки целого скелета овцы;** *г* **— череп быка;** *д* **— кости ног быка;** *е* **— череп лошади;** *ж* **— кости ног лошади;** *з* **— череп волка;** *и* **— череп крупного животного;** *к* **— кости ног крупного животного;** *л* **— отдельные кости животного**

Например, в курганах хут. Долгого эти изделия в основном находятся у входа в камеру, в могильнике Колдыри большинство их в камере и у входа в нее, в могильнике Северный II они концентрируются в колодце и во входном отверстии камеры.

Как правило, каменные песты и ступы, находимые в колодце или во входном отверстии, сопровождаются костями животных. В ряде случаев, когда в колодце или в камере пест и ступа лежат рядом (12, 25, 26, 40), кости животных отсутствуют. Интересно, что в одном колодце (36) вдоль противоположной камере стенки лежали три бычьих черепа, проломленных в древности; в камере была найдена только ступка.

В катакомбах манычского типа кроме рассмотренных пестов и ступ (рис. 7) встречаются плоские дисковидные терочники из твердых и мягких пород камня (Новый, к. 131, п. 3) [38; 39, рис. 12; 40, рис. 1, *7*, *8*]. Видимо, в погребальном ритуале они несли несколько иную семантическую нагрузку, нежели песты и ступы.

Каменные песты II группы и ступы I группы (рис. 7) отличаются аморфностью, тогда как песты I группы и ступы II группы имеют стройные очертания, полученные в результате обработки этих камней техникой пикетажа и шлифовки. По морфологическим признакам последние близки группе каменных орудий, встречающихся в катакомбах с жаровнями (Центральный, группа VI, к. 2, п. 6, раскопки В. П. Копылова, 1978 г.), т. е. в комплексах хронологически более ранних, чем катакомбы с курильницами.

Для выяснения семантики пестов с усеченно-конической рукоятью и массивным постаментом (группа I), представляют интерес антропоморфные статуэтки северокавказской культуры, входящие в обширный ареал акролитических статуэток Средиземноморья, Передней Азии, Северного Кавказа [41; 42, с, 36—41].

Утилитарное назначение каменных пестов и ступ или чашек было довольно широким. В быту многие народы использовали аналогичные орудия для измельчения, размалывания, растирания руды, древесного угля и охры, для дробления зерен и т. д. [43, с. 103; 44, с. 275]. Этимологическое родство «песта» и «ступы» в индоевропейских языках [45, с. 250; 46, с. 692; 47, с. 123], видимо, обусловлено тем, что пест и ступа выступали как две части одного целого

В погребальной практике бытовым предметам могли придавать особое, специфическое значение. По-видимому, перенесение в могилу каменных пестов и ступ, использованных в погребальном ритуале, связывалось с заключительным этапом похоронного обряда, когда в колодец опускали шкуры жертвенных животных. Припасы, необходимые умершему, размещались в камере вдоль стен. В древней индоевропейской традиции «загробный мир представлялся в виде „пастбища", на котором паслись души умерших людей и принесенных в жертву животных» [46, с. 823].

В некоторых случаях было установлено, что каменные орудия — песты и ступы — прислоняли к входному отверстию камеры [8]. Они как «каменные стражи» стерегли врата камеры, в которой покоились усопшие люди. Интересно, что атрибутами богини смерти — Бабы-Яги были ступа и пест [49, с. 78; 50].

Особая значимость порога камеры в период распространения катакомб манычского типа, видимо, была обусловлена тем, что иногда не спешили переносить останки умершего в земляную могилу, т. е. покойник некоторое время находился как бы у «порога мертвых». Затем человеческие кости собирали и в виде «пакета» опускали в катакомбную яму. В этот период развития катакомбной культуры получают распространение так называемые жертвенники — простые ямы с инвентарем и костями животных [33, с. 59—61]; в ряде случаев инвентарь состоит из обломка ступы, песта и некоторых других вещей (*5*, 42—45). С другой стороны, растет количество катакомбных ям — кенотафов. Видимо, эти обстоятельства отразились в ритуале «перехода-порога», отделяющего живых от мертвых.

[8] У некоторых народов вход в могилу загораживали жерновами [48, с. 86].

Имеются многочисленные этнографические факты, раскрывающие значение порога дома, хлева и т. д. «Иногда духи, обитающие под порогом, считаются, по-видимому, душами умерших народов. Такая вера естественна там, где вообще всех мертвых или некоторых из них хоронят у порога» [51, с. 350, 351]. Д. Д. Фрезер приводит многочисленные примеры суеверных представлений о пороге, являющемся границей и местом пребывания духов. Например, «в верховьях Нигера жертвы умершим приносят обычно на пороге дома и кровью жертвенных животных поливают обе боковые стены у входа. Также на пороге приветствует тени мертвых ребенок, на которого возложена обязанность отнести из дома в поле посевное зерно во время праздника сева» [51, с. 352, 353]. В семантическом аспекте «особенность символики дверей и окон объясняется, по-видимому, тем, что содержание, приписываемое им как граничным объектам, осложняется их специфическим назначением: обеспечивать проницаемость границ» [45, с. 135]. Вероятно, такой же «семантической напряженностью» был наделен вход в катакомбную камеру, являющийся границей между двумя мирами — миром мертвых и миром живых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Городцов В. А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России//Отчет Императорского Российского исторического музея за 1914 год. М., 1916.
2. *Попова Т. Б.* Племена катакомбной культуры//Тр. ГИМ. 1955. Вып. 24.
3. *Фисенко В. А.* О происхождении и хронологии катакомбной культуры. Саратов, 1966.
4. *Клейн Л. С.* Катакомбная культура или катакомбные культуры//Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.
5. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
6. *Häusler A.* Die Gräber der ältern Ockergrabkultur zwischen Ural und Dnepr. B, 1974.
7. *Братченко С. Н., Шапошникова О. Г.* Катакомбная культурно-историческая общность//Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев: Наук. думка, 1985.
8. *Ильюков Л. С.* Отчет об исследовании курганных могильников на левобережье реки Сал в Мартыновском районе Ростовской области в 1984 году//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 11857.
9. *Ильюков Л. С.* Отчет об исследовании курганного могильника у хут. Нового Мартыновского района Ростовской области в 1982 году//Архив ИА АН СССР, Р-1, № 9255, 9256.
10. *Ильюков Л. С.* Отчет об исследовании курганов в зоне строительства Мартыновской оросительной системы в Ростовской области в 1985 году//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 10925.
11. *Копылов В. П.* Отчет об исследовании археологических памятников в зоне строительства Донской оросительной системы в 1980 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 8104.
12. *Головкова Н. Н.* Отчет об исследованиях курганов в Мартыновском районе Ростовской области в 1980 году//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 9888.
13. *Смирнов Ю. А.* Погребения мастеров — изготовителей древков и кремневых наконечников стрел//Древности Дона. М.: Наука, 1983.
14. *Зельдина В. Я. Каменецкий И. С.* Сагванский I могильник//АО — 1978. М., 1979.
15. *Витюк М. П., Флеров В. С.* Погребения катакомбной культуры на Дону//АО — 1971. М., 1972.
16. *Флеров В. С.* Отчет о работе археологической экспедиции Таганрогского музея в 1971 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 4597.
17. *Максименко В. Е., Лукьяшко С. И., Горбенко А. А., Головкова Н. Н.* Раскопки курганов в Сальском районе//АО — 1975 г. М., 1976.
18. *Бейсов Г. С.* Отчет о работе Манычского отряда археологической экспедиции и Азовского краеведческого музея в 1979 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 7466.
19. *Максименко В. Е., Горбенко А. А., Гореняко В. А., Фомичев Н. М.* Раскопки курганов на Маныче//АО — 1973. М., 1974.
20. *Горбенко А. А., Фомичев Н. М., Максименко В. Е., Кореняко В. А.* Отчет о раскопках курганов в Сальском и Багаевском районах Ростовской области в 1973 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 5422.
21. *Артамонов М. И.* Отчет о работах Манычской экспедиции ГАИМК в 1933 году.//Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 2. Оп. 1 Д. 1933/115.
22. *Артамонов М. И.* Раскопки курганов в долине р. Маныча//СА. 1937. IV.
23. *Беспалый Е. И.* Работы Приморского отряда//АО — 1983. М., 1985.
24. *Беспалый Е. И.* Отчет о работах Приморского отряда археологической экспедиции Азовского краеведческого музея в 1983 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 9887.
25. *Беспалый Е. И.* Отчет о раскопках курганов в совхозе «Орошаемый» Багаевского района в 1979 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 8087.
26. *Завьялов В. А., Захаренкова И. А., Лагоцкий К. С., Бестужев Г. Н., Бианки А. А., Шарафутдинова Э. С.* Раскопки курганов на нижнем Маныче//АО — 1972. М., 1973.

27. *Шарафутдинова Э. С.* Отчет о работах второго Манычского отряда Донской экспедиции в 1972 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 4897.
28. *Лагоцкий К. С.* Отчет о работе первого Манычского отряда Донской экспедиции в 1972 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 5240.
29. *Рябова В. Я.* Работы Ажиновского отряда в 1976 г.//Древности Дона. М.: Наука, 1983.
30. *Иессен А. А.* Раскопки курганов на Дону в 1951 г.//КСИИМК. 1954. Вып. 53.
31. *Капошина С. И.* Отчет об археологических работах Кобяковской экспедиции в 1960 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 2226.
32. *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маныча. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978.
33. *Сафронов В. А.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа//Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. Сообщения. Вып. VII. М.: Знание, 1974.
34. *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наук. думка, 1978.
35. *Кореневский С. Н.* О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур//СА. 1978. № 2.
36. *Магомедов С. М.* К вопросу о культурных связях племен Дагестана с племенами Северного Кавказа и степей Юго-Восточной Европы в эпоху средней бронзы//Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
37. *Бочкарев В. С.* Погребения литейщиков эпохи бронзы//Проблемы археологии. Вып. 2. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
38. *Ильюков Л. С.* Отчет об исследовании курганного могильника у хут. Нового Мартыновского района Ростовской области в 1983 году//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 10710.
39. *Круглов А. П., Подгаецкий Г. В.* Родовое общество степей Восточной Европы. М.; Л.: ОГИЗ, 1933.
40. *Шаровская Т. А.* О функциональном назначении каменных орудий из могильника Веселая роща//СА. 1985. № 2.
41. *Нечитайло А. Л.* Антропоморфные алебастровые статуэтки в ранних памятниках северокавказской культуры//СА. 1978. № 2.
42. *Пиотровский Ю. Ю.* Комплекс антропоморфных изображений Ульского аула и вопросы контактов населения Северного Кавказа в эпоху средней бронзы//АСГЭ. 1984. Вып. 25.
43. *Тэйлор Э.* Первобытная культура. М.: Госсоцэкгиз, 1939.
44. *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. Л.: Наука, 1974.
45. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. III. М.: Прогресс, 1987.
46. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984.
47. *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев: Наук. думка, 1974.
48. *Калоев Б. А.* Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII — начале XIX в.//Кавказский этнографический сборник. VIII. М.: Наука, 1984.
49. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
50. *Лаушкин К. Д.* Баба-Яга и одноногие боги//Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1970.
51. *Фрэзер Д. Д.* Фольклор в Ветхом завете. М.: Политиздат, 1985.
52. *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983.

Ростовский государственный университет,
Ростов-на-Дону

M. V. VLASKIN, L. S. ILYUKOV

STONE STAMPERS AND MORTARS OF CATACOMB CULTURE IN THE LOWER DON

Summary

The article is considered 45 catacomb culture burial complexes of Manich type trom the lower Don left bank. The burial complexes included the stone stampers and mortars. These stone wares were located mainly in the pits near the entrance to catacombs. These were also bones of cattle, small cattle, horse. In one case the skull of wolf was found. The authors give the typological analyses of wares. Using the petrographical data they turned out that the stone wares came to the left bank of Don from the right bank of ones, Donetsk mountain-ridge and Don ridge. The stone stamps and mortars which were usually used for grinding of ochr and grain had a special role in the burial rite. They located in «semantic intens» parts of burials near the entrance — threshold to catacomb which was the border of living and dead world.

В. С. ОЛЬХОВСКИЙ, М. Н. ЛОЖКИН

К ИСТОРИИ МОНУМЕНТАЛЬНОГО ИСКУССТВА ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДКАВКАЗЬЯ

Значение памятников древнего искусства как важного источника исторической информации общепризнано. Особенности мифологического мышления древних предопределяли прежде всего сакральную функцию искусства, в особенности монументального. Однако, помимо выявления определенных элементов мировоззренческой модели, анализ памятников искусства позволяет в некоторых случаях реконструировать и палеоэтнографические особенности культуры их создателей, выявить пути миграций. Особенно перспективна в этом отношении территория Предкавказья и Северного Кавказа — географически и исторически сложившийся «мост», соединяющий Переднюю Азию и Ближний Восток с европейскими и приуральскими степными районами. Здесь выявлено значительное количество памятников монументального искусства, принадлежащих носителям самых разных культур широкого хронологического диапазона. Однако информация о подобных находках, за редкими исключениями, не систематизирована, а почти полное отсутствие обобщающих работ затрудняет анализ, датировку и интерпретацию ежегодно обнаруживаемых стел и изваяний, некоторые экземпляры которых заслуживают особого внимания.

Так, в государственном историко-краеведческом музее им. И. П. Пузырева в ст-це Отрадной (Краснодарский край) хранится несколько изваяний, найденных в Отрадненском р-не и представляющих несомненный интерес для археологов и искусствоведов.

В 1982 г. на распаханном кургане у пос. Рудь было найдено менгирообразное изваяние (рис. 1, *1*), изготовленное из желтоватого ракушечника [1, с. 45]. Размеры подтрапециевидной плиты 131×81 (внизу)-40 (вверху) см, толщина 36(внизу)-26 (вверху) см. На нижней грани плиты (площадь 81×36 см) в средней части выступает продольный шип (70×18 см, высота 7 см). Очевидно, с помощью шипа стела устанавливалась на горизонтальной каменной базе, имеющей паз или прорезь соответствующих размеров. Грани стелы неплохо отесаны, выветрены. На широких гранях имеются неглубокие ямки — каверны (естественного происхождения?) и царапины, часть которых оставлена скорее всего плугом или культиватором. Несколько царапин отмечено и на одной из узких граней.

Из-за отсутствия изображений каких-либо атрибутов и антропоморфных черт определить лицевую и прочие стороны стелы трудно. Возможно, лицевой являлась короткая узкая грань (с царапинами), но уверенности в этом нет.

Хотя прямых датированных аналогий описанной стеле мы не находим (курган, на котором найдена стела, пока не раскопан), по общему абрису она может быть отнесена к периоду раннего металла. В указанный период геометризованные каменные изваяния и стелы бытовали на огромной территории от Пиренейского полуострова, Северной Франции и Польши до Кавказа [2, с. 14—16; 3—6; 7, с. 83; 8, с. 39; 9; 10, с. 10—13]. Создателями их на территории Восточной Европы считаются носители ямной, усатовской, кеми-обинской культур, а также гипотетической «дольменной» культуры, культуры нижнемихайловского типа и

© В. С. Ольховский, М. Н. Ложкин, 1992 г.

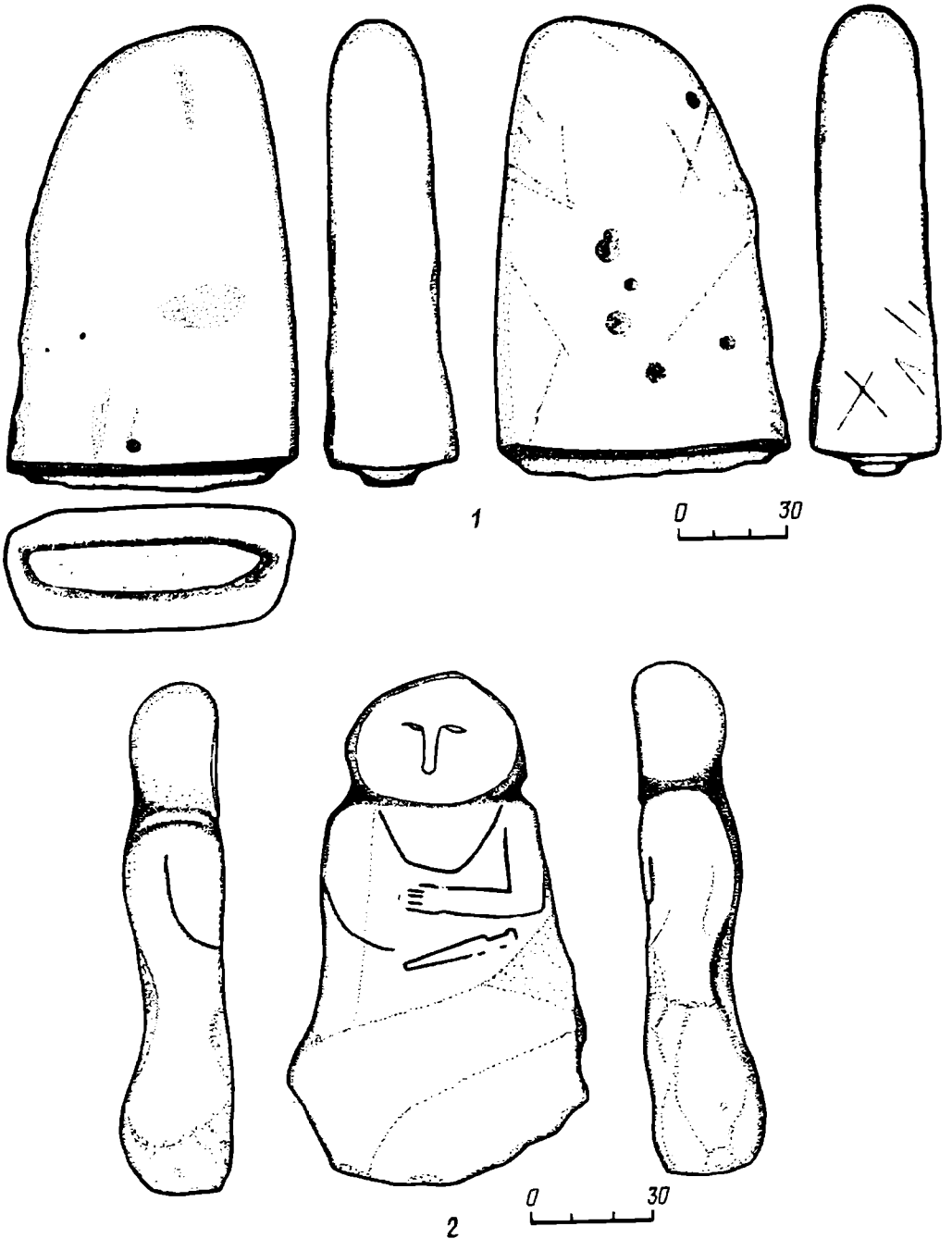


Рис. 1. Изваяния, найденные у пос. Рудь в 1982 г. (*1*) и в 1971 г. (*2*)

т. д. По особенностям архитектоники и морфографии [11, с. 109] указанные памятники обычно делят на несколько классов (групп): стелы, антропоморфные стелы, фаллоидные камни, менгиры, идолы [12, с. 23], круглую скульптуру, рельефы, стелы, идолы [8, с. 7, 8]. Изваяние из пос. Рудь следует относить к группе стел. Оно неантропоморфно и несимметрично, чем заметно отличается от большинства стел эпохи энеолита — ранней бронзы. Симметрия присуща как антропоморфным, так и неантропоморфным стелам этого времени; исключение составляет немногочисленная группа зооморфных изваяний. Антропоморфность памятникам придавалась изменением абриса — подтеской верхней грани (выступ — головка), сужением стелы книзу (имитация «широкоплечей» фигуры), подтеской средней части стелы (имитация талии). Указанные признаки антропоморфности, а также изображение гравировкой или краской личин, рук, ступней, грудей и т. д. большинство исследователей связывают не с начальным, а с

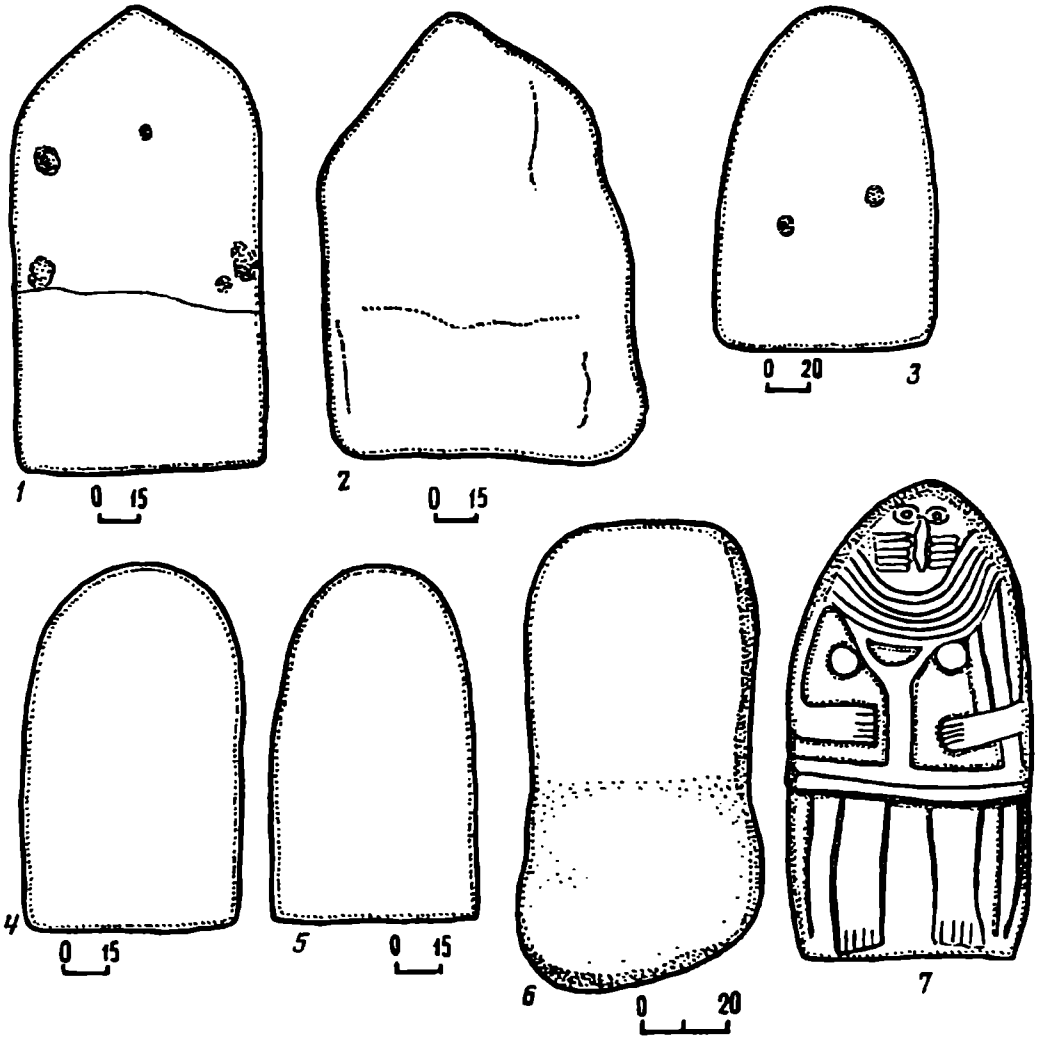


Рис. 2. Европейские стелы эпохи раннего металла. *1* — Маяки, к. 1, п. 4; *2* — Григориополь, к. 1, п. 9; *3* — Усатово, грунтовой могильник 2/5; *4*, *5* — Семеновка, к. 14, п. 2; *6* — Григориополь (Красное), к. 9, п. 19; *7* — Авейрон (Франция)

последующим этапом развития монументальной изобразительной традиции. К числу древнейших, вероятно, следует относить стелы, воплощающие неантропоморфный образ — архетип в «чистом» виде (рис. 2): это плоские прямоугольные плиты с плоской, «двускатной» либо скругленной верхней гранью [8, с. 28, 36]. Данный архетип материализовывал идею плоскости, замкнутого четырех-, пятиугольного пространства, земного мира. Не исключено, что столь же древними являются и фаллоидные стелы, воплощающие другую идею — вертикальности. Совмещение же (чаще всего в рамках погребального, поминального комплекса либо жертвенника, святилища) обоих символов, судя по синхронным и более поздним, вплоть до этнографических, материалам, моделировало универсум, упорядоченную вселенную, мир.

Вполне закономерен изоморфизм геометрического символа земли, зоны обитания человека (прямоугольной плиты) и человеческой фигуры, а также их совмещение, своеобразное «сращивание» в рамках одного памятника: во многих мифологических системах именно первочеловек или антропоморфное существо — Пуруша, Имир, Паньгу и т. д. [9, с. 44; 13, с. 135] — после расчленения служили строительным материалом для возникновения основных элементов социальной и космической организации [14, с. 351].

Столь же широко было распространено и представление об изоморфизме оси мира (мирового древа, мировой горы, фалла) [15, с. 54—60; 16, с. 194—201] и фигуры человека (первопредка, солярного героя). Здесь антропоморфизация образа

достигалась путем подтески верхней части стелы и нанесением горизонтальных врезных линий-разделителей (пояс). Имелось, очевидно, и идеологическое обоснование подобного изоморфизма: Праджапати в древнеиндийской мифологии, возникший как золотой зародыш, способствующий рождению детей, вливающий семя, нередко выступает как ипостась Брахмы и первочеловека Пуруши, он связан с праотцами человечества, браком, мудростью [14, 329]. Еще более рельефно фаллический мотив выступает в культе Шивы, символом которого являлся фаллос — лингам. Шива-лингам иногда изображался с головой Брахмы, свидетельствуя об определенной связи этих божеств [14, с. 56]. Таким образом, наличие в одних и тех же комплексах и (антропоморфных) стел, и фаллоидных изваяний, их изоморфизм и взаимозаменяемость вполне объяснимы.

Соединение же обоих символов (плоскости и вертикали, четырехугольника и прямой) возможно и в «рамках» одного памятника, и в комбинации двух памятников. Хотя плоская плита и по своей семантике (прямоугольник — знак земного мира), и по архитектонике более приспособлена для горизонтального размещения над погребением, на кургане или возле него, ей можно было придать вертикальность установкой на ребро, узкую грань, а сходство с устремленным вверх столбом усилить заостренностью или заоваленностью верхней грани памятника. Примечательно, что именно такие стелы, относимые к числу древнейших, найдены в Причерноморских степях [8, с. 28]. Конечно, визуально они не столь выразительны, но их семантическая емкость, очевидно, удовлетворяла их создателей. Более эффектно выглядела конструкция из двух элементов — горизонтальной прямоугольной плиты-постамента и установленной на ней стелы или фалломорфного изваяния. Для надежного закрепления стелы на постаменте — базе ее нижнюю грань было необходимо соответствующим образом затесать: сделать ровной (для плотного прилегания к плоскому постаменту), либо оформить в виде шипа (в постаменте пробивалось отверстие соответствующих размеров), либо вырезать в нем паз (а на постаменте — рельефный шип в виде гребня). Все три варианта оформления нижней грани стел представлены в камне [8, с. 22]. При этом первый и третий варианты более характерны для наиболее древних неантропоморфных стел. В случае второго варианта ширина шипа, как правило, примерно соответствовала толщине стелы, т. е. составляла от половины до трети ширины стелы в ее нижней части; сечение шипа приближалось к квадрату. Аналогий форме шипа вышеописанного изваяния из пос. Рудь найти не удалось: он продольный, а не поперечный, как у других стел, однако в принципе соответствует второму варианту оформления нижней грани стел.

Наличие на стеле из пос. Рудь одного из трех описанных вариантов оформления нижней грани свидетельствует об использовании именно каменной плиты — базы[1]; закрепление таких стел путем вкапывания их в грунт крайне нерационально. Более удобно в этом случае было затесать низ стелы углом либо, наоборот, сделать его массивнее, оставив грубообработанным; верхняя часть памятника при этом стесывалась больше, становилась тоньше нижней части. Центр тяжести стелы смещался книзу, что увеличивало устойчивость памятника. Можно предположить, что оба способа установки стел — на постаменте и без него — существовали одновременно, но более распространен был второй способ.

Нетрудно заметить, что антропо- либо фалломорфная стела, установленная вертикально на каменной плите-базе, конструктивно, иконографически и семантически соответствовала древнеиндийскому лингаму — йони, символу единства мужского и женского начала, Шивы и Парвати, возникшему в глубокой древности и находящему параллели во многих архаических мифологиях Старого Света и особенно проявляющемуся в фаллических культах [14, с. 56].

Абрис стелы из пос. Рудь отличается подчеркнутой асимметрией, придающей памятнику «крыловидные» очертания. Довольно близки ему абрисы некоторых

[1] Мнение Е. Ю. Новицкого, что постаменты первоначально использовались как фасадные плиты дольменов [8, с. 59], интересно, но вряд ли верно.

стел из Франции (рис. 2, *7*) [8, с. 172; 17, с. 409], а также многочисленных южносибирских изваяний, связываемых с окуневской либо тазминской культурами [18; 19, с. 168—187]. Несомненно, подобная асимметрия, визуально искривлявшая вертикальную ось памятника, придавала ему (в профиль) некоторое сходство с фаллом.

Округлые лунки (чашевидные углубления), реже бороздки известны на ряде причерноморских стел (рис. 2, *1*, *3*, *6*) эпохи раннего металла [8, с. 45; 20, с. 42; 21, с. 69]. Вероятно, они действительно, подобно чашевидным углублениям на верхней грани стелы из Бахчи-Эли [20, с. 42, рис. 4, *13*], использовались при совершении обрядовых действий [5, с. 98; 8, с. 100].

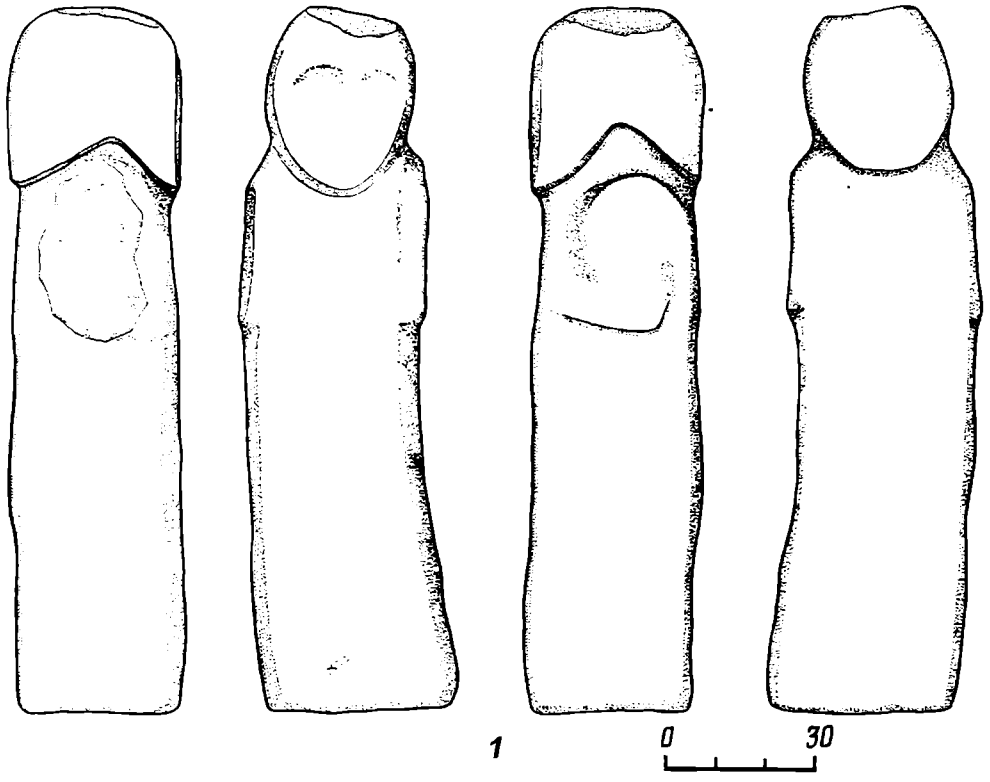
Таким образом, стела из пос. Рудь относится к числу неантропоморфных стел, устанавливаемых на каменной плите-базе на кургане либо около курганной насыпи и имеющих сложную семантику (модель мира — мировая ось — фалл как персонификация первопредка, воплощением которого являлся, возможно, конкретный умерший) [2].

Морфологическое сходство с наиболее ранними восточноевропейскими памятниками (1 класс, 3 тип, по О. Г. Шапошниковой, В.Н. Фоменко, Н. Д. Довженко; I тип, группа В, по Е. Ю. Новицкому) позволяет датировать стелу из пос. Рудь первой половиной III тыс. до н. э. Этнокультурная интерпретация ее пока затруднительна. А. Л. Нечитайло относит ее ко второму этапу майкопской культуры, вслед за И. М. Чеченовым объясняя появление таких стел у майкопцев влиянием ямной культуры [24, с. 23]. Вместе с тем весьма популярно мнение о распространении стел на запад и северо-запад, на Дунай и Задунавье именно из степного Предкавказья; предполагается, что в Предкавказье стелы были принесены с Ближнего Востока мигрирующим населением [7, с. 83, 84]. Данное заключение имеет право на существование, но пока лишь на уровне гипотезы. Картографирование же стел эпохи меди — бронзы выявило пять районов их массового распространения: Днестро-Дунайский, Бужско-Днепровский, Крымский, Приазовский, Северско-Донецкий [25, с. 33; 12, с. 22]. Всего между Доном и Дунаем найдено несколько сот стел. Однако в азово-каспийском междуморье, судя по публикациям, находки подобных стел единичны (кроме пос. Рудь в Новочеркасске, Нальчике, Кобыстане [2, с. 15; 26]). Представляется, что данный факт свидетельствует против локализации «прародины» стел на Северном Кавказе или Предкавказье (если о таковой вообще может идти речь). Вместе с тем находка у пос. Рудь подтверждает мнение о существовании определенных связей между обитателями Предкавказья и более западных (вплоть до Франции) районов в эпоху раннего металла, о чем говорит общность некоторых религиозно-мифологических представлений, отразившаяся, в частности, в погребальной архитектуре и искусстве [10 с. 10—13; 27, с. 30—33].

Второе изваяние (рис. 3, *1*) обнаружено в окрестностях ст-цы Бесстрашной; первоначальное его местонахождение неизвестно. Оно представляет собой слегка изогнутый, подквадратный в сечении известняковый (ракушечниковый) столб размерами 141×35—37×35 см. Изваяние частично повреждено: сбита (на незначительную высоту) верхушка и часть правой грани, поверхность выветрена. Верхняя часть каменного столба-блока оформлена в виде человеческой головы. Слабо выделены покатые плечи, подчеркнут овал лица, подбородок. Контррельефом выделены глазные впадины; прочие детали лица не сохранились. Высоким рельефом показаны скулы, на уровне ушей (не обозначены) переходящие в край, вероятно, прически, имеющей на затылке форму правильного овала. На левой

---

[2] Обычно считается, что стелы изображали «богиню погребений», каких-то иных богов (типа Тешуба), родичей-покровителей [2, с. 19; 8, с. 11, 69; 22, с. 61], конкретных вождей, выдающихся членов рода, шаманов, старейшин, умерших сородичей [5, с. 98 и др.]; играли роль «заменителей» лиц, имеющих отношение к погребенному, либо определенного божества (например, Инанны [23, с. 47]). Наиболее близка к истине, на наш взгляд, точка зрения Н. А. Чмыхова и Н. Д. Довженко, согласно которой стела «являлась моделью, содержавшей различные уровни представлений, начиная с бытового и заканчивая космическим» [13, с. 135].



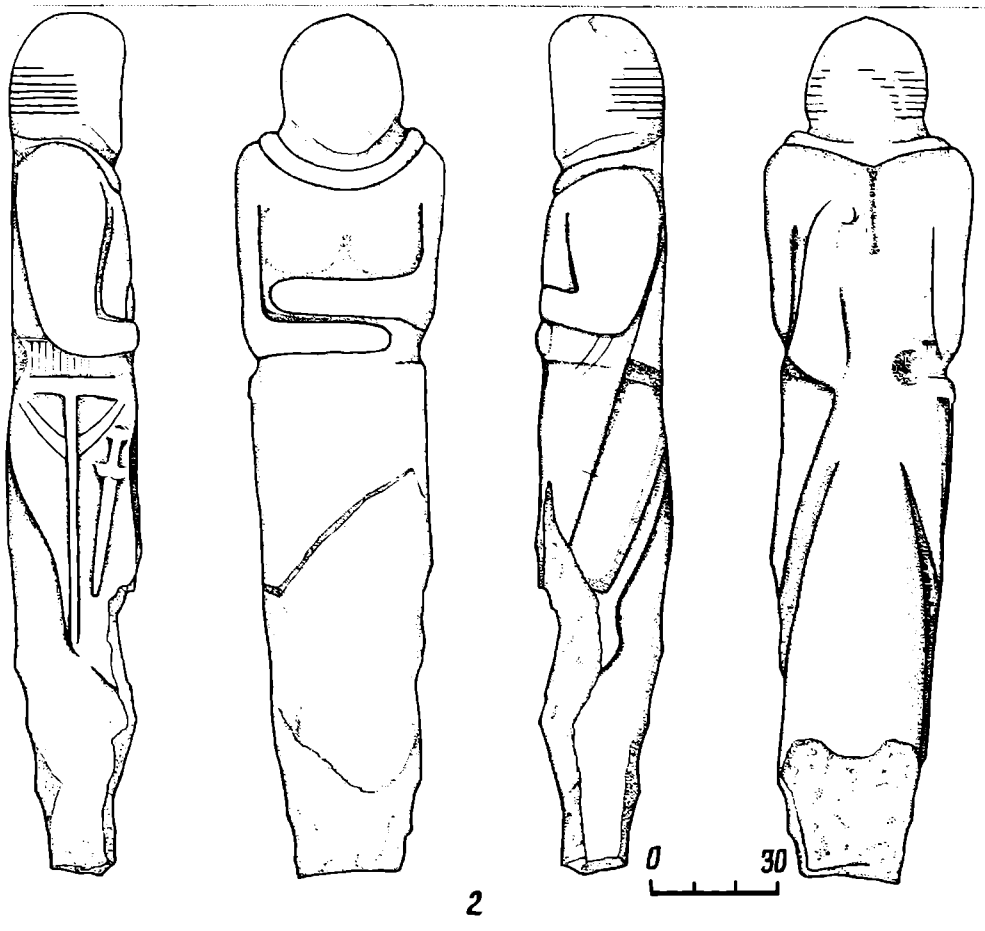


Рис. 3. Изваяния из Отрадненского района. *1* — ст-ца Бесстрашная; *2* — хут. Зеленчук Мостовой

боковой грани низким рельефом моделирована согнутая в локте почти под прямым углом рука. Несомненно, правая рука была показана подобным же образом, но позже оказалась сбитой. Положение кистей рук, которые должны размещаться на передней грани антропоморфа, неясно. Следов изображения каких-либо атрибутов нет.

Данное изваяние интересно прежде всего своей ярко выраженной столбообразностью и подквадратностью сечения. Явно не случайна и «саблевидность» стелы — изогнутость ее длинной оси, в целом придающая ей сходство с фаллом. Подобная фалломорфность свойственна, например, оленным камням Центральной Азии и «киммерийским» стелам Причерноморья и Кавказа [15; 28, 29]. Фалломорфность оленных камней органически сочетается с их скрытой антропообразностью, иногда приобретавшей наглядное воплощение путем оформления верхнего конца стелы в виде человеческой личины или головы [15, с. 52, 53; 30]. Черты человеческого лица (глаза, рот, нос, иногда и уши) при этом показываются контррельефом. Однако руки, даже в столь «рудиментарной» форме, как на стеле из Бесстрашной, на оленных камнях и «киммерийских» стелах ни разу не отмечены.

Необычно геометризованная форма рассмотренного изваяния близка также абрису стелы, относимой к числу раннескифских, из Кисловодского музея [31, с. 160, рис. 1, *1*]. Эти памятники объединяет и предельный лаконизм (лишь на кисловодской стеле изображен предмет — гривна), общий профиль с характерным подтреугольным вырезом в области ушей. По мнению В. Г. Петренко, таким образом показаны назатыльник и нащечники шлема [31, с. 159]. Данное предположение допустимо, хотя имеющиеся на ряде скифских изваяний VI—IV вв. до н. э. бесспорные изображения шлемов не совпадают с представленными на стелах из Кисловодска и Бесстрашной. Однако почти идентичные «подтреугольные вырезы» на боковых гранях имеют, например, некоторые скифские изваяния IV—III вв. до н. э. из Крыма [32, с. 134, рис. 5, *2*].

Итак, стела из ст-цы Бесстрашной интересна сочетанием черт, свойственных как оленным камням и «киммерийским» стелам (фалломорфность, подквадратное сечение, легкая изогнутость длинной оси), так и скифским изваяниям (явная моделировка головы и менее выраженная — рук, подтреугольные вырезы на боковых гранях). Иконографические признаки, таким образом, ограничивают возможное время бытования изваяния из ст-цы Бесстрашной VIII—IV вв. до н. э. Более предпочтительной (из-за выраженности более поздних — «скифских» черт) кажется дата VII—VI вв. до н. э. Привязка данного (или подобных ему) изваяния к определенному археологическому комплексу в будущем позволит сузить предложенную датировку.

В 1971 г. у пос. Рудь на распаханном кургане обнаружено и доставлено в музей антропоморфное изваяние [1, с. 45], изготовленное из плотного песчаника (рис. 1, *2*). Размеры его 128×45 (вверху)-75 (внизу) см, толщина 20—27 см. Изваяние повреждено, очевидно, плугом (параллельные царапины и сколы), поверхность его выветрена. Эта антропоморфная плита подтрапециевидной формы, с довольно четко моделированной подтеской головой, имеющей форму горизонтального овала. Гравировкой показаны глаза, длинный прямой нос, а также согнутые под прямым углом руки (левая над правой); пальцы их вытянуты, прижаты к груди. Под подбородком врезной линией показана гривна, в районе пояса — кинжал, рукоятью к левому локтю. Навершие кинжала, напоминающего раннескифский акинак, брусковидное или овальное, перекрестие не обозначено, клинок равномерно сужается. Кинжал, имеющий длину 29 см, судя по притупленности нижнего конца клинка, изображен скорее всего в ножнах. Боковые и тыльная грани антропоморфа покрыты кавернами естественного происхождения.

Из-за отсутствия археологических материалов (курган не раскопан) датировать антропоморф трудно. Так, характерное положение рук находит ближайшие аналогии на скифских изваяниях конца VII—VI вв. до н. э. северокавказского региона (Ставропольский музей, г. Прохладный, хут. Зеленчук Мостовой, с.

Александровское, хут. Красное Знамя). Подобное положение кинжала (на поясе спереди), судя по археологическим материалам и скифским изваяниям, характерно для скифов во второй половины VI—V в. до н. э. Довольно близкой иконографической аналогией данному антропоморфу в целом является изваяние, найденное на одном из курганов у пос. Новоамвросиевское в Донбассе [3]. Оно отличается от большинства скифских изваяний обобщенностью абриса, грубостью проработки деталей, почти полным отсутствием атрибутов (нет гривны, меча), рассчитанностью на сугубо фронтальное восприятие [34, с. 32, рис. 15, 16]. Однако этими же чертами оно, как и рассмотренное изваяние из пос. Рудь, сближается с антропоморфами галайтинской группы в Чечено-Ингушетии [35, 36], относимыми к скифоидным памятникам второй половины VI — рубежа VI—V в. до н. э. [37, с. 80—82]. Таким образом, иконографические параллели с учетом набора и типологии изображенных атрибутов позволяют датировать изваяние из пос. Рудь VI—V вв. до н. э. Наиболее вероятна скифская или скифоидная этническая принадлежность его создателей.

Еще одно изваяние, доставленное в Отрадненский музей в 1986 г., было обнаружено на левом берегу р. Большой Зеленчук неподалеку от тракторной бригады хут. Зеленчук Мостовой. По сообщению находчиков, оно находилось на вершине кургана под дерном и камнями.

Изваяние (рис. 3, *2*) изготовлено из плотного светлого песчаника. Сохранилось оно полностью (в двух фрагментах), но поверхности его довольно сильно повреждены: нижняя часть передней грани сколота примерно на четверть толщины, небольшие сколы имеются на голове и на тыльной грани. Детали проработаны рельефом, использована и гравировка.

Максимальные размеры изваяния 205×49×31 см. Оно воспроизводит, практически в натуральную величину, мужскую фигуру с некоторым нарушением пропорций: ноги кажутся несоразмерно короткими, возможно, из-за своеобразия представленной позы. «Лицо» изваяния — плоский овал; глаза, рот, нос не сохранились вследствие выветривания. Четко выделены плечи, подчеркнуты мышцы груди. Руки согнуты в локтях под прямым углом, сложены на животе (левая над правой). Кисти рук и пальцы не моделированы. Талия подчеркнута слабо; возможно, этой цели служит небольшое (диаметром до 8 см) правильное углубление на тыльной грани антропоморфа у правого локтя (подобного углубления у левого локтя нет, так как на этом месте изображен лук). На боковых гранях в низком рельефе показаны ноги (бедра, голени, ступни). Примечательно, что ступни показаны опущенными книзу, а не параллельными земной поверхности. Подобным же образом нередко изображаются ноги всадников, не использующих стремена (например, «рельеф Палака» из Неаполя Скифского [38, с. 44, рис. 19], и т. д.). На неплохо сохранившейся тыльной грани изваяния отчетливо видно, что бедра мужской фигуры разведены; ягодицы не показаны, фигура как будто сидит на вершине гладко отесанного (!) сужающегося кверху столба, «оседлав» его. Не исключено, что таким образом резчик воплотил не только универсальную идею вертикальности (фигура человека как продолжение и завершение столба — мировой оси), но и показал, что изображенный персонаж был еще и всадником (характерное положение бедер и ступней).

Набор изображенных на изваянии предметов небогат, но выразителен. На голове показан шлем кубанского типа со своеобразной пластинчатой бармицей из шести рядов горизонтальных пластин, защищающей затылок, виски и отчасти скулы. Характерный гребень шлема сохранился плохо. На шее воина массивная гладкая гривна с расширяющимися концами; без сомнения, соприкасающиеся встык концы одновитковой гривны образовывали замок, располагавшийся на затылке.

В области правого локтя сохранилось изображение широкого боевого пояса

[3] Курган, на котором было найдено изваяние, содержал разграбленное скифское погребение, вероятно, IV в. до н. э. [33], но уверенности в связи изваяния именно с этим погребением нет.

из укрепленных вертикально пластин, в натуре, очевидно, металлических. Ниже пояса справа на подвеске из двух портупейных ремней изображен боевой топор или секира, расширяющимся лезвием к лицевой грани. Общая длина рукояти топора достигает 65 см, конец ее касается пятки правой ноги воина. Рядом с топором, ближе к лицевой грани, показан акинак острием вниз. Длина его 40 см, навершие овально-брусковидное (сохранилось плохо), перекрестие бабочковидное. На правой грани (с переходом на тыльную) в низком рельефе изображено длинное подпрямоугольное налучие, из которого торчит лук. Верхний конец лука загнут крючком. Почти в середине передней грани налучия сохранились следы изображения, вероятно, какого-то ремня. Общая длина лука в налучье 98 см. Под левым локтем гравировкой показаны две параллельные линии (портупейный ремень?).

Данное изваяние, без сомнения, относится к числу произведений скифского монументального искусства. Наиболее близкой аналогией ему является изваяние из Ставропольского музея (конец VII—VI в. до н. э.), отличающееся лишь отсутствием изображений ног [31, с. 160, рис. 1, *3*]. Почти таким же образом ноги показаны на изваянии VI в. до н. э. из г. Прохладного в Кабардино-Балкарии [39] и на антропоморфе V в. до н. э. из кургана у с. Нововасильевки на Украине [40, с. 118]. Общая же иконографическая схема, характер размещения рук находят аналогии на изваяниях VI в. до н. э. из с. Александровского, хут. Красное Знамя, ст-цы Бесскорбной, Киевского исторического музея, Добруджи, Ступина [31, с. 166, рис. 7, 8, с. 162, рис. 4; 41, с. 219, рис. 1, с. 222, рис. 5]. Типы представленных на зеленчукском изваянии атрибутов (шлем, меч, лук, топор) не противоречат «иконографической» дате и позволяют относить данный антропоморф к рубежу VII—VI — серед. VI в. до н. э.

Рассмотренные три изваяния Отрадненского музея, относящиеся к эпохе раннего железа, не только подтверждают присутствие в данном регионе скифов, но и свидетельствуют о сложной многоэтапной эволюции скифского монументального искусства, отразившего развитие религиозно-мифологической концепции скифского общества. Разнообразие антропоморфов, часть которых, хотя и не может быть безоговорочно отнесена к числу собственно скифских, все же несет явные следы влияния скифской изобразительной традиции (рис. 1, *2*), возможно, отражает своеобразие местной этнокультурной обстановки в эпоху скифской архаики. Такая ситуация — полиэтничность населения — вполне вероятна, так как нечто подобное — формирование сугубо местных «скифоидных» изобразительных стилей, объединяющих общеевразийские, скифские и автохтонные элементы,— для Северного Кавказа периода скифских походов явление не уникальное, а скорее закономерное (галайтинские изваяния и др.). Скифское изобразительное искусство в столь бурную эпоху не только активно усваивало чужеродные элементы, адаптируя и видоизменяя их, но и оказывало заметное влияние на развитие автохтонных северокавказских традиций вследствие военного превосходства скифов, их мобильности, разнообразных (мирных и немирных) контактов с местным северокавказским населением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ложкин М. Н.* Древние каменные статуи Приурупья//Конф. по археологии Северного Кавказа. XII Крупновские чтения. Тезисы докладов. М., 1982.
2. *Рычков Н. А.* К вопросу об антропоморфных стелах рубежа энеолита и эпохи бронзы//Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1979.
3. *Телегін Д. Я.* Енеолітичні стели і пам'ятки нижньомихайлівського типу//Археологія. 1971. Вып. 4.
4. *Формозов А. А.* О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья//СЭ. 1965. № 6.
5. *Формозов А. А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1966.
6. *Щепиньский А. О.* Антропоморфні стели Північного Причорномор'я//Археологія. 1973. Вип. 9.
7. *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев: Наук. думка. 1974.
8. *Новицкий Е. Ю.* Монументальная скульптура древнейших земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 1990.

9. *Андросов А. В.* К вопросу об антропоморфных изваяниях и курганной архитектуре энеолита — бронзового века//Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тезисы докладов областной научно-практ. конференции. Луганск, 1990.
10. *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Древнейшая катакомбная культура Северного Кавказа и проблема появления катакомбного обряда в Восточной Европе//Катакомбные памятники Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
11. *Ольховский В. С.* О методике источниковедческого анализа антропоморфных изваяний//Социально-экономический строй древних обществ и археология. М., 1987.
12. *Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д.* Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант)//САИ. 1986. Вып. В1—3.
13. *Чмыхов Н. А., Довженко Н. Д.* О древнейшем индоиранском компоненте в сложении скифской монументальной скульптуры//Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев, 1987.
14. Мифы народов мира. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1988.
15. *Ольховский В. С.* Оленные камни (к семантике образа)//СА. 1989. № 1.
16. *Кызласов И. Л.* Воплощения Вселенной (Археологические памятники как объект палеоастрономии)//Историко-астрономические исследования. 1989. Вып. XXI.
17. *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. М.: Изд-во иностр. лит., 1952.
18. *Вадецкая Э. Б.* Изваяния окуневской культуры//*Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А.* Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980.
19. *Кызласов Л. Р.* Древнейшая Хакасия. М.: Изд-во МГУ, 1986.
20. *Щепинский А. А.* Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму//СА. 1963. № 3.
21. *Серова Н. Л., Яровой Е. В.* Григориопольские курганы. Кишинев: Штиинца, 1987.
22. *Яровой Е. В.* Древнейшие монументальные изображения Днестровско-Прутского междуречья//Памятники древнейшего искусства на территории Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1989.
23. *Алексеева И. Л.* Женский образ в антропоморфной скульптуре эпохи энеолита//Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1987.
24. *Нечитайло А. Л.* Контакты населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху энеолита — ранней бронзы//Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1987.
25. *Довженко Н. Д.* О локальных особенностях антропоморфных стел эпохи ранней бронзы в Бужско-Днепровском междуречье//Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Киев, 1981.
26. *Чеченов И. М.* Нальчикская подкурганная гробница (III тыс. до н. э.). Нальчик: Эльбрус, 1973.
27. *Резепкин А. Д.* К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ станицы Новосвободная//КСИА. 1987. Вып. 192.
28. *Ольховский В. С.* О северокавказских стелах эпохи раннего железа//СА. 1990. № 3.
29. *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981.
30. *Волков В. В., Новгородова Э. А.* Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия)//Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1986.
31. *Петренко В. Г.* О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний//Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986.
32. *Ольховский В. С.* Скифские антропоморфы Северо-Западного Крыма (находки последних лет)//УЗ КИПЦДСВ (Археологические источники). М.: Наука, 1989.
33. *Евдокимов Г. Л.* Памятники скифского монументального искусства//Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов конференции. Ч. II. Киев, 1975.
34. Список памятников археологии Украины. Донецкая область. Киев, 1988.
35. *Багаев М. Х., Ольховский В. С.* Новые изваяния скифского времени из долины Аксая (Чечено-Ингушетия)//СА. 1989. № 4.
36. *Багаев М. Х.* Новые каменные изваяния скифского времени из Чечено-Ингушетии//Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.
37. *Ольховский В. С.* О скифоидных изваяниях Северо-Восточного Кавказа//Изв. СКНЦВШ. Обществ. науки. 1989. № 2. (66).
38. *Шульц П. Н.* Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака//КСИИМК. 1946. Вып. 12.
39. *Атабиев Б. Х.* Скифское изваяние из Кабардино-Балкарии//УЗ КИПЦДСВ (Археологические источники). М.: Наука, 1989.
40. *Гребенников Ю. С., Ребедайло Г. П.* Скифское погребение V в. до н. э. на Ингульце//Курганы степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1991.
41. *Шульц П. Н.* Скифские изваяния//Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976.

Институт археологии РАН, Москва

Отрадненский государственный
историко-краеведческий музей, станица Отрадная,
Краснодарский край

V. S. OLKHOVSKY, M. N. LOZHKIN

ON THE MONUMENTAL ART OF ANCIENT POPULATION OF PRE-CAUCASUS

Summary

The article is devoted to four stone stels which were found on the territory of Krasnodar region. All stels are kept in the Museum of regional studies in Otradnoe village. One stel was found in 1982 near Pud village. It's dated to the first part of the III mil. B. C. In the early metal epock such stels were utilized by Europian population on the territory from Pyreness and France to the Northern Pre-Asov territory. On the Pre-Caucasus territory such monuments are rare and this fact indicates on the introducing of this tradition. The stel from Besstrashnaja village is dated to the VII—VI centuries B. C. It resemles the „antlers stones", Cymmerian stels and early Scythian sculptures. It's dated to the VII—VI centuries B. C. The other monument from Rud village was found in 1971, it is dated to the VI—V centuries B. C. and has the Scythian look. Undoubtedly also that the sculpture of warrior from Zelenchuck Mostovoj village is also dated to the border of VII—VI — the middle of the VI century B. C. The warrior has a helmet of «Kuban type» on his head and sits „on horseback". The finds of the last three sculptures confirm the Scyth's presence on Pre-Caucasus territory in VII—VI centuries B. C.

С. Г. РЫЖОВ

БРОНЗОВАЯ СТАТУЭТКА ИСИДЫ ИЗ ХЕРСОНЕСА

В работе на основе имеющихся данных рассматривается вопрос о путях и времени проникновения и распространения на территории Северного Причерноморья культа одного из наиболее почитаемых божеств греко-египетского пантеона — Исиды. Малое количество памятников, связанных с культом Исиды, не позволило нам выявить характер последнего: был ли он государственным или же исповедовался отдельными гражданами, т. е. носил частный характер, оставаясь за пределами интересов официальной власти, несмотря на то что в первые века новой эры культ этой богини занял одно из ведущих мест в греко-римском пантеоне. Во всяком случае, присутствие подобных находок в слоях, относящихся к первым векам новой эры, говорит о процессе синкретизма религиозных культов, происходившем в это время во всем античном мире.

За более чем полуторавековой период раскопок Херсонеса найдено около десятка предметов, связанных с культом Исиды: золотая сережка с сердоликовой вставкой, на которой она изображена в полный рост в виде Исиды-Фортуны, из могильника первых веков новой эры, расположенного в Песочной бухте; гемма с аналогичным изображением из раскопок Портового р-на; светильники и одноручные горшочки с посвятительными надписями [16 с. 55—7], а также бронзовая статуэтка высотой 19,5 см в виде стоящей женской фигуры в плаще и высоком головном уборе. Последняя найдена в 1984 г. при раскопках засыпи двора одного из средневековых домов в Северном р-не Херсонеса. Здесь сохранилась глиняная линза, содержавшая небольшое количество обломков краснолаковой керамики, наиболее выразительными из которых являются донья самосских кубков, датируемых первыми веками новой эры.

Статуэтка изображает женщину, одетую в плащ, закрывающий левое плечо и часть груди; один конец плаща в виде толстого жгута свисает с левого плеча на спину, а другой, пересекая туловище по диагонали, перекинут через локоть правой руки и, охватывая спину, поднимается к левому плечу (рис. 1, 2). Спереди и сзади плащ трактован в виде диагональных складок и доходит лишь до колен драпируемой им фигуры. Кроме того, на женщине надет длинный хитон с колпасом, вертикальные складки которого, мягко ниспадая из-под плаща, закрывают ступни ног, обутые в сандалии, оставляющие открытыми только пальцы стопы. У хитона короткие, до локтя рукава с тремя пуговицами, расположенными в один ряд и хорошо видными на не прикрытой плащом правой руке. Такой способ проработки плаща и хитона позволяет мастеру достичь контраста мягкой игры света и тени при помощи глубоких диагональных складок, равномерно распределенных по всей статуэтке. Женщина стоит, слегка откинувшись назад, перенеся всю тяжесть тела на правую ногу, тогда как левая выставлена вперед и слегка согнута в колене, что придает статуэтке монументальность и в то же время легкость, несмотря на статичность фигуры. У статуэтки утрачены обе руки ниже локтя, поскольку они изготавливались отдельно, а затем вставлялись в специальные отверстия. Маленькая головка статуэтки, посаженная на короткую массивную шею, слегка повернута вправо и как бы

© С. Г. Рыжов, 1992 г.

Рис. 1. Бронзовая статуэтка Исиды (фото)

смотрит на некий предмет, находящийся в правой руке. У женщины выпуклый лоб, прямой нос и маленький рот с плотно сжатыми пухлыми губами. Длинные волосы расчесаны на прямой пробор и с помощью ленты, вплетенной в них, собраны вокруг головы в массивный валик, который заканчивается на затылке узлом со спускающимися из него на плечи двумя змеевидными локонами.

Голову статуэтки венчает головной убор в виде высоких лирообразных рогов с диском между ними и двумя колосьями у их основания. Описание головного убора затруднено тем, что из-за сильного окисления изображение на нем просматривается очень слабо. Это является следствием технологии его изготовления: статуэтку отливали, в то время как головной убор для нее, по-видимому, изготовляли отдельно — ковкой из нескольких бронзовых пластин. Чтобы прикрепить его к статуэтке, ее вновь разогрели, но при сварке слегка попортили

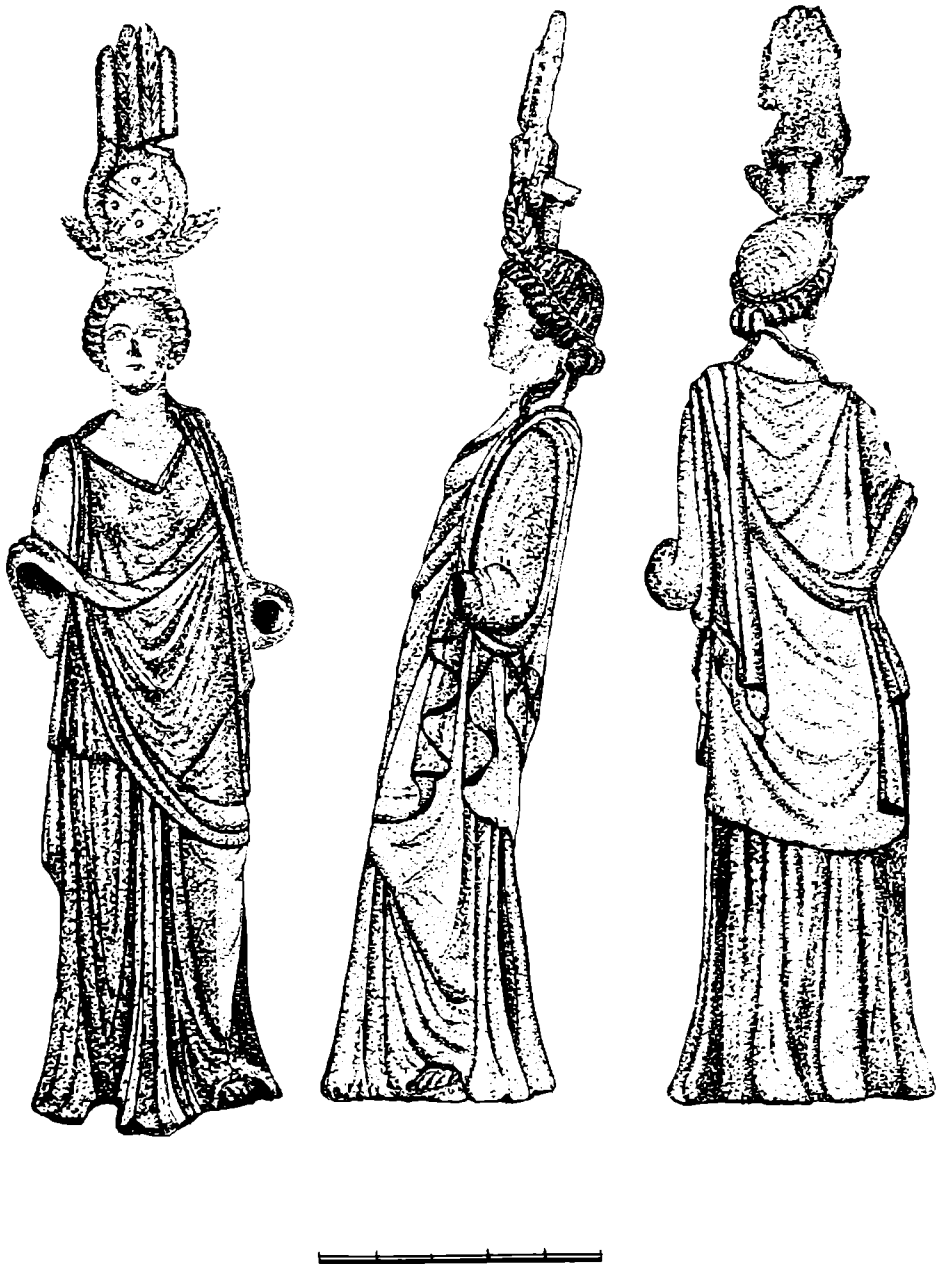


Рис. 2. Статуэтка Исиды (рисунок)

лицо. Поскольку руки статуэтки с находившимися в них предметами утрачены, головной убор является единственным атрибутом, позволяющим отождествить ее с Исидой. Так же трудно точно сказать, с какими атрибутами она была изображена, так как они зависели от ее многочисленных ипостасей, которыми наделяли богиню в первые века новой эры.

На большинстве найденных статуэток Исида изображена с корабельным рулем в правой и рогом изобилия в левой руке. Не исключено, что эти же атрибуты были у нашей статуэтки, чему не противоречит постановка ее фигуры и рук. Но мы допускаем, что в руках богини могли находиться и другие атрибуты. Так, хорошо известная статуя из храма Исиды в Александрии, построенного Исидором во II в. н. э., в правой руке держит змею, а в левой — ситулу — ритуальный сосуд для воды [2, с. 217]. Головной убор, аналогичный описанному выше, обычно встречается на изображениях египетских божеств Исиды [3, II, 41].

Статуэтки Исиды имеются в Берлинском [2, с. 218, 219], Пловдивском и Старозагорском [4, с. 106], Александрийском [2, с. 11] музеях, а также в Государственном Эрмитаже [5, с. 111].

Описание Исиды дают: Геродот [3, II, 41], Апулей [6, XI, 756, 758], Плутарх [7, 8], Павсаний [9] и многие другие древние авторы. У Геродота читаем: «Египтяне изображают Исиду в виде женщины с коровьими рогами». Более подробное описание богини дает Апулей: «Густые длинные волосы, слегка вьющиеся, платье из тончайшего льна цвета, переходящего от белизны до золотого шафрана, до алой розы. Черное покрывало, наброшенное наискось, спускалось с правого плеча, один из концов свешивался тысячью складок, артистически расположенных, которые развевались с самой грациозной манерой, и кончался узлом с бахромой. В руках — скипетр и ситула. На ногах — сандалии, тисненные листьями пальмы. На голове Исиды — корона-рога, между ними перья и диск, по сторонам — два колоса» [6, XI, 756, 758]. Иногда голову богини украшает модий; его мы видим у нашей статуэтки вместе с остальными атрибутами головного убора, описанными выше. Согласно одной мифологической версии, после победы Гора над Тифоном Гермес увенчал Исиду рогатым шлемом [7, с. 258]; по другой — обезглавленной Гором Исиде Тот приделал коровью голову [7, с. 258]. Ее рога не что иное, как подобие лунного серпа, ибо сама Исида и есть луна [7, § 52]. Таким образом, исходя из атрибутов, можно сказать, что статуэтка, найденная в Херсонесе, изображает богиню Исиду, культ которой занял одно из ведущих мест в греко-римской религии в конце I в. до н. э.— начале II в. н. э.— времени, к которому, вероятнее всего, и относится наша статуэтка. Стилистический анализ херсонесской статуэтки убеждает в том, что перед нами памятник римского времени середины II в. н. э. с характерной для него четкостью и чрезмерной резкостью в проработке складок одежды. На это же указывает и архаизированный мотив «ласточкиного хвоста», заимствованный из древнегреческих образцов, что обычно для искусства времени Антонинов [5, с. 116]. На время изготовления статуэтки кроме описанных выше данных указывает и тип прически. Как уже говорилось, волосы богини разделены на две волны, соединяющиеся на затылке в небольшой пучок со спускающимися из него двумя длинными локонами. Левый локон ниспадает на плечо, а затем свисает на грудь, правый изящно вьется по плечу в виде толстого жгута. Такой тип прически мы видим на александрийских монетах (Антонина Пия, Отоцилии Северы и Салонины, а также Фаустины Младшей и Луцилы), где на одной из сторон изображена богиня Исида [10]. Такая прическа была особенно распространена в конце I — начале II в. н. э.: в это время Исиду стали почитать почти на всей территории Римской империи, несмотря на то что сенат Рима еще в 139 г. до н. э. издал декрет об изгнании так называемых магов и астрологов, т. е. иудеев и «халдеев», проповедовавших культы восточных и, возможно, египетских божеств, проникших в город во II в. до н. э. [11, с. 175]. По-видимому, такие меры не давали желаемых результатов, судя по тому, что уже в правление Суллы, между 59 и 49 гг. до н. э., издается целая серия постановлений, направленных против проникшего в Рим культа Исиды [11, с. 175], поскольку в городе появилась целая коллегия ее почитателей [12, с. 96].

После Цезаря Август, а затем Тиберий предпринимают несколько неосуществившихся попыток строительства храма Исиды. Новую попытку узаконить ее культ предпринимает Калигула [13, ст. 175], издав декрет о строительстве храма Исиды, который сооружается на Марсовом поле только при императоре Каракалле. В 215 г. статую Исиды с триумфом устанавливают на Капитолии, как бы возвещая, что отныне она становится в один ряд с официальными богами Римской империи.

Расширение границ империи за счет территории Западного и Северного Причерноморья привело к тому, что проникновение в причерноморские города восточных культов стало гораздо активнее, чем раньше: в том не последнюю роль сыграло размещение в них римских легионеров, многие из которых были выходцами из восточных провинций. Так, при раскопках Никополя, располо-

женного в Нижней Мезии и погибшего в результате нашествия готов в 251 г. н. э., найдены монеты с изображением храма Сераписа [14, с. 133], почитание которого неотделимо от культа Исиды. Придание культу Сераписа и Исиды смешанных греко-римских черт привело к его быстрому распространению. Появление культа Исиды в Греции относится к концу V в. до н. э. [15, с. 98], но сколько-нибудь заметной роли он здесь не играл вплоть до конца эллинистического времени. Исходя же из событий, происходивших в Риме, можно понять, почему ее культ позднее начинает постепенно занимать одно из ведущих мест среди восточных божеств, проникших в греко-римский мир. В начале I в. н. э. почитание Исиды наблюдается во всех восточных провинциях Римской империи, причем ведущую роль в распространении ее культа играет район Дуная, куда он проник еще в доримскую эпоху. Об этом свидетельствуют надписи на алтаре [16, с. 75] и изображения Исиды на монетах. Особенно же большого распространения поклонение Исиде приобрело в середине I в. н. э. [4, с. 90—93; 17, с. 17; 18, № 68].

Вопрос о появлении греко-римских культов в районе Северного Причерноморья возник в связи с находкой в Тире надписи, относящейся ко II в. до н. э. и опубликованной В. В. Латышевым. Речь в ней идет о приношении, совершенном сыном Кретина египетским божествам Серапису, Исиде, Гарпократу и Анубису [1, с. 55; 17, с. 58—59; 19; 20, с. 206]. Возможно, отправление культа египетских божеств существовало в Тире наряду с поклонением греческим божествам и было постоянным в более позднее время, чему не противоречит находка в городе посвятительного граффито на обломке краснолакового сосуда II—III вв. [21, с. 8]. К более позднему времени относится надпись из Ольвии, поставленная во время правления Александра Севера жителем города Аврелием Юлианом, сыном Александра, который построил «основания и посвятил отечеству храмы милостивым богам Серапису и Исиде, Асклепию и Игии и Посейдону с портиком, с черепичной работой, дверями и окнами» [1, с. 55; 15, с. 99; 19, с. 184; 22, с. 111; 23, с. 4].

С культом египетских божеств связаны также находки в Ольвии и Пантикапее терракотовых статуэток, изображающих богиню Исиду сидящей на троне и кормящей грудью Гора [22, с. 115], египетских подвесок с изображением Гора-Гарпократа, найденный в некрополе Горгиппии [24, с. 43], бронзового бюста Исиды высотой 9,1 см, найденного при раскопках Горгиппии в 1967 г. [12, с. 93] и датируемого первыми веками новой эры.

Храмы восточных богов были распространены или в городах и местностях, наиболее тесно связанных с ветеранами, военными и их лагерями, или в крупных торговых городах с их разноплеменными торговыми землячествами [13, с. 174].

Из сказанного видно, что проникновение египетских культов в Северное Причерноморье начинается во II в. до н. э. и достигает своего апогея к началу III в. н. э. Из круга городов Северного Причерноморья, почитавших Исиду, не выпадает и Херсонес, который в первые века новой эры являлся не только базой римских гарнизонов, в которых было много уроженцев восточных эллинизированных провинций, оккупировавших юго-западные районы Таврики [25, с. 7] и принесших новые культы и верования в религиозную жизнь города, но и крупным торговым центром в Таврике. В это время в Херсонесе наблюдается упадок государственных культов Афины, Аполлона, Геракла, Диониса, Гелиоса, Диоскуров и др., вызванный, по-видимому, кризисом полисной религии, охватившим весь античный мир. Его причины кроются в аристократизации государственного строя [26, с. 16], насаждении римских культов, и прежде всего культа императора. Не последнюю роль в этом процессе играли и частные культы, в которых наряду с греко-римскими божествами почитались восточные, в частности египетские, боги. Наиболее популярными были Серапис и Исида, появившиеся в Херсонесе скорее всего во время пребывания в нем римских легионов, т. е. в середине I в. н. э. [27, с. 58; 28, с. 39—45; 29, с. 109—110; 30, с. 23; 31, с. 124; 32, с. 26; 33, с. 280]. Имеющиеся археологические материалы не дают

возможности отнести появление египетских божеств к более раннему периоду времени как в Херсонесе, так и на Боспоре, где культ Исиды прослежен в нумизматическом материале I—II вв. н. э. В Херсонесе I—II вв. н. э. нет данных, говорящих о государственном отправлении культа Исиды и Сераписа, хотя отдельные находки свидетельствуют о наличии их культа в городе. Так, при раскопках в 1958 г. возле башни Зенона найден обломок свинцовой пластины округлой формы (зеркала) с изображением двух павлинов, стоящих друг против друга. Между ними помещено, по-видимому, дерево. Под изображением птиц имеется надпись *κΥΡΞiA/ΔωροN* — «дар владычице». А. М. Гилевич относит ее к Исиде исходя из слова *κΥΡΞιA*, употреблявшегося в качестве постоянного эпитета этой богини-целительницы [15, с. 98; 34, с. 54], хотя его часто употребляли и при обращении к Гере, выступавшей порой в качестве синкретизированной Геры-Исиды — владычицы подземного царства мертвых [26, с. 10; 35, с. 106]. С мнением А. М. Гилевич о принадлежности зеркала Исиде не согласен В. М. Зубарь [36, с. 150], который видит в нем просто подарок — «дар хозяйке дома». Согласиться с этим — значит упростить мировоззрение древних в вопросах религии, особенно в такой сложный переходный период, как первые века новой эры. Нет, сомнений, что зеркало принадлежало женщине, но оно могло нести и скрытый, т. е. двоякий, смысл: с одной стороны, это подарок хозяйке, с другой — почитательнице богини Исиды, культ которой был широко распространен среди женщин. Изображения на зеркалах павлина, пальмы, виноградной лозы не идут вразрез с представлениями о культе Исиды, поскольку они символизировали бессмертие, воскресение, что сооответствует мифу об Исиде и Осирисе, в честь которых устраивались осенние праздники.

Кроме упомянутой пластинки, которую мы тоже склонны относить к числу проявления культа Исиды, ее почитание в Херсонесе зафиксировано в надписях dipinti на одноручных горшочках [1, с. 61, 64, 65], на щитках привозных светильников [22, с. 116, рис. 8, 9], а также на так называемых «греко-египетских» инталиях II—III вв. н. э. [22, рис. 1, 3, 4, 6, 11; 37, с. 125, табл. IX, № 206].

Одноручные горшочки с надписями dipinti, упоминающими греко-египетских богов, найдены в Ольвии, Тире, на Боспоре, в Афинах и западнопонтийских городах [38, с. 130—133; 39, с. 126].

Интересно отметить, что надписи с именем Исиды в основном распространены в приморских городах, где ее почитали как покровительницу торговцев и моряков, тогда как в глубине территории роли Исиды в жизни моряков говорит тот факт, что из двух святилищ в Коринфе одно было посвящено Исиде Пелагийской (морской) [1, с. 75].

Религиозные представления древних жителей Средиземноморского и Северопонтийского бассейнов наделяли ее функциями различных богов, сводя их воедино в лице Исиды. В «Метаморфозах» Апулея сама Исида говорит о себе, что ее почитает вся Вселенная: у фракийцев она Пессинунтская мать богов, у аттических греков — Минерва Кепрокическая, у киприотов — Пафийская Венера, у критских стрелков — Диана Диктинская, у сицилийцев — Стигнийская Прозерпина, у элевсинцев — Церера [6, XI, 5]. Одно только перечисление ипостасей указывает на значение ее культа как матери природы, госпожи всех стихий, владычицы душ умерших, первой среди небожителей [6, XI, 3], олицетворявшей жизненное начало, являвшейся богиней плодородия [40, с. 58]. Поэтому в период распространения восточных и египетских культов в Риме она заняла там одно из ведущих мест, отождествляясь с Деметрой, Афродитой, Тюхе, достигнув затем самых отдаленных уголков империи, к которым относился и Херсонес. Недаром в греко-римский период Исиду называли «та, у которой тысяча имен». Был ли ее культ в Херсонесе государственным или же оставался частным? Этот вопрос пока остается открытым из-за недостаточного количества нужных для его решения материалов. Пока, как мы считаем, больше оснований отнести его к частному культу какой-то группы херсонесских жителей: солдат римского гарнизона или торговцев, быть может, отдельных граждан города, одному из которых и могла

принадлежать бронзовая статуэтка богини Исиды. Несомненно одно: ее почитателями в то время могли быть не только уроженцы Востока, но и представители многих общественных слоев, о чем свидетельствует, например, надпись 188 г. н. э. из Паннонии, где, как и в Херсонесе, в этот период наблюдается довольно пестрая социальная и этническая картина [16, с. 75—76], способствовавшая появлению новых божеств, более отвечавших интересам его жителей.

Таким образом, можно сказать, что уже во II в. до н. э. в городах Северного Причерноморья появляются первые почитатели культа египетских божеств Сераписа и Исиды. Их более позднее проникновение в Херсонес можно отнести за счет устойчивости традиционных религиозных представлений его жителей, о которых Плиний Старший сказал, что они «особым блеском среди прочих городов... сохранили греческие обычаи». Экономические и политические связи Херсонеса первых веков нашей эры с западно- и южнопонтийскими городами, а также проживание в нем рабов и вольноотпущенников, выходцев из дунайских и восточных провинций Римской империи не могли не способствовать появлению новых религиозных, в том числе и египетских, культов, одним из которых и был культ Исиды, пути проникновения которого идут, вероятно, через Западный Понт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Соломоник Э. И.* Из истории религиозной жизни в Северопонтийских городах позднеантичного времени//ВДИ. 1973. № 1.
2. *Чубова А. П., Касперавичюс М. М., Саверкина И. И., Сидорова Н. А.* Искусство восточного Средиземноморья I—IV веков. М: Искусство, 1985.
3. *Геродот.* История/Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972.
4. *Тачева-Хитова М.* История на източните и култове в долина Мизия и Тракия V в. пр. н. э. София: Наука и искусство, 1982.
5. *Кинжалов Р. В.* Эрмитажная статуэтка Исиды-Фортуны//ТГЭ. 1958. Вып. II.
6. *Апулей.* Метаморфозы/Пер. М. К. Кузмина, С. П. Маркиша. М.: Изд. АН СССР, 1956.
7. *Плутарх.* Моралии/Пер. Н. Н. Трухиной//ВДИ. 1977. № 3.
8. *Плутарх.* Моралии/Пер. Н. Н. Трухиной//ВДИ. 1977. № 4.
9. *Павсаний.* Описание Эллады. Перевод Г. Янчевецкого. СПб, 1887—1889.
10. Mattingly Coins of the Roman Empire in the British Museum. 1950.
11. *Донини Амброджо.* У истоков христианства. М.: Политиздат, 1979.
12. *Кругликова И. Т.* Бронзовый бюст Исиды из Горгипии//КСИА. 1971. № 128.
13. *Штаерман Е. М.* От религии общины к мировой религии//Культура древнего Рима. Т. 1. М: Наука, 1985.
14. *Златковская Т. Д.* Мезия в I—II веках нашей эры. М, 1951.
15. *Лурье С. Я.* К вопросу о происхождении культа христианских целителей//ВДИ. 1960. № 2.
16. *Колосовская Ю. К.* Коллегия почитателей Исиды из Паннонии.//История и культура античного мира. М: Наука, 1977.
17. *Латышев В. В.* Древности южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1889—1991 гг.//МАР. 1892. № 9.
18. *Мушмов Н.* Античные монети на Балканские п-ов. София, 1912.
19. *Latyschev V.* Insoriptions antiquae, graecae et latinae orae septenrionalis Ponti Euxini. I^2, 5.
20. *Шургая И. Г.* О греко-египетском культе в Северо-западном Причерноморье//История и культура античного мира. М, 1977.
21. *Avokian Ar.* Stiri nona din Jiras. Cronica Archeologica. 1927.
22. *Кобылина М. М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века нашей эры. М: Наука, 1978.
23. *Русяева А. С.* О культурной жизни Ольвии послеготского периода//Античная культура Северного Причерноморья в первые века н. э. Киев, 1986.
24. *Алексеева Е. М.* Культы Горгипии//СА. 1986. № 4.
25. *Ростовцев М. И.* Военная оккупация Ольвии римлянами//ИАК. 1915. Вып. 58.
26. *Мещеряков В. Ф.* Религия и культы Херсонеса Таврического в I—IV вв. н. э.: Автореф. дис. канд. ист. наук 07.00.03. М., 1980.
27. *Сапрыкин С. Ю.* Черепицы с клеймами римского легиона из усадьбы хоры Херсонеса//КСИА. 1981. № 168.
28. *Борисова В. В.* Черепица с клеймами римских легионов//Сообщ. Херсонесского музея. 1961. Вып. II.
29. *Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. Л., 1948.
30. *Гриневич К. Э.* Раскопки в Херсонесе в 1927—1928 гг.//Крым. 1929. № 1, 9.
31. *Иванова А. П., Чубова А. П., Колесникова Л. Г.* Античная скульптура Херсонеса. Киев: Мистецтво, 1976.

32. *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в первые века н. э. Харьков. Вища школа, 1981.
33. *Блаватский В. Д.* Харакс//МИА. 1951. № 19.
34. *Гилевич А. М.* Могила с двумя подбоями//Сообщ. Херсонского музея. 1961. Вып. II.
35. *Cumont F.* Die orientalischen Religien in Romischen Heidentum. Leipzig; Berlin, 1990.
36. *Зубарь В. М.* О свинцовых зеркалах из некрополя Херсонеса//Проблемы античной культуры. М., 1986.
37. *Захаров А. П.* Геммы и античные перстни ГИМа//Труды СА РАНИОН. Т. III. М., 1928.
38. *Фурманська А. І.* Розкопкі Тири в 1958 р.//Археологічні памъятки УРСР. Т. XI. Киев: Видавництво Академії наук УРСР. 1962.
39. *Мещеряков В. Ф.* О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом//Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1978.
40. *Ревиль Ж.* Религия в Риме при Северах. М., 1898.

Херсонесский историко-археологический заповедник, Севастополь

S. G. RYZHOV

A BRONZE FIGURINE OF ISIS FROM KHERSONES

Summary

The article is devoted to the problem of emergance and spreading in the North Pontic area the Egyptian deity of Isis. An attempt is made to establish the date and to trace the routes by which it reached the cities of this area. In the 2nd century A. D. the cult of Isis flourished in the cities of the West Pontic territory, such as Kallatis, Martianopolis, Odessos, Nikopolis, Thomi, but in Khersones this cult was not a state but a private one. It was practiced in the limited circles of urban population, probably of eastern Roman origin.

Заметки

Е. В. БЕЛЯЕВА, Г. М. ЛЕВКОВСКАЯ, В. М. ХАРИТОНОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О МУСТЬЕРСКИХ ОБИТАТЕЛЯХ ГУБСКОГО УЩЕЛЬЯ (ПРИКУБАНЬЕ)

В последние годы (1987—1990) возобновлены исследования мустьерской стоянки в Монашеской (Губской) пещере, открытой П. У. Аутлевым еще в 1961 г. [1; 2] и раскапывавшейся позднее в 1962—1963 и 1975—1976 гг. Пещера расположена в лесистых предгорьях северного склона Скалистого хребта, в ущелье р. Губс, в 9 км от ст. Баракаевской (Мостовской р-н, Краснодарский край). В убежище, представляющем собой сочетание небольшого грота и обширного сухого навеса, установлены и описаны три плейстоценовых слоя с однокультурным мустьерским инвентарем и обилием костей в виде «кухонных отбросов» [1—3]. Возвращение к этому известному памятнику преследовало цель более полного использования его информативного потенциала. Новые работы ориентированы на выяснение характера развития кремневой индустрии на фоне динамики природной среды, что предполагает комплексность исследований и особую тщательность анализа всех материалов. Такой подход уже доказал свою результативность при раскопках другого памятника Губского ущелья — Баракаевской пещерной стоянки, расположенной в 4 км выше по течению. Именно в Баракаевской в 1979 г. были впервые получены антропологические свидетельства о физическом облике обитателей ущелья в эпоху мустье (челюсть 2—3-летнего неандертальского ребенка и 10 разрозненных зубов) [4].

Возобновление раскопок Монашеской в 1987 г. принесло новую удачу — в низах верхнего мустьерского слоя 2 были найдены человеческие останки: 2 кистевые фаланги, обломки ребер и позвонков, зубы — 2 целых и 11 обломков, а также мелкие фрагменты плоских и трубчатых костей. Все они залегали компактно в виде скопления размерами 30×20 см. Ориентация скопления — северо-запад — юго-восток, глубина залегания костей растет в западном направлении (в согласии с падением слоя 2), перепад отметок составляет 23 см. Наблюдаемое провисание слоя 2 (рис. 1), а также резкий подъем его к северу от скопления наводят на мысль о возможной могильной яме, хотя каких-либо иных указаний на нее обнаружить не удалось. Ни доказать, ни опровергнуть данное предположение в подобной ситуации невозможно: источенность отложений кротовинами и близкие литологические характеристики всех мустьерских уровней (рыхлые супеси светлых тонов, насыщенные щебнем и известняковой крошкой) не позволяют, видимо, надеяться на уверенную фиксацию вероятных плейстоценовых перекопов. Наличие кротовин и двух крупных голоценовых врезов (один из них виден на разрезе С—Т — рис. 1) в непосредственной близости от человеческих останков вначале вызвало сомнение в их стратиграфической позиции, однако расчистка показала несомненную приуроченность всех этих костей к слою 2, явно отличному от поздних врезов и кротовин по плотности и окраске заполнителя.

© Е. В. Беляева, Г. М. Левковская, В. М. Харитонов, 1992 г.

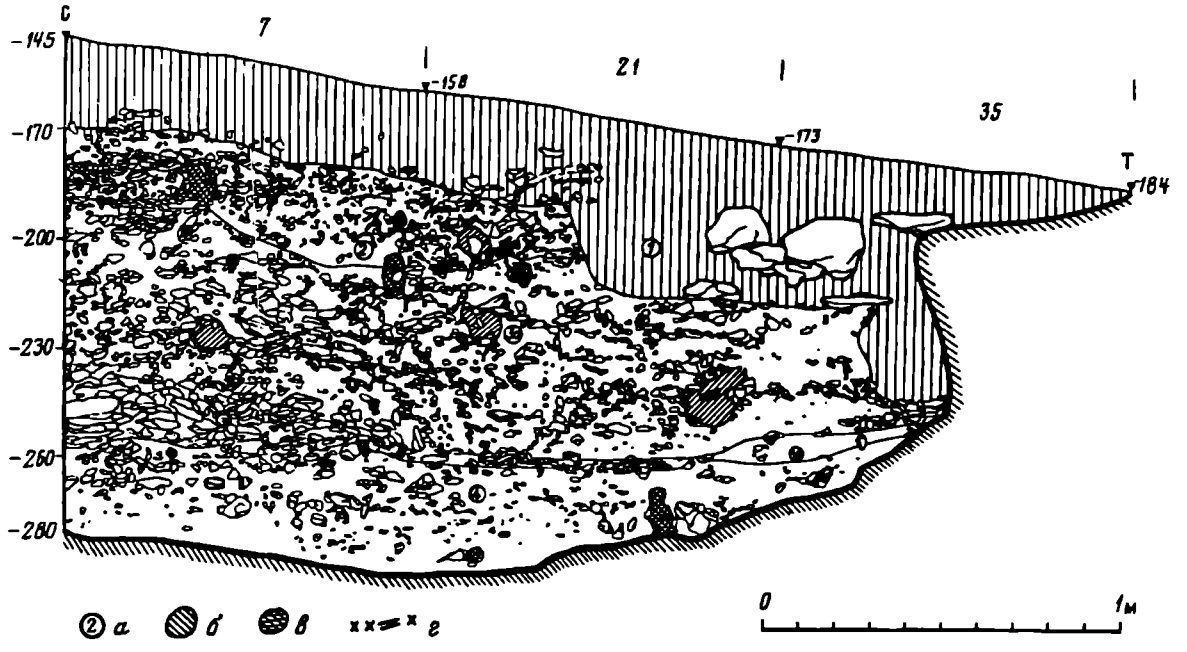


Рис. 1. Монашеская пещера. Поперечный разрез отложений С—Т с указанием места находки человеческих остатков. Вид с юга. *а* — номера слоев, *б* — древние кротовины, *в* — поздние кротовины, *г* — человеческие остатки

Характерная для Монашеской исключительно плохая сохранность костей, к сожалению, наблюдалась и в данном случае. Пригодными для дальнейшего определения оказались лишь два целых зуба, найденных в центральной части скопления. Обнаруженные зубы можно определить как верхние второй и третий (?) моляры. Зубы, видимо, принадлежат правой и левой сторонам — более уверенное определение затруднено вследствие чрезвычайной стертости коронок и неполной сохранности корней. Зубы невелики, очертания их коронок овальные. Тонкий одонтоглифический анализ невозможен из-за стертости бугорков. Оба корня одного из моляров и два из трех корней другого моляра срослись на бо́льшем участке их протяженности, что можно считать архаичной особенностью. В связи с этим необходимо отметить также большую толщину эмали. Но самой замечательной особенностью является тип стирания (на одну сторону у обоих зубов) и чрезвычайно сильная степень его, что характеризует ископаемых гоминид ранних стадий. Таким образом, можно предположить, что зубы принадлежат палеоантропу.

Слой 2, к которому приурочены человеческие кости, исключительно богат фаунистическими остатками (главным образом неопределимые обломки) и расщепленным кремнем. Обилие органики и золы местами придает палево-серой супеси буроватый или лиловатый оттенок. Наиболее высок в этом слое и показатель наличия белка. Не считая мельчайших чешуек и обломков, коллекция слоя 2 составляет на сегодняшний день 4289 предметов, 210 (4,9%) из которых отнесено к орудиям, 89 (2,1%) — к нуклеусам и нуклевидным. Преимущественно использовался местный черно-смолистый кремень, хотя для орудий, особенно лучших, нередко брался более качественный цветной, приносимый со стороны, возможно с низовьев Губса. Судя по нуклеусам и спинкам сколов, здесь абсолютно преобладает одноплощадочное скалывание, но пластинчатые заготовки составляют менее 19%. Размеры сколов-заготовок редко превышают 5 см (вероятно в силу небольшой величины конкреций местного кремня), однако среди орудий из цветного сырья встречаются и изделия длиной 6—8 см.

В наборе орудий (рис. 2) ведущую роль играют скребла (от 30 до 40%, если учесть обломки), прежде всего простые боковые, в меньшей степени — двойные, а также конвергентные, угловатые и поперечные. Необходимо отметить наличие

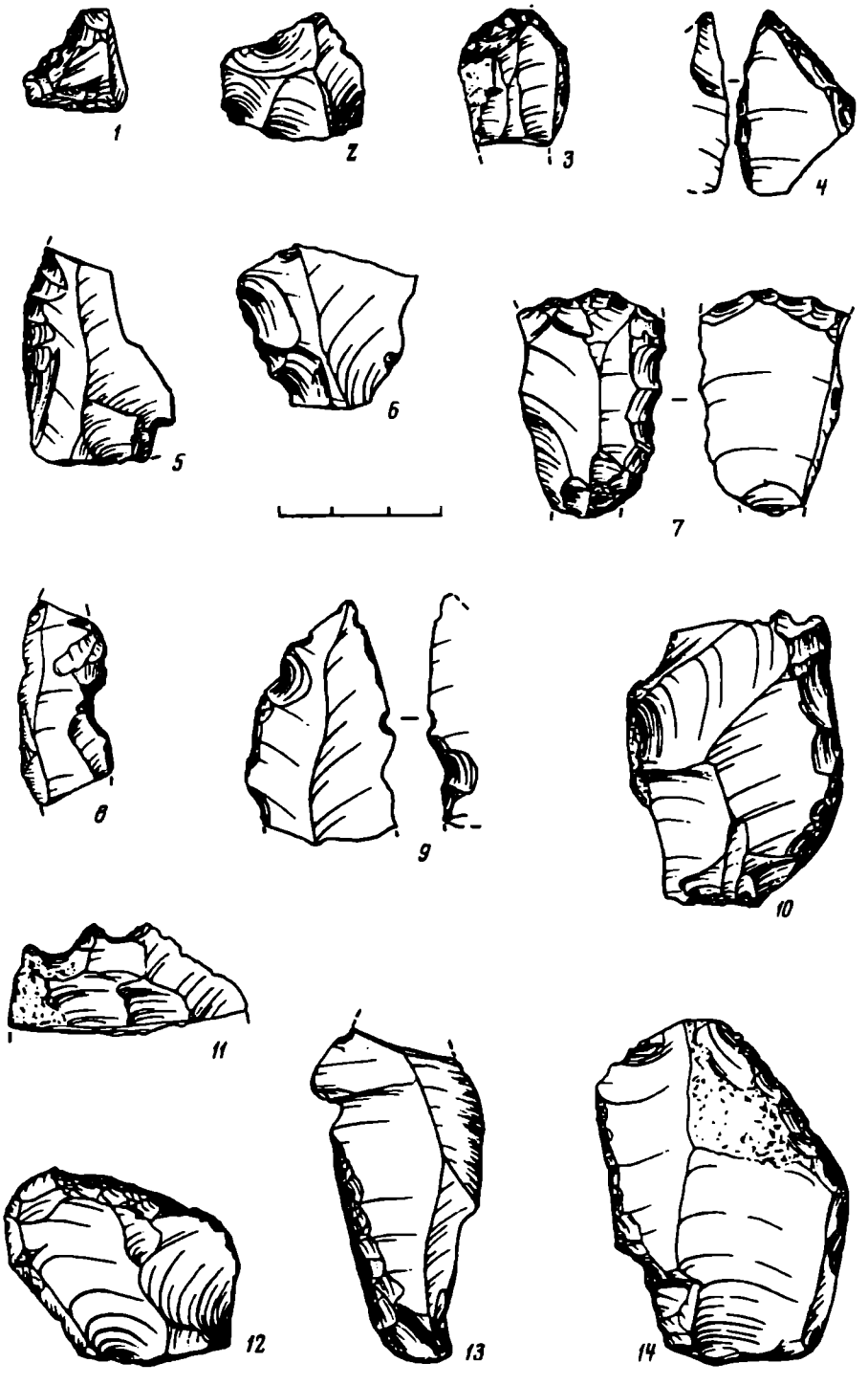


Рис. 2. Монашеская пещера. Образцы орудий из слоя 2. *1, 2, 8* — выемчатые орудия; *3* — скребок; *4* — угловатое скребло; *5, 7, 10, 13* — простые боковые скребла; *6, 11* — зубчатые орудия; *9* — комбинированное орудие; *12* — поперечное скребло; *14* — двойное боковое скребло

примерно у половины простых боковых скребел обушков (натуральных или обломков), а также разнообразие типов лезвий всех скребел — по степени выпуклости, углу заострения, характеру ретуши и следам утилизации. Предваряя дальнейшие исследования, уже сейчас можно говорить о различных способах оформления (каменные и костяные ретушеры) и пестроте функционального использования орудий этих типов. Из типично мустьерских изделий присутствуют также 6 остроконечников (все — обломки), плоский атипичный лимас и 3 (?) ножа. Наряду с этим привлекает внимание наличие скребков верхнепалеолити-

ческого облика (9 экз.), проколок (5) и углового резца. Заметное место занимают зубчатые (11%) и выемчатые (14%) изделия, что связано, вероятно, с активной обработкой дерева, отмеченной впервые еще по материалам шурфа [5, с. 57].

С уровня, на котором залегали человеческие останки, были взяты два образца для спорово-пыльцевого анализа. В общем составе спектров в них доминирует пыльца травяно-кустарничковых растений — 84,6%, древесные породы составляют 14,3%, споры — 1,1%. Среди древесных господствует пыльца ольхи, определены береза, орешник, вяз, бирючина. Травянистые представлены пыльцой осок — 19,8%, лебедовых — 16,8%, подорожника — 14,3%. Встречаются лилейные — 8,8%, злаки — 4,4%, эфедра или хвойник, а также бобовые, капустные, астровые. В настоящее время пещера расположена в нижней части пояса густых широколиственных лесов с экзотами. Район сейчас полностью облесен. В тот период времени облесенность была меньше, нежели теперь. В лесах доминировала ольха. Ольшанники с примесью березы, орешника, вяза тяготели, по-видимому, к долине реки. В окрестностях пещеры ценозы были образованы травянистыми растениями, растущими на засоленных грунтах (виды осок, лебедовых, подорожник) или на участках с неразвитым из-за природных процессов или нарушенным в результате антропогенного воздействия почвенным и растительным покровом (лебедовые, эфедра, капустные и др.). Палинологические данные говорят о значительном антропогенном воздействии древнего человека на природное окружение: в поле зрения микроскопа обнаружена масса углистых частиц, эпидермисов, часть из которых обожжена, а в составе спектров доминирует пыльца эрозиофилов или рудеральных сорняков.

Человек, останки которого найдены в Монашеской, жил, очевидно, в более прохладном и сухом климате, нежели современный, и в условиях остепненных ландшафтов [3, с. 148]. Обилие и состав археологических и фаунистических остатков, характер околопещерной растительности указывают на интенсивность обитания в пещере в этот период и на функционирование ее в качестве стоянки-мастерской [3, с. 148]. Еще раз подтверждается, что носителями мустьерской культуры являлись неандертальцы. В то же время в типично мустьерском орудийном наборе Монашеской присутствует ряд орудий и черт, говорящих об относительно позднем возрасте этой индустрии в рамках мустье [1, с. 176; 2, с. 418; 3, с. 173]. Трасологический анализ инвентаря ранее показал, что непосредственно на стоянке обитатели ее помимо изготовления орудий и разделки добычи широко занимались также обработкой дерева и шкур [5, с. 57]. Можно предположить, что необычайно сильное стирание коронок у мустьерца из Монашеской связано не только с характером пищи, но и с одним из простейших способов выделки шкур — удалением мездры зубами [6, с. 157]. Третий случай обнаружения останков палеолитических людей в Губском ущелье (в 1975 г. была сделана еще находка кроманьонца в гроте Сатанай) свидетельствует о потенциальной возможности новых антропологических открытий в этом районе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аутлев П. У.* Губская палеолитическая стоянка//СА. 1964. № 4.
2. *Аутлев П. У.* Раннепалеолитические местонахождения бассейна р. Лабы//Уч. зап. Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Т. XI. Майкоп, 1970.
3. *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л.: Наука, 1977.
4. *Любин В. П., Аутлев П. У., Зубов А. А., Романова Г. П., Харитонов В. М.* Открытие скелетных останков палеоантропа на Баракаевской стоянке (Западный Кавказ)//ВА. 1986. Вып. 77.
5. *Щелинский В. Е.* Трасологическое изучение функций каменных орудий Губской мустьерской стоянки в Прикубанье//КСИА. 1975. Вып. 141.
6. *Семенов С. А.* Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968.

Институт истории материальной
культуры РАН, Санкт-Петербург

А. Р. АРТЕМЬЕВ, П. Г. ГАЙДУКОВ

ЛУК XIII В. ИЗ НОВГОРОДА

В августе 1990 г. при работах на Троицком X раскопе был обнаружен целый охотничий лук. Находка залегала на уровне пятого пласта, на глубине—80—85 см, в квадрате 1098. Лук находился рядом с внешней стороной бревна восточной стены сруба № 86, который относится к 15-му строительному ярусу. Для этого яруса пока не получены точные дендрохронологические даты, однако предварительно его можно датировать второй четвертью XIII в.

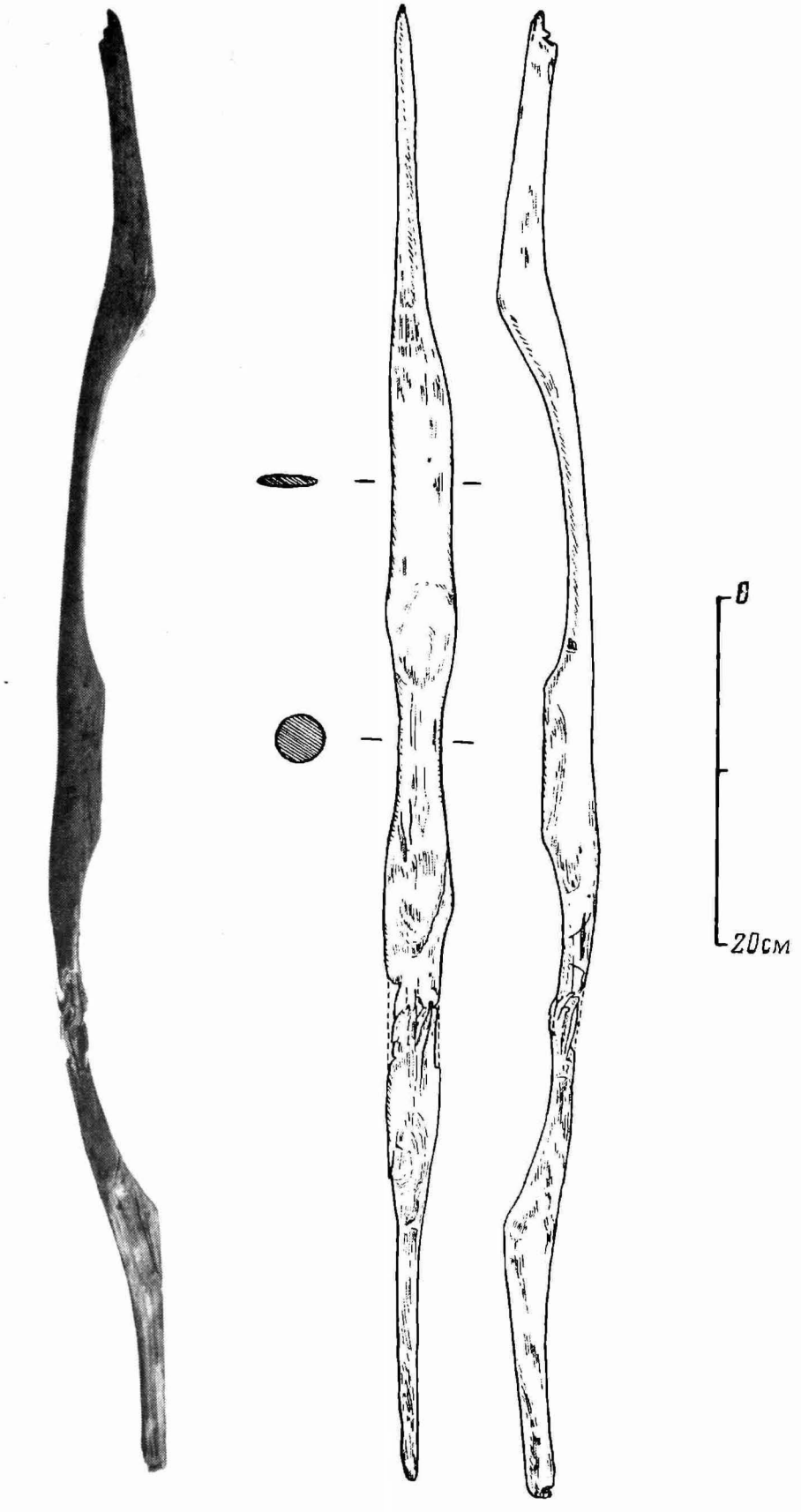
Лук залегал в плотном темно-коричневом гумусированном слое с большим количеством навоза. Он почти прилегал к стене сруба и был ориентирован вдоль нее. Вероятно, изделие было припрятано у сруба или просто случайно утеряно владельцем, так как иначе объяснить находку целого лука в культурном слое затруднительно.

Найденный в Новгороде экземпляр является первым и пока единственным в древнерусских материалах образцом простого рефлексирующего лука (рисунок). Он изготовлен из цельного куска молодого дуба и имеет длину 87 см. Диаметр центральной круглой части кибити лука (перехват) 2,7 см. Плечи кибити уплощены до толщины 0,7 см, при ширине 3,7 см. Рога лука (концы) имеют сечение в виде равнобедренного треугольника со сторонами 3—1,5—3 см. Очевидно, что по внешнему облику этот лук является не чем иным, как уменьшенной копией боевого сложносоставного лука. Напомним, однако, что реконструировавший древнерусский сложносоставной лук А. Ф. Медведев не имел в своем распоряжении ни одного целого экземпляра, а только их обломки [1, с. 10—12, табл. 1, *1—7*; 2, с. 312, 313, табл. 132, *1—7*]. Ввиду этого целая копия сложного лука существенно расширяет наши представления об этом виде средневекового оружия русских воинов.

Наибольший интерес в облике рассматриваемого образца представляет то обстоятельство, что он рефлексирующий, т. е. предварительно напряженный, благодаря небольшой изогнутости рогов лука в противоположную, чем при надетой тетиве, сторону. Нет нужды объяснять, что мощность рефлексирующего лука значительно превышала ее у обычного, не имеющего предварительного напряжения. В связи с этим вызывает удивление тот факт, что на обобщенной реконструкции А. Ф. Медведева древнерусский сложносоставной лук отнюдь не рефлексирующий. Как известно, основой для реконструкций исследователя послужили находки обломков трех древнерусских луков из Новгорода и их изображения на миниатюрах, фресках и памятниках прикладного искусства древнерусского времени. Однако ни у одного из обнаруженных в культурных напластованиях Новгорода обломков не сохранилось концов лука, к которым крепилась тетива, а изогнутость найденных плеч была слишком невелика, чтобы определить ее иначе как изгиб, образовавшийся у сложных луков под постоянным воздействием силы сокращения сухожильных нитей, наклеивавшихся вдоль спинки лука [1, с. 11; 3, с. 143]. В действительности процесс придания рефлексии сложносоставному луку был значительно более сложным и трудоемким, что достоверно устанавливается по более поздним, но целиком сохранившимся турецким и монгольским экземплярам [4, с. 59, 60, рис. 5; 5, с. 151—154; 6]. О правомерности таких аналогий свидетельствуют иностранные авторы, отметившие в XVI в., что русские луки похожи на турецкие [7, с. 67].

Что же касается древнерусских изображений луков, то все они представлены в натянутом состоянии [1, рис. 1], делающим обнаружение их предварительного натяжения почти невозможным. Впрочем, в двух случаях на рисунках, приведенных А. Ф. Медведевым, на миниатюре Изборника Святослава 1073 г. и на каменном грузиле конца XI — начала XII в. из Новгорода [1, рис. *1, 4, 5*] стрелки вооружены несомненно рефлексирующими луками.

© А. Р. Артемьев, П. Г. Гайдуков, 1992 г.



Лук XIII в. из Новгорода. Фото и рисунок

Степень изогнутости рогов на рассматриваемой нами копии сложносоставного лука невелика, но даже у нее она превышает рефлексирующие возможности древнерусского лука, каким его реконструировал А. Ф. Медведев [1, табл. 1, *4*; 2, табл. 132, *4*]. Более того, при такой, как у него, слабой степени предварительного натяжения терялся практически весь смысл изготовления сложносоставных луков. Все это наводит на мысль о том, что степень рефлексии древнерусских луков была несомненно более значительной и имеющаяся реконструкция нуждается в серьезной доработке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII—XIV вв.//САИ. 1966. Вып. Е1-36.
2. *Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф.* Вооружение//Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР. М.: Наука, 1985.
3. *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого//МИА. 1959. № 65.
4. *Литвинский Б. А.* Сложносоставной лук в древней Средней Азии (к проблеме эволюции лука на Востоке)//СА. 1966. № 4.
5. *Ермолов Л. Б.* Сложносоставной монгольский лук//Корейские и монгольские коллекции в собрании МАЭ. Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XI. Л.: Наука, 1987.
6. *Артемьев А. Р.* Лук князя Гантимура//Вестн. ДВО АН СССР. 1990. № 5.
7. *Флетчер.* О государстве русском. СПб., 1906.

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

Институт археологии
РАН, Москва

История науки

В. А. БЕРДИНСКИХ

АРХЕОЛОГИЯ И КЛАДОИСКАТЕЛЬСТВО В ВЯТСКОМ КРАЕ XIX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЯТСКОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА)

Во второй половине XIX в. археологическая наука в России окончательно складывается как самостоятельная область знания со своей особой методикой и задачами. Но археологические учреждения существовали только в столицах (Москве и Петербурге) — это императорская Археологическая комиссия в Петербурге, Московское и Русское археологические общества. Слабая, то и дело обрывающаяся ниточка связывала их в то время с губерниями России. И эта ниточка шла через губернские статистические комитеты.

Главным правительственным учреждением в этой области была Археологическая комиссия (основана в 1859 г.), входившая в Министерство двора и помещавшаяся в Эрмитаже. Еще циркуляр от 27 апреля 1863 г. из Министерства внутренних дел рекомендовал губернским статистическим комитетам оказывать содействие Археологической комиссии в собирании сведений об отечественных древностях: «При незначительном составе Археологической комиссии, члены которой заняты главнейшим образом производством археологических раскопок и описанием открываемых вещей, и при равнодушии общества к археологическим исследованиям и памятникам нашей древности собирание обстоятельных и правильных сведений о них становится почти невозможным без содействия других правительственных учреждений» [1, л. 1]. Статистические комитеты, по мысли С. Г. Строганова, инициатора данного циркуляра и основателя Археологической комиссии, должны собирать материалы для составления полной археологической карты России, обратить внимание общества на сохранение и исследование памятников старины, содействовать образованию местных археологических комиссий.

Этот план надолго остался благим пожеланием, хотя к нему была приложена программа археологических исследований для статистических комитетов и книги по обозрению русских древностей. При отсутствии знающих и хоть немного подготовленных в археологическом отношении людей вести археологические раскопки в губернии было просто некому. Раскопки в 1859 г. Ананьинского могильника начальником Вятской удельной конторы, замечательным русским просветителем П. В. Алабиным, масштабные исследования в 1880-е годы археологических памятников губернии учителем вятской гимназии, а впоследствии выдающимся археологом А. А. Спицыным культурной традиции не создали.

Прочная и постоянная связь с Археологической комиссией Вятского статистического комитета устанавливается к 80-м годам XIX в. лишь по одной линии — случайным находкам древностей. Каменные копья, топоры и наконечники стрел, серебряные гривны и клады монет, костяные и медные изделия широким потоком

© В. А. Бердинских, 1992 г.

сдаются крестьянами местным исправникам с заявлением, что они хотели бы получить за свою находку деньгами. Последними пересылаются в Вятский статистический комитет, а оттуда в Археологическую комиссию, откуда и приходит вознаграждение, чаще всего небольшое (3—5 рублей). Если находка серебряная, то выплачивается стоимость серебра по весу плюс 30% вознаграждения.

В богатой археологическими памятниками Вятской губернии раскопки их становятся для многих крестьян своеобразным промыслом. Во многих деревнях появляются по одному-два знатока и любителя такого рода занятий. Обратим внимание на начало формирования этой традиции — 60-е годы XIX в. До той поры предания, суеверия, отсутствие драгоценностей удерживали в значительной мере крестьян от раскопок курганов и могильников.

П. В. Алабин, находясь в 1858 г. в д. Ананьино, отмечал: «Камский разлив, ежегодно все более и более подмывая маститый холм, производит в нем обвалы, на месте которых жители часто находили старинные медные и железные вещи, полусъеденные временем. К счастию, вероятно по незначительной ценности металла этих находок, жители не придавали им большого значения и потому не пытались производить значительных разрытий в кургане, хотя на поверхности его и видно несколько небольших ям, оставшихся следами корыстолюбия кладоискателей» [2, с. 180]. В отношении к этому памятнику крестьян преобладал прагматизм. «На вершине кургана,— продолжал П. В. Алабин,— некогда были большие камни, по уверению некоторых елабужских жителей, с какими-то непонятными надписями или знаками. Эти камни, к сожалению, сделались жертвами невежества одного елабужского мещанина, живущего еще и в настоящее время, который 25 лет назад, пленясь их огромностью, увез их в свою баню и употребил на каменку, где время и частое каление уничтожили совершенно эти памятники, драгоценные, быть может, для науки» [2, с. 180]. Речь, вероятно, идет об антропоморфных стелах.

Раскопки данного памятника в 60—70-е годы вызвали интерес окрестных крестьян, которые, пользуясь проложенными траншеями, стали рыть его в разных местах с целью найти вещи для продажи. Ученые, посещавшие Ананьино и Елабугу в 70—90-е годы (И. К. Аспелин, А. А. Спицын), покупали у местных крестьян целые коллекции предметов из могильника, состоявшие из нескольких сот наименований. Раскопки могильника стали для некоторых местных жителей прибыльным ремеслом. На Ярославльский археологический съезд была прислана целая коллекция вещей из могильника, приобретенная местным учителем В. И. Рязанцевым. «Несмотря на раскопки многих лиц, Ананьинский могильник оставался неистощимым»,— радостно сообщалось в «Памятной книжке Вятской губернии на 1905 год» [3, с. 137]. Там говорилось также, что в 80-е годы часть предметов из Ананьинского могильника была скуплена каким-то казанским агентом для заграничных музеев. В 1895 г. французский археолог барон Ж. де Бай увез во Францию целую коллекцию купленных им вещей из могильника: «скрепков, урн, стрел, оружия и украшений» [3, с. 142]. Окрестным крестьянам, сделавшим в 70—90-е годы из продажи предметов могильника статью постоянного дохода, в определенном смысле слова повезло — рядом с ними находился такой крупный и интересный памятник, имеющий всероссийское значение. Но в данном случае это не собственно поиски кладов.

Одним из первых кладов, посланных в Археологическую комиссию (1864 г.), стал клад серебряных монет, найденный крестьянским мальчиком Савватием Бердинских (с. Лекма Слободского уезда). Местный священник И. Г. Кибардин, действительный член Вятского статистического комитета (через которого находка и была выслана в Вятку), оставил нам любопытное описание этого случая [4]. Для нас интересны психологические мотивы поступков действующих лиц в этой истории.

Крестьянский мальчик, сирота Савватий Бердинских, пахал в мае 1863 г. свою полоску земли в полутора верстах от села, близ дороги. Работали они вдвоем с мачехой. Рядом с его полоской, вблизи тракта, росла огромная сосна. Соха была подростку еще не под силу, и при повороте он, съехав в сторону к

сосне, задел непаханное прежде место. Соха разрезала и выкинула на поверхность клубок бересты. Мальчик, ничего не заметив, стал боронить — и тут-то по полосе рассыпались мелкие серебряные деньги. Как громом пораженный, пахарь остановился в замешательстве, не зная что делать — объявить о находке или воспользоваться одному. Вначале рассказал своей мачехе. Монеты были XVII в., более 300 штук, в основном чеканки царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Цены этим деньгам новые владельцы не знали, открыть другим страшились, «чтоб головы своей от воров не потерять — воровства в то лето в приходе было много»,— заметил И. Г. Кибардин [4, л. 51]. Мачеха, не долго думая, кинулась со своим секретом к какому-то богатому родственнику в другую волость, чтоб дома не разнеслось. Но богатый нашел свою выгоду в ее затруднении — дал ей два целковых за 100 монет. Савватий, пораженный малостью суммы, открылся односельчанам. Толков пошло много. Заключение крестьян было таково: не наобум старики говорили, что эта сосна заветна — клад хранит. Это и сбылось. На Савватия стали смотреть как на особенного счастливца. Но он и с кладом остался нищим горемыкой, каким был раньше. Мачеха, похоронив своих детей, ушла на житье в город. Савватий остался один с младшим братом и сестрой, без хлеба. Вот тогда-то и пришел он посоветоваться к священнику своего прихода Ивану Кибардину, принеся ему на сохранение свою долю клада (197 монет). Священник как член статистического комитета знал положение Археологической комиссии «О вознаграждении находчика клада и всех древностей до 1700 года» и убедил мальчика известить по начальству о нахождении клада. В 1864 г. клад был переслан в Археологическую комиссию, а мальчик получил оттуда небольшое вознаграждение. Для начала 60-х годов этот случай довольно редок (дело тянется год). Но уже в 80—90-е годы все идет, как на конвейере. Крестьянин сдает находку (гривну, каменный топор, чашу, клад и т. д.) в присутствии волостного старшины исправнику. Подписывает заявление, что желал бы получить за находку деньгами (чаще всего ставит крестик по неграмотности). Исправник отправляет все это в Вятку, в статистический комитет. Оттуда находка направляется в Археологическую комиссию. Через некоторое время (два-три месяца) крестьянину приходит вознаграждение с изъятием почтовых расходов.

Случай с Савватием Бердинских интересен еще и тем, что он обнажил существование тогда в крестьянской среде суеверия. И. Г. Кибардин писал в 1863 году: «Старые легенды запрещали мужикам рубить это дерево (сосну, под которой найден клад.— *В. Б.*) под страхом несчастья. Вблизи его и не пахали даже, боялись. Там, где завет — завещание,— тут и клад есть. Крестьяне говорят: старики без завета в клад деньги не клали, и так сильны были прежде люди чарованиями, что без караулу дьявольщины кладов своих не оставляли. Ключ к этому замку тому, кто счастливым назначен. И когда придут для клада назначенные часы, тогда он сам счастливцу покажется. Зарок: если кто до урока начнет клад искать — да ключа к завету не знает, тот пожалуй и головой поплатится» [4, л. 51].

Впрочем, желающие найти клад крестьяне в ночь на Ивана Купала и в этом селе, и в соседних деревнях рылись под «заветными деревьями», в тех местах, о которых давно шла молва, что там спрятан клад. Опасались они только того в здешних местах, «кто страшным кажется на заветных деревьях в белом балахоне и больших сапогах. Существовало здесь поверье (среди мужиков), что клад погубит, он только на вино и дается, а на прочие нужды нельзя его держать, а то сам захвораешь или кто умрет в семье».

В 80—90-е годы при нацеленном отыскании крестьянами находок для Археологической комиссии такие воззрения отмирали. Крестьяне практично видели в находке лишь возможность заработать деньги для поправки своего хозяйства. В 1892 г. в Археологическую комиссию через Вятский статкомитет было переслано 15 крупных находок. В их числе: клад серебряных монет XVI в. (около 1 тыс. экз.), серебряная чаша VIII—X вв., за которую комиссия выслала находчику 100 рублей. Столь щедрое вознаграждение «дано для устранения крестьянами утайки в будущем». Имея в те годы 100 рублей, крестьянин-бедняк мог стать

зажиточным и крепким хозяином. Гривны, кольца, каменный топор, скелет «доисторического животного» — все это входило в состав находок года, хотя оплачивалось гораздо скуднее (от 1 до 10 рублей) [5]. Однако редкие крупные вознаграждения за уникальные находки (слухи о которых распространялись мгновенно) привели в некоторых местах к настоящей лихорадке кладоискательства среди крестьян. Многие курганы, могильники погибли под их лопатами. Нацеленность Археологической комиссии на находки сокровищ (в основном произведений восточного искусства) отрицательно сказалась в местных условиях.

Любопытна в этом отношении экстраординарная находка 1887 г. 14 сентября крестьянин-удмурт д. Чуринской Ключевской волости Глазовского уезда Терентий Короваев, расчищая свое поле от пней в версте от селения, нашел два серебряных блюда с фигурными изображениями большой художественной ценности. Находка сразу же вызвала ажиотаж, и не только в местном обществе. Когда она еще была в Глазове у исправника (которому ее сдал Короваев с целью «получить вознаграждение деньгами»), о ней узнали не только в Вятке, но и в Петербурге и Москве. Уже 28 сентября графиня П. С. Уварова, извещенная глазовским любителем-археологом Н. Г. Первухиным, телеграммой на имя вятского губернатора просит уступить находку ей. Последний ответил неопределенно, что вещи еще не получены; но по получении отослал их сразу в Петербург вместе со своим письмом министру внутренних дел. Это могло серьезно помочь ему по службе. Известив о предложении Уваровой, он заметил, что «блюда, по-моему мнению, имеют значение как в научном, так и в художественном отношении, почему я согласно циркулярного распоряжения Министерства внутренних дел от 27 ноября 1886 года послал их в Археологическую комиссию» [6, л. 6].

Конкуренция Московского археологического общества (П. С. Уварова была его председателем) вызвала раздражение в Петербурге, и одновременно с присылкой 500 рублей Короваеву за находку и благодарности губернатору руководители в письме подчеркнули, что предложение Уваровой является прямым нарушением закона о случайных находках древностей [6, л. 9]. Таким образом, монополия Археологической комиссии на такого рода находки имела законодательное обеспечение. Находка в Глазовском уезде, очевидно, вошла в известные атласы Я. И. Смирнова [7, табл. VI] и И. А. Орбели и К. В. Травер [8, табл. 28] как образец «сасанидского серебра» из д. Чуринская Ключевской волости.

Археологи, проводившие раскопки в Вятском крае во второй половине XIX в., нанимали в качестве рабочих-землекопов местных крестьян. Получив представление о том, как нужно выбирать место, вести раскопки, некоторые из этих крестьян занимались ими затем на свой страх и риск. Археологи же в дальнейшем вновь обращались к этим самым крестьянам, хорошо знавшим окрестные памятники. Так, известный русский археолог А. А. Спицын, проводя в 1891 г. раскопки в Котельническом уезде на р. Юм, в первую очередь нанял для раскопок крестьянина К. Загребина — первооткрывателя могильника, раскопанного Спицыным. Расспросив крестьян в близлежащем селении о том, как располагались найденные ими предметы «в поклаже», Спицын после начала раскопок этого могильника вместе с Загребиным и несколькими рабочими отправился на новое место вниз по течению реки, где увидел множество ям, оставленных крестьянами-кладоискателями. Рабочие сняли дерн на этой площадке, но ничего заслуживающего внимания не обнаружили [9, л. 7—19]. Таким образом, крестьяне-кладоискатели вели масштабную разведку мест, наиболее подходящих, как им казалось, для археологических памятников. Поскольку работали они чаще всего по одному, то вслед за ямой первого кладоискателя (обнаружившего тщетность работы здесь) появлялись шурфы следующих. В такой ситуации любой реальный памятник быстро становился широко известен многим крестьянам и разрывался очень активно. П. В. Алабин еще в 1858 г., описывая свои раскопки Ананьинского памятника, отмечал, что «отважные кладоискатели, увлеченные нашим примером, могли ночью покуситься на продолжение своих поисков, углубляясь в начатые ямы» [10, с. 184].

Отмечались случаи, когда лихорадка кладоискательства охватывала целые деревни. Так, А. А. Спицын в 1891 г. после раскопок на Юме отправился в д. Ивки, где было много находок кремневых орудий. Крестьяне называли их «громовыми стрелами» и продавали окрестным жителям как амулеты. «Там,— с юмором писал в отчете об экспедиции археолог,— нас охватила атмосфера страстного кладоискательства, заговоров, рассказов о разбойниках» [9, л. 15].

Иногда увлекались раскопками археологических памятников не только крестьяне. Так, елабужский купец И. В. Шишкин (отец знаменитого русского художника И. И. Шишкина) собрал в середине XIX в. большую коллекцию предметов из курганов и несколько лет испрашивал разрешения у начальства на планомерные раскопки Ананьинского могильника. Инспектор народных училищ Глазовского уезда, археолог-любитель Н. Г. Первухин, за 5 лет (1884—1889) разыскал 64 городища, 84 места старых поселений и 157 могильников, в том числе 49 мест старых поселений и 110 могильников лично исследовал. В состав собранных им коллекций вошло около 5 тыс. предметов [11, л. 74]. Правда, хочу подчеркнуть, что последний пример единичен.

Таким образом, можно сделать вывод, что начавшиеся в середине XIX в. археологические раскопки в Вятском крае наложились определенным образом на существовавшую здесь культурную традицию кладоискательства. Происходило их своеобразное взаимодействие. В 60—90-е годы XIX в. начинается и оформляется широкий поток сдачи археологических находок крестьянами через Вятский статистический комитет в Археологическую комиссию (Петербург). Кладоискательство из случайного занятия отдельных крестьян становится в летнее время своеобразным дополнительным ремеслом многих сотен крестьян в губернии. В целом же проблема требует более широкого изучения в масштабах всей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Кировской области. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 147.
2. Вятские губернские ведомости. 1859. Отдел II. Часть неофициальная № 27.
3. Памятная книжка Вятской губернии на 1905 год. Вятка, 1904.
4. Государственный архив Кировской области. Ф. 574. Оп. 8. Ед. хр. 23.
5. Государственный архив Кировской области. Ф. 574. Оп. 2. Ед. хр. 28.
6. Государственный архив Кировской области. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 1115.
7. *Смирнов Я. И.* Восточное серебро. СПб., 1909.
8. *Орбели И. А., Тревер К. В.* Сасанидский металл. М.; Л., 1935.
9. Архив ЛОИА. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 80.
10. Вятские губернские ведомости. 1859. Отдел II. Часть неофициальная. № 28.
11. Государственный архив Кировской области, Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 1155.

Кировский государственный
педагогический институт

Н. Н. ЖЕРВЭ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НОВГОРОДСКИХ КРАЕВЕДОВ-АРХЕОЛОГОВ ПО ИЗУЧЕНИЮ И ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНОСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Проблема изучения историко-культурного наследия России в настоящее время является одним из важнейших аспектов общей программы историко-культурного

© Н. Н. Жервэ, 1992 г.

возрождения. Подъем краеведения и музееведения опирается на глубокие исторические корни нашей культуры. Без понимания малой Родины — русской провинции XIX — начала XX в.— невозможно почитание Родины большой. В общем контексте исследования провинциальной культурной жизни вопросы изучения и охраны памятников старины занимают важнейшее место.

Об археологическом изучении Новгородской земли говорилось и писалось немало, но внимание всех исследователей привлекала только деятельность специалистов-археологов, в то время как параллельно с ними не менее важную работу осуществляли местные археологи-краеведы. Именно их труд как нельзя более ярко характеризует одну из важнейших сторон культурной жизни Новгорода во второй половине XIX — начале XX в.

«Чтобы уметь охранять свои древности, нужно их правильно понимать, нужно знать их истинную археологическую ценность, точнее, уметь отличать действительную древность от мнимой, оригиналы от копий... Именно здесь, в Новгороде и Новгородской губернии, помимо серьезных археологических знаний требовалось и еще многое другое, чтобы уберечь местную старину от расхищения» [1, с. 129],— этими словами П. Спасского, одного из активных деятелей Новгородского церковно-археологического общества, наверное, и надо начать обзор деятельности новгородских краеведов-археологов.

Интерес к новгородским древностям проявился еще в первой половине XIX в. Первые попытки описания новгородских исторических реликвий и осознание необходимости их изучения связаны с появлением трудов Евгения Болховитинова, архимандрита Макария, М. Толстого, а также первого поколения местных краеведов-исследователей — преподавателей новгородской гимназии Ивана Куприяновича Куприянова и Ивана Ивановича Красова. Их внимание привлекали прежде всего церковно-археологические древности.

Инициатором в деле собирания, изучения и охраны новгородских древностей можно считать Николая Гавриловича Богословского (1824—1892 гг.). Сын священника, получивший образование в новгородской духовной семинарии и прослуживший в сане священника 25 лет (1844—1869 гг.) в разных храмах Новгорода и его окрестностей, Богословский одновременно в течение 15 лет являлся секретарем Новгородского губернского статистического комитета и сделал за это время значительно больше того, что можно было ждать от единичных усилий кого бы то ни было.

Он объехал все уезды Новгородской губернии для изучения и сбора разнообразных историко-этнографических и Статистических сведений. Результатом этой работы были пять выпусков «Новгородского сборника», изданных под его редакцией статистическим комитетом, куда вошли описания церквей, приходов, а соответственно и памятников старины пяти уездов Новгородской губернии.

Им была приведена в порядок и открыта для общего пользования библиотека при Статистическом комитете. Оставаясь до конца жизни всего лишь археологом-любителем, он тем не менее сумел собрать обширную и достаточно ценную археологическую коллекцию, лучшую половину которой составляли древние церковные предметы, принадлежавшие церквам и монастырям новгородской епархии.

Исполняя обязанности секретаря губернского Статистического комитета, Николай Гаврилович получил разрешение «осмотреть все монастыри и церкви новгородской епархии и собрать достопримечательные памятники, которые стали бы собственностью музея» [2, с. 1], учрежденного при губернском комитете в 1865 г., и в продолжение нескольких лет с большим энтузиазмом осуществлял эту работу. Занимаясь сбором коллекции и организацией музея, Богословский понимал, что «драгоценные памятники старины, разбросанные по разным захолустным церквам и монастырям, недоступны для изучения специалистами и надолго обречены оставаться неведомыми ученому миру» [1, с. 138].

Николай Гаврилович сделал новгородское древлехранилище настолько богатым, что на Всероссийской мануфактурной выставке 1870 г. в Петербурге экспозиция

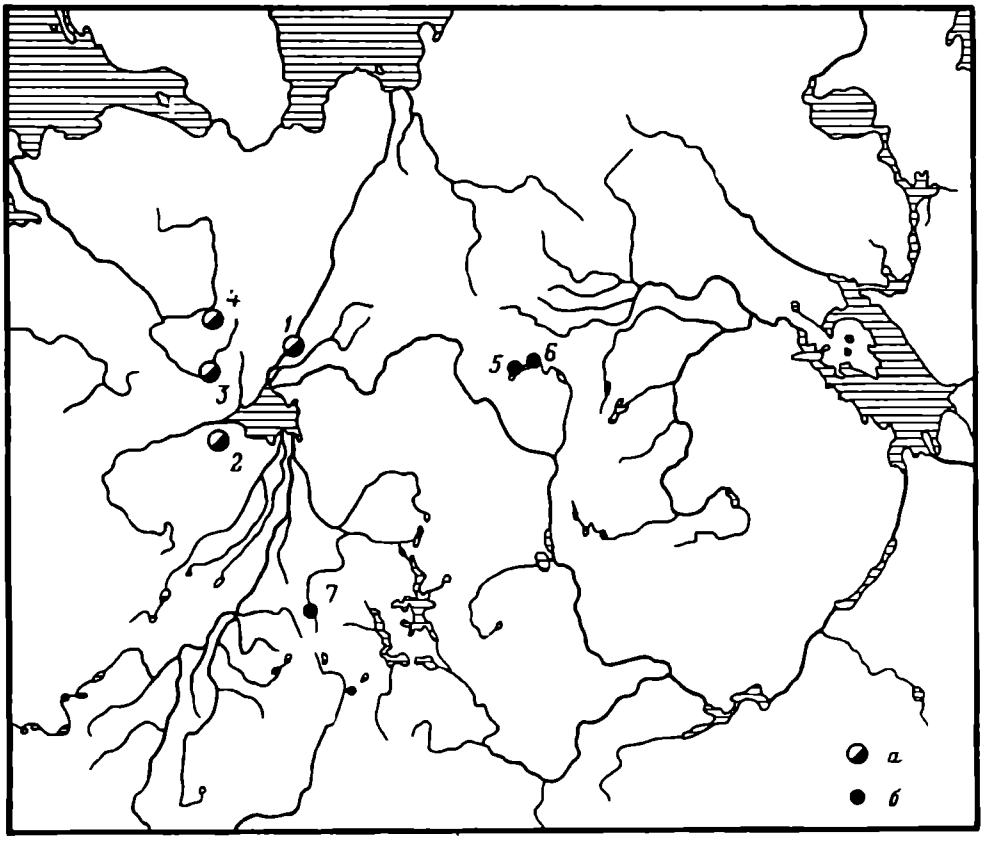


Рис. 1. Места археологических раскопок Н. Г. Богословского и В. С. Передольского на территории Новгородской губернии во второй половине XIX в.: *а* — раскопки Н. Г. Богословского; *б* — раскопки В. С. Передольского; *1* — д. Ушерска; *2* — д. Горцы; *3* — пос. Косицкое; *4* — пос. Климентовский; *5* — д. Горки; *6* — д. Юрьево; *7* — д. Рогозино (Удобы)

из коллекции музея заслужила очень высокие и лестные отзывы русских и европейских ученых [3, с. 4].

Археологические исследования Богословского на территории Новгородской губернии в 1878 г. осуществляются в значительных масштабах (рис. 1).

1. Близ д. Ушерски, в 8 верстах от Новгорода, была раскопана сопка, в основании которой было такое же кострище, как и в Родивоновской сопке [4, т. II, с. 205, 206].

2. В с. горцах Старорусского уезда был раскопан курган, обложенный внизу плитняком. В нижнем слое на глубине 3 аршин оказались сожженные кости с черепками от сосуда, а на глубине 2 аршин — большое количество позднейших черепков и костей, лежащих в беспорядке [4, т. I, с. 243; т. III, с. 462, 469].

3. В западной части Новгородской губернии, близ с. Косицкого, расположенного на р. Луге, Богословский исследовал каменные могилы, имевшие обыкновенный вид, но обложенные сверху крупным булыжным камнем. Костяки были расположены головой на запад, некоторые — в сидячем положении. При скелетах были найдены различные медные вещи: височные кольца, привески, витой проволочный браслет и т. д.— вещи, сходные с находками в курганах Санкт-Петербургской губернии [4, т. II, с. 206].

4. Близ пог. Климентовского на р. Тесовой было раскопано несколько курганных насыпей особого типа. Группа курганов состояла из 12 насыпей, обложенных камнями. Из очень запутанного описания произведенной раскопки видно, что в одном из больших курганов оказалась камера, выложенная из плитняка и прикрытая плитой, дно которой было выстлано булыжником высотой 1,5 аршина, длиной 1 и $^3/_4$ аршина, шириной 1 аршин; найдено было семь черепов, два горшка, две медные бляшки и ганзейская монета. В одном из меньших

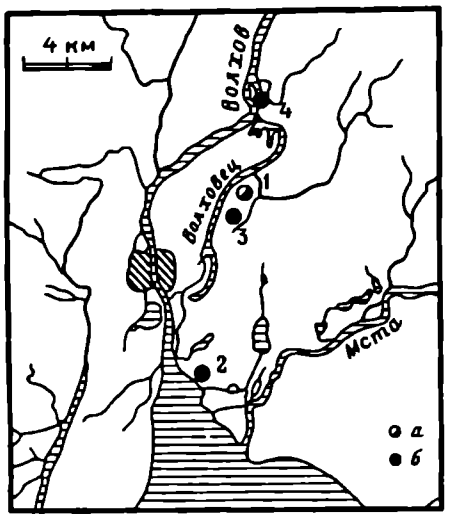


Рис. 2. Места археологических раскопок Н. Г. Богословского и В. С. Передольского на территории новгородской округи: *а* — раскопки Н. Г. Богословского; *б* — раскопки В. С. Передольского; *1* — д. Родивоново; *2* — Коломцы; *3* — Волотово; *4* — Холопий Городок

курганов в середине насыпи оказалось сооружение, сложенное из булыжника и плитняка, высотой до 2 аршин [4, т. III, с. 205].

Отсутствие необходимой археологической подготовки не позволило Богословскому обобщить и проанализировать результаты своих исследований. Главной задачей, стоявшей перед ним, было пополнение археологической коллекции музейного древлехранилища.

О ценности собранной Богословским церковно-археологической коллекции свидетельствует и тот факт, что в конце 70-х — начале 80-х годов по указу Святейшего синода (№ 1486) значительная часть предметов (свыше 2 тыс.) была взята из Новгорода в Петербург. Для «отбора» в Новгород был направлен Н. В. Покровский — большой специалист и знаток церковно-археологических древностей [1, с. 145, 146].

С 1875 г. Богословский являлся членом-сотрудником Русского археологического общества. Весьма любопытный документ из архива Новгородского музея дает представление и еще об одной стороне деятельности Николая Гавриловича — это отчет о раскопках кургана у д. Родивоново на берегу р. Вишеры, в 4 верстах от Волотова (рис. 2). Раскопки проводились в июле 1878 г. в присутствии Великих князей, графа Уварова и Бестужева-Рюмина. Курган был прорезан широкой траншеей. Найденные в верхних слоях в беспорядке сложенные человеческие кости и черепа исследователь считал случайными, но в основании кургана (его общая высота — 3 сажени) было обнаружено кострище — черная земля с остатками угля и кусочков пережженной кости [5, с. 1, 2].

Это были первые археологические исследования, проделанные местными силами. Их непосредственным продолжением можно считать работы, осуществленные 10 лет спустя другим местным археологом-краеведом Василием Степановичем Передольским, которого современники называли «пионером археологии Новгорода».

Историк, археолог, антрополог, краевед, а по образованию юрист, выпускник Петербургского университета (1859 г.), он всю свою жизнь и деятельность посвятил изучению истории Новгорода, охране памятников старины, созданию музея новгородских древностей на основе собранной им обширной коллекции. И хотя в приложении к Передольскому понятие «ученый» может показаться несколько преувеличенным, знакомство со всеми материалами, характеризующими его многолетнюю и разностороннюю деятельность в Новгороде (архивные фонды ОПИ НГМ и ГАНО, статьи и книги), позволяют говорить о важном, существенном вкладе Василия Степановича в археологическое изучение прошлого Новгородской земли.

Судя по отрывочным свидетельствам архивных материалов, первое серьезное знакомство с достижениями европейской археологии и антропологии состоялось для Передольского во время полуторагодичного пребывания в Европе (1862—1863 гг.).

Рис. 3. В. С. Передольский

Возникновение и развитие первобытной археологии происходило под прямым влиянием эволюционной теории, и в России пропагандистом поиска ранних памятников культуры выступил крупнейший биолог акад. К. М. Бэр. В 70—80-е годы первобытная русская археология уже располагала важными памятниками и первыми исследованиями, основанными на них,— А. С. Уварова, И. С. Полякова, В. В. Докучаева, А. А. Штуконберга, Д. Н. Анучина, А. А. Иностранцева. Именно в общем контексте развития археологической науки в России во второй половине XIX в. следует рассматривать и археологическую деятельность В. С. Передольского.

От собирания предметов древности, найденных или купленных где-то по случаю, исследователь переходит к самостоятельным археологическим изысканиям. Архивные материалы фонда Передольских позволяют внести некоторую ясность в ряд вопросов, связанных с археологической деятельностью Василия Степановича: 1) выяснить, каково соотношение случайного и систематического в характере проводимых им раскопок; 2) понять особенности, характер и значение открытой Передольским стоянки в Коломцах; 3) уточнить места, где проводились раскопки, в самом городе и его окрестностях, оценить по возможности их результаты; 4) воссоздать представление об археологической коллекции, собранной Передольским, и оценке ее современниками — учеными России и Европы; 5) дать общую оценку археологической деятельности В. С. Передольского, ее значения.

Что касается положения о «случайном» и систематическом характере археологических исследований В. С. Передольского, ответ может быть совершенно определенным: до коломецкого открытия сведений о каких-либо регулярных раскопках Передольского нет. Он собирал свои материалы при рытье рвов, колодцев, строительных работах, после спада весенней воды. Но уже эти находки (кости вымерших животных, кремневые наконечники стрел, каменные топоры-молоты и топор-долото, костяные шила, черепки глиняной посуды и др.), об-

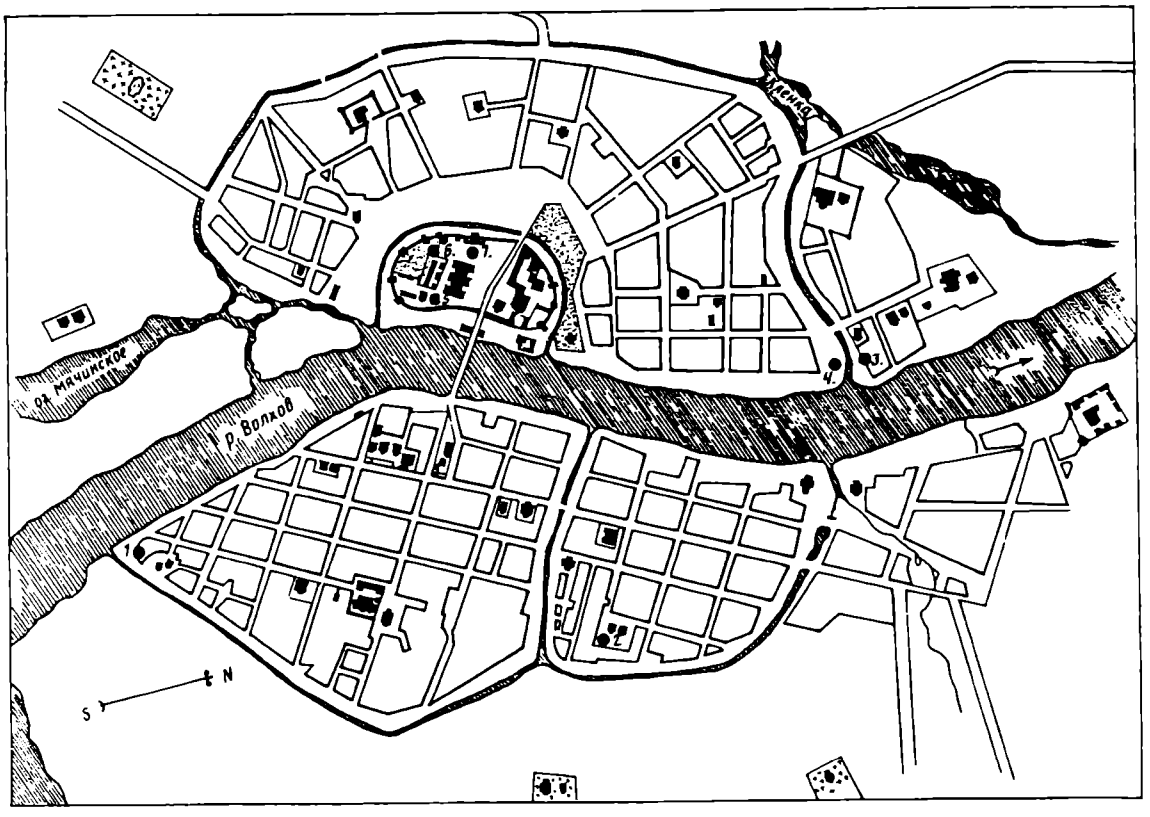


Рис. 4. Места археологических раскопок В. С. Передольского в Новгороде: *1* — Славенский холм; *2* — Молотково; *3* — Лазоревский холм; *4* — «Веселая горка»; *5* — Кремль, церковь Андрея Стратилата; *6* — Кремль, Покровская башня; *7* — Кремль, Застеночная башня

наруженные в разных местах Новгорода (на Славенском холме, на Малой Михайловской улице, в Неревском конце, в Плотниках), навели Передольского на выводы о времени заселения территории современного Новгорода.

Открытие первого в Приильменье обширного поселения человека каменного века в 6 верстах от Новгорода, в местности Коломцы, осенью 1888 г. занимает важнейшее место в археологической деятельности В. С. Передольского. При первом же беглом осмотре местности было обнаружено прямо на поверхности, на пространстве не более 20 сажен до 80 различных предметов человека каменного века: осколки костей, черепки посуды, наконечники стрел из кремня, сланцевое долото, кремневые ножи и скребки. Это были первые находки, а через 3 месяца число собранных предметов превышало 2 тыс.

Обследовав поверхностный слой Коломцов, Передольский намеревался провести археологические изыскания, но 11 марта 1889 г. Археологической комиссией был издан закон, разрешавший проводить раскопки с археологической целью только на основании выданных Императорской археологической комиссией открытых листов. Получение открытого листа требовало представления подробного отчета о находках. В. С. Передольский выполнил это требование, представив подробнейший отчет о первых итогах своих изысканий в 1889 г. и направив в 1890 г. часть своих находок (около 15 тыс. предметов) в соответствующем оформлении «Высочайшему обзору» [6].

В 1889 г. была организована первая выставка коломецких находок в Археологическом институте в Петербурге, после чего 17 октября того же года Василий Степанович избирается почетным членом Археологического института, а в 1891 г.— его членом-сотрудником [7, с. 1].

Подробное описание коломецких находок содержится в отчете В. С. Передольского о раскопках в Новгородской губернии в 1889 г. «Под пластом глины, достигающей местами 2-х саженей (4 м) мощности, открыт жилой перегной

около 3-х аршин (2 м) толщиной древнейшего поселения, раскинувшегося без малого на версту во все стороны. В толще этого перегноя хранятся многочисленные и разнообразные остатки жилья людей в виде нехитрых поделок из кости, тесаного камня, слегка отточенного сланца, яшмы, янтаря, черепки разбитой глиняной посуды... Вместе с поделками человека перегной хранит и кости его самого, то в разброс, по одной, то кучно, целыми костяками. При кучном захоронении всегда были находимы поверх частей костяка черепные кости в сплющенном и измельченном состоянии, из которых удалось собрать 4 полных черепа со всеми лицевыми костями и нижней челюстью и 5 черепных коробок» [8, с.2]. Состав коломецких находок очень разнообразен: предметы из кости и рога (проколки, шила, наконечники стрел и копий и т. д.); сланцевые топорики, долотца, наконечники стрел; кремневые изделия (ножи, скребки, рубила и т. д.); гончарные изделия; кости животных; привески, украшения.

Передольский указывал на сходство коломецких находок с европейскими и русскими: архангельскими, финляндскими, прионежскими, пермскими, иркутскими, окскими, бологовскими, тверскими, московскими, тульскими и др.— и отмечал также тот факт, что «коломецкие находки представляют своей совокупностью повторение почти всех видов собранных в разных частях Старого и Нового Света поделок человека каменного века: различие наблюдается только в размерах» [9, с. 56]. За 5 лет систематических усиленных работ на Коломцах было собрано около 45 тыс. предметов, а за 10 лет — свыше 60 тыс. Они-то и составили основную часть археологической коллекции Передольского.

Характеризуя культурный слой Коломцов, размеры исследованной площади (около 1500 кв. саженей), глубину ям и состав выемки, Передольский отмечал, что по количеству и значимости находок следов человека каменного века на столь небольшом пространстве Коломецкое урочище не имеет себе равных даже в Европе [9, с. 55].

Найденные здесь в большом количестве отдельные кости человека, черепа и даже целые костяки не так уж часто встречались в то время в раскопках. Самые богатые находки такого типа принадлежали профессору Петербургского университета А. А. Иностранцеву, собравшему на побережье Ладожского озера в 1871 г. при копании новых каналов — Сясьского и Свирского около 20 экз. черепов. Передольский, очевидно, был хорошо знаком с этой коллекцией, так как уже в отчете 1889 г. он сопоставляет свои находки с ладожскими, отмечая в них черты явного сходства [6, с. 47 — 49].

В отличие от исследования Коломцов, достаточно полно освещенного архивными и печатными материалами, археологическая деятельность Передольского в самом Новгороде прослеживается значительно хуже. Наличие целого ряда документов свидетельствует о проведении раскопок в разных частях города и в разное время. Систематический характер эти раскопки получают в связи с коломецкими находками, причем в основном происходит вскрытие возможных мест древнейших захоронений, что диктуется стремлением к новым антропологическим находкам, которые могут подтвердить выводы Передольского о древнем заселении территории Приильменья.

На основании имеющихся документов можно определить следующий круг мест, где проводились раскопки (рис. 3).

1. Лазоревский холм, который представлялся Передольскому курганным сооружением на месте древнего языческого могильника. Проведение раскопок вблизи Петропавловской церкви в 1891 г. вызвало противодействие священнослужителей, но духовная консистория выдала Передольскому удостоверение на право раскопок в этом районе, которые были обширны. Передольский сделал вывод об искусственном происхождении холма, являвшегося языческим кладбищем.

2. Славянский холм. Раскопки проводились на восток от церквей Ильинской и Петропавловской, в незначительном объеме. На глубине 2—2,5 аршин (1,5—2 м) попадались полные костяки, черепа, причем Передольский отмечает различия по цвету и весу в зависимости от уровня залегания.

3. Местность «Веселая горка» — небольшая площадь внутри города, близ вала и левого берега Волхова. Вся горка оказалась усеянной костями, то лежащими вразброс и едва прикрытыми землей, то встречающимися небольшими кучами. Пробные, иногда более 2 аршин глубиной ямы в пяти местах площади дали ряд краниологических находок, которые исследователь не относил к числу древних.

4. Молотково в Плотницком конце. Вскрыты две усыпальницы — близ церквей Михаила и Рождества Богородицы.

5. Детинец. Внутри Детинца вскрыто три участка: а) близ Покровской церкви у Дьячного двора; б) у Застеночной, или Чертовой, башни; в) у церкви Андрея Стратилата. Глубина культурного слоя 2,5—3 аршина (около 2 м). У церкви Андрея Стратилата обнаружено два вида захоронения: на более близком расстоянии — цельные костяки в колодах (на глубине 1 и $^1/_4$ аршина — 1 м); на более далеком — кучное беспорядочное захоронение. Никаких предметов около них найдено не было.

Архивные документы свидетельствуют также о получении Передольским права на раскопки на Ильинском холме и в Пропастех, но каких-либо сведений о характере этих раскопок не имеется [10]. Есть косвенные указания и на раскопки Передольского на Волотовском холме [9, с. 44].

Из археологических памятников Новгородской губернии В. С. Передольским был раскопан один из первых исследованных в этом регионе жальников — Юрьевский в Боровичском уезде, у с. Юрьево на территории усадьбы Владимирского [6, с. 52, 53]. Тщательная расчистка насыпи проводилась в соответствии с методикой археологических исследований курганов конца XIX в. Исследованная могила имела в диаметре 5 саженей, а в высоту — всего 1 аршин. Вкруг основания и сверху были расположены камни, поверху шел колотый плитняк. Под слоем камней оказались песок и пережженные кости животных в обломках. В могиле похоронено было пять костяков — все на поверхности земли, в гробищах из крупных валунов. Дно гроба было усыпано белым песком, поверх него лежал слой угля и золы [9, с. 50].

Подробно описав вскрытый могильник, положение скелетов, предметы, сопровождавшие захоронения, Передольский затруднялся дать объяснение этой находке.

В бассейне р. Мсты у д. Горки Боровичского уезда Передольским была раскопана сопка и на глубине 1 аршина найдены черепки сосуда, угли и мелкие прожженные кости, а на глубине 3 аршин — слои угля и песка. В основании кургана, сбоку, были остатки костра [9, с. 51—56].

Тогда же, в 1893 г., появилась первая книга В. С. Передольского «Бытовые остатки насельников Ильменско-Волховского побережья и земель Велико-Новгородского державства каменного века». Она предназначалась для объяснения археологической выставки коллекции Передольского в Николаевском дворце в Петербурге, но по объему и широте охвата материала явно выходила за рамки обычных каталогов — путеводителей по выставкам. По словам самого автора, в ней было еще «много неясного, недоработанного» и в то же время очень подробно описывались и анализировались древнейшие вещественные памятники Новгородской земли [9].

Несмотря на большой интерес Передольского к топографии древнего Новгорода, у него не возникало мысли об осуществлении раскопок, которые могли бы подтвердить те или иные письменные свидетельства о древнейших новгородских постройках, обнаружить следы фундаментов или стен этих исчезнувших сооружений (впервые такие исследования осуществил Репников в Старой Ладоге в 1909 г.).

Об интересе к деятельности Передольского как археолога и к его коллекции древностей свидетельствуют многие факты. Уже в 1888 г. на основании описи, представленной собирателем (к сожалению, она не сохранилась), директор Археологического института отметил ценность и значительность этого собрания [11]. Председатель Археологической комиссии граф А. А. Бобринский также не раз высказывался, что «это единственное не только в России, но и в Европе по условиям захоронения собрание находок» [8, с. 6].

В 1892 г. для ознакомления с собранием Передольского в Новгород были

посланы член Археологической комиссии археолог А. А. Спицын и профессор геологии Петербургского университета А. А. Иностранцев. Они также весьма высоко оценили коллекцию [12].

Но главный успех и широкая известность среди археологов и антропологов России и Европы пришли к Василию Степановичу после его участия в нескольких крупных выставках конца 80-х — начала 90-х годов XIX в.: в Археологическом институте (1889 г.), во время VIII Археологического съезда в Москве (1890 г.), на Международном конгрессе антропологов в Москве (1892 г.), на выставке в Николаевском дворце в Петербурге (1893 г.), на Франко-русской выставке Красного креста в Соляном городке в Петербурге (1900 г.). Особенно значительной была выставка в Николаевском дворце, вызвавшая восторженные отклики специалистов и продленная по всеобщему желанию на месяц [13, с. 21, 23]. После этой выставки Музей народоведения в Лейпциге предложил коллекционеру выставить свое собрание в Западной Европе и вступить в члены Музея народоведения [13]. Неоднократно В. С. Передольский выступал с докладами: в Археологической комиссии, на VIII Археологическом съезде, на Международном антропологическом конгрессе, в Русском антропологическом обществе, в Петербургском университете.

Собрание древнейших вещественных памятников Передольского свидетельствовало о заселении человеком приильменских земель. А после открытия в 1892—1894 гг. на Енисее сыном Передольского Владимиром сходных с коломецкими материалов Василий Степанович делает вывод, что «на Коломцы и на Славенский холм нынешнего Новгорода пришла большая толпа людей со стороны Уральского хребта или Сибири, сразу по отступлению от Ильменского, Волховского побережья великого скандинавско-русского ледника, знакомая уже с условиями общежития и достигнувшая значительной степени развития, каким оно было в первой половине каменного века» [8, с. 4].

Нужно, конечно, оговорить некоторую «наивность» первых обобщений, сделанных В. С. Передольским на основе археологических исследований. Но несмотря на это, он все-таки не является для своего времени «дилетантом-самоучкой», и именно он стал инициатором изучения поселений человека каменного века на Северо-Западе, в районе Приильменья.

Собрав огромную коллекцию уникальных древностей каменного века, Василий Степанович столкнулся с проблемой ее размещения. Он категорически отказался передать свое собрание в Императорскую археологическую комиссию, не считая возможным перенести ее куда бы то ни было из Новгорода, так как по своему составу это было собрание исключительно новгородских вещественных памятников старины.

И только построив на собственные средства и взятые в долг деньги двухэтажный дом на углу Ильинской и Николаевской улиц, против церкви Филиппа Апостола, он сумел, наконец-то, осуществить давнюю мечту — открыть музей, предоставив свободный доступ к обозрению своей коллекции всем новгородцам по воскресным дням, а заезжим путешественникам — в любой день, когда хозяин был дома. Появление музея Передольского стало знаменательным событием в культурной жизни Новгорода начала XX в. Судьба этой удивительной коллекции сложилась трагически: после смерти археолога-краеведа основная часть собрания и музей перешли по наследству к его сыну Владимиру Васильевичу — приват-доценту Петербургского университета, который закрыл музей для широкого круга посетителей. В 20-е годы отдел по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины произвел осмотр собрания Передольского и принял решение передать коллекцию ввиду ее большой ценности в ведение Новгородского губернского музея [14]. Но в начале Великой Отечественной войны фашисты вывезли основную часть собрания Передольского, и сейчас в фондах Новгородского государственного музея-заповедника хранится всего лишь около 500 предметов из некогда богатейшего собрания древностей.

Особое место в археологическом изучении Новгородской земли и охране памятников древности занимает деятельность Новгородского общества любителей древностей, созданного в 1894 г. по инициативе и под руководством Василия

Степановича Передольского. «По моему мнению,— писал Василий Степанович,— археологические изыскания только тогда принесут существенную пользу истории изучения народа, дополнят проблемы письменных источников и уяснят их теневые стороны, когда эти изыскания будут производимы совместно со строгим изучением бытовых условий жизни нынешнего населения» [8, с. 22].

Вопрос о создании общества был поднят в связи с открытием новой экспозиции Музея древностей в Новгороде 17 января 1893 г. Собравшимся на это торжество лицам был предложен проект Устава Общества любителей древности. 24 ноября этот проект был утвержден министром народного просвещения, а 17 января 1894 г. общество начало свою деятельность [8, с. 20].

В объяснительной записке к проекту Устава общества В. С. Передольский замечал: «В Новгороде в настоящее время нет учреждения, которое бы ведало стариной и объединяло людей, посвящающих себя ее изучению. В результате много новгородской старины вывезено за пределы губернии, разошлось по частным лицам, много памятников погибло или обезображено. Необходимо сохранить оставшиеся памятники» [15, с. 109].

Устав общества ставил целью «изучение памятников старины, находящихся преимущественно в пределах Новгородской губернии, наблюдение в возможных случаях за их сохранностью и содействие правительственным учреждениям в охранении их» [3, с. 57]. Кроме того, общество «собирает, описывает и хранит остатки старины..., производит с согласия владельцев разного рода раскопки и занимается разбором сочинений, как рукописных, так и печатных, относящихся до прошлого Новгородской земли.., заботится об устройстве древлехранилищ и библиотеки для научных целей» [3, с. 57].

Подобная программа в полной мере соответствовала прежней деятельности Василия Степановича, и он, несмотря на уже весьма преклонный возраст, с энтузиазмом и молодым задором взялся за дело.

Для распространения знаний о прошлом Новгородской земли и ее древнейших памятников с весны 1894 г. регулярно проводятся ученые беседы. С осени 1894 г. до весны 1895 г. было проведено 19 бесед, из них 13 В. С. Передольский посвятил вопросам археологии и изучения древнейшего прошлого Новгорода.

В летние месяцы 1894—1895 гг. члены общества наблюдали за состоянием памятников древности в Новгороде и его окрестностях. Сделаны были выводы о необходимости ремонта внутренних построек Детинца, Ярославова дворища, Белой башни. Вообще, по свидетельству В. С. Передольского, «наблюдение за сохранностью церковных древностей, собственно храмов, приводило в постоянное уныние» [8, с. 31—36].

Продолжались и археологические изыскания под руководством Василия Степановича на территории Новгородской земли. В мае 1894 г. был получен открытый лист на раскопки у д. Рогозино Демянского уезда, где находилось семь древних курганов различной величины [16].

Стремясь расширить возможности деятельности общества и вооружить всех его настоящих и будущих членов необходимым руководством в изысканиях, Передольский в 1894 г. взялся за составление записки о всех видах новгородской старины. Книга «Новгородские древности», предназначенная, по словам автора, «для местных изысканий», являлась до некоторой степени «перечнем наличности имеющихся наблюдений или сведений по вопросам, из предмета вытекающим и ожидающим разрешения» [3, с. XXVI].

Интерес и значение этой книги в первую очередь в том, что она содержит множество данных, собранных автором как из письменных свидетельств, так и на основе собственных наблюдений и изысканий о «памятниках, остатках и следах вещественных и невещественных старины ильменской» [3, с. XXVIII]. Это один из самых подробных имеющихся в нашем распоряжении перечней новгородских памятников, ценность которого тем больше, что многие из виденных и описанных Передольским древних построек Новгорода безвозвратно исчезли.

Губернатор А. Н. Мосолов, принимавший самое активное участие в создании и деятельности Новгородского общества любителей древности, изъявил готовность

напечатать книгу Передольского в местной типографии, но уже в конце 1894 г. печатание прекратилось, так как Мосолов был перемещен по службе и его место занял новый губернатор Штюрмер, не разделявший интересов общества. С большим трудом удалось завершить издание только I тома выпуска к 1898 г., вторая часть записки так и не увидела свет.

Несмотря на весьма значительные результаты деятельности общества в первый год его существования, уже в 1895 г. оно натолкнулось на открытое сопротивление своей деятельности со стороны нового губернатора. С осени 1895 г. по весну 1897 г. четырежды ездил В. С. Передольский в Петербург, ходатайствуя в Министерстве народного просвещения и Министерстве внутренних дел. Попытки возобновить деятельность общества не увенчались успехом. «По обстоятельствам совсем не научного свойства общество, хотя вполне жизнеспособное, замерло через полтора года, оставаясь более 5 лет существующим только на бумаге» [17],— с болью констатировал В. С. Передольский.

Общество любителей древности возобновило свою деятельность уже после смерти Василия Степановича, в 1908 г., под новым руководством, ставя перед собой более широкие задачи, соответствующие новым общим проблемам археологической науки.

В появлении таких местных исследователей, как Н. Г. Богословский и В. С. Передольский, и общем подъеме краеведения во второй половине XIX в. следует усматривать определенную закономерность, результат повышенного внимания и интереса к малой Родине — российской провинции. Сбор вещественных памятников и сведений о различных древностях на местах был необходимым этапом изучения прошлого России. Сами краеведы прекрасно осознавали и правильно понимали задачи, направление и значение своей деятельности — не случайно В. С. Передольский в предисловии к «Записке о новгородских древностях» писал: «Наука ждет от русских местных собраний и учреждений, посвященных древностям, не внешнего блеска, а внутреннего содержания — свидетельств „самых первых образовательных начал", зародившихся и развивавшихся в нашем отечестве» [3, с. X].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Спасский П. Н.* Страница из истории собирания и хранения новгородских древностей//Тр. Новгород. церковно-археол. об-ва. Т. I. Новгород, 1914.
2. ОПИ НГМ. Фонд Богословского. Ед. хр. 9883.
3. *Передольский В. С.* Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород, 1898.
4. Антропологическая выставка Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. I—III//Изв. Импер. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те. Т. XXVII, XXXI, XXXV. М., 1878, 1879.
5. ОПИ НГМ. Фонд Богословского. Ед. хр. 9885.
6. ГАНО. Фонд 717. Оп. 1. Ед. хр. 9.
7. ГАНО. Фонд 717. Оп. 1. Ед. хр. 11.
8. ОПИ НГМ. Фонд Передольских. Ед. хр. 5313.
9. *Передольский В. С.* Бытовые остатки насельников Ильменско-Волховского побережья и земель Велико-Новгородского державства каменного века. СПб., 1893.
10. ГАНО. Фонд 717. Оп. 1. Ед. хр. 13.
11. ОПИ НГМ. Фонд Передольских. Ед. хр. 9718, 9719.
12. ГАНО. Фонд 717. Оп. 1. Ед. хр. 15.
13. ГАНО. Фонд 717. Оп. 1. Ед. хр. 14.
14. ОПИ НГМ. Фонд Передольских. Ед. хр. 5374.
15. ОПИ НГМ. Фонд Новгородского общества любителей древностей. Ед. хр. 1915.
16. ОПИ НГМ. Фонд Новгородского общества любителей древностей. Ед. хр. 1901—1903.
17. ОПИ НГМ. Фонд Передольских. Ед. хр. 5311.

Санкт-Петербургский
государственный университет

Критика и библиография

В. С. Стоколос. Древние поселения Мезенской долины. М.: Наука, 1986; Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988

В 1986 и 1988 гг. В. С. Стоколосом опубликованы две книги по энеолиту и бронзовому веку Крайнего Северо-Востока Европы, из которых одна подводит итог 10-летним исследованиям автора в бассейне р. Мезень [1], а другая претендует на роль «первого обобщающего труда по эпохе раннего металла Северного Приуралья» [2, с. 2]. Работа о мезенских поселениях представляет собой публикацию материала с его последующей краткой интерпретацией. Немало новых данных вводит в научный оборот и монография 1988 г. Знакомя специалистов с новыми источниками по древнейшей истории, с результатами раскопок на древних жилищах, давших чистые вещевые комплексы, В. С. Стоколос вносит существенный вклад в археологическую науку. В этой связи важно отметить, что две работы содержат в общей сложности 237 иллюстраций.

Монография 1988 г. включает введение, палеогеографический и историографический очерк, основную часть и краткое заключение. Указанные два небольших очерка не вызывают существенных замечаний, за одним исключением: В. С. Стоколос неточен, утверждая, будто наличие каргопольского культурного типа [3, с. 95, 96] «не подтверждается последующими исследованиями» [2, с. 12]. Как известно, богатый каргопольский комплекс был выявлен Г. М. Буровым на поселении Явронька I [4, с. 88—94]. В основной части работы археологические культуры, за исключением черноборской, верно распределены между энеолитом и бронзовым веком. Некоторые другие выводы автора также представляют научный интерес, что будет показано ниже. Вместе с тем многие построения и положения В. С. Стоколоса не могут быть признаны убедительными. Альтернативные взгляды на эпоху раннего металла Крайнего Северо-Востока Европы разработаны в моих обобщающих трудах по древней истории этой области [5, с. 13—26; 6, с. 18—40].

Вся первая книга В. С. Стоколоса и примерно треть второй посвящены двум энеолитическим культурам: «чужьяёльской» и «чойновтинской», которые якобы выделены самим автором. Это, однако, не совсем так. Еще в 1972 г. В. Е. Лузгин [7, с. 76] противопоставил в долине р. Ижма стоянку Картаёль II Кельчиюру II как «местный тип» типу «с выраженными зауральскими чертами», а немного позднее Л. П. Хлобыстин [8, с. 61—64] подчеркнул некоторое несходство Ортинской стоянки, монохронного памятника на нижней Печоре, с другими известными в то время поселениями гребенчатой керамики и счел возможным вести речь об особой ортинской культуре. Таким образом, были разграничены и намечены два типа поселений с гребенчатой керамикой: конецборский и ортинский. В. С. Стоколос [9, с. 37], произведя раскопки на поселении Чужьяёль I, «выделил» «чужьяёльскую культуру» — группу мезенских памятников, которая, по его первоначальному мнению, находит лишь некоторые параллели в Костромском Поволжье, Большеземельской тундре и Зауралье. Позднее, в книге 1986 г. [1, с. 102—105], исследователь нашел «типично чужьяёльские» поселения на Северном Тимане и признал, что Ортино по керамике и кремню аналогично мезенским памятникам. Но культура уже переименована! В. С. Стоколос не пожелал воспользоваться довольно звучным термином Л. П. Хлобыстина и даже не сослался на обобщающую статью этого археолога, опираясь лишь на первоначальную публикацию. Хотя в Чужьяёле I впервые получен значительный ортинский материал, дублирующее наименование, которое введено В. С. Стоколосом, вряд ли нужно заменять двойным названием: тип Ортина — Чужьяёля.

Если в статье 1978 г. «чужьяёльская культура» — это просто мезенское ортино, то позднее [1, с. 7—109, 184—186] она уже включает, по нашей терминологии: памятники конецборского типа с

© Г. М. Буров, 1992 г.

обычной гребенчатой керамикой (Ошчой I, жилище 5); усогорские поселения с посудой, украшенной накольчатым (в отступающей манере) и гребенчатым орнаментом; стоянки ортинского типа с гребенчатой керамикой геометрического стиля (Чужьяёль I, Ошчой I, жилище 6, Ошчой V) и памятники синкретического облика — ниремские, с ортинскими чертами и признаками галовских поселений, имеющих гаринский облик (Ошчой I, жилища 10, 11). Стоянки накольчато-гребенчатой керамики (Чойновты I, Гыркас-Ёль), названные нами по наименованию поселка, близ которого находится Чойновты I,— это единственный новый культурный тип энеолита, намеченный В. С. Стоколосом. При современной изученности исследуемых районов едва ли можно считать, что все эти заметно различающиеся между собой памятники составляют единую культуру. Но поскольку В. С. Стоколос считает именно так, то непонятна его критика в адрес автора настоящей рецензии, выделявшего «синдорскую культуру» по материалам поселения Вис I. Под синдорской керамикой подразумевалась посуда конецборского, ортинского и ниремского типов, встреченная в смешанном виде и определенная В. С. Стоколосом [1, с. 103; 9, с. 36] как «искусственное построение», «конгломерат из разновременных и пестрых в культурном отношении материалов». Но тем же самым «конгломератом» является и «чужьяёльская культура», идентичная в сущности «синдорской», если сузить ее ареал! Зачем же менять название?

Аналогичным образом В. С. Стоколос поступает и при культурной атрибуции галовских поселений [1, с. 113—183]. Он предлагает называть их «чойновтинскими», хотя для этих памятников О. Н. Бадером еще в конце 60-х годов предложен термин «галовская культура» [10, с. 153], а недавние исследования В. С. Стоколоса в Чойновты II не могут служить поводом для замены предложенного названия (о его существовании исследователь просто умалчивает). Галово II — первый монохронный памятник той культуры, которую он представляет, с комплексом жилищ, раскопанным В. Е. Лузгиным [7, с. 41—70]. В. С. Стоколос [1, с. 178] подчеркивает «неоднородность вещественных остатков» этого поселения (отмечены и сосуды с неорганической примесью в керамической массе), но все же причисляет его к «чойновтинской» культуре. Вместе с тем из описаний явствует, что в Чойновты II имеются посуда с плотной керамической массой [1, с. 172] и даже керамика конецборского облика [1, рис. 102, 108]. Кроме того, со словом *Чойновты* у нас связано представление о памятниках усогорского типа. Наконец, термин О. Н. Бадера произносится легче, чем «чойновтинская культура». Какие же тогда основания для замены?

Ничем не оправдано и переименование черноборской культуры [2, с. 86, 89] в «памятники с керамикой конецельского типа»; поводом здесь послужило то, что В. С. Стоколосом обнаружена еще одна стоянка этой культуры — Конецелье. Думается, тенденция утвердить себя в науке подобным образом — это не только неуважение к предшествующим исследователям, но и дорога к терминологической путанице.

Сконструированная сложная «чужьяёльская культура» представлена в двух книгах по-разному. Вначале она подразделялась на два периода, из которых ранний членился на два этапа [1, с. 96—102], а затем каждый из этапов стал также именоваться периодом [2, с. 28]. Средний из новых периодов — стоянки ортинского типа, поздний — ниремского. В 1986 г. древнейшими чужьяёльскими памятниками исследователь считал, с одной стороны, усогорские поселения, с другой — стоянку Ошчой I (жилище 5), принадлежащую к конецборскому типу. Позднее же конецборские стоянки рассматривались как самостоятельный тип памятников, но отнесены были не к старшим, а к младшим энеолитическим памятникам (первая четверть II тыс. до н. э.) [2, с. 60]. В первом случае В. С. Стоколос ссылается на связь конецборской керамики «с камской гребенчатой, ближе к ее левшинскому этапу» [1, с. 97], а во втором [2, с. 48] — на дату В. И. Канивца, которая определяется положением конецборской керамики «между более ранним камско-уральским неолитом и более поздней лебяжской культурой» [11, с. 123]. Но сам же В. С. Стоколос полагает, что камская неолитическая керамика датируется первой половиной IV тыс [1, с. 100], а лебяжская — концом II — началом I тыс. до н. э., исчисляя хронологический разрыв между ними двумя с лишним тысячелетиями. Как же в таком случае можно опираться на вывод В. И. Канивца! По нашему мнению, конецборская керамика, аналогичная гребенчатой лесного Зауралья, весьма архаична; ближе к истине прежняя дата В. С. Стоколоса.

Абсолютная хронология «чужьяёльской культуры» установлена в основном по данным ^{14}C. «Ранний период» (усогорские стоянки) — это «IV четв. IV тыс.—I половина III тыс. до н. э.», средний» (ортино) — «II половина III тыс. до н. э.», «поздний» (ниремка) — «I четв. II тыс. до н. э.» [2, рис. 1]. Основанием послужили даты Чойновты I (ЛЕ-1729: 3370 г. до н. э.±60; ЛЕ-2168: 3260±60) и Ошчоя V, жилище 3 (ЛЕ-1730: 2580 г. до н. э.±40) [1, с. 100, 101], которые плохо увязываются с радиоуглеродными определениями для жилищ Ниремки I на Выми, где представлена

посуда ортинского облика (одно из них по ^{14}C относится к первой половине III тыс. до н. э., а остальные три — к началу II и рубежу II—I тыс. до н. э.[4]). В этой связи возникают сомнения в том, что результаты анализов, образцы для которых были взяты на поселении Чойновты I, в песке, с глубины всего 0,3—0,5 м [1, с. 100], надежны. Пока радиоуглеродные даты по энеолиту изучаемого района единичны и противоречивы, при установлении абсолютного возраста упор должен быть сделан на традиционные методы. Кстати, сам В. С. Стоколос несколько отступил от своих дат по ^{14}C, признав фактически их заниженный характер. Начало «раннего периода» определено 3250 г. до н. э., хотя Чойновты I относится по ^{14}C к 3430—3200 гг.; по «второму периоду» расхождение выражено еще больше (2500 и 2620—2540 гг.).

Даты В. С. Стоколоса не отвечают тому, что нам известно о древностях Крайнего Северо-Востока Европы. Он попытался сблизить усогорскую керамику с ранненеолитической посудой Эньты I, верхневолжской и черноборской культуры (тогда исследователь еще не сомневался в ее глубоком возрасте) [16 с. 97—100]. Но усогорские сосуды не имеют почти ничего общего с указанными, не говоря уже о совершенно разном характере кремневой индустрии (исключительно отщеповая и преимущественно пластинчатая). Нет никаких контактов и с местной культурой ямочно-гребенчатой керамики. Между тем выраженную параллель усогорская керамика находит в липчинских энеолитических сосудах лесного Зауралья. Они — яйцевидные и чашеобразные, часто с выраженной шейкой, под которой в один-два ряда расположены ямки, нередко соединяемые штрихами. Орнамент, накольчатый (обычно псевдоверевочный) и реже — гребенчатый, состоит, в частности, из зигзагов, треугольников, ромбовидных и многоромбовых фигур. В глиняном тесте — неорганическая примесь, каменная индустрия — отщеповая [12, с. 36—40; 13, с. 147—157; 14, с. 37—45]. Датируется липчинская культура второй половиной III тыс. до н. э., что позволяет отнести к этому же времени поселения усогорского типа.

Ортинские же памятники дали керамику, которая имеет близкую аналогию на гаринско-ольховских поселениях Прикамья, где найдены зауральские сосуды [15, рис. 13, 15, 30, 94]. Данная параллель в свое время указывалась самим В. С. Стоколосом [9, с. 36]. В свою очередь М. Ф. Косарев [14, с. 27—32] установил тождество зауральской посуды с р. Кама и керамики аятского типа в Лесном Зауралье. Следовательно, последняя должна быть близка к ортинской, что признано В. С. Стоколосом [2, с. 58]. М. Ф. Косарев [14, с. 27—32] датирует аятский этап первой третью II тыс. до н. э. и предположительно последней четвертью III тыс., Л. Я. Крижевская [16, с. 35—39, 125] — концом III — первой третью II тыс. до н. э. Очевидно, распространение геометрического стиля у племен гребенчатой керамики в Зауралье и на Крайнем Северо-Востоке Европы происходило примерно одновременно, и дата ортина лежит где-то у рубежа III и II тыс. до н. э. Смена конецборского культурного типа, сложившегося, вероятно, во второй четверти III тыс. до н. э. [5, с. 17], ортинским произошла, следовательно, в самом конце этого тысячелетия. Таким образом, если конецборские памятники В. С. Стоколосом без достаточных оснований омоложены, то усогорские и ортинские неоправданно удревнены. Последнее отмечено и Л. Л. Косинской [17, с. 43].

Можно согласиться с автором монографий, что усогорские поселения предшествуют ортинским и связаны с ними генетически. На преемственность между усогорской и ортинской посудой указывает сходство в формах сосудов (в том числе в профилировке венчика), составе керамической массы и орнаментике геометрического стиля, который представлен горизонтальными рядами заштрихованных треугольников и ромбов, сочетающихся с неорнаментированными участками, и обязательным рядом ямок под венчиком. Но есть и различия, в том числе существенные: ортинская керамика орнаментирована почти исключительно гребенчатыми узорами (нет накольчатых), и на ней встречаются дугообразные зубчатые оттиски. По-видимому, решительная победа гребенчатой орнаментации в ортинское время обусловлена тем, что в сложении ортинского культурного типа наряду с усогорским принял участие конецборский компонент. По этой причине объединение усогорских и ортинских памятников в рамках одной культуры мы считаем преждевременным; с неменьшим успехом ранний этап чужьяёльской культуры можно усматривать в конецборских поселениях.

Требует некоторого уточнения и культурная атрибуция поселения в Большеземельской тундре с оригинальным названием «Коротаиха 1981/8» [2, с. 50—55]. Надо согласиться, что вторая группа посуды с этого памятника представляет самый северный и наиболее восточный пункт ямочно-гребенчатой неолитической керамики, но отнесение первой группы к йоркутинскому типу нельзя признать правильным. Конечно, преобладание в орнаменте «шагающей гребенки» сближает посуду

[4] Любезное сообщение Л. Л. Косинской.

Коротаихи и Йоркутинской стоянки, но этим сходство и ограничивается. Гораздо ближе рассматриваемая керамика к собранной на Обской губе (Находка) и в г. Салехарде (Пернашор) [18, с. 43—45]. Здесь мы встречаем и характерный для посуды из Коротаихи двух-, трех- или многорядный ямочный узор под венчиком, и дугообразные зубчатые оттиски, и систему ромбов. В сущности к этому типу памятников относится и ранний комплекс Сартыньи I с сосудом, украшенным дугообразным зубчатым штампом в сочетании с «шагающей гребенкой» и ямочной зоной под венчиком [12, табл. V, *8*]. Едва ли прав В. С. Стоколос, предполагая, что гребенчатая керамика Коротаихи «не имеет отношения к чужьяёлю». Ближе к истине Л. П. Лащук и Л. П. Хлобыстин [18, с. 45], которые относят Пернашор и Находку к особому варианту ортинской культуры. Действительно, памятники ортинского и пернашорского типов представляются родственными, хотя для первых не характерна шагающая гребенка», а в орнаменте вторых слабо выражен геометризм.

Трудно согласиться с В. С. Стоколосом, что профилировка верхней части у ортинских и усогорских сосудов восходит к «воротничкам» агидельской керамики на Южном Урале [2, с. 37]: настоящих «воротничков на них нет» [2, рис. 2]. Неубедительно также утверждение, что «чойновтинская культура» сложилась из компонентов ямочно-гребенчатой, «накольчатой» и «чужьяёльской» керамики [2, с. 79, 80],— слишком велико различие между «пористой» и предшествующей местной керамикой.

Опираясь на параллели в волосовско-гаринских памятниках и применяя для датировки янтарные подвески и кремневые наконечники стрел, В. С. Стоколос приходит к выводу, что время «чойновтинской культуры» — вторая половина III и отчасти II тыс. до н. э. Здесь автор монографий сначала ограничился первой четвертью [1, с. 173—179], а затем, сославшись на формы наконечников стрел, говорит, что «чойновтинские» памятники заходят в третью четверть II тыс. до н. э. [2, с. 74—77, 196]. Думается, в первом случае исследователь был более точен. По данным Е. Н. Черных [19, с. 108], обитатели гаринских поселений знали только примитивную обработку меди, и «гаринско-борский металлургический очаг находился под некоторым воздействием балановского, а затем абашевского очагов»; никакого влияния со стороны сейминско-турбинских металлургов ни гаринцы, ни галовцы [20, с. 44—49] не испытали, что может свидетельствовать о досейминском возрасте галовских памятников, которые едва ли имеют отношение к третьей четверти II тыс. до н. э. (восточноевропейские сейминскотурбинские памятники датируются временем не позднее XVI—XV вв. до н. э. [21, с. 102]). Кроме того, учитывая распространение конецборских памятников, без следов влияния со стороны галовских поселений, можно предположить, что появление последних относится не к XXV, а к XXIV—XXIII вв. до н. э.

Уязвима для критики и внутренняя хронология «чойновтинской культуры». Еще в 1986 г. В. С. Стоколос [1, с. 178, 179] наметил в ее развитии два периода, различающихся по примесям к глиняному тесту. У него получается [1, с, 101, 178, 186; 2, с. 60, 73, 76, табл. 1, 13], что на раннем этапе первого периода «чойновтинской культуры» при «чужьяёльском» влиянии шло формирование пористой керамики, на позднем этапе сами «чужьяёльцы» стали пользоваться такой посудой, подражая «чойновтинцам», а во второй период последние заимствовали у носителей «чужьяёльской» культуры (или конецборцев) посуду «из плотной глины». Надуманность такой схемы очевидна. Не разумнее ли просто предположить: две культуры довольно долго взаимодействовали между собой, результатом чего и явились памятники синкретической керамики — ниремские?

В 1988 г. исследователь взял за основу и другой, на наш взгляд верный, критерий для выделения ранних и поздних памятников. Речь идет о сосудах с сильно приплюстнутым краем венчика (ранних) и о посуде, не имеющей бортиков (поздней); те и другие находятся в корреляции с типами наконечников стрел. В. С. Стоколос обратил внимание на то, что галовскую керамику сопровождают как ранние наконечники (лавролистные), так и поздние (с усеченным и выемчатым основанием, миндалевидные и треугольно-черешковые). Однако он не сумел надлежащим образом проанализировать керамический материал и разобраться в типах наконечников стрел (таблицы [1, табл. 5; 2, рис. 26, *а*] не полностью соответствуют рисункам вещей), и его периодизация требует основательной доработки.

К раннему периоду В. С. Стоколос [26 с. 66—76] относит Чойновты II, Чужьяёль II, Ошчой I (жилища 2, 4, 7), Попъюгу, Ниремку I (жилища 8, 10, 11), Юванаяг, Эньты II, Синдорское Озеро I, Вис I—III, к позднему — Галово II, Ружникову, Пижму II, Топыд-Нюр VIII, IX. Но в этот перечень вошли неопределенные поселения, не только с маловыразительной галовской керамикой, но и вовсе без фрагментов посуды (Чужьяёль II, Топыд-Нюр IX). О Попъюге судить трудно — данные о ней не опубликованы; Юванаяг известен как неолитический памятник [22, рис. 3, 17—19],

а Эньты II — типичное ниремское поселение [23]. Из галовских комплексов, включающих представительную керамику преимущественно в сочетании с наконечниками стрел, можно отметить лишь Чойновты II (жилища 4, 6, 10, 11, 13, 14), Ошчой I (жилище 7), Галово II, Ниремку I, Вис I, II.

Эти поселения следует разделить на раннюю группу и позднюю. Для первой (Вис I, Ниремка I — жилища 8 и 10; Чойновты II — полуземлянки 10, 14) типичны лавролистные наконечники и сосуды с сильно расплюснутым торцом, сравнительно редко украшенные веревочным узором; к данным поселениям примыкает Кузнечиха на Двинской губе [24]. Во вторую группу (Галово II, Чойновты II — жилища 4, 6, 11, 13, Ошчой I — жилище 7, Вис II, Ниремка I — полуземлянка 11) надо включить комплексы с наконечниками, имеющими усеченное или выемчатое основание, и сосудами, у которых бортиков часто нет, но обычны оттиски перевитой веревочки. Судя по кремневым изделиям, эта группа моложе первой. Об архаическом возрасте первой группы говорит и то, что жилище 14 в Чойновты II [1, с. 151—154] имеет необычные для энеолита вытянутые пропорции и очаг, углубленный в землю; обе особенности характерны для предшествующей эпохи [3, рис. 8, 11; 25, рис. 1; 26, с. 8].

Решительное возражение вызывает попытка отнести к энеолиту неолитические стоянки черноборской культуры с ямчатой керамикой [2, с. 80—89]. В 60-е годы, когда она была известна только по смешанным коллекциям, мы высказали мысль о том, что эта посуда относится к эпохе раннего металла, но после открытия монохронных стоянок черноборской культуры (Черноборская III, Прилукская) ее неолитический возраст стал очевидным и общепризнанным [4, с. 95—101; 5, с. 9—12; 25, с. 13, 14; 27]. При современном состоянии источниковой базы возврат к прежней датировке представляется анахронизмом. Исследователь, считая, что черноборская («конецельская») посуда с валиками распространилась «с запада вместе с движением шнуровой», переносит на черноборские памятники ее дату в Прибалтике («последняя четверть III тысячелетия до н. э.»). Это появление, по мнению В. С. Стоколоса, обусловлено экспансией фатьяновского населения, следы которого он находит на Вычегде, имея в виду боевой топор из д. Малая Додзь. Другое указание на возраст, по В. С. Стоколосу,— это находка валиковой керамики в заполнении жилища гаринского времени на поселении Бор I в Прикамье, третье — наличие валиков на отдельных сосудах ташковской культуры ранней бронзы в Притоболье.

Однако ни один из доводов не выдерживает критики. Исследователь, вероятно, считает, что раньше всего в Евразии валики появились на шнуровой и ташковской керамике, но, как было показано еще в 1974 г. [4, с. 28—101], в Центральной Европе (культура накольчато-ленточной керамики, бжещ-куявская группа памятников) и ареале днепро-донецкой культуры валики отмечаются на сосудах уже со второй половины IV тыс. до н. э. Валиковые сосуды того типа, который представлен в комплексах шнуровой керамики, не имеют почти ничего общего с ямчатой керамикой Крайнего Северо-Востока Европы (иные состав глиняного теста, обработка поверхности, размещение орнамента и способ его нанесения) [28, с. 98—100], а в фатьяновских памятниках отсутствуют вообще. Как же можно связывать происхождение черноборской культуры с фатьяновской экспансией, не оставившей к тому же в изучаемом районе ни одного фрагмента фатьяновской посуды! Что касается пестикового боевого топора из Малой Додзи, то он принадлежит к типу, который не характерен для фатьянова и находит аналогии в более древней культуре воронковидных кубков Южной Швеции, Дании [29, с. 273—276] и Центральной Европы [30, табл. N 5, *10*]. На большую древность боевых топоров нашего региона указывает и залегание одного из них (без расширения в месте сверлины, свойственного фатьяновскому оружию) на полу неолитической полуземлянки в Вис II [3, с. 88].

Обломки валиковой керамики в заполнении гаринского жилища могут принадлежать неолитической стоянке, культурный слой которой был им разрушен, а материал ташковской культуры резко отличается от черноборского. В то же время есть основания датировать черноборскую культуру IV — первой половиной III тыс. до н. э. О ее возрасте свидетельствуют: близость ямчатой керамики к посуде котчищенского типа на Валдае, которая по кремню и гипсометрическим данным может быть отнесена к раннему неолиту [31]; сравнительно высокое положение над уровнем реки стоянок Черноборская III, Прилукская, Конецелье и Петрушино; отдаленное сходство черно-борской керамики с днепро-донецкой, накольчато-ленточной и бжещкуявской, которое может говорить о заимствовании отдельных технологических и художественных приемов керамического производства (наличие шейки, плоское дно, лощение, узоры из мелких углублений, рельефный орнамент); ведущая роль пластинчатой индустрии, сохранение микровкладышевой техники и господство изделий из пластин, ретушированных частично, в наборе наконечников стрел; близость наконечников черноборского типа к орудиям

Оленеостровского могильника (относящегося к позднему мезолиту [32, с. 277, 278]), но бóльшая архаичность последних; предполагаемая генетическая связь черноборской культуры с висским мезолитическим типом стоянок [5, с. 29] и наметившаяся по высоким трапециям синхронность ее среднего этапа с ранним комплексом Эньты I на Вычегде [25]. Выделяются явроньгинский этап черноборской культуры (дно у сосудов острое и под венчиком проходит ряд ямок, валиков нет), прилукский (встречаются шейка, плоское днище, расплывчатые горизонтальные валики) и этап Виса II (сосуды с одним высоким валиком [5, с. 9—11]). Следовательно, вопреки представлению В. С. Стоколоса существуют черноборские комплексы без валиков и плоских днищ (например, в Явроньге I). Поэтому вряд ли он прав, утверждая, что отсутствие валиков в Черноборской III «случайно» и обусловлено «малочисленностью черноборской коллекции».

Стоянка Конещелье — новый выразительный памятник прилукского этапа. Здесь вскрыто первое черноборское жилище — удлиненных пропорций, что тоже служит аргументом в пользу неолитической даты. Это сооружение отличается от более поздних своими оригинальными особенностями: пандусы находятся не на торцах, а на длинной стороне и расположены не снаружи, а внутри; в противоположной стене были проделаны две ниши. Что касается стоянки Усть-Пеза, то ее «конещельская» принадлежность весьма сомнительна.

Что касается бронзового века на изучаемой территории, то заслугой В. С. Стоколоса являются расширение круга памятников, относящихся к коршакской культуре[2] выявленной В. И. Канивцом, и повышение ее даты до второй половины II тыс. до н. э. [2, с. 159—187]. В. С. Стоколосом был также открыт, а затем исследован новый тип памятников, который известен как атаман-нюрский [5, с. 18] или как «атаман-нюрская культура» — с гребенчато-ямочно-волнистой керамикой [2, с. 95—152]. Описаны жилища, имевшие обычно шестиугольную форму, кремневый инвентарь, и керамика, которую исследователь делит на три группы: пористую, плоскодонные банки с венчиком, имеющим гофрированный край [2, с. 129], и полуяйцевидные прямостенные и профилированные сосуды [2, с. 149]. Он отмечает, что «все три группы сравнительно полно представлены только на Атаман-Нюре I», «пористая» посуда связана с «появлением окского населения» [2, с. 150], банки имеют «определенные соответствия... на камско-вятских памятниках» гаринско-борского облика [2, с. 129], а третья группа «находит ряд параллелей» в Западной Сибири [2, с. 130, 131]. Сразу отметим, что оснований для выделения сосудов с пальцевыми вдавлениями на торце в отдельную культурную группу нет, поскольку, во-первых, такие вдавления известны на сосудах с зауральско-западносибирских памятников, к которым Атаман-Нюр I тяготеет [16, табл. XXIV, 1], а во-вторых, на атаман-нюрской керамике нет валиков, которыми в Прикамье сопровождаются гофрированные венчики.

Атаман-нюрский культурный тип помимо эпонимного памятника хорошо представлен также в Адзьве II, но с трудом выделяется в Ягъёле, где найдена также «окская» керамика. Главным эталоном послужил Атаман-Нюр I, на котором раскопано пять жилищ. Собственно атаман-нюрская посуда представлена в четырех из них (5, 6, 8, 9), а в пятом (№ 7) собрана только «окская». Последняя в виде примеси встречена и в остальных жилищах, но ее нельзя рассматривать как керамическую группу «атаман-нюрской культуры», ибо такая посуда обычно встречается без гребенчато-ямочно-волнистой (Вис II [3, с. 117], Шиховское I [2, с. 138—145, Ниремка I [17]), в частности в чистом виде: Атаман-Нюр I, жилище 7; Кирокса на Северной Двине, раскоп II; Векса I близ Вологды [33, с. 25—27]. Тем не менее в рецензируемой книге Шиховское I — тоже «атаман-нюрский» памятник. А поскольку на нем имеется также ниремская посуда, то и типичные ниремские жилища в Топыд-Нюре XII и XIII, правильное определение которых было дано еще В. И. Канивцом, объявлены атаман-нюрскими. Таким образом, в «атаман-нюрскую культуру», как в «конгломерат», вошли сразу три совершенно разных культурных типа, которые во время, переходное от энеолита к бронзовому веку, активно взаимодействовали между собой: собственно атаман-нюрский, «окский» и ниремский, причем памятники последнего у В. С. Стоколоса по непонятному принципу распределены между «атаман-нюрской культурой» (Топыд-Нюр XII, XIII), поздним периодом «чужьяёльской» (Ошчой I, жилища 10, 11) и ранним периодом «чойновтинской» культуры (Ошчой I, жилище 4).

Ошибочным нам представляется определение той «атаман-нюрской» керамики, которая В. С. Стоколосом рассматривается как «окская» и «чирковско-сейминская». В данном случае он следует

[2] Автор монографии не совсем верно назвал культуру Коршака I «коршаковской»; еще В. И. Канивец писал о «Коршакской стоянке» [11, с. 125]. Так как прилагательное в данном случае образовано не от личного имени, а от географического названия, суффиксов -ов здесь неуместен.

подобно Л. Л. Косинской [17, с. 40] за В. И. Канивцом [34, л. 18]. Мы же, исходя из атрибуции П. Н. Третьякова [35, с. 232] и А. Л. Никитина [36, с. 73, 74], считаем, что к появлению на Крайнем Северо-Востоке Европы профилированной «пористой» посуды причастна не фатьяновская (балановская), а абашевская культура. Сосуды часто имеют вздутую шейку без бортика у края или с небольшим выступом изнутри, тогда как у фатьяновских, напротив, верхняя часть шейки, как правило, несколько отведена во внешнюю сторону и нередко снабжена бортиком снаружи. В глиняное тесто добавлялась толченая ракушка, что типично для абашева, но чуждо фатьяновской культуре. Характерен зональный орнамент из горизонтальных линий, которые чередуются с рядами коротких косых или вертикальных штрихов либо с мелкими зигзагами. Галичский клад, соотносящийся с рассматриваемой посудой [37, с. 203—205], может считаться абашевским [19, с. 110, 111]. В Привычегодье и северной части Камского бассейна известны абашевские памятники (Ульяновское погребение [38, с. 91—94], Коршуновский клад [19, с. 110], находки у Писаного Камня), но нет следов фатьяновской культуры. Сказанное не означает, что в более южных районах отсутствуют поселения, которые можно рассматривать как дериват фатьянова.

Дата «атаман-нюрской культуры» (XIII—XI вв. до н. э.) у В. С. Стоколоса базируется на хронологии О. Н. Бадера применительно к «чирковско-сейминской» керамике. Следует принять во внимание определенную синхронность атаман-нюрской и посуды абашевского типа, так как в Атаман-Нюре I и Ягьёле та и другая составляют комплексы. Однако, учитывая глубокий, отчасти досейминский, возраст абашевской культуры [19, с. 95], можно предположить, что керамика абашевской традиции, и значит, атаман-нюрская, относится, в частности, к XV—XIV вв. до н. э., т. е. последняя может быть датирована второй половиной II тыс. до н. э.

Свидетельством этому является и сама атаман-нюрская посуда, находящая параллель в западносибирской плоскодонной гребенчато-ямочной керамике. Она, по М. Ф. Косареву [14, с. 59—62, 84—86, 141—162], либо характеризуется федоровскими (андроновскими) чертами (сузгунская и еловская культуры), либо их лишена (одиновский и предсузгунский этапы), причем федоровское время начинается, по М. Ф. Косареву и В. И. Молодину [39, рис. 89], в конце II тыс. до н. э. Поскольку андроноидные черты в Атаман-Нюре I выражены слабо (ковровый узор редок, а шейка у настоящих атаман-нюрских сосудов отсутствует), мы можем датировать атаман-нюрский культурный тип второй половиной этого тысячелетия. Кстати, В. И. Канивец [40, с. 95, 96] относил Атаман-Нюр I даже к его середине.

В главе «Памятники с текстильной керамикой» [2, с. 187—190] В. С. Стоколос касается выделенной нами усть-вымской культуры. Ее памятники довольно близки к поздняковским [3, с. 170—172], и в свое время исследователь [41, с. 47], отрицая существование усть-вымской культуры, писал, что ее керамика «принципиально не отличается от поздняковской». Теперь В. С. Стоколос снова спорит с нами, но его критика направлена уже с другой стороны: «Нет оснований считать ее аналогичной поздняковской». Но истина скорее всего лежит между двумя крайностями, к которым склоняется автор рецензируемых работ. Усть-вымская культура и сходна с поздняковской, и отличается от нее, что позволяет отнести и ту и другую к поздняковской историко-культурной общности. Не вся усть-вымская, как и не вся поздняковская, посуда может быть названа «текстильной»: в Ванвиздине поверхность сосудов во всех случаях сглажена, а в Висе II найдены только единичные черепки с «текстильными» оттисками, которые типичны лишь для поселения Ружникова.

Небольшая глава по лебяжской культуре [2, с. 152—156] интересна тем, что В. С. Стоколос признает непричастность ее к сейминско-турбинскому металлу и существование культуры не только в бронзовом веке (с конца II тыс. до н. э.), но и в железном, т. е. принимает те положения, которые нашли отражение в литературе последних лет [20]. Однако тезис о взаимовлиянии лебяжской и «атаман-нюрской» культур, в принципе не исключенном, нуждается в более веских доказательствах. Трудно также согласиться с той трактовкой, которая дана лебяжским прочерченным изображениям на керамике с поселений Конецбор I и Борганъёль I [2, с. 150]. В первом случае, по мнению В. И. Канивца, изображен человек в плетеной шапочке, а во втором, как считает Л. И. Ашихмина, представлен филин. В. С. Стоколос солидарен с первым исследователем, но пересматривает интерпретацию второго, полагая, что на борганъёльском сосуде нарисована рысь. По-видимому, в обоих случаях показан филин. Ведь в железном веке на изучаемой территории был распространен культ хищной птицы, а почитание рыси нам по местному древнему искусству не известно. Кроме того, в Конецборе I отмечается несоответствие между размером «человеческой головы» и расстоянием между глазами, которое непомерно мало. На сосуде надо усматривать изображение филина, а сегмент с перекрестной штриховкой, висящий над его головой, может быть символом луны, ассоциируемой

с ночным хищником. Сходный, но лучше сохранившийся рисунок (правда, без сегмента) встречен в Борганъёле I: в обоих случаях верхний край птичьей головы имеет вогнутость, клюв показан спускающимся от нее штрихом, а глаза посажены непропорционально близко к темени, т. е. голова птицы запрокинута, и взор ее обращен к небу.

В разделе о памятниках с крестовой керамикой [2, с. 156—159] В. С. Стоколос анализирует материал с северотиманских поселений (Ружникова и др.), который он делит на две группы. В первую из них вошли сосуды, украшенные одним-двумя рядами ямок под венчиком и зональным декором из чередующихся поясков крестового и змеевидного орнамента (обычно вертикальные оттиски), во вторую — «местная керамика лебяжского типа на позднем этапе ее развития» вместе с сосудами неопределенных культур [2, табл. 42, *1*, *2*, *4*]. Автор монографии не считает эти группы разновременными, ибо их «объединяют такие общие детали, как включение характерного змейкового (мелкоструйчатого) штампа в композиции», и относит их «к концу бронзового века» или к «эпохе раннего железа» (начинающейся, по В. С. Стоколосу [2, с. 196], со второй половины I тыс. до н. э.). Поскольку рассматриваемая керамика «выделена типологически из нестратифицированных памятников», считать ее единым комплексом, принадлежащим «смешанной группе населения», рискованно. Первая группа определяет оригинальный ружниковский тип памятников, представленный не только поселениями Тимана, но и Сотчёмъелем в Печорском Приуралье [40, рис. 32, *10—14*], а также Чудинты II (раскоп II) на Вычегде [42, с. 104—106]. Вторая же керамическая группа, указанная исследователем, вовсе не является крестовой; эта позднелебяжская посуда с веревочным и змеевидным орнаментом за пределами северотиманских поселений не сопровождается ружниковскими сосудами (Вис I, II [3, табл. XXV—XXVII, Лыжа и Сынявом III [11, с. 78, 79, 86, 87], Канинское святилище [43, рис. 32, *1*, *2*], хотя появление на ней змеевидных оттисков следует связать с ружниковским влиянием.

В. С. Стоколос относит к бронзовому веку также три металлических предмета с рельефным орнаментом, из которых два (наконечник копья и нож) найдены на поселении Пижма II, а третий (тоже наконечник копья) — у д. Заречье в Верхнем Припечорье [2, с. 158]. В книге утверждается, что «в стилевом отношении орнамент на вещах одинаков, будто все они изготовлены одновременно в одной мастерской». «Важно то,— отмечает далее автор,— что кулайские копья — трехлопастные в отличие от североприуральских — двухлопастных. Последние в этом отношении напоминают сейминско-турбинские двухперые копья. А по орнаменту и такой детали, как отверстия на втулке копья, они сближаются с западносибирскими изделиями и, таким образом, занимают промежуточное положение, более близкое к сейминско-турбинским предметам». С приведенным утверждением согласиться нельзя.

Во-первых, стилевого единства нет. Если нож украшен цепочкой заштрихованных треугольников, то зареченский наконечник орнаментирован зигзагами, зажатыми между стержнем и боковыми краями, с частичной поперечной штриховкой образовавшихся треугольных полей. Наконечник же из Пижмы II имеет обыкновенный елочный узор, типичный для изделий этой категории из ананьинских могильников [44, табл. XXXVI, *16*, XXXVIII, *11*]. Во-вторых, существование бронзовых трехлопастных кулайских наконечников копий не исключает того, что в раннем железном веке могли использоваться и обычные с плоским пером,— тем более, что известны железные изделия такого типа [45, рис. 32]. Сам В. С. Стоколос указал зареченскому предмету убедительную западносибирскую параллель — копьевидное двухлопастное навершие этой же культуры из с. Дунаево, с аналогичным узором. По-видимому, оба предмета представляли собой парадное, богато декорированное оружие кулайского времени. Еще В. И. Канивец предполагал, что «приблизительная дата» наконечника из Заречья — вторая половина I тыс. до н. э. [46, с. 50]. В-третьих, отверстия на втулке типичны не только для Западной Сибири, но и для Прикамья, причем в ананьинскую, а не в предшествующую эпоху.

Только нож может быть отнесен ко времени, которое указано В. С. Стоколосом: выпуклообушковые ножи, нередко с орнаментом на лезвии вдоль обушка (в частности, с цепочкой заштрихованных треугольников), известны на территории Дании, Германии, Польши [30, табл. B-13, *9*; 47, табл. I, *3*; IV, *2*; 48, табл. 24, *34*, 67—68, *XX*] и датируются в основном концом II тыс. до н. э. Лавролистный пижемский наконечник, сближаясь по орнаменту с ананьинскими разных этапов [44, табл. XXXVI], по очертаниям пера находит выраженные соответствия только в раннеананьинских могильниках [44, с. 92—94]: ни для предшествующих, ни для последующих комплексов лавролистные изделия не характерны. Специфика этого наконечника, как и зареченского, состоящая в том, что края пера окаймлены парными рельефными линиями, объяснима тем, что оба предмета имеют, вероятно,

западносибирское происхождение, равно как и кельт Синдорского клада [3, табл. XXI, 18], принадлежащий к ананьинскому типу, но украшенный такими же линиями по краям срединных граней.

Не самым лучшим является использованное В. С. Стоколосом наименование *Северное Приуралье*. Ведь так принято называть территорию, которая охватывает только юго-восточные районы Коми АССР; существуют еще Приполярный и Полярный Урал [49, с. 59]. Область, памятники которой рассмотрены, можно было бы определить как Крайний Северо-Восток Русской равнины, о чем пишет и сам исследователь [2, с. 3].

В. С. Стоколос постоянно употребляет термин «гончарство», говоря о лепной керамике. Правомерность этого сомнительна, так как, по мнению большинства археологов, гончарство — ремесло, связанное с использованием круга, на котором изготовляется гончарная посуда [50]. На с. 35 [2] обыкновенные резчики именуются «скребками особого ложкарного типа», хотя доказано, что скребки — это орудия для обработки шкур [51, с. 107—116]. На с. 187 «текстильные» отпечатки названы орнаментом, а ведь они — следы специфической технологии [52, с. 193—209]. Неточно утверждение, что суббореальный период совпадает с бронзовым веком [2, с. 11]. На с. 86 мы встречаем определение миграции на Крайний Северо-Восток Европы из Волго-Окского бассейна как движение с запада (а он находится к юго-западу) и выражение «Прикамье и Приуралье», хотя первое — часть второго. В. С. Стоколос справедливо констатирует, что металл Лебяжской стоянки по ряду диагностических признаков аналогичен найденному на других памятниках лебяжской культуры, но по олову, считает исследователь, «разница велика»: в ранее опубликованных данных «примесь олова не выходит за рамки естественной» [2, с. 155, 156]; на самом же деле, две вещи (нож из Чудинты I и слиток из Знаменки) — явная оловянистая бронза [20, с. 44, табл., № 41, 45].

В. С. Стоколос ограничил свою задачу в основном культурной атрибуцией и определением возраста описанных поселений. Обобщений на более высоком историческом уровне в его работах крайне мало. Небольшие разделы, посвященные реконструкции энеолитических жилищ по этнографическим данным [1, с. 108, 109, 179, 180; 2, с. 26, 27, 127, 128], читаются с интересом, но не выделены в обозначенные разделы в отличие от описаний и теряются среди них. В монографии 1988 г. практически отсутствуют цифро-текстовые таблицы, нет сжатого свода выразительных памятников и всего три карты, на которых показана только часть памятников раннего металла. О полноте охвата можно судить по третьей карте [2, рис. 30], где, например, отсутствует бóльшая часть раннелебяжских поселений, а из шести памятников в Восточном Привычегодье указан только один. На другой карте [2, рис. 1] некоторые поселения (Ружникова, Пижма II, Колвавис XXV, Нерчей II) отмечены парами условных знаков: «чужьяёльские памятники» и «памятники с чужьяёльской керамикой (тундровый вариант)», что вызывает недоумение.

Логически план книги 1988 г. продуман, как мне кажется, неудачно. В частности, ее автор не самым удачным образом стремился достигнуть двух целей: обобщить имеющийся материал по эпохе раннего металла и опубликовать данные по новым памятникам, часто второстепенным. В результате этого выводам в ряде случаев предшествуют описания непредставительных поселений, а сведения о главных отсутствуют. В разделе же по «чужьяёльской культуре» ее характеристика почти полностью заменена сведениями об отдельных поселениях «раннего» и «среднего» периодов [2, с. 28—47], а о «позднем» автор умалчивает, так как новых «младших» стоянок не оказалось. Правда, о «позднем периоде» идет речь в заключении [2, с. 60], вклинивающемся почему-то между третьим и четвертым разделами главы «Памятники с гребенчатой керамикой». Добавим, что описания материала пестрят названиями параграфов, выделенными разными шрифтами без определенной системы. Все это затрудняет чтение и понимание работы. Автору следовало вынести все подобные описания (свыше $^2/_3$ объема) в приложение.

При рассмотрении культур и культурных типов бронзового века не выдержан хронологический принцип: между «атаман-нюрской» и коршакской культурами II тыс. до н. э. оказались лебяжская и памятники крестовой керамики, заходящие в «период, переходный от бронзы к железу» [2, с. 190]. В очерке «История археологического изучения» всего одна глава —«К вопросу об энеолите...», а в главе «Коршаковская культура» — единственный раздел «Памятники». Глава «Атаман-нюрская культура» содержит три раздела: просто «Памятники» [2, с. 97—138], «Памятники в урочище Сопочный Бор» [2, с. 138—148] и «Культурная принадлежность, хронология» [2, с. 148—156], но последний включает только половину текста по данным вопросам, а остальное вклинивается в описание поселений [2, с. 128—133]; при этом в оглавление вошел только первый раздел.

В тексте встречаются противоречия. Например, на с. 158 [2] написано, что «с крестовой... керамикой, по-видимому, связаны... два наконечника копья... Обломок второго наконечника... найден

нна... стоянке Пижма II». А в следующем абзаце сказано: «Близость пижемского копья к сейминско-турбинским изделиям... ставит под сомнение связь этой вещи с крестовой керамикой». В других местах Эньты II характеризуется то как одно из основных «раннечойновтинских» поселений [2, с. 66], то в качестве памятника, «близкого к чойновтинским раннего периода» [2, с. 73]. Не всегда удачно изложение и в стилистическом отношении: «Допуская распространение ее (валиковой плоскодонной посуды — *Г. Б.*) с запада вместе с движением шнуровой, появление плоскодонной валиковой посуды в Приуралье вряд ли возможно ранее последней четверти III тысячелетия до н. э., ближе к ее окончанию» [2, с. 86]. На с. 111 идет речь о сосуде, который «вылеплен из пористого глиняного теста», которого не бывает. Неправильно выражение «органика вместе с раковиной» [2, с. 113], поскольку последняя тоже органического происхождения. А на с. 53 сообщается, что «полосы „шагающей" гребенки наносились поочередно в горизонтальной или вертикальной плоскости». Перечень мелких погрешностей можно продолжить...

Итак, рецензируемые книги вводят в научный оборот новый интересный материал. Но бросаются в глаза не всегда справедливая претенциозность их автора, явная поспешность в подготовке рукописей к изданию, необоснованность многих выводов и построений, описательный характер обеих работ и неопределенная «сырость» текста. Сказанное в первую очередь касается второй монографии, рукопись которой была, по нашему мнению, направлена в печать преждевременно.

(Симферопольский государственный университет

Г. М. Буров

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Стоколос В. С.* Древние поселения Мезенской долины. М.: Наука, 1986.
2. *Стоколос В. С.* Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988.
3. *Буров Г. М.* Древний Синдор. М.: Наука, 1967.
4. *Буров Г. М.* Археологические культуры Севера европейской части СССР (Северодвинский край). Ульяновск: Ульяновский пед. ин-т, 1974.
5. *Буров Г. М.* Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. 07.00.06. Новосибирск, 1986.
6. *Буров Г. М.* Культурные типы Крайнего Северо-Востока Европы (эпоха мезолита, неолита и раннего металла). Симферополь: Симфероп. ун-т, 1986: Деп. в ИНИОН АН СССР. № 25191.
7. *Лузгин В. Е.* Древние культуры Ижмы. М.: Наука, 1972.
8. *Хлобыстин Л. П.* Крайний Северо-Восток европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы//МИА. 1973. № 172.
9. *Стоколос В. С.* Поселение Чужьяёль на Мезени//МАЕСВ. 1978. Вып. 7.
10. *Бадер О. Н.*, Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970.
11. *Канивец В. И.* Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М.: Наука, 1974.
12. *Чернецов В. Н.* Древняя история Нижнего Приобья//МИА. 1953. № 35.
13. *Старков В. Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980.
14. *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981.
15. *Бадер О. Н.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье//МИА. 1961. № 99.
16. *Крижевская Л. Я.* Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
17. *Косинская Л. Л.* Керамика поселения Ниремка I//МАЕСВ. 1986. Вып. 10.
18. *Лашук Л. П., Хлобыстин Л. П.* Север Западной Сибири в эпоху бронзы//КСИА. 1986. Вып. 185.
19. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970.
20. *Буров Г. М.* О нижнем хронологическом пределе лебяжской культуры//СА. 1983. № 2.
21. *Черных Е. Н., Кузьминых С. В.* Памятники сейминско-турбинского типа//Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука. 1987.
22. *Логинова Э. С.* Археологическая разведка на Вишере//МАЕСВ. 1985. Вып. 9.
23. *Логинова Э. С.* Поселение Эньты II//МАЕСВ. 1986. Вып. 10.
24. *Смирнов В. И.* Стоянка на р. Кузнечихе в г. Архангельске// КСИИМК. 1941. Вып. 9.
25. *Логинова Э. С.* Поселение Эньты I//МАЕСВ. 1978. Вып. 7.
26. *Логинова Э. С.* Поселения на средней Вычегде в эпоху неолита//Научные доклады: Серия препринтов. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1985. Вып. 120.
27. *Верещагина И. В.* Ранний неолит на Северной Двине//МАЕСВ. 1977. Вып. 6.
28. *Лозе И. А.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига: Зинатне, 1979.
29. *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М.: Наука, 1973.
30. Typentafeln zur Ur- und Frühgeschichte/Redaktion: R. Feustel. Weimar: Kulturbund der DDR, 1972.
31. *Гурина Н. Н.* К вопросу о раннем неолите Верхнего Поволжья//Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975.
32. *Ошибкина С. В.* Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука, 1983.
33. *Ошибкина С. В.* О находках сейминского времени в Восточном Прионежье//КСИА. 1984. Вып. 177.

34. *Канивец В. И.* Отчет о работах Печорского I археологического отряда в 1971 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 4447, 4447а.
35. *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука, 1966.
36. *Никитин А. Л.* Эпоха бронзы на Плещеевом озере//СА. 1976. № 1.
37. *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969.
38. *Буров Г. М.* Вычегодский край. Очерки древней истории. М.: Наука, 1965.
39. *Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985.
40. *Канивец В. И.* Древние поселения Южно-Печорской равнины//МАЕСВ. 1965. Вып. 3.
41. *Стоколос В. С.* Стоянки бронзового века на водораздельных озерах Центрального Тимана//МАЕСВ. 1973. Вып. 5.
42. *Буров Г. М.* Стоянки у с. Вольдино и эпоха раннего металла на Вычегде//Тр. Коми ФАН. 1960. № 9.
43. *Канивец В. И.* Канинская пещера. М.: Наука, 1964.
44. *Кузьминых С. В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М.: Наука, 1983.
45. *Чиндина Л. А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984.
46. *Канивец В. И., Лузгин В. Е.* Археологическая разведка на Южно-Печорской равнине//МАЕСВ. 1963. Вып. 2.
47. *Randsberg K.* From Period III to period IV. Copenhagen: The Nation Museum of Denmark, 1972.
48. *Членова Н. Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука. 1972.
49. Урал//БСЭ. 3-е изд. Т. 27.
50. *Хлебникова Т. А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. М.: Наука, 1984.
51. *Семенов С. А.* Первобытная техника//МИА. 1957. № 54.
52. *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978.

В. К. Казакявичус. Оружие балтских племен II—VIII веков на территории Литвы. Вильнюс: Мокслас, 1988. 160 с., илл.

Работа В. К. Казакявичуса — первое монографическое исследование по истории вооружения балтских племен II—VIII вв. и пока единственное вообще по данной тематике по всей Восточной Прибалтике.

Книга состоит из семи глав, первая из которых посвящена обзору литературы. Отрадно, что в ней автор не ограничился разбором работ, непосредственно касающихся оружия балтов, но и подробно остановился на трудах эстонских, латышских и польских коллег по смежным территориям. В итоге читатель может получить вполне достаточное представление о степени разработанности этой проблематики в целом регионе.

Вторая глава — самая объемная в книге. Она содержит описание, классификацию и историю развития наиболее распространенного у балтов оружия — копий. Количество их (210 экз. II—IV вв. и 1050 экз. V—VIII вв.) действительно впечатляет. Подавляющее число наконечников (1180 экз.) — втульчатые. В.К. Казакявичус подразделил всю коллекцию на девять типов и семь подтипов с вариантами. Особый интерес представляет заключительная часть главы, где исследователь высказывает свою точку зрения на происхождение каждого типа наконечников. Он считает втульчатые наконечники с пером ромбовидной формы (240 экз.) типа I, наконечники с профилированным пером (146 экз.) типа II и наконечники с пером иволистной формы (ок. 170 экз.) типа V происходящими с территории восточно-балтских племен. Черешковые наконечники с пером лавролистной формы (77 экз.) типа VIII, как полагает В. К. Казакявичус, зародились в землях балто-угро-финских племен, а наконечники с граненным пером лавролистной формы (92 экз.) типа IV были унаследованы от бронзового века (с. 61). Что же касается наконечников с ланцетовидным пером (ок. 45 экз.) типа VI и двушипных втульчатых (9 экз.), то они, по его мнению, были импортными (с. 62). Все эти выводы исследователя чрезвычайно важны и заслуживают самого пристального внимания. Некоторые из них находят подтверждение и в древностях других восточноевропейских племен. Так, например, наконечники копий, аналогичные экземплярам типа IV, а также , по-видимому, типов IA и IБ (по классификации В. К. Казакявичуса) в раннем железном веке употреблялись на обширной территории, включавшей Поволжье, Волго-Окское междуречье и бассейн среднего течения Оки [1, с.87, рис.33, *23*; 2, с.87, рис.17, *17*]. Там они, так же как и прибалтийские копья, восходят к бронзовым образцам, о чем

© А. Р. Артемьев, 1992 г.

свидетельствует наличие переходных форм из железа с так называемым гребнем или ребром-рудиментом бронзовых прототипов [2, с. 85, рис. 17, *14*; 3, с. 71, рис. 2, *3*, *6*]. Можно отчасти согласиться с автором книги и в вопросе происхождения лавролистных черешковых наконечников типа VIII (с. 60, 61), отчасти — потому, что финно-угры, на наш взгляд, не имеют отношения к выработке этой формы копий. Наибольшее распространение она получила у латгалов и селов [4, с. 157, табл. 39, *7*, *8*; *5*, табл. CXI, *4*, *10*], на пограничье с племенами которых и найдена основная масса литовских экземпляров (карта XIII). Преимущественно в сопредельных с Латгалией районах встречены такие наконечники на древнерусской территории [6, с. 89].

Несомненно, прав В. К. Казакявичус считая не местными двушипные втульчатые наконечники (с. 55—57). Однако относить их, как делает это он, ссылаясь на А. Н. Кирпичникова [7, с. 6,17], к одному из основных видов оружия славянских племен также не следует. Дело в том, что четверть века непрерывных исследований раннеславянских памятников, имевших место со времени выхода работы А. Н. Кирпичникова, не подтвердили его мнения. Восточные славяне использовали этот тип наконечников весьма ограниченно и, по-видимому, заимствовали его у поволжских и прикамских финнов [8, табл. XXXVII, *14*; XLII, 25; XLIII, *6*; 9, табл. LIX, *9*], которые в свою очередь унаследовали у «дьяковцев» [10, с. 36, табл. II, *16*]. Что же касается двушипных черешковых наконечников, то их происхождение с территории Латвии, где они особенно многочисленны [11], действительно, не вызывает сомнений (с. 60, 61).

Следующая глава книги посвящена наконечникам стрел. Их найдено немного — всего 47 экз., 5 из которых — втульчатые. Столь малое количество наконечников, естественно, привело автора к выводу о непопулярности лука на территории Восточной Прибалтики (с. 74), с чем трудно не согласиться. Наиболее значительную группу наконечников составляют трехлопастные (36 экз.) типа Г, которые, по заключению исследователя, для балтских племен нехарактерны (с. 69—71). Об их инородном происхождении, по-видимому, свидетельствует находка одного из них среди позвоночных костей мужского скелета, а другого — вонзившимся в бедренную кость женщины из погребения в типично балтском могильнике Плинкайгалис (рис. 27), который в течение ряда лет изучался В. К. Казакявичусом. Сам случай обнаружения стрелы, засевшей в кости, достаточно редок и со времени публикации статьи В.В.Лоренца [12], кажется, больше нигде в домонгольское время не зафиксирован. Интересен факт присутствия среди анализируемого балтского материала трех втульчатых двушипных наконечников типа Д, которые, по мнению В. К. Казакявичюса, могли попасть туда либо с территории западных балтов, либо с территории пшеворской культуры (с. 74). С западным происхождением этого типа наконечников вслед за А.Ф. Медведевым [13, с. 55] согласился некогда и Р.С. Минасян [14, с. 36], включивший его в раннесредневековый хозяйственно-бытовой комплекс орудий восточных славян [15, с. 26]. Однако он не забыл при этом о находке двух двушипных наконечников IV—III вв. до н. э. и одного III—I вв. до н. э. в культурных напластованиях Троицкого городища [16, с. 162, табл. 9, *13—15*], что может свидетельствовать и об ином происхождении типа. Тем не менее появление этих наконечников на западных окраинах Руси исследователи продолжают и, видимо, справедливо, связывать с продвижением туда славян [17, с. 9].

Из 530 узколезвийных проушных топоров I тыс. н. э., найденных на территории Литвы (с. 74—81), В. К. Казакявичюс отнес к боевым орнаментированные (10 экз.) и со щекавицами-выступами (12 экз.).

Важное место в комплексе боевых средств у балтов занимали ножи, которых найдено уже около 100 экз. Все они, как убедительно показал автор книги, местного производства (с. 82).

Шестая глава монографии посвящена очень популярному виду вооружения на территории древней Литвы — мечам. В настоящее время известны 2 двухлезвийных, около 100 однолезвийных и 178 широких боевых ножей-мечей V— начала IX в. Первые из них автор считает импортными, а богатые погребения, в которых их обнаружили, по его мнению, не без основания относят к княжеским (с. 97, 98, 117—119). К такому же выводу о происхождении двухлезвийных мечей V—VII вв. у эстов пришел М. Мандель [18, с. 83].

Скрупулезный анализ распространения и хронологии однолезвийных мечей как на территории балтов, так и на сопределенных территориях привел В. К. Казакявичуса к очень интересному заключению. Ему удалось существенно дополнить продержавшийся в литературе более полувека вывод Г.Гъессинга о восточнопрусском происхождении этого типа оружия [19, с. 82—101], включив в состав его исходной территории и Западную Литву (с. 107—109). Убедителен вывод автора книги и о происхождении и локальном употреблении, только у балтских племен жемайтов, земгалов и латгалов, широких боевых ножей-мечей (с. 109—117).

Последняя глава книги посвящена щитам, которые представлены в литовском археологическом материале 88 железными умбонами, 8 рукоятками и 3 оковками краев. Они употреблялись балтами в течение весьма ограниченного периода — в III—VII вв.; данных об их существовании до и после него нет (с. 119—129). Коллекция умбонов подразделена в монографии на два типа: с вершинами в форме сплющенного полушария (6 экз.) и с конусовидными вершинами (77 экз.). Сами щиты, по мнению В. К. Казакявичуса, имели форму вытянутого четырехугольника со скругленными краями, не исключена также возможность существования круглой формы (с. 125).

В небольшом по объему (с.130—135), но емком по содержанию заключении автор подводит основные итоги исследования. Не подлежит сомнению вывод В. К. Казакявичуса о том, что основным оружием балтов в рассмотренный период были копья. В течение II—VIII вв., по его мнению, они постоянно совершенствовались, но так и не достигли того уровня стандартизации, который будет характерен для них в конце I— начале II тыс. [20, с. 213—227; 21, с. 8—16]. Вторым по значению видом вооружения были боевые ножи и появившиеся в результате их развития однолезвийные мечи. Значительно меньшее распространение у балтов получили боевые топоры, лук и стрелы. Многообразие форм и технологических схем, по заключению В. К. Казакявичуса, убедительно свидетельствует о высоком профессиональном уровне балтских кузнецов. Имущественное и социальное расслоение в среде балтов прослеживается им наиболее ярко на примере мечей. Однако общее увеличение количества оружия в археологических памятниках Литвы начиная с V в. он связывает также и с великим переселением народов, увеличившим военную угрозу извне (с. 134). Эти важные и, несомненно, верные выводы подтверждаются синхронными и, по-видимому, в целом аналогичными процессами на территории Эстонии, где в V—VII вв. количество оружия также резко возрастает [18, с. 83].

Книга В.К. Казакявичуса прекрасно иллюстрирована, она подкупает своей краткостью и логичностью. В ней нет места домыслам и необоснованным предположениям. Когда автор приводит количественные данные о рассматриваемом материале, то сомнений в их точности не возникает, а это, надо признаться, случай редкий. Хочется надеяться, что многолетние штудии двух других ведущих прибалтийских историков оружия М. Аттазиса и М. Манделя — также завершатся изданием монографии. Во всяком случае, образец, на который им стоит ориентироваться, уже есть.

Институт истории, археологии и этнографии
ДВО РАН, Владивосток

А. Р. Артемьев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1961. № 94.
2. *Смирнов А. П.* Железный век Чувашского Поволжья // МИА. 1961. №95.
3. *Шитов В. Н.* Вооружение мордвы во второй половине I тысячелетия нашей эры (по материалам Старокадомского и Шокшинского могильников) // Тр. Мордовск. н.-и. ин-та языка, литературы, истории и экономики. Вып. 48. Саранск, 1975.
4. Latvijas PSR arheologija. Riga, 1974.
5. *Седов В. В.* Балты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1987.
6. *Артемьев А. Р.* Копья из раскопок в Изборске // КСИА. 1982. Вып. 171.
7. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2 // САИ. 1966. Вып. Е1—36.
8. *Голубева Л. А.* Поволжские финны // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1987.
9. *Розенфельдт Р. Л.* Прикамские финны // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР.М.: Наука, 1987.
10. *Смирнов К. А.* Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М.:Наука, 1974.
11. *Atgāzis M.* Dzels iedzīvotņa skēpu gali ar atkarpēm Latvija // Arheologija un etnogrāfia. Rīga, 1974. T.XI.
12. *Лоренц В. В.* О случае нахождения бронзовой стрелы в головке малой берцевой кости // Тр. Крым. мед. ин-та. Т.I Симферополь, 1935.
13. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел // САИ. 1966. Вып. Е1—36.
14. *Минасян Р. С.* Втульчатые двушипные наконечники стрел Восточной Европы// СГЭ. 1978. Вып. XIII.
15. *Минасян Р. С.* Проблема славянского заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.

16. *Крис Х. И.* Костяные и железные наконечники стрел // Древнее поселение в Подмосковье. МИА. 1970. № 156.
17. *Носов Е. Н.* Городище и Новгород в IX—XII вв. (замечания о социально-топографической структуре древнерусского города) // Генезис и развитие феодализма в России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.
18. *Мандель М.* Меч в вооружении эстонских племен до VII века // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин: Изд-во АН ЭССР, 1985.
19. *Gjessing G.* Studier i norsk Merovingertid. Oslo, 1934.
20. *Volkaitė-Kulikauskienė R.* Lietuviai IX—XII amžiais. Vilnius, 1970.
21. *Volkaitė-Kulikauskienė R.* Ginklai // Lietuvių materialinė kultūra IX—XIII amžiuje. T. 2. Vilnius, 1981.

Asko Parpola. The Coming of the Aryans to Iran and India and the Cultural and Ethnic Identity of the Dasas // **Studia Orientalia.** V. 64. Helsinki, 1988. 83 p.

Индоевропейская проблема уже не одно десятилетие находится в центре внимания ученых — историков, археологов, лингвистов. Среди всех ее аспектов чаще других затрагиваются вопросы о прародине индоевропейских племен и о путях их расселения. В связи с этим работа известного финского историка и лингвиста Аско Парполы «Приход арийцев в Иран и Индию и культурная и этническая идентификация Dasas», изданная в Хельсинки в 1988 г., несомненно, вызовет большой интерес у исследователей.

В работе автор предлагает принципиально новую гипотезу, касающуюся народа, упоминаемого в Ригведе — Dasas, или Dasyus. Основываясь на археологических и лингвистических данных, автор считает, что эти народы первыми принесли арийские языки в Индию около 2000 г. до н. э. Предполагается, что в Индии эта доведическая волна арийцев представлена среди прочих культур культурой «медных кладов», в Иране — культурой Гиссар III.

Около 1800 г. до н. э. первая волна арийцев в Иране и в Индии сменяется второй волной, пришедшей из северных степей и в конечном счете приведшей к синкретизму культур и религий Веды и Авесты и династии Миттани на Ближнем Востоке. Свое материальное выражение эта волна находит, в частности, в культуре Галегай IV в долине Свата. Такова в общих чертах концепция автора статьи, в основу которой был положен его доклад на Седьмом всемирном конгрессе по санскриту, проводившемся в Лейдене в августе 1987 г.

В связи с тем, что гипотеза является принципиально новой и оригинальной, хотелось бы остановиться на некоторых ее составляющих более подробно.

Среди множества вопросов, которые занимают исследователей в связи с индоевропейской проблемой, стоит и вопрос о характере Индской цивилизации. Немало сторонников, особенно в Индии, имеет гипотеза о том, что носители этой цивилизации говорили на индоевропейских языках. Предполагается, в частности, что индоевропейцы могли принести агрикультуру из Анатолии в Белуджистан примерно около VI тыс. до н. э. (с. 196). Отдавая должное достаточной обоснованности этой гипотезы, автор, однако, не считает возможным с ней согласиться по следующим причинам: во-первых, археологические данные указывают на местное одомашнивание животных и растений в Белуджистане. Во-вторых, на памятниках не было найдено ни одного изображения лошади на печатях либо в пластике. И наконец, в-третьих, до сих пор совершенно неясно, присутствуют ли кости лошади на памятниках, предшествующих II тыс. до н. э. Между тем, если бы на этой территории до II тыс. до н. э. обитали индоевропейцы, таких находок было бы достаточно много. Вот почему автор склонен придерживаться уже давно известной, где-то даже традиционной, точки зрения о том, что арийцы приходили в Индию несколько раз на протяжении II тыс. до н. э. Прародиной их являются южнорусские степи. Это единственная версия, давшая возможность автору скоррелировать используемые им археологические и лингвистические источники.

Отмечается, что в настоящее время исследователи практически единодушны в том, чтобы связывать археологические комплексы с расписной серой керамикой (PGW) с арийцами поздневедического периода. В Индии эта керамика существует на протяжении полутысячелетия: верхняя граница ее помещается между 1100 — 800 гг. до н. э., нижняя — между 400 — 350 гг. до н. э. Около 600 г. до н. э. эта керамика начинает вытесняться северной чернолощеной керамикой (NBPW).

© Т. Н. Трунаева, 1992 г.

Автор считает, что керамика PGW связана с памятниками, упомянутыми в Махабхарате, а керамика NBPW — с памятниками из Рамайяны. Расположение керамики на памятниках неодинаково: где-то PGW лежит прямо на материке, в некоторых местах на керамике охристого цвета (OCP), которая связывается с культурой «медных кладов», либо на черно-красной керамике (BRW). Каждая из этих культур, по мнению автора, является безусловно арийской, но пока недостаточно ясно, как культура серой керамики связана с культурами Иранского плато, Средней Азии и соответственно с самым ранним периодом Ригведы.

Оба древнейших литературных памятника, Авеста и Ригведа, указывают на существенную роль всадника, коня и колесницы в культуре древних индоарийцев и иранцев. Большинство гипотез о прародине индоарийцев строится главным образом на этом. Для автора является также совершенно очевидным, что распространение индоевропейского языка следует связывать с распространением всадничества и с особенностями культур Средний Стог и ямной. Эта гипотеза, как известно, была предложена Г. Чайлдом еще в 1926 г. и с тех пор разрабатывалась другими учеными, особенно М. Гимбутас (с. 200). В этих культурах мы имеем наиболее ранние очевидные свидетельства одомашнивания лошади. В памятниках позднего периода культуры Средний Стог уже заметна дифференциация общества, преобладающая роль конных воинов. В последующей ямной культуре наблюдается развитие пастушеского скотоводства, одомашнивание лошади, использование повозок. Наиболее вероятной моделью распространения языка автор считает не миграцию племен, а модель «élite dominance» — главенство, преобладание элиты, когда в правящую верхушку какой-либо культуры проникает группа людей другой культуры, язык которой постепенно становится преобладающим.

Другим важным моментом является то, что финно-угорские языки содержат некоторое количество слов, заимствованных ими у индоевропейских народов, вероятно, живших по соседству. Сегодня все согласны с тем, что протофинно-угорские языки распространились после 2500 г. до н. э. (с. 201). Поэтому процесс заимствования должен был происходить несколько раньше, в III тыс. до н. э. Финно-угорские племена проживали в это время в северной лесной зоне Европы от Финляндии до восточных хребтов Уральских гор и соседствовали с южнорусскими степями.

В 1978 г. в Мехргархе и в Сибри были открыты захоронения, совершенные в гробницах, и кенотафы, абсолютно отличающиеся от местных погребальных традиций предыдущего времени. Комплекс этих погребений был практически идентичен комплексам Гиссар III (северо-восточный Иран), Намазга V (Туркмения), Сапалли-тепе (Узбекистан) и Дашлы (Афганистан). Более того, похожие погребения были открыты в Белуджистане. Сравнимые с этими материалы были также найдены на равнине Каши. Таким образом, получился изрядный перечень памятников с единой культурой, относящихся к концу III тыс. до н. э. Они тянутся от равнины Гурган на юго-восточном побережье Каспийского моря (тепе Гиссар, Туренг, Шах) через Копетдаг в Южной Туркмении (Намазга, Алтын-депе), дельту Мургаба в Мерве или древнюю Маргиану (Келлели, Тоголок, Гонур), включающую как южный Узбекистан (Сапалли), так и Северный Афганистан (Дашлы) вниз к Мундигаку, Белуджистану и Синду. Наиболее значительный памятник Шахдат, открытый в пустыне Лут в Иране, видимо, свидетельствует о том, что центр культуры, объединяющей весь этот круг памятников, находился здесь. Автор предлагает назвать эту культуру «культурой бронзового века Внешнего Ирана» либо просто «культурой типа Намазга V». Эта культура частично сосуществует с цивилизацией Инда и взаимодействует с ней.

Автор приводит целый ряд аргументов в пользу арийской идентификации этой культуры, в том числе находку цилиндрической печати с изображением двухколесной воинской колесницы из Гиссара III, целый ряд находок костей лошади, свидетельствующих о том, что она была одомашнена в Гургане в начале III тыс. до н. э., и т. д.

Около 2000 г. до н. э. племена, либо какая-то часть племен этой культуры оказывается в долине Инда, нарушая всю сложившуюся систему городской жизни Хараппской цивилизации. Но пришельцы не останавливаются здесь, а продвигаются дальше, в долину Ганга.

Совершенно определенно о завоевании арийцами новых земель говорится и в Ригведе. Указывается, в частности, что «пять кланов» арийцев ведут борьбу с их темнокожими врагами за владение скотом и пастбищами. Эти враждебные арийцам племена называются чаще всего Dasas или Dasyus (Даса). Самым значительным свидетельством для археологической идентификации Даса является указание на то, что они имели крепости, разрушенные Индрой и его сподвижниками — арийскими правителями, причем крепости концентрические по структуре. В Ригведе слово «крепость» используется лишь применительно к крепостям Даса. Арийцы Ригведы никогда не говорят о себе как о владельцах крепостей.

Еще в 1946 г. Мортимер Уиллер открыл высокие стены из обожженного кирпича, которые окружали цитадель Хараппы. Уже тогда он предложил, что этот и другие памятники Хараппы являются крепостями Даса, разрушенными арийцами. С этим можно было бы согласиться, если бы последние не были квадратными по форме. Но, считает автор, если предположить, что войны с Даса велись не в долине Инда, а в Бактрии, то проблема Даса немедленно находит свое разрешение. Ряд памятников, открытых за несколько последних десятилетий в Бактрии, весьма напоминают крепости Даса, описанные в Ригведе. Среди них крепость Дашлы 3 в Северном Афганистане, датирующаяся примерно II тыс. до н. э.: помимо квадратных стен она имеет три концентрических стены. Такую же форму имеет и храм в Джаркутане на севере Бактрии. Более того, два этих храма служили в качестве храмов огня, о чем свидетельствуют остатки алтарей и культовых сосудов. Чрезвычайно важным явилось открытие памятника Тоголок 21 в Маргиане. Прямоугольное здание 130 × 100 м было расценено как храм, используемый протозороастрийцами, чьи религиозные верования затем (в измененном виде) стали частью официального зороастризма (с. 236, 237). Самое значительное открытие на этом памятнике — это свидетельство раннего культа Хаома. В Ригведе указывается, что культ Сома/Хаома был принесен арийцами. Совершенно очевидно, считает автор, что в Тоголоке 21 мы имеем случай культа Хаома вторгшихся сюда арийцев и более раннее по времени место культов и культуры Даса, т. е. носителей культуры Намазга V. Свидетельством более ранних доарийских культов является находка более чем 30 миниатюрных каменных колонн, лежащих на полу. В таком же большом количестве миниатюрные колонны были найдены лишь в Годар-и-Шахе в Афганском Сейстане, отдельные находки их есть на Туренг-тепе в Гургане, в Шахдате в пустыне Лут. Вполне вероятно, что они выполняли какую-то общую для всех памятников функцию.

Храм Тоголок 21 показывает, что приход арийцев в Маргиану приходится примерно на начало периода Намазга VI, где-то около 1800 г. до н. э. Но в гимнах Ригведы есть указание на то, что арийцы Сома/Хаома не останавливаются в Бактрии и Маргиане, а продолжают двигаться в северо-западную Индию в долину Свата. Археологические данные полностью подтверждают это. Где-то около 1800 г. до н. э. в долине Свата почти полностью исчезает гончарная керамика, связанная с культурой Хараппы, и появляется красная, а затем и серая керамика. Культура этого периода в Свате (Галегай IV) весьма похожа на культуру Дашлы в Афганистане, но не идентична ей, что объясняется, видимо, разной длительностью пребывания арийских племен на этих территориях (с. 249, 250).

Следует добавить, что помимо исследования данных археологии и текста Ригведы, автор уделяет очень много внимания лингвистическим исследованиям. В частности, он рассматривает уже упомянутые выше арийские заимствования в финно-угорских языках, а также вновь ставит довольно старую уже проблему нуристанских языков и предлагает новую гипотезу их прото-западноиранского происхождения (с. 243).

Работа снабжена обширным списком литературы по данному вопросу, а также иллюстративным материалом. Наибольший интерес, на мой взгляд, представляют карты и схемы, которыми автор иллюстрирует отдельные небольшие главы своей работы. Очень интересна, например, карта распространения серой и чернолощеной керамики в Индии, наглядно показывающая продвижение арийских племен в глубь континента. Безусловно, привлечет внимание исследователей и схема сложения арийской ветви индоевропейцев, где автор выделяет три хронологические ступени.

Институт археологии РАН,
Москва

Т. Н. Трунаева

Bruce G. Trigger. A history of archaeological thought. Cambridge, 1989. XIII. 500 p.

Как указано автором в предисловии к книге, она выросла из курса лекций по истории археологической теории, который он читает начиная с 1975 г. Ранее Б. Триггером был опубликован целый ряд других работ, в том числе и монографий, посвященных различным аспектам истории и теории археологии. Рецензируемую книгу отличает от предшествующих ей исследований глобальность темы и широта охвата материала: в ней делается попытка показать развитие археологической мысли

© Л. Б. Вишняцкий, В. Ю. Зуев, Е. М. Колпаков, Н. И. Платонова, И. В. Тункина, 1992 г.

в мировом масштабе на протяжении последних 200 лет, т. е. практически с момента выделения археологии как таковой и до наших дней.

Уже в предисловии Б. Триггер вкратце оговаривает собственную теоретическую позицию, заявляя, что всегда рассматривал материалистический взгляд на вещи как наиболее продуктивный. Стремясь на протяжении всей своей научной деятельности «сочетать материалистический подход с попытками объяснить разнообразие археологических материалов», он все более склонялся к историческому материализму, к которому первоначально пришел именно в результате «усилий понять прошлое», а не по политическим убеждениям. В этой связи в книге впервые упоминается имя одного из главных ее персонажей — Гордона Чайлда, чья трактовка марксистских идей в археологии во многом импонирует автору.

Вопрос об общем подходе к истории археологии, смысле и задачах таковой, лишь бегло затронутый в предисловии, специально рассматривается в первой главе. Отметив две прямо противоположные точки зрения на роль социальных факторов в формировании археологического знания, согласно одной из которых оно не более чем прямое отражение преходящих ценностей современности, а согласно другой — вообще не зависит от последних, Б. Триггер оценивает обе как крайности. В то же время он полагает, что рассматривать развитие археологической мысли вне социального контекста нельзя, что последний — непременное условие для понимания первого и потому анализ их соотношения в исторической перспективе должен определять основное содержание книги. Такой подход, по убеждению автора, дает возможность для оценки характера накопления знаний в археологии, их субъективности или объективности. Нужен обзор основных идей, которые оказывали влияние на интерпретацию археологических данных, а также детальный анализ социальных факторов, способствовавших формированию этих идей, и того обратного воздействия, которое археологические интерпретации имели на другие научные дисциплины и на общество. Несколько забегая вперед, отметим, что изложенная установка в целом, действительно, выдерживается в последующих главах, хотя и не всегда одинаково последовательно (ср. главы, посвященные культурно-историческому и функциональному подходам).

Далее автор задается вопросом о том, можно ли вообще говорить об истории археологической мысли как о реально существующем и притом едином процессе. На этот счет существуют различные воззрения. Одни, оперируя предложенными Т. Куном понятиями, видят процесс развития археологии как ряд научных революций, приводящих к смене парадигм. Согласно этой точке зрения, новаторы, такие, как Томсен, Монтелиус, Чайлд и Бинфорд, первыми четко осознают слабости и общую недостаточность общепринятых интерпретаций и формируют новые парадигмы, которые в значительной степени меняют направление археологических исследований. Альтернативная точка зрения отрицает существование революций в науке и основной упор делает на постепенность изменений и накопления знаний. Возможность выделения тех или иных фаз развития здесь, впрочем, признается, но подчеркивается условность характера проводимых границ. Согласно еще одной версии, рассматриваемый процесс нельзя трактовать как линейный, ибо археологические интерпретации слишком зависят от идей, приходящих из других наук, и потому могут меняться совершенно непредсказуемо, скорее в колебательной, чем в линейной манере. Наконец, некоторые вообще полагают, что о каких бы то ни было существенных изменениях в истории археологической мысли говорить не приходится, ибо все новое здесь — это хорошо забытое старое. Кроме того, существуют еще региональные различия и различия, связанные с внутридисциплинарной специализацией, что мешает осознанию и анализу истории археологии как единого, внутренне целостного процесса.

Пытаясь избежать вытекающих из всего сказанного трудностей, Б. Триггер, как он пишет, стремится рассматривать историю археологической мысли не в строго хронологическом, географическом или субдисциплинарном плане, а прежде всего как историю нескольких основных интерпретационных тенденций, придерживаясь в целом хронологической последовательности, в которой они возникали. Эти тенденции часто перекрывались во времени и пространстве и взаимодействовали. Работа многих археологов отражает не какую-то одну из них, а часто комбинацию нескольких. Тем не менее такой подход позволяет наилучшим образом представить себе и понять процесс инноваций и трансформаций в археологии.

Возвращаясь далее вновь к вопросу о связи развития археологической мысли с историей общества, с социальными условиями, Б. Триггер подчеркивает особую роль, которая, по его мнению, принадлежит здесь так называемому среднему классу. Именно его интересы во многом обусловили те конкретные формы, в которые в разные периоды воплощались археологические исследования, именно от запросов этой социальной группы часто в значительной мере зависел характер не только задаваемых в

археологии вопросов, но и предлагаемых ответов. Исследование отношений археологии с обществом должно, следовательно, фокусироваться главным образом на отношениях ее со средним классом. Целесообразно рассмотреть ее как выражение идеологии этого класса и понять, в какой мере изменения в характере археологических интерпретаций отражают изменения в его судьбе. Разумеется, следует учитывать также и множество других факторов, влиявших в разное время или постоянно на археологию. Это и открытия физиков и биологов, и рост технической и энергетической оснащенности общества, и сугубо индивидуальные обстоятельства. В целом же, повторяет автор книги, заключая ее первую главу, его исследование — это прежде всего попытка понять интеллектуальную историю главных тенденций археологической мысли в их социальном контексте.

Говоря о первой главе, следует еще упомянуть, что в нее включен раздел, названный «Археологическая интерпретация», где отмечается многоуровневость обобщений в археологии (речь идет о теориях трех уровней). Этот раздел, небезынтересный сам по себе, по нашему мнению, несколько выпадает по содержанию из контекста. Вероятно, глава, да и книга ничего бы не потеряли, исключи его автор из рукописи.

Глава 2 — «Классическая археология и антикваризм» — посвящена проблемам истоков и начала науки. Решая первую из них, автор прослеживает историю накопления познавательной информации о древностях, уходящую корнями в практику ранних человеческих обществ. В древнем мире в умах носителей мифологического сознания артефактам приписывались сверхъестественное происхождение и магическая сила. Позднее они стали цениться как источник информации о героизированном, «золотом» периоде истории (Древний Египет, Греция, Рим). Античные историки не делали попыток привести все известные им факты о древностях в какую-то систему, не сделали памятники археологии предметом специального изучения. В античной традиции сведения о них встречаются лишь в контексте землеописания различных районов Ойкумены. В раннеклассовых цивилизациях Средиземноморья и Древнем Китае историки писали ученые трактаты на основе нарративной традиции. Художественные памятники прошлого собирались лишь как любопытные безделушки или семейные реликвии.

Средневековая парадигма истории определялась христианским религиозным сознанием. Вера в дегенерацию человеческой природы и постепенное обеднение материального мира по сравнению с временами, описанными в Библии, привели к массовому разграблению памятников с целью поиска сокровищ, священных реликвий и просто строительных материалов. Средневековая наука гораздо меньше, чем античная, обращала внимание на исторические изменения в материальной культуре.

Прорыв мифологического и религиозного отношения к миру — от мифа к логосу — связан с эпохой Возрождения, способствовавшей образованию зачатков структур, приведших к становлению науки в XVII—XVIII вв. Парадигма Просвещения произвела переворот в общественной мысли, признав культурный прогресс главной чертой исторического развития человечества. Такой эволюционный взгляд на историю (от примитивных к высшим формам социальной организации общества) способствовал более адекватному восприятию дописьменных эпох.

Утверждение индуктивной методологии познания (Ф. Бэкон) принесло новые веяния в археологические исследования. Становление научного антикваризма в классической археологии связано с именем И. Винкельмана, в доисторической — с работами Лондонского и Датского королевских обществ. Автор подробно рассматривает деятельность увлеченных древностью дилетантов в Италии, Англии, Франции, Дании, прослеживает историю коллекционирования античных произведений искусства, первых раскопок с научными целями, создания первых антикварных трудов, обществ и музеев в Европе.

Члены Лондонского Королевского общества проводили точные и детальные описания находок, идентифицировали орудия труда и кости животных, пытались классифицировать во времени относительно друг друга типы памятников. Эти исследования, хотя и носили эпизодический характер, помогли обозначить направления дальнейших работ в области доисторической археологии.

Можно согласиться с тезисом автора, что антикваризм не был косным, тормозящим развитие археологии явлением, как это иногда представляют. На протяжении XV—XVIII вв. европейские антиквары научились описывать и классифицировать памятники и произведения искусства, проводить раскопки и фиксировать находки, применять различные датировки, используя стратиграфические наблюдения. Историческая ограниченность антикваризма заключается в том, что древности рассматривались лишь как иллюстрации к прошлым достижениям человечества. Ученые этого направления были убеждены, что истинное историческое знание может быть получено только при анализе

письменных источников или надежных устных традиций. Но становление доисторической археологии показало «любителям древности» путь освобождения от столь ограниченных взглядов.

В главе 3 — «Возникновение научной археологии» — Б. Триггер дает обзор главнейших достижений первобытной археологии первой половины — середины XIX в. в Европе и США. По его мнению, в развитии этой области науки сыграли роль два импульса. Первый связан с работами ученых «скандинавской школы» (Х. Томсен, С. Нильсен, Й. Ворсё и др.), второй имел место во Франции и Англии и был непосредственно связан с борьбой за утверждение эволюционистского подхода в естественных науках (Б. де Перт, Э. Лартэ, Г. де Мортилье, У. Пенгелли и др.). Автор подчеркивает, что, хотя оба эти толчка в развитии первобытной археологии нельзя рассматривать изолированно, возникли они во многом независимо. Методы и подходы ученых «скандинавской школы», основанные на опыте, накопленном антикварами XVIII в. в области классификации предметов,— в соединении с эволюционистскими идеями эпохи Просвещения — игнорировались в первой половине XIX в. почти во всех европейских странах, за исключением Швейцарии. Реальный вклад в науку основоположника этой школы Х. Томсена недооценивается до сих пор. Между тем его заслуга состояла не в том, что он механически разделил материалы Музея северных древностей в Копенгагене по трем эпохам (камня, бронзы, железа), а в создании основ типологического метода («метода сериации»), позволившего ему правильно построить относительную хронологию комплексов. Его исходное предположение заключалось в том, что находки, обнаруженные в одном погребении, кладе и т. д., одновременны. В дальнейшем путем тщательного сравнения различных их видов можно выделить типы, характерные для разных периодов. Классифицируя вещи по категориям (ножи, булавки и пр.), Томсен делил их внутри категории по материалу и форме. Выделив типы, он начинал изучать «сопутствующие предметы» и декор. Анализ формы и декора позволил ему разделить между собой бронзовые изделия эпохи бронзы и эпохи железа, отделить кремневые предметы неолитического периода от более поздних и т. д. Не остановившись на этом, он стал изучать условия находок и формы погребений. Таким образом, именно Томсеном в археологии впервые был применен взаимосвязанный анализ стиля, декора и комплекса, в котором сделана находка. Если раньше редкие попытки хронологически разделить доисторические материалы строились лишь на интуиции, Томсен придал своей работе характер научного метода.

Й. Ворсё подкрепил относительную хронологию Томсена данными стратиграфии. Широко изучив европейские археологические материалы, он убедился, что «схема трех веков» применима и за пределами Скандинавии. Ворсё сыграл большую роль в становлении комплексного междисциплинарного подхода к археологическим исследованиям. Фундаментальное шеститомное исследование о кьёккенмёддингах было выполнено им в соавторстве с геологом Й. Форнхаммером и биологом Й. Стинструпом. В целом для ученых «скандинавской школы» было характерно исключительное внимание к изменениям в природном окружении, хозяйстве, образе жизни древнего населения. Широко применялись археологические реконструкции, в частности, на основе этнографических параллелей (С. Нильсен). В процессе исследования ставились эксперименты с целью выяснить функциональное назначение вещей.

Этот опыт скандинавских ученых почти полностью игнорировался в научных кругах Англии и Франции. Здесь единственным последователем Ворсё оказался шотландец Д. Уилсон. В конечном счете единственной страной, где «скандинавский подход» был реализован полностью при исследовании озерных свайных поселений, оказалась Швейцария. Однако об этом в книге Триггера сказано бегло и без особых подробностей.

Становление первобытной археологии в Англии и Франции связано с исследованиями памятников эпохи палеолита, которые развивались под прямым влиянием эволюционной геологии и палеонтологии. Главные открытия в этой области были сделаны уже после 1859 г. (т. е. после выхода в свет «Происхождения видов» Ч. Дарвина). Первая периодизация палеолита во Франции основывалась исключительно на данных палеонтологии (Э. Лартэ). Г. де Мортилье уже строил свою периодизация на археологическом материале. Однако и его подход к археологии базировался на его знаниях в области естественных наук. Периоды он выделял на основании ограниченного набора «ведущих типов», как делалось в палеонтологии. «Метод сериации» играл в создании его относительной хронологии минимальную роль. Значительно меньше внимания (по сравнению с работами «скандинавской школы») уделялось хозяйству и образу жизни древнего населения. Много ниже по уровню была полевая методика. Вещи рассматривались в первую очередь как хронологические индикаторы. Однако именно исследования французского палеолита в конечном счете заставили пересмотреть «библейскую хронологию» (на которую не посягали скандинавские ученые) и широко внедрили в

сознание людей представления о повсеместно идущем процессе эволюции в культуре. Б. Триггер отмечает, что Х. Томсен вовсе не отрицал эволюцию, но полагал, что развитие могло идти в первую очередь в каких-то очагах высокой культуры (например, на Ближнем Востоке). В Скандинавию же отмеченные культурные изменения доходили как заимствования.

Подводя итоги, Б. Триггер подчеркивает, что первоначальное развитие научной археологии связано все же с работами «скандинавской школы», выдвинувшей принципиально новый метод создания относительной хронологии из самого археологического материала. Таким образом, ее зарождение нельзя однозначно связывать с влиянием естественных наук (эволюционной геологии и биологии), которое приобрело большое значение во второй половине XIX в. для археологии палеолита.

В последнем разделе главы 3 Б. Триггер довольно подробно останавливается на развитии археологии в США до середины XIX в. При этом он, однако, замечает, что в 1780—1860 гг. эта наука здесь фактически повторяла путь, который в Европе был пройден еще в XVI—XVIII вв. Поэтому приводимые здесь данные имеют скорее узко специальный интерес для историка американской археологии.

Глава 4 — «Имперский синтез» — посвящена рассмотрению идей, появившихся в археологии в 1860—1870-х годах. В эти годы возникла тесная взаимосвязь между археологией и смежными дисциплинами. Фрагментарность археологических фактов заставила ученых США с 1840-х годов рассматривать археологию, этнологию, физическую антропологию и лингвистику как разные отрасли «антропологии» в широком смысле, которая идентифицировалась с изучением «примитивных» народов. В европейских странах тесная взаимосвязь между доисторической археологией и этнологией базировалась на представлениях об однолинейной культурной эволюции, провозглашенной философами Просвещения. Одна из главных проблем, вставшая перед культурным эволюционизмом,— объяснение, почему одни общества развиваются быстро, в то время как другие остаются статичными на тысячелетия.

В XIX в. идеи физической общности человечества, рожденные веком Просвещения, сменились романтическими взглядами нового консерватизма, идеализацией национальных и этнических особенностей. Если раньше причины различий между этносами видели во внешних факторах природной среды, то теперь их объясняли наличием невосприимчивых к изменениям биологических факторов. Вера в неравенство рас приобрела характер научной гипотезы в результате распространения дарвиновского эволюционизма. Желая сделать правдоподобным эволюционное происхождение человеческих видов, Дарвин и его единомышленники доказывали, что человеческие общества различаются в биологическом и эволюционном статусе. Дарвин полагал, что наименее цивилизованные народы по сравнению с европейцами являются неразвитыми не только биологически, но и интеллектуально, и эмоционально. Подобные суждения явились по сути биологической копией романтического национализма, на какое-то время полностью вытеснив веру в физическую общность людей разных рас.

В доисторическую археологию дарвиновская точка зрения на природу человека была привнесена Джоном Лёббоком (1834—1913). По мнению Б. Триггера, книга Лёббока «Доисторические времена» стала самым значительным исследованием по археологии в XIX в. Лёббок глубоко верил в идею однолинейной культурной эволюции. Дифференциацией естественного отбора между европейцами он объяснял наличие низших классов, биологически находящихся на более низкой ступени по отношению к преуспевающим средним и высшим классам. Критикуя гипотезы дегенерационизма и полигенизма человечества, Лёббок рассматривал культурную эволюцию как процесс, ведущий общество к счастью. По Лёббоку, наиболее примитивные народы обречены на исчезновение из-за распространения цивилизации, так как естественный отбор за тысячелетия не смог сделать их биологически способными к более сложному образу жизни. Таким образом, социал-дарвинизм перенес человеческое неравенство из политической сферы в природную, объясняя это следствием биологических различий. Доистория стала доктриной европейского превосходства.

Б. Триггер подробно рассматривает влияние идей однолинейного эволюционизма на колониальную археологию Америки, Африки, Новой Зеландии и Австралии. В 1860—1870-е годы дарвиновские объяснения расовых различий, популяризованные Лёббоком, усилили расистские взгляды ученых многих развитых стран. Они доказывали, что местные племена лишены способности развиваться на основе своей внутренней динамики. Все это задерживало развитие доисторической археологии, особенно в таких странах, как Австралия, где вообще считалось, что археология мало что может дать для изучения прошлого. Подобное положение сохранялось до тех пор, пока в Англии и Франции не приобрела силу эволюционистская археология палеолита со своим историческим взглядом на преисторию.

Б. Триггер выделяет следующие отличительные черты однолинейного эволюционизма: 1) пре-

кращение использования археологического материала в качестве исторического источника (как это было в работах Томсена и в классической археологии); 2) отсутствие ясности в вопросе о методике применения различных археолого-этнографических параллелей и частичная подмена археологии этнографией.

В главе 5, названной «Культурно-историческая археология», рассматривается формирование и развитие того подхода к изучению вещественных древностей, который во главу угла поставил выявление и описание типологически дискретных групп материала, установление и объяснение характера их упорядоченности во времени и пространстве, а также разработку самой типологии. Поскольку заострение внимания на хронологической и особенно географической неоднородности культуры характерно начиная с конца XIX в. не для одной археологии, но в целом для антропологии в западном понимании этого термина и прежде всего для этнографии, то выглядит вполне естественным, что первый раздел главы посвящен диффузионизму, бывшему в то время широко распространенным среди этнологов и оказавшему заметное воздействие на археологов. Кратко излагаются взгляды главных представителей этого течения антропологической мысли (Ратцель, Гребнер, Эллиот-Смит и др.), перечисляются их основные работы. Возможно, небесспорна постановка здесь в один ряд с Ратцелем и Гребнером Ф. Боаса, в представлениях которого диффузионизм занимал скорее подчиненное, чем определяющее место.

Семь других разделов главы освещают уже собственно археологические сюжеты. Первый из них — разработка Монтелиусом так называемого типологического метода (или метода сериации) и осуществленная им на этой основе детальная периодизация европейских материалов, начиная с неолита и до железного века включительно. Отмечая, что Монтелиус был одним из первых крупных археологов, отдавших дань диффузионистскому объяснению культурных явлений, Б. Триггер указывает, однако, что и эволюционизм продолжал оказывать немалое влияние на взгляды автора типологического метода. Второй сюжет — становление концепции археологической культуры и утверждение этого понятия в научном подходе. В числе тех, кто раньше других стал пользоваться термином «культура» для описания тех или иных комплексов археологических материалов, автор не забывает и российских археологов: В. В. Хвойко (трипольская культура) и А. А. Спицына (фатьяновская культура). Особое же внимание уделено взглядам Густава Коссины, который первым стал систематически употреблять рассматриваемое понятие при интерпретации археологических данных и использовал его для своих исторических (и этнографических) построений, а также Гордона Чайлда, в работах которого культурно-историческая проблематика играет важную, иногда ведущую роль.

Б. Триггер отмечает, что культурно-исторический подход и поныне господствует в археологии тех стран, где социально-политические условия диктуют необходимость сплочения нации, подъема национального самосознания. Под таким углом зрения в книге рассматривается вкратце развитие археологии в Китае, Японии, Мексике, Индии, Израиле, ряда других стран Азии и Африки. Затем автор переходит к описанию становления культурно-исторической археологии в Северной Америке, где она процветала до 1960-х годов. Показано, как на практике и в теории менялся подход к выделению культурных единств, охарактеризованы основные вехи этого процесса (системы Киддера и затем Гладвина, среднезападный таксономический метод Маккерна). Интересно наблюдение Б. Триггера, согласно которому в отличие от европейской археологии, где осознание географических различий в культуре накладывалось на доставшиеся в наследство еще от эволюционизма представления о различиях хронологических, в Северной Америке растущее осознание изменчивости материалов во времени дополняло предшествующее ему понимание изменчивости в пространстве. Следовательно, полагает автор, американские археологи не просто заимствовали культурно-исторический подход у европейцев, но во многом как бы изобрели его вновь. В Соединенных Штатах, пишет он, этот подход «развивался как реакция на растущее осознание сложности археологических источников» (с. 205, 206).

С последним соображением можно согласиться. Оно, однако, находится в известном противоречии с очевидной склонностью Б. Триггера объяснять распространение культурно-исторической археологии в Европе не столько внутринаучными причинами, сколько социально-политическими условиями конца XIX — начала XX в. (особ. см. с. 148—150). Конечно, необходимость национальной консолидации и как следствие этого стремление продемонстрировать преемственность современного и древнего населения той или иной страны сыграли здесь свою роль, но главным, видимо, было все же не это, а все более и более возрастающее количество материалов и осознание того, что их многообразие просто необъяснимо в рамках эволюционизма. Не случайно новые веяния затронули археологию не только сравнительно близких к историческому периоду эпох, но и палеолита, где

также стали выделять области, контрастирующие в культурном отношении. К сожалению, в книге об этом говорится лишь мельком (с. 155, 156) и даже не упоминаются имена и работы археологов, сделавших особенно много для понимания неоднородности палеолитической культуры: нет ни слова об О. Менгине, Х. Мовиусе, Ф. Борде.

Культурно-исторический подход возник и широко распространился прежде всего потому, что он был наиболее естественной реакцией на эволюционизм, ущербность которого с каждой новой найденной в древних отложениях вещью (или с каждым новым этнографическим наблюдением) становилась все более очевидной. Если эволюционизм — это тезис, то культурно-исторический подход — антитезис. Синтезом же их можно считать все дальнейшее развитие археологии и антропологии (в широком смысле).

Название главы 6 («Советская археология») не вполне соответствует ее содержанию, так как в действительности автор дает тут беглый обзор истории всей русской археологии начиная с XVI—XVII вв. Сам факт появления такой главы в монографии Б. Триггера следует отметить как отрадный, так как в западной историографии долго наблюдалась тенденция обходить молчанием положение дел в советской науке. Б. Триггер отмечает недостаточную информированность западных коллег в данном вопросе и подчеркивает, что археология на Западе и в СССР развивалась разными путями. Отличительными чертами советской науки он считает преобладание «историко-описательной», а не «аналитико-объяснительной» модели исследования, направленность на изучение «внешних факторов», влияющих на развитие культуры (социальных, экономических, политических и т. п.), «человекоцентристский», а не «экосистемный» подход к материалу. В то же время, по его словам, советскими учеными признается значимость изучения палеоэкологии и культурной диффузии, что само по себе есть попытка расширить границы марксистского (социологического) подхода и отдать себе отчет в сложной и неоднозначной природе археологических источников. Растущий интерес к экологическому подходу, по мнению Б. Триггера, объединяет в настоящий момент всех ученых — и западных, и советских. Однако длительное пренебрежение формальной типологией сказывается на уровне археологических исследований в СССР, поскольку здесь так и остались неразработанными стандартизованные процедуры и унифицированные, общепринятые типологические схемы, способствующие установлению относительной хронологии на широких территориях. С другой стороны, внимание к вопросам культурной хронологии, исследованию процессов диффузий и миграций, возникшее в советской науке с 1950-х годов, современным западным специалистам уже кажется старомодным. Тем не менее, кратко излагая суть дискуссий, ведущихся в настоящий момент в среде советских археологов, Б. Триггер приходит к выводу, что при всем своеобразии пути, пройденного этой наукой в СССР, нет никаких оснований сбрасывать со счетов весь ее опыт и достижения под предлогом ее якобы «закостенелого марксистского схематизма».

Стремление автора к объективности изложения и резонность целого ряда его замечаний представляются несомненными. Однако языковой барьер и необходимость использовать сведения «из вторых рук» породили целый ряд недоразумений. К сожалению, одним из основных источников для написания разделов о дореволюционной археологии в России и археологии 1920—1940-х годов послужил для автора труд М. А. Миллера «Археология в СССР» [1], изобилующий массой фактических ошибок и очень спорный в части обобщений. К числу таких мелких неточностей можно отнести то, что Московское археологическое общество называется в книге Б. Триггера «Русским археологическим обществом», а Императорское Русское археологическое общество в Санкт-Петербурге — просто «Императорским». Указ 1684 г. курскому воеводе с требованием откопать и измерить кости «волота» приписан царю Федору Алексеевичу, тогда как в действительности он принадлежит Софье Алексеевне [2, с. 288]. Полевые исследования членов Одесского и Керченского кружков истории и древностей первой трети XIX в. названы работой «французских эмигрантов-археологов в Крыму», хотя это не соответствует действительности. Французом в том пестром по составу обществе был только П. А. Дюбрюкс, а тесная связь ряда одесских археологов (например, И. А. Стемпковский и И. П. Бларамберг) с Парижской академией надписей и Берлинской академией наук обуславливалась не национальной принадлежностью, а их разногласиями с учеными Санкт-Петербургской академии наук по целому ряду принципиальных вопросов [3, с. 7—11]. Далее Б. Триггер указывает, что Императорская археологическая комиссия уже с момента своего основания в 1859 г. начала выдачу открытых листов на раскопки. Тут следует уточнить, что в действительности решение об обязательности открытых листов для производства раскопок было достигнуто лишь после жарких дебатов на 30 лет позже — в 1889 г. [4, с. 302]. Утверждение, что уже с конца XIX в. в Московском и Санкт-Петербургском университетах началось преподавание археологии, по сути близко к истине, но тоже

требует уточнений. Кафедр археологии, о которых упоминает Б. Триггер, не существовало. Первобытная археология преподавалась на физико-математических факультетах (в Москве — на кафедре географии, в Санкт-Петербурге — на кафедре географии и этнографии). Подготовка в области классической археологии, тесно связанной с искусствознанием и филологией, велась на кафедрах истории искусств (здесь необходимо отметить деятельность Н. П. Кондакова в Санкт-Петербургском университете). Отдельный археологический кабинет на историко-филологическом факультете того же университета впервые был создан А. А. Спицыным в 1909 г. Там началась целенаправленная подготовка студентов в области средневековой русской археологии. На такой основе в 1922 г. в Петроградском университете было организовано археологическое отделение [5, с. 9]. Однако вплоть до начала 30-х годов в ряде ведущих русских университетов сохранялось два центра преподавания археологии. Первобытная археология продолжала преподаваться в комплексе с географией, этнографией и антропологией на «этнологических» факультетах или отделениях, хотя одновременно подготовка в этой области уже велась и на исторических факультетах.

Помимо ряда неточностей, которые легко устранить, вызывает протест вся концепция Триггера, изложенная им в таких разделах главы 6, как «Археология в период нэпа» и «Возникновение советской археологии». Эта концепция основана на тех вульгарно-социологических трактовках, которые усиленно развивались в советской науке с начала 1930-х годов и лишь в последнее время начинают опровергаться ставшими доступными архивными материалами.

К их числу принадлежит утверждение об исключительной «консервативности» русских археологов предреволюционной поры и 1920-х годов, «голом эмпиризме» в науке этот период, ее методологической слабости и т. д. Эти тезисы, имевшие целью оправдать разгром русской археологии в 1930-х годах, были почти в первозданном виде перенесены на Запад М. А. Миллером, об уровне теоретических представлений которого свидетельствует хотя бы его совершенно фантастическая классификация «направлений» в русской археологии. Она включает такие несопоставимые по своему значению определения, как «кладоискательское или дворянское», «курганное», «формалистическое», «вещеведческое», «эстетствующее» и, наконец, «эмпирическое». В книге Б. Триггера прямым заимствованием у М. А. Миллера является признание А. А. Спицына основоположником некой «эмпирической школы», никогда не существовавшей в русской археологии, и отнесение к той же «школе» А. А. Миллера, который по своим научным воззрениям был ближе всего к петербургской школе палеоэтнологов. Данное направление в русской археологии (не упоминаемое Б. Триггером) опиралось на традицию классического эволюционизма, но искало ему альтернативу в представлениях о разнообразии форм развития культур, единстве и взаимной обусловленности развития человека и окружающей среды (Ф. К. Волков, С. И. Руденко, Г. А. Бонч-Осмоловский, С. А. Теплоухов и др.). Именно учеными этой школы уже в 1920-х — начале 1930-х годов были сформулированы принципы функционально-технологического подхода к материалу, высказано представление о целостности культурных комплексов, подлежащих статистическому анализу, и поставлена проблема комплексного междисциплинарного исследования четвертичного периода. К сожалению, по причинам, не зависящим от их авторов, целый ряд обобщающих трудов либо был опубликован значительно позднее (Г. А. Бонч-Осмоловский, С. И. Руденко), либо не опубликован вовсе (А. А. Миллер).

Другим важным течением в русской археологии до великого перелома, также не упомянутым в книге Б. Триггера, являлась московская школа палеоэтнологов, представленная учениками Д. Н. Анучина Б. С. Жуковым, Б. А. Куфтиным и др. Здесь гораздо сильнее сказывалось влияние диффузионизма, и в частности «культурно-исторической школы». Общим для обоих направлений русской первобытной археологии было исключительное внимание к культурной стратиграфии, к древнему природному окружению человека, представление о тесной взаимосвязи, «триединстве» археологии, физической антропологии и этнографии и стремление поставить археологические исследования на базу выверенных методов естественных наук. Оба эти направления были разгромлены в эпоху «перестройки» начала 1930-х годов и «рождения советской археологии». Именно тогда сформировалось представление о ней как о чисто гуманитарной, исторической дисциплине и стала интенсивно преодолеваться традиционная обособленность первобытной археологии и таких отраслей, как археология Востока, классическая археология и т. д. Их структурная связь с комплексами иных, не исторических дисциплин (в частности, с естественными науками и искусствоведением) стала квалифицироваться как уклон в биологизм, эстетство и т. д. Следует отметить, что Б. Триггер констатирует «неразделенность областей» археологии, существующую в советской науке, стремление объединить все ее направления в рамках единого «исторического» подхода. По его мнению, это является одной из причин того, что в советской археологии отсутствует «теоретическая напряженность»,

та поляризация мнений, которая всегда служит мощным стимулятором дальнейших исследований и лежит в основе многих предлагаемых новшеств (с. 235). Однако недостаточное знакомство с положением дел в русской археологии до 1930-х годов и недооценка ее уровня, характерная для тех источников, которыми пользовался Б. Триггер, не позволили ему правильно понять истоки такого положения.

В главе 7 Б. Триггер говорит о функционализме в западной археологии. Примечательно, что он не пытается связать это направление исследований с какими бы то ни было социально-политическими феноменами (хотя это можно было сделать). В то же время он совершенно справедливо обращает внимание на то, что, как и в случае с культурно-историческим подходом, здесь большое влияние на археологов оказали новые веяния в этнографии. Они рассматриваются в предпосланном собственно археологической части главы разделе «Развитие социальной антропологии», где речь идет в основном о французской социологической школе (Дюркгейм) и о взглядах классиков функционализма (Малиновский, Рэдклифф-Браун). Автор полагает, что функционализм, подходивший к культуре как к явлению во многом статичному, был хорошей альтернативой марксизму в глазах тех археологов, которых скорее интересовало то, как общество функционировало, нежели то, почему оно изменялось.

В других разделах главы вкратце охарактеризовано развитие энвиронментальной, экономической и поселенческой археологии («settlement archaeology»), причем отмечено, что первое из этих направлений зародилось раньше, чем в этнографии оформился функционализм. Особое внимание уделено дальнейшей эволюции взглядов Г. Чайлда, пришедшего к мысли, что ни диффузионизм, ни эволюционизм ничего не объясняют, если не понять, какие факторы внутри древних культур способствовали утверждению новых идей. Автор анализирует влияние марксизма на взгляды Чайлда, довольно подробно пишет об отношении последнего к теоретическим и методическим воззрениям, преобладавшим во второй четверти XX в. в советской археологии. Отдельные разделы посвящены также работам Г. Кларка и функционализму в североамериканской археологии (У. Тэйлор и др.). Не вызывает возражений заключение, где говорится, что интерес к тому, как функционировали и изменялись древние культуры, усилился вследствие неудовлетворенности односторонностью культурно-исторического подхода. Можно было бы отметить также, пожалуй, что по сравнению с этнографией в археологии функционализм имел больший крен в сторону объяснения причин изменений в культуре, что особенно проявилось в работах Чайлда. Эта тенденция получила дальнейшее развитие в неоэволюционизме, о котором говорится в следующей главе.

В главе 8 («Неоэволюционизм и новая археология») Б. Триггер кратко останавливается на основных идеях Л. Уайта, Дж. Стюарда, М. Салинза и Е. Сэрвиса, М. Фрида, М. Харриса, Б. Мегтерс, содержащихся в их работах 1950—1970-х годов. Значительно подробнее он рассматривает «новую археологию», связывая ее с неоэволюционизмом. Прежде всего Б. Триггер подчеркивает, что «новая археология» выросла естественным путем из работ американских археологов 1950-х годов, поэтому она и была быстро принята большинством в Америке.

Автор связывает появление «новой археологии» и с социальными причинами, в первую очередь с усилением среднего класса центральных и западных штатов США. Антиисторизм и номотетическая направленность «новой археологии» соответствуют тенденциям среднего класса высоко оценивать технологическую полезность и с подозрением относиться к чистой науке. Сциентизм «новой археологии» объясняется необходимостью повысить престиж археологии до уровня экономики, социологии и т. д. с целью получения средств на археологические исследования. Надо сказать, что результаты некоторых полевых исследований действительно удалось приложить к решению конкретных проблем сегодняшнего дня. Интерес американских археологов к теории катастроф и древним катаклизмам в 1970-е годы связан, по Б. Триггеру, с изменением настроений среднего класса, вызванным глубоким экономическим кризисом, неудачами во внешней политике и в особенности провалом во Вьетнаме.

Большое сходство между «новой» и советской археологией начала 30-х годов уже отмечалось. Обе основывались на эволюционистском подходе к изменениям культур и стремились к установлению закономерностей в этом процессе. Обе верили, что эти закономерности достаточно сильны и могут быть изучены с помощью материалистического подхода. Традиционные типологические исследования в обеих рассматривались как старомодные и соответственно вырастало количество функциональных интерпретаций археологических данных.

Значительные различия между «новой археологией» и ранней советской археологией лежат в области теорий высокого уровня. «Новая археология» заключала в себе различные формы экологического и демографического детерминизма, которые помещают главные факторы, вызывающие изменения в обществе, вне самой культурной системы, и рассматривают человека как пассивную жертву внешних по отношению к нему и к обществу сил, отказывают сознанию и воле человека в

какой-либо способности вызывать культурные изменения. Напротив, диалектический материализм, по мнению Б. Триггера, не отрицая значения экологических факторов, главную причину изменений помещает внутрь общественной системы в форме борьбы между различными социальными группами за власть и богатство. Даже в наиболее механистических и эволюционистских формулировках, превалировавших в СССР в 1930-е годы, марксизм отводил центральную роль людям, преследующим свои интересы в социальных группах, членами которых они являются.

Б. Триггер обсуждает некоторые теоретические результаты исследований «новых археологов». Опыт применения системного подхода, являющегося важнейшим элементом «новой археологии», привел многих археологов к принятию более индуктивного подхода в объяснении причинности и к пониманию того, что из-за сложности культурных систем одни и те же факторы могут приводить к разным результатам в зависимости от индивидуальных обстоятельств. Сам же системный подход служит скорее для описания, чем для объяснения культурных изменений. Исследования ранних цивилизаций, основанные на полном обследовании соответствующих регионов, показали, что ареальные выборки материала не отражают генеральную совокупность — регион. В целом стало понятно, что степень регулярности в развитии и функционировании культурных систем была сильно преувеличена «новой археологией». Ряд западноевропейских археологов убедительно показал, что конкретно-историческая интерпретация и эволюционистские обобщения вовсе не являются противоположными (а «новая археология» декларировала отказ от первых и строгую приверженность ко вторым), а наоборот, могут проводиться параллельно, взаимно обогащая друг друга.

Глава 9 («Объяснение разнообразия») посвящена идеям и подходам, появившимся позже «новой археологии». Все они в книге Б. Триггера вращаются вокруг проблемы объяснения реального разнообразия доисторических культур, которое по ходу исследований становится все более ясным для американцев и которое не укладывается в неоэволюционистские схемы. В частности, многие археологи теперь считают, что степень детерминированности культурных систем их экологической адаптацией должна доказываться эмпирически, а не задаваться априорно теоретически. Сама эволюционная теория должна быть намного более сложной.

Б. Триггер отмечает быстро растущие неоисторические тенденции англо-американской археологии (символическая, структурная, критическая археологии). Это движение вдохновляется современными марксистскими подходами, не ортодоксальными, а стремящимися соединить марксизм со структурализмом М. Годельера, Е. Террэя, Р. Рэя и Л. Альтюссера, антипозитивизмом франкфуртской школы, парамарксизмом Ю. Хабермаса и Г. Маркузе, анархистской теорией познания П. Фейерабенда и экономическим анализом К. Мейасу. Археологические работы этого направления объединяет подчеркивание сложности способов производства, важной роли человеческого сознания в продуцировании изменений, огромного значения столкновения интересов половозрастных групп в бесклассовых обществах, неизбежности влияния идеологии на всю человеческую деятельность, включая саму науку. Марксистские археологи стремятся объяснить не только общекультурные закономерности, но и индивидуальные особенности и специфические условия, различающие конкретные случаи социальных изменений. В стремлении создать единую социальную науку марксизм, по Триггеру, отвергает различия между историей и эволюцией и между историей и наукой. Изучение истории рассматривается как научное по своей природе и включающее обобщения (устанавливающее закономерности).

Контекстуальная археология вытекает из убеждения, что необходимо исследовать все возможные аспекты археологической культуры для того, чтобы понять значение каждой ее части. Она тоже отрицает ценность неоэволюционистского разрыва общего и отдельного в культурах, лежащего в основе дихотомии науки и истории. Контекстуальный подход приводит к постановке проблем междисциплинарных исследований и синтеза источников.

Далее Б. Триггер указывает, что в англо-американской археологии растет понимание того, что археология заметно отличается от этнологии и других социальных наук. Очевидно, что доисторическая археология — единственная социальная наука, которая не имеет прямого доступа к информации о человеческой деятельности в вербальной форме или через наблюдение, а в отличие от истории не имеет письменных источников. В то же время вопреки первоначальным убеждениям «новых археологов» стало ясно, что археологические источники подвергаются многочисленным трансформациям и являются неполными. Это понимание привело к разработке вопросов археологизации в работах Д. Кларка и М. Шиффера.

С этим же связана идея необходимости теорий среднего уровня Л. Бинфорда (установления закономерностей опредмечивания). Б. Триггер указывает на ряд недостатков последней, но считает ее очень полезной. Тем не менее ему представляется, что более специфические объяснения в духе

Я. Ходдера и других структуралистов могут играть важную роль и без теорий среднего уровня. В заключение раздела он пишет: «Как бы ни сложилось, но растущее понимание единства и дополнительности историзма и эволюционизма в западной археологии должно позволить археологическим объяснениям преодолеть вульгарный материализм процессуальной археологии, бесплодный идеализм исторического партикуляризма и суррогат марксизма критического и структуралистского подходов» (с. 369).

Заключительная глава книги Б. Триггера «Археология и ее социальный контекст» посвящена рассмотрению вопроса о значении истории археологии для понимания задач этой науки. Автор рассматривает здесь процедуру археологического познания в аспекте ее зависимости как от широкого социального фона, так и от субъективного фактора, которому он справедливо уделяет большое внимание.

Глава состоит из девяти частей (задачи археологии; археология — история и наука; релятивистская критика; совокупность фактов и эмпирическая генерализация; внутренний диалог; ограничения выведения выводов; достижения археологии; внешний диалог; виды на будущее). В небольшом введении Б. Триггер излагает свое научное кредо, заключающееся в том, что понимание сущности археологических исследований неотрывно от культурно-исторического контекста развития всего общества. «Археология,— заявляет он,— частично отражает современный мир и пассивно принимает участие в политической истории современности» (с. 370).

Рассмотрение механизма влияния «социального контекста» на археологическую науку Триггер начинает с анализа задач археологии в том их виде, в каком они постулированы целым рядом исследователей (Даниелом, Кларком, Шиффером, Дигеном и др.). Отмечая некоторую биполярность в этих определениях (наука о предметных остатках материальной культуры древних обществ — наука о человеческой деятельности), Б. Триггер справедливо полагает, что они не являются взаимоисключающими и что нет такого пути, по которому подход к археологической культуре может дать нечто самоценное без попыток интерпретации материала в направлении анализа человеческой деятельности. Главный вывод автора — «только через исследование человеческой деятельности археология связывается с другими социальными науками» (с. 372) — не подавляет в его концепции источниковедческую часть процедуры археологического познания. Б. Триггер не забывает отметить, что чем более детально археологи изучают материальные остатки, тем больше информации они имеют о деятельности древних людей.

От этого тезиса Б. Триггер переходит в своем последовательном и логичном изложении (что является несомненным достоинством всей книги) к следующей проблеме — с какой из областей социальной науки — историей или антропологией — археология более прочно связана. Отмечая, что решение этого вопроса скрывается в области идеологических представлений современного общества, автор книги демонстрирует на целом ряде примеров, как именно влияют эти представления (изменяющиеся сами во времени) на характер выводов и достижений археологической науки.

Дискуссия о том, относится ли археология к истории или к антропологии, тесно связана также, по мнению Б. Триггера, с «бесперспективными дебатами» о том, дает ли археология обобщенную, генерализованную картину истории человеческой деятельности (и в этом случае она «исторична») или же она должна давать только дискретные факты конкретных ее проявлений, дополнительно иллюстрирующих основные положения социальной антропологии. И хотя по этому вопросу археологи чисто теоретически разделяются на два лагеря (культурологов-историков и так называемых «вещеведов»), Б. Триггер не склонен присоединяться ни к одной из сторон, отмечая лишь, что на практике всегда побеждает «середина», органично вбирающая в себя рациональные моменты того и другого подхода к археологии.

Следующие разделы этой главы непосредственно посвящены анализу того, как исследователь проникает через совокупность материальных остатков в мир давно минувшей человеческой деятельности. Б. Триггер прослеживает, как на разных этапах археологической процедуры исследования вторгается в прошлое мировоззрение современного человека (так называемое «субъективное начало»), ярко окрашенное теми или иными идеологическими установками. Анализируя опыт археологической науки, ее достижения (чему и должна служить история археологических знаний), автор размышляет над проблемой неизбежности привнесения в результаты археологических исследований выводов, обусловленных современным социальным контекстом. Только изучение истории науки, считает он, способно вскрыть природу этого явления, от которого невозможно отгородиться ни изощрением научной методологии, ни декларативными заявлениями об обязательной объективной беспристрастности ученых.

В последнем разделе главы 10, озаглавленном «Виды на будущее», автор книги предается мыслям о том, как изучение прошлого при помощи археологии (науки, потенциально способной к расширению своего источниковедческого базиса) способно давать материал для наблюдений за основными направлениями общекультурного и социального развития человечества. В этом смысле, как он считает, археология может даже выступать «гидом в будущее» — разумеется, не в плане конкретных предсказаний, а в плане помощи для обоснования той или иной линии развития современного мира. «Если археология действительно предназначена для этой цели,— заканчивает свою книгу Б. Триггер,— археологи тем более должны стремиться, несмотря на исключительно трудные условия получения реальной информации, рассматривать прошлое таким, каким оно было, а не таким, каким они хотят видеть его» (с. 411).

В целом, подводя итоги нашему обзору, хочется отметить, что книга Б. Триггера «История археологической мысли», безусловно, стала интересным явлением в литературе самых последних лет, посвященной проблемам теории и истории археологической науки.

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
Санкт-Петербургское отделение Архива РАН

Л. Б. Вишняцкий, В. Ю. Зуев, Е. М. Колпаков, Н. И. Платонова, И. В. Тункина

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Miller M.* Archaeology in the USSR. L.: Atlantic Press, 1956.
2. *Замятнин С. Н.* Первая русская инструкция для раскопок//СА. 1950. Т. XIII.
3. *Тункина И. В.* Становление классической археологии в России (XVIII — середина XIX в.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Л.; 1989.
4. *Пескарева К. М., Рябинин Е. А.* Первое государственное учреждение отечественной археологии (к 125-летию создания Археологической комиссии)//СА. 1984. № 4.
5. *Тихонов И. Л.* Организация и развитие археологического отделения ЛГУ (1917—1936)//Вестн. ЛГУ. 1988. Сер. 2. Вып. 3.

Kolchin B. A. Wooden Artefacts from Medieval Novgorod. Translated from the Russian. Pt. I. Text. Pt. II. Ilustrations / Ed. supervision Chernetsov A. V. // British Archaeological Reports. International Series. 495 (I) and 495 (II). Oxford, 1989. 486 p. 240 Pl.

В международной части известной серии BAR, издаваемой в Великобритании, опубликовано в двух томах исследование Б. А. Колчина «Деревянные изделия из средневекового Новгорода». Книга подготовлена к печати в Институте археологии АН СССР под наблюдением А. В. Чернецова, перевод В. М. Левиной.

Имя Б. А. Колчина, одного из руководителей Новгородской археологической экспедиции и заведующего лабораторией естественнонаучных методов ИА АН СССР, неразрывно связано с достижениями археологии Древней Руси, и прежде всего Новгорода. Б. А. Колчин явился одним из основоположников применения металлографического и дендрохронологического методов в археологии. Им была разработана археологическая хронология древнего Новгорода, опирающаяся на дендродаты и типологию находок, которая надежно служит исследователям вплоть до наших дней. Большой вклад внес Б. А. Колчин в изучение и публикацию материалов раскопок. К числу наиболее ярких его трудов относятся две книги, появившиеся в серии САИ в 1968 г. («Новгородские древности. Деревянные изделия». САИ. Вып. Е1-55. М., 1968) и в 1971 г. «Новгородские древности. Резное дерево». САИ. Вып. Е1-55. М., 1971). Они получили самую высокую оценку в нескольких рецензиях как в Советском Союзе, так и за рубежом [1, с. 289—293; 2, с. 299—303; 3, с. 630—632; 4, с. 137—139; 5, с. 125—128].

Именно эти две публикации Б. А. Колчина послужили основой для рецензируемой книги. В ней рассматриваются материалы, полученные при работах на самом большом новгородском раскопе — Неревском. Здесь за 12 полевых сезонов с 1951 по 1962 г. было встречено более 20 тыс. хорошо определимых археологических предметов из дерева. Среди них более 800 экз. украшены резьбой или иным видом орнамента. Несмотря на то что в последние годы при раскопках целого ряда

© Е. Н. Носов, 1992 г.

средневековых поселений и городов Европы открыты культурные слои, содержащие вещи из органических материалов, новгородская коллекция и сейчас остается наиболее крупной и разнообразной. Этим определяется ее большое научное значение для широкого круга исследователей.

Вплоть до последнего времени для читателя, не владеющего русским языком, главным источником о материалах, полученных в ходе многолетних исследований Новгорода, оставалась публикация 1967 г. М. Томпсона «Великий Новгород», которая представляет собой перевод отдельных глав и разделов из Трудов Новгородской экспедиции, изданных в 1956—1963 гг., и некоторые комментарии к ним [6]. Потребность в новых переводах на один из западноевропейских языков работ, вводящих в широкий научный оборот новгородские материалы, ощущалась постоянно. С появлением рецензируемой книги можно сказать, что такой шаг сделан. Причем это очень удачный шаг и потому, что комментарии к издаваемым деревянным предметам выполнены Б. А. Колчиным, что гарантирует точность и лаконичность описания при взвешенности реконструкций и определений, и по тому, что А. В. Чернецов не ограничился простой подготовкой переводов книг Б. А. Колчина, а дополнил издание новой информацией.

Первый том открывается очерком В. Л. Янина и Е. Н. Черныха о творческом пути Б. А. Колчина, его научных идеях и книгах, его вкладе в организацию науки как одного из руководителей Новгородской экспедиции и заведующего лабораторией естественнонаучных методов Института археологии АН СССР. Затем приведена избранная библиография работ исследователя, насчитывающая 75 наименований (составитель П. Г. Гайдуков). Важно, что наряду с русскими названиями работ дается и их перевод на английский язык. Это позволяет западному читателю, с одной стороны, легко проследить весь спектр многообразных научных интересов Б. А. Колчина, а с другой — дает объективную картину постепенного внедрения и все большего применения естественнонаучных методов в отечественной археологии.

В первой части первого тома издания содержится перевод раздела «Деревянные изделия» (с. 13—144). Предваряя конкретный анализ материала, Б. А. Колчин характеризует леса Новгородской земли, породы древесины, применяемые древними новгородцами в разных целях, деревообрабатывающий инструментарий, технологию деревообработки. Затем по главам дается детальное описание различных категорий предметов, относящихся к X—XV вв.: орудий труда (лопаты, мотыги, грабли, литейные формы и наковальни, иглы, орудия бортника и др.), посуды и емкостей (бочки, ведра, маслобойки, чаши, миски, ложки, ступы, берестяная и плетеная посуда и др.), транспортных средств (колесный, санный и водный транспорт), машин и сложных орудий труда (ткацкие и токарные станки, подъемные механизмы, подшипники, чесала, трепала и др.), домашней утвари (мутовки, совки, мебель, подсвечники и др.) и музыкальных инструментов (гусли, гудки, свирели). Б. А. Колчин определяет назначение разнообразнейших предметов и их частей, широко привлекая данные этнографии. Насколько позволяет источник, он намечает эволюцию в развитии типов предметов начиная с X в. и вплоть до позднего средневековья.

Во вторую часть первого тома включен перевод раздела «Резное дерево» (с. 145—213). Здесь рассмотрены виды древесины, шедшей в пластическую обработку, различная техника резьбы, применявшиеся инструменты. Древние новгородцы украшали очень многие вещи, окружавшие их в повседневной жизни,— игрушки и орудия труда, мебель и детали саней. Резьба по дереву являлась наиболее доступным и самым массовым народным искусством. Вместе с исследователем мы знакомимся с бытовой, архитектурной и объемной резьбой, игрушками, росписью красками, с резьбой на бересте. Б. А. Колчин убедительно подчеркивает, что технический и художественный строй бытового искусства Древней Руси был создан еще до принятия Русью христианства. В X—XI вв. оно еще было тесно связано с языческим мировоззрением и с народными обрядами и не случайно в нем сильна языческая символика. Представляется важным и вывод автора о том, что новгородский орнамент этого времени, сближаясь в некоторых случаях со скандинавскими, сохраняет свой славянский характер. К XII—XIII вв. звериный и растительный орнаменты постепенно сменяются более строгим и скупым геометрическим узором. В XIV в. искусство резьбы по дереву, как и все бытовое искусство, становится профессиональным. Ремесленник теперь изготовляет рассчитанную на массового покупателя дешевую продукцию, лишенную орнаментики, а наряду с этим высокохудожественные произведения, доступные лишь небольшой части зажиточных горожан.

А. В. Чернецов счел целесообразным поместить в приложении к первому тому книги Б. А. Колчина статью 1954 г. В. Н. Лазарева и Н. Е. Мневой, посвященную рассмотрению известного Людогощенского креста — уникального образчика новгородской резьбы по дереву [7, с. 145—166]. Крест, согласно имеющейся на нем надписи, был сделан по заказу жителей Легощей улицы Новгорода

в 1359 г. и неоднократно привлекал внимание историков русского средневекового искусства и палеографов. И хотя он происходит не из раскопок города, материалы которых привлекал Б. А. Колчин, включение в рецензируемую книгу описания креста оправданно и органично дополняет впечатляющую картину высокого уровня новгородской резьбы по дереву.

Второй том содержит 240 таблиц иллюстраций (рисунки и фотографии предметов, их реконструкции, графики распределения находок по стратиграфическим горизонтам). Он открывается планом размещения всех раскопов на территории города (вплоть до начала 1980-х годов) и общими планами Софийской и Торговой сторон, где показаны места расположения всех средневековых улиц города и церквей. Эти планы, составленные Б. А. Колчиным и В. Л. Яниным, отсутствовали в публикациях Б. А. Колчиным предметов из дерева 1968 и 1971 гг., но их включение в данное издание правильно, поскольку позволяет зарубежному читателю легче ориентироваться в археологии Новгорода. К разделу первого тома «Деревянные изделия» относятся таблицы № 4—143, к разделу «Резное дерево» — таблицы № 144—227, к статье о Людогощенском кресте — таблицы № 227—240. Обилие иллюстративного материала, безусловно, является одним из достоинств данного издания.

К сожалению, исследование Б. А. Колчина охватило материалы хотя и самого значительного, но только одного городского раскопа. За рамками и данного издания, и книг, опубликованных в СССР, осталась великолепная коллекция новгородских деревянных предметов, в том числе ряд шедевров, выполненных средневековыми ремесленниками. Достаточно взглянуть на краткие сообщения о ежегодных итогах работ Новгородской экспедиции, чтобы почувствовать ритм интенсивного накопления рассматриваемой категории археологических источников. Так, к примеру, только в одном 1986 г. найдены детали саней, богато орнаментированные плетенкой, массивные уключины, одна из которых украшена головой животного, другая расписана краской, рукояти ковшей с изображением голов животных и птиц, навершие с головой баранов, льва и лося и т. д. [8, с. 44]. Включение А. В. Чернецовым в число иллюстраций книги чертежа детали корабля, найденной на Троицком раскопе в 1977 г. (с. 354, табл. 109), и рисунков деревянных цилиндров со знаками и надписями (с. 389, табл. 143; опубликованы В. Л. Яниным в 1982 г.) и некоторых других вещей представляет собой лишь слабую попытку как-то заполнить указанный пробел в рассматриваемом издании.

Тем не менее не будет преувеличением сказать, что появление на английском языке фундаментальной публикации новгородских изделий из дерева является событием для западноевропейских археологов и достойным памятником Б. А. Колчину. Нет сомнения, что этот материал будет активно использоваться в научных исследованиях археологов Англии, Германии, скандинавских и других стран. Интерес западноевропейских ученых к изданию проявился в публикации рецензии [9, с. 421, 422].

Подобные публикации по мере возможности надо продолжать, знакомя широкие круги зарубежной общественности с лучшими достижениями российской науки.

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Е. Н. Носов

Список литературы

1. *Громов Г. Г.* Рец. на кн.: *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ. 1968. Вып. Е 1-55. // СА. 1969. № 4.
2. *Василенко В. М.* Рец. на кн.: *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ. 1968. Вып. Е 1-55; *его же.* Новгородские древности. Резное дерево. САИ. 1971. Вып. Е 1-55. // СА. 1973. № 2.
3. *Kavan J.* Рец. на кн.: *Kolčin B. A.* Novgorodskije drevnosti. Derevjannyje izdělija. Archeologija SSSR. Svod archeologičeskich istočnikov. Vypusk E 1-55. Moskva, 1968 // AR. 1971. T. XXIII. № 5.
4. *Moravcová M.* Рец. на кн.: *Kolčin B. A.* Novgorodskije drevnosti. Derevjannyje izdelija, Archeologija SSSR. Svod archeologičeskich istočnikov. Vypusk E 1-55. Moskva, 1968 // Národopisný věstnik Československý. Brno, 1974. T. VIII—IX.
5. *Lalik T.* Рец. на кн.: *Kolčin B. A.* Novgorodskie drevnosti. Reznoe derevo. Archeologija SSSR. Svod archeologičeskich istočnikov. Vypusk E 1-55. Moskva, 1971 // Kwartalnik historii kultury materialnej. 1975. № 1.
6. Novgorod the Great. Excavations at the Medieval city 1951—1962 directed by A. V. Artsikhovsky and B. A. Kolchin. Compiled and written by M. W. Thompson. New York; Washington, 1967.
7. *Лазарев В. Н., Мнева Н. Е.* Памятник новгородской деревянной резьбы XIV века (Людогощенский крест) // Сообщение института истории искусств. 1954. № 4—5.
8. *Янин В. Л., Гайдуков П. Г., Рыбина Е. А., Сорокин А. Н., Хорошев А. С.* Новгородская экспедиция // АО — 1986. М., 1988.
9. *Morris C.* Рец. на кн.: *Kolchin B. A.* Wooden Artefacts from Medieval Novgorod. Oxford, 1989 // Antiquity. Cambridge, 1990. June. V. 64. № 243.

Хроника

СЕМИНАРЫ ПО ПРОБЛЕМАМ АРХЕОЛОГИИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ЕКАТЕРИНБУРГ, 1989, 1990)

В Уральском университете на базе лаборатории археологических исследований проходили семинары по темам: «Итоги и проблемы изучения раннего железного века Зауралья и Западной Сибири» (апрель 1989 г.) и «Проблемы средневековой археологии Зауралья и Западной Сибири» (апрель 1990 г.). В их рамках рассматривались следующие вопросы: 1. Археологические культуры и культурные типы: их элементы и археологическое содержание. 2. Хронология и периодизация культур. 3. Соотношение культур. Ставились и теоретические проблемы: соотношение археологической культуры и этноса, возможности применения ретроспективного метода и т. д.

В работе семинаров приняли участие специалисты вузов, академических институтов и музеев Москвы, Екатеринбурга, Томска, Омска, Барнаула, Тюмени, Тобольска, Челябинска, Уфы, Ижевска, Сыктывкара, Петропавловска, Нижнего Тагила.

В докладе Л. Н. Корякова, открывшей семинар по проблемам археологии раннего железного века, была дана характеристика основных археологических культур и культурных типов Зауральско-Западносибирской лесостепи в раннем железном веке. Отмечено, что на этой территории сложилась своеобразная археологическая провинция, входившая в большую историко-культурную область вместе с Южным Уралом, Северным Казахстаном, лесостепным Приобьем. Начало раннего железного века ознаменовано здесь пестротой, нестабильностью и взаимным воздействием культурных типов, в связи с чем проблемы их хронологии до сих пор являются дискуссионными.

Процессы культурной консолидации нашли отражение в гороховской и саргатской культурах, развитие которых во многом определило облик Тоболо-Иртышского междуречья в I тыс. до н. э. Несмотря на успехи, достигнутые в их изучении, существует целый ряд нерешенных, дискуссионных проблем: происхождения, трансформации, взаимодействия культур и т. д.

В. А. Борзунов познакомил участников семинара с основными итогами и проблемами изучения гамаюнской культуры. Ее формирование было связано с миграционными процессами, обусловленными климатическими изменениями. Сложение культуры происходило на рубеже бронзового и железного веков, в бассейне Лозьвы, Сосьвы и верховьях Тавды в результате взаимодействия продвинувшихся с севера нижнеобских атлымских и кондинских лозьвинских групп. В конце бронзового века новое население, мигрировавшее к югу, на Среднем и Южном Урале вступило в контакты с межовской и бархатовской культурами. С VII по IV в. до н. э. основное направление развития гамаюнской культуры определялось контактами с иткульскими племенами, в конечном итоге ассимилировавшими гамаюнские. Гамаюнских памятников позднее IV в. до н. э. нет. В бассейне Тавды их сменяют поселения с синдейской керамикой.

А. И. Лебедев сообщил об итогах полевых исследований на реках Юрюзани и Ае, где открыты новые гамаюнские, гороховские, айские, гафурийские комплексы.

А. Ф. Шорин подчеркнул, что в основе многих культур раннего железного века (иткульской, гороховской, носиловской, воробьевской, гафурийской) лежал межовский пласт.

Н. П. Матвеева рассказала о результатах изучения Рафайловского городища в низовьях Исети, которое она датирует V—III вв. до н. э. и в слое которого выделяет несколько строительных горизонтов. Помимо саргатской керамики, составляющей основу рафайловской коллекции, в ней есть посуда баитовского, гороховского, кашинского и прыговского типов. По мнению Н. П. Матвеевой, городище было основано в V в. до н. э. баитовским населением. Формирование кашинского типа произошло на основе слияния саргатской и баитовской орнаментальных традиций. Место прыговской керамики в концепции развития городища не ясно.

В. Д. Викторова отметила, что для решения проблем хронологии кашинского и прыговского типов нужны дополнительные исследования. Они должны прояснить ситуацию с поздними комплексами, в частности, синдейским, петрогромским.

Г. В. Бельтикова высказалась в пользу генетической связи носиловской, иткульской и петрогромской традиций.

Е. М. Данченко познакомил с материалами начала раннего железного века южнотаежной

© В. А. Борзунов, Л. Н. Корякова, Н. В. Федорова, 1992 г.

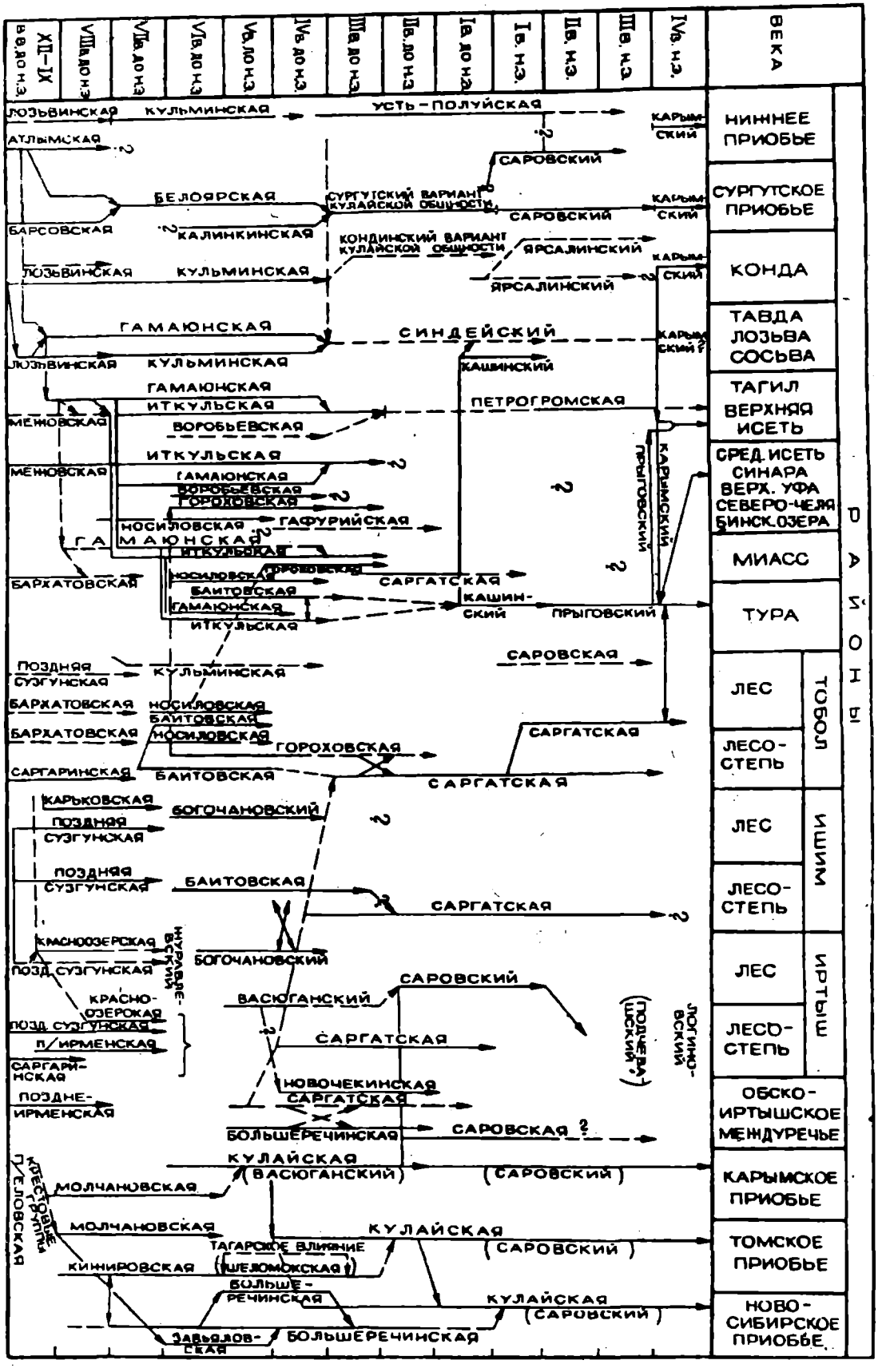


Рис. 1. Схема развития культур раннего железного века Зауралья и Западной Сибири

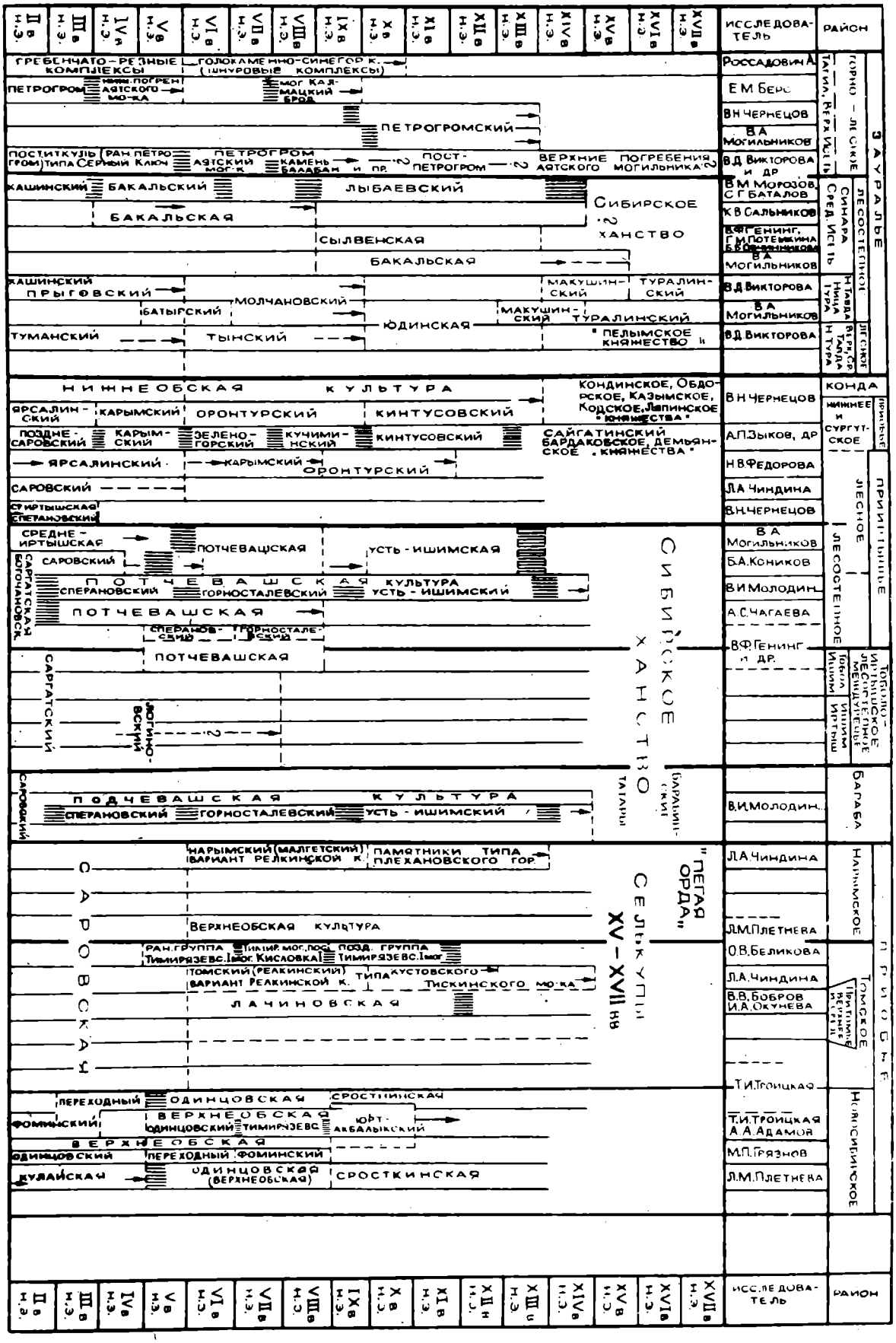


Рис. 2. Схема развития культур позднего железного века (средневековья) Зауралья и Западной Сибири

зоны Среднего Прииртышья, где выделены журавлевский и богочановский типы, связанные происхождением с сузгунскими комплексами.

По многим проблемам, обсуждаемым на семинаре, велась оживленная дискуссия. По итогам обсуждения, с привлечением опубликованных данных, была составлена схема развития и соотношения культурных образований раннего железного века Зауралья и Западной Сибири (рис. 1).

Следует отметить, что некоторые из этих образований еще не имеют устойчивых характеристик и точных определений. Существует разница в их интерпретации, что неизбежно влечет за собой терминологическую путаницу. Поэтому все названия в таблице даются в авторских вариантах.

Открывая семинар по проблемам средневековья, Н. В. Федорова кратко изложила цели этого совещания и познакомила собравшихся со схемой периодизации средневековых древностей Нижнего и Среднего Приобья, разработанной В. М. Морозовым, А. П. Зыковым, Л. М. Тереховой и Н. В. Федоровой (рис. 2). Согласно их концепции, период с IV по XVI в. н. э. может быть разбит на пять последовательно сменявших друг друга этапов: карымский (IV—VI вв.), зеленогорский (VII—VIII вв.), кучиминский (VIII—IX вв.), кинтусовский (X—XIII вв.), сайгатинский (XIII—XVI вв.). Эти этапы являются ступенями развития одной общности, занимающей территорию всей таежной части Западной Сибири. Авторы считают не вполне оправданным выделение локальных археологических культур.

А. П. Зыков предложил термин «Западно-Сибирская культурная область» с временным делением ее на этапы и территориальным — на локальные варианты. Говорил о трудности этнических атрибуций.

Л. А. Чиндина в целом положительно отнеслась к предложенной схеме, выразив некоторое сомнение лишь в правомерности выделения карымского этапа. Отметила сложность фиксации перехода от кулайской культуры раннего железного века к средневековью. Дала краткую характеристику культур эпохи средневековья Томского и Нарымского Приобья. В заключение Л. А. Чиндина сказала, что, с ее точки зрения, выделение локальных археологических культур вполне правомерно. Для разрешения ряда возникших спорных проблем докладчица предложила целенаправленно разрабатывать общие программы обработки массового материала, для информирования же друг друга собираться на подобные семинары ежегодно.

Н. Н. Чеснокова рассказала о Лонгат-Еганском кладе XII в., содержащем 59 металлических предметов, многие из которых имеют аналогии в Среднем Приобье.

А. И. Боброва сделала доклад о Тискинском могильнике XVII — начала XIX в., дала его этническую интерпретацию как памятника, принадлежащего нарымским селькупам, обосновала правомерность применения в данном случае ретроспективного метода.

Б. А. Коников дал характеристику культур эпохи средневековья в лесостепи Прииртышья-Приишимья, несколько более подробно остановился на подчевашской культуре, отметил сложность определения ее хронологических границ, поставил проблему смены подчеваша усть-ишимской культурой.

А. С. Шемякина, говоря о проблеме происхождения подчевашской культуры, отметила ее несомненную преемственность от кулая и сходство с зеленогорскими комплексами.

В. Д. Викторова остановилась на проблемах, связанных с изучением и интерпретацией археологических культур лесного Зауралья как культур «контактной зоны» между Прикамьем и Западной Сибирью. Докладчица подробно осветила комплексы петрогромского типа.

И. Ю. Пастушенко говорил о многообразии средневековой керамики бассейна р. Сылвы, о неправомерности выделения сылвинской культуры.

В. А. Иванов, поставив как важнейший вопрос этнической интерпретации археологических культур, характеризовал с этой точки зрения кушнаренковские комплексы. Докладчик отметил, что путь разрешения проблем этнических привязок отдельных регионов лежит через изучение общей ситуации этнокультурных процессов Зауралья и Западной Сибири.

Ю. П. Чемякин и В. М. Морозов остановились на проблемах усть-полуйской культуры.

В целом по всем вынесенным на обсуждение вопросам велась активная дискуссия. Все выступавшие отмечали плодотворность рабочих совещаний с обширной демонстрацией коллекций и свободным обменом мнений.

Уральский государственный
университет им. А. М. Горького,

В. А. Борзунов,
Л. Н. Корякова,
Н. В. Федорова

Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН, Екатеринбург

ВТОРЫЕ СМИРНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ (ЙОШКАР-ОЛА, 1991)

II Смирновские чтения с тематикой «Историко-археологическое изучение Поволжья» были проведены 12—13 февраля 1991 г. в Йошкар-Оле. На совещании присутствовали археологи из Москвы, Вологды, Ижевска, Йошкар-Олы, Казани, Куйбышева Тат., Пензы, Плеса, Саранска, Ульяновска, представлявшие коллективы научных учреждений АН СССР, вузов и музеев, в том

© В. А. Могильников, 1992 г.

числе ИА АН СССР (Москва), Казанского филиала АН СССР, университетов Московского, Марийского, Мордовского, Удмуртского, пединститутов Пензы, Ульяновска, музея-заповедника Волжские Болгары, историко-краеведческих музеев Вологды, Пензы, Плеса, Марийского НИИИЯЛ.

На чтениях было заслушано 24 доклада и сообщения, посвященных главным образом эпохе средневековья Среднего Поволжья. Проблематика докладов разнообразна. В них поднимались вопросы этногенеза финно-угорских народов, своеобразия их этнокультурного развития, интерпретации находок отдельных категорий вещей, технологии металлообрабатывающего производства, а также публикации материала отдельных наиболее интересных памятников.

Чтения открыл директор Марийского НИИИЯЛ Г. А. Архипов, основная часть выступления которого содержала изложение творческого пути А. П. Смирнова, его вклада в дело археологического изучения Поволжья и Приуралья. Особо были подчеркнуты заслуги А. П. Смирнова в подготовке кадров археологов для данного региона.

Проблематика этногенеза финно-угорских народов нашла отражение в докладах Г. А. Архипова, Т. Б. Никитиной, А. Н. Башенькина, В. А. Могильникова. Г. А. Архипов в докладе «К вопросу о зоне этнокультурных контактов Ветлужско-Вятского междуречья в раннем средневековье» остановился на ходе процесса этногенеза древних марийцев и взаимоотношениях их с соседними финно-угорскими племенами. По мнению докладчика, ядро формирования древних марийцев находилось в Поветлужье, откуда в V—VII вв. шло продвижение их на восток и северо-восток в сторону Вятки. Характерным памятником древних марийцев является Младший Ахмыловский могильник. Захоронения в сопровождении коня, типа встреченных на Безводнинском могильнике, не являются древнемарийскими и могут быть сопоставлены с муромой. В Западном Поветлужье осуществлялись контакты между древнемарийскими и мерянскими племенами. В сложении древних марийцев приняло участие население позднегородецкой и азелинской культур, из которых последняя участвовала также в этногенезе удмуртов, ядром формирования которых было население поломской культуры. Окончательное оформление марийцев происходит к IX—X вв., с чем связаны материалы Кочергинского могильника этого времени. Лузский могильник, по мнению Г. А. Архипова, относится к предкам коми. Существенного разрыва в цепи культур ананьино — пьяноборье — азелино на Вятке нет, что является открытием В. И. Семенова.

В докладе Т. Б. Никитиной «Этнографические группы марийского народа в эпоху средневековья» на основе анализа главным образом костюма делается попытка выделить территориально-этнографические группы марийцев IX—XI вв. Так, женский костюм из могильников луговых мари Ветлужско-Вятского междуречья богаче, чем у горных мари Ветлужско-Волжского региона. У первого представлены парные нагрудные украшения, что потом прослеживается в парной вышивке костюма луговых мари. Дубовский могильник на Волге связан с горными марийцами. Образование различий было обусловлено этногенетическими составляющими. В основе генезиса горных мари преобладал городецкий компонент, у луговых мари сочетались городецкий и азелинский, а у вятских мари основу составил азелинский компонент. На формирование горных мари оказали также влияние чувашские элементы. В прениях по докладу Т. Б. Никитиной Г. А. Архипов отметил, что у мари насчитывается около 10 диалектных групп и поэтому при выделении этнографических групп по археологическим материалам надо соблюдать большую осторожность.

А. Н. Башенькин в докладе «Волго-Камские компоненты культуры веси I — начала II тыс. н. э.» констатировал присутствие прикамских элементов в культуре веси, которые прослеживаются в зооморфных украшениях, а также в бляхах-пронизках, колоколовидных и коньковых подвесках. Аналогии подвескам-птичкам, находимым в домиках мертвых, он усматривает в гляденовских памятниках. Подвески с изображениями медведя и уточки также сопоставляются с прикамскими. В III—IV вв. со стороны Волги появляются курганы. Как считает автор, существующее мнение, что весь — это предки вепсов, пока слабо подкреплено археологическим материалом.

В. А. Могильников в докладе «Развитие процессов дифференциации угорской этнокультурной общности» изложил концепцию последовательного отделения обских угров от прамадьяр, а затем распада общности обских угров на предков манси и хантов, а также охарактеризовал происходившие при этом миграции и внешние контакты. По мнению автора, дифференциация угорской общности на обских угров и прамадьяр произошла в эпоху перехода от бронзового века к железному в VIII—VI вв. до н. э. Она сопровождалась распространением у прамадьяр полукочевого скотоводства и активными контактами с сако-савроматским миром. С прамадьярами идентифицируется население саргатской, а возможно, и гороховской культур. Однако полного территориального обособления обских угров от прамадьяр в это время еще не произошло. Они соседствовали на севере лесостепи и юге таежной зоны. Территориальное обособление основной массы прамадьяр от обских угров происходит в эпоху великого переселения народов II—IV вв. н. э., когда большинство прамадьяр, видимо, в составе гуннской орды мигрировало на запад, а саргатская культура прекратила существование. Следующая волна миграции прамадьяр из Западной Сибири была вызвана передвижениями народов в период экспансии I Тюркского каганата во второй половине VI в. н. э. С этого времени в основном прекращаются непосредственные ирано-угорские связи на юге Западной Сибири и устанавливаются прямые тюрко-обско-угорские связи. Дифференциация обско-угорской общности с выделением из нее манси и хантов происходит в середине — второй половине I тыс. н. э., и выделившиеся группы в культурно-этническом отношении консолидируются к IX—X вв. К этому времени происходит выделение групп северных, южных и восточных хантов.

В дискуссии по проблематике этногенеза В. А. Могильниковым было отмечено, что вторая половина I тыс. н. э. и рубеж I—II тыс.— это период дифференциации и оформления финно-угорских народов не только в Приуралье и Поволжье, но и в Западной Сибири. Это мнение было поддержано Г. А. Архиповым, указавшим на выравнивание в VIII—X вв. уровня этнического развития в

финно-угорском мире и справедливо отметившим, что с оформлением раннефеодальных государств Волжской Болгарии и у славян, а затем и Золотой Орды на развитие этногенетических процессов у финно-угров стала оказывать воздействие политика этих государств, замедляя или ускоряя в отдельных случаях этносоциальное развитие финно-угорских народов.

В докладе П. Н. Травкина «Население восточной части Волго-Клязьминского междуречья в VI—XII вв.» рассматривались памятники контактного региона расселения мери и муромы — Хотимльский, Холуйский, Кочкинский могильники, а также расположенные в этом районе 6 городищ и 19 селищ. Могильники расположены обычно в комплексах с селищами. По мнению автора доклада, граница мерянских и муромских земель проходила между реками Уводью и Тезой.

А. В. Расторопов в докладе «Памятники болгарского типа в Пензенской области» продемонстрировал материал с поселений болгарского времени бассейна Суры, часть которых считается буртасскими. В основном эти памятники исследованы рекогносцировочно, и для более полного определения их культурной и этнической принадлежности требуется проведение дополнительных изысканий.

Ряд докладов был посвящен анализу находок отдельных категорий вещей. Остановимся на их характеристике в хронологической последовательности излагавшегося материала. Д. Г. Бугров охарактеризовал находки вещей с выемчатой эмалью с памятников азелинской культуры. Всего обнаружено на азелинских памятниках пять таких предметов. Это две лунницы из Знаменского могильника, фрагмент фибулы с перегородчатой эмалью из Девичьего городка, перегородчатая фибула V в. с крестовидным окончанием из Масловского могильника, диск от гривны из Кукарки. Большинство аналогий этим вещам представлено в памятниках III—V вв.— позднезарубинецких и киевского типа. Перегородчатые фибулы имеют элементы деградации. В целом вещи несут следы длительного использования и на Вятке датируются концом IV—V вв. Наличие этих вещей на азелинских памятниках автор справедливо связывает с торговыми и иными контактами, но не с проникновением балтского элемента, который, по его мнению, присутствовал с VI в. в Младшем Ахмыловском могильнике.

О. В. Арматынская в докладе «Орнамент резной чепецкой кости», проанализировав большой материал, сопоставила различные виды орнаментальных узоров с отдельными категориями предметов. Так, точечный орнамент представлен преимущественно на ложках, чешуйчатый — на копоушках, заштрихованные треугольники — на копоушках и кочедыках, рельефный зигзаг — на рукоятях. Точечные композиции копируют другие элементы узора. Среди узоров представлен также сюжет из двух разнонаправленных коней, которых автор, опираясь на данные этнографии и фольклора финно-угров, интерпретирует как образ воды. В целом прослеживаются связи орнаментации кости рассматриваемого периода с орнаментом костяных вещей ананьинской культуры, с одной стороны, и с узорами вышивки удмуртов XV—XVI вв.— с другой.

Большой интерес вызвал доклад В. Н. Шитова «Мечи X—XI вв. на территории Мордовии». Докладчик проследил эволюцию клинкового оружия, происходящего из могильников мордвы, от палашей в V—VIII вв. до сабли X—XI вв., отметив при этом редкость погребений с таким видом оружия. Так, на 654 погребения Крюково-Кужновского могильника приходится лишь 5 захоронений с мечами, а на 853 погребения среднецнинских могильников — 11 мечей. Особую группу образуют погребения с мечами X—XI вв., совершенные по обряду кремации, с мечами «балтийского» типа. Автор считает, что эти мечи попали из Прибалтики, Скандинавии, а погребения с трупосожжениями с такими мечами предполагает возможным сопоставлять с захоронениями варягов, которые могли входить в состав местной дружины. Большой интерес доклада В. Н. Шитова отмечен в прениях П. Н. Старостиным, И. Л. Измайловым, В. А. Могильниковым. И. В. Измайлов отметил, что такие мечи были не только в Прибалтике, но и в Древней Руси и к мордве могли попасть южным путем. В. А. Могильников указал, что такого типа мечи в единичных экземплярах распространялись далеко на восток, до Западной Сибири. Подобный меч найден у д. Преображенка на р. Оми [1, с. 125, 127; 2, с. 528—533], а обломок клинка от аналогичного меча происходит из Туманского укрепленного жилища в лесном Зауралье [3, с. 143—154, рис. 1, *11*]. Он же высказал мнение, что малочисленность находок мечей этого периода в мордовских могильниках вместе со спецификой погребального ритуала отражают, видимо, начальные этапы становления дружины у мордвы, когда основную военную силу представляли свободные члены общины.

И. В. Волков, посвятивший свой доклад назначению керамических шаров из золотоордынских городов, считает, что эти шары служили сосудами для проведения различных химических реакций средневековым химикам и алхимикам, а глиняный шарик, помещавшийся внутри шара, предназначался для перемешивания налитой в шар жидкости. Данное предположение довольно интересно, но нуждается в экспериментальной проверке.

В докладе В. С. Баранова «О геральдическом изображении барсов с Болгарского городища (XV в.)» интерпретировалась символика этого изображения. Барс был геральдическим знаком болгарских царей. В XIII—XIV вв. чеканились монеты с этим изображением, а в XVI в. барс попадает в титулярник Ивана Грозного.

Э. Д. Зиливинская проанализировала различные типы конструкции золотоордынских усадеб, критикуя при этом классификацию усадеб, данную В. Л. Егоровым. Автор не высказала своего мнения в отношении истоков конструкции квадратного дома у татаро-монголов. Видимо, прав Л. Р. Кызласов, относящий время появления квадратного дома у монголов к периоду их жизни в лесах. Подквадратные каркасные постройки были, в частности, до недавнего времени распространены у обских угров [4, с. 88—106] и некоторых других народов лесной полосы и лесостепи Западной Сибири.

В докладе С. И. Измайлова «Сложносоставные луки волжских булгар» проанализирована конструкция луков населения Приуралья и Среднего Поволжья VI—X вв. Автором выделены три

группы луков — простые, сложные и сложносоставные — и верно подмечено конструктивно важное различие использования накладок из кости и рога. В то время как накладки из кости укрепляли негнущиеся части кибити, эластичные накладки из воловьего рога увеличивали упругость плеч, которые были асимметричны. На конструкцию болгарского лука большое влияние оказал широко распространенный в степях лук тюркского типа.

К. А. Руденко в докладе «Металлическая посуда Поволжья и Прикамья X—XIV вв.» остановился на анализе производства бытовой металлической посуды в Волжской Болгарии — медных котлов, кумганов, чаш и др. Прослежено время распространения основных технологических приемов. Соединение медных листов в зубец при изготовлении котлов прослеживается с середины X в., фальцевое соединение — с XII в. В XII в. появляется также местное литье сосудов. Производство было направлено на удовлетворение потребностей как оседлого, так и кочевого населения. После 1552 г. это ремесло постепенно затухает. Существовавшее развитое производство и широкое распространение металлической посуды при ее относительно высоком качестве вело к вытеснению глиняной посуды. Этими обстоятельствами автор объясняет то, что в «Калевале» на 10 упоминаний медной посуды приходится только одно упоминание глиняной.

Ряд докладов был посвящен характеристике материала отдельных памятников и встреченных на них комплексов находок. В докладе П. Н. Старостина «Ранние напластования на Болгарском городище» проанализирован слой IX—X вв., синхронный Танкеевскому могильнику, демонстрирующий смешение пришлого болгарского и местного компонента, характеризуемого керамикой, орнаментированной веревочкой и ромбическими штампами, истоки которой он обоснованно видит в ломоватовской и поломской культурах. Высказанное в прениях мнение А. В. Расторопова о происхождении посуды с ромбическим штампом из Западной Сибири представляется недостаточно доказанным. Следует отметить, что при анализе вопроса о происхождении керамики, орнаментированной штампами, нужно обращать внимание на облик этих штампов и сочетание их с другими элементами узора.

И. В. Якимов сообщил об исследовании в 1988—1990 гг. булгарского Богдашкинского городища в Тетюшском районе на Волге. М. М. Кавеев доложил о некоторых итогах изучения Кожаевского комплекса поселений XII—XIII вв., в ходе чего были исследованы жилища, а также обнаружен клад украшений, включавший серебряные височные кольца, гривну, шесть перстней с изображением льва, медную проволоку с золотой проволочной обмоткой. Слой поселения относится к переходному периоду от домонгольского к монгольскому, но следов пожара от нашествия татаро-монгол не имеет, на основании чего автор делает заключение, что при отсутствии сопротивления завоеватели не громили местное население, а брали с него дань для обеспечения «корма».

А. М. Губайдуллин охарактеризовал комплекс булгарских городищ XIII–XIV вв. в Предволжье, происходившие изменения в фортификации, количестве и устройстве жилищ. Городища прямоугольной формы, в домонгольское время они имели систему укреплений из трех-четырех валов. В золотоордынское время распространяются укрепления из двух валов и рва между ними, появляется ломаная планировка валов, рассчитанная на фланговый обстрел. В XIII—XIV вв. увеличивается количество наземных жилищ. Большинство селищ расположено между Свиягой и Волгой.

Два доклада были посвящены изучению технологии производства изделий из железа. Доклад А. И. Шадрина «Результаты исследования оружия и орудий труда Ветлужско-Вятского междуречья I тыс. н. э.» показал динамику развития морфологии и технических приемов обработки железа от ананьинского времени до конца I тыс. н. э. Для ананьинского периода характерен универсализм изделий, применение малоуглеродистой стали, пакетной сварки. В Младшем Ахмыловском могильнике эпохи раннего средневековья отмечено смешение технологических традиций, использование в производстве больших заготовок, представлены цельножелезные изделия и откованные из пакета по сложной технологии. В докладе Ю. А. Семыкина были изложены результаты исследования изделий кузнецов Биляра. На городище открыта усадьба металлурга с горном, углубленным в яму, конструктивно близким горну с куполообразным перекрытием из Болгара. На этой же усадьбе производилось изготовление цилиндрических замков, на что указывает найденный здесь брак. Сырьем для ковки служили кричное железо и сырцовая сталь. Кузнецы владели всеми технологическими приемами, известными в это время. Основным была сварка с использованием разнообразных методов. Ножи ковали с применением пакетирования, цементации, боковой и торцовой наварки, а в отдельных случаях делали из простого железа (4 из 58 исследованных). Кузнечная технология в Биляре была более разнообразной и совершенной, чем в провинциальном Муромском Городке. По техническим приемам билярские кузнецы не уступали древнерусским мастерам.

Доклад В. И. Лебедева «Городища в системе засечных черт Среднего Поволжья Русского государства XVI—XVII вв.», построенный на исторических свидетельствах и анализе историографии, привлек внимание к категории памятников, которые остаются слабо исследованными, линии засечных черт не всегда верно указываются в литературе.

Для рассмотрения проблематики этнической принадлежности раннесредневекового населения Среднего Поволжья большой интерес представил доклад Ф. И. Гордеева «Об именьковской культуре в свете балтоязычной теории археологов». Автор произвел анализ балтизмов в языках финно-угров Среднего Поволжья. Больше всего их в мордовском языке, меньше в марийском, еще меньше в удмуртском. При этом у части этих слов бывает трудно определить, заимствованы ли они из языка балтов или восходят к более древней эпохе индоевропейского единства и могли быть заимствованы в результате контактов предков финно-угорских народов в эпоху бронзы или в I тыс. до н. э. от оттесненных к северу сармат. Докладчик отвергает точку зрения А. Х. Халикова и В. В. Седова о балтоязычности населения именьковской культуры.

Доклад А. Х. Галимзянова «К вопросу о контактах Волжской Болгарии с Приуральем IX—XIII—XIV вв.» базируется в основном на антропологическом материале Больше-Тарханского,

Танкеевского и Тетюшского могильников. В основе складывающегося населения лежал метисный антропологический тип. На раннем этапе (Танкеевка) прослеживается односторонняя метисация. Кочевники-болгары, выступая экзогамной группой, брали в жены женщин из среды аборигенного финно-угорского населения Поволжья и Прикамья, а также из общества соседних с юга кочевников Поволжья. Такое положение, видимо, было обычным в завоеванных кочевниками областях в прошлом не только в Поволжье, но и в других регионах, представляя также одностороннюю метисацию.

В целом совещание прошло интересно и представило определенный итог в разработке проблем средневековой археологии и истории Среднего Поволжья.

Институт археологии РАН, Москва *В. А. Могильников*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Молодин В. И.* Находка меча из Западной Сибири (предварительное сообщение)//Изв. СОАН СССР. Сер. обществ. наук. 1976. Вып. 3. № 11.
2. *Дрбоглав Д. А., Кирпичников А. Н.* Европейский средневековый меч, найденный в Западной Сибири//Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1980. Л.: Наука, 1981.
3. *Зыков А. П.* Вооружение обских угров в X—XIII вв.//Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1987.
4. *Соколова З. П.* К истории жилища обских угров//Сов. этнография. 1957. № 2.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕСТВА И ПРИРОДЫ: ФАКТЫ И КОНЦЕПЦИИ» (Москва, 1990)

Первая Всесоюзная конференция «Взаимодействие общества и природы» состоялась в январе 1978 г. Она вызвала большой интерес [1—3], материалы ее были опубликованы в 1981 г. [4].

Вторая Всесоюзная конференция по той же проблеме состоялась в декабре 1990 г. на ВДНХ. Ее организаторы: Комиссия АН СССР по проблемам экологии, Философское общество СССР, институты: истории естествознания и техники, истории СССР, археологии, этнографии, литосферы АН СССР, МГУ, ВДНХ, научно-практический центр «Истоки».

Председатели оргкомитета — академики В. П. Алексеев и И. Т. Фролов. Заместители председателя — Б. В. Андрианов, Л. В. Данилова, И. В. Круть. От ИА АН СССР в оргкомитет входила Э. В. Сайко.

Предполагалось заслушать 28 докладов на пленарном заседании и около 200 докладов на стендах и за «круглыми столами». Работа велась последовательно: в первой половине дня обычно заслушивались и обсуждались пленарные доклады, во второй — за «круглыми столами» каждый получал возможность в течение 5 минут изложить суть своего доклада и ответить на вопросы. «Круглые столы» проводились по следующим направлениям:

1. Генетика, эволюция, экология человечества.
2. Эволюция экологических идей (древо идей).
3. Историко-географическая реконструкция экологических ситуаций.
4. Проблемы экологической безопасности.

Работа на пленарных заседаниях и за «круглыми столами» велась довольно оживленно. Стендовые доклады, к сожалению, не всегда выставлялись. Например, заявленные в программе доклады Е. Е. Кузьминой и А. Д. Пряхина на стендах не были представлены. В связи с этим археологических докладов было крайне мало. По сути, к ним можно отнести лишь доклады С. А. Арутюнова, Г. Н. Матюшина, Э. С. Кульпина, В. В. Федотова, П. Ю. Черносвитова на пленуме и ряд докладов за «круглыми столами».

Положительной чертой подготовки конференции было издание тезисов двумя книжками [5].

Во вступительном слове акад. В. П. Алексеев призвал к системному анализу взаимоотношения природы и общества и изложил основы предлагаемой им периодизации истории человечества.

К первому этапу он отнес эпоху палеолита, эпоху присвоения готовых продуктов природы, гармонично сочетающую потребности общества с развитием природы. Первая эпоха кончилась в результате крупного экологического кризиса на рубеже плейстоцена и голоцена. В. П. Алексеев справедливо назвал вульгарным подход к проблеме гибели мамонтовой фауны, объясняющий все лишь антропогенным воздействием. Ведь вместе с мамонтами погибли и хищники, которые не были предметом охоты человека. Экокризис начала голоцена сыграл большую роль в интенсификации производства, не случайно в Египте еще 12 тыс. лет назад появились элементы производящего хозяйства, земледелие.

Второй этап, по его мнению, начинается с мезолита и продолжается до III тыс. до н. э. Это период освоения земледелия и скотоводства и появления металлургии. Географическая среда в этот период играла значительную роль; от наличия или отсутствия определенного сырья; рудных запасов, пастбищ, травостоя зависело направление развития хозяйства.

Третий этап, по мнению докладчика, начался в III тыс. до н. э. и продолжался до рубежа

© Г. Н. Матюшин, 1992 г.

новой эры. Это время организации городской среды, которая создала новую психологию, породила государство. Главное не во времени появления первых городов, а в организации городской среды.

Четвертый этап — с рубежа новой эры до XIX в. Это время широкого движения людей и идей с запада на восток и в обратном направлении, это время Великого шелкового пути. Вместе с идеями и знаниями на Запад проникали новые животные и растения, происходила техногенная миграция микро- и макроэлементов, миграция живого вещества.

Пятый этап начинается с конца XIX в. и продолжается до настоящего времени. В это время происходит демографический взрыв, человечество встает на край гибели из-за нового экологического кризиса, обусловленного антропогенным влиянием.

Предлагаемая В. П. Алексеевым периодизация этапов взаимодействия природы и общества весьма оригинальна и нуждается в изучении и осмысливании. По археологическим и палеоклиматическим данным прослеживается и более дробная периодизация, с более короткими этапами. Такая периодизация голоцена с IX по II тыс. до н. э. была предложена в докладе Г. Н. Матюшина. На основе геоморфологии, стратиграфии и инвентаря памятников каменного века он выделяет пять экологических кризисов.

Первый экокризис начинается в XI—IX тыс. до н. э. Общеизвестно, что в это время происходит гигантский скачок температуры атмосферы. В гляциальных областях это привело к относительно быстрому исчезновению ледникового щита, а в экстрагляциальных, особенно в аридных и полуаридных,— к катастрофической засухе, вынудившей население этих регионов либо к переходу к новому виду хозяйства (доместикации), либо к миграциям. Не случайно, что на это время падает широкое распространение из области Среднего и Ближнего Востока культур с геометрическими микролитами типа А1. Еще в 60-х и 70-х годах автором было высказано предположение, что охват культурами с микролитами ареала индоевропейцев не случаен. Были намечены новые пути распространения индоевропейцев в Европу, вокруг Каспия [6, с. 283—293]. Недавно Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов [7, с. 75] пришли к аналогичному выводу по лингвистическим данным. Совпадение ареалов распространения индоевропейцев по археологическим данным с материалами лингвистических исследований свидетельствует, видимо, о их достоверности.

Однако окончательно стало складываться производящее хозяйство в Европе лишь в период следующего экологического кризиса, падающего на VII—VI тыс. до н. э. Подтверждением археологических данных об экологических кризисах являются новые данные [8] по динамике Каспия в голоцене и конце плейстоцена. Во время первого экологического кризиса уровень моря падает на 58 м, потом он возвращается почти на прежний уровень, однако во втором экокризисе снова резко опускается до — 44,5 м. В это время стоянки неолита перемещаются в современные поймы. Так, в Муллино (Южное Предуралье) в неолитическом слое II обнаружена пыльца полупустынных видов, сменяющаяся (в стерильной прослойке над неолитическим слоем) спорами водных растений. Очевидно, что в начале VI тыс. до н. э. современные поймы затопляются, а стоянки перемещаются на 15—25 м выше. В это время и в Европе, на Балканах в особенности, и на Южном Урале появляются домашние животные. Состав стада различен. Для Муллино, Давлеканово и других памятников Южного Урала типично наличие останков козы, овцы, крупного рогатого скота, лошади при полном отсутствии костей свиньи [9]. Для Балкан и Причерноморья, напротив, типична свинья и меньшее количество лошади. Различия в составе стада животных сохраняются вплоть до развитой бронзы. Нет сомнения, что эти различия подтверждают предположение о различных путях проникновения производящего хозяйства в Европу.

Третий экологический кризис определяется прежде всего новым освоением современных пойм населением, оставившим воротничковую керамику (агидельская культура) в Предуралье и суртандинскую культуру в Южном Зауралье. Подтверждают кризис появление степной и полупустынной флоры в современных лесостепях и падение уровня Каспия более чем на 44 м (жилалдинская регрессия). В конце V тыс. до н. э. уровень моря восстанавливается почти до современного. В интервале 3300—1700 гг. до н. э. происходит новое падение уровня Каспия на 40,5 м ниже уровня океана. Регрессия продолжается вплоть до первой половины II тыс. до н. э. В это время вновь заселяются поймы, в Предуралье складывается позднеагидельская, а в Зауралье позднесуртандинская культуры. В начале или в середине III тыс. до н. э. население озер Южного Урала перемещается в поймы небольших рек, что, видимо, обусловлено аридизацией климата. Население с воротничковой керамикой в это время уходит на север (Непряха), в зону современных лесов. Появление среднестоговской керамики на Муллино IV свидетельствует, видимо, о широких связях (миграциях). В конце четвертого кризиса появляется металлургия в лесостепях Южного Предуралья, эпоха энеолита сменяется эпохой бронзы. Последнее увлажнение, видимо, падает на XVII—XII вв. до н. э. Это время расцвета культур эпохи бронзы (абашевская, андроновская, срубная и т. п.). С новой аридизацией и новым понижением уровня Каспия (XII—VI вв. до н. э.) совпадает эпоха смены культур эпохи бронзы культурами эпохи раннего железа. Видимо, эти явления взаимосвязаны.

Судя по аналогиям, экокризисы оказывали влияние не только на население степей и лесостепей Евразии, но и на аридные области Южного Прикаспия, Ближнего и Среднего Востока. Не случайно, видимо, во время первого экокризиса происходит переход населения Среднего Востока к производящему хозяйству. Во второй экокризис происходит падение поселений типа Иерихон. В период третьего экокризиса исчезают культуры типа халафа и хассуны, но зато появляются первые поселения в Южной Месопотамии (убейд). В период гоусанской трансгрессии Каспия происходит подтопление поселений в Южной Месопотамии и на реках бассейна Каспия, исчезают убейдские поселения и появляются вновь лишь в период следующего экокризиса. Расцвет городов и в Месопотамии, и в Египте совпадает с четвертым крупным экокризисом, который хорошо маркируется мангышлакской регрессией Каспия. Даже падение Трои (гомеровской), Вавилона, Хаттусы совпадает с очередным

(пятым) экокризисом. Вряд ли все это случайные совпадения. Видимо, аридизации, носящие характер экокризисов, имели глобальный характер. Об этом же говорит и совпадение резких изменений уровня Каспия с изменениями всех крупных водоемов Африки и других стран.

Экологические кризисы, или глобальные и многовековые аридизации, носящие внезапный и значительный характер, что хорошо видно на кривой изменения температур атмосферы, составленной Дансгаардом еще в 1969 г. [10], видимо, следует учитывать при анализе смены археологических культур и даже цивилизаций.

Многие доклады на конференции, к сожалению, не зачитывались, и об их содержании можно судить лишь по тезисам. Часть докладов была посвящена начальным этапам антропогенеза. А. Е. Матюхин заявил, что трудовая теория антропогенеза завела проблему в тупик, принесла большой вред науке. «Движущей силой антропогенеза», по его мнению, следует считать самих гоминид (?!), рассматриваемых как самодвижущаяся система... Основными компонентами этой системы являются прямохождение, развитой мозг, своеобразный способ питания. Автор подчеркивает, что «неоправданно считать решающей причиной появления человека и трудовую деятельность, и исчезновение лесов, изменение радиационной обстановки или внезапные генетические изменения в организме предков». Культуру, по его мнению, можно называть саморазвивающейся системой, которая появилась вместе с человеком. Трудно понять, как могут «саморазвиваться» в человека «зубная система» или «способ питания». Вряд ли можно рассматривать сочетание определенных факторов среды, вызвавших мутации и обусловивших прямохождение, а также иную, чем у приматов, «систему зубов» и т. п. как «независимую» от этих факторов «саморазвивающуюся систему». Как непонятны и призыв А. Е. Матюхина изучать все в комплексе, и отказ от всех факторов, и сужение процесса антропогенеза к саморазвитию «прямохождения, зубной системы, способа питания», и т. п.

Е. П. Дятел, напротив, считает, что прямохождение создало угрозу для жизни человека, так как сократился пищеварительный тракт, что привело к развитию массивной челюсти и появлению неандертальца. Последний погиб, по его мнению, от развития культуры. Неандертальца, считает он, «убил огонь, кухня». Эти предположения также не совсем совпадают с новейшими данными. Так, раскопки в Чесованджа, например, показывают, что огонь появился не менее 1,4 млн. лет назад — задолго до появления неандертальцев.

А. Г. Ганджа в своем докладе обосновывает мысль, что и в современных условиях решающую роль играет отбор через мутации. Залежи урановых руд, иные мутагенные локальные факторы оказывают решающую роль в современном естественном отборе. Однако вряд ли можно согласиться с решающей ролью мутаций, например, в позднем палеолите. Скорее, с этого времени и по крайней мере до конца неолита — энеолита мутации не оказывали решающей роли на развитие человечества. В это время решающими стали факторы развития культуры.

В связи с этим интересен был доклад С. А. Арутюнова «Адаптивные функции культуры полиформизма». По мнению докладчика, культуры порождены адаптивными функциями конкретной природной среды. Они определяют характер этноса, однако и после его исчезновения адаптивная роль культуры сохраняется; она передается другим этносам. Давно исчезли шумеры, однако достижения их культуры сохраняют свое значение для других этносов. Многое к нам пришло из Нового Света, например, пончо.

Этнос меняется, как и среда, скачкообразно. При изменении среды рецессивные адаптивные свойства культуры становятся доминантными и помогают выжить этносу. Например, методы охоты на море у эскимосов сложились еще в VI—XII вв. В эпоху «малого ледникового периода» XII—XIV вв. некоторые группы эскимосов перешли от специализированной охоты на китов к полиохоте на море, сохранив свою культуру, использовав полиформизм ее. Другие группы оставили морскую охоту и занялись оленеводством, перешли к системе, разработанной чукчами. При этом они потеряли свою культуру и восприняли культурную систему чукчей вместе с их языком.

При унификации культуры ее адаптивные свойства теряются. Так, современная феминизация мужской и маскулинизация женской одежды ослабляет адаптивные свойства и тех и других.

В культуре всегда сохраняется внутренний полиформизм. Даже при внешнем однообразии орудий у разных этносов всегда можно проследить и различное соотношение тех или иных типов. Многие традиции, типичные для той или иной культуры, кажущиеся совершенно бессмысленными, играют определенную адаптивную роль. Даже обычай не употреблять в пищу свинину имеет адаптивный характер. Недостаток топлива не позволял скотоводам хорошо проваривать мясо. Говядину и баранину можно есть и в недоваренном виде, но недоваренная свинина вызывает болезни. Отсюда и возник обычай запрета ее употребления. Все проявления культуры адаптивны.

В. А. Шнирельман в докладе о культуре африканских племен показал адаптивный характер их культуры. По его мнению, «хозяйственно-культурный тип не только обуславливает особенности культуры, но и лежит в основе этнической седиментации».

Психологически культурную систему этнос сохраняет на протяжении нескольких поколений, считает Н. М. Лебедева. Так, русское население Закавказья бессознательно на протяжении четырех — шести поколений предпочитает лесной ландшафт горному, хотя на сознательном уровне называет родными только горы. Психологическая переориентация при переселениях и миграциях происходит медленно, на протяжении по меньшей мере четырех — шести поколений.

Ряд докладов был посвящен происхождению производящего хозяйства, неолиту и бронзе.

Ю. П. Бокарев считает, что культурные растения и домашние животные были еще в каргинское межледниковье (50—25 тыс. лет назад), однако сартанское оледенение вынудило основное население перейти к охоте на крупных травоядных. Похолодание и увлажнение климата около 3500 лет назад, по его мнению, привело к заболачиванию и уменьшению посевов. Население в это время из пойм переселяется на водоразделы. Появляется рало, подсечно-огневое земледелие. Разведение

крупного рогатого скота привело к конфликтам из-за пастбищ, в связи с чем появляются укрепленные поселения. По его мнению, при похолодании происходит централизация населения. Первобытность — совокупность разных хозяйственно-культурных типов, лишь некоторые из которых ведут к классообразованию.

По данным доклада Б. В. Андрианова и Г. Е. Маркова, государства в ряде регионов Африки возникли и при отсутствии классовой дифференциации в обществе, в ходе развития «неолитической революции».

По мнению некоторых докладчиков, темпы развития целиком определялись средой. Так, Н. А. Хотинский считает, что наиболее продуктивной была лесостепь. Производящее хозяйство, по его предположению, появляется в период перехода от гиперзонального к зональному, совпадающему с мезолитом. Максимум дифференциации ландшафтов достигается в атлантике (8000—4500 лет назад). 6—5 тыс. лет назад, когда в лесах господствовало присваивающее хозяйство, в лесостепи складывается земледельческо-скотоводческое производство. Только с XVII—XVIII вв. пыльца показывает антропогенное воздействие на ландшафт.

О застойности развития в лесах говорит и доклад С. А. Маретиной на примерах из Индии. «Избыток лесных богатств,— считает докладчица,— при малом демографическом показателе создавал благоприятные условия и лишал народ инициативы и стимулов к прогрессу. Это приводило к гомеостазу, к стагнации. Племя приспосабливается не к среде в целом, а к конкретной локальной территории. Отсутствие движения делало все связи и со средой, и внутри общества столь хрупкими, что они не выдерживали первого же внешнего вторжения».

Е. Е. Кузьмина относит становление производящего хозяйства (мариупольская общность) в евразийских степях к V—IV тыс. до н. э. Интенсивная охота на тура, тарпана и лошадь Пржевальского, по ее мнению, освободила часть экологических ниш для доместикации. В VIII тыс. до н. э. Передняя Азия, а возможно, и Подунавье стало регионом приручения крупного и мелкого рогатого скота. Лошадь была одомашнена в южнорусских степях. Е. Е. Кузьмина справедливо возражает В. Ф. Зайберту по поводу независимости доместикации лошади в Ботае. Ботай содержит типично суртандинский инвентарь. Датируется, правда, он несколько более поздним временем, нежели памятники суртандинской культуры на озерах Южного Урала. Ботай, как и аналогичные ему памятники, следует, видимо, рассматривать как результат переселения суртандинцев в степи Северного Казахстана в связи с четвертым экологическим кризисом в голоцене.

Е. Е. Кузьмина считает, что в энеолите в степях господствовало земледелие и лишь в эпоху бронзы здесь доминирует скотоводство, расцвет которого падает на срубно-андроновское время (XVII—XII вв. до н. э.). Пути скотоводов, сложившиеся во II тыс. до н. э., по мнению докладчицы, сохранились до XIX в. н. э.

Материалы, представленные в докладе Е. Е. Кузьминой, весьма интересны, хотя и следует заметить, что производящее хозяйство сложилось на Среднем Востоке не в VIII, а в X тыс. до н. э. Нет подтверждений о переходе в энеолите степей Евразии от земледелия к скотоводству.

А. Д. Пряхин считает, что «хозяйственное воздействие в археологическое время было концентрировано на поймы рек и речные террасы даже в срубное время, когда в Подонье резко возрастает население». В какой-то мере это утверждение верно и для других территорий, хотя не совсем ясно, что понимает докладчик под «археологическим временем».

В интересном докладе Л. В. Данилова приходит к заключению, что «от природной детерминации социального движения не избавляет и современный научно-технический прогресс, ибо существование человека возможно в достаточно узких природных факторах (температура, атмосфера, геохимия, магнитные условия и т. п.)».

М. Ю. Видейко и Б. С. Журавский пришли к выводу, что развитие триполья зависело от экологических кризисов. Если в раннем триполье (V—IV тыс. до н. э.) существовали протогорода с населением до 15 тыс. человек, то в позднем триполье централизация была разрушена из-за экокризиса на рубеже IV—III тыс. до н. э. Трипольцы вернулись к неолитической децентрализации. Экокризис IV—III тыс. до н. э., прослеженный по данным исследования триполья, совпадает с четвертым экокризисом, по нашей периодизации.

Обожествление сов, змей и т. п. было обусловлено, по мнению докладчиков, нашествием грызунов. Для спасения урожая от них обжигались полы в жилищах и засыпались золой хозяйственные ямы.

В энеолите Причерноморья выделяются интересные молотильные доски (доклад Н. Н. Скакун) с кремневыми вкладышами. Карановские серпы имели стандартизованные кремневые вкладыши.

Ю. А. Иващенко высказал предположение, что исчезновение лесов могло быть вызвано и керамическим производством в древности, ибо на один цикл обжига в античное время тратился кубометр дубовых дров. Сведение лесов из-за интенсивного керамического производства вынудило вернуться к ангобированию сосудов.

Интересные примеры контроля за использованием природных ресурсов приведены в докладе Ю. М. Кобищанова. Так, у нуэров Африки скот пасется вместе с дикими животными, что обеспечивает естественные нагрузки на среду. Для охраны среды принимались меры к ограничению рождаемости. У оромо и других кушитов, например, мужчина мог жениться, лишь кастрировав соплеменника. Детей, родившихся при нарушении табу, убивали. Сохраняли среду и многолетние (до 30 лет) циклы подсечно-огневого скотоводства и земледелия.

По мнению Л. В. Даниловой, выделение семейного хозяйства связано с утверждением аграрной экономики. Сельская община вела хозяйство, не подрывая экологии. К. П. Калиновская рассказывает, что у туркана каждая семья имеет по два-три стада, пасущихся в разных местах. Кочевые маршруты обычно ведут к горам и обратно. За год происходит по пять-шесть перекочевок.

В докладе С. А. Сычева и А. А. Узянова прослеживается взаимосвязь природы и

общества в Курском Посемье на протяжении со II тыс. до н. э. по первую четверть II тыс. н. э. Ими зафиксировано два рубежа увеличения влажности и похолодания в регионе — в 4500 и 2500 лет назад. Эти данные коррелируются и с материалами наших наблюдений и выделенными нами экологическими кризисами.

В некоторых докладах анализируются модели выживания человека при наступлении экокризисов. Так, в докладе Е. В. Мавлеева приводились данные о двух моделях выживания, разработанных этрусками в XVIII—I вв. до н. э. При засухе (например, в IV в. до н. э.) на месте водоемов образовывались малярийные болота, реки мелели. Население либо уходило в глубь страны (экстравертная модель), либо оставалось на месте, сооружая дренажи и т. п. (интравертная модель).

Некоторые докладчики связывали с экологией и систему организации общества. Так, В. П. Илюшечкин пришел к выводу, что для кочевников был типичен грабеж как способ получения недостающих продуктов. Это, в свою очередь, вынуждало земледельцев создавать централизованные деспотии. Кочевники в ответ на деспотии земледельцев также объединялись и создавали свои империи. В Европе, где кочевничество не было развито, преобладала децентрализация и демократия. Аналогичные материалы привел в своем докладе и Н. И. Крадин, выдвинувший термин экзополитарного государства.

О. М. Ледяева в докладе «Природа и власть» анализирует истоки авторитарной власти, исследуя систему доминирования у стадных животных, которая состоит из доминирующих, подчиненных и промежуточных особей.

Интересное сопоставление систем организации общества Востока и Запада предложил Э. С. Кульпин. Особенности хозяйства, обусловленные экологией, породили различные системы ценностей. Так, если на Западе основными принципами организации общества были свобода, равенство и братство, то на Востоке — мир, порядок, традиция. Если на Западе обществом управляли законы, право, права человека, то на Востоке — иерархия, ритуал, знание. Соответственно, если на Западе мерилом вклада человека в общество был его «труд», то на Востоке — «служение». Естественно, что подобная система общественных ценностей приводила к стагнации на Востоке и к развитию и прогрессу на Западе.

Попытки выхода на современность и актуализации исследований проводились во многих докладах. Однако содержание их выходит за пределы археологии, и поэтому они здесь не анализируются. В целом конференция внесла значительный вклад в развитие науки.

Привлечение к решению важных проблем взаимодействия природы и общества специалистов разных направлений науки весьма плодотворно. Только при комплексном подходе можно добиться сколько-нибудь существенных результатов в решении проблем, имеющих и сейчас важное значение для выживания человечества. Подобные конференции следовало бы проводить более регулярно. Интервал в 12 лет, отделяющий первую конференцию от второй, слишком велик, целесообразнее проводить их не реже чем через год.

Следует, видимо, и более продуманно подходить к выбору места для таких конференций. ВДНХ удалена от центров науки, доступ туда затруднен. Более удачным было проведение первой конференции в здании гуманитарных факультетов МГУ, что давало возможность присутствовать на заседаниях большему количеству аспирантов, студентов и научных сотрудников, интересующихся проблемами выживания человечества.

Институт археологии РАН, Москва *Г. Н. Матюшин*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вопросы истории. 1978. № 6.
2. История СССР. 1978. № 5.
3. Философские науки. 1978. № 5.
4. Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. М.: Наука, 1981.
5. История взаимодействия общества и природы: факты и концепции. Тезисы. Ч. I, II. М., 1990.
6. *Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976.
7. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейцы: праязык и прародина.//Наука и человечество. М., 1989.
8. *Варущенко С. И., Варущенко А. Н., Клиге Р. К.* Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени. М., 1987.
9. *Петренко А. Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984.
10. *Dansgaard W., Johnsen S. I., Clausen H. B., Langway C. C.* Ise cores and paleoklimatology//Nobel Sympos. 12. Radiocarbon Variations and Absolute Chronology. Stocholm, 1970.

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ»

В сентябре 1988 г. Музеем истории университета и кафедрой археологии ЛГУ был организован межведомственный научный семинар «Проблемы истории и историографии археологической науки»,

© И. Л. Тихонов, Н. И. Платонова, 1992 г.

объединивший представителей различных научных учреждений Ленинграда (ЛГУ, ЛОИА, ЛОААН, ЛОИВ, ГЭ), ведущих исследования в области истории становления и развития археологии в нашей стране, а также археологов, интересующихся этой проблематикой. За период с сентября 1988 г. по декабрь 1990 г. состоялось 22 заседания семинара, в которых был заслушан 31 доклад. Первое заседание состоялось 5 октября 1988 г. и было посвящено 130-летию со дня рождения А. А. Спицына. Г. С. Лебедев (ЛГУ) сделал доклад о периодизации истории отечественной археологии и месте А. А. Спицына в ней. Н. И. Платонова (ЛОИА) выступила с докладом «История отечественной археологии. Связь времен. Проблемы исследования». И. Л. Тихонов (ЛГУ) рассказал о деятельности А. А. Спицына в Петербургском — Ленинградском университете. Присутствовавшая на заседании дочь ученого Н. А. Спицына выступила с воспоминаниями об отце. Сотрудниками музея была подготовлена выставка, посвященная А. А. Спицыну.

Задачам и методам современных исследований по истории науки был посвящен доклад Л. Я. Жмудя (ЛОИИЕТ), этим же проблемам в применении к истории археологии посвятил свой доклад В. Ю. Зуев (ЛОИА).

Большой интерес и оживленную дискуссию вызвали два доклада М. В. Аниковича (ЛОИА) о взглядах на место археологии в системе наук в русской дореволюционной науке и в 1920—1930-е годы.

Проблемы изменения теоретических подходов к изучению палеолита в нашей стране в середине нынешнего века коснулся Г. П. Григорьев (ЛОИА) в своем докладе «О смене парадигм в советском палеолитоведении».

В заседании семинара, посвященном 130-летию Археологической комиссии, были представлены доклады Е. А. Рябинина (ЛОИА) об истории создания и деятельности комиссии и Н. А. Беловой (ЛОИА) о материалах Археологической комиссии, хранящихся в рукописном архиве ЛОИА. Деятельности новгородских краеведов и археологов по изучению и охране памятников древности в XIX — начале XX в. был посвящен доклад Н. Н. Жервэ (ЛГУ). Эти же вопросы на материалах Тверской губернии рассмотрел Ю. М. Лесман (ГЭ), наметив периодизацию археологических исследований в Тверском крае.

Ранним этапам становления и развития отечественной античной археологии были посвящены доклады И. В. Тункиной (ЛОААН) «Проблематика исследований в русской классической археологии (конец XVIII — середина XIX вв.)» и «Первое 20-летие Одесского общества истории и древностей». Развитию полевой методики античной археологии посвятил свой доклад А. Н. Щеглов (ЛОИА). О проблеме несоответствия теоретических взглядов на методику ведения раскопок и практической деятельности археологов на примере работ Н. И. Веселовского сделал доклад Ю. Ю. Пиотровский (ГЭ).

О составе и деятельности Восточного отделения Русского археологического общества рассказала Н. А. Варлакова (ЛОИВ), она же на основе новых архивных материалов прочитала доклад о финальном этапе существования Русского археологического общества в 1917—1924 гг.

А. И. Семенов (ГЭ) в своем докладе «М. Миллер и его книга „Археология в СССР“» попытался непредвзято охарактеризовать личность и деятельность М. Миллера. При обсуждении доклада участники заседания с сожалением констатировали, что английское издание монографии М. Миллера, написанной с крайне тенденциозных позиций и содержащей массу фактических ошибок, и по сей день является основным источником для западных исследователей по истории русской и советской археологии. Это положение дел наглядно видно из интересной монографии Б. Триггера (B. Trigger. The history of archaeological thought. Cambrige, 1989), на которую участники семинара подготовили рецензию для «Российской археологии».

В работе семинара кроме археологов и историков принимали участие этнографы и антропологи. Деятельности Д. А. Золотарева в этнологическом отделении ГАИМК был посвящен доклад И. И. Шангиной (ГМЭН СССР). Н. К. Черунова (ГМЭН СССР) рассказала о биографии и научной деятельности известного этнографа, антрополога и археолога Ф. К. Волкова. Работе Русского антропологического общества при С.-Петербургском университете, в сферу интересов которого входила и археология, посвятила свое сообщение Н. Н. Цветкова (ЛГУ, кафедра этнографии и антропологии). К этому же кругу проблем примкнул доклад И. Л. Тихонова (ЛГУ), посвященный изучению каменного века учеными-естественниками Петербургского университета и сложению в университете в начале XX в. палеоэтнологической школы Ф. К. Волкова.

Среди слушателей и докладчиков семинара были представители не только Ленинграда. Так, Иоланта Вроньска (Польша) рассказала об исследованиях по истории польской археологии. В. А. Бердинских (Киров) сделал доклад о работах А. А. Спицына по изучению истории и археологии Вятского края. Я. М. Паромов (Москва, ИА) выступил с докладом «А. А. Миллер и его роль в становлении отечественной археологии». О. Е. Франко (Киев, ИА АН УССР) посвятила свое сообщение научному наследию Ф. К. Волкова, хранящемуся в архиве ИА АН УССР. Особый раздел деятельности семинара, посвященный «живой истории археологии», открыл своими воспоминаниями о годах учебы на археологическом отделении ЛГУ, о своих учителях, особое внимание уделив А. А. Миллеру, акад. Б. Б. Пиотровский. Рассказ Б. Б. Пиотровского вызвал огромный интерес аудитории и многочисленные вопросы. Более чем двухчасовое выступление Б. Б. Пиотровского было записано на магнитофон.

Первым итогом двухлетней работы семинара стала организация и проведение научной конференции «Проблемы истории отечественной археологии». Эта конференция, организованная Ленинградским университетом совместно с ЛОИА АН СССР и Государственным Эрмитажем, прошла 11—13 декабря 1990 г. на базе Музея истории ЛГУ и стала заметным событием и в жизни музея, и среди петербургских археологов. С докладами выступили сотрудники ЛОИА АН СССР, Эрмитажа, ЛГУ,

ЛО ААН, ЛОИВ и других научных центров нашего города, археологи и историки из Москвы, Минска, Киева, Одессы, Саратова, Курска, Вильнюса, Ярославля, Кирова, Омска, Красноярска, Читы. Находящийся в настоящее время в печати сборник тезисов докладов, представленных на конференции, избавляет нас от необходимости подробно перечислять темы докладов, отметив лишь некоторые из них. Открыл конференцию доклад профессора Г. С. Лебедева (ЛГУ), в котором автор попытался дать общую периодизацию развития археологической науки в нашей стране. Л. С. Клейн в своем выступлении выделил три направления в русской дореволюционной археологии. Одно из центральных мест занял доклад А. А. Формозова (ИА АН СССР). Его главная мысль заключалась в том, что представление о развитии советской археологии как о процессе непрерывных успехов на базе внедрения марксистско-ленинских идей в археологию является всего лишь тенденциозным мифом отечественной историографии, заслуживающим коренного пересмотра. На самом же деле, как убедительно показал на обширном фактическом материале А. А. Формозов, период конца 1920-х — начала 1930-х годов — это время тотального разгрома краеведения и существовавших в его рамках многих местных археологических центров, время подчинения теоретических установок в науке идеологическому диктату. Этой же проблематике, на примере ленинградской археологии конца 1920-х годов, посвятила свой доклад Н. И. Платонова (ЛОИА). Многие сообщения научно-биографического характера были посвящены судьбе археологов, ставших жертвами репрессий против научной интеллигенции.

Полную несостоятельность укоренившегося представления о якобы отсутствии преподавания археологии до революции в университетах доказал И. Л. Тихонов (ЛГУ) в докладе об Археологическом кабинете С.-Петербургского университета, ставшего непосредственным предшественником кафедры археологии. Ряд докладов (а всего их было заслушано на конференции 37) осветил деятельность центральных и местных археологических учреждений и обществ, крупных и менее известных археологов. В прениях по докладам прозвучали интересные замечания, высказанные вятским историком и краеведом В. А. Бердинских и ленинградцем В. Ю. Зуевым о том, что до революции археология играла весьма заметную роль в развитии отечественной культуры, была ее неразрывной частью, осуществляя эту функцию через развернутую систему научно-общественных организаций, что, увы, совершенно утрачено к настоящему времени.

Всеми участниками конференции была поддержана мысль, что изучение истории науки, в данном случае археологии, имеет не только огромное нравственное значение, необходимость знания, «на чьих плечах мы стоим», но и является насущной проблемой современной науки, так как без осознания и анализа пройденного пути, изобилующего большими успехами и крупными ошибками, невозможно дальнейшее развитие науки. Это положение, нашедшее отражение в резолюции конференции, обусловило необходимость проведения подобных конференций регулярно по различным тематическим и региональным направлениям. В резолюции также предложено начать работу по подготовке справочного материала по истории отечественной археологии.

Музей истории Санкт-Петербургского университета; *И. Л. Тихонов, Н. И. Платонова*

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

«КЕРАМИКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (подходы и методы изучения)» (Самара, 1991)

С 11 по 16 февраля 1991 г. в г. Самаре состоялось Всесоюзное совещание на тему: «Керамика как исторический источник (подходы и методы изучения)». Необходимость его проведения была вызвана, с одной стороны, значительной активизацией интереса к методическим проблемам изучения древней керамики в последнее десятилетие, а с другой — весьма слабой информированностью исследователей о работе своих коллег в других научных центрах, что вело к дублированию как отдельных методических разработок, уже выполненных ранее, так и к повторению наиболее распространенных ошибок, возникающих при работе с этими источниками исторической информации.

Организаторами совещания выступили Институт археологии АН СССР, Институт истории и археологии Уральского отделения АН СССР и Куйбышевский государственный педагогический институт имени В. В. Куйбышева. Кроме того, в финансировании совещания участвовало малое предприятие «Музеум» в г. Самаре. В организационный комитет совещания входили А. А. Бобринский (председатель), И. Б. Васильев, Ю. Б. Цетлин, И. Н. Васильева, Н. П. Салугина, Е. В. Волкова, И. А. Гей, Н. Р. Тихонова. На открытии выступили А. А. Семашкин — ректор КГПИ, на базе которого проводилось совещание, И. Б. Васильев — заместитель директора ИИиА УрО АН СССР, затем от Оргкомитета выступил Ю. Б. Цетлин с кратким докладом «О задачах и порядке работы совещания». По мнению Оргкомитета, основными задачами совещания были следующие: 1) обсуждение существующих подходов и методов изучения древней керамики как источника информации о прошлом, 2) выделение наиболее перспективных и важных направлений работы в этой области и 3) координация усилий исследователей на этих направлениях.

На совещании было заслушано 17 научных докладов, большинство из которых были заказными. А. А. Бобринский (Москва) выступил с двумя докладами об общих проблемах изучения древнего гончарства. Первый доклад на тему «Современное состояние и перспективы исследований керамики как источника исторической информации» был посвящен выработке системного подхода к анализу источника. Рассматривая разные стороны морфологии глиняной посуды и технологии ее изготовления, автор выделил 20 основных объектов, процесс изучения которых распадается на ряд последовательных уровней. На каждом из этих уровней анализа с помощью специфических методов решаются свои особые исследовательские задачи. Второй доклад — «Протогончарные и гончарные производства керамики» — касался проблемы эволюции структуры гончарных производств. В докладе выделены «протогончарные» производства с несформированным состоянием структуры, архаические гончарные производства с признаками частично сформированной структуры и развитые гончарные производства со сформированным состоянием структуры. Выделение протогончарных производств открывает возможности решения проблемы происхождения гончарства как особой сферы деятельности древнего человека. Приводятся примеры таких производств на территории Верхнего Поволжья (волосовская культура) и Ирака (культура Телль Сотто).

Два доклада были посвящены проблемам изучения технологии древнего гончарства в зарубежной археологической науке. Ю. Б. Цетлин (Москва) в докладе «Основные направления и подходы к изучению технологии древней керамики за рубежом» пришел к заключению, что работа в этом направлении ведется в рамках двух методологически разных подходов: формально-классификационного и историко-культурного. Они различаются между собой по задачам исследования, по объектам исследования и по способам интерпретации получаемой информации. За рубежом традиционно преобладающим является первый подход. Однако в последние годы наблюдается рост внимания ко второму исследовательскому подходу в изучении керамики, что отражает объективный процесс более глубокого осмысления этого источника исторической информации. И. С. Жущиховская (Владивосток) в докладе «Методы изучения технологии древнего гончарства в зарубежной археологии» отмечала, что зарубежные исследования в этой области базируются на широком использовании средств и методов естественных наук, результатов экспериментального моделирования и данных этноархеологии. Поэтому автор достаточно подробно охарактеризовала основные естественнонаучные методы, находящие сейчас применение в археологической практике, с точки зрения возможностей их использования для получения конкретной информации о технологии древней керамики, значение моделирования как средства изучения технико-технологических процессов, а также роль этнографических данных для интерпретации технологической информации.

Во время совещания обсуждались проблемы изучения древней гончарной технологии средствами естественных наук. С. Ю. Внуков (Москва) в докладе «Задачи и методика петрографического исследования древней керамики» подробно разобрал возможности и правила применения петрографии для анализа керамического материала как источника исторической информации и пришел к заключению о необходимости разработки специальной методики петрографического исследования археологической керамики. Сходные вопросы были рассмотрены в коллективном докладе И. Г. Глушкова, А. В. Гребенщикова и И. С. Жущиховской (Тобольск, Новосибирск, Владивосток) «Петрография керамики: возможности и перспективы». Авторы подошли к изучению древней керамики с двух разных сторон: во-первых, как к природному объекту (анализ специфических

© Ю. Б. Цетлин, 1992 г.

особенностей сырьевых материалов), во-вторых, как к продукту человеческого труда (анализ характера воздействия этого труда на сырьевые материалы). Такой подход, по их мнению, позволил обсуждать проблему адаптации древнего человека к местной сырьевой базе гончарного производства.

Ю. Ф. Иващенко (Москва) в докладе «К методике исследования гончарной керамики» выделила несколько этапов работы с керамикой из раскопок, опираясь при этом главным образом на применение средств и понятий современной керамической технологии для определения общего уровня развития ремесла и его особенностей.

Два специальных доклада были посвящены применению метода физического моделирования как средства изучения разных сторон древней гончарной технологии. В докладе И. Г. Глушкова (Тобольск) «Проблемы экспериментального гончарства» были изложены результаты экспериментов по моделированию различных приемов создания глиняной посуды. Автор подробно остановился на программе моделирования разных этапов производственного процесса, которая осуществлялась им и его сотрудниками в полевых и лабораторных условиях. В коллективном докладе И. Н. Васильевой и Н. П. Салугиной (Самара) «Роль экспериментального метода в изучении древнего гончарства (программа экспериментального исследования формовочных масс)» были сформулированы обязательные правила проведения научных экспериментов по изучению навыков труда в гончарстве. Применение этих правил на практике показано на примере создания экспериментальной базы для исследования формовочных масс керамики.

Значительно скромнее были представлены на совещании работы в области методического изучения форм глиняной посуды. Все они были посвящены применению математико-статистических методов для поиска неких устойчивых соотношений между частями формы сосудов и решения вопросов классификации. Эти проблемы разбирались в докладах Е. А. Беговатова и А. Ф. Кочкиной (Казань, Самара) «О возможностях математического моделирования при исследовании керамики», В. И. Беседина (Воронеж) «Опыт статистического анализа формы сосудов», Р. Д. Голдиной (Ижевск) «Один из рабочих вариантов типологии формы круглодонной посуды средневековых памятников Верхнего Прикамья», а также в сообщении М. А. Изотовой, Н. М. Малова и В. Н. Слонова (Саратов) о классификации форм хвалынской керамики Нижнего Поволжья.

Методические проблемы изучения орнаментов на древней глиняной посуде обсуждались в пяти докладах. В. А. Скарбовенко (Самара) в докладе «О структурных уровнях орнамента (применительно к задачам дескриптивного анализа)» на основе понятийного аппарата теории симметрии предложила механизм разделения орнамента на посуде на иерархические уровни, по которым ведется описание. Применение при этом дескриптивного анализа обусловлено рассмотрением орнамента как некой знаковой системы, обладающей определенной структурой. В докладе Е. В. Волковой (Москва) «Историко-культурный подход к изучению орнаментов на древней глиняной посуде» под орнаментом понимается система символов, специально нанесенная мастером и выполняющая две основные функции: содержательную и эстетическую; выделены основные направления и подходы к его изучению. При историко-культурном подходе орнамент на посуде рассматривается как проявление определенных культурных традиций двух уровней — гончара и населения в целом. Автор выделил такие традиции в области техники и технологии нанесения орнамента на посуде у населения эпохи неолита бассейна Десны и населения фатьяновской культуры эпохи бронзы, прийдя к заключению о возможности изучения на этой основе процессов этнокультурного смешения в древности. Чрезвычайно интересным был доклад И. В. Калининой (Санкт-Петербург) «Архаические орнаментиры (технологическая целесообразность и семантика)». В результате детального изучения орнаментов на неолитической — энеолитической посуде Уральского региона и огромного числа экспериментов автор пришел к весьма доказательному выводу о том, что часть орнаментов на посуде была выполнена путем отпечатывания челюстей различных мелких животных (соболя, куницы т. п.). Это открывает новые широкие возможности для изучения семантики древних орнаментов у разных групп населения. Доклад И. Л. Черная (Бронницы) «Керамика и текстиль» был посвящен проблемам реконструкции приемов древнего текстильного производства по данным изучения тканевых отпечатков на поверхностях глиняных сосудов. Анализ нескольких тысяч слепков с «текстильной» керамики, распространенной от Южного Зауралья до Средней и Северной Европы, позволил автору реконструировать древнейшие приемы создания текстиля, не имеющие аналогий среди современных систем переплетения нитей. В докладе Т. Н. Глушковой (Тобольск) «Способы орнаментации текстильной керамики» на основании широкого применения метода физического моделирования было показано, что так называемые текстильные отпечатки на сосудах могут быть нанесены различными способами, среди которых лишь один из возможных — собственно отпечатки ткани. В связи с этим автор указал на то, что назрела необходимость упорядочения терминологии, которая употребляется в литературе для обозначения этих отпечатков (текстильные, ложнотекстильные, псевдотекстильные, сетчатые, рогожные и т. п.).

Таким образом, основное внимание на совещании было уделено методическим проблемам изучения древней гончарной технологии — в общей сложности они рассматривались в 9 из 17 докладах, на втором месте стояли проблемы изучения древних орнаментов на посуде (5 докладов), меньшее внимание было уделено способам анализа форм сосудов (3 доклада). Не вызывает сомнения, что подобное соотношение, пусть приблизительно, но отражает степень разработанности в советской археологической науке методических подходов и средств анализа разных сторон глиняной посуды как источника исторической информации.

На совещании большое внимание было уделено дискуссиям по заслушанным докладам. Они проходили ежедневно во второй половине дня. В последний день работы совещания была организована дискуссия по опубликованным тезисам тех докладов, которые из-за своего более частного характера не были включены в программу совещания. К таковым относились доклады В. Д. Гупало (Львов)

«К методике исследования керамических комплексов», Н. А. Кокориной (Москва) «К методике выделения археолого-этнического типа в булгарской посуде», А. Д. Журавлевой (Новосибирск) «Керамический комплекс сюнну (основные подходы и задачи исследования)», Л. Н. Мыльниковой (Новосибирск) «К вопросу о температуре обжига неолитической керамики поселения Кондон (Нижний Амур)», С. И. Алексеева (Йошкар-Ола) «К вопросу об этнокультурной ситуации в правобережье Марийского Поволжья в I тыс. н. э. (по данным технологического анализа керамики)», И. Я. Шевкомуда (Хабаровск). Керамические и жилищные комплексы поселения Кондон в Приамурье (опыт применения статистического и планиграфического методов анализа керамики)» и некоторые другие.

Во второй половине того же дня имела место итоговая дискуссия по основным вопросам, затронутым на совещании. В частности, отмечалось, что для советской археологической науки в области изучения древней керамики характерны в основном те же два исследовательских подхода (формально-классификационный и историко-культурный), которые присущи зарубежным исследованиям, однако, с явным преобладанием второго подхода. Выступавшие подчеркивали необходимость разработки и уточнения понятийного и терминологического аппарата в области изучения древнего гончарного производства, выявления и всестороннего анализа внутренней структуры и принципов системной организации этой сферы человеческой деятельности в целом. В дискуссиях активное участие приняли И. С. Каменецкий, А. А. Бобринский, Р. Д. Голдина, Н. Б. Виноградов, Ю. Б. Цетлин, И. С. Жущиховская, И. Г. Глушков, Е. В. Волкова, Ю. Ф. Иващенко, И. В. Калинина и многие другие.

В целом в работе совещания участвовало свыше 70 исследователей, представлявших научные учреждения Астрахани, Барнаула, Владивостока, Воронежа, Ижевска, Йошкар-Олы, Казани, Караганды, Санкт-Петербурга, Львова, Москвы, Новосибирска, Оренбурга, Перми, Самары, Саратова, Екатеринбурга, Тобольска, Уфы, Хабаровска, Челябинска.

В период работы совещания было проведено анкетирование участников, в котором, в частности, просили указать три наиболее важные методические задачи в области изучения древней керамики, требующие сегодня первоочередного внимания. Как выяснилось, наиболее важными сейчас считаются следующие задачи: 1 — четкое определение источниковедческих возможностей разных методов изучения керамики из раскопок, 2 — разработка проблем исторической интерпретации данных изучения керамики и 3 — разработка методики изучения древних орнаментов на посуде.

По итогам работы совещания было принято решение, где прежде всего отмечалась большая важность его проведения для развития будущих исследований по изучению древней керамики в СССР, была дана оценка степени разработанности различных направлений и подходов в этой области археологии, намечены перспективы для дальнейшей работы. Участники совещания указали на необходимость создания творческих проблемных групп: по разработке методики петрографического изучения древней керамики, по развитию экспериментального подхода к изучению древнего гончарства и по изучению древней гончарной технологии. Кроме того, решением совещания был создан Координационный совет, в задачи которого входит, во-первых, обмен научной информацией по проблемам изучения древнего гончарства между разными научными центрами, во-вторых, координация научных исследований по этим проблемам, в-третьих, определение тематики и организация научных совещаний. В состав Координационного совета были избраны И. Г. Глушков (Тобольск), И. С. Жущиховская (Владивосток), Ю. Ф. Иващенко (Москва), И. В. Калинина (Санкт-Петербург), Н. П. Салугина (Самара) и Ю. Б. Цетлин (Москва).

Проведение следующего совещания «Керамика как исторический источник» намечено в г. Екатеринбурге в 1994 г.

Институт археологии РАН,
Москва

Ю. Б. Цетлин

ЮБИЛЕЙНАЯ СЕССИЯ В ГРОДНЕНСКОМ МУЗЕЕ (1990)

На городском детинце — Замковой Горе в Гродно, за остатками массивных укреплений князя Витовта (XIV в.), в ренессансном дворце Стефана Батория, в одном из богатейших музеев Белоруссии — Гродненском историко-археологическом республиканском музее, в 1990 г. проходила юбилейная сессия «Музей и развитие исторического краеведения», посвященная 70-летию Гродненского музея. Конференция привлекла многочисленных участников из Белоруссии, Москвы и Польши, представивших 56 научных докладов на самые разнообразные исторические и этнографические темы.

Наибольшее внимание, естественно, было уделено тематике, связанной с юбиляром — Гродненским музеем — и вообще с музееведением. Е. А. Соловьева и В. М. Царюк (директор и ученый-секретарь музея) познакомили присутствующих с историей музея. Идея его организации принадлежала известному археологу, воспитаннику Московского археологического института Иосифу Иосифовичу Иодковскому. Музей был организован в 1920 г. при поветовом управлении особой комиссией по охране памятников искусства и культуры Гродненского повета, которой руководил будущий директор музея И. И. Иодковский. Музею был передан домик Гелера на Гороховой улице. Однако из-за военных действий экспозицию музея пришлось свернуть и вывезти из города. Наступило

© Л. В. Алексеев, 1992 г.

мирное время, и музей был организован при местном старостве (1922). В экспозиции были представлены старинные вещи, полученные из гродненского доминиканского монастыря, изразцы Троцкого и Мирского замков, народные пояса из окрестностей Гродно и Белостока, древние бусы, писанки, портреты польских королей и т. д. 24 июня 1924 г. гродненское старостве передало музею весь Старый замок, отстроенный в XVI в. Баторием. Сотрудников в музее было трое: директор И. И. Иодковский, краснодеревщик Н. Е. Улейчик — энтузиаст, посвятивший музею всю жизнь, проработавший в музее до самой смерти в 1965 г., и сторож. В 1930 г. при устройстве набережной под высоким берегом Немана местному магистрату пришлось брать землю с Замковой горы. При этом обнаружились остатки укреплений замка Витовта (XIV в), Верхняя и Нижняя церкви (XIV и XII вв.), остатки домонгольского терема и другие археологические богатства. В 1932 г. И. И. Иодковский добился средств на раскопки и в течение 4 лет вел на Горе археологические работы. Методы, которыми работал исследователь, не удовлетворили варшавских археологов, в 1936 г. после грандиозного скандала на выездной сессии польских археологов И. И. Иодковский был снят с раскопок и, обиженный, переехал в другой город. Однако коллекции его, старательно прикрепленные к планшетам, составили теперь большое ядро коллекции музея. Работы Зд. Дурчевского, развернувшиеся с 1937 г. на Замке, в 1939 г. были прекращены из-за военных действий. Его материалы также представлены в музее; паспортизированы они гораздо лучше. В 1949 г. работы польских археологов были завершены, как известно, Н. Н Ворониным (Москва). Во время войны 1941—1945 гг. коллекции музея частично были эвакуированы, частично сохранялись в подвалах музея. Заслуга восстановления археологической коллекции после войны принадлежит главным образом археологу Г. И. Пеху (Волковыск). Обилие коллекций в музее (археологической, исторической, орнитологической и т. д.) были причиной того, что в 1945 г. музей получил статус республиканского и стал называться Историко-археологическим. В 1950 г. завершилось комплектование штата музея за счет выпускников Московского и Белорусского университетов (историки К. Ф. Кормишина, О. Г. Вольф, археолог Л. В. Алексеев и др.), началась работа по упорядочению фондов музея. Первая послевоенная экспозиция была открыта в 1949 г., в 1965—1966 гг. проведена реэкспозиция отдела истории; пополнение экспозиции, ее усовершенствование продолжается и теперь. Докладчики осветили задачи музея на современном этапе и в будущем. Музей должен стать образцовым просветительным учреждением. Особый доклад был посвящен природоведческому филиалу Гродненского музея (А. М. Плешавеня).

Остальные доклады распадались по тематике на чисто исторические (главным образом XVIII в. Гродненщины), этнографические, музееведческие, нумизматические и др. Говорилось об особенностях печатной продукции «Официны» известного польского деятеля, магната гродненщины А. Тизенгауза (С. В. Казуля), о новейших публикациях по истории Гродно и Гродненщины (С. В. Павлуцкая), о роли полотенца в традиционных обрядах белорусов (В. Я. Фаддева), о белорусском народном календаре (Л. В. Верещагина).

Особенно много было докладов по музееведению. С интересом слушался реферат А. К. Ляво-новой о надмогильных памятниках Гродно. Читались доклады на тему «Музей — школа патриотизма» (А. М. Балакрозь), о древнем колокольном искусстве и выставке на эту тему в Минском художественном музее (И. Г. Гончарук). Л. В. Алексеев сделал попытку нарисовать историю музейного дела в Белоруссии (XV—XX вв.). Был очень интересен доклад польского коллеги А. Леховского (Белосток) о роли «Записок Яна Глинки» в научной работе музея. Руководитель Комитета по финансированию сельского хозяйства Белостокского воеводства Ян Глинка (1890—1963) больше занимался историей края, бесконечно рылся в архивах. С 1945 г. он — сотрудник Варшавского архива, в 1961 г. защитил докторскую диссертацию. Его «Записки» — труд жизни по истории Белостока, который полностью закончить он не успел. Систематизированные материалы Яна Глинки составили 517 каталогов и охватывают XI—XX вв. Труд этот в 1969—1971 гг. был упорядочен и издан в Польше в трех пространных томах. Он охватывает главным образом земельные владения, но в нем представлены и все отрасли вспомогательных исторических дисциплин. Крайне ценно, что к труду приложена огромная аннотированная автором библиография. В «Записках» материалы по Гродно поделены на четыре группы: 1) земельные владения Гродно; 2) Гродно — город (ремесло, торговля, пожары в городе и т. д.); 3) Гродно — замок и дворцы (документы, планы и т. д.). «Записки» Я. Глинки, по мнению автора, значительно облегчают научную работу музея по истории края.

Ряд докладов освещал археологические и нумизматические исследования. Реферат О. А. Трусова был посвящен раскопкам на Гродненском детинце (Старый Замок). Открыты были побывавшие в огне дубовые субструкции вала XI—XIV вв. Выяснилось, что основа вала с самого начала была укреплена камнем. Обнаружено продолжение открытых Зд. Дурчевским укреплений детинца из плинф (XII в). В северной части Старого Замка изучены поздние пристройки к оборонной стене конца XIV — начала XV в. П. А. Раппопорту совместно с автором доклада удалось установить, что Гродно основано в конце X — начала XI в. и имело уже тогда характерные деревянно-земляные укрепления. Раскопки значительно пополнили материалы музея, в частности предметами XV—XVIII вв. Собрано большое количество древнейших (так называемых горшковых и коробчатых) изразцов, изделия из стекла, металла, дерева, кожи и пр.

Из нумизматических докладов выделим сообщение С. П. Полоховской, суммировавшей все монетные клады Гродненщины. Выяснилось, что здесь обнаружены римские монеты Константина I (306—307 гг.), Теодора Флавия (379—395 гг.), венгерские динары Стефана I (997—1058 гг.), польские полугроши времен Яна Ольбрахта, литовские динары Александра Ягеллончика, полугроши Сигизмунда I и т. д.

В конференции приняли участие и искусствоведы Минска. Н. Ф. Высоцкая сообщила об «особенностях комплектования и изучения коллекции древнебелорусского искусства Государственного

художественного музея БССР». Ею было рассказано, как складывалась коллекция древнебелорусского искусства, как она изучалась. К ней были привлечены реставраторы Москвы, Ленинграда, Минска, а теперь создалась своя школа минских реставраторов художественных изделий. Особый доклад был посвящен атрибуции знаменитых шелковых поясов Гродно XVIII в. (М. М. Я н и ц к а я). В науке все они именуются «слуцкими», но, как показала докладчица, «слуцкие пояса» вырабатывались на мануфактурах Радзивиллов в Несвиже, Кареличах и Жмигрудах; Сапегами — в Ружанах; М. Огинским — в Слониме и т. д. В докладе сделана попытка найти особые черты в орнаментации поясов для их атрибуции.

Были и еще интересные сообщения, останавливаться на которых мы не имеем возможности. Из-за их обилия времени на дискуссию, к сожалению, осталось мало. Говорилось более всего, естественно, о юбиляре — музее, о его обширной экспозиции, фондах, большой просветительской работе, которую он ведет, и т. д. Все это верно, но нужно иметь в виду, что перед музеем в его обновленном виде (в музее теперь много молодых работников-энтузиастов, новый состав дирекции) стоят большие задачи. В так называемую недавнюю «эпоху застоя» в соответствии с указаниями сверху было забыто то, благодаря чему в 1930-х годах он стал европейски знаменитым учреждением,— его замечательные памятники, открытые здесь же, во дворе музея, археологами. Это Нижняя церковь XII в. из плинф, стены которой сохранились на высоту до 4 м (!), а пол выложен замечательной разноцветной смальтой, это княжеский терем XII в., сложенный из плинф, мощные укрепления вокруг Замковой горы времен Витовта (XIV в.), Верхняя церковь (XIV в.), наконец, ренессансное здание самого музея — дворец Стефана Батория (указывают комнату, где он умер в период подготовки нового похода на Россию в 1586 г.). Укрепления Витовта были отреставрированы; все здания, найденные в раскопках, заключенные в специальные павильоны, стали доступны посетителям для ознакомления. В «эпоху застоя», повторяю, все это было забыто, основное место в экспозиции занимали отделы, посвященные Отечественной войне 1941—1945 гг. и социалистическому строительству. Павильоны с уникальными древностями были наглухо закрыты из-за (как тогда объясняли) аварийного состояния... Сейчас времена круто изменились, энтузиазм дирекции и музейной молодежи заставляет думать, что все раны прошлого, нанесенные музею, будут залечены, двери павильонов с древностями распахнутся для посетителей, реставрированные ранее стены времен Витовта, освобожденные от несвойственных им хозяйственных пристроек, станут вновь жемчужиной Западной Белоруссии и Гродненщины. Все условия к этому есть, и ждать, надеюсь, не долго!

В целом же юбилейная сессия Гродненского музея показала, как далеко шагнуло теперь изучение древностей Белоруссии, как широко разросся к ним интерес.

Институт археологии РАН,
Москва

Л. В. Алексеев

Конференция «СЛАВЯНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ — 1990 (к VI Международному конгрессу славянской археологии)» (Псков, 1991)

Конференция «Славянская археология — 1990» проходила с 8 по 12 апреля 1991 г. в Пскове. В конференции приняли участие члены советской делегации, заявленной на VI Международный конгресс славянской археологии. Они представляли Москву, Санкт-Петербург, Минск, Киев, Могилев, Новгород, Псков, Ригу, Одессу, Чернигов, Каменец-Подольский, Львов, Вологду, Владимир, Тверь, Сыктывкар. В работе конференции принимали участие представители руководства Международной унии славянской археологии (МУСА) Б. Хроповский (Чехо-Словакия), Л. Лециевич (Польша), Б. Бабич (Югославия). Организаторами конференции выступили МУСА, Институт археологии АН СССР, Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Генеральная дирекция «Псковреконструкция». Институтом археологии издан сборник тезисов докладов («VI Международный конгресс славянской археологии». Тезисы докладов, подготовленных советскими исследователями. М., 1990).

Пленарное заседание 8 апреля открылось докладом В. В. С е д о в а (Москва) «Этногенез славян по археологическим данным». Докладчик отметил постоянно возрастающую роль археологических материалов в решении вопросов славянского этногенеза. Используя ретроспективный метод, В. В. Седов рассматривает развитие археологических культур, начиная с культуры шнуровой керамики, представляющей одну из группировок древнеевропейцев. Дальнейшими звеньями археологической цепочки славянского этногенеза являются тшинецкая (которую в некоторой степени можно рассматривать как протославянскую), вошедшая в ареал формирующейся лужицкой культуры, в восточных районах которой в результате расселения племен поморской культуры складывается культура подклешевых погребений (раннеславянская). Ее ответвлением явилась зарубинецкая культура, в среднеднепровском регионе которой славяне остались господствующим этносом, так же как и в висленском регионе пшеворской культуры. В римское время славяне были представлены тремя культурно-племенными группировками — повисленской (пшеворской культуры), подольско-днепровской (часть черняховской культуры) и среднеднепровской (позднезарубинецкие и киевские древности). В эпоху переселения народов на этой базе складываются корчакская и пеньковская культуры, соотносимые

© Н. В. Лопатин, Н. Н. Милютина, 1992 г.

со склавинами и антами. Отдельные племенные группировки славян представлены суковско-дзедзицкими древностями и культурой длинных курганов. Вопрос об этнической принадлежности культуры типа Тушемли — Колочина археологическими методами пока решить не удается. В VII—VIII вв. выделяются новые диалектно-племенные группировки раннего славянства.

Доклад О. Н. Трубачева (Москва) «Этногенез и культура древнейших славян» постулирует праславянский язык как изначальный индоевропейский диалект. Ретроспективное рассмотрение формирования древней славянской картины мира показывает, что появление развитых религиозных понятий приурочивается к эпохе славяно-иранских контактов, т. е. к периоду не ранее середины I тыс. до н. э. С древнейшими славяно-латинскими контактами (III тыс. до н. э.) соотносится примитивный культ предков. Древнейшее расселение славян, по мнению докладчика, исходит из Среднего Подунавья. Далее автор акцентировал внимание на балто-фракийских контактах южнее Припяти, где он размещает и древнейший балтский ареал.

Доклад П. П. Толочко (Киев), не приехавшего на конференцию, зачитал А. П. Моця. Автор доклада, рассматривая многочисленные научные концепции, в том числе достаточно заостренные в свете современных национальных отношений, утвердительно отвечает на поставленный в названии доклада вопрос: «Существовала ли древнерусская народность?».

В интересном докладе «Балтийские славяне и Северная Русь в раннем средневековье (несколько дискуссионных замечаний)» Л. Лециевич (Польша, Вроцлав), не отрицая давних генетических связей севернорусских славян (словене новгородские и кривичи псковские) с балтийскими, проанализировал контакты между ними, имевшие место в IX—XII вв. Исследователь утверждает, что в протогородских поселениях и ранних городах Северной Руси в это время работали странствующие ремесленники, происходящие из польско-поморских и полабских земель. Выявляемые в Северной Руси керамические и вещевые находки западнославянских типов являются продукцией этих ремесленников. Наоборот, археологические материалы и данные Адама Бременского свидетельствуют о севернорусском торговом и отчасти ремесленном проникновении в земли балтийских славян.

Б. Хроповский (Чехо-Словакия, Нитра) свой доклад «Развитие славянской материальной культуры на территории Чехо-Словакии и ее вклад в развитие раннесредневековой европейской культуры» посвятил древностям Великой Моравии. Были проанализированы изделия моравских ремесленников, особенно выделены высокохудожественные произведения и на их основе показано воздействие моравского ремесла и искусства на соседние европейские области.

Л. Д. Поболь (Минск) в докладе «Индоевропейские черты в древностях археологических культур железного века Белоруссии (к проблеме этногенеза славян)» рассмотрел некоторые черты материальной и духовной культуры славян (характер поселений, погребальный обряд кремации, солярные символы, посоховидные булавки) в контексте культур других индоевропейских народов.

Второй день пленарных заседаний начался с доклада В. Д. Барана (Киев) «Сложение славянских древностей раннего средневековья». Автор полагает, что киевская культура стала подосновой пеньковской и колочинской культур (с компонентами черняховским и тюркским в первой и балтским во второй). Черняховские памятники Верхнего Днестра легли в основу пражских древностей. Дзедзицкая группа памятников в Средней и Северной Польше имеет свои местные истоки. Далее автор анализирует передвижения славянских группировок на север и юг, а также в балтийское Поморье, где сложились новые западнославянские группировки.

Доклад И. К. Лабутиной, И. О. Колосовой, С. В. Степанова, Б. Н. Харлашова (Псков) «Средневековый Псков (по археологическим данным)» был посвящен анализу результатов археологических раскопок на территории Пскова в последние годы. Приводились новейшие данные по псковскому могильнику X — начала XI в., языческому святилищу и культовому камню на территории могильника. Были изложены результаты обследования окрестностей г. Пскова, где выявлены значительные участки древнего посада за стеной 1465 г. и ряд селищ древнерусского и позднесредневекового времени.

Большой интерес вызвал доклад А. Н. Кирпичникова (Санкт-Петербург) «Раннесредневековая Ладога. Историческая роль и международное значение». Автор обосновывает статус Ладоги в первые 100 лет ее существования как столицы северо-восточноевропейской конфедерации славянских и финских племен, а также как важнейшего торгового транзитного центра на балто-каспийском водном пути. Для Ладоги этого времени характерны признаки, типичные для раннесредневековых балтийских городов.

Доклад М. В. Седовой (Москва) «Археология Суздаля» был посвящен новейшим открытиям на территории этого древнерусского города. И. К. Свешников (Львов) в докладе «Древнерусский город Звенигород и его связи с Востоком» рассказал о находках на территории Звенигородского городища бронзовых и золотых изделий с выемчатой и перегородчатой эмалью, янтарных изделий, а также импортных вещей из Византии и стран Востока.

Доклад Ю. Л. Щаповой (Москва) «Европейские соседи Византии IV—XII вв. (характеристика отношений по находкам стекла)» раскрывал соотношение византийского и происходящего от него провинциального, в том числе и древнерусского стеклоделия. При этом собственно византийские изделия, за исключением церковной утвари IV—VI вв. и стеклянных бус XI в., всегда являлись предметом роскоши.

На конференции работали две секции. На заседаниях секции «Этногенез и этническая история» было заслушано 14 докладов.

Первой выступила А. В. Гудкова (Одесса) с докладом «Группа венедов в низовьях Дуная», в котором предложила анализ выделенных в последние 10 лет в степном междуречье Днестра, Дуная и Прута памятников типа Этулия, датируемых II—IV вв. Лепная посуда и погребальный обряд соотносятся автором с культурами пшеворской, волыно-подольской и позднезарубинецкой. На осно-

вании сопоставления с Певтингеровыми таблицами памятники типа Этулия соотносятся с группой венедов между реками Дунай и Аталинг (Днестр). В дискуссии по докладу А. М. Обломский высказал сомнение в правомерности параллелей между памятниками типа Этулия и поздними зарубинцами; по его мнению, аналогии рассмотренной керамике со «штриховкой» нужно искать в скифо-сарматском мире. К. В. Каспарова также указала, что возможны сравнения с гетами и сарматами, но не с зарубинцами, как классическими (хронологический разрыв), так и поздними (значительные отличия).

В докладе А. М. Обломского (Москва) «Этнокультурная ситуация на территории юга современной Сумской области в I—IV вв.» рассматривались материалы памятников, раскопанных в этом регионе Р. В. Терпиловским, А. Н. Некрасовой и О. В. Сухобоковым в 70—80-е годы. Был сделан вывод о том, что в верховьях Ворсклы в римское время отсутствовало постоянное население. Каждый из памятников представляет собой «слепок» культурных традиций какой-либо соседней территории. Так, в I—II вв. н. э. здесь ощущается присутствие позднезарубинецких племен среднеднепровского происхождения, на рубеже II—III вв.— верхнеднепровского населения (типа Гриней — Абидни), в середине — второй половине III в. киевских племен района водораздела Днепра и Дона (типа Букреевки), а в конце IV в.— деснинского варианта киевской культуры (курган Азак).

Р. В. Терпиловский (Киев) в докладе «Локальные варианты киевской культуры» ознакомил собравшихся с итогами совместной с Н. С. Абашиной работы по составлению «Свода археологических источников» по киевской культуре, в ходе которой учтено около 180 памятников. Выделяется четыре локальных варианта: среднеднепровский, Подесенье, днепровский лесостепной левобережный, верхнеднепровский. В выступлении по докладам А. М. Обломского и Р. В. Терпиловского К. В. Каспарова дала высокую оценку широкой работе по изучению позднезарубинецких и киевских древностей, связанной с выделением локальных групп.

В докладе А. Т. Смиленко (Киев) «Проникновение славян в левобережье дельты Дуная» последовательно анализировались славянские памятники этого региона — от этулийского поселения у оз. Кагул через поселение со смешанной славянской и салтово-маяцкой культурой и памятников типа Луки Райковецкой к поселениям X в. с возможностью переселения туда восточнославянского населения — уличей и тиверцев.

Доклад А. А. Егорейченко (Минск) «Раннесредневековое поселение Остров» был посвящен материалам раскопок многослойного поселения в бассейне Припяти. Помимо маловыразительных материалов милоградского и зарубинецкого времени здесь были обнаружены остатки двух жилищ с керамикой типа Корчак и слабопрофилированной, а также развал печи из металлургических шлаков. Этот комплекс датируется по фибуле IV в. н. э. Р. В. Терпиловский, касаясь этнокультурного определения данного памятника, заметил, что следует поостеречься относить его к пражской культуре, и предложил считать его черняховско-славянским.

К. В. Каспарова (Санкт-Петербург) в докладе «Зарубинецкая культура и славяне» показала большую роль кельтских и ясторфских элементов наряду с поморско-подклешевыми в зарубинецкой культуре. Докладчица считает, что зарубинецкая культура — это явление прежде всего латенского мира, не имеющее непосредственного отношения к славянским культурам; ее этническим содержанием скорее всего являются бастарны.

Доклады М. Ф. Гурина (Минск) «Ранние поселения славян в Белорусском Полесье» и В. С. Вергей (Минск) «Актуальные проблемы археологии славян VI—IX вв. в Белорусском Полесье» знакомили слушателей с новыми материалами раскопок поселений в нескольких пунктах этого обширного региона. Зафиксированы как материалы пражской культуры, так и элементы, более характерные для других соседних культур (ребристая керамика).

Доклад О. Н. Левко (Минск) «Пути и характер расселения славян на территории Северо-Восточной Белоруссии» был посвящен сложной картине миграций и взаимодействия различных культур региона в I тыс. н. э.: сетчатой керамики, днепро-двинской, штрихованной керамики, отдельных элементов милоградской, а также типа Абидни, пражской, пеньковской, волынцевской.

О. В. Сухобоков (Киев), зачитавший совместный с С. П. Юренко доклад «Новое в изучении волынцевских памятников», рассказал о новых исследованиях известного Битицкого городища. Здесь выявляется два типа жилищ — прямоугольные полуземлянки (славянские) и круглые углубленные жилища, вероятно, являющиеся основаниями юрт (кочевнические). Был продемонстрирован клад сельскохозяйственных орудий.

В докладе А. Н. Башенькина (Вологда) «Длинные курганы и сопки в Юго-Западном Белозерье» речь шла о результатах исследований крайнего восточного ареала этих памятников. Излагались также данные изучения погребальных площадок, предшествовавших длинным курганам. На площадках подпрямоугольной и округлой формы остатки сожжений помещались без компактных скоплений и с большим количеством вещей. Обнаружено одно урновое погребение.

В докладе Н. В. Лопатина (Москва) «Южные традиции в керамике смоленского Поднепровья и соседних территорий в I тыс. н. э.» была предпринята попытка выделить ряд культурных группировок, в той или иной степени представленных в северных областях Поднепровья и в Подвинье и находящих себе аналогии в материалах более южных культур — разных групп позднезарубинецкой, типа Гриней — Абидни, киевской, колочинской. Наиболее подробно докладчик остановился на характеристике памятников (в основном селищ) III—IV вв., самым примечательным признаком которых является присутствие слабопрофилированной керамики с расчесами гребенчатым штампом. Было предложено название «памятники типа Заозерья» и высказано предположение, что расчесы на керамике наносились обломками черняховских костяных гребней. В выступлении по докладу А. М. Обломский отметил, что ситуация в данном регионе во многом напоминает по своему характеру

историю смены культур в бассейне Ворсклы, и высказал предположение, что такая ситуация закономерна для периферийных регионов позднезарубинецкой и киевской культур.

С докладом «Первые русские на Печоре» выступила Н. Н. Чеснокова (Сыктывкар). Е. В. Махно (Киев) проанализировала роль взглядов первооткрывателя черняховской культуры В. В. Хвойки в истории изучения славянского этногенеза. Она призвала конференцию выступить в поддержку идеи открытия народного музея В. Хвойки в с. Черняхов. В обсуждении идея была поддержана.

На заседаниях секции «Археология и культура Восточной Европы» прозвучало 17 докладов.

Доклад С. З. Чернова (Москва) «Раскопки на Красной площади в Москве и перспективы изучения Московской Руси XIII—XVI вв.» касался итогов работ в центре Москвы, в ходе которых раскрыты фундаменты Воскресенских ворот, найдена первая в Москве берестяная грамота, и перспектив изучения Великого посада Москвы.

А. Г. Векслер (Москва) выступил с докладом «Археологические исследования в московском Чертолье в 1987—1990 гг.». Доклад Д. И. Фонякова (Санкт-Петербург) «Посад позднесредневекового русского города (на примере Торопца)» освещал результаты раскопок автора.

А. В. Цауне (Рига) посвятил свой доклад теме «Язычество древней Риги». В этом городе найдены изображения идолов, места жертвоприношений, следы строительных жертв. Небольшие антропоморфные идолы — многоглавые и одноглавые — найдены в районах города, в основном населенных латышами и ливами.

О. М. Иоаннисян (Санкт-Петербург) сделал доклад «Древнерусское зодчество X—XIII вв. среди европейских архитектурных школ средневековья (Византия — Русь — Западная Европа)». Автор констатировал, что с самого начала сооружения храмов на Руси в конце X — середине XI в. они имели специфические особенности, не свойственные архитектуре Византии. Вместе с тем в конце XI — первой половине XII в. в архитектуру Чернигова, Галицкой и Владимиро-Суздальской земель проникают романские элементы.

М. Ф. Рожко (Львов) в докладе «Особенности деревянных укреплений славянских „градов" Юго-Западной Руси» привел архитектурно-археологические данные, подтверждающие высокий технический уровень оборонительных сооружений.

Работа Н. А. Макарова (Москва) «Древнерусские амулеты-топорики» расширяет сводку В. П. Даркевича 1961 г. по этой категории находок. Автор полагает, что эти амулеты, в деталях копировавшие настоящее боевое оружие, являлись знаком принадлежности к воинскому сословию.

Доклад И. К. Лабутиной (Псков) «Из истории духовной культуры средневекового Пскова» анализировал археологические данные о распространении грамотности в городе (берестяные грамоты и другие предметы с надписями), изображения с сюжетами древнерусской литературы на предметах прикладного искусства.

В докладе С. В. Шеломенцева-Терского и В. С. Шеломенцева-Терского (Львов) «О языческих элементах в культуре населения Волыни в X—XIII вв.» утверждалось, что после крещения Руси на Волыни продолжали действовать языческие святилища (Владимир-Волынский, Луцк). Прослежены многочисленные свидетельства бытования языческих верований.

В. Я. Конецкий (Новгород) выступил с докладом «К социальной и этнокультурной характеристике общины эпохи сопок (на материале комплекса памятников в урочище Губинская Лука на р. Ловать)».

А. П. Моця (Киев) в докладе «Этнический состав населения южнорусских земель по данным погребальных памятников» проследил случаи проникновения жителей одних южнорусских регионов на территории других и чересполосного проживания. Значительна группа кочевнических захоронений. Погребений скандинавов, а также представителей ряда других этносов немного.

В докладе Я. Г. Риера (Могилев) «Средневековое сельское расселение западных и восточных славян: сравнительная характеристика» рассмотрены три последовательных этапа расселения в обеих славянских группировках с учетом данных о почвах и гидрологическом режиме. Показаны различия двух линий эволюции.

Т. В. Рождественская (Санкт-Петербург) в докладе «К исследованию славянской письменной традиции: древнерусская эпиграфика X—XV вв.» анализировала новый эпиграфический материал из Болгарии, Новгорода, Киева. А. А. Медынцева (Москва) подробно рассмотрела изображения и ряд особенностей серебряной ставротеки (реликвария для хранения части креста) из Архангельского краеведческого музея («Архангельская ставротека»).

Доклад Т. В. Кругловой (Псков) «Церковь и духовенство в средневековом Пскове» был посвящен статусу и разнообразным взаимоотношениям церкви со структурами города. Л. А. Беляев (Москва) выступил с докладом «Московское белокаменное надгробие XIII—XVII вв. как культурное и художественное явление».

С. В. Белецкий (Санкт-Петербург) зачитал подготовленный им совместно с В. Д. Белецким доклад «Археологическое изучение Пскова. Некоторые итоги и перспективы». В этом большом докладе рассмотрена история археологического изучения и культурно-археологическая периодизация средневековой истории Пскова. Выделено восемь периодов, часть которых подразделена на этапы.

На секции состоялось обсуждение хода и перспектив выпуска исторических и диалектных словарей русского языка, в котором приняли участие Г. А. Богатова, А. А. Медынцева, Т. В. Рождественская, О. М. Иоаннисян.

Пленарное заседание последнего дня открылось докладом И. С. Винокура (Каменец-Подольский) «Духовная культура славян Правобережной Украины I тысячелетия н. э.». В докладе рассмотрены находки, связанные с языческим мировоззрением. Делается вывод о поступательном историко-этнографическом развитии восточнославянского населения от начала нашей эры вплоть до позднего средневековья. Подробно проанализирован Бушанский скальный храм в Среднем Поднест-

ровье, функционировавший с черняховского времени по вторую половину I тыс. н. э. и вторично использованный в христианскую эпоху.

В. Б. Перхавко (Москва) выступил с докладом «Истоки связей восточных славян с южнославянскими народами». Он указал на сложность однозначной атрибуции большинства предметов материальной культуры. Тем не менее их анализ позволяет сделать вывод о преобладании культурного обмена, а не политических и торгово-экономических отношений между Южной Русью и Сербией.

А. В. Чернецов (Москва) прочитал доклад «Хронология и иконография золоченых дверей XVI в.». В докладе Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина (Москва) «К проблеме этнокультурных контактов Восточной Европы и Балтийского региона во второй половине I тыс. н. э. Русь и чудь» проанализированы взаимоотношения двух этносов по летописным данным. Их особые отношения, видимо, основаны на традиционных связях финских племен со скандинавами. Продвижение скандинавов в глубь Восточной Европы осуществлялось по территории финских племен и отмечено основанием Старой Ладоги.

Н. Ф. Котляр (Киев) в докладе «Закономерности и основные этапы складывания территории Галицко-Волынской Руси» предложил периодизацию формирования этой территории от племенных объединений дулебов, волынян и бужан до Галицко-Волынского княжества.

Участники конференции на заключительном обсуждении ее итогов охарактеризовали ее как малый конгресс, заполнивший лакуну, образовавшуюся в связи с непроведением VI Международного конгресса славянской археологии. Была подчеркнута необходимость проведения больших форумов археологов со значительными интервалами между ними, в которые желательно организовывать семинары по более узкой тематике.

Во время работы конференции открылась подготовленная псковскими археологами выставка, представлявшая наиболее интересные материалы, полученные за последние годы.

Институт археологии РАН, Москва
Псковский государственный научно-исследовательский археологический центр

Н. В. Лопатин, Н. Н. Милютина

ПАМЯТИ
ПАВЛА ИОСИФОВИЧА БОРИСКОВСКОГО
(1911—1991)

Советская археология понесла тяжелую утрату. 27 сентября 1991 г. на 81-м году жизни после тяжелой болезни скончался выдающийся археолог, доктор исторических наук, профессор Павел Иосифович Борисковский.

П. И. Борисковский родился в Петербурге в семье врачей 27 мая 1911 г. После окончания школы в 1927 г. поступил в Ленинградский университет, где под руководством основателя советского палеолитоведения П. П. Ефименко начал активно заниматься историей первобытного общества. Блестяще окончив университет и получив диплом археолога-музееведа, П. И. Борисковский в октябре 1930 г. становится аспирантом ГАИМК. Для подготовки кандидатской диссертации была выбрана исключительно сложная тема — проблема формирования человека современного физического типа на основании археологических источников. Несомненно, при этом было учтено хорошее знание П. И. Борисковским европейских языков и европейской научной литературы. Уже в 1931 г. появляются первые две статьи П. И. Борисковского. Одна из них посвящена рассмотрению методологии А. Вайзона (Сообщение ГАИМК. 1931. № 7), вторая — началам текстильной техники у австралийцев (Сообщение ГАИМК. 1931. № 8). В 1932 г. в сборнике «Первобытное общество» опубликована его работа о времени появления человека и формировании производительных сил. В этом же году вышла в свет и большая статья «К вопросу о стадиальности в развитии верхнего палеолита». В этих первых своих работах П. И. Борисковский показал обширную эрудицию и склонность к обсуждению общих вопросов и методологических проблем истории первобытного общества. Данное направление в археологии он будет развивать всю последующую жизнь.

В истории отечественной археологии 30-е годы занимают особое место. Об этом много написано, и здесь не место давать им оценку. Следует только заметить, что П. И. Борисковский играл видную роль в становлении советской археологии, в которой на первый план выдвигалась задача изучения социологического аспекта древнейшего прошлого человечества. В одной из своих статей, опубликованной во Франции в 1965 г., П. И. Борисковский подчеркивает этот момент для того, чтобы показать основную особенность отличия советской археологии от других школ.

Особенно большую роль в развитии первобытной археологии в те годы сыграло направление, заложенное П. П. Ефименко в работе «Значение женщины в ориньякскую эпоху» (Известия ГАИМК. 1931. Т. 11. Вып. 3—4). В кандидатской диссертации «Исторические предпосылки оформления так называемого Homo sapiens», завершенной в 1934 г. и опубликованной в 1935 г. (Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 1—2, 5—6), П. И. Борисковский, развивая идеи П. П. Ефименко, идет еще дальше и, пожалуй, в какой-то мере оказывает влияние на своего учителя, достаточно четко сформулировав положение об этапе «первобытного стада» и о начале возникновения родовых отношений в верхнем палеолите.

© Н. Д. Праслов, 1992 г.

Думаю, что именно эта работа П. И. Борисковского послужила в дальнейшем основой формирования концепции о двух скачках в истории первобытного человечества, подхваченной антропологами, этнографами и философами.

Большое внимание в своей деятельности П. И. Борисковский уделял вопросам историографии. В печати постоянно появлялись его рецензии. Особенно следует отметить очерк о Габриэле де Мортилье, написанный им совместно с С. Н. Замяткиным (Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 7—8). В этом очерке очень четко просматривается методологический подход к оценке деятельности Г. Мортилье с точки зрения нарождающейся новой советской, или марксистско-ленинской археологии.

С середины 30-х годов П. И. Борисковский сосредоточивает свое внимание на изучении палеолита Украины, начинает полевые работы в бассейнах Десны и Оки. Им проведены первые научные раскопки известной мезолитической стоянки Елин Бор. Одновременно он начинает педагогическую деятельность в Ленинградском университете. Свой курс по истории доклассового общества он оформляет в 1938 г. в виде большой монографии.

Интенсивная научная и педагогическая деятельность П. И. Борисковского была прервана начавшейся войной с фашистской Германией. Уже в июле 1941 г. он на фронте, прошел с отступающими войсками в составе 10-й стрелковой дивизии Эстонию и Ленинградскую область. 3 декабря 1941 г. в боях под Невской Дубровкой получил тяжелое ранение и по март 1942 г. находился в госпиталях. После излечения направлен преподавателем социально-экономического цикла в Ашхабадское военно-пехотное училище. Но и здесь он не терял связи с археологией, начал сбор сведений о палеолите Туркмении. Две его статьи, появившиеся в печати уже после войны, сыграли значительную роль в становлении палеолитоведения на этой территории.

После возвращения в Ленинград в 1946 г. П. И. Борисковский активно восстанавливает прерванную научную и педагогическую работу. Проводит успешные полевые работы в бассейне Днестра, где открывает раннепалеолитическое местонахождение Луку-Врублевецкую. Значительные результаты получены им во время раскопок Амвросиевской позднепалеолитической стоянки охотников на бизонов, а также во время поисков палеолита в Южном Донбассе. Одновременно он продолжает сбор материалов по палеолиту всей территории Украины. К концу 1951 г. им завершена докторская диссертация на тему «Палеолит Украины. Историко-археологические очерки», успешно защищенная в феврале 1952 г. Эта монография в 40 печатных листов, опубликованная в 1953 г., явилась, безусловно, значительным событием в советской исторической науке. В книге сведены воедино огромные материалы, рассеянные в собраниях различных центральных и местных музеев, а также в многочисленных труднодоступных даже специалистам провинциальных изданиях на украинском, румынском и польском языках. Всегда сдержанный в своих оценках трудов коллег, С. Н. Замятнин в отзыве писал: «... появление работы П. И. Борисковского, на мой взгляд, знаменует начало нового этапа в развитии советской четвертичной археологии... Имя автора, стоящее на первой странице работы, дает гарантию ее качества». Действительно, абсолютно все работы П. И. Борисковского отличаются исключительной точностью и корректностью.

Перу П. И. Борисковского принадлежат более 200 опубликованных работ, в том числе около десятка монографий. Среди них считаю необходимым отметить книгу «Начальный этап первобытного общества», изданную Ленинградским университетом в 1950 г. Эта книга долгие годы, вплоть до появления в 1957 г. ее расширенного издания под названием «Древнейшее прошлое человечества», служила основным учебным пособием по истории первобытного общества для студентов нескольких поколений.

В 1953, 1955—1957 гг. П. И. Борисковский проводит результативные раскопки в Костенках. Им завершено изучение позднепалеолитического жилища, открыто погребение ископаемого человека и найдены две новые стоянки (Костенки 17 и 19). Результаты этих работ опубликованы в монографии «Очерки по палеолиту бассейна Дона» (МИА. 1963. № 121).

Особую страницу в жизни и творчестве П. И. Борисковского открыла длительная научно-педагогическая командировка во Вьетнам в 1960—1961 гг. Помимо чтения курса лекций в Ханойском университете П. И. Борисковский активно изучал имеющиеся коллекции и проводил полевые изыскания. Им впервые открыт древний палеолит на этой территории. В сравнительно короткое время после возвращения на Родину им опубликована содержательная книга «Первобытное прошлое Вьетнама». После командировки во Вьетнам П. И. Борисковский сохраняет постоянный интерес к каменному веку Юго-Восточной Азии. В 1966 г. ему удалось побывать в Индии и изучить коллекции в нескольких научных центрах. Итогом этих поездок, а также проработки литературы явилась монография «Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии» (Л.: Наука, 1977).

В середине 60-х годов П. И. Борисковский сформировал группу ученых для написания серии работ по палеолиту мира. Он придавал большое значение тому, чтобы советские исследователи могли под своим углом зрения осветить вопросы становления и развития первобытного общества. В первом томе этой серии, вышедшем в свет в 1977 г., в большой статье он вновь возвращается к проблемам возникновения человеческого общества, привлекая для этого все известные к этому времени новые материалы по палеолиту. Его точка зрения на этапы развития первобытного общества лишь в незначительной мере изменилась по сравнению со взглядами 30—40-х годов.

Под руководством П. И. Борисковского создана монография «Палеолит СССР» в серии «Археология СССР», опубликованная в 1984 г. К написанию этого тома были привлечены исследователи, придерживающиеся различных точек зрения на процессы развития культуры. Это очень осложняло работу П. И. Борисковского как редактора. Но он не считал возможным сглаживать острые углы противоречий, оставляя для читателей дискуссионными целый ряд вопросов. Такова была его принципиальная позиция как человека и как руководителя коллектива.

Более 15 лет П. И. Борисковский возглавлял сектор (позднее — отдел) палеолита в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР. Под его руководством Отдел палеолита успешно продолжал традиции, заложенные еще П. П. Ефименко. В Ленинград тянулись все исследователи палеолита за помощью, за советами и для апробации своих работ. Здесь они всегда получали доброжелательную помощь и поддержку.

П. И. Борисковский воспитал много учеников, активно работающих сейчас в разных уголках нашей страны. Он был исключительно внимательным к своим ученикам, поддерживая их во всех трудных случаях. Он был настоящим и щедрым учителем в полном смысле этого слова. Широчайшая эрудиция, интеллигентность и постоянная доброжелательность притягивали к нему молодежь, которую он искренне любил.

Всем нам будет недоставать этого интеллигентного, глубоко образованного крупного ученого, внимательного наставника, доброжелательного советчика. П. И. Борисковский стоял у истоков возникновения советской археологии, во многом способствовал ее развитию. Вместе с ним уходит значительный этап нашей науки.

Добрая память о Павле Иосифовиче Борисковском сохранится на долгие годы у всех, кто соприкасался с ним при его жизни.

Институт истории материальной культуры,
Санкт-Петербург

Н. Д. Праслов

Список работ П. И. Борисковского

1. Методология А. Вайзона//СГАИМК. 1931. № 7. С. 17—20.
2. Начатки текстильной техники у австралийцев//СГАИМК. 1931. № 8. С. 18—25: ил.
3. Время появления человека//Первобытное общество. М., 1932. С. 54—63: карт.
4. К вопросу о стадиальности в развитии верхнего палеолита. Л., 1932. 40 с. (ИГАИМК. Т. 14. Вып. 4). Библиогр.
5. Производительные силы дородового общества//Первобытное общество. М., 1932. С. 64—76: ил.
6. Рец.: *Лунін Б. В.* На шляху до марксівської археології (Східній світ. 1930. № 4—5. С. 229—225)//СГАИМК. 1932. № 1, 2. С. 65—66.
7. Рец.: *Leakey L.* The stone age cultures of Kenya colony. Cambridge, 1931//Пробл. истории материальной культуры. 1933. № 7—8. С. 61—62.
8. Габриель де Мортилье//Пробл. истории докапиталистических обществ. 1934. № 7—8. С. 88—107 (совместно с С. Н. Замятиным).
9. Древнейшие охотники за мамонтом в верховьях Дона//Вестник знания. 1934. № 3. С. 178—181: ил.
10. Об изучении нижнепалеолитических материалов//Пробл. истории докапиталистических обществ. 1934. № 2. С. 63—69.
11. Фашизирующаяся наука [По поводу книги И. Байера «Основы всеобщей истории человечества»]//Пробл. истории докапиталистических обществ. 1934. № 9—10. С. 197—203.
12. Исторические предпосылки оформления так называемого Homo Sapiens//Пробл. истории докапиталистических обществ. 1935. № 1—2. С. 5—46; № 5—6. С. 3—36.
13. Методическое письмо № 1—6 по истории доклассового общества. Л., 1935. 184 с.
14. Новые археологические экспедиции [ГАИМК в 1934 г.]//Вестник знания. 1935. № 9. С. 695—698.
15. О пережитках родовых отношений на Северо-Востоке Азии: (юкагиры и коряки)//СЭ. 1935. № 4—5. С. 85—108. Рез. фр.
16. Полевые исследования Гос. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в 1934 г.//СЭ. 1935. № 2. С. 160—166.
17. Палеолитические и эпипалеолитические местонахождения бассейна р. Оки: По материалам археол. разведок 1934 г.//Тр. Советской секции Междунар. ассоц. по изуч. четвертичного периода. 1937. Вып. 1. С. 302—317: ил., карт. Рез. фр.
18. Стоянка Елин Бор//СА. 1937. № 3. С. 77—99: ил. Рез. фр. (совместно с М. В. Воеводским).
19. История доклассового общества [Метод. письмо для заочников истфака ЛГУ] Л.: ЛГУ, 1938. 81 с.
20. Памятники древнего каменного века на Дону//Наука и техника. 1938. № 13. С. 13—14: ил.
21. Пещерный человек в Крыму//Наука и техника. 1938. № 9. С. 9—10: ил.
22. Палеолитическая стоянка Пушкари 1//КСИИМК. 1939. № 2. С. 10—12: карт.
23. Людина кам'яного віку на Україні: Наук.-попул. нарис. Київ, 1940. 130 с.: 1 л.
24. Освоение огня//КСИИМК. 1940. № 6. С. 47—51.
25. Палеолитическая стоянка Пасека (Пушкари 1)//Бюл. Комис. по изуч. четвертичного периода. 1940. № 6—7. С. 57—60.
26. Пушкаревское палеолитическое жилище//КСИИМК. 1940. № 7. С. 81—86: ил.
27. Раскопки Боршевской второй палеолитической стоянки в 1935 г. (Краткое сообщ.)//СА. 1940. № 5. С. 281—285: ил.

© Составитель Л. М. Всевиов, 1992.

28. Долина р. Оки, 1934//Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.: Л., 1941. С. 100—103.
29. История первобытного общества: Методическое письмо № 1—3. Л.: ЛГУ, 1941. 52 с.
30. Кирилловская палеолитическая стоянка//МИА. 1941. № 2. С. 86—103: ил. Рез. фр.
31. Палеолитическая стоянка Боршево II (Нижний культурный слой)//МИА. 1941. № 2. С. 37—60: ил. Рез. фр.
32. Палеолитическая стоянка Пушкари 1//Тр. Советской секции Междунар. ассоц. по изуч. четвертичного периода. 1941. Т. 5. С. 139—146: ил. Рез. фр.
33. К вопросу о древнейшем заселении Туркменистана (Тез. докл. на 5-й н.-и. конф. АГПИ)//Тр. Ашхабадского гос. пед. ин-та. 1947. Вып. 1. (Ист. науки). С. 81—83.
34. Огляд історії палеоліту України//Археологія. 1947. Т. 1. С. 85—99.
35. Член-корр. Академии наук СССР В. И. Равдоникас//Вестн. ЛГУ. 1946. № 4—5. С. 219—221: портр. (совместно с В. В. Мавродиным).
36. Палеолитические местонахождения в Туркмении//КСИИМК. 1947. Вып. 18. С. 3—8: ил.
37. Палеолітична стоянка Пушкарі 1 (за матеріалами розкопок 1937 р. і попередніх років)//Палеоліт і неоліт України. Київ, 1947. Т. 1. С. 155—185: ил. Рез. фр.
38. Работы на Среднем Днестре по изучению палеолита//КСИИМК. 1947. Вып. 21. С. 46.
39. К вопросу о периодизации палеолитических памятников Поднестровья//Вестн. ЛГУ. 1948. № 2. С. 87—113: ил.
40. Древнепалеолитические местонахождения среднего Поднестровья//СА. 1949. № 11. С. 103—112: ил.
41. Изучение палеолита в Советском Союзе//Вестн. ЛГУ. 1949. № 2. С. 75—87.
42. Основные группы палеолитических местонахождений среднего Поднестровья//КСИИМК. 1949. Вып. 26. С. 12—24.
43. Работы в области изучения палеолита на Среднем Днестре в 1946 г.//Археологічні пам'ятки УРСР. 1949. Т. 2. С. 315—322: ил. На укр. яз. Рез. рус.
44. Начальный этап первобытного общества. Л., 1950. 140 с.: ил. карт. Библиогр.: с. 133—137.
45. Некоторые вопросы становления человека//КСИЭ. 1950. № 9. С. 15—20.
46. Некоторые дополнения к археологической карте Среднего Поднестровья//Археологія. 1950. Т. 4. С. 117—131: ил. На укр. яз. Рез. рус.
47. Некоторые многослойные палеолитические памятники бассейна р. Десны//КСИИМК. 1950. Вып. 31. С. 34—39: ил.
48. Поздепалеолитические памятники Восточно-Европейской равнины и проблемы их исторического освещения//Материалы по четвертичному периоду СССР. М.; Л., 1950. Вып. 2. С. 107—117.
49. Рец.: *Окладников А. П.* Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. Якутск, 1949//Вестн. ЛГУ. 1950. № 2. С. 145—149.
50. Рец.: *Паничкина М. З.* Палеолит Армении. Л., 1950//Вестн. ЛГУ. 1950. № 10. С. 126—128.
51. Основные этапы развития верхнего палеолита Украины//СА. 1951. № 15. С. 96—121: ил., карт.
52. Палеолит Украины: Историко-археологические очерки: Автореф. дис. докт. ист. наук. Л., 1951. 38 с.
53. Палеолитическое местонахождение около м. Амвросиевки//Археологія. 1951. Т. 5. С. 143—159. • На укр. яз. Рез. рус.
54. Раскопки в Амвросиевке и проблема палеолитических культовых мест//КСИИМК. 1951. Вып. 37. С. 9—22: ил.
55. Ně které otázky vzniku Člověka//Sovětska věda. 1951. № 5. С. 491—495.
56. Михаил Константинович Каргер//Вестн. ЛГУ. 1952. № 5. С. 132—133.
57. Работы Амвросиевского отряда в 1950 г.//КСИИМК. 1952. Вып. 48. С. 42—50: ил.
58. Рец.: Происхождение человека и древнее расселение человечества [Сб. ст.] М., 1951//СЭ. 1952. № 3. С. 223—229.
59. Исследование памятников каменного века в бассейне р. Миус (Приазовье) в 1949 и 1950 гг.//КСИА. 1953. Вып. 2. С. 63—64.
60. Каменный век//БСЭ. 1953. Т. 19. Стб. 511—519: ил., карт. (совместно с А. П. Окладниковым).
61. О преодолении вульгаризаторских псевдомарксистских концепций Н. Я. Марра в изучении ранних этапов развития первобытнообщинного строя//Против вульгаризации марксизма в археологии. М., 1953. С. 70—93.
62. Палеолит Украины: Историко-археологические очерки//МИА. 1953. № 40. 203 с.: ил. Библиогр.: с. 450—463.
63. Палеолитическая стоянка Боршево II//МИА. 1953. № 39. С. 56—100 (совместно с П. П. Ефименко).
64. Рец.: *Семенов С. А.* О сложении защитного аппарата глаз монгольского расового типа (СЭ. 1951. № 4. С. 156—179: ил)//СЭ. 1953. № 2. С. 167—171.
65. Вопросы периодизации палеолита//СА. 1954. № 21. С. 30—37.
66. Рец.: *Ефименко П. П.* Первобытное общество: Очерки по истории палеолитического времени. Изд. 3-е. Киев, 1953//СЭ. 1954. № 1. С. 177—181; ВАН УРСР. 1954. № 2. С. 63—69.
67. Рец.: *Косвен М. О.* Очерки истории первобытной культуры. М., 1953//СЭ. 1954. № 2. С. 179—180.
68. Новое о происхождении человека//Наука и жизнь. 1955. № 3. С. 41—44: ил.

69. Новое о происхождении человека//Переводы по палеонтологии. Пекин, 1955. № 2. С. 43—46: ил. На кит. яз.
70. Новые данные о происхождении человека. Л., 1955. 48 с. Библиогр: с. 44—46.
71. Раскопки в Костенках и некоторые вопросы позднего палеолита Украины//КСИА. 1955. Вып. 4. С. 157—158.
72. Раскопки палеолитического жилища и погребения на стоянке Костенки II в 1953 г.//СЭ. 1955. № 1. С. 39—42: ил.
73. Neues über die Entstehen des Menschen//Die Presse der Sowjetunion. 1955. № 76. S. 1631—1633.
74. Белемниты в древнем каменном веке//Природа. 1956. № 11. С. 113—114: ил.
75. Вопросы периодизации палеолита//Каоди. 1956. № 4. С. 77—86. На кит. яз.
76. Новые данные о происхождении человека. Вильнюс: Госполитиздат, 1956. 48 с. На лит. яз. Библиогр.: с. 46—48. То же. На каракалпак. яз. 64 с.
77. О времени и условиях становления человеческого общества//Тез. докл. на сессии Отд. ист. наук и пленуме Ин-та ист. материальной культуры, посвящ. итогам археол. исслед. М., 1956. С. 11—12 (совместно с А. П. Окладниковым).
78. О времени и условиях становления человеческого общества [По поводу статей Б. Ф. Поршнева]//ВИ. 1956. № 11. С. 77—85 (совместно с А. П. Окладниковым).
79. Палеолитические жилища на территории СССР и этнографические параллели к ним (Докл. сов. делегации на V Междунар. конгр. антропологов и этнографов). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 32 с. На рус. и фр. яз.
80. Раскопки палеолитического жилища и погребения в Костенки II в 1953 г.//СА. 1956. № 25. С. 173—188. 1 л. ил.: ил. (в загл. и огл. ошибочно: в 1952 г.).
81. Современная наука о происхождении человека. Л., 1956. 88 с.: ил. Библиогр.: с. 85—88.
82. Despre epoca şi condiţiile formării societăţii ompuesti//Probleme de istorie. 1956. № 11. S. 106—109 (совместно с А. П. Окладниковым).
83. Древнейшее прошлое человечества. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 224 с.: ил. (Науч.-попул. сер.). Библиогр.: с. 213—222.
84. Каменный век. Пекин, 1957. 15 с. На кит. яз.
85. Некоторые вопросы развития позднепалеолитической культуры Русской равнины//МИА. 1957. № 59. С. 174—190: ил.
86. Некоторые местонахождения каменного века в Приазовье//Краевед. записки (Таганрог. краевед. музея). 1957. Вып. 1. С. 137—145. 1 л. карт.: ил.
87. Некоторые палеолитические поселения Костенок (Костенки XVII, Костенки III) и их значение для периодизации позднего палеолита Русской равнины//Тез. докл. Всесоюз. междувед. совещ. по изуч. четвертичного периода. Секция истории ископаемого человека. М., 1957. С. 10—11.
88. Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы. 1.//СА. 1957. № 27. С. 29—70: ил., карт.
89. Разведки памятников каменного века между Тирасполем и Раздельной [1954]//Материалы по археологии Северного Причерноморья. 1957. Вып. 1. С. 4—9: ил.
90. Тельманское палеолитическое поселение (раскопки 1937 г.)//МИА. 1957. № 59. С. 191—234: ил. (совместно с П. П. Ефименко).
91. La station paleolithique de Borchevo II//Paleolithique et néolithique de l'URSS. P., 1957. P. 44—91: ill. (совместно с П. П. Ефименко).
92. Les monuments les plus anciens de la culture paléolithique daus la partie eurpéenne de l'URSS//Mélauges Pittard. P., 1957. P. 71—79: ill.
93. Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе//СА. 1958. № 1. С. 3—19: ил.
94. Abitazioni paleolitiche nel territorio dell'URSS e loro puralleli etuografici//Rivista sci. preistoriche. 1958. V. 13. P. 55—69: ill.
95. Le paléolithique de l'Ukraine (Esquisse historique et archéologique). P., 1958. P. 370: ill.
96. Рец.: *Герасимов М. М.* Восстановление лица по черепу (Современный и ископаемый человек). М., 1955//СА. 1958. № 2. С. 299—301.
97. Древнейшее прошлое человечества. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1959. 215 с., 4 л. ил., карт.: ил., карт. (Науч.-попул. сер.). На узб. яз.
98. Некоторые спорные вопросы периодизации позднего палеолита Восточной Европы//Раб. совещ. по принципам периодизации и стратиграфии палеолита Восточной Европы: Тез. докл. М., 1959. С. 12—13.
99. Новейшие достижения советской археологии. Л., 1959. 44 с.
100. Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы. 2//СА. 1959. № 29—30. С. 5—41: ил.
101. Палеолитический очаг на стоянке Валукинского (Костенки XIX)//СА. 1959. № 11. С. 246—248: ил.
102. Раскопки палеолитической стоянки Валукинского (Костенки XIX) в 1956 г.//КСИИМК. 1959. Вып. 73. С. 57—63. 1 л. ил.: ил.
103. Сергей Николаевич Замятнин [Некролог]//СЭ. 1959. № 3. С. 134—137 (совместно с А. П. Окладниковым и др.).
104. Франтишек Прошек [Некролог]//СА. 1959. № 2. С. 301: портр.
105. Die jungpaläolithische Siedlung mit dem Begräbnis eines Cromagnonmenschen in Kostjenki II am Dom (UdSSR)//Authropozoikum. 1959. № 8 (1958). S. 17—22: ill.

106. В. И. Ленин и проблемы закономерностей развития первобытного общества//Вестн. ЛГУ. Сер. ист., яз. и лит. 1960. Вып. 2. С. 75—77. Рез. англ.
107. Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе//Каоди. 1960. № 6. С. 42—52: ил. На кит. яз.
108. К вопросу о новых находках памятников древнего палеолита//Зап. Одесск. археол. о-ва. 1960. Т. 1. (34). С. 287—289: карт.
109. Некоторые спорные вопросы палеолита Костенок//КСИИМК. 1960. Вып. 78. С. 3—12.
110. Вопросы периодизации верхнего палеолита Русской равнины и сопредельных территорий//Материалы Всесоюз. совещ. по изуч. четвертичного периода. М., 1961. Т. 1. С. 253—260.
111. Выступление [на Рабочем совещании по принципам стратиграфии и периодизации палеолита Восточной Европы]//Тр. Комис. по изуч. четвертичного периода. 1961. Т. 18. С. 187—189.
112. Исследования памятников каменного века в провинции Тхань-Хоа (ДРВ) в 1961 г.//Тез. докл. на заседаниях, посвящ. итогам полевых исслед. в 1960 г. М., 1961. С. 27—28.
113. К вопросу о древнейших землекопных орудиях//Исследования по археологии СССР. Л., 1961. С. 12—16.
114. Кремневые мастерские в окрестностях Валуек на реке Оскол//КСИА. 1961. Вып. 82. С. 104—111: ил., карт.
115. Некоторые палеолитические поселения Костенок (Костенки XVII и стоянка Валукинского) и их значение для периодизации позднего палеолита Русской равнины//Материалы Всесоюз. совещ. по изуч. четвертичного периода. М., 1961. Т. 1. С. 422—427: ил.
116. Некоторые проблемы изучения каменного века Вьетнама//Nghiĕncuu lichsú. 1961. № 24. С. 25—32. На вьетнам. яз.
117. Некоторые спорные вопросы периодизации позднего палеолита Русской равнины//Тр. Комис. по изуч. четвертичного периода. 1961. Т. 18. С. 46—49.
118. Новые раскопки палеолитической стоянки Валукинского (Костенки XIX)//КСИА. 1961. Вып. 84. С. 30—31.
119. Основы археологии. Ханой, 1961. 576 с.: ил. На вьетнам. яз.
120. Палеолитическая стоянка под Одессой (Раскопки 1959 г.)//КСИА. 1961. Вып. 86. С. 28—35: ил., карт.
121. Памятники древнейшей человеческой культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 1961. 38 л.: ил. Библиогр.: с. 36—37.
122. Позднепалеолитическая стоянка Большая Аккаржа по раскопкам 1959 г.//Краткие сообщ. о полевых исследованиях Одесского гос. археол. музея. 1960 (1961). С. 18—23.
123. Археологические открытия во Вьетнаме//Вестн. АН СССР. 1962. № 4. С. 98—101: ил.
124. Вопросы охраны исторических памятников//Văn Hóa. 1962. № 6. С. 15—16. На вьетнам. яз.
125. Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе//Кокогаку кенкиу. 1962. Т. 8. № 3. С. 6—26. На япон. яз.
126. Исследования памятников каменного века в Демократической Республике Вьетнам в 1960—1961 гг.//СА. 1962. № 2. С. 17—25: ил.
127. Археология во вьетнамском историческом журнале [«Исторические исследования»]//СА. 1963. № 1. С. 312—314.
128. Очерки по палеолиту бассейна Дона: Малоизученные поселения древнего каменного века в Костенках//МИА. 1963. № 121. 232 с.
129. Раскопки позднепалеолитической стоянки Большая Аккаржа в 1961 г.//Краткие сообщ. о полевых исследованиях Одесского гос. археол. музея. 1961 (1963). С. 7—10.
130. Советско-румынский семинар по общим вопросам первобытной археологии//Вестн. АН СССР. 1963. № 1. С. 92—93.
131. К 80-летию П. П. Ефименко//СА. 1964. № 4. С. 52—56.
132. Основные проблемы первобытной археологии Вьетнама//Тез. докл. на заседаниях, посвящ. итогам полевых исслед. 1963 г. М., 1964. С. 13—16.
133. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья//САИ. 1964. Вып. А1—5. 56 с., 31 отд. л. ил., карт. Библиогр.: с. 51—55.
134. Предисловие (*Лев Д. Н.* Поселение древнекаменного века в Самарканде: Исслед. 1958—1960 г.)//Тр. Самаркандск. гос. ун-та. 1964. Вып. 135.
135. Проблемы изучения древнего каменного века//Вестн. АН СССР. 1964. № 77. С. 98—99.
136. Проблемы развития позднепалеолитической культуры степной области. М.: Наука, 1964. 15 с. То же на фр. яз.
137. Разведки памятников каменного века в Одесской области в 1962 г.//Краткие исслед. о полевых исследованиях Одесского гос. археол. музея. 1962 (1964). С. 12—17: ил.
138. Probleme le paleoliticului superior şi mezoliticului de pe coasta de nord-vest a Marii Negre//Studii si cercetări istorie veche. 1964. An. 15. № 1. P. 5—17: ill.
139. Рец.: *Sankalia H. D.* Prehistory and protohistory in India and Pakistan. Bombay, 1962—1963//Вестн. ЛГУ. Сер. ист., яз. и лит. 1964. Вып. 4. С. 157—161 (совместно с В. М. Массоном).
140. Каменный век//Советская историческая энциклопедия. 1965. Т. 6. Стб. 897—909.
141. Палеолитические стоянки на территории г. Курска//Материалы сессии, посвящ. итогам археол. и этногр. исслед. 1964 г. в СССР: Тез. докл. Баку, 1965. С. 32—33.
142. À propos des récents progrès des études paleolithiques en U. R. S. S.//Antropologie. 1965. V. 69. № 1/2. P. 5—30: ill.
143. Вопросы мезолита Чехословакии и Румынии//МИА. 1966. № 126. С. 132—137: ил.

144. Гора До — древнепалеолитическое местонахождение во Вьетнаме//Археология Старого и Нового Света. М., 1966. С. 144—160: ил.
145. Изучение мезолита на Одесщине//АО — 1965. М., 1966. С. 42—44: карт.
146. На раскопках во Вьетнаме: Из дневника археолога//Доклады по этнографии. 1966. Вып. 4. С. 3—21.
147. Некоторые проблемы каменного века Вьетнама//Sb. Národního muzea v Praze. Rada A. 1966. Sv. 20. № 1/2. S. 23—27: ill.
148. Новые материалы по тарденуазу Юго-Запада СССР//Пленум Ин-та археологии (АН СССР) 1966 г.: Секция Палеолит: Тез. докл. М., 1966. С. 8—9.
149. Первобытное прошлое Вьетнама. М.; Л.: Наука, 1966. 184 с. 1 л. карт.: ил. Библиогр.: с. 174—182.
150. Basic problems of the prehistoric archaeology of Vietnam//Asian perspectives. 1966. V. 9. P. 83—85.
151. Новые исследования палеолита Индии//Вестн. АН СССР. 1967. № 9. С. 68—71: ил.
152. О командировке в Индии. М., 1967. 15 с.
153. Разработка вопросов мезолита Северо-Западного Причерноморья//АО — 1966. М., 1967. С. 189—190.
154. Problems of the palaeolithic and of the mesolithic of Southeast Asia//Arhaeology at the XI-th Pacific science congress. Honolulu, 1967. P. 41—46.
155. К шестидесятилетию А. П. Окладникова//СА. 1968. № 4. С. 157—160: портр.
156. Проблема становления человеческого общества и археологические открытия последних десяти лет. М., 1968. 6 с.
157. Vietnam in primeval times. P. 1—7. N. Y., 1966—1971. (Soviet antropology and archeology. V. 7. № 2. P. 14—32, № 3. P. 3—19: ill.; V. 8. № 1. P. 70—95: ill, № 3. P. 214—257: ill., № 4. P. 355—366: ill; V. 9. № 2. P. 154—172: ill., № 3. P. 226—264: ill.
158. Изучение каменного века в Советском Союзе//Тез. докл. на сессии Отд. истории АН СССР, посвящ. 50-летию ленинского декрета о создании РАИМК — Института археологии АН СССР и итогам полевых археол. и этногр. исслед. в 1968 г. Л., 1969. С. 15—20 (совместно с Н. Н. Гуриной).
159. К изучению палеолита советскими археологами//КСИА. 1969. Вып. 118. С. 7—12.
160. К. С. Николэеску-Плопшор (1900—1968) [Некролог]//СА. 1969. № 3. С. 314—315: портр.
161. Раскопки палеолита под Одессой//АО — 1968. М., 1969. С. 264 (совместно с В. И. Красковским).
162. Советская школа изучения палеолита//Теоретические основы советской археологии. Л., 1969. С. 7—11.
163. Рец.: *Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества [Учебник] М.: Высш. школа, 1968//СА. 1969. № 3. С. 265—267.
164. Д. Н. Лев [Некролог]//СА. 1970. № 3. С. 298—299: портр. (совместно с А. П. Окладниковым).
165. Замечания в связи со статьей Г. П. Григорьева «Новые аспекты проблемы происхождения Homo sapiens»//Вопр. антропологии. 1970. Вып. 34. С. 50—51.
166. К вопросу о позднем палеолите Индии//Древняя Сибирь. 1970. Вып. 3. С. 63—65.
167. Памяти Фридриха Энгельса//СА. 1970. № 3. С. 3—5: портр.
168. Проблема развития позднепалеолитической культуры степной области//Тр. VII Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук. М., 1970. Т. 5. С. 425—431.
169. Проблемы становления человеческого общества и археологические открытия последних лет//Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970. С. 58—75.
170. The new problems of the palaeolithic and mesolithic of the Indo-Chinese peniusula. M.: Nauka, 1970. 8 p. (XXVIII Internat. congr. orientalists).
171. The study of the palaeolithic in the USSR//Eastern Anthropologist. 1970. V. 23. № 3. P. 261—284.
172. Рец.: *Пидопличко И. Г.* Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969//Укр. історн. журн. 1970. № 11. С. 152—153.
173. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука, 1971. 174 с.: ил., карт.
174. Палеолит Вьетнама//Khảo cổ học. 1971. № 11/12. С. 43—46. На вьетнам. яз.
175. Палеолитическая стоянка Аносовка I в Костенках//МИА. 1971. № 173. С. 182—199: ил.
176. Queques problèmes du mésolithique de l'Ukraine//Mélanges de préhistoire, d'archeologie et d'ethnologie offerts á Andre Varaguac. P., 1971. P. 75—81: ill.
177. New problems of the palaeolithic and mesolithic of the Indo-chinese peninsula//Archeol. Phys. anthropology in Oceania. 1971. V. 6. № 2. P. 100—106.
178. Рец.: *Pfeiffer J.* The emergence of man. N. Y., 1969//Current Anthropol. 1971. V. 12. № 3. P. 378.
179. Несколько слов о мезинском орнаменте//КСИА. 1972. Вып. 131. С. 11—13: ил.
180. Продолжение работ по мезолиту Правобережной Украины//Материалы 13-й конф. ІА АН УРСР (1968). Київ, 1972. С. 78—79.
181. Изучение каменного века, некоторые итоги и проблемы//КСИА. 1973. Вып. 137. С. 3—13 (совместно с Н. Н. Гуриной).
182. Некоторые итоги работы над «Палеолитом мира»//Тез. докл. сесии, посвящ. итогам полевых археол. исслед. 1972. Ташкент, 1973. С. 18—20.
183. Некоторые новые проблемы каменного века Индокитая//Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М., 1973. С. 143—147.

184. Некоторые проблемы палеолита Южной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1973. 20 с. Библиогр.: с. 16—19.
185. Некоторые черты своеобразия материальной культуры палеолита тропиков//Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене: Тез. докл. Всесоюз. симпоз. М., 1973. С. 20—22.
186. Критика концепций современной буржуазной археологии//Городская науч. конф. руководителей и актива методол. семинаров «Идеологическая борьба и методология науч. исслед.»: Метод. указания и материалы в помощь пропагандистам и идеол. работникам. Л., 1974. С. 90—102 (совместно с В. М. Массоном).
187. Некоторые черты своеобразия материальной культуры палеолита тропиков//Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974. С. 57—65.
188. Рец.: История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Древняя Сибирь. Л., 1968//СА. 1974. № 4. С. 285—290 (совместно с Н. Н. Гуриной и В. М. Массоном).
189. Мезолитическая стоянка Казанка близ Кривого Рога//Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 55—62: ил., карт.
190. Новые материалы по каменному веку Гвинеи//Сб. Музея антропологии, этнографии. 1975. Т. 31. С. 124—162: ил., карт.
191. Происхождение человека в свете новейших открытий//Вестн. АН СССР. 1975. № 3. С. 51—61: ил., карт.
192. Рец.: Успехи среднеазиатской археологии [Сб. ст.]. Вып. 1. Л., 1972//СА. 1975. № 1. С. 296.
193. Археология во Вьетнаме в наши дни//СА. 1977. № 4. С. 183—191: ил. Рез. фр.
194. Владислав Иосифович Равдоникас [Некролог]//ВИ. 1977. № 3. С. 217—218.
195. Возникновение человеческого общества//Палеолит мира. М. Т. 1. С. 11—42: ил., карт.
196. К спорам о прародине человечества//Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 7—10.
197. New data on the Stone Age of Guinée//West African J. Archaeol. 1978. V. 8. P. 51—74: ill. Рез. фр.
198. Some problems of the Paleolithic of South and Southeast Asia//Early Paleolithic in South and East Asia. P., 1978. P. 87—95.
199. Древнейшее прошлое человечества. Л.: Наука, 1979. 240 с.: ил., карт. Библиогр.: с. 222—231.
200. Мария Захаровна Паничкина [Некролог]//СА. 1979. № 1. С. 318—319 (совместно с В. П. Любиным).
201. Первые 30 лет Института археологии АН СССР//КСИА. 1980. Вып. 163. С. 5—10.
202. Результаты ознакомления специалистов с материалами В. Е. Ларичева//СА. 1981. № 4. С. 295 (совместно с З. А. Абрамовой и В. П. Любиным).
203. Энгельс и современная археологическая наука//Марксистско-ленинская философия и вопросы методологии истории и археологии: Тез. науч. конф. Ашхабад, 1981. С. 37—41.
204. Рец.: *Диков Н. Н.* Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы: Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1977//СА. 1981. № 1. С. 314—318 (совместно с Л. П. Хлобыстиным).
205. Рец.: *Диков Н. Н.* Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1979//СА. 1981. № 1. С. 314—318 (совместно с Л. П. Хлобыстиным).
206. Алексей Павлович Окладников [Некролог]//СА. 1982. № 3. С. 291—296.
207. Борщево 2//Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону: 1879—1979. Л., 1982. С. 217—222: ил. (совместно с Т. Н. Дмитриевой).
208. Костенки 2 (Стоянка Замятнина)//Палеолит Костенковско-Борщевского р-на на Дону: 1879—1979. Л., 1982. С. 67—72: ил. (совместно с Т. Н. Дмитриевой).
209. Костенки 19 (Стоянка Валукинского)//Палеолит Костенковско-Борщевского р-на на Дону: 1879—1979. Л., 1982. С. 190—197. ил (совместно с Н. Д. Прасловым).
210. Костенки 10 (Аносовка 1)//Палеолит Костенковско-Борщевского р-на на Дону: 1879—1979. Л., 1982. С. 113—116: ил. (совместно с Т. Н. Дмитриевой).
211. Костенки 17 (Спицынская стоянка)//Палеолит Костенковского-Борщевского р-на на Дону: 1879—1979. Л., 1982. С. 181—190: ил. (совместно с Н. Д. Прасловым и М. В. Аниковичем).
212. Палеолитические стоянки на территории городка Курска//Тез. докл. XI Междунар. конгр. ИНКВА. М., 1982. Ст. 3. С. 55—56.
213. К характеристике многослойной палеолитической стоянки Кульбулак//Обществ. науки Узбекистана. 1983. № 2. С. 34—36: ил. (совместно с З. А. Абрамовой).
214. Археология на Московском конгрессе ИНКВА//СА. 1984. № 2. С. 274—279 (совместно с В. П. Любиным).
215. Галечные орудия в палеолите Индокитая//Пробл. исслед. каменного века Евразии (К 100-летию открытия палеолита на Енисее): Тез. докл. Краевой конф. Красноярск, 1984. С. 44—46.
216. Археология и природная обстановка каменного века//XI Междунар. конгр. ИНКВА: Итоги и перспективы. М., 1985. С. 182—189.
217. Вопросы привлечения этнографических материалов для археологических реконструкций в свете высказываний К. Маркса//Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока 18. Ч. 1. М., 1985. С. 27—29.
218. Основные проблемы каменного века Юго-Восточной Азии//Археология зарубежной Азии (Материалы к симпоз. Совета молодых ученых ЛОИА). Л., 1985. С. 6—7.

219. Рец.: *Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А.* «Китовая аллея»: Древности островов пролива Сенявина. М., 1982//СА. 1985. № 3. С. 304—305.
220. Палеолитические стоянки на территории Курска//Бюл. Комис. по изуч. четвертичного периода. 1986. № 55. С. 64—81: ил.
221. Datation of Mount Do//Khảo Co' Hoc. 1987. № 2. P. 1—3. На вьетнам. яз. Рез. англ.
222. Древний каменный век Австралии, Тасмании и Новой Гвинеи//19-я науч. конф. по изуч. Австралии и Океании: Тез. докл. М., 1988. Ч. 2. С. 219—228.
223. Некоторые проблемы изучения позднепалеолитических жилищ//Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы: Тез. докл. сов.-фр. симпоз. Л., 1988. С. 20—23.
224. Палеолит и мезолит Юго-Восточной Азии//Очерки тихоокеанской археологии. Владивосток, 1988. С. 14—59: ил., карт.
225. Рец.: *Столяр А. Д.* Происхождение изобретательного искусства. М., 1985//СА. 1988. № 2. С. 281—282.
226. Критерии выделения позднепалеолитических историко-культурных областей (на примере степной зоны)//Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита: Тез. докл. Л., 1989. С. 24—27.
227. Некоторые вопросы изучения позднепалеолитических жилищ//Каменный век: памятники, методика, проблемы. Киев, 1989. С. 81—85.
228. Петр Петрович Ефименко: Воспоминания ученика//СА. 1989. № 3. С. 253—258.
229. Шлифованные каменные топоры в позднем палеолите Австралии: Тез. докл. М., 1989. С. 86—88.
230. Сергей Николаевич Бибиков и его время//Археологія. 1990. № 2. С. 98—106. На укр. яз.

ПАМЯТИ СЕРЖАНА МУСАТАЕВИЧА АХИНЖАНОВА (1939—1991)

16 августа 1991 г. внезапно оборвалась жизнь известного казахского археолога Сержана Мусатаевича Ахинжанова. Смерть настигла его во время полевого сезона, когда он находился в экспедиции в Джамбульской области.

Сержан Мусатаевич родился 3 сентября 1939 г. в Алма-Ате, в семье ученого — историка Мусатая Ахинжанова. В 1957 г. он поступил на исторический факультет Казахского университета, а в 1961 г. был переведен на кафедру археологии Московского государственного университета. В 1964 г. с отличием окончил МГУ и был принят в Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР. С самого начала научного пути его привлекала средневековая история и археология Казахстана.

В конце 1964 г. Сержан Мусатаевич поступил в аспирантуру ИИАЭ АН КазССР, где под руководством академика А. Х. Маргулана им было начато исследование по теме: «История кипчаков в IX—XIII вв.». После окончания аспирантуры он продолжил свою работу в отделе археологии ИИАЭ АН КазССР. В 1973 г. С. М. Ахинжанов успешно защитил кандидатскую диссертацию «Кипчаки и их политические взаимоотношения с Хорезмом в XI — начале XIII в.».

С. М. Ахинжанову был свойствен научный интерес к широкому кругу проблем истории и истории культуры древнего и средневекового Казахстана. Его перу принадлежит более 50 научных статей по малоизученным проблемам истории средневековых кочевников. Разработки по этой тематике были обобщены им в вышедшей в 1989 г. монографии «Кипчаки в истории средневекового Казахстана», получившей уже ряд положительных отзывов как в советской, так и в зарубежной печати.

С. М. Ахинжанов является соавтором коллективных монографий: «Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС» (Алма-Ата, 1987), «Охотничье-промысловая и животноводческая деятельность населения древнего Центрального Казахстана» (Алма-Ата, 1991). Для работ Сержана Мусатаевича характерна тщательность обработки исходных данных, широкий историко-культурный контекст рассмотрения конкретных проблем и вопросов, привлечение широкого круга разнообразных источников. С. М. Ахинжанов вполне осознавал, что категоричность суждений и заключений не есть достоинство живого научного знания, и всегда был открыт для аргументированных дискуссий и обсуждения научных проблем. При этом всегда старался быть предельно внимательным к точке зрения оппонентов.

В течение ряда лет С. М. Ахинжанов руководил лабораторией археологической технологии института. В этой должности он сумел сплотить сотрудников вокруг выполнения конкретных тем, создал действительно творческую обстановку в коллективе. Под его руководством сотрудниками лаборатории написана монография, посвященная зарождению и истории скотоводства на территории Казахстана. Книга находится в печати.

© Е. А. Смагулов, 1992 г.

Помимо работы, связанной с лабораторией, Сержан Мусатаевич, как опытный полевик-археолог, руководил экспедиционными работами в различных регионах Казахстана. В течение многих лет он возглавлял один из отрядов Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции. С 1982 по 1986 г. руководил работами Шульбинской экспедиции в Восточном Казахстане и Центральноказахстанской археологической экспедиции. В последние годы С. М. Ахинжанов являлся соруководителем первой в истории казахстанской археологии международной Казахско-Американской археолого-этнографической экспедиции. При этом он проявлял максимум профессионализма и такта при решении порой неординарных проблем.

Много усилий было приложено Сержаном Мусатаевичем для развития в Казахстане археологической кочевниковедческой медиевистики: подготовлены молодые специалисты, определены перспективы и сформулированы темы конкретных исследований. Смерть прервала творческий путь талантливого организатора и ученого. Казахстанская археология понесла невосполнимую утрату. От нас ушел хороший товарищ, добрый и интеллигентный человек.

Институт археологии
АН Республики Казахстан, Алма-Ата

Е. А. Смагулов

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал«Российская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. Объем рукописи не должен превышать 18—20 машинописных страниц и 8 иллюстраций; для раздела «Заметки» — не более 5 страниц и не более 3 иллюстраций.

2. Статья должна быть напечатана на машинке с четким, контрастным шрифтом, через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не принимаются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

3. Все знаки, которые не могут быть напечатаны на машинке, должны быть вписаны в текст от руки, черными чернилами (пастой, тушью), отчетливо в единой системе написания. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписан, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию. Греческие буквы нужно подчеркивать красным карандашом. Знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе для изготовления клише.

4. Иллюстрации следует представлять в пригодном для воспроизведения виде. Размер авторских оригиналов иллюстраций должен быть в полтора — два раза больше размера иллюстраций в журнале. Рисунки представляются вычерченными тушью на ватмане или кальке, а также в виде четких фоторепродукций. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подписи. Эскизы карт должны быть выполнены непосредственно на картах, изданных ГУГК, либо на фотокопиях с них (не на самодельных ручных выкопировках). Фотографии должны быть представлены в двух экземплярах, контрастные, на белой глянцевой бумаге, хорошо проработанные в деталях. Все необходимые на фотографиях обозначения и пояснения следует делать только на втором экземпляре. Первый экземпляр фотографий не должен иметь никаких дефектов: пятен, надписей, изломов, следов от скрепок, трещин и т. д. Наклеивать фотографии на бумагу или картон не разрешается. На авторских оригиналах иллюстраций с неясной ориентацией необходимо написать «верх» или «низ».

Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. На обороте каждой иллюстрации мягким карандашом следует написать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. В рукописи на левом поле, в прямоугольнике должны быть указаны номера иллюстраций и таблиц напротив тех мест текста, где желательно их напечатать в издании. Подписи к иллюстрациям прилагаются на отдельном листе, где указываются фамилия автора и заглавие статьи. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках.

5. Таблицы, напечатанные на отдельных страницах, подкладываются по тексту при первом упоминании о них. Они должны иметь тематический заголовок и номер. Текст заголовков в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений. Диагональные линейки в головке не допускаются. Колонки должны отделяться вертикальными линиями и нумероваться только в тех случаях, когда на них даются ссылки в тексте (но не для замены головки при переходе таблицы не следующую страницу).

6. Текстовые пояснения даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: 1, 2, ...

7. Пронумерованный список использованной литературы (не в алфавитном порядке, а в порядке упоминания в тексте) дается в конце статьи на отдельной странице. Библиография оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1 — 84 «Библиографическое описание документа. Общие требования и правила составления». Для книг указываются фамилии и инициалы авторов, название книги, город, издательство, год издания; для статей, опубликованных в журналах и продолжающихся изданиях (типа КСИА, МИА, Тр. ГИМ),— фамилии и инициалы всех авторов, название статьи, название журнала (издания), год издания, том, номер (выпуск); для архивных материалов — фамилии и инициалы авторов, заглавие, местонахождение документа (наименование архива, номер и название фонда, номера описи, дела). Источником библиографического описания является титульный лист издания. Порядок оформления ссылок см. СА, 1990, № 2.

В тексте в квадратных скобках указывается порядковый номер библиографической ссылки и страница, если она необходима: [5, с. 80]. Для литературы на иностранных языках — том, рисунок, таблица и страница указываются на русском языке: т., рис., табл., с. При ссылке на рисунок позиция отмечается волнистой чертой: [8, рис. 5, 1, 2].

В тексте и списке литературы следует использовать только общепринятые сокращения, список которых публикуется в журнале.

8. Ссылки на оригинальные работы древних авторов (Herod., Plin. и т. д.) даются в тексте статьи и в список цитированной литературы не вносятся. Если используются переводные источники, они упоминаются, как обычно, в списке литературы с указанием переводчика.

9. К статье следует приложить список сокращений и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5—1 страница машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением.

10. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть тщательно проверен и подписан автором с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового адреса, места работы, телефонов и даты отправления. При наличии нескольких авторов статья подписывается всеми авторами.

11. Статьи, отправленные авторами для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

12. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Ленинград
ВА — Вопросы антропологии
ВАНУРСР — Вісник Академії наук Української Радянської Соціалістичної Республіки. Київ
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры
ГИМ — Гос. исторический музей, Москва
ГМИИ — Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва
ГЭ — Гос. Эрмитаж. Ленинград
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.— Пг.
ЗРАО — Записки русского археологического общества. СПб.— Пг.
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия Гос. Российской археологической комиссии. СПб.— Пг.
ИСОАН — Известия Сибирского отделения АН СССР
ИЭ — Институт этнографии АН СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАР — Материалы по археологии России. СПб.— Пг.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград
НА ИА АН СССР — Научный архив Института археологии АН УССР
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК — Отчет археологической комиссии. СПб.— Пг.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников. Москва, Ленинград
СКНЦВШ — Северо-Кавказский научный центр высшей школы. Ростов-на-Дону
СЭ — Советская этнография
УЗ КИПЦДСВ — Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. М., Л.
ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей Российских при Московском университете
AA — American Anthropologist
AH — Archaeologia Hungarica. Budapest
AJA — American J. of Archaeology. New York
AM — Mitteilungen des Deutschen Archaologischen Instituts. Athenische Abteilung
AmA — American Antiquity. Menasha; Solt Lake City
AP — Archeologia Polski. Warszawa

AR — British Archaeological Reports. Oxford
BCH — Bulletin de correspondance hellenique. Paris
CAn — Current Anthropology
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua Helsinki
CGE — Les ceramiques de la Crece de l'Est et leur diffusion en Occident. Paris-Naples, 1978
IOSPE — Inscriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini
JHS — J. of Hellentic Studies. London
MSW — Materialy staroz'ytne i wczeshosredniowieczhe
PZ — Praehistorische Zeitschrift. Berlin, Leipzig
RA — Revue archeologique. Paris
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart

КОМПЬЮТЕРНАЯ ПРОГРАММА СТАТИСТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ КЕРАМИКИ

Анализ и сравнение любой керамики на машинах, совместимых с IBM PC. Позволяет систематизировать, сравнивать и сохранять информацию о керамике неограниченного количества комплексов. Очень проста в обращении. По желанию заказчика снабжается любой статистической операцией, разделами для химического и петрографического анализов, графической реконструкцией форм сосудов.

Если Вам некогда работать с компьютером, мы сделаем все сами. Любые виды математической обработки Вашего материала. Статистический анализ и формализация всех видов археологической информации.

Разработка компьютерных программ по Вашим заказам.

А д р е с: 348051 г. Луганск, кв. Якира, д. 3, кв. 316. Ветров Виктор Сергеевич. Телефон для справок 47-96-56.

К ЧИТАТЕЛЯМ И ПОДПИСЧИКАМ ЖУРНАЛА

Редколлегия и редакция журнала извещают археологов, специалистов по древней истории и любителей старины, что подписка на журнал «Российская археология» принимается всеми почтовыми отделениями страны с любого номера.

ЦЕНА ОДНОГО НОМЕРА — 16 руб.
ИНДЕКС ЖУРНАЛА — 70822.

В 1993 году журнал традиционно предоставит в Ваше распоряжение работы археологов, исследующих древности Евразии, Америки и других континентов: обобщающие статьи по хронологии, типологии предметов, истории культур, отдельным памятникам. Будет отведено место и публикациям древностей. В разделе дискуссий намечено продолжение полемики по проблемам раннескифской хронологии, а также обсуждение одного из «вечных вопросов» археологии — проблемы погребального обряда, его структуры, содержания и методов исследования.

История науки обогатится вновь найденными или подготовленными к печати работами известных ученых XIX—XX вв.— Д. Я. Самоквасова, А. К. Амброза и других.

В журнале появятся разделы, связанные с бурно развивающимся изучением культовых древностей и архитектуры; будут опубликованы статьи Л. В. Алексеева о кресте Евфросинии Полоцкой, Т. А. Бобровского о древнерусских пещерных монастырях и многое другое.

Современным методом — созданию и эксплуатации компьютеризованных банков археологической информации — посвящены статьи Г. Е. Афанасьева и Г. Ф. Никитиной.

Редколлегия и редакция

Адрес редакции:

117036, Москва ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Рудницкая А. В.*

Сдано в набор 17.04.92. Подписано к печати 18.06.92. Формат бумаги 70×100$^{1}/_{16}$
Офсетная печать. Усл. печ. л. 24,7. Усл. кр. отт. 66,6 тыс. Уч.-изд. л. 32,0. Бум. л. 9,5
Тираж 2670 экз. Зак. 2741. Цена 3 р. 60 к.

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер. 6.